
ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ
Василий ГОЛОВАЧЕВ
Василий ГОЛОВАЧЕВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Том 8

СМЕРШ-2

РОМАН

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ

ПОВЕСТЬ

ХРОНОВЫВЕРТ

ПОВЕСТЬ

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1995

ББК 84. Р7
Г 61

Художник С. Б. Соколов

Головачев В.

Г 61 Избранные произведения. Т. 8. СМЕРШ-2. Утечка информации. Хроновыверт: Фантастические роман и повести. — Нижний Новгород: Флокс, 1995. — 458 с.: ил.

ISBN 5-87198-078-3

В данный том Избранных произведений известного отечественного писателя Василия Головачева вошел новый роман «СМЕРШ-2» и его ранние произведения: фантастические повести «Утечка информации» и «Хроновыверт». В романе действие происходит в наши дни с теми людьми, которые, казалось бы, являются обыкновенными нашими современниками. Но вступают они в борьбу с неземными, космическими силами и сами становятся на грань сверхчеловеческих деяний, когда один человек способен бороться с целыми кланами мафии. Убийствам, государственным преступлениям высокопоставленных лиц, похищениям заложниц, борьбе кланов мафии противопоставляются героические поступки и благородные устремления молодого поколения контрразведчиков.

Повести рассказывают о научном поиске и захватывающих приключениях ученых-космонавтов в 22-23 веках.

Г $\frac{4702010201\text{-}003}{Д\ 40(03)\text{-}95}$ без объявл. ББК 84. Р7

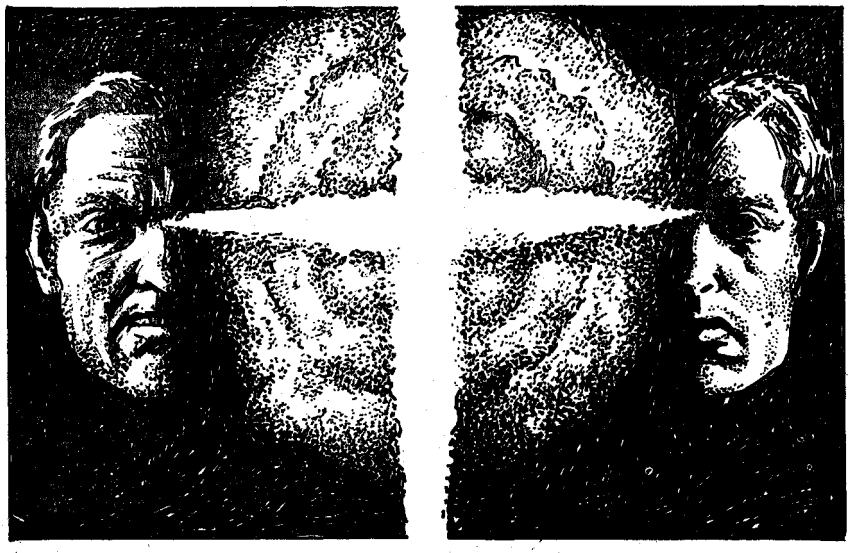
ISBN 5-87198-078-3

© Составление, оформление. Издательство «Флокс». 1995

СМЕРШ-2

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

СУД И КАЗНЬ

Поздно вечером прокурор муниципального округа Бескудниково Бурлаков Вадим Сергеевич возвращался домой на служебной машине в сопровождении телохранителя, боксера-тяжеловеса. Думал он не о делах, а о теще, обстановке дома, о войне с женой, ударившейся по молодости в любовный разгул, и лицо его, и без того кислое, обрюзгшее, тяжелое, стало еще мрачней.

— Притормози, — бросил он шоферу, когда «Волга» пересекала мост через Москва-реку. Вылез из кабины, переваливаясь, подошел к перилам и долго смотрел вниз, как в пропасть. А когда решил вернуться — телохранитель терпеливо маялся неподалеку, — проходившая мимо парочка влюбленных вдруг в одно мгновение скрутила телохранителя (под сто килограммов веса), нокаутировала шофера и оказалась рядом с Бурлаковым, успевшим только два раза хлопнуть глазами.

— Это тебе привет из «чистилища». — Девушка в полумаске сунула в карман прокурорского пиджака листок белой бумаги с тисненым в углу золотым кинжальчиком, рукоять которого образовывали буквы СК. — Тебя предупреждали.

— К-кто в-вы?

— Судьи и палачи.

— Н-но... м-м-не... — проблеял прокурор, пытаясь вытащить штатное оружие, о котором только что вспомнил.

В то же мгновение руки его были связаны за спиной, а сам он головой вниз полетел в глубокую темень под мостом. Раздался тяжелый всплеск...

Все произошло так быстро, что проезжавшие мимо водители и пассажиры автомашин ничего толком не разглядели и не поняли. Влюбленная парочка продолжала неторопливо брести через мост, пока ее не подобрал темный, как ночь, «Понтиак».

Полковник милиции Пиворыкин Ефрем Гаврилович отпустил персональную «Волгу» в десятом часу вечера, ответил кивком на взмах руки провожавшего его сотрудника и направился к дому на площади Туманяна, где «ютился» в четырехкомнатной квартире с женой и собакой. Сын, восемнадцатилетний балбес, начал жить отдельно, и полковник было вздохнул с облегчением: надоели вечные компании сына, постоянные тусовки и грохот магнитофона. Неделю назад сын влип в историю с изнасилованием, пришлось искать пути спасения мундира. Хорошо, что дело попало прокурору Бурлакову, бывшему сослуживцу, который был ему должен, иначе дело приняло бы дурной поворот, и все же Пиворыкину было не по себе. Не из-за того, что пострадал невинный человек — в изнасиловании обвинили шестнадцатилетнего парня, соученика пострадавшей, — а по причине сугубо прозаической, меркантильной: прокурор напомнил, что вся эта каша тянет на десять тысяч «зеленых», причем — только лично ему, Бурлакову Вадиму Сергеевичу, а надо было еще учесть и судей...

— Скоты! — в сердцах произнес Пиворыкин и подпрыгнул от неожиданно раздавшегося рядом голоса:

— Зачем же так, начальник?

Рука полковника метнулась к заплечной кобуре — был он еще не стар и хорошо тренирован, — но обладатель голоса действовал быстрее. От удара по голове полковник крутанулся юлой и свалился в кусты.

Еще один удар, в поясницу, заставил Пиворыкина ойкнуть от боли, и, хотя он успел достать пистолет, все же от нового удара по ребрам потерял сознание. Остальные удары он уже не чувствовал. Его мучитель закончил избиение, достал из кармана квадратик белого картона с печаткой в виде кинжала и аккуратно засунул полковнику в карман кителя.

Судья Бескудниковского муниципального суда Охрименко Дмитрий Янович смотрел телевизор, когда в дверь позвонили.

— Кто? — сердитым шепотом спросил хозяин, чтобы не разбудить жену.

— Сосед снизу, — отозвался дискант из-за двери. — У вас туалет не течет? А то у меня все залило.

Охрименко пожал плечами, осмотрел туалет, течи не нашел и открыл дверь:

— Посмотрите сами, у меня су... — договорить ему не дали: за-

ткнули рот, заломили руку и бесшумно внесли на кухню, закрыв за собой дверь.

— Тебя предупреждали, — сказал обладатель дисканта, мужчина в маске, одетый в спортивный костюм, как и его напарник. — Не можешь работать на совесть, работай за страх.

Точным ударом ножа он отхватил фалангу указательного пальца судьи, и оба неизвестных исчезли, будто их и не было. Лишь тогда Дмитрий Янович почувствовал боль — и ужас! — и закричал...

ВЕКТОР СМЫСЛА

Это письмо пришло в окружную прокуратуру вечером и попало на стол Жарову невскрытым, потому что на нем красовалась надпись: «Ст. следователю Жарову С.Н., лично». Вместо обратного адреса на конверте сияла изящная печать — кинжал с рукоятью в форме букв: СК.

Хмыкнув, главный следователь прокуратуры вскрыл конверт и развернул листок дорогой, с водяными знаками, бумаги, в уголке которого стояла та же печать, тисненая золотом. Текст письма был строг и лаконичен: «Настоятельно рекомендуем дело № 191271175 довести до суда. В противном случае вы будете устранены физически. Настоящее предупреждение — первое и последнее». Перечитав последние еще раз, Жаров задумчиво походил по кабинету, посасывая пустой мундштук: курить он бросил давно, однако привычка держать трубку во рту осталась.

Дело, о котором шла речь, заключалось в следующем. Два месяца назад сотрудники ОРБ — оперативно-розыскного бюро Нагатинской префектуры Москвы накрыли банду рэкетиров в количестве одиннадцати человек, возглавляемую, как оказалось, сыном Суркова, одного из депутатов Государственной Думы России. При задержании было изъято пять «стволов» с патронами, двадцать ножей, обрез, баллончики с газом, наручники, кастеты, крупная сумма долларов, видеоаппаратура, украшения из золота и драгоценных камней. Собранные доказательства «железобетонно» свидетельствовали о многогранной деятельности банды, в том числе особенно тяжкой — в грабежах и убийствах коммерсантов. Но вмешались некие силы, и после звонка прокурора Филина делопроизводство было прекращено «за недостаточностью улик». Бандиты отделались символическими сроками, их главарь Сурков — легким испугом. Финита.

Жаров достал из сейфа коньяк, налил треть стакана, залпом выпил и сел к телефону. Номер, который он набрал, принадлежал прокурору Филину:

— Ефим Палыч, Жаров говорит. Я тут письмо любопытное получил.

— С печатью в форме кинжала? Я тоже. Ты что-нибудь слышал об этом?

— Да так... ходят слухи, что такие письма уже получал кто-то из наших. И закончилось это весьма печально.

— Заходи, поговорим.

Спустя полчаса после разговора со следователем прокурор набрал хорошо известный ему номер:

— Константин Викентьевич, они добрались и до меня, «рекомендуют» закончить дело по сынку депутата Суркова. Что делать?

— Работай,— раздался в трубке хрипловатый бас.— Что за паника?

— Это не паника, ты уже знаешь, чем заканчиваются подобные «рекомендации». Может быть, вернуть дело Жарову на доследование, пока не поздно?

— Я займусь этим вопросом. Вечером встретимся у меня, помозгуем.

Обладатель хриплого баса, громадный, широкий, тучный (про таких говорят — сам себя поперек шире), с неожиданно маленькой головой, украшенной плешью, бросил трубку на рычаг, побарабанил пальцами по столу размером с биллиардный и нажал клавишу интеркома:

— Семен Гаврилович, разрешите зайти? Надо обмозговать одну проблемку.

— Через пять минут, — ответил интерком после паузы. Хозяин кабинета выпростался из кресла, сделанного по специальному заказу, грузно походил из угла в угол, вдоль стеклянных шкафов с коллекцией огнестрельного оружия. Открыл один из них, взял с бархатной подушки старинный кремневый пистолет, задумчиво повертел его в руках. Потом со вздохом положил обратно, достал из сейфа красную папку с тремя нулями* и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь с табличкой: «Нач. Глав. следственного управления генпрокуратуры».

Генеральный прокурор Чураго Семен Гаврилович ждал его, стоя у окна со сложенными на груди руками: невысокий и немолодой, с круглым лицом и черными глазами навыкате, в которых тлел огонек угрозы. Он обернулся на стук двери, кивнул заместителю на стул, сел сам.

— Слушаю, Константин Викентьевич.

— «Конкуренты» сделали новый ход.

Генеральный прокурор нахмурился, посмотрел на папку в руке главного следователя.

---

* Гриф секретности первой степени.

— Что случилось?

— «Стопкрим» начал охоту за прокуратурой Нагатинского округа.

— Кто на этот раз?

— Прокурор Филин и старший следователь Жаров. От них потребовали закончить дело Суркова, депутатского сынка.

— Сурков не только депутат ФС, он еще военный советник, со всеми вытекающими...

— Мы было замяли скандал, но «Стопкрим» жаждет крови. А вы, наверное, уже знаете, чем заканчиваются подобные предупреждения.

Чураго кивнул.

Объявив беспощадную войну криминогенным структурам, присвоив себе право карать преступников всех мастей без суда и следствия, «Стопкрим» начал с того, что очистил рынки Москвы от рэкетиров. Затем то же самое повторил с целым муниципальным округом столицы — Раменки. Действовала эта организация весьма умело и жестко, не сделав ни одной ошибки. Молодежные банды, привыкшие действовать напролом, нагло и жестоко, столкнулись не с дилетантами, а с профессионалами розыска и рукопашного боя, мастерами единоборств, противопоставившими им еще большую организованность, силу и жестокость. И рэкетиры, на своей шкуре почувствовавшие, что такое беспредел — били их смертным боем! — вынуждены были сменить район «работы».

Но «Стопкрим» на этом не остановился.

За две недели он уничтожил местную группировку мафиози, контролирующую автовокзал, казино и торговую сеть в Раменках, — уничтожил в прямом смысле этого слова: «семья» потеряла все руководство и половину состава! — а затем принялся за государственные структуры, скоррумпированные снизу доверху. За последующие полгода предупреждения получили почти все чиновники районной администрации, руководитель исполкома был убит (удар в горло), многие руководители рангом пониже стали калеками и покинули посты, а затем наступила очередь прокуратуры, судов и органов милиции.

Первой пострадала прокуратура Тушинского муниципального округа столицы.

В мае прошлого года произошла история с изнасилованием тринадцатилетнего мальчика, едва не закончившаяся трагически: от боли и унижения мальчик лишился речи, и его с трудом вылечили. Насильника вычислили и взяли, им оказался двадцатилетний студент медицинского института, сын бывшего заместителя министра иностранных дел Козырина. Но уже через неделю его выпустили. Старший следователь прокуратуры Ивлиев, который вел дело, закрыл его «из-за отсутствия улик».

«Стопкрим» посоветовал прокурору округа разобраться с этим эпизодом, а когда тот не внял, последовало наказание: старшего следователя сбила машина, а прокурор был жестоко, до внутренних кровоизлияний, избит неизвестными лицами. Дело вернули на доследование, и насильника осудили на семь лет.

Второй случай был почти точной противоположностью первого. Шестнадцатилетнего парня обвинили в изнасиловании одноклассницы, несмотря на очевидные подтасовки фактов.

«Стопкрим» предупредил прокурора округа о возможных последствиях, предоставив необходимые доказательства. Но поскольку пришлось бы в результате следствия осудить настоящего виновника изнасилования — сына полковника милиции, прокурор проигнорировал предупреждение, как и судьи. Последствия этого решения были трагичны: прокурор утонул, судья лишился указательного пальца, а полковник милиции был избит до потери сознания. Его сын, испуганный до заикания, сам прибежал в милицию и сознался во всем.

О том, что делает «Стопкрим» и по каким причинам, журналисты узнавали из первых рук: им звонили тотчас же после операции сотрудники информационной службы этой организации.

О деятельности «Стопкрима» или «чистилища», как говорили в народе, организации «суровой, но справедливой», заговорили вслух. Большинство, доведенное беспределом преступности до отчаяния, открыто одобряло эту деятельность, а для чиновничьей рати, опиравшейся на с и с т е м у, культивируемую извращенным демрежимом, которую представлял госаппарат, практически сросшийся с организованной преступностью, настали плохие времена.

За «чистильщиками» из «Стопкрима», начавшего войну с преступностью, но при этом явно попиравшего закон, началась настоящая охота. К мафии и «ворам в законе» присоединились и силы милиции, угрозыск, генпрокуратура, управления по борьбе с организованной преступностью и даже федеральная контрразведка. Но «Стопкрим» не оставлял следов и не совершил ни одной ошибки, позволившей бы следователям зацепиться и выйти хотя бы на исполнителей, не говоря уже о руководстве, что говорило о высокой информационной и оперативной защищенности организации, не уступавшей защищенности даже таких мощных контор, как ФСК или контрразведка Министерства обороны.

Генеральный прокурор очнулся, глубоко вздохнул, хрустнул пальцами и кивнул на красную папку на столе.

— Пока мы ничего не можем им противопоставить. Надо менять подходы, искать нетрадиционные методы, привлечь науку. Стратегия работы с такой организацией, как «чистилище», должна быть недетерминированной. Вы в шахматы не играете, Константин Викентьевич? Хороший игрок искусно вводит в игру элемент случай-

ности, сбивающий противника с толку. Вам надо попробовать копнуть в этом направлении. Есть соображения?

Начальник следственного управления потер лопатообразной ладонью подбородок, шею, загривок.

— Надо выйти на руководителя...

Чураго усмехнулся.

— Каким образом? Кстати, я считаю, что один человек не может управлять такой гибкой, с эшелонированным прикрытием, организацией.

— У них должен быть доступ к информационным каналам всех тревожных и спецслужб, включая нас, контрразведку и ГУБО.

— А это означает, что кроме компьютерной связи, они имеют осведомителей, причем достаточно высокого уровня. Я уже сориентировал министра внутренних дел, он бросит на «чистилище» весь МУР. А тебе, Константин Викентьевич, необходимо начать свое расследование. Во что бы то ни стало «Стопкрим» надо остановить! Иначе...

— Понял.

— Вот и ладушки. Ищи контакт и готовь план следствия. Кстати, все «чистильщики», судя по их стилю силового давления, должны быть бывшими сотрудниками спецназа или внутренних войск.

— Проработаем и эту версию. Как только появятся результаты, я доложу. А что делать с Жаровым?

— Ничего. Если умный — уйдет в отставку или сделает то, что требует «чистилище». Слава аллаху, «чистильщики» не раскручивают связи намечаемых жертв, они идут прямо к цели, так что пока можешь спать спокойно.

— Но я все-таки наметил меры превентивного характера, на тот случай, если...

Генеральный прокурор поднял на Рудакова холодные глаза.

— Если и нам принесут письма «Стопкрима»? Вряд ли против этого существует противоядие. Но... почему бы и не попробовать?

Начальник следственного управления кивнул и вышел, прихватив папку, которую генеральный даже не открыл.

Директор ФСК — Федеральной службы контрразведки — Панов Иван Сергеевич закончил телефонный разговор и глянул на гостя, рассматривающего кабинет с портретом Суворова над столом.

Начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБО) генерал Медведь Михаил Юрьевич напоминал добродушного стареющего сенбернара. Но добродушен он был только с виду. На должность начальника ГУБО Медведь был назначен указом президента, проработав в Министерстве внутренних дел более двадцати лет. За последние три года он поднялся по служеб-

ной лестнице: по званию — от полковника до генерал-лейтенанта и по должности — от заместителя начальника окружного угрозыска до начальника ОРБ, что говорило не только о его профессионализме, но и тонком знании кухни МВД.

Заметив, что директор закончил телефонный разговор и смотрит на него, Михаил Юрьевич ответил на взгляд понимающей усмешкой. Он знал Панова давно, лет тридцать, еще со студенческой скамьи — оба заканчивали МАИ, но инженерами так и не стали. Панов, по натуре спортсмен и романтик, после окончания службы в армии по контракту остался служить (зенитно-ракетные войска ПВО страны) и прошел путь от командира батареи до комполка. Был замечен и приглашен для работы в КГБ, закончил МГИМО, блестяще владея английским, проработал за рубежом десять лет, благополучно пережил встряски режима в России, и, наконец, достиг той высоты, к которой стремился. Президента и личный состав Федеральной контрразведки он «взял» высокими моральными устоями, блестящим послужным списком и глубоким уважением к профессионалам.

Начальник ГУБО заметил новые морщины на моложавом лице директора и кивнул сам себе: годы и вообще-то не щадили таких людей, а работа в контрразведке и подавно.

— Лысый скоро будешь, — проворчал Михаил Юрьевич.

Панов улыбнулся: оба давно потеряли остатки шевелюры и сверкали лысинами на полчерепа. Но если начальника ГУБО лысина превратила — вкупе с бакенбардами — в отставного боцмана, то Панов не потерял ни грана мужской привлекательности: высокий лоб лишь подчеркивал ум и силу этого человека. Заметив взгляд директора ФСК на часы, Медведь заторопился:

— Я за помощью, Иван Сергеевич. Мои проблемы ты знаешь, хотя я и решаю их сам, но в последнее время наметился ряд оперативных неудач управления, списывать которые на неопытность сотрудников я не могу. Кто-то в моем аппарате работает на...

— Купол, — закончил Панов.

Медведь кивнул. Куполом они называли структуру, в которую срослись мафия и государственные институты от милиции и прокуратуры до среднего и высшего звена управленческих кадров правительства.

— Тогда у нас две напасти, как у классика.

Медведь смотрел не понимая, и Панов добавил:

— По Гиляровскому, «в России две напасти: внизу власть тьмы, вверху — тьма власти». Наши же с тобой напасти — Купол и «Стопкрим».

— Да, «чистилище», пожалуй, тоже можно отнести к напасти, хотя оно, похоже, и замахивается на Купол. Их в нашу бригаду — цены б управлению не было!

— Ты сам в это не веришь, Михаил Юрьевич. «Стопкрим» не опирается на такие организации, как прокуратура и суд, именно поэтому он так эффективен. Так что за проблема привела тебя в мою обитель?

— Мне нужен независимый агент высокого класса типа «супер» или «волкодав».

— Для выяснения, кто работает на Купол. — Панов не спрашивал, а утверждал. — Специалистов такого класса мало. У меня они, конечно, есть почти во всех подразделениях, но все в деле.

— Я так и думал, но помочь можешь только ты. Если же нет — буду думать дальше. — Медведь поднялся. — Извини, времени в обрез.

— Погоди. — Панов тоже встал и оказался на голову выше собеседника. — Закуришь?

Медведь отказался, и директор федеральной контрразведки, одетый в отлично сшитый костюм в серую полоску, прошелся по кабинету, закурив «Эмерджензи».

— Ты кого-нибудь из «СМЕРШа»* знаешь?

— «СМЕРШ»? Ты имеешь в виду военную контрразведку? — Начальник ГУБО оживился. — Я знаком только с Ивакиным, да и то шапочно. — У Ивакина есть спецы не хуже наших, но не думаю, что они перегружены работой. Борю Ивакина я знаю с пеленок, он пришел в «СМЕРШ» недавно, но уже поднялся до замначальника. Однако с какой стати он станет рисковать своим агентом?

Панов ответил не сразу.

— Во-первых, он мой зять, чтобы ты знал, во-вторых, его начальник, Дикой Валя — бывший мой подчиненный, а в-третьих, мы начинаем сотрудничество в расследовании утечки новейшего стрелкового вооружения из «Арсенала».

— Я ничего не слышал. Впрочем, военка нас никогда не баловала свежей информацией. — Медведь протянул руку директору ФСК. Тот пожал ее с понимающей усмешкой.

— Только придется тебе, дорогой Михаил Юрьевич, ставить задачу агенту лично. Такие кадры засвечивать нельзя.

— Ну, это-то я знаю. До встречи, Иван Сергеевич. Буду держать тебя в курсе событий. В конце концов, Бог даст, выйдем и на «чистилище», и на «ад», то бишь Купол.

Генерал вышел. Директор контрразведки смотрел на закрывшуюся дверь, и по лицу его бродили тени.

Полковник Борис Иванович Ивакин был похож на викинга — и обликом, и характером. В контрразведке Министерства обороны, которую все за глаза прозвали «СМЕРШ-2», он был вторым человеком —

---

* СМЕРШ — «смерть шпионам», подразделение военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны *(здесь и далее прим. автора)*.

после начальника ВКР Дикого — от которого зависело многое, если не все, в слаженной работе управления. Во всяком случае, именно он подбирал кадры для ВКР, хорошо зная контингент училищ спецназа и академий генштаба, готовивших специалистов высокого класса.

Выслушав просьбу Ивана Сергеевича Панова, директора Федеральной службы контрразведки, а также своего тестя, он не сказал ни «да», ни «нет», пообещав подумать, хотя решение принял сразу. Панова он уважал, как за профессионализм, так и за человеческие качества, но не знал, согласится ли работать на ГУБО тот, кого он наметил для проведения своей операции и уже вызвал в Москву. Агенты этого класса действовали всегда индивидуально и не всегда соглашались участвовать в операции, если считали ее не заслуживающей их внимания. Зато привлечение любого из них почти стопроцентно гарантировало успех.

Обдумав идею Панова, взвесив все «за» и «против», Ивакин назначил на вечер аудиенцию прибывшему из Рязани агенту и отправился на доклад к «главконтре», как все сотрудники ВКР называли его начальника, генерала Дикого. Полковник в принципе мог обойтись и без санкции начальника, но в данном случае не хотел действовать наобум, без тщательного анализа предлагаемой игры.

Генерал Валентин Анатольевич Дикой пришел на должность начальника военной контрразведки Министерства обороны с должности заместителя начальника штабов того же министерства, показав себя блестящим аналитиком и безупречным тактиком. Шел ему всего лишь тридцать первый год, но его опыту и уму, а больше всего — волевому характеру могли позавидовать и вдвое старшие специалисты. На вид худой, нескладный, с узким лицом, на котором выделялись по-детски пухлые губы, он выглядел законченным интеллигентом, смущенным своими успехами на высоком посту, но те, кто работал с ним раньше, знали его как великолепного бойца, мастера кунгфу, способного постоять за себя, а также отличного стратега, обладающего даром предвидения.

— Мне позвонил Панов, — сказал Ивакин, усевшись с другой стороны стола генерала, на котором стояли два дисплея оперативного компьютера и были аккуратно разложены бумаги, карандаши, дискеты, ручки.— Просит помочь.

Начальник «СМЕРШа» понял, о каком Панове идет речь, но лишь приподнял бровь, ожидая продолжения. Потом все-таки спросил:

— Что у них случилось? Уж не сработал ли «Стопкрим»?

Ивакин внимательно посмотрел в глаза Дикого. Иногда ему казалось, что генерал читает его мысли.

— И да, и нет. С одной стороны — да, «чистильщики» вышли на прокуратуру Нагатинской префектуры, а прокурор Жаров — друг Рудакова, начальника главного следственного управления генпроку-

ратуры. С другой стороны — это не главное. Начальник ГУБО просил помощи у Панова, подозревая у себя «глаза и уши» Купола.

Полковник ввел генерала в курс дела и выжидательно замолчал.

Дикой не задал ни одного вопроса, молча выслушал заместителя, потом включил компьютер и набрал запрос на вход в сеть МВД. Через минуту пришел ответ, генерал прочитал его, вздернув бровь, откинулся в кресле, засунув ладони подмышки; он сидел в одной рубашке, без галстука, открыв грудь, хотя в кабинете работал кондиционер и от окна тянуло прохладой.

— У Жарова-то рыльце в пушку, а? Иначе он обратился бы не к Рудакову, а к «фискалам»*. Но почему Панов решил, что мы занимаемся не только узкопрофессиональными делами, связанными с военными объектами? Откуда ФСК знает, кто есть ху в Минобороны?

Ивакин почесал кончик носа.

— Наверное, «фискалы» работают не хуже, чем мы.

— Хороший ответ. И все-таки, Борис Иванович, вы решили им помочь, так? Почему?

Ивакин не удивился прозорливости Дикого, сам будучи неплохим психологом. И все же быстрота, с какой генерал схватывал суть проблемы, граничила с мистикой.

— Потому что Купол, как и «Стопкрим», не остановится на достигнутом. Если дать им волю, скоро они доберутся и до руководства ФСК и до Минобороны, и до Президента. И тогда «командовать парадом» в стране будут только эти две силы. Хотелось бы принять кое-какие превентивные меры. Хотя я лично «чистильщиков» понимаю: нынешнее положение в верхних эшелонах власти терпеть дольше нельзя, тем более, что даже силовые министерства скоррумпированы сверху донизу.

— Вы правы, — задумчиво проговорил Дикой. — Но я даю «добро» не только из-за этого. Нынешнее положение в стране — это унижение великой державы, великого народа, и что более всего ужасно — уничтожение его творческого и духовного потенциала. Хотя голосующий за демократов «гегемон» абсолютно не понимает, какая это трагедия. Извините за сентенцию. Итак, что мы знаем о Куполе?

— Почти «зеро» информации.

— А о «чистилище»?

— Столько же, если не меньше. Это организация типа «инвизиблмэн» с мощной эшелонированной подстраховкой. Судя по почерку, дилетантов в ее рядах нет. Скорее всего работают на нее бывшие спецы УВД, ФСК и внешней разведки — в качестве аналитиков, тактических руководителей, инструкторов, ну, а исполнители — профи рукопашного боя.

---

* Шутливое прозвище сотрудников ФСК.

Ивакин не знал, что повторил рассуждения на эту тему генерального прокурора.

— Стратегическое же управление осуществляется теневым кабинетом, скажем, из пяти-семи человек, вхожих в высшие структуры государственной власти.

— Союз семи рыжих... — пробормотал генерал, виновато сморщился. — Шутка. Извините, что перебил. Самое плохое, что «чистильщики» пользуются одобрением масс, а это немаловажный психологический фактор. Им будут помогать, несмотря на давление представителей закона, потому что создан прецедент: зло н а к а з у е м о, и наказуемо неотвратимо, скоро, без судебно-юридической волокиты. Конечно, деятельность «Стопкрима» раздута прессой, но в народе крепнет уверенность, что такие болезни, как разгул преступности и коррупция, лечатся только смертью. — Валентин Анатольевич помолчал. — Иногда в это хочется верить и самому.

Теперь замолчали оба. Ивакин с разрешения Дикого закурил.

— К сожалению, жизнь убеждает, что человека не переделаешь. Вряд ли его агрессивность и эгоизм излечимы. Как говорится: как волка не корми, а он все равно в лес смотрит.

— Существует мнение, что человек — имаго, куколка того существа, которое из него в конце концов вылупится. И будет это существо изначально добрым и умным.

— И в это хотелось бы верить, — слабо улыбнулся Валентин Анатольевич. — Но к делу. Как вы собираетесь помогать Медведю?

— Для операции «Утечка» я вызвал ганфайтера-перехватчика. — Ивакин помассировал подбородок, смял окурок в пепельнице. — Он три года находился на «грунте». Класс — «абсолют».

— У нас несколько перехватчиков, но агентов класса «абсолют» я не знаю. А по должности обязан знать. Кого именно вы вызвали? — Дикой заметил взгляд Ивакина, брошенный на окна кабинета. — Борис Иванович, я включил аппаратуру глушения еще до вашего прихода, никакой лазерный сканер нас не прослушает.

— Матвея Соболева, — сказал наконец полковник, совершенно не чувствуя себя виноватым. — Это мой резерв. Но вы должны знать «абсолютников», они неподконтрольны. Мало того, что работников этого уровня практически нельзя убрать, их невозможно и заставить работать под чьим бы то ни было руководством. Они индивидуалы до мозга костей.

— Ну, это не главная наша беда. Я кстати хотел предложить вам ганфайтерный вариант по делу «Утечка». Но Соболева я не знаю. Ему можно доверить оба задания сразу? И как вы сформулируете ему второе, по «Стопкриму» и Куполу?

— Никак пока. Задание ему выдаст начальник ГУБО Медведь, которого мы с вами хорошо знаем, а тот наверняка захочет выйти на теневое руководство организаций, выяснить их планы. Что будет

дальше, не знает никто. Что касается Соболева, то он сейчас мугэй-мугэй*, если пользоваться терминами кэмпо. Для всех он охранник на Рязанском радиозаводе. С виду не силач, на самом деле — барс**, в совершенстве владеет русбоем, кэмпо, айкидо, мастер по сгобу. За шесть лет — четырнадцать успешных перехватов, но это еще до вашего прихода. Имя его, конечно, нигде не фигурирует.

— Вы меня заинтриговали, Борис Иванович. — Дикой покачал головой, погрустнел. — Но не подставляем ли мы такого ценного спеца? Ему придется решать, что делать с полученными разведданными. В принципе, это еще не будет означать конец «Стопкрима» или Купола, возможностей уйти в подполье у них хватает. Но у «чистилища» меньше шансов: они и так ходят по лезвию бритвы — стоит ошибиться, убрать невинного, скажем, и народ перестанет им верить, а это — нравственная база любого института власти. И не только нравственная, но и политическая. Нечем станет оправдывать насилие.

— В наше время, по-моему, ни один институт не оглядывается на моральную сторону своей деятельности. А грубость и насилие вообще рассматриваются как элементы соревнования, обеспечивающие выживание.

Генерал бросил взгляд на часы.

— Вы философ, Борис Иванович, не пугайтесь, это похвала. Я даю добро на ваш эксперимент. Еще кто-нибудь знает о вызове Соболева?

— Никто. О его существовании будут знать только трое: я, вы да Медведь.

— Тогда все-таки, может, не будем рисковать и «Утечку» поручим другому агенту?

— Само следствие и так ведут другие следователи, а Соболев — перехватчик, ганфайтер. Когда следствие подтвердит виновность подозреваемых, тогда в операцию включится Соболев, чтобы выполнить чистый захват. Хотя, конечно, он и сам проверит данные. Справится, я его знаю достаточно хорошо. По «Утечке» нам нужен гарантированный результат.

Валентин Анатольевич стер с дисплея прежний текст и набрал код выдачи информации по делу утечки новейших образцов оружия со склада экспериментального завода «Арсенал».

— Что ж, это наша работа, и за нее спросят не с ФСК и ГУБО, а с нас. Давайте поработаем. Вы уверены, что к похищению причастен батальон «Щит»?

— Уверен. Однако Соболев для того и вызван, чтобы проверить это... своими методами.

---

* Мугэй-мугэй — ни мастерства, ни имени *(кит.)*.

** Барс — мастер по русбою (борьба в русском стиле).

— Честно говоря, сомневаюсь, что это под силу одному человеку, каков бы он «супер» ни был.

— Поживем — увидим.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Они вошли в магазин за пять минут до его закрытия, и Матвей сразу насторожился, обратив внимание на четверых крепких ребят, явно «крутых», одетых в одинаковые кожаные безрукавки и джинсы, со скучающим видом рассредоточившихся по залам магазина. Черные очки и одинаковая стрижка делали их похожими друг на друга, как близнецов. Но тут подошла очередь Матвея, он отвлекся на несколько секунд на разговор с продавцом, а когда началось д е й с т в и е, пришлось с досадой констатировать, что расслабляться не стоило; он должен был предвидеть последствия и уйти отсюда по-английски, тихо и незаметно.

Магазин был частный, соединявший промтоварный и продовольственный отделы, чистый и уютный и с хорошим ассортиментом. Год назад его приватизировал молодой коммерсант, энергичный парень, пообещавший сделать из бывшего «Фрукты-овощи» «конфетку». Обещание свое он выполнил, цены не гнал, и магазин с вежливыми продавцами, оборудованный по последнему слову оргтехники, посещали даже те, кто жил далеко от этого района. Чем владелец не угодил местной мафии, приходилось только гадать. Но факт оставался фактом: четверо, которых заметил Матвей, пришли не за покупками.

Сориентировался он мгновенно, с привычной бесстрастностью проанализировав траектории возможных событий. И подивился своему решению вмешаться, потому что, в принципе, он н е и м е л н а э т о п р а в а! Вероятно, надоела долгая спячка, тело требовало оперативного напряга.

Переход в состояние турийи* произошел в долю секунды с помощью точно рассчитанного волевого усилия. Матвей был готов к любому повороту событий. Время заметно сгустилось, замедлилось, движения окружающих сделались тягучими, вокруг них появились ореолы биополей — глаз выделял этот «свет» безошибочно.

Еще ничего особенного не произошло, четверо парней только начали д в и ж е н и е. Один достал пистолет — «лангенхан» калибра 9,65. (Вспомнилась чья-то фраза: «Пистолет рождает власть».) Остальные рэкетмены щелкнули пружинными ножами, но лишь двое из них были тренированы, судя по цвету и интенсивности ореола, хотя и не профессионально. Это были просто «качки», знавшие кое-

* В индийской психологии — состояние просветления.

какие приемы каратэ, и лица их выражением почти не отличались от затылков.

В обоих залах магазина кроме двух продавцов оставалось еще шесть покупателей, в том числе и Матвей: четверо девушек и старик, но рэкетиры не брали их в расчет. Впрочем, как не брали в расчет и Матвея, не выглядевшего гладиатором даже при росте в метр восемьдесят пять: обыкновенный молодой мужик в потертых джинсах, линялой рубашке в клетку и старых кроссовках, со стандартной внешностью, если не считать прозрачно-голубых, спокойных и холодных глаз. Но в глаза эти парни никогда никому не смотрели.

Тот, что был с пистолетом (где он умудрился достать эту немецкую штучку?), успел сделать шаг к продавцу и направить на него пистолет, когда Матвей начал д в и ж е н и е. Свидетели потом дали такие противоречивые показания, что, знай он об этом, только порадовался бы своему профессионализму.

Матвей сделал длинный скользящий шаг к вожаку с пистолетом, взял его запястье в захват и вырвал пистолет, одновременно пальцами левой руки сдавив шею бугая в нужных точках. Парень еще падал, потеряв сознание, а Матвей уже делал подкат, доставая ногами сразу двоих «качков» с ножами. Третий успел махнуть ножом и достать баллончик с газом, однако вспорол лишь воздух и заработал точный укол в солнечное сплетение от противника, невероятным образом оказавшегося сбоку и совсем рядом.

— Вызовите милицию, — тихо сказал Матвей остолбеневшим продавцам, скривив лицо так, чтобы его потом трудно было узнать. Скользнул за дверь, решив оставить пистолет у себя.

Как и ожидалось, страховали четверку двое на старом, видавшем виды «Вольво», но о драме в магазине еще не догадывались, все произошло слишком быстро и без шума.

Уже в машине Матвей довел разговор внутри себя до точки и снова подивился своему импульсу вмешаться в действие, которое его не касалось никоим образом. Но так остро захотелось вдруг ответить подонкам, живущим старым советско-пиратским принципом: отнять и разделить!

Молодежи можно простить недостаток опыта и знаний, но не избыток наглости, хамства и равнодушия, подумал он чужими словами. Впрочем, не чужими — словами отца, провинциального учителя истории, которого любили ученики.

Поставив машину в гараж, Матвей проверил почтовый ящик и обнаружил там открытку с поздравлением. Это был вызов в столицу. Размышляя о причинах вызова и о своих предчувствиях, Матвей открыл квартиру и принялся готовить ужин. Предчувствия его не обманули, недаром снова ему приснился один из тех странных снов, которые тревожили его последние полгода.

Сон этот проявился под утро, перед пробуждением.

Матвей увидел ледяную равнину, окруженную со всех сторон цепью снежных гор. Небо казалось чистым и белым, но вдруг появилось розовое облако, стало расти, пока не превратилось в сиренево-фиолетовую тучу, очертаниями похожую на человека. В голове облака загорелись три огненных глаза и тут же, как удар грома, прозвучал голос:

— Проснись и иди!

— Куда? — растерялся Матвей.

— Он не видит, — загрохотал с сожалением второй голос, мелодичный, женский. — Ему еще рано, инфарх.

— Не оказалось бы поздно. За ним начал охоту монарх, вернее, его разведка.

— Куда идти? — обрел утраченное равновесие Матвей. — Покажите, и я пойду.

— А разве ты не видишь сам? — От голоса таинственного инфарха заколебались горы, взвилась снежная пыль, равнина растрескалась, как ледяное поле.

Матвей напряг зрение, и на мгновение ему показалось, что он видит золотое крыло света, просиявшее в небе из-за тучи, словно открылось и тут же захлопнулось волшебное окно.

— Не видит, — прошептала женщина, собеседница инфарха. — Его глаза еще спят.

И столько сожаления и тоски было в этом голосе, что Матвей едва не разрыдался. Проснувшись, с удивлением обнаружил, что глаза его наполнены влагой, будто он и в самом деле плакал.

Что ж, выходит, сон был в руку? Нечто вроде предупреждения свыше? Кто такой «монарх», который начал охоту за ним? И почему и ч т о именно он не видел во сне, как огорченно констатировала собеседница неведомого «инфарха»?

Поскольку Матвей точно знал, что психика у него абсолютно здорова, в «сдвиг по фазе» он не верил — не с чего было сдвигаться, к тому же он владел приемами овладения душевным равновесием. Однако докопаться до причин странных предметных сновидений пока не удавалось. Мешал режим «инкогнито», не хватало знаний, не хватало свободы передвижения и времени. Одно было ясно: подсознание отреагировало на какое-то внешнее воздействие, и мозг воспользовался той информацией, которую имел, чтобы посигналить хозяину, — сны были почти копиями тех, которые описал в своей книге Успенский*.

После программы новостей Матвей позвонил домой своему непосредственному начальнику — работал он в охране радиозавода — и отпросился на две недели «съездить к родственникам». После этого почитал немного и лег спать.

---

* «Новая модель Вселенной».

Наутро он сделал зарядку — занимался Матвей по специальной системе, вобравшей в себя элементы сильной чигонг-о* и кэмпо, — позавтракал и в шесть утра был уже на первом вокзале Рязани, откуда уходил электропоезд на Москву. Взяв билет, он прогулялся по залу, вышел на перрон, радуясь хорошему утру конца июня, и вдруг заметил группу молодых людей, живо напомнивших ему вчерашний инцидент в магазине.

Их было пятеро: четыре парня и девица. Одеты все были достаточно модно, однако рубашки у ребят были засалены, в пятнах, как и джинсы, а костюм лохматой девицы состоял из обтягивающей тело красной резинки-платья, почти не скрывающего тела. Двое парней разошлись по перрону в разные стороны, а двое оставшихся и девица подошли к девушке, которую Матвей видел у кассы: она брала билет перед ним. Девушка была высокая, с тонкой талией, гибкая, с копной темных волос, рассыпавшихся по плечам, и острый глаз Матвея оценил ее обаяние тотчас же. Девушка в профиль походила на Марию, и Матвей сделал даже шаг к ней, но она оглянулась, и наваждение прошло. У Марии не было таких больших глаз, зеленовато-серых, с влажным блеском, и не было таких точеных полных губ. Похожими были только волосы да овал лица. Незнакомку нельзя было назвать красавицей, но что-то в ней невольно притягивало взор: то ли милая улыбка, то ли сквозившая в каждом движении женственность.

Интересно, что от нее хотят эти трое?

Соболев приблизился к беседующей группе, напряг слух и сообразил: это были самые обыкновенные рязанские вокзальные рэкетиры, специализирующиеся на банальном гоп-стопе. Выбрав жертву, бандиты просят у нее сумку или коробку, или просто деньги, намекая, что если жертва не отдаст сама, то результат будет тот же, но с мордобитием. Эти трое просили «подержать» сумку, а то ведь «тяжело нести».

Девушка не сразу поняла, что от нее требуется, потом кинула в сторону двух беседующих неподалеку мужчин отчаянный взгляд, но те отошли, предпочитая не связываться со шпаной. Матвей еще раз внимательно оглядел незнакомку. У нее была длинная, красивая шея, прямые плечи, высокая грудь и красивые ноги, а вот одевалась она скромно: блузка в черно-белую полоску, такая же юбка, с полосами покрупней, и сандалии с оплетающими лодыжку ремешками. Большая синяя сумка стояла у ее ног, а через плечо висела еще одна черная сумочка. Ни колец, ни серег, ни помады. «Голая» красота. И было ей от силы лет восемнадцать. Матвей колебался до тех пор, пока один из парней не щелкнул ножом, а второй снял с плеча девушки сумочку. Последним доводом для Соболева был взгляд незнакомки: умоляющий и беспомощный. Кричать, звать на помощь она не стала.

---

* Старинная китайская система тренировки.

Все произошло в течение двух-трех секунд.

Матвей дотронулся до локтя парня с ножом, подхватил падающий нож, ткнул пальцем в лоб второго бандита, взял у него сумочку, поднял с асфальта синюю сумку незнакомки и свободной рукой поддержал ее под локоть.

— Пойдемте, сейчас объявят посадку.

Троица обалдевших гоп-стопников осталась стоять с разинутыми ртами: один держался за локоть, второй за голову, и лишь девица изумленно прошипела:

— Ты чо делаешь, баклан?!

— Кто вы? — обрела дар речи девушка, останавливаясь и выдергивая локоть из руки Матвея, когда они прошли шагов десять.

— Извините, — мягко сказал он, опуская сумку, и добавил на одном дыхании: — Меня зовут Матвей, фамилия Соболев, родился в год змеи, талисман — черный кот, закончил филфак МГУ, еду работать.

Девушка округлила глаза, потом засмеялась, приоткрыв великолепные зубы. Взгляд ее прояснился, стал приветливым и мягким.

— Спасибо за помощь. Я уж думала, придется идти в милицию, в сумке мои документы. Меня зовут Кристина, фамилия Сумарокова, родилась в год овцы, талисман — сердце. Студентка первого курса МГУ, еду сдавать летнюю сессию. А они больше не пристанут?

Матвей тихо рассмеялся, чувствуя себя легко и свободно, и лишь самая трезвая аналитическая часть сознания зажгла тревожный красный «индикатор»: одна встреча с бандитами — случайность, две — уже странность, объясняемая лишь теорией вероятности. Не аукнулось бы в будущем, Рязань слишком близка от Москвы, где ему предстояло включиться в работу после трех лет «консервации».

Время в поезде промелькнуло незаметно. У них нашлись общие интересы и темы, сходство взглядов на искусство и культуру, а что касается литературы, то здесь их вкусы совпадали почти стопроцентно: оба любили тонкий юмор О'Генри, мужественных и верных героев Джека Лондона, романтические приключения Дюма-отца, сочный язык Гоголя и палитру характеров Чехова, — и оба отрицательно относились к фантастам, пишущим в стиле киберпанк. Оказалось, что Кристина сдала уже два экзамена летней сессии — училась она на том же факультете, что и Матвей когда-то, на филологическом, — и едет сдавать последний — английский язык. То, что девушка учится на филологическом, указывало если не на родство душ, то на взаимность менталитетов, что подогревало обоюдный интерес. Однако, провожая Кристину к зданию филфака от метро «Университет», Матвей с грустью подумал, что вероятен вариант, когда ему невозможно будет продолжать знакомство и встречаться с этой удивительной девушкой, беззащитной, редкой по чистоте и уму.

Надо же, земля еще рожает такие души, думал он по пути «домой», то есть на квартиру, определенную первым вариантом «выхода», а судьба хранит их, оберегая от миазмов моральной «свободы»! Вероятно, такие девочки могут появляться только в провинции, большие города слишком глубоко погрязли в «цивилизации». Счастлив будет тот, кому достанется такое чудо...

По «легенде» он возвращался из мест лишения свободы, где просидел три года как бытовик — непрофессиональный преступник, осужденный за валютные махинации.

Но это по «легенде». На самом деле он был барсом, профессионалом рукопашного боя такого класса, который и не снился «черным поясам».

Трехкомнатная квартира, в которой ему предстояло жить, находилась на четвертом этаже девятиэтажного кирпичного дома на Варшавском шоссе, недалеко от метро «Тульская». Кроме того у него была своя машина и гараж неподалеку. Соседи его знали как учителя русской литературы, немного замкнутого, но вежливого и спокойного молодого человека. До того, как «получить срок», он прожил в квартире, как бы обменяв ее, около месяца. И вот вернулся, «отсидев положенное». Впрочем, соседи не интересовались личной жизнью жильца и о подвигах его скорее всего не догадывались.

Бросив сумки в прихожей, Матвей внимательно оглядел квартиру.

Кухня была маленькая, но современная, с электроплитой, кухонным гарнитуром из пластика под дерево, со всеми необходимыми атрибутами хозяйства, такими, как тарелки, вилки, ножи, кастрюли и тому подобное.

Гостиная казалась не слишком просторной, но уютной, с ковром на полу без единой пылинки; видимо, за ней присматривали. Кроме роскошного дивана, двух кресел и двух книжных шкафов, в комнате стоял еще журнальный столик, сервант с чайным и кофейным сервизами, с наборами бокалов и рюмок из цветного дятьковского хрустального стекла, а также телевизор «Голдстар». Ничего не прибавилось и не убавилось.

Убранство спальни тоже не изменилось: тахта, превращавшаяся по мере надобности в диван, еще один книжный шкаф на всю стену, с нишей для стола, два стула, платяной шкаф, спортивный комплект в углу — макивара, деревянный «идол» для тренировки ударов руками, стенд для физических нагрузок.

Матвей ткнул пальцем макивару, понаблюдал, как он качается, улыбнулся своим мыслям. Вспомнился случай в детстве, когда он с друзьями-второклашками пошел записываться в секцию каратэ-до. На первом же занятии к нему пристали ребята на год старше, стали дразнить и смеяться над «дохлятиной», пока не полез в драку и не

получил незаметный но точный удар пальцем в солнечное сплетение, так что задохнулся и не мог ни вздохнуть, ни слова сказать. С тех пор он больше всего времени уделял отработке атэ-ми, комплекса шоковых ударов пальцами, что оказалось оружием неэффектным, но исключительно эффективным. Дома он разрисовал кожаный мешок с песком, прообраз макивары, превратив его в портрет обидчика, и тренировал уколы пальцами по нескольку часов кряду.

Правда, потом, через какое-то время они подружились с тем хлопцем и за два года продырявили мешок со всех сторон...

Третью комнату — рабочий кабинет, вход в который был замаскирован книжным шкафом, Матвей проверять не стал. Ничего особенного там не скрывалось, кроме разве что персонального компьютера.

Он принял душ, переоделся, переложил одежду из сумок в шкаф, расставил книги и ровно в два часа дня позвонил. Мужской голос, раздавшийся в трубке, принадлежал автоответчику, который вежливо сообщил, что хозяин будет дома в двадцать один ноль-ноль. Матвей повесил трубку.

До вечера никуда не выходил. Читал, обедал, валялся на тахте, смотрел телевизор. В восемь с минутами собрался, надел голубую хлопчатобумажную рубашку, джинсы, кроссовки и вышел из квартиры... чтобы напороться на сцену ограбления!

Лифтом он пользовался редко и махнул вниз по лестнице, преодолевая пролеты в два прыжка, а на втором этаже едва не столкнулся с двумя парнями, обернувшимися на слабый звук прыжка. Прыгал Матвей почти бесшумно. Остановился, выругавшись в душе. Позволив себе расслабиться, он допустил грубый просчет, и теперь предстояло как-то изворачиваться, чтобы выйти из положения максимально просто.

На лестничной площадке двое молодых людей зажали в угол третьего, одетого во все белое, а ниже, на середине пролета, их подстраховывала еще одна пара крепких ребят.

— В чем дело? — тихо осведомился Матвей, разглядывая лицо парня в белом, и вздрогнул, встретив его ответный взгляд. У него даже зубы заныли и мороз прошел по коже. Взгляд этот был необычайно серьезным, спокойным и понимающим, в нем не было и тени страха. Да и во всем облике незнакомца, которого явно пытались ограбить, ощущалась бесконечная уверенность в себе. Этот парень все понимал и ничего не боялся. Матвей смело мог продолжать путь, уверенный в том, что ничего дурного с ним не случится. Но грабители думали иначе.

Тот, что стоял к нему ближе всех, сделал шаг по лестнице навстречу и сказал, поигрывая ножом:

— Вали обратно, бобик, и сиди там тихо, пока мы не поговорим с этим бобром, понял?

Парень походил на гориллу, на голой волосатой груди его висела цепь из желтого металла, на предплечье синела татуировка: сплетенные змеи и женщина. Жаргон его прямо указывал на тюремную закалку.

Златая цепь на дубе том, подумал Матвей, блатари вышли на охоту. Обнаглели, однако. Работают так грубо и примитивно они лишь в подпитии или если срочно требуется «травка».

— Помочь? — спросил он парня в белом, снова зачарованный его обликом.

— Обойдусь, — улыбнулся тот,— спасибо.

Матвей двинулся прямо на «гориллу» с ножом, сказал тихо:

— Пропусти, я опаздываю.

— Ну, гад, я тебя предупреж... — договорить бандит не успел, обмякая. Его напарник тоже осел на ступеньку, не успев ничего сообразить, и только после этого оставшиеся зашевелились, хватаясь за оружие: у них были самодельные финки и пистолет «Макаров».

Конечно, Матвей мог успокоить их всех в своем обычном стиле, точными уколами в нервные узлы, реакция его на порядок превосходила реакцию бандитов, но ему не хотелось раскрывать свое умение перед неизвестным, наблюдавшим за ним все с тем же выражением лица. И, уже начиная короткий бой, Матвей пожалел, что не послушался первого налетчика и не ушел домой. Мужику в белом помощь была не нужна, несмотря на численный перевес противника. От него исходила уверенность, спокойствие и сила, и не видеть этого мог только слепой.

Одного на площадке Матвей уложил походя, двойным ударом рук в шею и в голову, а другого на лестнице — в прыжке, ногами, сбросив на первый этаж, не заботясь, получит он травмы или нет, хотя профессионал внутри него и протестовал против такой лобовой демонстрации возможностей.

— Идемте, — обернулся Матвей. — Чего они от вас хотели?

— Наверное, им понравилось это. — Незнакомец в белом дотронулся до ремня сумки. Голос у него был глубокий и звучный, добавляя облику некую завершенность. — Вообще-то я редко попадаю в такие ситуации, но сегодня почему-то расслабился.

— Как и я.

— Сколько лет вы занимаетесь рукопашным боем?

— Двадцать, — буркнул Матвей против своей воли.

Незнакомец кивнул, соглашаясь, вероятно, со своей внутренней оценкой.

— Сгоб, айкидо, тангсудо, кушти... и русбой, так?

Матвей внимательно и хмуро глянул на парня.

— Вы очень проницательны, месье...

— Тарас Горшин.

— Меня зовут Матвей, но...

— Вы торопитесь, я вижу, идите, все будет в порядке. Я не живу здесь и шел в гости. Может быть, еще свидимся.

Матвей молча повернулся, перешагнул через тело одного из налетчиков и поспешил на улицу, чувствуя спиной взгляд Тараса. У него вдруг мелькнула мысль, что эта схватка — звено в цепи проверки, которую ему устроили. Сначала в Рязани, теперь в Москве. Не могут такие события быть случайными. Три случая подряд — это уже закономерность. Во всяком случае, это предупреждение, — что-то он делает не так. Или прав неведомый «инфарх» из снов, и за ним начал охоту некий «монарх»?

Но как Тарас догадался, какими видами единоборств он владеет? Такое может увидеть лишь тот, кто сам мастер боя. Но тогда почему Горшин довел ситуацию с грабителями до тупика, не сделав ни одной попытки освобождения?

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Дмитрий Васильевич Завьялов занимал скромный пост референта премьер-министра Михаила Сергеевича Красноружина, и был, естественно, в курсе всех проблем, решаемых кабинетом министров.

Кабинет Завьялова находился на третьем этаже «черно-белого дома», как с девяносто третьего года прозвали Дом правительства, и проникнуть в него непосвященному человеку, а тем более человеку с улицы, минуя три кордона внешней и внутренней охраны, было практически невозможно. Но этот посетитель в белом костюме, с виду — обыкновенный молодой человек, то ли студент последнего курса госуниверситета, то ли незаметный учитель какой-нибудь частной школы, проникал к Завьялову без труда. У референта давно сложилось свое мнение о способностях этого «учителя», в миру — Горшина Тараса Витальевича, тридцати лет от роду — по паспорту, инженера по инбридингу локальных компьютерных сетей, но, вероятнее всего, охрана его просто н е в и д е л а. Да и сам Дмитрий Васильевич замечал Горшина случайно, вдруг осознав, что в кабинете кроме него кто-то есть. Входил Горшин без стука, бесшумно, как бесплотный дух. Впрочем, этот человек много чего умел, что было неподвластно нормальному гражданину, и не впасть в мистику, узнав это «много», было трудно. Завьялов, как и четверо его коллег по «кримкомиссии», относился к Горшину с уважением и изрядной долей — пусть не страха, но — опасения. Впрочем, не боялся Тараса лишь комиссар-пять, Владимир Эдуардович Боханов, президент Центра нетрадиционных технологий Российской Академии наук, экстрасенс, йог, мастер спорта по шахматам, который в Горшине видел лишь феномена и питал к нему чисто профессиональное любопытство, будучи ученым до мозга костей. Он готов был

его даже препарировать ради того, чтобы узнать, как устроен Тарас внутри, и за это Завьялов Боханова терпел скрепя сердце. Он не любил людей, а тем более ученых, чей ум был увлечен какой-нибудь проблемой, не считаясь с интересами других людей. Для кого весь мир был всего лишь огромной лабораторией, а кто в ней занимал место подопытного — кролик или человек, не имело значения.

— Проходи, — кивнул Дмитрий Васильевич, сдавил глаза пальцами, отпустил.— Я как раз дошел до кондиции: ничего не вижу и не слышу. Выпьешь? — Вопрос был традиционным, потому что Завьялов знал отношение Тараса к спиртному.

Он достал бутылку «Фьюджи», налил в бокал на палец, посмаковал белую жидкость на язык и проглотил.

— Это же кокосовый тоник, почти без алкоголя, попробуй. Его можно пить утром, днем и вечером.

— Мой сосед в таких случаях говорит: выпил с утра — и целый день свободен! — Горшин с улыбкой присел у стены, где стояли четыре деревянных стула. Глаза у него были прозрачно-желтые, но не «кошачьи», а скорее «птичьи», и стыло в них такое холодное всеобъемлющее п о н и м а н и е, что Дмитрий Васильевич поежился. У него при разговоре с Тарасом всегда появлялось ощущение, что тот видит его насквозь и знает все мысли, чувства и желания.

— Мы теряем темп, — сказал Горшин, предваряя вопрос хозяина кабинета. — Нужны люди.

— Не просто люди — профессионалы, — уточнил Завьялов. — И не просто профессионалы, а друзья и соратники, преданные делу.

— К сожалению, друзья приходят и уходят, а враги накапливаются, как говорил один умный иностранец. Человечество вырождается быстрее, чем рассчитывала природа. Примеров тому — хоть отбавляй. Вчера и меня прижали в подъезде какие-то подонки, расслабился, видать.

Завьялов с любопытством глянул на собеседника, от которого явственно повеяло угрюмым недовольством.

— Плохо верится, что ты можешь расслабиться до такой степени. В каком таком подъезде ты оказался?

— Был в гостях у одного приятеля, вышел, а они кого-то ждут. Потом уже сообразил, что попался случайно, а они шли «пощупать» коммерсанта этажом выше. Ни грана интеллекта — тупая и воинствующая наглость! Что ей увещевания, призывы к совести и справедливости? Ей понятны только кулаки и зубы.

— И как же удалось выйти из положения?

— Помог какой-то крутой парнишка, владеющий боем на таком уровне, какого я еще не видел. Хотя он почему-то пытался этот факт скрыть.

— Не преувеличиваешь?

Горшин пропустил реплику мимо ушей.

— Я не смог его прозондировать достаточно четко, парниша далеко не прост и владеет пси-блоком, но попался он мне не случайно. Если я прав, он может быть либо нашим другом...

— Либо?

— Врагом, разумеется. Потому что работает он на команду контрданс.

— Как? Не понял.

— Он перехватчик, если пользоваться жаргоном военных профи, агент-индивидуал высокого класса, работающий на отечественную разведку «СМЕРШ-2».

— Ого! А откуда тебе это стало известно?

— Мне многое известно, друг Горацио Дмитрий Васильевич. Попробую поработать с ним, встречусь пару раз, пощупаю поле возможных траекторий, поговорю, заинтересовал он меня вельми.

— Я не всегда все понимаю, Тарас Витальевич. Что еще за «поле траекторий»?

Тарас улыбнулся, и Дмитрий Васильевич Завьялов понял, что ответа не получит. Тогда он перевел разговор на другую тему:

— Ты знаешь, что в МВД по заказу генпрокуратуры создана спецкоманда для борьбы с террористами?

— Знаю.

— Вероятнее всего, это по наши души. Рудаков и Чураго перестраховываются, потому что ниточки от Жарова, Филина и других «гегеншабен» тянутся к ним. Поэтому за нами начинается охота с призывом «пленных не брать!»

— Масакра*...

— Что?

— Дмитрий Васильевич, я как раз по этому поводу. «Фискалы» взяли нашего исполнителя. Его подставили: в квартире гаишника-майора, который наговорил на своего же подчиненного, переложив вину с себя на невинного, была засада. «Фискальный» спецназ ДДО** «Руслан».

— Кого взяли?

— Костю Ариставу.

— И он им дался?!

Глаза Тараса еще больше посветлели, став почти прозрачными. Спину Завьялова охватил ледяной озноб.

— Даже такой мастер, как Аристава, ничего не смог сделать против выстрела в спину.

— Он...

— Жив, но ранен тяжело. Давайте кумекать, как будем его выручать, у меня есть пара мыслей.

---

* Жестокое избиение, бойня, повальное истребление.

** Десантно-диверсионный отряд.

— Зачем Аристава пошел к гаишнику? Кто давал ему задание?

— Никто. Точнее, совесть. Он просто решил помочь другу, который рассказал ему о своем горе. А друг оказался провокатором, работающим на ФСК.

— То есть Аристава отправился на несанкционированную операцию, презрев законы «чистилища», забыв о дисциплине, подставив тем самым всех нас.

— Формально все так, Дмитрий Васильевич, но мы забываем, что наши ребята живут не в вакууме, и что у них есть семьи, родственники, друзья, игнорировать желания которых им не позволяет элементарная порядочность. Душа, наконец. Вы же знаете, кадры подбирал я сам, я знаю их всех. Но ведь «Стопкрим» своих людей не бросает в беде? Да и пора кое-кому дать хороший урок.

— Кому? Те ребята, из «Руслана», что брали его... не виноваты.

— А я про них не говорю. Речь о начальниках, планирующих такие операции с подлянкой, и о тех из нас, кто возомнил себя демиургом. Подставили Ариставу не без помощи второго спикера.

Завьялов вздрогнул.

— Кравчука?! Не может быть!

— Может, — тихо сказал Горшин, — Кравчука предложил, кстати, комиссар-три, отметьте сей факт.

— Ну и что?

— Первый случай — случай, второй... Рыба начинает гнить с головы, Дмитрий Васильевич. Но это к слову. Поживем — увидим.

Завьялов промолчал.

Матвей открыл светящуюся холодным голубым огнем дверь и оказался внутри огромного затемненного храма с каменными фигурами высотой с десятиэтажный дом, поддерживающими потолок. Дальняя стена храма напоминала зыбкую пелену тумана, и из нее вдруг выступила огромная фигура женщины в мерцающем звездами плаще.

На голове ее светилась золотая корона с семью лучистыми бриллиантами, а в руках она держала раскрытую книгу. Лица ее Матвей описать не смог бы, настолько оно было прекрасным, неземным и текучим.

— Читай, — певуче сказала она, протягивая книгу.

Матвей перевел взгляд на страницы, мерцающие призрачно-зеленым светом, и, похолодев, понял, что этого языка не знает. Буквы были русскими и в то же время каждая представляла собой символ, раскрывающий одну из тайн бытия.

— Тебя ожидает познание добра и зла, — продолжала женщина. — Готов ли ты изменить свои убеждения?

— Я н-не... знаю... — выговорил Матвей, с болью понимая, что вошел в храм неподготовленным.

Лицо женщины как бы погасло.

Сердце Матвея замерло от чувства, более глубокого, чем страх. Он не мог вымолвить ни слова, ощущая, как перед ним разверзается бездна, отделившая его от храма, от женщины, олицетворяющей собой Истину. Ему казалось, что он вот-вот узнает, кто она такая и что хотела сообщить, но видение тает, оставляя острое сожаление, от которого слезы навертываются на глаза и жгут кожу лица...

Проснулся он с мокрыми глазами, будто и в самом деле плакал. Подробностей сна, кроме смутного образа женщины да эмоционального следа переживаний, как всегда, вспомнить не удалось. Но Матвей чувствовал, что если бы сумел сохранить в памяти страницу книги иероглифов-букв, то узнал бы, кто приходит к нему во сне, чего ждет от него и куда зовет.

Вообще говоря, сны не доставляли ему каких-то хлопот, не вызывали отрицательных эмоций и не создавали дискомфорта, а лишь заставляли задумываться и заниматься поиском тайны и причин своего возникновения. В них прослеживалась какая-то система, которую Матвей не понимал, но интуитивно ощущал, и которая со временем должна была вылиться в нечто осязаемое, в поток бытия, принадлежащий какому-то «параллельному» миру.

Матвей покосился на стопку книг на столе, среди которых находились труды Гермеса Трисмегиста, Лосева, Блаватской, Успенского, Андреева, Рериха и многих других философов и эзотериков современности, а также древних времен, пожал плечами и прямо из постели прыгнул в угол спальни с ковром на полу, где по утрам занимался китайской гимнастикой чигонг-о.

В девятом часу утра он подходил к машине, принадлежавшей ему по «легенде» — «Таврии» последнего выпуска с четырехдверным салоном, которую оставил на открытой неохраняемой стоянке возле универсама напротив, — и почти сразу же обнаружил группу угонщиков, «щекочущих» автомобили. Мимо двоих из них, стоявших «на атасе», он только что прошел, еще двое стерегли дальний выезд, поглядывая и по сторонам, а трое пытались вскрыть «жертву». Делали они это быстро, почти не таясь: один работал с отмычками, двое помогали ему открыть дверь силой. Если не удавалось сделать это сразу, они тут же спешили к соседней машине, но выбирали не иномарки, а отечественные «ВАЗовские».

Поскольку они подходили уже к его машине, Матвею ничего не оставалось, как сделать вид, что он ничего не понял и просто идет к своей темно-вишневой «Таврии» с номером «м 277 077 ММ». Однако выйти из положения с наивной простотой не удалось. Тройка занялась его машиной в тот момент, когда он оказался от нее в пяти шагах.

Стоявшие «на атасе», видимо, не приняли его всерьез, считая, что справиться с парнем в черной безрукавке и джинсах, не сильно мускулистого, в меру высокого, обыкновенного интеллигентного «лоха», смогут и «щупачи», поэтому сигнала к отступлению не дали, и самозабвенно трудившаяся троица среагировала лишь на деликатное «привет» Матвея.

— Ребятки, это моя машина, — тихо добавил он, не обращая внимания на вытащенные из карманов ножи и пистолет — «Макаров» с облезлым дулом, еще довоенный. Тоскливо заныло под ложечкой: обычные пацаны, потрошители машин, такого оружия иметь не могли. Но с другой стороны, и на профессиональную засаду ситуация не тянула. И все же что-то это да значило: четвертая стычка за три дня явно выходила на уровень статистического узла, вероятность которого превышала вероятность случайного события.

Если бы угонщики «слиняли», извинившись, сделав вид, что ошиблись стоянкой, Матвей не стал бы вмешиваться в их судьбу, светиться ему не хотелось до зубной боли. Но старший группы «подельников», здоровенный громила с набрякшим лицом дебила, пошел по другому пути.

— Крутой, что ли? — хрипло прошипел он. — Наделаю дырок, если хоть слово вякнешь! Давай ключи, если это твоя машина. Покатаемся — вернем.

— А болт с левой резьбой и мелкой насечкой тебе не нужен? — вежливо поинтересовался Матвей.

— Чего?! — изумился верзила, одетый с подчеркнутым инфантилизмом — в красные слаксы с бахромой, шлепанцы на босу ногу и в ярко-желтую рубаху с нашитыми розочками. Его коллеги одевались не хуже: в яркие цветастые рубахи с нашивками типа «СС», «КГБ», «НКВД» и другими, в обтягивающие их тощие зады колготки и ботинки на толстой подошве. Наряд угонщиков подчеркивал полное отрицание культуры, это были представители нового поколения «хиппарей», привыкших жить по волчьим законам и признающих только силу. И только у дураков бывает такая убежденность в движениях, в голосе, такая непререкаемость во взорах, вспомнил Матвей слова Салтыкова-Щедрина.

Длинным скользящим шагом Матвей обошел троицу, обхватил пальцами слоновье запястье старшего, сжал и отобрал у него пистолет точно так же, как сделал это в Рязани. Все это в доли секунды, ребята даже не двинулись с места, для них он просто выпал из поля зрения. Затем пришел черед ножей — пружинных, добротных, как и пистолет, не укладывающихся в аксессуары законопослушных граждан. И лишь спустя секунду Матвей «вышел в контакт» — дал всем троим по морде, чтобы они запомнили именно этот последний штрих схватки. Как вся группа «делала ноги», он уже не видел, подумав, что такие попугаи попали на стоянку не для того, чтобы

красть автомобили, а для какой-то разведки, уж очень они были заметны. И еще он подумал, что творится что-то странное, каким-то образом связанное со снами и с тем заданием, ради какого его вызывали.

Через полчаса он въехал во двор частной автомастерской, принадлежащей старому, еще со школьной скамьи, другу Илье Шимуку по прозвищу Муромец.

Прозвище свое Илья заработал по праву: уже в десятом классе он рвал руками цепи, поднимал мизинцем двухпудовую гирю и гнул из гвоздей толщиной в карандаш разные узоры. Матвей вспомнил случай в автобусе, происшедший с Ильей лет пять назад.

Толпа на остановке в тот момент стояла приличная, все хотели уехать — начал накрапывать дождик, поэтому никто кроме Ильи не пропустил молодую женщину с ребенком. Но компания молодых людей, растолкав толпу, влезла в автобус, загородила вход и пропускать больше никого не хотела. Тогда Илья взялся за подножку и рванул автобус вверх так, что ребята посыпались внутрь салона (правда — вместе с пассажирами, по молодости лет Муромец этого не учел). Пропустив женщину, Илья сел сам, и компания тут же пристала к нему. И отстала.

— Мужики, отвяжитесь, а то я вас маленько озадачу, — проникновенно сказал Илья Муромец (рост — под метр девяносто, косая сажень в плечах, вес девяносто восемь килограммов), и для эффекта сжал поручень автобуса так, что смял двухдюймовую трубу, как пластилиновую.

Хозяина мастерской Матвей нашел под новым «линкольном», висевшим на подъемнике. В промасленном комбинезоне, с черными руками, со всклокоченной бородой и шевелюрой Илья имел устрашающий вид сбежавшего из тюрьмы насильника, а не мастера, хотя Матвей знал, что у него руки не только «железные», но и «золотые».

— Е-мое! — прогудел Илья, узрев, кто перед ним. — Никак Соболев собственной персоной! Неужто вспомнил старого кореша?

Они обнялись, пробуя силу друг друга, Илья крякнул.

— А ты не меняешься: с виду хлипкий интеллигентик, а мои сто тонн выдерживаешь. Какими судьбами? На минуту заскочил или есть время?

— Полчаса наскребу, но вечером свободен, можем встретиться у меня или у тебя, или на нейтральной территории.

— Годится. — Илья вытер руки ветошью, крикнул в глубь мастерской напарнику, возившемуся возле бежевой «Волги». — Коля, я в контору, буду через сорок. — Кивнул на дверь за подъемником. — Айда посидим чуток. Видишь, какие аппараты чиним? Директора одной мала-мала иностранной фирмы.

— А это кто? — скосил глаза на молодого человека Матвей. — Ты ж всегда один работал.

— Ленивый стал, — улыбнулся в бороду Шимук, — не успеваю. Взял парнишку из одного КБ: лет десять занимался проблемой изменения формы унитаза, пока не понял, что стране его продукция пока не нужна. Толковый отрок вообще-то, и руки приделаны, куда надо.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и очутились в «конторе» — уютной комнатушке с одним окном, в которой умещался двухтумбовый стол, сейф, этажерка и два стула.

— Держу кое-какие дефицитные детали, — кивнул Илья на сейф, сел на стул, жалобно скрипнувший под его весом. — А ты действительно не меняешься, Соболь, разве что раздался чуть да бреешься чище. Чем, кстати? Станком или электробритвой?

— Тебе-то зачем это знать?

— Хочу сбрить бороду, чешется, проклятая, и есть мешает.

Матвей подумал.

— Один мой знакомый брился телефонной трубкой.

— Ну, и?.. — заинтересовался Илья.

— Получалось медленней, чем бритвой.

Мастер засмеялся с гулким уханьем.

— Пожалуй, топором будет полегче. Ну докладывай, как живешь, где, с кем, работаешь или нет. — Он открыл сейф, достал литровый пакет с молоком и, надорвав, выдул в три глотка. Заметил взгляд Соболева, пожал плечами. — Люблю молоко, особенно топленое и можайское. Хотя вообще-то люблю все молочное: творог, сливки, сыр, сметану, молочные железы.

Матвей улыбнулся на последние слова, уловив их смысл. Илья снова громыхнул глыбой смеха.

— Я не женат, так что не казни за аморальный образ жизни. Сам-то женился?

— Не получилось, — с неохотой ответил Матвей. Поразмыслив, достал из сумки отнятый на стоянке пистолет. — Спрячь эту игрушку у себя.

— Какой раритет! — прищелкнул языком Муромец.— Старая отечественная машинка, да еще тридцать девятого года выпуска. Я таких давно не видел. Где взял?

— Где взял, где взял — купил... — проворчал Матвей и рассказал эпизод на стоянке.

Илья почесал затылок, бороду, грудь под расстегнутым комбинезоном, хмыкнул.

— Чего-то я здесь не понимаю. Угонщики, по идее, не должны действовать без двойного прикрытия, если не дураки. Но они могут тебя найти, чтобы вернуть пистолет, тем паче, сделать это легко — по машине.

— Машина записана на владельца с другой фамилией, — спокойно сказал Матвей, — а засад типа той, на стоянке, я не боюсь.

— Ой ли, — прищурился Муромец. — не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с... обратно. — Он поднял вверх громадные ладони. — Все-все, не буду, я ведь знаю, чего ты стоишь. Что касается меня, то новостей мало. Вкалываю каждодневно, семьей не обзавелся, квартира та же — двухкомнатный «полулюкс», хотя денег хватило бы и на пятикомнатную. Что еще? Машину себе сделал: купил побитую сильно «десятку» и сделал из нее конфетку, вернее, бронеход. У тебя-то что?

— «Таврия» 2110.

— Не густо.

— А мне и нужно что-нибудь понезаметней. Правда, кое-что хотелось бы переделать. Можешь сварганить из нее подобный «бронеход»? Но чтобы и бегал прилично, под двести.

— Таких движков у меня нет.

— Покумекай — надо, Илюша.

— Ладно, попробую, но на скорый...— Илья не договорил, в контору без стука вошли четверо парней во главе с зашитым в кожу, несмотря на жару, здоровяком с гипертрофированно накачанными мускулами.

По правде сказать, Матвей услышал их давно, но не придал шуму особого внимания, это могли быть и клиенты автомастерской. Однако они оказались «клиентами» другого рода.

— Выметайся, — коротко бросил верзила Матвею. — А тебя, гнида, мы предупреждали. — Палец вошедшего направился в грудь Ильи. — Ты что о себе возомнил, падла? Тебе же русским языком было сказано, если хочешь жить спокойно. А теперь мы тебя слегка поучим, чтобы запомнил надолго и другим рассказал.

— Кто это? — с любопытством глянул на Илью Матвей.

— Рэкетиры, кто же еще, — усмехнулся в усы Муромец.

— Пошел отсюда, тебе говорят! — рявкнул вожак в кожаном костюме.

Илья вдруг перегнулся через стол, сгреб его за отвороты куртки, приподнял и бросил к двери, сбив с ног стоявшего сзади. Затем схватил за руку второго здоровяка, белобрысого и безбрового, в зеленых штанах и в майке, который выхватил нож. Раздался хруст костей, и белобрысый отскочил в сторону с детским воплем:

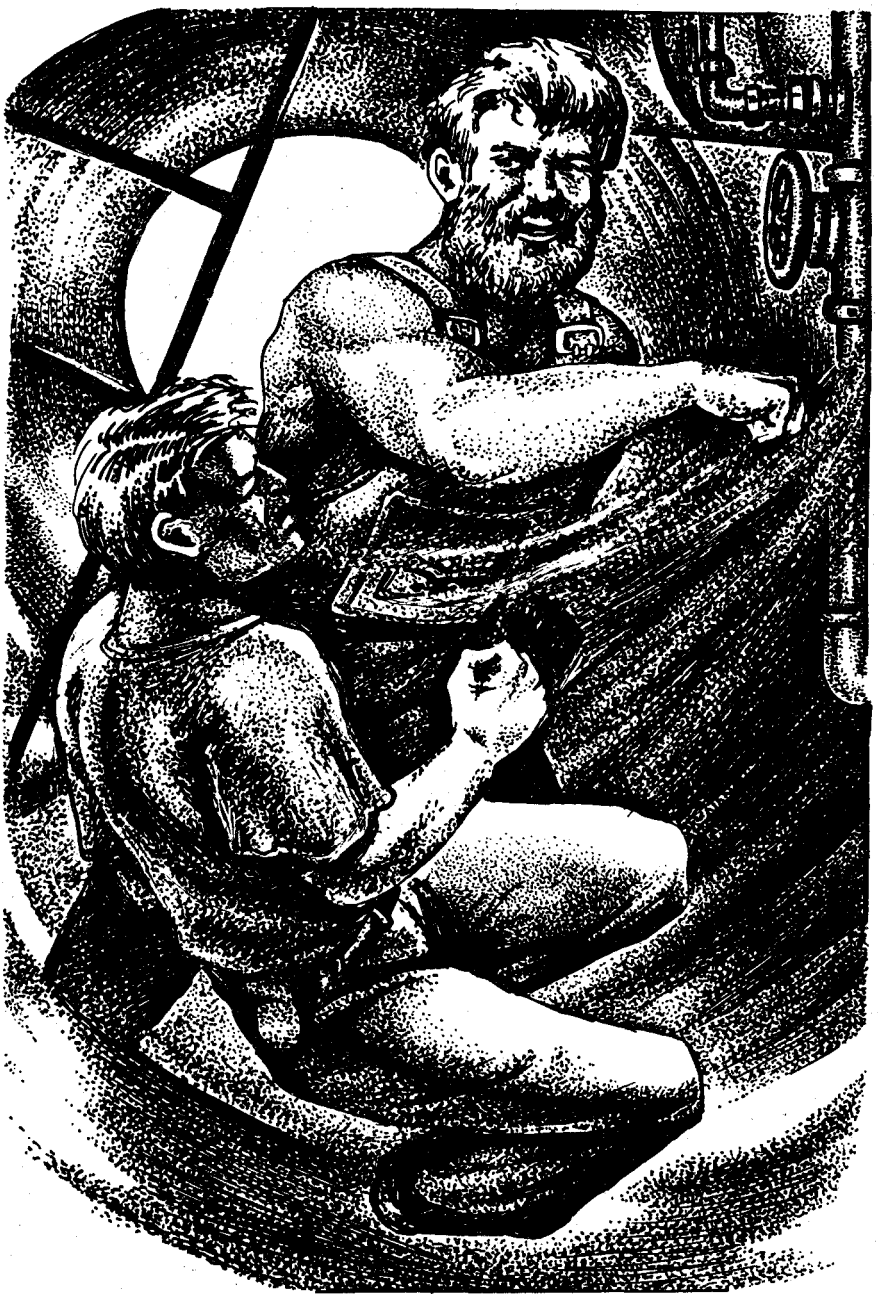
— Ой-ой-ой! Руку сломал, гад!

Матвей засмеялся, привстал было, но Илья цыкнул на него:

— Сиди, я сам.

Верзила в коже неплохо знал каратэ, потому что ударил хозяина автомастерской каляри-ппаяту* — в голову кулаком и в живот ногой, но результат был такой, будто он попал в скалу! Илья даже не отшатнулся. Пока его противник дул на пальцы, он снова сгреб его

* Индийская разновидность каратэ.

ладонью за куртку и сдавил так, что у того глаза вылезли из орбит. Одновременно Илья отмахнулся от выпада ножом третьего незваного гостя, отчего тот врезался головой в стену, сам себе порезав руку. Четвертого, доставшего из широких штанов обрез (как он его там крепил?), Матвей все же успокоил точным уколом в нервный узел за ухом.

На этом рэкет и закончился.

Илья одного за другим вышвырнул гостей за дверь, предварительно отобрав оружие, снова уселся за стол.

— Мы еще встретимся, паскуда! — донеслось с лестницы.

Муромец пожал широченными плечами.

— На лай бешеной овцы не отвечаю. Так и живем, не скучаем. Эти уже третьи, желающие полакомиться дармовой выпивкой. Ничего, держусь.

— Смотри только, чтобы не подстрелили.

— А я поздно домой не хожу. И тебе не советую. Машина твоя где? Здесь? Тогда загоняй, «линк» подождет. Через пару дней заберешь.

Матвей поднялся.

— Ну и здоровый ты бугай, Ильша! Держишь удар, как профессионал мукки-бази*. Тебя подучить — великолепный ганфайтер получился бы.

— Кто-кто? — подозрительно прищурился Илья. — Это что еще за новое ругательство?

— Это не ругательство, а высший титул короля рукопашного боя. Ну, бывай. Вечером созвонимся и договоримся о встрече, давно не сидел с друзьями за чашкой чая. Кстати, свой «бронеход» на время не дашь? Отвык я по метро да автобусам мотаться.

Илья покопался в верхнем кармане комбинезона, бросил ключи Матвею.

— Вечером пригонишь сюда же. Права возьми. Не провожаю, буду завтракать.

Матвей прощальным жестом вскинул руку со сжатым кулаком.

К неприметному пятиэтажному зданию по Фестивальной улице, расположенному недалеко от речного вокзала, Матвей подъехал после обеда. Здание когда-то было школой, а сейчас ее занимали штук двадцать разного рода МП и СП. Одно из них служило прикрытием отделения ГУБО, вернее, явочной квартирой высокого начальства, где Соболева должен был ждать сам начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью. Задание от своего

* Индийская школа рукопашного боя, бойцы которой занимаются силовым тренингом, держат удары почти во все болевые точки, а руками разбивают булыжники и кокосовые орехи.

непосредственного начальника, полковника Ивакина, Матвей уже получил.

На деревянной двери малого предприятия «Дилерский центр Лоцмаша» висела табличка: «Умным и слабоумным вход разрешен». Матвей улыбнулся, оценив юмор «губошлепов», как в среде профи называли работников ГУБО, постучался, вошел. В приемной его ждали два сюрприза: красивая длинноногая шатенка с высоким бюстом, обтянутая в нечто, напоминающее рыбью чешую, и громадный, черный, с подпалинами, дог.

Матвей сказал здрасьте, поглядел сначала в глаза девушки, а потом собаки. Он уже заметил за собой особенность: собаки понимали его мгновенно, и почти все отступали внутри, как бы признавая силу. Этот дог не отступил, только беззвучно оскалил клыки: мол, ты хорош, но и я не промах.

Тихо, тихо, мысленно ответил ему Матвей, давай хотя бы уважать друг друга и не поднимать шума.

Взгляд «секретарши МП» был примерно такой же, как и взгляд собаки — она привычно, не по-женски профессионально оценила посетителя и вопросительно вздернула идеальных линий брови.

— Вы к кому?

— К бугру, — сказал Матвей грубовато, потом заметил опасный блеск в глазах девушки и улыбнулся, отчего худое неподвижное лицо его совершенно преобразилось. Видимо, это подействовало не только на «русалку» в чешуе, но и на дога, потому что тот дернул щекой, словно удивился.

— Передайте ему, — добавил Матвей, вспомнив табличку на двери, — что пришел полный кретин.

— А имя у него есть? — без улыбки осведомилась секретарша. — У кретина?

— Матвей Соболев.

Девушка нажала кнопку интеркома, сказала негромко:

— К вам Соболев.

Ответ «бугра» отразился на дисплее, что Матвея удивило, но девушка уже отвернулась к печатной машинке «Касио», кивнув на дверь в кабинет начальника. Печатала она с пулеметной скоростью, положив ногу на ногу, успевая при этом курить, и смотреть на нее было приятно.

То, что явка начиналась с приемной, Матвея наоборот не удивило: видимо, вход секретарше в секретный «подвал» был запрещен и открывался лишь для приглашенных, сама девушка скорее всего даже не знала, кто был на связи, начальник какого ранга. Не удивило Матвея и то обстоятельство, что за дверью, якобы скрывающей кабинет начальника МП, шел короткий коридор. Это был не просто коридор — тоннель камеры магнитоскопии, где его проверили на предмет ношения оружия. И лишь за второй дверью коридора ока-

зался собственно кабинет, то бишь оперативный бункер ГУБО, где руководители Управления или его старшие инспекторы могли контактировать с агентурой.

Матвея ждали два человека: молодой, подтянутый, стройный, хорошо развитый, узколицый и кареглазый, и мужчина в возрасте, накачанный, круглый от мышц, бывший спортсмен, наверное, скорее всего борец-вольник в прошлом, с лицом тяжелым, волевым, сильным. В этой компании он явно был главным, судя по взгляду и манерам. Молодой носил модную прическу — волосы до плеч, а у тяжеловеса красовалась лысина до затылка и виски серебрились сединой. Но главное, что оба Матвею сразу понравились, особенно тяжеловес, которому наверняка стукнуло не меньше полувека. И он оказался начальником ГУБО Медведем Михаилом Юрьевичем, а длинноволосый юнец — его заместителем Зинченко Николаем Афанасьевичем.

Некоторое время все трое молчали, изучая друг друга. В глазах Зинченко мелькнуло разочарование, и Матвей улыбнулся в душе: редко кто угадывал в нем профессионала, мастера шестой категории русбоя — русского стиля единоборств, способного справиться с любым вооруженным до зубов противником. Именно контраст между «быть» и «казаться» и был главным его преимуществом. Как говорил Ивакин: контрразведчик должен быть еще более незаметным, чем разведчик, но по физическим кондициям превосходить его.

Начальник ГУБО смотрел на гостя иначе. Не без сомнений, но и с интересом, прикидывая, соответствует ли данная агенту характеристика первому впечатлению. На экране дисплея перед ним светилась страница личного дела Матвея Соболева, где, в частности, было написано: «Идеалист. Лишен чувства страха. Вера в себя не имеет пределов. В крови — искать выход из безнадежнейшей ситуации, хотя до такого события не доходило. Не терпит контроля. Свободен от шаблонов мышления. Сдержан. Вынослив. Склонен к риску, причем, чем сложнее проблема, тем рискованнее действует. Интуиция развита до экстраспособностей. Любит смотреть на огонь и дождь».

Ивакин, конечно, дал не всю информацию о своем человеке, но и того, что было в сопроводительном пакете, хватало для оценки.

— Присаживайтесь, — кивнул на кресла в углу кабинета Зинченко. У него был интеллигентный баритон, в отличие от хрипловатого баса начальника Управления.

Все трое уселись вокруг журнального столика с пепельницей. Начальник ГУБО носил итальянский летний костюм песочного цвета и кросстуфли, а его заместитель — серо-коричневую пару: узкие брюки и рубашку на молнии, кроссовки «Адидас». Но поскольку и Матвей не одевался броско, судить по одежде о работниках спецслужб не стоило.

— Вас поставили в известность о характере работы? — задал вопрос начальник ГУБО.

Матвей молча кивнул.

— И все же я напомню основные узлы материала. За последние три месяца в работе Управления наметился сбой: произошло четыре крупных провала и несколько странных эпизодов, позволяющих говорить о контроле над деятельностью Управления. Мы подозреваем, что один из наших сотрудников довольно высокого ранга работает на Купол. Или на небезызвестную всем организацию «Стопкрим», которую чаще называют «чистилищем». Хотелось бы выяснить — кто именно. Кроме того «чистилище» развернуло деятельность до границ терпения закона. Если его не остановить, может произойти нечто, напоминающее тотальное истребление инакомыслящих, виновных и невинных. Причем вину берется определять само «чистилище», что приводит к абсолютной узурпации власти, к тирании самосуда, культу Линча. — Медведь выжидающе глянул на Соболева, но тот продолжал молчать.

— Добавлю, что ситуация складывается чрезвычайная. Если цели Купола — абсолютная власть — известны, то цели «Стопкрима» кажутся хоть и жестокими, но благородными. Однако достичь их террором, ликвидацией скомпрометировавших себя чиновников или мафиози невозможно, история знает подобные примеры.

Матвей промолчал и на этот раз.

— Ваша же цель, — продолжал начальник ГУБО, — в отношении «чистилища» — выйти на его руководство, определить возможности, связи, планы, методы работы, и сообщить нам. Мы же предадим все это огласке, дабы и другим неповадно было. Помощь окажем любую, только попросите. О связи и конкретных шагах договоритесь с моим заместителем, которому я доверяю больше, чем себе. Контактировать будете только с ним. На расходы для оперативных нужд вам будет выдано десять «лимонов». Что касается оплаты вашего участия — назовите сумму.

Матвей поднял брови.

— По закону Русакова думающий получает меньше делающего, а делающий меньше пользующегося. К какой категории вы относите меня?

Руководители ГУБО переглянулись, Медведь хмуро улыбнулся.

— Вы подходите под все три.

— Вот и оцените сами. Я не чистый идеалист, как написано обо мне в рапорте, просто существуют определенные нравственные нормы, которые я уважаю. Конечно, живем мы в реальном мире, где профессионализм не всегда оплачивается по заслугам, но хотелось бы все это изменить.

— Ясно. Позиция вполне приемлема, мы договоримся. — Медведь глянул на зама. — Николай Афанасьевич, ознакомьте его с

подробностями дела. Будьте добры представить л ю б у ю дополнительную информацию по требованию, независимо от грифов секретности.

Зинченко кивнул.

Начальник ГУБО еще раз прошелся взглядом по фигуре Матвея, попрощался, собираясь уйти, но Матвей его остановил:

— Хочу все же предупредить. О моем участии в работе Управления не должен знать кроме вас никто. Если произойдет утечка информации, я буду знать, что допустили ее вы двое.

Зинченко с иронией глянул на Медведя. Начальник ГУБО хмыкнул.

— И что произойдет в этом случае?

— Я выйду из игры, уничтожив источник утечки.

Слова Матвея произвели впечатление, но не такое, о каком можно было желать. Впрочем, Матвею на это было наплевать.

— Вы не переоцениваете себя? — мягко спросил Зинченко.

— Боюсь, что вы недооцениваете меня. Вы оба мне симпатичны, и я надеюсь на хороший контакт. Теперь к делу.

Руководители Управления обменялись взглядами, и Медведь ушел, не сказав больше ни слова.

Через сорок минут контору «малого предприятия» покинул и Соболев. Он узнал достаточно, чтобы начать действовать. Интуиция подсказывала, что работа с «губошлепами» окажется непредсказуемой по результатам, хотя и интересной: «светил» выход на высшие эшелоны власти, защищенные многими и многими хитроумными службами и комбинациями юридически безупречных поправок к законодательству. Плюс прибранная к рукам прокурорская рать и исполнительная власть. Плюс развитой кретинизм толпы, которой можно скормить любую ложь и которая терпит и любит тиранов больше, чем умных и добрых руководителей.

Отвратительное время и отвратительная правда об этом времени, вспомнил Матвей слова отца. В чем-то старик был прав, хотя жил в иные времена и в иных условиях.

ПУНКТИР РАЗГОНА

В два часа Матвей оставил машину на проспекте Ломоносова напротив филфака МГУ и отправился искать Кристину. Он не договаривался с ней о встрече, но найти ее не составило труда — первокурсники деятельно готовились к экзаменам все вместе, продолжая занятия и консультации. Кристина Олеговна Сумарокова проходила по спискам третьей группы. Матвей отыскал аудиторию, где занималась означенная группа, приоткрыл дверь.

Видимо, преподаватель ушел или еще не приходил, потому что

студенты: человек десять юношей и столько же девушек — оживленно вели дискуссию. Речь шла о вкладе диссидентов, русских писателей за границей, в мировую культуру. Больше всех и красноречивее всех говорил красивый смуглолицый парень с шапкой курчавых волос, но спорили с ним только девушки, парни предпочитали бросать реплики и апеллировать к девушкам. Кристина в споре не участвовала, хотя курчавый довольно часто обращался к ней, как бы приглашая присоединиться или подтвердить его слова. Заметив Матвея, она вскочила и выбежала в коридор, не обращая внимания на возглас подружки: «Крис, ты куда?» — и на взгляд курчавого оратора. Встречи она не ожидала и явно обрадовалась. У Матвея дрогнуло сердце: к своему удивлению, он обрадовался не меньше, обнаружив, что соскучился по девушке.

На сей раз Кристина была одета в джинсы и футболку, обтягивающие и подчеркивающие фигуру, и стоять с ней было одно удовольствие, если бы не взгляды разгуливающих по коридору ребят. Из двери аудитории выглянул смуглый парень, оглядел Матвея, кивнул девушке:

— Крис, не забыла, что мы вечером идем в кофешку?

— Я не сказала «да», милорд, — оглянулась Кристина. — Наверное, пойдете без меня.

— Ну, мы еще обсудим этот вопрос. — Парень глянул в глубь коридора. — Вон Скунс идет, закругляйся.

Девушка фыркнула, посмотрела на Матвея, не успевшего сказать ни слова.

— Не хотите пойти с нами в кафе? Впрочем, вижу, не хотите. Тогда давайте пойдем куда-нибудь еще. Если, конечно, у вас есть время, — деликатно добавила она.

Матвей улыбнулся, вызвав ответную улыбку девушки.

— Когда вы заканчиваете?

— В шесть, но я могу и сбежать.

— Подъеду к шести, у меня есть кое-какие дела. Вы ведь в ДАСе* живете? Как устроились?

— Отлично, и девочки в комнате хорошие. — Кристина принахмурилась, вспомнив что-то, но тут же ее лицо разгладилось. — В принципе, мы можем посидеть в кофейне и в ДАСе.

— Потом обговорим. Бегите, действительно Скунс идет.

Кристина оглянулась на входившего в аудиторию преподавателя английского языка — Матвей знал его, — скривила личико.

— Девочкам он нравится, а мне нет. Смотрит, как... паук, и губы слюнявые... и взгляд липкий. От такого поневоле вспомнишь Хайяма.

— Что именно?

---

* Дом аспиранта и студента, общежитие МГУ.

— Ну, он говорил, что учиться необязательно.
Матвей кивнул и процитировал:

Так как истина вечно уходит из рук,
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученьи наук.

Кристина засмеялась.

— Я Омарчика тоже читаю и люблю, вечером чего-нибудь процитирую, под настроение.

— Чао, — подтолкнул девушку к аудитории Матвей и, не оглядываясь, пошел к лестнице. Взгляд девушки он чувствовал всей спиной, но не обернулся, чтобы не смазать впечатление, пока не хлопнула дверь. И сразу же увидел в тупичке с дверью туалета того самого парня в белом, Тараса, которого он «отбил» у налетчиков в собственном доме.

— А говорят, гора с горой не сходится, — сказал тот с легкой улыбкой, выступая вперед. У Матвея вдруг появилась уверенность, что парень этот намного старше, чем кажется. Глаза его казались бездонными колодцами, в которых стыло бесконечное знание. Он все видел, знал и умел, как столетний патриарх, хотя на вид ему *можно было дать не больше двадцати семи-восьми лет.*

— Как вы меня вычислили? — тихо спросил Матвей, напрягаясь; у него возникло ощущение, что его ощупывают изнутри. — Вероятность повторной случайной встречи очень мала.

— Реакция ганфайтера, — погасил улыбку Тарас. — Пойдемте, поговорим, у меня есть ключ от пустой аудитории, там нас никто не побеспокоит. — Он пошел вперед, не оглядываясь, в уверенности, что собеседник последует за ним.

Матвей расслабился, не чувствуя опасности, сказал в удаляющуюся спину:

— Здесь разговора не получится. У меня машина, поехали в центр. Я знаю хорошее кафе на Маросейке.

Через полчаса они сидели в уютном кафе на Маросейке, где каждый столик был отгорожен от другого решеткой из бамбука, увитой плющом, и где можно было говорить спокойно, под тихую музыку, не опасаясь подслушивания.

Матвей заказал себе то же, что и собеседник — салат, грибной суп, филе трески, запеченное в тесте, кофе. Однако ел, не чувствуя вкуса: он не любил играть по чужим правилам. Еще раз, более внимательно оглядел сотрапезника, отметил гибкость и скупую точность движений, тихую скрытую силу, и снова поразился текучему выражению лица, дышавшего внутренним, глубоким и все понимающим покоем; этот человек знал и видел так много, что становилось не по себе. Возраст его угадать было невозможно. Ему можно

было дать и двадцать семь, и при мысли об этом — вдруг правда?! — Матвея мороз продрал по коже, хотя он и не выдал своих чувств, понимая, что Горшин в и д и т его переживания. И все же Матвей отметил кое-что ранее неизвестное в облике нового приятеля, вернее, в той волне эмоций, которую он излучал: нет-нет да и вспыхивали в ней искры тоски и горечи. При всем своем опыте, силе и знании человек этот не был счастлив, пряча в глубинах души неведомую боль.

Во время всего разговора Матвей чувствовал себя скованно и был напряжен, как никогда. Впервые в жизни ему встретился человек, способный читать его, как книгу, вычисливший траекторию его движения и даже суть задания, о котором должны бы знать лишь трое. Иногда ему удавалось отстроиться от цепкого взгляда Тараса, выскользнуть из пальцев его психофизического ощупывания, и тогда у собеседника в глазах протаивали интерес и уважение.

— Предлагаю сразу расставить точки над «i»,— предложил он, заказав кофе и бутерброды. — Я работаю на «чистилище». Стоит расшифровывать?

— Не стоит, — остался спокойным Матвей. Чего-то подобного он и ожидал, а главное — поверил Горшину сразу.

— Вы хорошо воспринимаете неожиданности, — похвалил его Тарас, не дождавшись продолжения; оба неторопливо принялись пить кофе.

—Только не вздумайте задерживать меня. — В глазах Горшина мелькнул и пропал насмешливый огонек. — Даже с вашей подготовкой это не удастся. А то, я вижу, вы подумываете над этим.

Матвей, действительно прикидывающий варианты захвата собеседника, помедлив, кивнул.

— В этом пока нет необходимости.

— Мне нравится это ваше «пока». Итак, продолжим. Кстати, вы хорошо закрываетесь, я имею в виду мысленный блок. В роду экстрасенсов не было? Отца-колдуна, например, бабки-ведьмы.

— Родителей от роду не имел, — пошутил Матвей. — Я не знаю, о чем вы говорите.

— Значит, способности врожденные. Надо же, человек владеет адаптивной психофизической защитой и не является членом Круга! Парадокс. Но об этом мы еще поговорим. Я знаю, кто вы. Ганфайтер, так? Еще таких, как вы, называют волкодавами, суперами, дангерами и перехватчиками. То есть вы работаете на военную контрразведку «СМЕРШ-2».

Матвей с трудом удержал в горле возглас, с еще большим трудом проглотил кусок бутерброда, но от ненужных движений воздержался. Хотя это был явный провал. Но если в обычных условиях Соболев чувствовал засаду и начинал схватку первым, что давало ему шанс выйти сухим из воды, то в данном случае удар был нанесен

слишком неожиданно. Реагировать на происшедшее надо было иначе.

Тарас, наблюдавший за ним, кивнул.

— Правильно. Открытый бой — это в большинстве случаев паника, бой надо выигрывать до его начала. Аксиома разведки, но она применима и для нас. Успокойтесь, утечки информации не произошло, просто я... скажем так, не совсем обычный человек, и могу читать...

— Мысли? Телепат, что ли?

— Не мысли, но состояние психики, и не телепат, а эзотерик, человек Круга. Думаю, вы догадываетесь, о чем речь. Но и об этом мы еще успеем поговорить.

— Почему не сейчас? Я не тороплюсь. К тому же мне интересно, как вы меня вычислили, не будучи в штате моей конторы. В случайности подобного рода я не верю.

— И правильно делаете. Хотя с другой стороны случайность — тоже результат каких-то скрытых от нас процессов. Как говорил один мой знакомый: случайность — внезапно проявившаяся неизбежность. Существуют закономерности бытия, которых нормальные люди не видят, а замечают лишь их крайние проявления, да и то не часто... Например: почему всегда идет дождь, когда обнаженная женщина выходит на крыльцо при полной луне?

— М-м... — промычал Матвей.

Тарас белозубо засмеялся.

— А ведь это действительно закон, я проверял специально в течение многих сотен лет, но подчиняется он такой математике, которую люди вряд ли когда-нибудь узнают.

Кофе допили в молчании. Матвей размышлял о словах Тараса: «в течение многих сотен лет», а Горшин ушел в свои мысли. Потом Соболев, вспомнив девиз об умных и слабоумных на двери явки ГУБО, сказал:

— Чего вы хотите?

— Вы уже поняли: я хочу, чтобы вы работали с нами.

— На «Стопкрим»? — Матвей задал вопрос машинально, подумав с некоторым удивлением, что собеседник, очевидно, не знает, какое именно задание он получил от командования ГУБО. Удача пришла с той стороны, откуда он ее не ждал, и так быстро, что невольно рождалась вера в божественное провидение.

— Если предложение слишком неожиданно, мы подождем. Если неприемлемо — я буду жалеть, что вы не с нами.

— Не знаю. Мне нужно подумать и все взвесить. И кое-что узнать о вас. Скажем — цели, сверхзадачу «чистилища».

— Наша цель — уничтожение преступности, как института. Если вы действительно имеете в виду сверхзадачу. «Стопкрим» задуман как бумеранг в ответ на возведенную в ранг негласного закона

вседозволенность чиновников и властных структур в частности. Государственных, коррумпированных сверху донизу, или теневых, мафиозных — нет никакой разницы.

— Звучит красиво. — Матвей позволил себе усмехнуться. — Этакий центр по нравственному воспитанию чиновников... с помощью пули и кинжала.

Тарас остался невозмутим.

— Мы не видим иного пути. Те, против кого нацелен «Стопкрим», давно перестали быть людьми, это человекоподобные монстры с извращенной моралью. У англичан есть пословица: там, где правила игры не позволяют выигрывать, английские джентльмены меняют правила*. Увещевания и призывы к совести монстров явно не помогают, и мы вынуждены играть по более жестким правилам.

— Существует еще одна поговорка, — медленно проговорил Матвей. — Для других мы создаем правила, для себя — исключения**. Как в данном случае сделали вы, присвоив себе право судить и карать.

— Мы не видим иного пути, — повторил Тарас тихо. — Времена негодяев требуют адекватного ответа. Откройте нам глаза, сообщите методы, столь же действенные, как наш, но не опирающиеся на террор и насилие, и мы пойдем за вами.

Матвей молчал, разглядывая цветочный узор на дне тарелки. Когда он поднял глаза, рядом никого не было. Тарас исчез бесшумно, как привидение. Впрочем, Матвей не особенно удивлялся, он чувствовал, что разговор не окончен. Одно только мучило: очень хотелось выяснить секрет Горшина, эзотерика, «человека Круга», способного исчезать, как бесплотный дух. Да и узнать заодно, что такое Круг в натуре. У Успенского Внутренний Круг описан, так сказать, теоретически, а тут, похоже, реализован на практике и столь же реален, как мафия.

Пообедав, Матвей позвонил из автомата по «четырем нулям», сообщил, что «ключ скоро будет готов» и отправился домой, где до пяти часов регулировал персональный комп с радиовыходом на компьютерную сеть Федеральной службы контрразведки. Убедившись, что коды подключения действуют, Соболев дал компу задание найти в памяти всех подконтрольных КР-сетей сведения о Тарасе Горшине и поспешил к филфаку на машине Ильи, даже не подумав уведомить его о своем решении оставить авто у себя.

Кристина появилась с группой сокурсников, раскрасневшаяся, юная, свежая, удивительно милая, с трудом отбилась от желающих сопровождать ее «хоть на край света» и подбежала к Матвею, кото-

---

* Ласки.

** Лемель.

рый ждал ее под липой на скамейке. Взгляды, которыми их проводили ребята из группы Кристины, были весьма красноречивы, и Матвей решил больше не «засвечиваться» перед этой компанией, обладавшей хорошей, молодой и ревнивой, памятью. Он знал, чем может грозить ганфайтеру-перехватчику случайная встреча с нежелательными знакомыми, не в смысле опаски за целость шкуры — в смысле срыва даже особо тщательно разработанной операции. Не отреагировал он и на громко сказанное им в спину пожелание курчавого Ромео-Жоржа «не гулять допоздна, а то всякое может случиться».

— Ну и студенты пошли, — улыбнулся Матвей, распахивая дверцу машины и усаживая девушку. — В мое время филологи были поинтеллигентней.

— Чем сосуд заполнен, то из него и льется, — засмеялась Кристина. — У него отец — какая-то шишка в Федеральном собрании, вот он и считает, что ему все дозволено. Лезет и лезет с предложениями и советами, надоел уже.

— Он красивый парень и развит неплохо.

— Вот-вот, уже демонстрировал свои мускулы. Но мне не нравятся ребята, мало думающие и много себе позволяющие. Жоржик вообще человек действия, даже удивительно, что он пошел на филологический, абсолютно не престижный.

— Я думаю иначе. Если человек не умеет действовать, он не умеет и думать.

— Смотря как действовать. А начнет думать — послушали бы вы его безапелляционные суждения о классиках. Если все мысли Жоржа перевести на деньги, то не хватит и на «Сникерс». Итак, куда мы едем?

— Мы можем поехать в кафе «Русский купец», это на Остоженке. Я в нем не был еще, но говорят, что кухня там неплохая. А если не страшно, поехали ко мне домой. У меня хороший бар, чай, кофе и видик с набором кассет.

Кристина подумала, потом отрицательно качнула головой, чему-то улыбнувшись. Видимо, вспомнила предложения Жоржа.

— Не обижайтесь, но в другой раз. Поехали в «Русский купец», я хочу есть. Надеюсь, ваших ресурсов хватит? Или вы тоже из купцов?

Матвей, улыбнувшись в ответ, тронул машину с места.

Вечер прошел так хорошо, тихо и спокойно, без конфликтов и шума, что не верилось в возможность повторения подобных вечеров.

Кристина держала себя мило, просто, с поразительной естественностью, хотя и была точна в оценках, и Матвей не раз поражал-

ся ее созвучным с его представлениям о литературе и о жизни, а ведь ей только-только исполнилось восемнадцать.

Танцевали они всего два раза, а потом лишь слушали музыку и говорили, говорили обо всем, что приходило в голову, не чувствуя стеснения и каких-то обязательств по поддержанию «светского» разговора.

Кристину Матвей тоже поразил однажды, хотя впоследствии и пожалел об этом; эффекты он не любил, хорошо помня наставления учителя-тренера о том, что мастер должен применять технику владения телом и предметами быта незаметно, без излишней бравады и показухи. А случилось это так: официант принес пиццу, забыв ножи, и пока он ходил за ними, Матвей разрезал ароматно дымящуюся лепешку пиццы на четыре части с помощью новой тысячерублевой банкноты. Как он это сделал, Кристина не заметила, весь трюк заключался в скорости движения тонкого листка бумаги, но Матвей не стал ей это объяснять, переводя разговор на другую тему.

Заговорили о гадании на картах, по звездам, по китайской Книге перемен и другими способами, перешли на психику восприятия прогнозов, и неожиданно для себя самого Матвей признался девушке, что видит странные сны, после чего даже рассказал последние из них. Кристина — она разрешила звать себя короче: Крис, как звали родители, или Христя, как бабушка, полька по происхождению, — живо заинтересовалась этой темой, потому что многое читала о сновидениях, а также об их толкованиях. Но разгадать сразу смысл слов Соболева не смогла, лишь пообещала покопаться в литературе.

— Но все это очень интересно, — заключила она, задумчиво поглядывая то в зал, на танцующих, то на лицо Матвея, севшего таким образом, чтобы тень от кадки с фикусом падала на него. — Удивительно, что вы помните свои сны. Обычно они не запоминаются, бледнеют и к утру исчезают. Может быть, вы какой-нибудь скрытый буддист или пророк? Или вообще пришелец, и с вами хотят таким способом связаться соотечественники-инопланетяне?

Матвей только улыбнулся в ответ, однако в душе признался, что хотел бы и сам выяснить, что с ним происходит.

Кристину он отвез к общежитию в двенадцатом часу ночи, дождался прощального взмаха руки с балкона восьмого этажа и поехал домой. Спал он как убитый, в одной позе, без сновидений. А наутро, после обязательного часового тренинга, отправился к Илье Муромцу за своей машиной.

Автомастерскую Ильи он нашел в плачевном состоянии: ворота были сорваны, будто сквозь них проехал танк, внутри помещение гаража было разгромлено, словно подверглось атаке разъярен-

ных слонов, «Линкольн», который ремонтировал Илья, превратился в груду металлолома, и лишь машина Матвея, стоящая в закутке, за стеллажами с инструментом и деталями, осталась цела и невредима.

В мастерской копался хмурый молодой парнишка, помощник Ильи, собирал мусор, осколки, разбитую мебель, подметал пол.

— Что здесь произошло? — тихо спросил Матвей, сжимаясь от нехорошего предчувствия.

Парень глянул на него исподлобья, продолжая заниматься своим делом, потом, видимо, вспомнил.

— Это ваш аппарат, что ли?

— Мой.

— Вот ключи. — Он достал из кармана ключи от «Таврии». — Мы его сделали, можете забирать. Не хуже, чем в кино. Движок с форсажем, дает под двести, подвеска усилена, бак увеличен, берет под шестьдесят, заднее стекло — бронеплекс. Что еще?

— Достаточно, улыбнулся Матвей. — С хозяином я сам рассчитаюсь. Где он? И что тут у вас стряслось? Потолок рухнул?

Парень вытер лицо ладонью, но лишь размазал грязь. Сказал нехотя:

— Банда наехала. Милиция только перед вами убралась. А Илья в больнице, подстрелили его.

— Что?!

Помощник Ильи снова принялся за уборку, проигнорировав вопрос. Буркнул под нос:

— Живой он, пуля прошила бок навылет, порвала подвздошную сумку, а вторая застряла в ноге.

— Стреляли из автомата?

— Я слышал разговор инспектора и следователя, стреляли из какого-то «Волка».

Матвей присвистнул про себя: пистолет-пулемет «Волк» был последней разработкой завода «Арсенал», и именно утечка «Волков» со склада «Арсенала» и была первым заданием Соболева, полученным от Ивакина. Как странно все переплетено в этом не самом лучшем из миров!

— Где он лежит?

— Увезли в Склифосовского. Только вас не пустят, он без сознания, моя сестра только что приехала оттуда.

— Как это все произошло?

Парень разогнулся.

— Да как — вошли и ...

По его словам, вырисовывалась такая картина: давешняя команда рэкетиров, которой Илья дважды дал отлуп, вломилась в мастерскую в начале седьмого утра, когда там был один Муромец; вставал он рано. Бандиты начали громить мастерскую, бить оборудование, а

когда вмешался Илья, раскидав «крутых» громил, кто-то из них от испуга достал «пушку».

— И что по этому поводу заявила доблестная милиция?

— Да ничего, — помрачнел парень еще больше. — «Дохлое», мол, дело. Я им говорю: они же весь квартал держат, разъезжают на «маздах» и «тойотах», их все знают...

— Ну и что?

Парень безнадежно махнул рукой:

— Все они повязаны. Если не запуганы, так куплены.

— Что ж, понятно. Бывай.

Матвей сел в «Таврию», опробовал двигатель и выехал из гаража. В клинику скорой помощи Склифосовского он прибыл через сорок минут, ухитрившись ни разу не засветиться перед ГАИ, хотя мчал под сто и больше.

Илью уже прооперировали, и был он в сознании: Матвей сумел уговорить медперсонал, чтобы ему дали халат и пропустили в палату к раненому.

Выглядел Муромец чуть бледнее обычного, под глазами залегли тени, однако во взгляде его не было ни страха, ни злости, только сожаление и недоумение. Увидев Матвея, он обрадовался так, что едва не опрокинул капельницу.

— Ты?! Взял аппарат? Я там его немного усовершенствовал, теперь он не хуже, чем у Джеймса Бонда, разве что пушек в капоте не хватает.

— Лежи, знаю. — Матвей выгрузил из сумки пакет с яблоками и пять бутылок кефира. — Кто это был?

По лицу Ильи прошла тень, сжались и разжались громадные кулаки.

— Да ты их видел, команда Белого. Я до них еще доберусь, не вмешивайся в мои дела.

— Ты его знаешь лично?

— Знаю, что он то ли чеченец, то ли ингуш, оттуда, в общем. Но у него все схвачено, везде приятели, в том числе и в милиции. Вряд ли его станут ловить, выкрутится.

Матвей кивнул.

— Ладно, выздоравливай. Меня пустили на минуту, приеду завтра, привезу чего-нибудь вкусненького.

— Сигареты не забудь, а то мои отобрали.

— А можно?

Илья улыбнулся — через силу, глаза его помутнели, видимо, боль была едва переносима.

Появилась медсестра, глянула на посетителя.

— Уходите, ему плохо.

Матвей еще некоторое время смотрел на беспомощное тело Ильи Муромца и вышел. Уже в кабине машины он принял решение.

ПРАВОЗАЩИТА

Шел десятый час утра, когда Матвей начал свой поиск.

До этого он минут двадцать сидел на вкопанной шине на школьном стадионе и наблюдал за тщетными потугами пожилого учителя физкультуры втолковать детям азы спортивного многоборья. Школьников — третьего-четвертого класса, судя по их поведению, — было девятнадцать, семь ребят и двенадцать девочек, и всем им явно не хотелось куда-то бежать, прыгать, метать палки и вообще подчиняться достаточно равнодушным командам учителя. А тот явно не любил свою работу, погоду, детей и, наверное, людей вообще. Если бы он любил хотя бы работу, он постарался бы заинтересовать детей, превратить весь процесс в игру, увлечь ею школьников, но делать этого он не умел. Он кричал, грозил всевозможными карами, выгонял мальчишек, хватал их за руки и плечи, загоняя в строй, ругался и проклинал всех и вся. И Матвей с грустью сделал вывод, что после этих занятий у мальчишек и девчонок сохранится стойкий иммунитет неприятия физкультуры, как таковой, вообще, и спорта в частности.

Еще раньше, до появления на стадионе, Матвей преобразил внешность: приклеил усы и дополнительные брови, а также родинку под носом, надел очки, с виду — выпуклые, от близорукости, с помощью лака изменил прическу. Оделся он тоже сообразно расчету — в балахонообразную рубашку и брюки «с видом на Фудзи», то есть достаточно провинциального вида. Зато кроссовки одел фирмы «Рибок», облегающие ногу, легкие и прочные.

Коммерческие киоски начинали открываться в девять утра, и Матвей начал обход их на улице, где располагалась мастерская Ильи, с самого непрезентабельного, со стандартным «джентльменским» набором: водка, вино, пиво, сигареты, аудиокассеты. Рассчитаны подобные киоски были, наверное, лишь на оголтелый консьюмеризм* крутых парней, не знающих, куда деть деньги, либо служили прикрытием для отмывания денег местной мафии.

Продавец — сонная и тощая девица в черных лосинах и майке — на вопрос, знает ли она Белого, лишь длинно глянула на Матвея, продолжая курить. Ее напарник, возившийся в углу, покосился на спрашивающего, но тоже промолчал, и Соболев поплелся дальше. Машину он оставил во дворе дома, располагавшегося неподалеку от ресторана «Маяк».

Второй киоск был сродни первому, и Матвею ответили, что ни Белого, ни Черного, ни Бежевого не знают. Зато третий — красивый павильон с витриной, заставленный бутылками престижных ликеров и вин, торговавший кроме того обувью, мехами и куртками, — оказался владением таинственного Белого.

---

* Неуемная страсть к потребительству.

Во-первых, Матвей обратил внимание на перстень в форме человеческого черепа на пальце одного из киоскеров, огромного небритого детины с бородой и усами запорожца. Точно такие перстни носили крепкие ребятки, приходившие к Илье разбираться во время визита к нему Соболева. Во-вторых, после вопроса Матвея ребята, а их было трое, сразу насторожились, и атмосфера в павильоне буквально «зазвенела». Матвей остро чувствовал любое изменение психологической обстановки.

— Вали отсюда, очкарик, — прохрипел ражий молодец, вскрывая банку пива. — Не знаем мы никакого Белого.

— А чо грубишь? — укоризненно сказал Матвей тонким голосом. — Может, я хочу у него кое-что купить.

— Вали, вали, я сказал. Глухой, что ли? Или хромой на голову?

Матвей опечалился.

— Ну вот, я снова убеждаюсь в том, что обезьяна произошла от одичавшего человека. Не от тебя ли?

— Ах ты, козел! — Бородатый плеснул пивом в окно выдачи товара, но промахнулся. — Ник, выйди, поговори с интеллигентом.

Из павильона вышел Ник — мосластый и губастый, в пластмассовой кепке и черной майке с шортами. Ни сказать, ни сделать он ничего не успел, Матвей, владевший приемами варма-калаи* в совершенстве, точным щелчком поразил парня галькой в солнечное сплетение с расстояния в два метра и спокойно прошел мимо согнувшегося киоскера в раскрытую дверь павильона.

Вторым щелчком в лоб он отключил еще одного продавца и сказал вскочившему буйволовидному детине:

— Так ты говоришь, где контора Белого?

— Ах ты, сука по!.. — Детина не закончил, так как ноги у него внезапно ослабли, подкосились, и он вынужден был сесть на ящик из-под обуви.

— Не повезло тебе, — сочувственно сказал Матвей.— Если я равнодушен к дуракам, то очень не люблю хамов. Ву не компран?

— А? — раскрыл пасть бородатый, икнул. — Чо?

— Ничо, шутю. Не компран ты, гляжу. Говорить будешь или начнем копать яму?

В киоск ворвался опомнившийся мосластый продавец в черной майке, пришлось Матвею аккуратно уложить его лицом вниз на пол гибким змеиным движением айкидока, пропускающего удар. Наступив ногой ему на спину, он продолжал невозмутимо:

— Вся твоя беда в том, что ты любишь атрибутику власти. — Матвей кивнул на перстень. — Это знак секты Белого, не так ли? Где его контора, малыш?

---

* Индийская разновидность каратэ; любой удар варма-калаи нацелен на поражение одной из 108 болевых точек на теле человека.

— Давыдковская, двадцать пять «а», второй этаж.

— Отлично, быстро умнеешь. Одолжи-ка перстень. Умница. А теперь полежи немного, отдохни от трудов праведных. Адью, мон шер, береги здоровье, не пей много пива.

Матвей вышел из павильона, врезав дверью третьему киоскеру так, что тот взвыл, схватившись за нос.

Преследовать его не стали.

Через десять минут он подъехал к зданию на улице Давыдковской, бывшему институту повышения квалификации, отремонтированному и выкупленному у муниципальных властей коммерческими структурами. Второй этаж здания занимала «Независимая Федерация Кик-боксинга», официальное прикрытие фирмы рэкетиров, как сразу понял Матвей. И вспомнил газетную заметку годичной давности о фирме «деликатного рэкета» в Рязани. Фирма систематически выставляла липовые счета разным коммерческим организациям за банкеты, которых на самом деле не было, за транспортные и другие услуги, и те платили, беспрекословно перечисляя деньги на счет фирмы. Потому что знали — лучше откупиться какой-то определенной суммой, чем потерять все или вообще сыграть в ящик. Вероятно, здесь, в этом районе Москвы, завелась дочерняя организация фирмы, создав «федерацию», которая под видом охраны и предоставления услуг вымогала дань. Не глупо. Весьма эффективный способ заработать деньги, ничего не делая. Если не считать делом мордобой, как меру воздействия на строптивых клиентов вроде Ильи.

Собираясь войти как обычный посетитель, Матвей вдруг поймал спиной чей-то быстрый, но острый и прицеливающийся взгляд. Ощущение было такое, будто спины коснулся кусок льда. Взгляд тут же пропал, словно его выключили, но Соболев был почти уверен, что за ним ведут слежку, причем профессионалы очень высокого класса. Но не из команды Белого. Что ж, посмотрим, кто это, чуть позже, после разговора.

Матвей обошел второй этаж, с извинениями: ох, извините... простите... кажется, я не туда... прошу прощения... — осмотрев почти все его комнаты, спортзалы — целых три, офисы, кабинеты, входы и выходы, — и наконец вышел на офис босса, располагавшийся за красивой дверью, скорее всего металлической. Двери предшествовала приемная, в которой сидели две девицы с бесподобными ногами гимнасток и хорошо развитыми плечами. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять: они не просто красивые девушки, занимающиеся шейпингом, они — профессионалки рукопашного боя. Матвей знал несколько женских школ, обучающих девушек разным системам боевых искусств, но лишь немногие из обучающихся там владели искусством рукопашного боя в степени, достаточной для практического применения. Эти — обе секретарши? — владели.

Матвей отвесил рицурэй — церемониальный поклон стоя, применяемый японскими мастерами, внимательно наблюдая за реакцией дам, но те продолжали разговаривать, лишь однажды кинув на посетителя взгляд. Очевидно, занимались они жестким кэмпо без соблюдения традиций. Реагировать же, по их мнению, было не на кого: вошел обыкновенный очкарик, далеко не амбал, что он может? Только просить. И Матвей извиняющимся тоном попросил:

— К начальнику можно?

Табличку на двери с надписью: «Булат Дадоев, президент Федерации» — он прочитал с порога.

— Занят, — ответила одна из девиц, блондинка с высокой грудью и скуластым миловидным личиком. — Вам назначено?

— Нет, но если вы покажете ему вот это, — Матвей протянул девице перстень в форме черепа, — он примет. Посоветоваться нужно.

На пальцах секретарш, как заметил Соболев, не было ни колец, ни перстней, зато в ушах подрагивали сережки в виде лошадиных черепов. Видимо, черепа служили здесь символами «касты», отличительными знаками принадлежности к сильным мира сего.

— Чокнутый, — отозвалась вторая секретарша, тоже блондинка, но платиновая, крашеная, с густо напомаженными губами. Дотянулась до селектора и нажала клавишу:

— Булат Шаймиевич, к вам посетитель.

— В шею, — ответил селектор незамедлительно.

— У него интересный перстенек, но он не из штата. С виду учитель или клерк, безоружен.

— Хорошо, — проворчал селектор, — пусть зайдет через минуту.

Матвей выразил жестом благодарность, выждал две минуты и зашел в кабинет президента Федерации.

Кабинет поразил его не роскошным австрийским деловым гарнитуром для офисов «Мадлен», не аквариумом с угрями во всю стену и даже не видеосистемой «Касио» с плоским двухметровым экраном, а формой стола и кресел — в виде гигантских человеческих кулаков. Президент выглядывал из кулака-стола, как большой его палец или, скорее, кукиш, и Матвей сразу понял, за что ему дали прозвище Белый.

Дадоев, одетый в отлично сшитый летний костюм, был, конечно, смугл, усат и красив, как истинный кавказец, но волосы имел совершенно седые, несмотря на молодость. Едва ли он был старше Соболева. У него в кабинете находился гость — тот самый крутой парень в кожаном костюме, который приходил к Илье разбираться в момент визита Матвея. По его равнодушно-пустому взгляду Матвей понял, что не узнан.

— Ну? — бросил Дадоев, оценивающе глянув на посетителя, но сесть не предложил.

Матвей приблизился к столу-кулаку и сказал тихим невыразительным голосом, глядя на тонкую ниточку усов президента:

— Белый, сегодня утром твои солдатики подстрелили автослесаря на улице Артамонова. Если вы от него не отстанете, я положу всю твою кодлу и тебя сверху. Понял? Это первое. Второе: кто стрелял? Имя, адрес.

Кожаный переросток и президент Федерации обменялись взглядами. Молодой заржал. Дадоев тоже засмеялся.

— Это все? По-моему, он болен, а, Чарли? Может быть, вызвать скорую?

— Крыша поехала, это точно, — отсмеявшись, согласился кожаный Чарли, сыто глянул на Матвея. — А по фейсу не хочешь, очкарик? Или ты супермен? Что-то незаметно. Иди отоспись, а то схлопочешь, если не перестанешь задавать глупые вопросы.

— Ты забыл сказать: «На ноль помножу», — не повышая тона, добавил Матвей. — Сопляк и хам. Повторить вопрос?

Дадоев перестал улыбаться, нахмурил густые брови.

— Чарли, выведи его. Лучше — через первый зал, пусть ребята потренируются немножко, как на манекене.

Кожаный лениво встал, но ударил быстро, заученно — в живот прямой ногой и в голову с поворотом. Только Матвея на прежнем месте не оказалось, и мускулистый Чарли из поворота не вышел, врезался головой в стену и затих, потому что пущенный Соболевым голыш поймал его в прыжке. Вторым броском Матвей поразил локоть Дадоева, протянувшего руку к селектору.

— Сиди тихо, Белый! Я ведь не шучу.

Президент Федерации потер локоть, однако страха на его лице не было, только удивление, досада и любопытство.

— Ты случайно не из «чистилища», борец за справедливость?

— Из него, — с запинкой кивнул Матвей, сообразив, что это хорошее прикрытие.

— Один, без подстраховки?! Да тебя уложит любая из моих герл, не говоря об охране.

— Имя, адрес.

— Это был он. — Президент Федерации кивнул на застывшего кожаного. — Перестарался парень, с кем не бывает. Но ведь ты не выйдешь отсюда, герой, неужели не понимаешь?

Дадоев заулыбался, взял со стола лезвие бритвы, подбросил, поймал.

— Человеку так мало надо. Один молодой мужик вроде тебя недавно проглотил бритву и помер.

— Я знаю еще более страшный случай. Один чиновник вроде тебя захлебнулся собственной слюной во время сна.

— Понятно. — Дадоев поскучнел. — Берите его, девочки.

В то же мгновение в кабинет вошли три девицы, две — знако-

мые «герлы»-секретарши, третья — великолепно развитая брюнетка с роскошными волосами. Видимо, президент все-таки успел включить селектор, либо знал секрет связи с охраной.

Тут же все и выяснилось.

— Они тебя сразу раскусили, — расслабился Дадоев, пригладил ниточку усов. — И предупредили. Так что, господин «чистильщик», ты избрал худшую из дорог. Кстати, а кто он тебе, этот Илья Шимук, автослесарь? Брат, сват, шурин, свояк? Или просто так?

Матвей не ответил, привычно в г о н я я себя в фазу концентрации турийи. Он уже видел, что уйти без боя не удастся, и удивился открытию: за Белым, то есть президентом «Независимой Федерации Кик-боксинга», явно стояли какие-то гораздо более мощные силы, а не ученики-боксеры муай тай и каратисты. Слишком просто сюда войти и слишком сложно выйти. А это почерк спецкоманд, а не школ единоборств.

Матвей прикинул возможности. У Дадоева в столе наверняка лежит пистолет, а то и что-нибудь похлеще, но он расслаблен и в первой фазе не страшен. Кожаного Чарли тоже в расчет можно не брать, он придет в себя не скоро. Оставались девицы, вооруженные специальными туфлями с металлическими каблуками и носками. Одна из них, брюнетка, кроме того держала в руке короткую толстую витую плеть из кожи и проволоки. Как говорится, тикара курабэ* не в его пользу, но разве когда-то было наоборот?

Он начал первым, потому что хорошо чувствовал обстановку: у него в запасе оставалось не больше минуты, пока не отреагировали скрытые защитные системы «Федерации», а тогда выбраться из опасного гнезда, в какое он попал, не ведая того, будет и вовсе проблематично.

Девицы хорошо знали приемы типа суй-но ката и хиккими**, то есть имели неплохую базу японских видов борьбы, хотя и работали без соблюдения стилей — тигра, дракона, журавля и так далее. Но даже против айкидока их техники не хватало, не говоря уж о ганфайтерах, чье боевое искусство было полностью рефлекторным. Матвей же владел не только японским кэмпо, но и тайским боксом, и индийскими видами борьбы, а главное — русским стилем, впитавшим в себя достижения всех лучших мировых школ боевых искусств.

Ему хватило двух десятков секунд, чтобы обездвижить агрессивно настроенных «герл» и их предводительницу с плетью, а потом закончить разговор с Белым. У того была хорошая реакция, и он почти успел вытащить из стола пистолет-пулемет «Волк», о котором кстати, шла речь в задании Ивакина, однако Матвей опередил его. Сказал, пригнувшись и прислушиваясь к звукам в приемной:

---

* Тикара курабэ — соизмерение сил (сумо).

** Суй-но ката — ускользание от атак, хиккими — особый способ передвижения во время боя.

— Мухи против ветра не летают, Белый. До встречи.

В приемной сидел здоровяк с бритыми висками и затылком, и Соболев присоединил его к «битой компании», решив не рисковать выстрелом в спину. Здоровяк отключился, ничего не успев сообразить.

В коридоре никто гостя не ждал, лишь при выходе из здания Матвею преградили путь трое молодых ребят в черных сампанах. Но поскольку и они не ожидали встретить ганфайтера, то Матвей боя не принял, проскользнув мимо в танце ма-ай*. Выбежав на улицу, рванул за угол, во двор здания, маскируясь кустами, и вовремя: вслед ему треснуло несколько выстрелов. А в переулке за дощатой будкой строителей кто-то легонько стукнул пальцем ему по плечу. Матвей ударил вслепую, не попал и оглянулся. Это был Тарас Горшин.

— За мной, быстро, у меня машина, — шепнул тот, приложив палец к губам и кивнул на старый, видавший виды «Москвич». Не раздумывая, Соболев метнулся за ним. Спустя минуту они были далеко от здания «Независимой Федерации Кик-боксинга», мотор у «Москвича», как и у Соболевской «Таврии», был специально форсирован, и машина не шла — летела, как ракета, мощно и плавно, разве что менее шумно.

Горшин в неизменном белом костюме молчал, пока они не отмахали пол-Москвы, остановил машину в Кузьминках, откинулся в кресле, закинув руки за голову.

— Зря вы ввязались в это дело. Рано или поздно эти парни вас вычислят.

— Я не боюсь.

— Не в страхе дело. Ведь когда к вам придут боевики Белого, вы начнете сопротивляться, не так ли? А это означает, что вас определят как ганфайтера.

— В таком случае я не буду сопротивляться, — подумав, сказал Матвей.

— Тогда вас убьют. Вы хоть представляете, кого хотели наказать за своего друга?

Матвей заставил себя расслабиться, хотя его неприятно поразила осведомленность «чистильщика», помолчал.

— Это вас я засек перед тем, как войти туда?

В глазах Тараса зажегся и погас огонек, в голосе прозвучало не столько уважение, сколько удивление.

— Засечь меня трудно даже ганфайтеру... если вообще возможно. Но коль это так, далеко пойдете, капитан. Так вот, организация, в штаб которой вы проникли — отдаю должное смелости и порицаю

---

* Ма-ай — сочетание оптимальной дистанции и подходящего момента для тех или иных действий.

за нерасчетливость, — называется батальон спецназа «Щит», подчиняющийся лично начальнику Управления «Т» Федеральной службы контрразведки генералу Ельшину.

Матвей недоверчиво глянул на Горшина. Конечно, он знал, что подразделялась ФСК на четыре Управления: «К» — собственно контрразведки, «И» — информационно-аналитическое, «КК» — Управление по борьбе с коррупцией и контрабандой наркотиков, и «Т» — Управление по борьбе с терроризмом и охране правительства. Но Матвей изумлялся не тому обстоятельству, что случайно влез в осиное гнездо «Щита», а пересечению интересов. Выполнять задание Ивакина — «прощупать этот самый «Щит» — он собирался позднее, и надо же — попал туда, даже не подозревая об этом!

— Вообще-то я искал Белого... вожака рэкетиров. Там был их президент, седой такой, Дадоев Булат, я думал — он.

— Белый у них — псевдо комбата майора Шмеля Юрия Степановича, так вот он — альбинос, потому и Белый. А Дадоев — зиц-председатель, хотя его солдатики действительно занимаются рэкетом.

Матвей прошипел сквозь зубы. Подумав, отклеил усы, снял очки и взъерошил волосы, принимая свой естественный облик.

— Зачем вы следили за мной?

— Я не следил, просто появился в нужный момент в нужном месте.

— Зачем?

— Чтобы предложить дело. «Фискалы» взяли одного нашего работника, надо его освободить.

Матвей хмыкнул.

— Что же это он позволил себя захватить?

— Его подставили. Люди есть люди, и не все «чистильщики» свободны от человеческих недостатков: зависти, корыстолюбия, властолюбия, злобы. Итак, ваше слово.

— Согласен, — угрюмо сказал Матвей.

Координационная коллегия подразделений Министерства внутренних дел: Главного Управления, МУРа, милиции, ОМОНа, отдела по борьбе с организованной преступностью, управления по охране общественного порядка, — заседала не на Огарева, а в новом двенадцатиэтажном здании ГУВД на Берсеневской набережной.

Началась она с доклада о криминогенной обстановке, подкрепленного статистическими данными и примерами. Примеры потрясали, и даже самообладание видавших виды оперативников, попривыкших по роду деятельности к ужасам и крови, было поколеблено.

То, что к лету с начала года число убийств возросло на сорок два

процента, никого не удивило, но то, что убийства стали массовыми, говорило о самой настоящей войне преступников с органами правопорядка и мирным населением. Заместитель генерального прокурора, присутствовавший на коллегии, привел такой пример: банда подонков проиграла другой банде сто (!) девушек и начала убивать всех, кого могла найти в пределах своей «рабочей зоны», предварительно их насилуя. Лишь после восьмой жертвы удалось напасть на след банды и взять троих ее членов... которые сутки спустя были убиты в следственном изоляторе неизвестными лицами. Скорее всего это поработал «Стопкрим», пресловутое «чистилище», о котором заговорили в полный голос все газеты, теле- и радиовещание.

Затем привел примеры замминистра МВД генерал Стешин. Когда зачитывались цифры — сколько совершается преступлений и сколько раскрывается, сколько оружия изъято у преступников и какое оно, зал молчал, но стоило Стешину коснуться серии заказных убийств руководителей коммерческих структур, как раздался шум. Все знали, чем это закончилось. В дело снова вмешался «Стопкрим», и убийцы получили «вышки» без суда и следствия. Их нашли всех до одного и уничтожили. Как нашли, каким образом — осталось неизвестным.

И, наконец, шум в зале возник еще раз после сообщения о том, что «чистилище» занялось прокуратурой, предъявив обвинения в коррупции хорошо известным лицам. Не было сомнений, что на угрозах «Стопкрим» не остановится, он уже доказал свою решительность, жестокость и профессионализм.

— Конечно, деятельность «чистилища» незаконна, никто не вправе вершить самосуд, — подвел итоги Стешин.— Однако то, что оно пользуется поддержкой населения, факт. Мы как органы правосудия не просто уязвлены, мы поставлены перед проблемой — как поставить дело таким образом, чтобы работать лучше, и при этом не нарушать закон.

— Не лучше ли пресечь деятельность этого... хм, «чистилища», — проворчал один из советников юстиции, сидевший в президиуме.

Стешин услышал его, обернулся.

— МУР занимается им уже год, а результатов — почти ноль.

— Значит, грош цена тем, кто ими занимается. Поищите работников поопытнее.

— Но ведь «фискалы»... э-э, сотрудники контрразведки, кажется, взяли одного работника «чистилища», — проговорил командир бригады ОМОН. — Есть какая-то информация по этому делу?

Представитель ФСК покачал головой.

— К сожалению, ничего определенного сообщить не могу. Этот человек ранен и, естественно, продолжает молчать. После лечения в... э-э, спецклинике, мы переведем его в наш ... м-м, санаторий, и попробуем взять показания.

— Как видите, и этот единственный успех трудно назвать успехом, — развел руками Стешин. — Итак, коллеги, помимо наших постоянных забот координации требуют и усилия по розыску «Стопкрима». Надеюсь, вы понимаете, что правительство заинтересовано в успехе этого дела, потому что нет сомнений: «чистилище» замахивается не только на Купол мафии, но и на «купол» высшей власти, что вполне может дестабилизировать и без того сложную обстановку в стране и привести ее к настоящему хаосу.

Коллегия закончилась разбором конкретных дел и постановкой каждому подразделению оперативных задач, требующих совместных действий. Что касается «Стопкрима», то основную работу по розыску этой организации взял МУР, хотя нашлось, что делать, и ОМОНу и Управлению по охране общественного порядка, и службе информации на базе компьютерного поиска.

После коллегии в кабинете начальника МУРа генерала Давидского состоялось совещание, на котором присутствовали его зам полковник Собокий, начальник службы обеспечения полковник Музыка и начальник оперативно-розыскной бригады полковник Синельников, фигура одиозная, известная в узком кругу под прозвищем «скелет».Это был громадный «гомункулус» с двухметровыми плечами и руками толщиной в ляжку обыкновенного человека, способный ударом кулака разбить сейф. С виду он казался простым, крутым и прямым, как ствол ружья, на самом деле полковник Синельников был отменно умен, ироничен, хваток, профессионально цепок и начитан, за что и был уважаем и сержантами, и офицерами МУРа. А на шутки коллег в свою сторону типа: «наш скелет», « импузантный мужчина» или «как мужчина он неотрезвим», — Синельников не только не обижался, а даже поощрял остроумие подчиненных, зная, как это разряжает атмосферу и способствует психологической и умственной разрядке.

— Свои дела разберем после, — начал совещание генерал Давидский. — Давайте подумаем, как будем работать по «Стопкриму». Обычными методами «чистилище» не взять, их профессионалы посильнее наших.

— Но одного из них все же взяли, — раздался тенорок полковника Собокого, чем-то похожего на актера Льва Дурова.

— Там не все чисто, — поморщился Синельников. — Во-первых, Ариставу взяли случайно, ждали другую птицу — сбежавшего Лантуха. Во-вторых, Ариставу подставили, причем кто-то из своих, надо полагать. В-третьих, брали его «бегемоты» из Управления «К», а не «Т», то есть «Руслан», который специализируется не на террористах, а на шпионах. Тут какая-то загадка.

— Не суть важно.

— Это не тот ли Аристава — бывший чемпион Грузии по дзюдо? — меланхолически спросил Музыка.

— Тот самый. Работал в Тбилиси, потом в Москве тренером по настольному теннису, он еще мастер и по этому виду спорта. Никто не знал, что он работает на «чистилище».

— «Фискалы» знали, если подключили «Руслан». Они его раскрутят, и обойдется без нашего вмешательства.

— Вряд ли. Я его знаю по одному делу, из него слова не вытянешь, если сам не захочет сказать.

— Захочет жить — скажет, — проговорил вечно озабоченный Музыка. — Как говорится, друзей нельзя купить, но можно продать. К тому же существуют психотронные методы допроса. Заговорит.

Синельников посмотрел на полковника, однако промолчал.

Потом, через некоторое время сказал угрюмо:

— И все же мне непонятно, почему Ариставу брал «Руслан», бывшие «крапчатые береты» МБР. Выяснили бы по своим каналам, Семен Вениаминович.

— Попробую, — буркнул генерал. — Это твое убеждение, Глеб Максимович? Насчет «продать друзей»?

Музыка пожал круглыми плечами, вытер потное лунообразное лицо с набрякшими веками.

— У меня нет никаких убеждений. Я реалист — только.

— Что ж, отсутствие убеждений — тоже убеждение, хотя мне больше нравится их присутствие. Александр Викторович, у вас есть соображения по «чистилищу»?

Синельников набычил круглую голову с ежиком волос, потер затылок, сказал глуховато:

— Перед коллегией я составил криминал-карту Москвы, так вот, выяснилась любопытная деталь: «чистилище» оставило следы во всех муниципальных округах, кроме одного — Центрального. Не там ли расположен их теневой центр?

В кабинете наступило молчание. Тишина прерывалась лишь стуком карандаша о столешницу, который по привычке вертел в пальцах генерал.

— В качестве рабочей версии допустимо, — проблеял Собокий. — Но Центральный округ — это двадцать квадратных километров площади.

Начальник МУРа кивнул.

— Никто не собирается искать «чистилище» с миноискателем. Разработайте ориентировку всем группам и бюро, может, отыщется какой-нибудь реальный след. Хотя уже то необычно, что это район базирования властных госструктур. Не указывает ли данный факт на то, что в руководстве «Стопкрима» сидят люди «высшего полета»? Из федерального собрания, например, или Госдумы, из правительства, наконец? Что у вас еще, Александр Викторович? — заметил жест Синельникова генерал.

— Есть еще одна зацепка — кадры. Надо бы пройтись по архивам силовых ведомств и выяснить, кто из профессионалов уволен оттуда и по каким причинам. Можно будет выйти на «чистилище» без особых изысков, ведь работников оно набирало не из ангелов — из простых смертных.

— Хорошая мысль, — меланхолически заметил Музыка. — Я займусь этим вопросом, если позволите. Хотя не думаю, что мы самые умные. «Фискалы», наверное, уже успели в этом вопросе перебежать нам дорогу.

— Вполне может быть, — снова кивнул генерал. — Но попробовать стоит. За работу, коллеги. Хотя впервые я делаю работу вопреки желанию. «Чистилище», конечно, еще раз подчеркиваю, судом Линча поставило себя вне закона, однако я солидарен с ним по некоторым вопросам. Слишком часто наше правосудие оказывается бессильным против преступников.

— В общем, дело дрянь,— согласился Музыка.

Синельников усмехнулся, осторожно откинувшись на заскрипевшую спинку стула.

— Пессимист ты, Максимыч.

— Ты что ль, оптимист? Поработал бы в органах с мое...

— Упаси господи! Здоровья не хватит. Кстати, знаешь разницу между пессимистом и оптимистом? Пессимист говорит, что дело дрянь и будет еще хуже, а оптимист — дело дрянь настолько, что хуже быть не может.

Начальник МУРа улыбнулся, но тут же стер улыбку с лица и стукнул карандашом о стол:

— Все свободны.

ОСВОБОЖДЕНИЕ АРИСТАВЫ

Сон пришел под утро, как и другие подобные сны. Матвей уже научился предчувствовать — это был именно тот, странный сон, который хотелось понять и смысл которого не давался, как Матвей потом ни мучился, пытаясь соотнести его с реальным течением жизни. Он увидел гиганта.

От земли до неба возвышалась его фигура, одетая в сияющий золотом плащ, сквозь который иногда просвечивало нечто странное, похожее не на тело, а скорее на кружева паутины или резную листву клена. Ноги великана утопали в траве, а голова в необычном наряде, похожем на шляпу и шлем космонавта одновременно, скрывалась в облаках.

В одной руке гигант держал факел, из другой сыпался на землю поток серебристой пыли, тающий в воздухе. Факел вычертил какой-то знак, отделившийся текучим пламенем, затем еще один и еще.

Каждое движение рук гиганта было исполнено смысла, каждый взмах факела рождал длинный ряд уходящих в небо символов. Но ослепленный Матвей не мог уследить за ними, и знаки таяли, исчезали, унося с собой тайное знание, отчего хотелось плакать и звать кого-то.

— Взгляни на него внимательнее, — раздался знакомый по прежним снам женский голос.

Матвей напряг зрение и увидел, что великан непрерывно движется. Казалось, бесчисленные толпы людей проходят перед его глазами, исчезая, прежде чем он мог сообразить, что видит. Среди этих толп брел и он сам, мучаясь косноязычием, болью других людей, невысказанностью и желанием вырваться из узкого круга рутинного бытия. Он сам был и гигантом, и карликом, действующим лицом и зрителем, мог менять одежды и тела, декорации и миры, в и д е л в себе эту возможность, но не знал, каким образом применить свои знания.

— Стучись, — долетел сожалеющий шепот невидимой спутницы гиганта, — и откроется, спрашивай — и ответят тебе.

Гигант вдруг нагнулся, глянул на Матвея в упор, и тот узнал то самое лицо, «лицо Будды», отталкивающее и притягивающее, величественное и простое, безмятежно спокойное и полное огня и силы.

— Инфарх! — прошептал он и, прежде чем проснуться, услышал изумленно-радостный вздох женщины:

— Похоже, он узнал вас, мастер...

Как и всегда после пробуждения Матвей некоторое время лежал с закрытыми глазами, анализируя сон, те эмоции, которые испытал во время сна, а также физическое и психическое состояние. Страха — что он-таки болен! — уже не было, он был здоров, а сон говорил лишь о том, что в сознание стучится из глубин неосознанной психики какая-то важная информация, «записанная» там на генном уровне. Оставалось ждать, когда она проявится, просочится сквозь барьер внутреннего бытия. Подумав так, Матвей удивился: формулировка возникла сама собой, без участия разума, будто он давно знал, о чем идет речь, хотя никогда не читал учебники по биологии.

Открыв глаза, Матвей оглядел спальню и поразился ее аскетизму. Конечно, из Рязани он взял с собой кое-какие личные вещи, придающие уют жилищу, но, во-первых, он никогда не обращал раньше на это особого внимания, просто сейчас наступило время, а во-вторых, истинный уют в квартире может создать только женщина. Единственная и неповторимая. Которой в наличии не имелось. Были, конечно, подружки, не претендующие на конечный результат — замужество, но, во-первых, редко — Соболев никогда не был рабом желания, — а во-вторых, Матвей привык жить по формуле: тот, кто в состоянии пожертвовать всем, может добиться всего. И все-таки чего-то ему в жизни не хватало. Даже не женщи-

ны — единственной и неповторимой (Матвей улыбнулся), — а того комплекса проблем, который всегда с ней связан. Всегда ли он уж так непереносим?

Зарядка, умывание, бритье и завтрак заняли час пятнадцать минут, причем лишь пятая часть времени — последние три процедуры. В четверть восьмого Матвей уже выходил из квартиры. Предстояло заехать в больницу к Илье, встретиться с Ивакиным и найти Горшина, который должен был ввести его в курс дела и предложить план высвобождения Кости Аристави, захваченного «фискалами» — сотрудниками федеральной контрразведки.

К стоянке Матвей решил пройти другим путем — через сквер и Малый Бакановский переулок. Времени хватало, и хотелось хоть минуту подышать природой.

Аллеи и скамейки сквера еще пустовали по причине раннего утра, лишь служитель сквера подметал пятачок возле палатки напитков, да спешили по делам полусонные прохожие. Солнце еще не поднялось над крышами домов и вершинами деревьев, сквер был исполосован тенями и напоен ароматами летних трав, хотя рядом, в сотне метров, текла асфальтовая река автомагистрали.

Свернув с аллеи к выходу из сквера, Матвей наткнулся на тихо плачущего мальца, которому исполнилось от силы два с половиной года. В шортиках и маечке, с сандалией в руке, белоголовый, пушистый, как одуванчик, карапуз представлял собой трогательное зрелище. Увидев незнакомого дядю, он перестал всхлипывать, распахнул голубые глазищи, полные слез и сказал обреченно, как взрослый:

— Вот мама уша... а я потеляся...

Матвей рассмеялся, но потом сообразил, что малыш действительно один, нагнулся к нему:

— А куда она пошла, мама?

Карапуз ткнул ручонкой куда-то в глубину сквера, и Матвей, надев ему сандалию, повел в указанном направлении, по пути выяснив, что того зовут Тиша (Тихон, что ли?), маму Вела (Вера, значит), папу Сележа, а воспитательницу Калелия Юльевна. Однако найти маму не удалось, в сквере ее не было, а искать ее по улицам не имело смысла. Поскольку резерв времени закончился, Матвей посовещался с малышом, доверчиво цеплявшимся за руку, и остановил проходившего мимо милиционера в летней форме, высокого, молодого, хотя уже и с брюшком, и с глазами навыкате.

— Извини, командир, вот этот пацан потерялся, я его в сквере обнаружил, а мать куда-то зашла, наверное, не могли бы вы заняться им? У меня, к сожалению, времени нет, опаздываю.

Сержант нехотя остановился, кинул взгляд на большеглазого карапуза и оглядел Матвея.

— Документы.

— Что? — не понял Матвей. — Какие еще документы?

— Твои. Предъяви документы.

— Да при чем тут мои документы, малыш потерялся, надо помочь найти родителей...

— Давай предъявляй, — с угрозой пробубнил сержант, берясь за дубинку на поясе. — Кто, куда, как здесь оказался.

— О, черт! — Матвей хлопнул себя по бедру, еще раз попытался объяснить свою роль в этом очевидном деле, но потом понял — бесполезно. В голове этого молодого кретина не было ничего, кроме инструкций, примитивных желаний и жажды власти, и говорить с ним надо было на его языке.

Матвей железными пальцами сжал запястье милиционера с дубинкой, второй рукой придвинул его за отвороты рубашки к себе и сказал тихо, но так, что сержант побелел:

— Послушай, урод! Уходи из органов. Сегодня же! Если я еще раз встречу тебя в форме, скормлю «чистильщикам»! Усек?

Милиционер, сглотнув, дернул головой.

— Ну и ладушки, — миролюбиво закончил Матвей. — Так не забудь. Придешь на работу — сразу рапорт начальству на стол. Я проверю. — Повернулся к малышу. — Пошли, Тихон.

Через несколько минут Матвей сдал «находку» в ближайшее отделение милиции и до стоянки добрался уже без приключений. Думал он о том, что и до сих пор в милицию идут зачастую те, кто не нашел себя в жизни, отщепенцы, дуболомы, идиоты, эгоисты, властолюбцы и бандиты, не желающие работать. Иначе трудно объяснить причины постоянного роста преступности. Такие, как этот сержант, с позволения сказать «блюстители порядка», наверняка живут с подачек рэкетирствующих банд, коммерческих структур и мафии, закрывая глаза в нужное время и в нужном месте на бесчинства хулиганья, прямое воровство и многое другое.

Илья чувствовал себя лучше, хотя до полного выздоровления ему предстояло пролежать в больнице не меньше двух недель. Матвей не стал ему рассказывать о своей попытке отвадить команду Белого, но в душе твердо решил добиться своего. Надо было лишь соответствующим образом подготовиться и поработать с информацией. Об отряде «Щит» он до задания Ивакина ничего раньше не слышал, но подобные формирования явно попирали закон, как и отряды фашистского толка, нацлегионы, чернорубашечники и воинствующие секты сатанистов. «Независимой Федерацией Кик-боксинга» следовало заняться всерьез.

Матвей остановил машину за хозяйственным магазином на Булгаковской и вернулся. Несколько минут он вслушивался в мир вокруг, сконцентрировавшись на локации возможной опасности, но все было спокойно. Темных облаков и угрюмых непрослушиваемых зон, какими он чувствовал присутствие факторов, угрожающих жизни,

этот квартал не таил. Тогда Матвей вошел в арку дома напротив хозмага и во дворе под липами увидел белый «рафик» с матовыми стеклами по бортам. За рулем сидел какой-то бородатый тип и читал газету. Увидев Соболева, он выбросил газету в окно, и Матвей повернул к «Рафику»: машина ждала его.

Горшин, как и ожидалось, сидел в салоне микроавтобуса, одетый в строгий серый костюм, белую рубашку с галстуком и летние туфли. В этом костюме он был похож не то на директора банка, не то на агента спецслужб. Сжав руку Матвея, как клещами, он окинул его взглядом и кивнул на стопку одежды на сидении.

— Переодевайтесь.

— Зачем?

— Едем вызволять Ариставу.

Матвей едва удержался от возгласа удивления, недоверчиво глянул на безмятежное лицо Тараса, хотел выразить сомнение в целесообразности столь нахальной операции (днем?! На глазах врачей и двух десятков охранников?), но поймал взгляд Горшина, в котором вспыхивали искры насмешливости, иронии, оценки и твердой уверенности в себе, и молча стал переодеваться в точно такой же костюм, что и на «чистильщике».

«Рафик» тронулся с места, выехал со двора и влился в транспортный поток улицы.

— Костю держат на Большой Потемкинской в Первой спецтравматологии, принадлежащей ФСК, — сообщил Тарас, достал из сумки какие-то карты, сунул Матвею. — Это планы здания, фото и схема охраны. В вашем распоряжении четверть часа, справитесь?

Матвей взял пачку листов, принялся изучать. Вопрос он задал лишь один:

— Кто еще участвует в операции?

— Я и водитель, — ответил Горшин, ожидая реакции собеседника, но, поскольку тот остался невозмутим, добавил:— Существует теория увеличения результативности при увеличении риска, и я ее проверил на практике.

Вскоре машина остановилась.

— Приехали. Вы готовы?

Матвей сложил фотографии, схемы и планы в стопку, подровнял и вдруг одним мгновенным ударом указательного пальца пронзил всю стопку насквозь.

— Пошли. Силой эту больницу все равно не взять, так что ваш расчет на внезапность и наглость может сработать.

— Существует поговорка: сила — пропуск для входа, ум — для выхода. Применительно к нашим условиям она будет звучать так: ум — пропуск для входа, сила и ум — для выхода, — и все это с изрядной долей наглости. Объяснять ганфайтеру, что следует делать в той или иной ситуации, не требуется?

Матвей молча полез из «Рафика».

Центр спецтравматологии представлял собой небольшое с виду двухэтажное здание в форме буквы «П», окруженное парком и забором из металлической сетки. Забор не находился под напряжением, но представлял собой хитроумный колебательный контур, к которому подсоединялся измерительный комплекс, способный по изменению емкости контура определить, в каком месте и какое живое существо подошло к забору. Основной же объем Центра прятался под землей — еще целых пять этажей с операционными, лабораториями, палатами, манипуляционными кабинетами и медицинским компьютерным комплексом.

Горшин подошел к закрытым воротам, вставил в белый ящичек слева какой-то стержень, и ворота стали медленно открываться.

— Заезжай, — махнул рукой Тарас.

«Рафик» миновал ворота и покатил по аллее к левому крылу здания.

— А мы через центральный.

Охраны нигде не было видно, однако Матвей чувствовал, что за ними следят. Где-то в зарослях прятались телекамеры, а может быть, и скрытые посты.

Двери центрального входа, не приспособленные для вноса пациентов, были открыты, но за вертушкой посетителей ждал детектор, кодированный автомат пропуска и охранник в серой униформе с кобурой пистолета на боку. Второй выглядывал из окошка будки допуска.

Горшин вставил в автомат плоскую пластинку, вертушка провернулась, пропуская гостей. Охраннику Горшин показал красное удостоверение с золотым тисненым орлом и печатью: Федеральная служба контрразведки России. Наискось через уголок удостоверения шли две полоски — золотая и серебряная — знак допуска высшей степени. У Матвея удостоверения не было, но его пропустили и так. Не спрашивая ничего ни у охранников, ни у дежурной медсестры в холле за перегородкой, Тарас уверенно двинулся к лифту.

В кабинке лифта оказался такой же кодовый запросчик, что и на входе. Горшин положил руку на панель аппарата, полузакрыл глаза и некоторое время стоял так, пока у Матвея не созрело ощущение, будто воздух загустел и завибрировал. Дверь лифта закрылась, кабина поехала вниз. Горшин усмехнулся в ответ на взгляд Матвея, но ничего пояснять не стал.

Вышли на третьем — если считать с поверхности — этаже, вышли и уперлись в прозрачную перегородку. Со стула встал верзила в сером костюме, читающий газету, взялся за ремень. Тарас молча сунул ему удостоверение, и охранник так же молча нажал кнопку в стене, дверь отъехала в сторону.

Коридор освещался белыми люминесцентами, так что казалось —

он залит солнечным светом. Ни одного человека в белом халате Матвей не увидел, подумав, что на больницу этот Центр похож мало, скорее — на тюремный изолятор.

Костя Аристава лежал в палате с номером «4», оборудованной капельницей и кислородным боксом с комплексом автоуправления. В его палате находился еще один охранник, читавший уже не газету, а журнал «Мы». Он встал, и в глазах его зажглось недоумение.

Горшин посмотрел ему в глаза. Снова Матвею показалось, что воздух странно уплотнился, а под волосами по коже головы прошелся холодный ветерок.

— Носилки, дежурного врача, — обронил Тарас.

Охранник выронил журнал, прошел к интеркому на стойке в углу, вызвал врача и остался стоять, выжидательно глядя на вновь прибывших.

Вскоре пришел дежурный врач в сопровождении офицера охраны в форме капитана внутренних войск.

— Мы его забираем, — кивнул Горшин на раненого. — Вот индульгенция.

В руке Тараса появилась сложенная вдвое белая карточка, хотя Матвей мог поклясться, что Горшин не сделал ни одного движения, чтобы достать ее. Матвей мигнул — карточка исчезла, но для врача и офицера она, похоже, продолжала существовать. Врач пожал плечами и поманил из коридора санитаров с тележкой. Офицер тоже удовлетворился «документом», лишь спросил:

— Куда вы его?

— В Лефортово, — ответил Горшин басом.

Врач отсоединил капельницу, залепил ранку какой-то белой массой, похожей на клей. Санитары уложили бледного до синевы Ариставу на тележку и выкатили из палаты. Горшин направился за ними, Матвей отстал, замыкая процессию.

Лифт поднял их наверх, на поверхность земли. Повернули налево, в коридор, выходящий во двор. Но уже при выходе — процедура оказалась непростой, дверей было целых три! — произошло непредвиденное. Охранник, управляющий дверями, вдруг остановил движение наружной двери, а из второго коридора торопливо вышла группа людей: трое — в таких же точно костюмах, что и Соболев с Горшиным, двое охранников и офицер — майор внутренних войск. По напряженной спине Тараса Матвей понял, что тот утратил контроль над ситуацией. Пришла догадка: за Аристовой послана делегация настоящих «фискалов», и по невероятной случайности их пути пересеклись.

— Стойте! — махнул рукой майор, в то время как спецы в штатском умело блокировали все коридоры, входы и выходы, а охранники достали оружие.

Капитан и врач, сопровождавшие группу освобождения, погля-

дели друг на друга, на Горшина с Матвеем, но не двинулись с места, как и санитары, катившие тележку с телом Аристовы. Тарас продолжал контролировать их действия в пси-контакте.

Пришло время действовать — понял Матвей и начал д в и ж е н и е. Противников было десятеро плюс охранник в будке на выходе, из них четверо — тренированные специально, и трое в штатском с неизвестной, но наверняка серьезной подготовкой. Их Матвей оставил напоследок, решив понаблюдать за тем, как они поведут себя в процессе поединка.

Если кто и ожидал от него каких-либо попыток сопротивления, так это лишь майор охраны, не тешивший себя надеждой тройного численного превосходства. Но его-то как раз Матвей и «вырубил» первым, на полупрыжке, с разворотом вправо, нанося удар точно в подвздошье. Майор, молодой мужик лет тридцати с небольшим, отключился, успев лишь вытащить табельное оружие — «Макаров» девяносто второго года выпуска. Приземлившись посреди охранников возле третьего «фискала», в штатском, Матвей «взорвался» — нанес одновременный удар всем троим, не особенно заботясь о сохранности ребер соперников. Это был нестандартный ка-но ката в исполнении «импоссибл», с удлинением удара — при расчленении плечевого сустава, с выплеском энергии, и все три могучих молодца грохнулись о стены коридора, сбитые с ног, как кегли. Еще одного штатского Матвей достал в подкате, выбив ногой пистолет и тут же второй угодив в подбородок. А когда вскочил — увидел на уровне глаз зрачок мини-автомата («Салих», 5,56 мм): оставшийся на ногах последний штатский оказался проворнее своих коллег.

И тут в схватку вмешался Горшин.

От места, где он стоял, до «фискала» с автоматом было не меньше пяти-шести метров, и тем не менее его «выдох руки» — резкий толчок ладонью, погнавший тугой, узконаправленный порыв ветра, достиг цели! Автомат от этого невидимого удара вылетел из руки штатского, и, пока тот находился в шоке от происшедшего, Матвей достал и его, уложив на пол с первого выпада.

Оставался еще охранник у двери, но им тоже занялся Горшин, придавив тяжелым взглядом до состояния ступора. Он же сам и открыл двери, пропустив санитаров с тележкой.

Погрузка в «рафик», стоявший на эстакаде, прошла без инцидентов. Лишь когда они выезжали за ворота, от центрального входа раздался крик, а в кустах слева задребезжал звонок — здесь действительно находился скрытый пост наблюдения за периметром Центра.

Ехали, вернее, мчались недолго, минут десять, не говоря ни слова. Быстро переоделись в свою обычную одежду. Затем в каком-то глухом дворе перегрузили Ариставу в специально оборудованный фургон с надписью «Хлеб», пожали шоферу руки и вышли со двора

на тихую улочку, где их ждала черная «Волга» с затемненными стеклами. Горшин сел за руль, Матвей примостился рядом. Только теперь он позволил себе расслабиться, да и то не полностью, помня возможности соседа, продемонстрированные им в ходе операции. Тарас покосился на него, по губам его скользнула понимающая усмешка.

— С почином, ганфайтер. Могу определенно сказать, что я в вас не ошибся. Мастера вашего класса встречаются очень редко,«чистилищу» повезло, что вы с нами.

— Не знаю, — глухо сказал Матвей. — Я еще не определился до конца. И у меня есть кое-какие вопросы.

— Я готов к ним. Кстати, действовали мы без санкций руководства «чистилища». Вернее, в разрез с их инструкциями. Нам было предписано Ариставу убрать, чтобы он не заговорил.

Матвей присвистнул.

— Вот именно. Поехали куда-нибудь. Можно ко мне, если не возражаете, живу я в районе Щелково.

Матвей подумал и согласился. Признание Горшина его ошеломило.

Ехали сорок с лишним минут, не обращая внимания на посты ГАИ: у «Волги» был «крутой» номер — четыре шестерки и три буквы «М», обозначавшие ее принадлежность к властным структурам.

Тарас жил в собственном доме на окраине нового массива, в зеленой зоне Щелково. Дом был окружен лесом, а обрабатываемый участок с плодовыми деревьями и огородом не превышал пяти-шести соток, зато был тщательно ухожен и содержался в идеальном порядке, как и дом недавней постройки, больше смахивающий на коттедж финской планировки. В доме было пять комнат и кухня, но Тарас их не показал, проводив гостя в большую гостиную, от убранства которой Матвей буквально обалдел. Выполненная в готическом стиле, она представляла собой, по сути, каминный зал в каком-то рыцарском замке с великолепной коллекцией старинного оружия и лат.

Соболев подошел к стене, задрапированной сине-фиолетовым бархатом, снял с подвески длинный обоюдоострый меч, с восхищением оглядел рукоять, тускло блеснувший клинок. По желобку клинка вилась затейливая вязь старинных русских букв, складываясь в слова: «Не обнажаша напрасн».

— Тринадцатый век, — сказал Тарас, наблюдая за гостем. — Меч русского князя Волеслава.

Матвей крутанул меч красивым кистевым вывертом, так что тот с шипением разрезал воздух, вложил в ножны, повесил обратно. Проговорил с извиняющейся улыбкой:

— Я не мастер кэндо, но всегда тяготел к холодному оружию, особенно к мечу.

— Наследственность тяжелая, — пошутил Тарас, приглашая гостя сесть. — Мастер не мастер, а держите меч профессионально. Что будем пить?

— Кофе, если можно.

Горшин кивнул и вскоре принес на подносе чашки из тонкого китайского фарфора и турку, разлил кофе по чашкам. Сели в старинные, из темного дерева, кресла.

— Итак?

Матвей отхлебнул глоток ароматного напитка.

— Кто вы? Я имею в виду, что обыкновенный человек не владеет внушением в такой мере, как вы. Это первое. Второе: что такое Внутренний Круг? Вы упоминали этот термин, называя себя человеком Круга.

Горшин тоже глотнул кофе, глянул на гостя, и тому вдруг показалось, что на него посмотрел не человек, а гора, а может, и вся планета, неизмеримо большая, тяжелая, полная загадок и тайн. Наваждение тут же прошло, но Матвей понял, что это и был ответ.

— Вы что-нибудь читали об эзотерическом наследии человечества?

— Маловато, — признался Матвей после короткого раздумья, хотя литературы набрал достаточно. — Но я все-таки начал читать. Что касается эзотерического знания... это что-то вроде знания, которое накапливалось много веков, но скрывалось от людей. Так?

— Не вроде — это действительно знание, которое накапливалось десятками и даже сотнями тысяч лет, и передавалось из поколения в поколение в пределах узкого круга посвященных. Дело в том, что человечество намного старше, чем принято считать, ему, по крайней мере, полмиллиарда лет. На Земле сменяли друг друга многочисленные цивилизации, неизвестные нашей истории. Некоторые из них достигали гораздо более высокого уровня, чем наша, но от них не осталось никаких следов. Кроме приобретенного ими знания, хранителями которого были особого рода школы.

— Внутренний Круг?

Горшин кивнул.

— И вы?..

— Я один из Посвященных, человек седьмого плана... ну, об этом мы еще поговорим. И я еще учусь. — На чело Тараса набежало облачко. — Знание и дает ту силу, которая способна управлять движением материи во Вселенной.

Матвей некоторое время размышлял.

— Тогда зачем это вам, суперу, Посвященному, — возня с бандитами, чиновниками, вообще земные дела? Не мелко ли это для человека Внутреннего Круга?

Теперь замолчал Горшин, уйдя в глубины памяти, и по лицу его бродили тени эмоций, возбужденных воспоминаниями. Наконец он с усилием вернул себя к реальности, и глаза у него были, как лед.

— Наверное, вы правы. Хотя у меня есть причина, по которой я занялся «земными делами». Когда-нибудь расскажу. Но тем не менее я человек, пусть и с более широким спектром возможностей. Кстати, вы тоже не совсем обычный человек, вы паранорм, человек шестого плана Круга, хотя ничего об этом не знаете. Это врожденный дар, очень редкий. Отсюда и ваши успехи в разных областях жизни, в том числе — в боевых искусствах, я имею в виду ваши способности ганфайтера, супера и волкодава, которые реализуются с помощью особых состояний типа сатори или турийи, с помощью выхода за пределы пяти чувств. Вы за собой ничего странного не замечали?

Матвей вспомнил свои сны, однако посвящать в них незнакомого человека не решился. Покачал головой. Горшин понял, допил кофе, унес чашки.

— Что еще вас тревожит?

— Многое. Насколько я знаю, по книгам, естественно, Внутренний Круг — это как бы человечество внутри человечества, его бессмертная душа, где хранятся все его достижения, результаты, успехи всех культур и цивилизаций. Так?

— Почти так. Однако люди не рождаются внутри этого Круга, и главная задача его членов заключается в подготовке своих последователей, учеников.

— У вас тоже есть ученики?

— Нет, — сказал Горшин с заметным колебанием. По всей видимости, вопрос был ему неприятен.

— Да, вы меня озадачили, хотя нечто подобное и ожидал услышать. Уж слишком точно вы определяли места наших «нечаянных» встреч. Каким образом, кстати?

— Это достаточно просто, ведь за каждым человеком тянется шлейф: запахи, испарения, тепловое и радиоизлучение, электрические, магнитные и биополя, инфра и ультразвуки. Я думаю, вы тоже способны ощущать подобные шлейфы, иначе не стали бы ганфайтером. Правда, для успешной охоты на человека нужно уметь еще вычислять поле его возможных траекторий и выбирать наиболее вероятную. Но и об этом мы еще поговорим.

— Надеюсь. — Матвей встал. — Кто этот парень, которого мы умыкнули из больницы?

— Один из наших исполнителей. Его подставили, причем очень умело, и сделал это кто-то из спикеров.

Матвей подождал объяснения, и Тарас, тонко улыбнувшись, добавил:

— Руководителей второго эшелона, отдающих приказы по телефону, исполнители, как правило, никогда не видят в натуре.

— Похоже, кто-то из них пытался подставить и нас.

Горшин перестал улыбаться.

— Почему вы так думаете?

— Человек седьмого плана Круга, Посвященный, каким вы являетесь по вашим словам, не должен ошибаться. Встреча с «фискалами» в клинике — это ошибка.

— Я... — Горшин заколебался было, но оборвал себя на первом же слове. — И тут вы правы. Человек Внутреннего Круга не должен ошибаться. Если только ему не закрыли выход в... — Тарас замолчал, глаза его на мгновение стали глубокими и черными, до краев заполненными внутренней болью. — До свидания, ганфайтер. Я найду вас в ближайшее время, решайте свои проблемы. Кстати, утечка оружия из секретного арсенала произошла не без участия команды Белого. Настоящая его фамилия — Шмель. Только прошу вас работать с ним осторожно. Белый-Шмель не дилетант, хороший тактик, умный и жестокий командир и великолепный знаток русбоя.

— Учту. — Матвей вышел, пряча поднявшуюся в душе бурю чувств. Горшин знал слишком много для рядового «чистильщика», он знал даже то, чего не должен знать был ни при каких обстоятельствах. Но для посвященного в Круг человека, обладавшего колоссальным знанием и возможностями, он допускал слишком очевидные промахи. Во всяком случае ситуации, подобной той, в какую попал Горшин при их первом знакомстве, Матвей постарался бы избежать.

РАЗБУЖЕННЫЙ МУРАВЕЙНИК

Роман Ганеев, директор банка «Субвест-Инвест» убит 11 июня выстрелом в затылок. Два его телохранителя убиты тоже. Стреляли из АКМ последнего выпуска.

Роберт Шпильман, вице-президент консалтинговой компании «Северо-юг», убит ножом в живот 12 июня. Его шофер тяжело ранен.

Христофор Брагинский, президент ростовщической фирмы «Аладдин и Ко», убит ударом в горло 12 июня. Его три телохранителя нокаутированы ударами в голову.

Тима Жареный, заведующий коммерческой палаткой на Арбате, убит ударом в висок 13 июня.

Самсон Абалкин, президент фирмы «Сплав-икс», нелегально торгующей цветными металлами и прокатом (установлена связь с Эстонскими мафиози), сброшен с двенадцатого этажа.

Жорж Голубый, директор совместного российско-голландского предприятия «Астрид», утонул в ванне в собственном коттедже...

Министр внутренних дел Жаренов Иван Кузьмич поправил очки и дочитал сводку по главному управлению: убит, повешен, сгорел, утонул, снова убит... Всего за неделю середины июня было убито

двадцать два человека, практически все — по заказам, почти все — коммерсанты, наживающиеся на криминальном бизнесе, и половина из них, если не больше, была уничтожена «Стопкримом», а не конкурентами. Однако не это обстоятельство завладело вниманием министра. В сводке говорилось о массовых избиениях... омоновцев и милиционеров! Били их жестоко — до переломов челюстей, рук и ног, однако — аккуратно, то есть до убийств не доходило. И каждый раз кто-то педантично сообщал в Главное управление внутренних дел о причинах расправ.

Так первого июня жертвами неизвестных боевиков стал патруль ОМОНа в Текстильщиках: шестерых здоровых парней избили до полусмерти, заманив их криками во двор. Причина же избиения, как сообщил «доброжелатель», крылась в действиях самих омоновцев, за три дня до того проверявших паспорта на рынке. У одного из мужчин отобрали паспорт — как оказалось, он был простым учителем, — завели в автобус и били дубинками вшестером, пока не устали. Якобы он «сопротивлялся». Заявление потерпевшего, отправленное на Петровку, не возымело никакого действия, и тогда вмешался «Стопкрим».

Второй случай произошел шестого июня: в двадцать пятое отделение милиции в Марьиной Роще вошли трое неизвестных и «отметелили» пятерых омоновцев и дежурных милиционеров. Причиной расправы было избиение семьи: ночью вошли трое в бронежилетах, с автоматами (выяснилось, что по ложному доносу — искали бандита), уложили пятидесятипятилетнюю женщину на пол, а когда стали укладывать мужа, тот заартачился. Сломали ему нос, ребро, женщину пинали ногами, досталось и десятилетней внучке, прибежавшей на шум и крик. Трое били, двое наблюдали из коридора. Троим, участвовавшим в экзекуции, «чистильщики» поломали и носы, и челюсти, и ребра, а двоим «наблюдателям» только ребра. Милиционеры отделались синяками.

Девятого июня патруль на Ленинском проспекте — двадцать пять человек — вломился в офис торгово-издательской фирмы «Глас народа» под предлогом поиска оружия. Сотрудников поставили к стенке, обыскали, избили, изъяли наличные деньги, кассира ударили по голове так, что тот получил тяжелое сотрясение мозга. Выручку забрали вместе с кое-какой аппаратурой. А двенадцатого мая всех принимавших участие в рейде, избили до крови — по группам или отдыхавших дома после «трудов праведных».

Были и еще случаи.

Министр снял очки, поднял глаза на начальника ГУВД, тихого, малорослого, незаметного и незапоминающегося. Тот выдержал взгляд не мигая, демонстрируя хорошую выдержку. Второй посетитель кабинета, начальник МУРа, генерал Давидский Семен Вениаминович, кашлянул.

— Они перестали бить по площадям, Иван Кузьмич. Теперь «Стопкрим» наносит точно выверенные удары, стремясь устранить причину, а не следствие, как раньше.

— То есть?

— Рэкетиры, бандиты и воры — вторичные криминогенные структуры, первичные же — дельцы теневой экономики, владельцы коммерческих фирм, в большинстве своем попирающие закон, отмывающие грязные деньги, связанные с преступниками напрямую. «Чистилище» выходит именно на них да на чиновников госаппарата, работающих под контролем мафии.

— Но здесь не все жертвы — коммерсанты. А наши люди?

— Те, кого наказали «чистильщики», не должны быть нашими людьми. Это такие же бандиты, только в форме, что гораздо страшней.

— Думаю, после таких «показательных казней» многие случайные люди в органах задумаются над последствиями своего «служения народу».

— Не думаю, — качнул головой министр. — Это же натуральное быдло... — Он прервал себя, покачал головой снова. — Черт знает что! Бьют защитников правопорядка при исполнении — и за дело! Как после этого проводить кадровую политику? Начинать чистить ряды? Каким образом? Ведь половину состава придется уволить!

Начальник ГУВД пожал плечами, сказал тихо:

— Половину не половину, но процесс надо начать и дать рекламу по всем каналам, чтобы народ знал. Давно надо было это сделать, тогда никто не звал бы милиционеров «мент поганый». Но чтобы «очистить мир от скверны», как провозгласил «Стопкрим», уж точно надо перебить половину населения страны, так или иначе связанную с преступными элементами. Или поменять правительство. Как известно, рыба гниет с головы.

Министр посмотрел на него с неопределенной миной, то ли собираясь возмутиться, то ли рассмеяться, но не сделал ни того, ни другого.

— Действительность такова, что криминогенным стало чуть ли не все общество, вынужденное идти на то или иное преступление — от кражи булки хлеба или палки колбасы до кражи гвоздей, — ради того чтобы выжить. Но спасибо, что напомнили о правительстве. Я имел два неприятных разговора, с генеральным прокурором и премьером. Оба заявили, что если мы не уберем «чистилище» в ближайшие сроки, придется уходить в отставку. Как мне, так и вам.

— А ближайшие — это какие? — поинтересовался начальник МУРа, в то время как начальник главного управления с безразличным видом чистил ногти.

— Две недели.

Семен Вениаминович Давидский хмыкнул недоверчиво, но министр не шутил. Трое людей, хорошо понимавших, от кого зависит их судьба, молча смотрели друг на друга.

Директор Федеральной службы контрразведки Иван Сергеевич Панов прилетел из Душанбе поздно вечером и сразу же собрал коллегию, на которой срочно решались вопросы координации действий с министерством безопасности Таджикистана по усилению разведдеятельности в приграничных районах Афганистана. Уже за полночь директор отпустил начальников управлений и отделов и остался наедине с начальником «единички» — управления «К», — то есть собственно контрразведки, Бондарем Владимиром Алексеевичем. Высокий, но сутулый, с лошадиным лицом и залысинами Бондарь не любил сидеть и ходил кругами по кабинету, выкуривая одну сигарету за другой.

— Да сядь ты, Владимир Алексеевич, — поморщился директор, помяв бледное лицо ладонями; он устал и был зол, но сдерживался. — Лучше еще раз расскажи, как это случилось.

Начальник «единички» послушно сел и пересказал историю похищения Аристовы неизвестными лицами. Несколько минут после *этого они курили вдвоем, думая каждый* о своем. Потом Панов глянул на собеседника, как прицелился:

— А ведь за такой прокол увольняют с пометкой «служебное несоответствие», Владимир Алексеевич. В спецполиклинику, охраняемую, как резиденция президента, входят двое невооруженных мужиков и спокойно уносят то, что им надо! Пациента! Как это понимать?

— Это были не просто мужики — профессионалы экстра-класса.

— Да кто бы они ни были! Их было двое. Двое! Понимаешь? Против девятерых. И тем не менее они сделали свое дело.

Начальник «единички» закурил еще одну сигарету, но тут же смял ее и выбросил.

— Здесь пахнет чертовщиной, Иван Сергеевич, мистикой. Охранники и врач клянутся, что ничего не помнят. По словам экспертов — это уровень сильнейшего внушения. «Мужики» оказались не только мастерами боя, но и суггесторами исключительно высокого класса, экстрагипнотизерами, так сказать. А «чистилище» еще раз подтвердило свое реноме мощной разветвленной организации со своими отделами разведки, организации и планирования. Нет сомнений, что в его руководство входят высокопоставленные работники из нашей конторы.

— Плюс им, минус нам. Но я не понял насчет мистики. Что, гипнотизеров такого уровня не существует?

— В том-то и дело, что их мало и все они известны, в основном

как врачи или исследователи. По нашим досье на территории страны таких специалистов всего трое, но ни один из них, естественно, в похищении Аристовы не участвовал. Но и они скорее всего не смогли бы показать такую силу, какую показали «чистильщики», а это уже за гранью нормальных человеческих способностей.

Директор ФСК пшикнул в стакан содовой из сифона, выпил залпом.

— Натрави на это дело науку, да и со специалистами надо переговорить, вдруг они знают, кто проявлял такие способности.

Владимир Алексеевич снова закурил.

Зазвонил телефон.

Панов снял трубку, покосился на собеседника, буркнул:

— Не сплю. — Показал пальцем на трубку. — Медведь.

Владимир Алексеевич кивнул, встал из-за стола, подошел к окнам и курил до тех пор, пока разговор Панова с начальником ГУБО, состоящий в основном из коротких фраз и междометий, не закончился.

— Все уже знают о нашем проколе, — сказал директор с мрачным неудовольствием. — В том числе и генпрокурор. Михаил Юрьевич имел с ним неприятный разговор. С чего это он так занервничал, наш уважаемый Семен Гаврилович? Неужто боится попасть в черные списки «чистильщиков»?

Начальник управления «К» погасил сигарету.

— Знать бы их информатуру... Ну, так я пойду, Иван Сергеевич? Утром представлю план опермер. Нам бы только внедрить в «Стопкрим» своего агента, остальное дело техники.

Директор не ответил, вспоминая заверения Ивакина, что он выделил в распоряжение «губошлепов» лучшего работника. Что-то не видно этого работника и не слышно, а время-то идет. Когда же он начнет действовать?

Катран — это глубоко законспирированное заведение типа игорного дома «а ля русская рулетка», наркобара или явки, где собираются столпы делового мира — цеховики финансовой элиты, банкиры, кооператоры, бизнесмены, мафиози, главари крупных рэкетирских «фирм», воры в законе, а также встречаются оперативные работники высших эшелонов силовых министерств, руководители разных рангов со своей агентурой. Катран — это конспиративная нейтральная территория, где по негласным законам все встречающиеся не ведут друг против друга никаких войн и хитрых игр — кроме карточных, рулетки или биллиарда. Катран — это своеобразный срез общества, отлично характеризующий отношения властных структур во всей их многосложности и противоречивости.

Московский катран, вернее, общероссийский — по масштабу, от-

вечал данной характеристике с избытком: в нем встречались «крестные отцы» Купола — новой организации, объединяющей мафию и коррумпированную часть чиновников госаппарата. Власть этой организации была уже столь велика, что могла оперировать финансами, ресурсами, сырьем, исполнителями, судьбами коллективов и отдельных личностей на уровне такой мощной структуры, как военно-промышленный комплекс. На очереди было сращение Купола и с этой организацией, тем более, что в его руководство входили офицеры высшей военной элиты. Степень этатизма — активного вмешательства государства в жизнь общества — достигла критической отметки, соответствующей началу эры сталинизма, разве что было это не столь заметно из-за поднявшегося уровня благополучия сограждан. Ни МВД, ни даже Федеральная служба контрразведки не владели полной информацией о деятельности Купола, поэтому уже не могли работать против нее эффективно. Лишь легендарный «Стопкрим» решился бросить вызов госгангстерам, встряхнуть устоявшиеся отношения, и очередное совещание Купола было посвящено этому обстоятельству.

Руководителей Купола было пятеро: один «президент» и четыре «директора». Лишь президент — молодой, стройный, красивый, гибкий, ощутимо сильный, имеющий право решающего голоса, сменивший на этом посту прежнего «крестного отца», — не имел клички, все звали его, несмотря на молодость, Георгием Георгиевичем, — остальные носили имена по принадлежности к тем кабинетам, которыми руководили в официальной жизни: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф.

Летчик, бывший зам главкома ВВС, работал в Генштабе Министерства обороны, был там вторым лицом и самым молодым генералом, получившим звание в возрасте двадцати девяти лет; весной ему исполнилось тридцать. В Куполе он «курировал» работу Военно-промышленного комплекса, а клан, которым он руководил, контролировал до пятидесяти процентов акций ВПК.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а также — чего никто из его подчиненных и членов правительства не знал — был главным хвамачмонитором мафии, то есть объединял и координировал сеть ее банков.

Мэр соответственно работал в мэрии столицы и одновременно главным координатором Купола по связям с другими подобными организациями в СНГ и во всем мире. А его клан подмял всю торговлю в Москве и других крупных городах России, кроме разве что торговли наркотиками, которую не отдавала «юго-западная группировка» — чечено-таджико-узбекская мафия.

Шериф, будучи «шпилевым генералом», то есть куратором работы силовых министерств, добрался до генеральной прокуратуры, а посему имел особый статус дженерози — генерала внутренней раз-

ведки, то есть вторым лицом в Куполе, хотя явно метил в первые. Глядя на его интеллигентное умное лицо с доброй складкой губ, не верилось, что он способен не только на выстрел в лицо, но и на удар ножом в спину, фигурально выражаясь. Но был он гораздо более масштабной фигурой, чем остальные «директора».

Все они были разными по возрасту, опыту, характеру, физическим и психическим параметрам, но сходились в одном — жажде власти.

Кроме пятерки Купола на совещании присутствовал Хасан Ибрагимов, руководитель «секьюрити», службы охраны и безопасности, которому Георгий Георгиевич доверял почти как себе, хотя предпочитал критиковать любой его шаг. Именно поэтому главный секьюрмен врагов среди коллег не имел. Официальным местом работы Ибрагимова, по званию майора, было Управление «Т» федеральной службы контрразведки, но об этом знал только Шериф. И Георгий Георгиевич.

Совещание началось со сводки незаконченных или неудавшихся операций и перечисления виновников неудач. По сравнению с прошлым кварталом процент «нормального баланса» — соотношений удавшихся дел к срывам в результате действия сил охраны правопорядка — остался прежним, но возрос процент провалов по вине «Стопкрима». «Чистилище» набирало очки и становилось второй силой в государстве после Купола. С ней теперь приходилось если не делиться, то считаться, что снижало эффективность работы и уязвляло самолюбие не только государственных чиновников из аппарата силовых ведомств, но и «отцов» Купола.

— И последняя акция «чистилища», не попавшая в сводку, — закончил ровным голосом Георгий Георгиевич. — Сегодня днем «чистильщики» забрали из спецклиники ФСК раненого своего работника, некоего Ариставу. Определить, кто именно это сделал, наш секьюрмен, к сожалению, не смог. — Косой взгляд на обманчиво расслабленную фигуру сохранявшего невозмутимость Ибрагимова. — Известно лишь то, что оперов было всего трое. То есть операция была проведена на уровне А-класса, нам такие удаются очень редко.

— А не может все это быть блефом? — сказал Летчик, привычно теребя густые усы. — Для придания «чистилищу» авторитета? Плохо верится, чтобы «фискалы» допустили такой прокол — позволили унести человека из спецучреждения, где мышь безнаказанно не проскочит.

— Да, — кивнул Ибрагимов, — в этом деле много странного и даже, можно сказать, мистического. Вошли трое, отметелили охрану из подразделения «гамма», далеко не гражданских хлюпиков, забрали раненого и ушли. Без единого выстрела, заметьте.

— Если вы так хорошо осведомлены об этом деле, почему же до

сих пор не вышли на «Стопкрим»? — спросил Банкир, поправив золотые очки.

Начальник охраны и безопасности промолчал. Георгий Георгиевич тонко усмехнулся.

— Все мы действуем в пределах возможностей и компетенции. «Чистилище» пока работает чище, хотя мне тоже непонятны некоторые моменты их успешных акций. По-видимому, среди «чистильщиков» находятся очень неординарные люди, экстрасенсы и суггесторы, обладающие паранормальными способностями. Поэтому выйти на «Стопкрим» будет непросто. Мне пришлось задействовать в прикрытии свой резерв, потому что «чистильщики», похоже, вышли на нашу последнюю операцию.

— А что случилось? — полюбопытствовал Летчик.

— На базу Шмеля было совершено нападение. Вернее, единичный наскок одного из «чистильщиков». Если это случайное попадание, нам ничего не грозит, выявим «чистильщика» и ликвидируем. Но если нет... В общем, думайте, господа. У кого появятся дельные предложения, милости прошу высказываться. А пока предлагаю расслабиться. Мы собрались здесь не только обсудить возникшие затруднения. Хасан, ты свободен. Режим вечера — по второй сетке.

Начальник охраны кивнул и вышел.

— Евгений Яклич, у вас ничего нового по финансам? Нет? Тогда начнем.

Мэр молча вскрыл новую колоду карт: четверо из присутствующих играли в покер, а пятый — Летчик — любил наблюдать за игрой.

Точно те же данные в виде сводок по мероприятиям МВД, федеральной службы контрразведки, ГУБО и соответствующих служб президента, высветил Матвею дисплей его персонального компа, включенного в компьютерные сети и банки данных всех спецслужб. Коды выдачи информации и файлы входа в базы данных были предоставлены Соболеву Ивакиным и начальником ГУВД Медведем Михаилом Юрьевичем лично.

Проанализировав массив поступивших сведений, Матвей занялся индивидуальным поиском. Для начала он повторно запросил машины ФСК, МВД и Минобороны выдать ему всю информацию о Горшине Тарасе Витальевиче и был неприятно удивлен, когда дисплей стал черным, а потом высветил красную тираду: «Прошу подтвердить полномочия». Матвей подтвердил, но даже код его допуска «нон стоп» не возымел действия, защита компьютерной сети спецслужб ответила заявлением: «Степень секретности данной информации — четыре нуля». Это означало, что Горшина в контрразведке знают, но уровень этого знания превышает возможности любого

разведчика, как внутреннего, так и внешнего. То есть, судя по всему, информация о Горшине была доступна разве что начальникам управлений да самому директору. А факт хранения в памяти машины информации о Горшине говорил о том, что кто-то из «фискалов» работал с объектами подобного типа в глубочайшей тайне, знать которую не полагалось никому.

Матвей хмыкнул, просидел перед экраном несколько минут в размышлениях, и переключил поиск на других лиц. Через четверть часа он знал все об Ариставе, а также о Белом — Шмеле Юрии Степановиче, майоре спецбата «Щит» управления «Т» федеральной службы контрразведки. Спецбатальон подчинялся напрямую начальнику Управления «Т» генералу Ельшину и являлся, по сути, ударной силой Управления, хотя предназначался для целей благородных — охраны правительственных структур и проведения антитеррористических мероприятий. Именно с него и надо было Матвею начать поиск утечки новейших образцов оружия по заданию Ивакина.

Последним в ряду профессиональных розыскных мер стояла консультация по оружию. В принципе Матвей, обладавший абсолютной памятью, хорошо знал и помнил вооружение армий стран СНГ и запада, но кое-какие характеристики последних разработок требовалось уточнить.

Дело, ради которого его вызвали в столицу после трех лет резервации, состояло в похищении с базы экспериментального завода «Арсенал» партии новейшего стрелкового оружия, боеприпасов к нему и специальных приспособлений типа насадок-стволов для стрельбы шаровидными резиновыми пулями, наносящими сильнейший шоковый удар, а также приборов бесшумной стрельбы ПБС-95, подствольных гранатометов ПП-101 и дипломат-магазинов.

Матвей внимательно прочитал скользящий по экрану текст.

Из украденного оружия особого внимания заслуживал пистолет-пулемет «Анаконда» ПП-93, оформленный в виде рации, имеющий магазин на тридцать и сорок девятимиллиметровых патронов, принадлежащий к типу оружия так называемого «скрытого ношения». Габариты «Анаконды» позволяли носить его в карманах, под куртками и пиджаками, и даже под рубашками. Кроме того было унесено двадцать автоматов АКС-93 У «Гном» калибра 5,45 миллиметра, с магазинами на двадцать патронов, десять автоматов повышенной точности А-93 М под девятимиллиметровый патрон, обладающих большой эффективностью, сорок пятнадцатизарядных пистолетов «Волк-2» последнего поколения — знаменитых «уравнивателей шансов» — сорок пятого калибра*, восемь пирожидкостных револьверов «Удар», выстреливающих струю пламени на десять метров, а

* 11,43 мм.

также партия девятимиллиметровых патронов, пули которых имели экспрессивную головную вакуум-полость и практически не давали рикошетов. При попадании в тело они разворачивались лепестками, увеличивая диаметр вчетверо, и обладали исключительно сильным останавливающим действием.

Матвей вернул на экран картинку с пистолетом «Волк-2», качнул головой. Машинка напоминала маузер, но выглядела более грозно и эстетично: формы ее были зализаны, безупречны и вызывали особое ощущение уверенности и силы. Эффективность подобного оружия обычно оценивается по дальности «последнего броска» — то есть на расстоянии пяти-десяти метров, так вот у тех, кто попытался бы противодействовать обладателю «Волка», шансов не было! Или почти не было, если только сами они не имели подобного оружия или не обладали необходимой спецподготовкой.

Матвей прикинул скорострельность пистолета, его мощь и убойную силу, покачал головой. Спецподготовкой он обладал и мог бы справиться с любым вооруженным противником, а то с двумя и тремя но победа над соперником, вооруженным «Волком», была проблематична. Вспомнилась американская поговорка: «Господь Бог создал людей слабыми и сильными, а полковник Кольт уравнял их». Да, револьверы кольт сделали свое дело, и теперь в мир входило более совершенное и мощное оружие, способное убивать быстрее, дальше и мучительнее.

Записав все полученные данные на дискету, Матвей выпил кружку кофе на кухне и задал компу последнюю задачу. Компьютер послушно выдал список необходимой литературы: труды по парапсихологии, экстрасенсорике, магии, эзотеризму и паранормальным явлениям. Потребность всерьез заняться проблемой необычных способностей человека стала непреодолимой, да и интуиция подсказывала, что в скором времени знания эти ему здорово пригодятся.

ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ

Шел пятый час после полудня, когда он закончил «машинно-математический» поиск и анализ пакета поступившей информации, наметил план действий на ближайшие два дня. Потом переоделся и спустился вниз, к машине, ждущей его во дворе. В шесть он встречал Кристину у дверей факультета с букетиком ромашек.

Оказалось, его ждали. Но не Кристина — ее поклонники: кудрявый Жорж «со товарищи», двое из которых выглядели весьма впечатляюще, занимаясь, очевидно, бодибилдингом по методу Шварценеггера.

— Эй, малый, — позвал один из них Матвея, поманив его пальцем. — Тут к тебе разговор имеется.

Матвей послушно подошел.

— Не ходи сюда больше, — сказал Жорж с кривой ухмылкой. — Эта девушка не твоего круга, понял?

— А какого — Внутреннего? — спростодушничал Матвей, вспомнив изречение Ильи Муромца. — А болт с левой резьбой и очень мелкой насечкой тебе случайно не-нужен?

У кудрявого красавца брови полезли вверх, затем сузились глаза и раздулись ноздри.

— Шутить вздумал? — прошипел он. — Ну, смотри, ты сам этого хотел.

Его удар Матвей мог перехватить двадцать раз, как и удар первого «Шварценеггера», но в этот момент из дверей выпорхнула Кристина, и Соболев изменил намерения. Отвечать на замахи и жу-у-уткие по силе удары телохранителей Жоржа он не стал, продемонстрировав танец уклонов и сложных текучих переходов, в результате которого оказался за пределами «ринга» с пятеркой бойцов. Лишь одно он позволил себе с удовольствием — мимолетную хлесткую пощечину Жоржу, гарантирующую долгое сохранение отпечатка. Кристина ничего не поняла, хотя и с подозрением оглядела растерянную компанию Жоржа, застывшую в характерных позах. Подхватила Матвея под руку:

— Куда идем? Предупреждаю, я жутко голодная!

— Тогда мы едем в «Дели». Кстати, экзамен сдала?

— Спрашиваешь. Но я не хочу в Индию. Я умру от голода по пути.

— «Дели» — это индийский ресторан, где очень прилично кормят и обслуживают.

Шокированные происшедшим, ничего не соображающие компаньоны Жоржа не стали преследовать объект устрашения.

Элитный зал ресторана «Дели», рассчитанный на двадцать человек, был невелик и уютен, и обслуживался индийцами, хорошо говорящими на русском языке. Матвея с Кристиной пропустили туда потому, что он хорошо знал метрдотеля, с которым жил когда-то в одном доме и на одной лестничной площадке. Из четырех пар, вкушающих яства индийской кухни в зале, только они двое были одеты по-летнему, остальные походили на дипломатов на приеме или в худшем случае на бизнесменов с вечерними дамами.

Матвей, заметив сморщенный носик Кристины, обеспокоился:

— Если тебе здесь не нравится, давай найдем обстановку получше. У них здесь есть даже диннер-театр.

Кристина рассмеялась, понизила голос:

— Я не избалована ресторанами, хотя вовсе не против «жить красиво». Но снобизмом не болею. А что такое диннер-театр?

— Ресторан, где во время ужина происходит театральное представление. В большом зале «Дели» в основном поют и танцуют. Хочешь, пойдем туда.

— Нет-нет, я хочу посидеть в тишине. Кстати, у меня есть деньги, стипендию получила.

Матвей легонько сжал локоть девушки, прерывая ее, и усадил за столик у стены, рассчитанный на две персоны. Официант, смуглый улыбающийся индиец, подошел тотчас же.

— Добрый вечер. Слушаю вас внимательно. — По-русски он говорил с заметным акцентом, но правильно.

— Принесите то, не знаю, что, но подешевле, — пошутил Матвей.

Кристина прыснула. Официант поймал смысл только слова «подешевле» и приготовился было к ответу, но Матвей успел его остановить:

— Извините, накройте нам стол по полной программе.

— Понял, — оживился индиец. — С вином, водкой, коньяком?

— Шампанское есть?

— Найдем.

— Тогда несите.

Официант отошел. Клиенты ему явно понравились.

— Подождем немного, — сказал Матвей. — Почти все блюда у них готовятся после заказа, редко какое подогревается.

— Ты здесь часто бываешь?

— Подразумевается — «с красивыми девушками»?

Кристина засмеялась. От ее тихого смеха и даже улыбки бросало в жар.

— Ты невероятно догадлив.

— Нет, не часто. По правде сказать, я здесь всего третий раз, хотя индийскую кухню люблю. Я вообще люблю хорошо поесть. Это один из моих пороков, как и любовь к сладкому и к острым и перченым блюдам.

— У тебя уж-жасные пороки! — Кристина достала сигареты. — Можно закурить?

«Галуаз», прочитал про себя Матвей, помедлил.

— Ты же, по-моему, не курила. Или решила жить по Пруткову?

— То есть?

— У Козьмы Пруткова есть изречение: «Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных трав».

Кристина пристально заглянула в глаза Матвея, потом спрятала сигареты в сумочку.

— Хорошо, не буду.

— Кури, если нравится, — запротестовал он. Подумав, добавил с улыбкой: — У каждой Машки свои замашки: одна любит чашки да ложки, другая пряжки да сережки.

Кристина нахмурилась, надула губки, но не выдержала и снова рассмеялась — словно зазвенели хрустальные колокольчики; оглянувшись, прикрыла рот рукой.

— Ой, я так громко!.. Но Машкой меня еще никто не называл. А ты хорошо знаешь русский фольклор.

— Даль знал его лучше. Впрочем, филолог я или не филолог?

— А серьезно, где ты работаешь?

Матвей не успел ответить: официант принес заказ.

«Полная программа» индийской кухни состояла из горячего ржаного хлеба нан в виде лепешек, сик кабаба — разновидности шашлыка из рубленой баранины, кари в масале — овощей в густой подливе, рамсати райса — риса, сваренного вместе с горохом, с обжаренным луком и специями, гуши — жареных грибов, фруктовых соков и кульфи — знаменитого индийского мороженого, приготовляемого из топленого молока.

Пока Кристина жмурилась от удовольствия — вкусно! — и насыщалась, Матвей просветил ее по части индийских специй и пряных трав, использованных в блюдах. Девушка знала только два из них — черный перец и корицу, Матвей же знал десятка два, в том числе красный перец чилли, белый, зернышки кинзы, темерик, гвоздику, лавровый лист, кардамон, анис, горчичные семечки и многое другое.

Кристина осталась в восхищении, как изысканным ужином, так и познаниями сотрапезника.

Из ресторана они ушли рано — в десятом часу вечера, и Матвей повез девушку домой, где они пили кофе, слушали музыку — хозяин любил мелодии в стиле ритм-энд-блюз и сингл, — смотрели видеоклипы и разговаривали о литературе и театре. Остаться у него Матвей Кристине не предложил, и она была благодарна ему за это и немного разочарована.

Пока он вез ее через полгорода к общежитию — молчали. Прощаясь у дверей ДАСа, Матвей задержал руку девушки в своей.

— Тебе не кажется, что могут произойти два несчастья? — задумчиво спросила Кристина. Казалось, ее лицо светится в темноте, хотя это был просто отблеск из освещенных окон общежития.

— Какие? — хрипловато осведомился Матвей.

— Первое — ты влюбишься в меня, второе — я в тебя.

Матвей помолчал, потом шепотом произнес:

— Второе — трагичней.

Мгновение девушка вглядывалась в него загадочными бездонными глазами, поцеловала в губы и скрылась за дверью второго корпуса ДАСа, то и дело впускающей и выпускающей стайки студентов. А у Матвея свело скулы, как от легкого электрического разряда, и губы долго хранили ощущение фиалковой свежести и родниковой чистоты.

Стадия полного расслабления длилась более двадцати минут, и как всегда в конце ее Матвей услышал тихие голоса, пронизываю-

щие пространство и время, и его самого; смысл того, что они говорили, ускользал, терялся в ассоциациях и шумах психического «ветра», но в последнее время Матвею стало казаться, что голоса эти принадлежат тем самым божественным существам, инфарху и его спутнице, которые приходили к нему в его эзотерических снах.

— Дей, — расслышал он последнее слово. Прошептал в ответ:

— Повторите, я не понял...

Но ответом было лишь глубокое, космическое, всеобъемлющее молчание — язык, которого не понимал не только Соболев, но и ни один человек на Земле.

Очнувшись, он уселся на ковре в позе лотоса, перешел на глубокое дыхание — один вдох-выдох на пять-шесть минут, и принялся созерцать свою внутреннюю вселенную, достаточно сложную и богатую, полную тайн и намеков на ответы: это помогало найти душевный резонанс и достичь нужной концентрации психики. В памяти всплыли детали предстоящей операции, выстроились в ряды и блоки, образовали стройную пирамиду условий и вариантов. «Проиграв» операцию на образно-чувственном уровне, Матвей подключил психофизические механизмы реализации и добился устойчивой аналгезии — полной нечувствительности к боли. Рывком — через пальцы ног — встал. Душа была полна уверенности в благополучном исходе дела, а тело полно сил и энергии. Хотелось двигаться, что-то делать, жить активно, интенсивно и быстро.

Не удержавшись, Матвей прыгнул без разбега через диван и тут же через журнальный столик с вазой, бесшумно сел в кресло, еще хранившее тепло Кристины. Силой воли отбросил ее образ, зашел в ванную. Из зеркала во всю стену смотрел на него высокий, поджарый, смуглокожий и скуластый молодой человек с уверенно-жестким и пристальным взглядом льдисто-голубых глаз. На вид он не был особенно широкоплечим и мускулистым, но во всей фигуре, в наклоне головы, в жестах чувствовалась огромная скрытая сила и хищная готовность к действию. Матвей сделал особое усилие — и мышцы плеч буквально затанцевали, словно жили отдельно от костей; их танец перешел на мышцы груди, живота, бедер, ног, стих у ступней. Если бы этот «танец» увидели друзья, их отношение к Матвею наверняка изменилось бы.

— Хоп! — Матвей подбросил мыло и проткнул его ударом среднего пальца. — Действовать! Действовать! — вот для чего мы существуем, как говорил Фихте.

Сборы в дорогу длились до часу ночи, и, спускаясь к машине, Матвей молился, чтобы никто не повстречался по пути. Ему повезло, и уже через полчаса он въехал во двор старой конфетной фабрики, приготовленной к сносу и примыкающей с тыла к зданию «Независимой Федерации Кик-боксинга» на улице Давыдковской, двадцать пять «а».

Ночь была темная, безлунная и тихая, лишь изредка издалека доносился шум редких автомашин и звуки музыки.

Матвей выждал какое-то время, вслушиваясь в тишину, настраивая себя к грядущему напряжению. Резиденция Белого наверняка охранялась, являясь, по сути, штабом штурмового, десантно-диверсионного отряда «Щит», но со стороны фабрики, похоже, никто «федерацию» не контролировал.

Развернув сумку, Матвей переоделся в черный комбинезон-трико, оставляющий открытыми лишь глаза. Усмехнулся в душе: «ниндзя а ля рюсс». Забросил удобный рюкзачок с инструментом и спецснаряжением за спину, подождал еще минуту и выбрался из машины.

Он хорошо видел в темноте, почти как днем. Эта особенность зрения открылась ему еще в детстве, помогая в играх, а потом на тренировках.

Стена, отделяющая двор конфетной фабрики от задворков бывшего института на Давыдковской, была высокой кирпичной стеной старой кладки. Кирпичи кое-где выщербились, и взобраться на нее не составило труда даже без кошек и нэкодэ*. На стене Матвей пролежал несколько минут, оценивая обстановку, и сделал вывод, что внешней охраны центр Белого не имеет. Но изнутри явственно тянуло угрозой и предостережением. Если это и в самом деле был штаб отряда «Щит», непрошенного гостя ждали внутри неприятные сюрпризы.

Матвей вспомнил теорию Тараса об усилении результатов при увеличении риска, поморщился. Теория была права лишь в одном случае: когда риск граничил с удовольствием, в игре. Но риск-удовольствие — это одно дело, а риск-профессия, как известно, другое.

Задержав дыхание, он бесшумно спрыгнул во двор.

Для проникновения в «Независимую Федерацию» он выбрал окно одного из спортзалов, прекрасно помня их расположение. По стене бывшего института он взобрался с кажущейся легкостью. Кроме того внезапно обнаружилась первая линия охраны «Федерации» — оголенная металлическая проволока на изоляционных штырьках, опоясывающая, очевидно, весь периметр здания на уровне потолка первого этажа. Матвею с трудом удалось избежать прикосновения к проволоке, хотя под напряжением она не находилась — играла скорее роль емкостной антенны.

Окно спортзала было забрано изнутри решеткой, но прутья ее казались тонкими, спасая стекла от случайных отскоков мячей, а не от воров и взломщиков. Матвей достал из рюкзака струнный стеклорез, сделал четыре борозды в стекле, заклеил их пластырем, чмокнул на плоскость вакуумприсоски и потянул на себя — полуметровый квадрат бесшумно выпал на руки. Закрепив его рядом тем же пластырем, Матвей взялся за решетку.

---

* Нэкодэ — «кошачья лапа», особого рода перчатки с когтями и пупырчатой поверхностью.

К счастью, восьмимиллиметровые прутья, образующие вееробразный узор, действительно почти не оказали сопротивления. Использовав эффект «несгибаемой руки», Матвей разогнул их и пролез в темное помещение зала.

Ему важно было найти доказательства причастности отряда Шмеля к похищению оружия, тогда сразу отпадала первая часть задания — военной контрразведки, остальное было делом техники: он сообщал Ивакину о результате, и «Независимой Федерацией Кикбоксинга» тут же занялись бы следователи ВКР и Минобороны. Это если сведения Ивакина и Тараса были верными. Если же нет, визит Матвея имел целью кроме всего прочего растревожить руководство отрядом, в которое входили высокопоставленные лица из контрразведки. Стоило понаблюдать за их реакцией.

Дверь из зала в коридор была закрыта, но Матвей справился с замком в считанные секунды. У него был четкий план действий: поработать в кабинете Белого-Дадоева, найти настоящий императив-кабинет, где сидел настоящий командир «Щита» Шмель Юрий Степанович, а затем покопаться в компьютерах центра и на складах, кои обязаны были хранить оружие под видом спортинвентаря.

Кабинет Дадоева, где днем раньше побывал Матвей, замыкал центральный сквозной коридор и был также заперт. К счастью, запирался он не на кодовый замок, а на самый обычный английский, и не имел сигнализации, что Матвея удивило и насторожило. Телекамер он тоже не заметил, а это означало какую-то скрытую хитрость в охране важных помещений «Федерации».

В кабинет «зиц-председателя» Матвей проник легко, обыскал его не включая фонаря размером с карандаш, ничего особого не обнаружил — искал он, конечно, оружие — и пролистал настольный календарь с пометками. На последнем листе за вчерашний день было начертано: «Авт. раскр. прият. Шимука». Надпись означала, что Белый получил задание проверить связи непокорного автослесаря Шимука. Тарас был прав, руководство отрядом «Щит» заинтересовалось визитом «защитника» Ильи Шимука, имитировавшего акцию «чистилища».

«Говорил мне отец — не копай погреб со второго этажа, — глубокомысленно подумал Матвей. — А ведь они меня вычислят. И тогда придется или терпеть или отбиваться с риском сорвать операцию. Или есть другие варианты?»

Коридор был освещен всего двумя лампочками, но света хватало. Матвей метнулся по нему из конца в конец, пробуя двери. Все они открывались легко и вели в спортзалы, туалетные, душевые, игровые комнаты или в тесные кладовки. Замаскирован центр Шмеля Юрия Степановича был отменно. Тогда Матвей вернулся в кабинет Дадоева и почти сразу сообразил: книжный шкаф слева от стола с селектором был декоративным. Матвей оглядел шкаф, кнопок и вы-

ключателей не нашел, прислушался к своим ощущениям. Затем уверенно направился к столу.

Интуиция не подвела, шкаф-дверь открывался поворотом статуэтки боксера на столе. В то же мгновение, не раздумывая, Матвей прыгнул в образовавшийся проем — сработало мгновенное чувство опасности — и с лета ударил охранника — круглые от изумления глаза, ошеломленный вид, парень не ожидал сюрпризов, спал, очевидно, — в подключичный нервный узел. Придержал тело, чтобы не получилось стука. Огляделся.

Отсюда, с переходного тамбура, и начинался действующий офис отряда «Щит», оборудованный по последнему слову техники. Занимал он часть левого крыла здания, о чем никто из прохожих и посетителей «Федерации» не догадывался, все три этажа и подвал — тоже, наверное, многоуровневые, со складами и гаражом, наверняка имеющим выход где-то в соседних зданиях, если не кварталах, города. Коридоры и холлы этой части здания скрывались в полумраке и все просматривались телекамерами. Матвей чувствовал их липкие взгляды всей кожей тела. Вряд ли его спасло бы черное трико, превратившее человека в тень для нормального человеческого зрения, но не для приборов ночного видения. Тогда Матвей вернулся в тупичок с охраняемой дверью (с этой стороны на двери надпись: «Запасной выход»), глянул на автомат охранника — искомый АКС-93 У «Гном» — и помог ему прийти в себя. Рослый белобрысый парень, одетый в пятнистую форму десантников, едва снова не хлопнулся в обморок, когда увидел над собой жуткую черную фигуру с мерцающими ледяными глазами.

— Тихо! — зажал Матвей ему рот. — Где тут у вас пульт охраны?

— А пошел ты!..

Матвей тряхнул белобрысого «десантника» так, что у того лязгнули зубы.

— Я спешу и ждать не буду.

— Пошел ты на...

Матвей сжал горло охранника и наметил удар кулаком в пах. Тот дернулся, заскулил. Соболев разжал пальцы.

— На первом этаже, — выдавил охранник. — Синяя дверь с полосой и с...

— Телекамерой, — докончил Матвей. — Сколько охранников у пульта?

— Трое с дежурным.

— А вся смена?

— Двенадцать на этажах. Сколько внизу — не знаю. — Охранник обрел уверенность и явно выбирал момент для нападения. Тренирован он был, наверное, не так уж и слабо.

— Спасибо. — Матвей успокоил его уколом в сонную артерию. — Поспи чуток, супермен.

Собрался и туго сжатой пружиной рванул по коридору к лестничной площадке сквозь ставший плотным воздух, только ветер свистнул в ушах.

Второй охранник прохаживался по небольшому холлу напротив лестничной площадки и черное привидение встретить не ожидал. Третий дремал у двери с лестницы на первый этаж, но оказался самым ловким, отреагировав на скрип двери заученным движением перевода автомата из-за спины в позицию для стрельбы. Матвею пришлось прыгать и бить великана (под два метра ростом, где такие родятся?!) в полную силу. Шум от этого удара получился изрядный, но Матвей уже мчался к синей двери с металлической полосой и на бегу успокоил метнувшегося к нему четвертого по счету охранника.

На то, чтобы заклеить зрачок телекамеры над дверью, ушла секунда, а еще через несколько секунд дверь отворилась, выпуская огромного детину, выпуклого со всех сторон, похожего на борца сумо. Вероятно, он был очень силен, этот «борец», и отлично держал удар, однако нервные узлы у него располагались там же, где и у других людей. Матвею удалось уложить его ударом лянцян — костяшками пальцев в кадык.

Детина еще падал, а он уже ворвался в помещение охраны и с ходу отключил ничего не понявшего охранника у стены, читавшего книгу. Всего их здесь было четверо, а не трое, и пришлось удвоить темп, чтобы кто-нибудь из них не поднял тревогу. Двоих рядовых, игравших в нарды, Матвей вырубил одинаковыми выпадами ин тран — между бровями: первого голышом с расстояния в четыре метра, второго ногой. А с дежурным офицером-старлеем пришлось повозиться. Парень сразу встал в стойку, и с первого захода достать его не удалось. Старший лейтенант был каратэком, причем достаточно высокого класса, не меньше «черного пояса», и хвататься за автомат, лежащий на столешнице пульта, не стал.

Их танец, как сказал бы знакомый бармен Матвея, «фри-джаз на грани авангарда», длился непростительно долго — почти минуту, пока разозленный Матвей не достал охранника в подкате, вложив в удар ногой всю силу. Правда, тут же взяв себя в руки, Матвей мысленно извинился перед потерявшим сознание офицером. Калечить ни в чем не повинных людей он не хотел, да и не имел права.

Одного взгляда на компьютерный комплекс было достаточно, чтобы определиться в главном: бункер охраны не имел обратной связи с командиром, иначе тот давно поднял бы тревогу. Потому что несмотря на столь поздний час в кабинете кто-то находился, судя по горевшему на пульте зеленому окошечку «ГК» с мигающим огоньком. Разобравшись в надписях, Матвей вывел на дисплей схему расположения комнат здания, и компьютер послушно выдал информацию о каждой из них. Идти теперь в кабинет «ГК», то есть

«главкома», не имело смысла. Чтобы окончательно убедиться в причастности отряда «Щит» к похищению оружия, достаточно было проникнуть на склад, зашифрованный аббревиатурой «ОСН», то есть — «оборудование специального назначения», и сделать два дела: оставить там в укромном месте радиомаячок и микрофилер, включающийся от звука человеческого голоса. Что Матвей и сделал, дав задание компьютеру открыть через пять минут кодовый замок в подвале № 3 — столько времени ему понадобилось на дорогу туда — и обезоружив еще двух обалдевших от неожиданности охранников.

Еще через пять минут он закрывал за собой дверь-шкаф в кабинете Белого, чувствуя неловкость в спине: во-первых, автомат «Гном» и два пистолета «Волк» увеличили вес рюкзака и ощутимо связали маневренность, а во-вторых, штаб отряда проснулся и повел охоту за объектом вторжения. Причем повел оперативно и умело, что вынужден был отметить Матвей. Путь ему преградили уже у кабинета Белого-Дадоева.

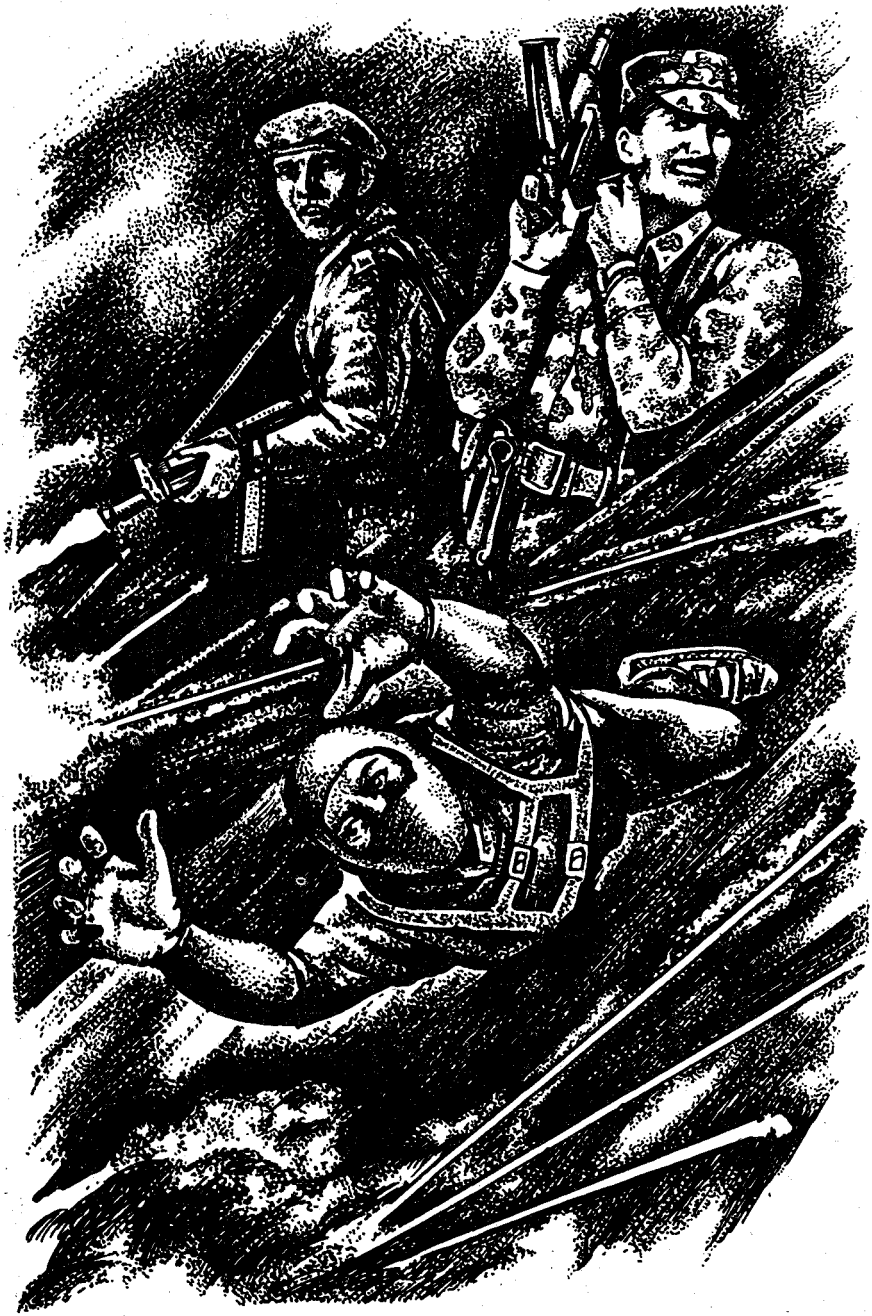
Он не зря тренировал периферическое зрение, которое намного увеличивало зону обзора, и мог видеть, что делается за спиной, не оборачиваясь. Выскользнув в коридор, где по-прежнему царил полумрак, Матвей двинулся было тем же путем, что и шел сюда, но уловил сзади тусклый блик и нырнул вниз и влево за выступающую из стены коридора колонну. По стене сыпануло горохом — били из автомата «Гном» с расстояния в десять-двенадцать метров. И Матвей вынужден был ответить тем, что имел — тремя звездочками сякэнов*.

Послышалось два вскрика, стрельба прекратилась. Матвей метнул туда же магниевую гранату размером с грецкий орех, чтобы ослепить противника, и прыгнул в обратную сторону. Вспышка догнала его у двери в спортзал. А за дверью кто-то попытался ударить его в голову чем-то вроде дубины, оказавшейся прикладом карабина. Благодаря чувству опасности и реакции Матвей убрал голову из-под удара, который пришелся на правое плечо, сразу обездвижив руку. Но ударить второй раз сидевшие в засаде, а может быть, идущие по следу, не успели. Видя их силуэты — трое с пистолетами и карабином, — Матвей не стал рисковать с поиском болевых точек и вырубил всех троих русским вариантом сиори, что с японского переводилось, как «надломленная ветка», а означало удар ребром ладони по носу.

В проделанное им отверстие в окне пришлось прыгать ласточкой, потому что в зал вломилось человек десять сразу, все в пятнистом обмундировании, настроенные очень решительно. Однако и в палисаднике Матвея ждали «бурные аплодисменты, доходящие до

---

* Разновидность сюрикенов, метательные боевые пластины.

мордобития». На сей раз это были девицы Белого, вооруженные плетьми и кусари — боевыми цепями. Вероятно, они занимались неподалеку тренингом и были вызваны по тревоге прямо из зала.

От всего финального действа веяло театральной постановкой, игрой, предназначенной для каких-то высокопоставленных зрителей, и Матвей даже подумал: уж не снимается ли эта ночная охота на пленку? — но девицы дрались не киношно, вполне ощутимо и жестоко, поэтому пришлось в ответ действовать так же, исключив из участия в схватке уровень разумного влияния с его призывом к совести: «Это же девушки!» Помог Матвею собраться первый же удар плетью, обжегший правую руку, потихоньку обретавшую чувствительность и подвижность.

Проведя один из приемов суй-но ката в приложении к ситуации, Матвей отобрал у девицы плеть и, пробормотав: «Может ли джентльмен бить даму козырным тузом?» — вытянул ее вдоль спины, так что та взвизгнула. С остальными пришлось рубиться всерьез и без сантиментов, потому что в данный момент это были не девушки — профессиональные бойцы и убийцы.

В конце концов Матвей, наверное, справился бы с ними и сам, но ему помогли. Все тот же вездесущий Тарас Горшин бесшумно возник из тьмы, обезвредил двух защитниц «Федерации», а до того — скрытый пост охраны здания, легко отвел удар Матвея, который не сразу сообразил, кто перед ним, и помог «ниндзе» перебраться через стену во двор конфетной фабрики.

Вскоре они были за городом. Вел машину Горшин.

ПРИНЦИП СИЛЫ

Туман рассеялся, и Матвей оказался на зеленой равнине, окруженной цепью голубых гор. Посреди равнины лежал гигантский лев, а рядом стояла женщина невиданной красоты, увитая гирляндами странных дымящихся цветов. Платье ее было — роса, волосы — облако света. Женщина, совсем юная, и тем не менее именно ж е н щ и н а, а не девушка — так видел Матвей — спокойно и уверенно поглаживала морду льву, а тот изредка лизал ее пальцы, открывая огромную розовую пасть.

Матвей приблизился, ощущая стеснение и поднявшееся в груди волнение. Сердце забилось тревожно и неровно. Это была она — сподвижница иерарха. Хотя, откуда взялась эта уверенность, Матвей не знал. Женщина смотрела на него задумчиво и строго, и вдруг улыбнулась, когда он замедлил шаги. В просиявшей улыбке промелькнули черты Кристины и еще какой-то женщины, до боли знакомой, может быть, матери, а может, какой-то из мадонн или знаменитых женщин, известных всему миру по полотнам Рафаэля, Микеланджело, Леонардо.

Лев поднял голову, предостерегающе заворчал, глядя на Матвея умными глазами, но женщина тронула пальцами его нос, и лев покорно уронил голову на лапы.

— Это тайдзокай*, — прозвучал с небес громовой голос, так что заколебалась равнина, и в небе проступил лик инфарха. — А так же принцип силы. Постигни весь его смысл, и ты поднимешься на вершину силы.

— Сила бывает разная, — пробормотал Матвей.

— Нет ничего сильнее любви. Только любовь в состоянии победить зло. Ненависть порождает только ненависть, зло всегда порождает зло. Всегда ли ты действуешь во имя любви?

— Н-нет, — с трудом выговорил Матвей.

Женщина опечалилась.

— Мы слишком многого хотим от него, инфарх. Он ведь даже еще не на Тропе, он еще не дошел до нее.

— Если он не знает, что такое любовь, он не придет к осознанию сил Вечности.

— Сила Вечности — это область тайн даже для Посвященного. Ему же пока рано приоткрывать завесу тайн, всему свое время. Я вижу у него с т р е м л е н и е. Стремление к соединению желаний и дикой, не осознающей пока себя, силы. Он должен прозреть.

— Я этого, положим, не вижу, но... стучащему да откроется!

С громом раскололась земля, поглощая женщину со львом, и Матвей проснулся.

Первые мгновения после пробуждения он еще помнил сон и всю глубину понимания происходящего, но уже через несколько секунд словно туман пал на картину с женщиной и львом, скрыл детали, затушевал ее лицо и лицо инфарха, погасил огонь взаимного интереса, размыл смысл сказанного. И сон скользнул в бездну неосознанной психики, утонул в колодце огня и тьмы, который представлял собой нераскрытые запасы души человека по имени Матвей Соболев.

Чуть не заплакав от бессилия, Матвей потянулся к стопке книг у изголовья кровати, среди которых были труды Успенского, Раймонда Люлла, Гвайта и Элифаса Леви, но передумал. Женщина, коллега инфарха, кто бы она ни была на самом деле, была права: всему свое время. Он действительно не готов.

Подумав так, Матвей удивился и обрадовался: кое-что он все-таки помнил! А это шанс того, что когда-нибудь он запомнит все и найдет свою Тропу. Успенский, похоже, не нашел, хотя и знал, что и где искать. А ведь он был великим философом и эзотериком, недаром создал свою модель Вселенной, отличную от всех общепринятых и, может быть, наиболее близкую к Истине. Матвей подошел к окну спальни.

---

* Сфера «чрева-хранилища», материальный аспект мира в философии Дао.

Было раннее утро, солнце встало, но пряталось еще за дальними домами. «Хочу дождя», — подумал Матвей. Однако небо светилось голубизной и не предвещало изменения погоды, лишь над горизонтом догорало одинокое облачко, похожее на НЛО. Вспомнился разговор с Тарасом после того, как они выехали за кольцевую дорогу и остановились в перелеске за Измайловским лесопарком.

— Поздравляю. — Горшин наконец соизволил глянуть на безмолвствующего пассажира, лежащего в расслаблении на заднем сидении. В темноте Тарас видел так же хорошо, как и днем. Матвей же различал только смазанное белое пятно вместо лица, хотя мог бы после соответствующей подготовки включить резервы зрения и видеть более отчетливо. Но напрягаться не хотелось.

Молчание становилось в тягость, Матвей шевельнулся.

— Я добыл доказательства...

— Знаю. Не думал, что ты пойдешь туда так скоро. Риск этот был не оправдан, спешить тебе некуда. Надо было предупредить, пошли бы вдвоем.

Помолчали. Шел уже четвертый час ночи, и небо на востоке посерело.

— Нам надо поговорить.

Горшин перестал изучать лицо Соболева, кивнул головой, понимая, о чем речь, отвернулся к баранке руля.

— Рано. Ты не готов. Не беги быстрей, чем думает голова. Во-первых, ты не изучил всю доступную тебе информацию, а во-вторых, «чистилище» не относится к организациям-самоубийцам. Люди, живущие по формуле: выигрывает тот, кто умирает последним, — нам не нужны.

— Я тоже не живу по этой формуле.

— Тем не менее ты торопишься. Ивакин не одобрил бы твой последний «штурм унд дранг».

Матвей дернулся.

— Ты его... знаешь?! Откуда?

— Знаю. — Горшин улыбнулся в темноте. — Я очень коммуникабельный. Коммунибабельный, как сказал бы один мой знакомый. Кстати, эта твоя девица...

— Стоп! — негромко сказал Матвей, поднимая руку, и Тарас послушно умолк. — Данная тема не подлежит обсуждению.

— Хорошо. Но все-таки прими совет: если хочешь ей добра, не появляйся с ней в местах, где вас могут запросто убрать. Теперь о делах. У нас произошла утечка информации, подтверждающая мой вывод: Костя Аристава подставлен был не случайно.

— Как он там?

— Нормально, выживет, парень крепкий, и врачи у него хорошие. Так вот, надо ликвидировать утечку, и сделаешь это ты. Согласен?

— Нет.

Горшин оглянулся, некоторое время смотрел на него, и Матвей не без раздражения добавил:

— Я не хочу и не буду работать вслепую. Если вы мне доверяете, выдавайте весь пакет информации. Во-первых, о самом «чистилище»: кто руководит, на каких принципах, иерархия структур, управление исполнителями, тактика, стратегия, планы. Во-вторых, представьте доказательства того, что человек виновен в утечке информации и заслуживает «гашения».

Горшин тихо рассмеялся.

— Да, я оценил тебя верно. Или все, или ничего, так? Но ведь ты и без того, имея допуск «нон стоп», ходишь по каналам закрытой информации контрразведки, ГУБО, МВД, Минобороны.

— Этого мало. К слову, о «чистилище» они знают лишь по результатам его деятельности, прямых сведений нет.

— Что ж, в устах профессионала это похвала. Но и мы — люди, способные ошибаться. Поговорим о твоих аппетитах в другой раз. Я еще не уверен, стоит доверять ганфайтеру сведения об организации, которую он способен развалить.

Теперь уже улыбнулся Матвей, через силу.

— Постараюсь этого не делать. Как мы встретимся?

— Я найду тебя сам. Переодевайся, «ниндзя», я заберу твое снаряжение и оружие, въезжать с ним в столицу сейчас нельзя. «Щит» — это тебе не линейная милиция и даже не ОМОН. Шмель наверняка перекрыл въезд военной автоинспекцией, сочинив байку о террористах, возможности у него имеются.

Матвей заколебался было, но оценил совет и согласился. Через минуту Тарас исчез в кустах, бросив напоследок тихое «чао». Видимо, у него неподалеку был запрятан автомобиль. И снова темное ознобливое чувство г л у б и н ы охватило Матвея. Этот человек знал каждый его шаг и рассчитывал варианты событий с поразительной точностью. Человек Круга... Кто же он на самом деле, человек Внутреннего Круга? Или прав Успенский, и Горшин — один из эзотерических Учителей, посвященный в тайное знание прошлых цивилизаций Земли? Если да, то что, черт побери, он делает в «чистилище»?! З а ч е м ему этот вид деятельности?..

— Зачем? — вслух повторил Матвей, обнаружив себя у окна спальни в одних плавках. — Странно это, странно это, быть беде... как поется в одном старинном водевиле. Ладно, поглядим.

В течение последующего часа Матвей занимался тренингом, душевой и завтраком, после чего двинулся по делам, предварительно позвонив Ивакину и услышав в ответ: «Московское время шесть часов сорок минут». Это означало, что встреча состоится вечером в одной из квартир, принадлежащих военной контрразведке, но не дома у Соболева.

Первым делом он заехал в больницу к Илье, купив по дороге два кило яблок, кило салями и копченого угря, до которых Илья был весьма охоч. Муромец был в хорошем — для раненого — здравии и даже пытался шутить. Поговорили о кинологии, которой Илья увлекался с детства, держа дома собаку — красивого и здорового, ростом с теленка, добермана. Потом Матвей как бы невзначай сказал:

— Тебе надо было держать собаку в мастерской, вряд ли рэкетребятишки сунулись бы туда. Но теперь можешь работать спокойно.

Илья поднял густые брови, с любопытством глянул на посетителя. В пижаме с цветочками он выглядел, как дредноут, гримированный под прогулочный катер.

— Тебе что же, удалось договориться с ними?

— Удалось, — скромно ответил Матвей.

— Без милиции?

— Обижаешь.

Оставив озадаченного Муромца прикидывать, как все это выглядело в натуре, Матвей поехал на встречу с заместителем начальника ГУБО Зинченко Николаем Афанасьевичем.

Встреча состоялась в парке у Сокольников, на берегу пруда, заросшего лилиями, за стеной кустарника. Место выбирал Матвей и, прежде чем появиться в этом дивном уголке природы, внимательно *пригляделся ко всем гуляющим вокруг*, а также обошел пруд, заходя к месту свидания с другой стороны.

Зинченко сидел на траве, сняв рубашку, и читал газету. Как подошел к нему Матвей, он не услышал, но реагировал спокойно, без эмоций: просто отложил газету, глянул на Соболева снизу вверх и сказал:

— Доброе утро. Вы точны, как часы «Командирские».

— Здравствуйте. У меня мало времени. Я вышел на «чистилище». — Матвей не стал уточнять, что «чистилище» само вышло на него. — Мне нужны удостоверения офицера ГАИ, офицера ОМОН, а также сотрудника ФСК и милиции.

— С контрразведкой сложней, но сделаем. На какую фамилию?

— На разные, не бросающиеся в глаза, но трудно произносимые. Скажем, Бутромеев или Шаромыжский. Кроме удостоверения Федеральной контрразведки — его сделайте с моей фамилией. Документы принесете сюда же завтра к шести вечера. После этого связь будем держать только по телефону.

— Кто он? Я имею в виду того, на кого вы вышли.

— Я знаю только факты его работы на «Стопкрим». Похищение Аристовы из спецклиники «фискалов» — его акция. Надеюсь в скором времени выйти на руководство организации. Кроме того я имею факты противозаконной деятельности спецбатальона «Шит».

Зинченко встал, накинул рубашку, хмыкнул.

— «Щит» нам не по зубам. Вы хоть представляете, о чем говори-

те? «Шит» — это подразделение ФСК для борьбы с террористами и охраны правительства.

Матвей сухо усмехнулся.

— Неужели? Доказательства о криминальной сущности батальона я представлю. Мне нужны кое-какие уточнения по его функциональным векторам и управлению. Кто руководит им? Кто из высших чинов ФСК дергает за ниточки? Сам Ельшин или кто-то рангом пониже? Кто из шишек правительства курирует его работу?

Заместитель начальника ГУБО покачал головой.

— Даже шефу это будет трудно сделать. Но попробуем. В свою очередь могу сообщить, что нам стало известно о «конгрессе» — собрании Купола на территории одного из катранов. То есть на...

— Не переводите, с терминологией я знаком. А по какому поводу собирался Купол?

— Повод для всех сейчас один. — Зинченко улыбнулся. — «Чистилище». Ни для кого не секрет, что «Стопкрим» вплотную подобрался к дельцам теневой экономики, столпам мафии и коррумпированным чиновникам из высших властных структур. А это уже уровень правительства и президента. Если «чистилище» доберется до святая святых Купола, страна содрогнется. А может быть, и весь мир. Потому что произойдет смена власти, возврат к тоталитаризму и культу насилия.

Матвей отрицательно качнул головой.

— Насколько я осведомлен, у «чистилища» другие цели.

— Цель у всех подобных организаций одна — абсолютная власть! Сейчас «Стопкрим» занят уничтожением вероятных соперников, и только, а для манипуляций общественным мнением делает вид, что борется за социальную справедливость, наказывая преступников.

— Не уверен, что вы правы, но дискутировать пока рано. У вас все?

— Наши люди узнали телохранителя премьер-министра, который, как оказалось, подвизается охранять еще и одного из столпов Купола. Бывший «черный пояс». Делайте выводы сами.

— Неужели премьер — в Куполе?

— По нашим сведениям — нет, хотя мы всего знать не можем. Как говорится, премьер — сам «купол», зачем ему делить с кем-то власть? Фамилия охранника Залупыйченко, найдете?

Матвей невольно фыркнул.

— За такие фамилии судить надо.

— Он украинец, работал с одним из вице-премьеров, тоже хохлом, помните?

— А-а, вот о ком речь. — Матвей вспомнил скандальную историю смены гражданства — Украину на Россию — известного генерала. Значит, пан Залупыйченко сбежал к нам с этим вице-премьером,

устроился в охрану правительства, а затем нашел работу и у мафии? Силен!

— Но мы не уверены.

— Хорошо, проверю. Теперь все?

— Практически.

— Тогда до связи.

Матвей бесшумно нырнул в кусты за спиной Зинченко и еще раз проверился: никто за этим районом парка не следил, пси-фон вокруг не создавал волн тревоги и подозрительности.

Обедал Матвей в кафе на Пречистенке, заказав куриный суп, блины с вареньем и кофе. Две девицы за соседним столиком хохотали на все кафе, строили посетителям глазки, в том числе и Матвею, потом попросили закурить, а так как Соболев не курил, интерес к нему иссяк. Вспомнив расставание с Кристиной, Матвей подивился тому, как разнится ее воспитание с воспитанием юниц, красивых, хорошо одетых, ухоженных, но с диким ветром в головах и лексиконом лагерника, и пока ехал в Националку, думал об этом, как о явлении деградации общества, но сам же себя высек, фигурально выражаясь, потому что повторял чьи-то слова. Потом вспомнил: все русские философы в свое время рассуждали о деградации человечества и неизбежном его вырождении, как о явлении глобального масштаба. Человечество, как инстинктивно-разумное сообщество, вымирало, шла волна накопления отрицательных факторов, до качественного скачка осталось не так уж и много времени, и не было в мире сил, способных остановить этот процесс. Кроме Посвященных, людей Внутреннего Круга, если верить герметикам или тому же Успенскому. Почему же они не вмешаются, если тоже зависят от тенденций регресса? Или не хватает могущества?

Матвей пожал плечами. Ответ мог дать только Горшин, человек Круга, а он делиться знаниями не спешил.

У двери в библиотеку Соболев столкнулся с двумя юными интеллектуалами в одинаковых майках с изображениями задницы, но в разных штанах: один в сиреневых, другой в ярко-желтых. Кроссовки «Рибок» довершали их наряд, плюс зеркальные очки-консервы на пол-лица. Матвей посторонился, но один из аборигенов небрежно двинул его плечом:

— Глаза потерял, что ли?

— Может быть, — спокойно ответил Матвей, — а ты — мозги. Или их вовсе не было, с рождения?

— Чего? — изумился интеллектуал-желтые-брюки. — А ну повтори!

— Вот видишь, у тебя еще и со слухом плохо. — Матвей двинулся дальше, но обладатель желтых штанов решил проучить наглеца и двинул его кулаком в голову сбоку. Вернее, в то место, где она должна была быть. Матвей мягко и плавно, очень просто — если

смотреть со стороны, даже вроде бы лениво, ушел и от удара, и вообще от агрессивной пары, не ответив на удар и скрывшись за дверью. Преследовать его не стали, пыл ребят погас быстро, когда они остались одни, а клиент буквально растворился в воздухе.

В читальном зале библиотеки Матвей просидел два с лишним часа, дочитав неиздаваемый в России с конца девятнадцатого века труд Гихтеля. Поскольку потребовалось некоторое изменение плана действий в связи с поступившей от Зинченко информацией, Матвей вернулся домой и сел к терминалу. Дисплей послушно высветил ему данные по вице-премьеру, а потом по его охране. Охранник по имени Александр и с фамилией Залупыйченко значился в списке под номером один. Жил он в Сокольниках, один в двухкомнатной квартире, женат не был и детей не имел. Шел ему двадцать девятый год.

Матвей внимательно изучил досье на парня, любителя застольных игр и женщин, а также денег, запомнил его физиономию и фигуру — громила будь здоров! Не красавец, но мужик.

— Шурик, — вслух сказал Матвей, а про себя добавил: что ж, посмотрим, каратэк, какой ты «черный пояс». Матвей по опыту знал, что такие здоровяки боятся боли и не переносят крови, хотя в жестокости перещеголяют кого угодно. Судя по физии господин Залупыйченко не был отягощен ни умом, ни совестью, что упрощало подходы к нему.

В семь вечера Матвей приступил к обычной тренировке и в девятом часу закончил. После этого он поехал на встречу с Ивакиным.

Полковник ждал его в доме на Варшавском шоссе, в квартире, в которую можно было попасть только через кишкообразный коридор с десятком дверей, принадлежащих жилищно-эксплуатационной службе района. Несмотря на то, что на нужной двери висел пудовый замок и табличка: «Котлонадзор. Посторонним вход воспрещен», — она открылась сразу же, как только Матвей подошел к ней вплотную. Явочная квартира была оборудована по современным требованиям, в том числе и телекамерами и компьютерной системой охраны.

Ивакин, одетый в черную рубашку и джинсы, пожал руку гостю и пригласил к журнальному столику с напитками. Сели в кресла, поглядывая друг на друга. Борис Иванович налил себе пива, Матвей — кока-колы.

— Говорят, «чистилище» провернуло операцию освобождения своего работника, — начал Ивакин.

Матвей хлебнул колы, поморщился, налил себе в другой бокал прозрачного, как слеза, «ди-строфика».

— Говорят, кто-то побывал в офисе управления охраны, то есть батальона «Щит», — продолжал Борис Иванович будничным тоном, — и наделал там шороху.

Матвей отпил пару глотков напитка, кивнул, оценивая его вкус.

— Говорят, по поводу деятельности «чистилища» в ближайшее время соберется Совет безопасности. — Ивакин допил свое пиво, пососал брюшко вареного рака. — А также еще одна организация, очень интересная. То есть Купол.

Матвей наконец оторвался от бокала, глянул в проницательные иронично-спокойные глаза полковника.

— Да, информация у нас поставлена неплохо.

— У кого — у нас?

— У военной контрразведки. — Матвей остался невозмутим. — Продолжим тему. В освобождении Аристовы участвовал и я, на правах исполнителя. Таким образом я уже работаю на «чистилище», хотя знаю только одного человека. — Матвей помолчал. — Очень неординарного человека. Но буду, наверное, знать всех.

— Не сомневаюсь. Однако, не слишком ли быстро ты внедрился в «Стопкрим»?

— Не я внедрился — меня вычислили и предложили работать на них. То есть, как оказалось, о моей причастности к «СМЕРШу» знает, кроме вас и Анатольевича, по крайней мере еще один человек.

Ивакин крякнул, откинулся в кресле. Матвей поспешил его успокоить:

— Винить вас в утечке информации, как и начальников ГУБО, я не могу. Как уже говорилось, человек, который вышел на меня и предложил работать на «чистилище», скорее всего живет за гранью пяти чувств. Но об этом мы поговорим позже, я и сам еще не все понимаю. Батальон «Щит» потревожил я. Вывод: в похищении оружия из «Арсенала» участвовала команда «Щита». Я оставил на складе маяк и филера ММ, изъяв в качестве вещдока автомат «Гном» и два пистолета «Волк-2». Кстати, навел меня на «Щит», вернее, дал точные координаты, тот же сотрудник «чистилища».

Ивакин покачал головой.

— Навел тень на плетень... извини, это я себе. Честно говоря, таких удач я не понимаю. А когда не понимаю, то боюсь.

— Сэлф мейд, как говорят американцы: удача делается собственноручно. «Шит» теперь ваша забота. А у меня появился реальный шанс укусить мафию. Иными словами, я попробую выйти на Купол.

Ивакин молча выпил еще одну бутылку пива, поковырял остатки раков, отодвинул тарелку.

— Вообще-то, если дела обстоят так, то задание ты выполнил и можешь сойти с дистанции в любое время. До команды «в ружье», естественно, когда придется брать свидетелей живыми. Дикой не хочет рисковать тобой и предложил дать «губошлепам» отбой.

Матвей посмотрел на Ивакина сквозь бокал.

— Борис Иванович, вы знаете меня достаточно хорошо...

— Поэтому и не согласился с шефом. Во-первых, ты первый пе-

рестанешь себя уважать, уйдя в тень, а во-вторых, руководители ГУБО поверили в тебя.

В комнате вдруг зазвонил телефон. Ивакин вздрогнул, с удивлением глянул на белый аппарат фирмы «Саундизайн», соединявший в себе часы, будильник, магнитофон, радиоприемник и телефон.

Заметил взгляд Матвея, кривовато улыбнулся:

— Синдром застигнутого врасплох любовника... Но мне н и к т о должен звонить. Вообще никто не должен звонить, это телефон моей личной «горячей линии».

— Как в анекдоте: не может быть, чтоб Петька помер, он нам еще должен. Может быть, это шеф?

Борис Иванович оценил шутку, снял трубку:

— Слушаю.

В трубке зачирикали воробьи отбоя.

Контрразведчики молча смотрели друг на друга.

Ровно в одиннадцать часов вечера Матвей нырнул в благоухающую свежестью постель, предвкушая удовольствие чтения, и в этот момент дверной звонок сыграл марш непрошеного гостя. Матвей замер, непроизвольно сжимаясь и вызывая секундный стресс. Но интуиция сигнала тревоги не подала: тот, кто нажимал кнопку звонка с той стороны, опасности не представлял. Даже наоборот, потому что пси-фон его был добрым, и, судя по «цвету» ауры, он сам нуждался в защите.

Недоумевая, Матвей накинул халат и открыл дверь. Перед ним стояла Кристина. Не то чтобы зареванная, но явно недавно пускавшая слезу.

— Явление Христа народу, — сказал Матвей первое, что пришло в голову, встревожился. — Что случилось?

— Может быть, впустишь? — Кристина оглянулась, зябко передернув плечами. Матвей отступил в сторону, запер дверь. Кристина молча прошествовала в ванную, закрылась. Послышался плеск воды.

Почесав затылок, он зажег на кухне газ, поставил чай, достал хлеб, масло, сыр, сделал бутерброды, и, когда гостья, приведя себя в порядок, явилась в гостиную, ее ждал чай в пиалах, конфеты и бутерброды.

— Извини. — Девушка смутилась, перехватив его взгляд, уколовший голые коленки; одета она была в бело-голубой блузон, не годившийся для вечерних прогулок; на шее алела свежая царапина.

— Кошки? — Матвей придвинул второе кресло ближе к столу из полупрозрачного пластика. — Или зацепилась за что?

Кристина села, попытавшись натянуть блузон на колени.

— Жорж. Пристал вечером... — На глазах ее мгновенно набухли

слезы. — Вдвоем с одним... девочек выгнали... если бы не Катя... — Она не выдержала и разревелась. — Сказал: все равно будешь под... а твоему ха... хахалю ноги повыдергаю...

Матвей достал полотенце, молча сел рядом на колени и принялся вытирать лицо Кристины. Она уткнулась носом в его плечо, затихла. Потом обвила шею руками и сама поцеловала. Тогда он подхватил ее на руки и понес в спальню. На пороге она напряглась, вглядываясь в его лицо потемневшими глазами.

— Если боишься — не делай, — шепнул Матвей.

— А сделал — не бойся, — улыбнулась Кристина. — Старое студенческое правило, мне его уже сообщили.

— Я серьезно. Ведь ты меня не знаешь.

— Какой вы галантный кавалер, — фыркнула Кристина. — Только не думай, что я тороплюсь завести семью. Семья — это по обыкновению руины любви.

Теперь фыркнул Матвей, и они захохотали — шепотом, целуясь, сжимая друг друга в объятиях, растворяясь друг в друге, в разгорающемся огне страсти и нежности...

В два часа ночи они пили кофе с молоком. Кристина с влажными после душа волосами щеголяла в рубашке Матвея, а он в накинутой через плечо простыне смахивал на молодого римского патриция. Гостья только теперь смогла разглядеть телосложение своего нового друга и подивиться текучей игре мышц при каждом его движении. Удивительное ощущение силы и уверенности исходило от всей фигуры Матвея, передавалось девушке и вселяло спокойствие и приподнятое настроение.

— Вряд ли мы уснем после кофе, — застеснялась Кристина под красноречивым взглядом хозяина. — Кстати, ты все еще продолжаешь видеть свои сны?

— Не каждый день, но вижу.

— Я за это время перечитала массу литературы. По Ланге в тебе заговорил паратекст, высшие письмена души, то есть глубокая психическая программа. Ты или твой род закодированы, и если окажешься слабее, можешь даже сойти с ума.

— Я уже сошел, — проворчал Матвей.

Кристина покраснела, но глаз не отвела.

— Ты, наверное, считаешь меня...

Матвей остановил ее поцелуем, унес поднос с кофейником и чашками. Пришел, погасил свет.

— Я лягу на диване, спи. Не боишься, что я глубоко... психический?

Девушка засмеялась, соскочила с кровати, потянула его за волосы, обняла.

— Я, может, тоже ведьма. Бабуля рассказывала, что у нас в роду даже шаманы были. Ложись рядом.

— Но тогда мы не уснем и без кофе.

— Я тебя усыплю, проснешься свежим, как сквозняк.

Через секунду они снова целовались...

Уже под утро Кристина сказала сонным голосом:

— Можно я у тебя поживу? Не хочу возвращаться в общежитие... боюсь. Не прогонишь?

И он ответил не то, что хотел:

— Не бойся, никто тебя больше не тронет.

ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ

Кудрявого Жоржа Матвей отыскал вечером в общежитии на Университетской, бывшей Шверика, куда проник под видом студента. Но прежде он выяснил, что фамилия Жоржа Синявский и что отец его — зампредседателя Центробанка. После этого стали понятны амбиции кудрявого красавца, привыкшего ко всем благам цивилизации, культивирующего закон вседозволенности и поступившего в университет по звонку из «черно-белого дома» — здания правительства, на Краснопресненской набережной.

Жорж веселился в компании пятикурсников на восьмом этаже.

Матвей насчитал в комнате шестерых «интеллигентов», двух «мордоворотов» — тех же качков, которые встретили его у филфака, и четверых девиц, дымивших сигаретами «Мор». Устроились все, кто где мог: на двух кроватях, на диване и даже на тумбочках. На столе стояли бутылки водки «Абсолют», ликера «Амаретто» и пива, в качестве закуски использовалась консервированная ветчина, колбаса и яблоки.

На вошедшего никто внимания не обратил, и Матвей, найдя в дыму по обыкновению ораторствующего Жоржа, сразу подошел к нему. Сказал, приятно улыбаясь:

— Узнаешь, красавчик?

Сидевшие рядом с Синявским девицы оторопело уставились на гостя, шум в комнате постепенно стих.

— Что это за чучело? — лениво поинтересовался один из хозяев в рубашке нараспашку, демонстрирующий волосатую грудь. — Чего он хочет?

— Схлопотать по фейсу, — отозвался Жорж, ставя стакан. — Феня, разберись с бобиком, сам к нам пришел.

Один из бугаев — телохранителей Жоржа — стал подниматься, но Матвей ласково усадил его обратно не сильным с виду тычком пальцев в грудь, от которого качок тем не менее задохнулся и не сразу пришел в себя.

— Почеши спину, малыш. — Следующим движением Матвей врезал Жоржу тыльной стороной ладони по щеке, где еще не про-

шел синяк прошлой пощечины, так что тот слетел с дивана, взвыв от боли. — Еще раз позволишь — даже не гнусное предложение, упаси Господь! — а хотя бы косой взгляд в сторону нашей общей знакомой — покалечу! Усек, говнюк?

— Ах ты мерза... — вскочил второй громила... и сел с удивлением на лице, пропустив незаметный мгновенный выпад Матвея. Остальные ничего не поняли, взирая на происходящее сквозь дым.

— Ясно, — кивнул будущий филолог с волосатой грудью, — снова вумен вульгарис. Наш Жоржик где-то позарился на чужую юницу.

— Да ты, скотина, знаешь, кто я?! — завопил опомнившийся Жорж. — Я тебя в выгребной яме сгною, в болото засажу, я тебя, гад... — Синявский вдруг схватил стоявший на тумбочке утюг, двинулся на Матвея. — Попадание внутрь — смертельно, соображаешь? Убью!

Еще двое парней встали с кроватей, явно собираясь помочь своему сотоварищу, да и бугаи опомнились, уверенные в своей силе.

И Матвей вынужден был применить превентивные меры воздействия.

В русбое, которым он владел в совершенстве, как и в айкидо, основными являются приемы нейтрализации противника, не наносящие тяжелых травм. Поэтому Матвей использовал хаппо ундо* — принцип «движения на восемь сторон света» лишь в приложении к тодомэ — пресечению атаки, в результате чего утюг из рук Жоржа перекочевал к нему, телохранители красавца улеглись на пол, а двое студентов — под столом. Движение в комнате прекратилось, шепот девушек стих, установилась полная тишина. Матвей аккуратно поставил утюг в тарелку с ветчиной, наставил палец на держащегося за руку Жоржа:

— Покой ценя, покой любя, ни ты меня, ни я тебя. О'кей, мальчуган? Же не компран па? Андестенд ми, май френд? Кивни, язык жестов я тоже понимаю. Вот и отлично. Теперь ты мой бенефициарий, а это значит, что я тебя предупредил, сопляк.

Фыркнула одна из девушек, затем захихикали остальные, захохотал настроенный благодушно волосатогрудый «патриарх». Под этот смех Матвей и удалился, чувствуя «аморальное удовлетворение», но далеко не уверенный в том, что акт воспитания подействует на привыкшего себе ни в чем не отказывать Жоржа.

Поскольку машину Матвей оставил за три квартала до общежития, чтобы «не светиться» понапрасну, он решил проехать две остановки на трамвае. И оказался свидетелем достаточно громкого разговора двух гегемонов, возвращавшихся то ли с работы, то ли с застолья.

---

* Многие приемы вошли в русский стиль из кэмпо и других видов единоборств, сохранив свое название.

— Прихожу я, бля, вчера домой, Серега, а они уже обедают без меня: жена, бля, дочь, бля, и этот хмырь ё... в рот! Зять, значит. Ну, я и говорю...

Матвей переглянулся с невысоким седым пассажиром, стоявшим рядом. Седой кивнул на беседующую пару:

— Высокоинтеллектуальный у них разговор. Вряд ли он понял второй смысл сказанного.

Матвей ответил без улыбки:

— Может быть, он сказал правду. Но вообще-то сейчас это норма.

— Вы правы. Но я всегда был уверен, что самое большое отклонение от нормы — посредственность, серость, а не наоборот. Вы меня понимаете?

— Понимаю.

Поставив машину во дворе дома, Матвей сел было к терминалу, но раздавшийся звонок радиотелефона изменил его намерения. Звонил Дикой:

— Хорошо, что вы дома. Срочно в Управление.

— Что случилось? — У Матвея что называется екнуло сердце.

— Случилось. — Щелчок защиты линии и гудки отбоя.

Несколько мгновений Матвей смотрел на трубку, как на готовую взорваться гранату, потом быстро собрался и, чувствуя наступление каких-то неподконтрольных ему событий, покинул квартиру.

Управление военной контрразведки «СМЕРШ-2» занимало скромное двухэтажное здание на Фрунзенской набережной вместе с финансовым надзором Министерства обороны, и в этот поздний час было погружено во тьму. Окна кабинета Дикого тоже не светились, но это просто работала лазерно-поляризационная защита, затемняющая стекла.

Соболева ждали. Двери сами открывались и закрывались за ним, как только он появлялся в поле зрения скрытых телекамер, и через минуту он уже входил в небольшой, но технологически уютный кабинет генерала. Валентин Анатольевич, одетый в белую рубашку с галстуком, встал ему навстречу, пожал руку, кивнул на стулья с кожаными сидениями.

— Когда мы виделись в последний раз с Ивакиным, Матвей Фомич?

— Вчера вечером. А что с ним?

— Убит. Именно вчера вечером у двери той же явочной квартиры. Тело обнаружили только во второй половине следующего дня, то есть уже сегодня, но вас не было дома.

Несколько мгновений Матвей находился в шоке. Вскинулся:

— Не может быть!

Генерал молча налил себе воды, выпил, подвинул сифон к гостю, но Соболев не взял.

— Такие вот пироги, капитан.

— Ничего не нашли? Следы... обстоятельства... Как его убили?

— Это одна из загадок трагедии. Такое впечатление, будто Борис Иванович разодрал себе все тело ногтями, а потом пытался руками вынуть сердце.

Матвей молча смотрел на Дикого. Тот мрачно кивнул:

— В принципе, такое возможно... если применить кое-какую секретную аппаратуру. Следов не оставляет никаких. Но тут еще предстоит поработать экспертам. О вашем свидании Борис Иванович сообщить мне успел, но подробностей не знаю. Так что выкладывайте, что у вас есть.

Матвей поднял похолодевшие, пронзительно-голубые глаза, пряча в глубине души недоумение и боль.

— Я хочу участвовать в расследовании.

— Там и без вас специалистов хватает, Матвей Фомич. А вы на время вообще отстраняетесь от участия во всех операциях. Я знаю, что вы чувствуете, но...

— Товарищ генерал!

— Капитан, это приказ! Успокойтесь. Почитайте-ка, это вам. — Дикой подвинул на край стола два конверта. Это были письма Соболеву, пришедшие в Рязань. Для всех родственников он продолжал жить и работать там.

Матвей механически развернул конверты. Одно письмо было от Кузьмы Федоровича, деда по отцу, проживающего в Красноярском крае, а второе от двоюродной сестры Лиды, уехавшей с мужем после его демобилизации в село под Вологду. Кузьма Федорович приглашал приехать погостить, отдохнуть на пасеке, а Лида, всегда веселая, энергичная, с оптимизмом встречавшая все жизненные невзгоды, вдруг впервые посетовала на судьбу.

Мужа ее Матвей не жаловал: маленького роста, рано облысевший толстяк, дослужившийся в свои тридцать пять лет до майора, не проявил себя в семейной жизни никак. Надо было безумно любить такого рыхлого и тяжелого на подъем человека, чтобы кормить, одевать, стирать, все покупать самой и содержать дом в идеальной чистоте, в то время как единственное, что делал для дома этот майор, кроме чтения газет и многочасового времяпрепровождения у телевизора, выносил по воскресеньям ведро с мусором.

Почему он ушел из армии, Матвей не понял. Лида говорила, что специалистом ее Леня был хорошим и сокращению не подлежал. Тем не менее в один прекрасный день ему попала вожжа под хвост, и он решил уволиться из армии и осесть в глубинке, заведя фермерское хозяйство.

Поскольку фермер из него мог получиться еще тот, Матвей попытался уговорить сначала его, потом Лиду, но в конце концов

плюнул и отступился. Он знал, что работать будет Лидия, но помочь ей ничем не мог. В принципе, все так и получилось, как он предполагал, хотя Лидия никогда не жаловалась и тянула лямку за двоих. И вот ее прорвало.

Из письма Матвей узнал, что местное руководство в лице председателя колхоза «Новый завет» и главного агронома еще два года назад пообещало переселенцам «выжить всех фермеров» и планомерно выполняет обещанное. Первое время Нестеровых не трогали, разве что отвели самую плохую землю да платили за сданное молоко и мясо гроши. Но потом, когда хозяйство пошло в гору, начался шантаж, посыпались прямые угрозы о расправе. Для работников колхоза они оказались бельмом на глазу, потому что примером своим «сманивали колхозников» завести свое частное хозяйство. Милицию, как оказалось, Нестеровы предупреждали напрасно, она покрывала своих.

В селе и без того царили нравы бандитского социализма: то и дело вспыхивали драки, людей натравливали друг на друга и на фермеров, из-за покосов вообще шла настоящая война. Люди озверели. А комиссии из окружного центра, купленные председателем, «не фиксировали нарушений законопорядка».

Матвей оторвался от письма, слепо глянул на что-то сказавшего ему генерала, очнулся:

— Извините.

— Ничего, читайте. По лицу вижу, письмо неприятное.

— Сестра пишет, плохо им там.

Дикой кивнул, снял трубку зазвонившего телефона. Матвей еще раз перечитал письмо.

«Я и не думала, что все примет такие размеры и формы, да и Леня мне помощник слабый, никогда не пойдет отстаивать правду, все сама. Когда у нас ничего не было, все вокруг вроде как жалели и помогали, а как обустроились — оценили. Купили мотоцикл и трактор, так вообще ненависть вспыхнула: «Мы всю жисть пахали ни за хрен, а энти без году неделя — и уже баре!» Да и что это за колхоз, Бог ты мой! Здесь же одни люмпены остались, пьянь и бездельники в основном, а председатель держится за колхоз только потому, что без него он никто. А так — власть! Хоть какая-то, но ведь кормит же. И все время только и слышишь: «Понаехали, все у нас отнять хотят». А работать, как мы, по двадцать часов в сутки, они никогда уже не смогут.

Вчера кто-то сарай поджег, еле потушили, а днями солярку украли, двухсотлитровую бочку. Участковый наверняка знает, кто украл, но совести у мордоворота не было и не будет. В общем, так и живем, братик. Напиши, как получишь, хоть пару слов. Все легче на душе станет».

— Поезжайте туда, — блеснул проницательными глазами Ва-

лентин Анатольевич, — переключитесь, пока мы тут разбираться будем. Уверены, что не «засветились»?

— Я профессионал. — Матвей выдержал острый взгляд генерала.

— А сестра где ваша обосновалась?

— Вологодская волость, фермерствует... с мужем.

— Вот и помогите им чем сможете. Без информации не оставлю, найду, если понадобитесь срочно. А с начальником ГУБО сам поговорю, он поймет.

Матвей покачал головой. Он уже пришел в себя и прикидывал, что будет делать в ближайшее время.

— В деревню к сестре я съезжу, но с заданий меня снимать не надо. Кое-что для «губошлепов» я все-таки сделаю.

— Посмотрим, — сказал Дикой, пришлепнул папку на столе ладонью. — Все, капитан, решили. Теперь выкладывайте, что у вас есть.

Через полчаса Матвей ушел из управления, унося с собой пожар разбуженных гибелью Ивакина чувств и холодную ярость ганфайтера, уже пущенную по следу убийц.

Начальник оперативно-розыскного бюро МУРа полковник Синельников Александр Викторович пребывал в хорошем расположении духа, что отражалось на его аппетите. Глядя, как он поглощает вторую порцию шашлыка по-карски, майор Агапов, командир второго подразделения, которое занималось сбором и анализом данных по «Стопкриму», только головой покачал. Был Агапов Юрий Феодосиевич хил и бледен, вечно страдал желудком и на крепышей типа Синельникова смотрел, как на чудо природы.

— Ну, ты и жрать здоров, — вздохнул он с завистью, пригладив редкие волосы. — Аки бугай!

— Кто не ест, тот не работает, — отозвался Синельников, принимаясь за третью порцию.

Разговор на время прервался. Еще раз вздохнув, Агапов доел овсяную кашу, запил ее бледным чаем и терпеливо дождался, пока насытится полковник.

Столовая Управления находилась на втором этаже здания и всегда была заполнена до отказа. Посещали ее даже высшие офицеры МВД, потому что баланс Министерства позволял не экономить на продуктах, а повара здесь работали великолепные.

Поднявшись к себе на пятый этаж, Синельников полчаса отдыхал после обеда, полузакрыв глаза и перейдя на глубокое дыхание. Потом помассировал тяжелое лицо, и Агапов поразился перемене: перед ним сидел энергичный, деловой, свежий человек.

— Выкладывай, — кивнул он майору крупной головой.

Агапов достал из папки несколько листов бумаги с текстом.

— Это списки уволенных из органов за последние два года. Звездочками помечены профессионалы рукопашного боя. Всего набралось, я имею в виду «звездчатых», тридцать семь человек.

Синельников пробежал списки глазами, ногтем отчеркнул одну фамилию.

— Юра, мы на верном пути, если Аристава попал в наш кондуит с первого захода. Я и не знал, что он работал на контрразведку.

— Тренером, Викторович, тренером, а не опером.

— Не имеет значения. Начинайте раскручивать всероссийский розыск всех обозначенных здесь, не афишируя, разумеется, наш особый интерес к фигурантам. Что еще?

— В поле зрения ребят попал некто Соболев Матвей Фомич, друг раненого четыре дня назад автослесаря Шимука. Следствие показало, что рэкетиры «наезжали» на слесаря трижды, причем второй раз именно в тот момент, когда у Шимука был этот самый Соболев.

— Ну и что? — Синельников смотрел заинтересованно.

— Парнишка — помощник, что работает у Шимука, сообщил, что рэкетиры в тот раз убрались восвояси сильно помятыми.

— Ага. Ты хочешь сказать, что Соболев — профи боя?

— Да нет, не похож он на мастера единоборств, если верить тому, как его описал парнишка. К тому же сам Шимук — одиозная личность, здоров, как шкаф. Во всяком случае, по массе и силе тебе не уступит. Недаром его прозвали Ильей Муромцем.

— Как шкаф, значит. Спасибо за комплимент.

Агапов болезненно усмехнулся.

— Ты больше похож на банковский сейф. Я решил понаблюдать за Соболевым втихую, после того, конечно, как определю его адрес. Удалось выяснить лишь одно: недавно он вернулся из мест заключения, так что малый интересный. Конечно, мы можем взять его и без санкции прокурора, если нужно, он изредка навещает раненого друга.

Синельников покачал пальцем.

— Не спеши, следопыт. Как говорил Гилле: свободный черт лучше связанного ангела. Запросите документы ИТК: где сидел, по какой статье, сколько, — последите за ним, узнайте, где работает, с кем живет. В общем, все. А потом посмотрим. Но не исключено, что это ложная ниточка.

— Да нет, мне почему-то кажется, что карась попался крупный. На следующий день после ранения Шимука кто-то побывал в конторе Белого и устроил там шухер.

Полковник подтянулся, сел плотнее к столу, в глазах его зажглись хищные огоньки. Агапов кивнул, понимая его реакцию.

— Может быть, все-таки будем действовать проще?

Заблеял «горячий» телефон. Синельников снял трубку: звонил начальник МУРа:

— Александр Викторович, зайди.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Что произошло?

— Убит Ивакин, замдиректора «СМЕРШа».

Синельников поменялся в лице, глянул на трубку с недоверием и тихо положил на рычаг.

Точно таким же образом генеральный прокурор тихо опустил трубку спецтелефона в гнездо. Лицо его приняло озабоченное выражение.

— Черт бы его побрал! — выругался он, щелкнув пальцами.

Гость прокурора, молодой человек спортивного вида, с гривой седых волос, с лицом открытым и веселым, которое портили только настороженные, цепкие, злые глаза, пошевелился.

— Неприятности?

— Они убили Ивакина!

— Кто?

— ГГ и его секьюрмен. Дьявол! Ни слова, ни полслова, трах-бах и готово! А ведь убрать главного следопыта «СМЕРШа» — не комара прихлопнуть. Теперь ВКР закипит, как чайник, и возможность контроля над событиями будет утрачена.

— Может быть, я смогу помочь?

— Чем? Ты со своими проблемами управься. Выяснил, кто побывал в твоей хваленой «крепости»?

Молодой человек, а это был майор Шмель Юрий Степанович, наклонил голову, пряча насмешливые огоньки в глазах, но генеральный прокурор ничего не заметил.

— Мне нужны прямые доказательства того, что это действовал «Стопкрим». Обговорите с Рудаковым варианты. И хватит мелочиться! Я имею в виду «работу» бандитов Дадоева. Когда-нибудь они провалятся так глубоко, что даже я не смогу закрыть на это глаза. Все, свободен.

Шмель встал, щелкнул каблуками и вышел. Спустя час он входил в здание «Северо-Запад-банка», где его ждал тот самый ГГ, то есть Георгий Георгиевич, о котором так нелицеприятно отзывался генпрокурор.

Георгий Георгиевич не был президентом банка, и даже служащим банка, но имел свой кабинет на самом верхнем — семнадцатом этаже здания, откуда открывался чудесный вид на столицу.

Майора здесь уже ждали. Оставив охрану — троих мускулистых девиц, вооруженных автоматами, спрятанными в дипломатах, — у дверей офиса, он прошел в сопровождении местного охранника в кабинет ГГ.

Кабинет, обставленный современной финской мебелью, с резными деревянными панелями на стенах, с новейшими видео и аудио-

комплексами японских фирм «Касио» и «Судзуки», поражал размерами, роскошью и функциональной гармонией. Его убранством, сверкающим стеклом, металлом, кожей, великолепными картинами, встроенными барами, шкафами со старинным оружием, керамикой и коллекцией камней, можно было любоваться долго. Но Шмель бывал здесь не впервой и сразу прошел к столу хозяина, напоминающему больше пульт управления космическим кораблем. Георгий Георгиевич, сверкнув белозубой улыбкой, кивнул гостю на тележку-поднос из толстого стекла, где стояли бутылки и бокалы. Майор налил себе шампанского — больше он ничего и никогда не пил, — пригубил и сел у стены.

— Шериф пришел в ярость, — сказал он негромко. — Я только что от него. А на самом деле, стоило ли убирать Ивакина?

Георгий Георгиевич поморщился.

— Хасан перестарался, испытывая «болевик», полковник убил себя сам, когда понял, что у Хасана припасен еще и «глушак». Но я сомневаюсь, чтобы полковник сказал что-нибудь важное. Таким образом мы знаем только то, что один из волкодавов «СМЕРШа», ганфайтер Икс, работает сейчас по особому заданию. Кстати, у тебя мог побывать именно он.

— Так рисково работает только «чистилище».

— Мастеров такого класса — десяток на всю планету, он ведь прошел через твоих спецназовцев, как нож сквозь масло. Немедленно перебазируй оружие на вторую базу и смени охрану.

— Все, что надо, делается. Но «СМЕРШ» все равно не нужно было дразнить.

— По характеристике нашего благодетеля из Минобороны Ивакин слишком опасный противник, чтобы останавливать его обычными методами. Он узнал достаточно, чтобы объявить тревогу по Управлению, поэтому пришлось пойти на крайние меры. Что и дает тебе время на передислокацию.

— Понял.

— Теперь поговорим о твоем двойнике. Дадоева необходимо тихо ликвидировать, а его «фирму», то есть «Федерацию», распустить. Если бы не он и его дебильные мальчики, «чистилище» не вышло бы на твой бункер... опять же, если это «чистилище».

— В поле зрения моей разведки попал некий Илья Шимук, на которого наехали дадоевцы. В этом деле есть нюансы, которые позволяют сделать нестандартные выводы. Сейчас мы проверяем друзей Шимука, самого его подстрелил телохран Дадоева, кретин, каких мало, и, если нюх у меня есть, в скором времени появится результат.

— Телохранителя немедленно отправь куда-нибудь в... командировку, бессрочную. На него может, скажем, случайно выйти угрозыск, а разговорить нынче можно даже удава. Действуй. Вечером

позвони, я дам тебе список телефонов, проверишь адреса на предмет проживания так интересующих нас лиц.

Шмель допил шампанское, хрустнул оберткой «Сникерса», на ходу задвигал челюстями. Георгий Георгиевич остановил его на пороге, с любопытством во взоре спросил:

— К слову, майор, зачем тебе понадобилась эта экзотика — «дамский» взвод?

— Тайное оружие, — обернулся Шмель с ухмылкой. — Эти «дамы» не уступят ни одному мужику — мастеру единоборств, они даже более жестоки, чем мужики, а выглядят пай-девочками.

— Но ведь того террориста-ниндзя, что «щупал» твой офис, они не остановили?

Майор принахмурился: батальон «Щит» достался ГГ в наследство от старого начальника, и до сих пор ГГ не делал попыток изменить существующие в батальоне порядки.

— Ему помогли.

— Вот как?! — В голосе хозяина кабинета прозвучало удивление. — Кто же?

— Не знаю, — нехотя ответил Шмель.

«Красный квадрат», то есть совещание комиссаров «Стопкрима», собирался нечасто и только для принятия каких-то важных решений. Существовал еще «полный квадрат», когда на совещании присутствовал Граф — Горшин, однако на сей раз он отсутствовал, предупредив, что находится в командировке. Что это за «командировка», из четырех комиссаров «квадрата» не знал никто.

Завьялов, занимавший угол лидера «квадрата», оглядел главное руководство «чистилища». Все это были люди вторых и третьих эшелонов власти, кроме разве что президента Центра нетрадиционных технологий Боханова Владимира Эдуардовича. Но и он был в свое время обделен, когда академиком стал его зам, а он так и остался членкором. Правда, фигуры это были сильные, «проходные», если пользоваться шахматной терминологией, но уже далеко не пешки.

Рыков Герман Довлатович занимал пост начальника информационного бюро Управления «И» Федеральной службы контрразведки, а Музыка Глеб Максимович дошел до полковника, будучи начальником службы обеспечения московского уголовного розыска. Правда, из всего «квадрата» он был самый старший: в сентябре ему исполнялось сорок девять лет. Рыкову шел тридцать восьмой, а самому Завьялову тридцать шестой. Таким образом Граф-Горшин со своим багажом в тридцать два года — по паспорту — был самым молодым из них, хотя иногда Завьялову казалось, что тому, по крайней мере, на полсотни лет больше.

— Начнем, пожалуй, — вздохнул Дмитрий Васильевич. — Граф

представил важную информацию, о которой даже вам, Герман Довлатович, ничего не известно, и мы должны решить, как работать дальше.

Комиссары «квадрата» не знали настоящего имени Горшина, знал только Завьялов.

— Он объясняет, почему не выполнил наше решение? — буркнул Музыка.

Дмитрий Васильевич поднял на него взгляд.

— Убрать Ариставу? Нет, не объясняет. Но он сделал, на мой взгляд, нечто лучшее, вызволив Ариставу.

— Для кого лучшее?

— В том числе для всего «чистилища», подняв его авторитет. Но давайте обо всем по порядку.

Завьялов раскрыл черную папку с вытисненным на ней золотым кинжальчиком, достал дискету, вставил в приемник компьютера.

— Господа комиссары, перед вами те, с кем нам придется драться не на жизнь, а на смерть. Если, конечно, не считать ФСК, МВД и ГУБО. Перед вами Купол!

Трое разных людей с одинаковым острым любопытством взглянули на вспыхнувший экран дисплея. Все они знали клички руководителей Купола: Летчик, Банкир, Мэр и Шериф, — теперь же клички раскрывались живыми людьми, имеющими каждый в отдельности немалую сферу влияния, а все вместе — колоссальной сложности и мощи структуру власти. Пирамиду власти. Лишь имя «крестного отца» осталось нерасшифрованным, что придавало ему добавочный вес и говорило о возможностях конспирации.

— Да! — с чувством сказал полковник Музыка. — Это титаны! Пробить брешь в их защите непросто, если вообще возможно. Даже Графу.

— Не прибедняйся, Глеб Максимович, пробасил Боханов. — Наша контора почти не уступает Куполу в организации, а по качеству личного состава даже превосходит.

— Они задавят нас количеством, тем более, что для боссов жизнь их солдат не имеет никакого значения. Кстати, я хотел бы вернуться к операции по освобождению Аристовы. Я до сих пор не знаю подробностей этого дела. Зачем Графу понадобилось так рисковать?

— Разрабатывал операцию сам Граф, он же и провел ее с двумя исполнителями, одним из которых был новенький. Обошлось без стрельбы и крови.

— Да-а, — протянул Музыка с бледной улыбкой. — Иметь в своей команде Графа — это хорошо, но плохо, что все наше планирование и защита замыкаются на одном человеке.

Дмитрий Васильевич имел примерно такое же мнение, но промолчал. Операции, подготовленные Графом-Горшиным, никогда не

срывались, а это было достаточной гарантией безопасности «чистилища», многоуровневую структуру которого тоже предложил Граф.

— Прежде чем перейти к главному вопросу, ради которого мы собрались, давайте разберем несколько более мелких проблем. Первая — убийство Ивакина. Герман Довлатович, есть у тебя что-нибудь?

Рыков, тихий и незаметный, явно теряющийся на фоне остальных: крупного, громогласного и веселого Боханова, жесткого и делового Музыки, умного и проницательного Завьялова, — сверкнул глубоко посаженными черными глазами. Его воле, целеустремленности и упорству в достижении намеченного можно было позавидовать, но мало кто догадывался об этих его качествах, а также о том океане яростной зависти, скрывающемся в душе за оболочкой приятного и скромного собеседника.

— Военная контрразведка не делится с нами подробностями своей деятельности. Мы знаем только, что Ивакин начал работать по факту утечки новейших образцов оружия, похищенных, очевидно, с целью продажи за рубеж. А поскольку его убрали, значит, он вплотную подобрался к похитителям. Что говорит как о потенциале «СМЕРШа», так и о возможностях Купола. Не сомневаюсь, что ликвидировала полковника служба безопасности мафии.

— А кто работал у Ивакина по делу утечки?

— Один человек, агент типа «абсолют», таких называют ганфайтерами. Но кто именно — неизвестно.

— Может быть, он и убрал Ивакина?

Рыков покачал головой не отвечая.

— Ясно. — Завьялов склонился над папкой. — Теперь о батальоне «Щит», он у нас, как кость в горле. Но мы не планировали активных акций против него. И тем не менее кто-то проник в штаб отряда и наделал там шороху. Уровень исполнения столь высок, что достоин восхищения. Т а к может работать только один человек — Граф, но он бы нас предупредил.

— Значит, это был кто-то другой, — рассудил Музыка. — Может быть, тот самый «абсолют», ганфайтер?

Завьялов поглядел на Рыкова, но тот развел руками.

— У меня ничего.

— Ясно. Что ж, подождем Графа, он должен знать профессионалов своего уровня. Тогда предлагаю сводку конкретных драм, требующих нашего вмешательства.

Дисплей высветил данные о случаях бандитских нападений и произвола милиции и государственных чиновников. Первым в этом списке шло дело о применении сотрудником муниципальной милиции оружия в совершенно безобидной ситуации: у студентки училища культуры не оказалось при себе документов, и сержант

выстрелил ей в спину, когда она посчитала инцидент исчерпанным и пошла прочь. Вторым делом было незаконное увольнение из органов милиции подполковника Семцова, третьим — действия прокурора Филина и старшего следователя окружной прокуратуры Жарова.

РАССЛАБЬСЯ И ОТДОХНИ

Кристина долго и придирчиво разглядывала себя в зеркале, пока не убедилась в том, что изъяны не исчезли. Во-первых, рост — метр семьдесят девять — был слишком высок. Во-вторых, плечи были прямые и чуть шире, чем требовали законы пропорций. В-третьих, грудь слишком вызывающе оттопыривала любую блузку, а бедра слишком круто поднимали юбки и платья. Наконец, губы выглядели слишком красными и полными, глаза слишком большими, уши наоборот маленькими, талия тонкой...

— Уродка! — прокомментировала вслух Кристина, имея тем не менее надежду, что все обстоит не так уж и плохо, если даже Матвей, хладнокровию и сдержанности которого мог бы позавидовать айсберг, глядел на нее с темным блеском восхищения.

— Криста, ты скоро? — раздался за дверью голос подруги. — Кофе готов.

— Сейчас, — очнулась Кристина. Быстро просушила мокрые после мытья волосы, вытерлась и вышла из ванной. Катя, зная ее отношения с Жоржем и компанией, пригласила Кристину погостить у нее с недельку, пока улягутся страсти, и та согласилась.

— Богиня! — вздохнула пухленькая беленькая Катя, завистливым взглядом встречая гостью. — И что ты нашла в этом своем ухажере, ума не приложу.

— Ты о ком? — смутилась Кристина, быстро одеваясь.

— Я видела тебя с парнем, с Матвеем, кажется. Ну, и выбрала ты пару! Ты же принца можешь обворожить. А этот — самый обыкновенный проходняк.

Кристина нахмурилась, потом улыбнулась, вдруг вспомнив, как вышла из его спальни утром и застала Матвея за разминкой.

Казалось, каждая мышца, каждая косточка его великолепно — но не чрезмерно! — развитого тела танцевала, играла, разговаривала с другими; по телу шли странные, завораживающие глаз, ритмические волны ряби; и этот танец, «разговор» тела был страшен и красив одновременно! Никогда еще и ни у кого она не видела такого владения телом.

Матвей сосредоточенно оглянулся на застывшую в проеме двери девушку, хмуро и в то же время застенчиво улыбнулся, и эта его улыбка сняла все ее страхи и опасения...

Кристина снова улыбнулась.

— Ты его плохо знаешь, Катюша, вернее, не знаешь совсем. Он необыкновенный человек! А как дерется!

Катя фыркнула.

— Наслышана. Но не считаю это главным достоинством мужчины. Он что — умен, знаменит, богат?

— И умен, и богат — если иметь в виду кругозор и широту взглядов. Впрочем, деньги у него всегда имеются, и ездит он не на одной тачке. А что касается главных качеств... мне импонирует уже то, что он способен постоять за себя и за свою подругу, в отличие от большинства наших рахитичных мальчиков.

— Я не спорю. — Катя принесла поднос с кофейным сервизом, фруктами и пирожными, и подруги с ногами забрались в кресла, довольные тишиной и уютом. — Уж не собираешься ли ты за него замуж?

— Если позовет — пойду, — взмахнула Кристина рукой с зажатым в ней пирожным. — Хотя я его и предупредила, что замуж не собираюсь.

Катя прыснула.

— Правильно, пусть не воображает, помучается. А он учится или работает?

— Закончил три года назад филфак, сейчас где-то преподает, но я не уточняла. Сам скажет. Ну, а твой Виктор что думает?

Катя беззаботно отмахнулась, начав со смехом рассказывать историю своих отношений с однокашником, а Кристина вспомнила прощание с Матвеем и вдруг ясно увидела его сидящим в позе лотоса. Он открыл глаза, улыбнулся, протянул к ней руки, и девушке показалось, что она слышит его шепот:

— Ты меня слышишь, Христя?..

Скорые поезда до Архангельска ходили через Вологду, и Матвей взял купе на поезд, уходящий в десять вечера. В Вологду поезд должен был прийти в шесть утра, а Соболева это устраивало, он успевал на первый автобус в село Старое, где фермерствовали Нестеровы.

Острое чувство преследования охватило его уже на перроне, хотя конкретно интуиция не сработала: пассажиры вокруг не обращали внимания на молодого человека с сумкой через плечо, спешащего, как и они, на посадку. Однако нервная система не сигнализировала зря, подсознание реагировало на опасность раньше хозяина и практически не ошибалось. В купе Матвея ждал Горшин. Вряд ли проводница видела, как он туда вошел.

— Привет.

— Салют. — Матвей забросил сумку на вторую полку, невозму-

тимо сел напротив. — Кажется, мы попутчики? Я почуял тебя еще на выходе из вокзала.

— Я знаю. Уезжаешь надолго?

— На неделю. До вызова по службе. Меня отстранили от... всех заданий.

— В связи с гибелью Ивакина?

Матвей внимательно поглядел в глаза Горшина, в которых сквозь показное простодушие проглядывало понимание всех тайн мира, недоступных кроме него никому, а также ирония и тоска.

— Ты знаешь, кто это... сделал?

В купе зашли двое пожилых мужчин, будущие спутники Соболева, и Тарас кивнул на дверь:

— Поговорим в коридоре.

Они стали так, чтобы не мешать входящим пассажирам, потом все же вышли из вагона, стали в тени.

— Ивакина убили боевики Купола по заказу какой-то очень большой шишки из военного ведомства, может быть, даже из твоего «СМЕРШа», а возможно, и выше.

— Дикой? — вырвалось у Матвея. — Не может быть! Кто может быть выше? Разве что сам министр?

— Не знаю, по отзывам генерал Дикой — человек чести, а вот министр... Но афера с оружием стоит так дорого, что я ни за что не поручусь. Десятки, если не сотни миллионов долларов! Такого оружия, как «Удав», «Гном» и «Волк-2», нет ни у одной армии мира и в сбыте украденной партии заинтересованы очень многие государственные мужи, работающие под контролем Купола. Они не остановятся ни перед чем, ибо деньги — это власть, а Большие деньги — Большая власть! Мир полон больших и малых Пилатов. Я уже давно сделал вывод: у тех, кто рвется к власти, шаг за шагом, постепенно меняется психика, и к высшим постам это уже не люди, а человекоподобные монстры. Тебе в основном придется сражаться с ними, потому что ты тоже птица высокого полета, только еще не созрел.

Матвей хмыкнул.

— Я знаю пределы своих возможностей.

— А я своих нет. Как, впрочем, и твоих. Не лукавь, ганфайтер, ты неординарный человек, и это еще скажется. Вот тебе для размышлений. — Горшин сунул Матвею свернутый листок бумаги. — Прочти в туалете и уничтожь. Езжай в свою деревню, расслабься, отдохни. Я бы и сам с удовольствием подышал сельским воздухом, да дел много. Удачи тебе.

Горшин внезапно исчез. Вот он стоял рядом, а вот уже и нет его, будто не человек сгинул, а нечистая сила. Матвей постоял еще немного, прислушиваясь к звукам вокруг: далеким гудкам, гулу вокзала, разговорам пассажиров, хрусту шагов, звону тележек с вещами, и вернулся в вагон.

После того, как поезд тронулся, проводница собрала билеты и раздала постельное белье, Матвей зашел в туалет и развернул врученный Горшиным листок папиросной бумаги. Это была схема иерархических структур «Стопкрима» с делением на стратегический, тактический и оперативный уровни. Для ее изучения Матвею хватило минуты, после чего он порвал листок на мелкие клочки и посеял их через отверстие слива на нескольких сотнях метров железнодорожного полотна.

Лежа в одних плавках на верхней полке — соседи давно уснули, — он мысленно вернул перед взором листок со схемой.

Руководство «чистилища» состояло из пяти человек — комиссаров, отвечающих каждый за один из стратегических уровней. «Лидер общения», он же «угол красного квадрата», некто Завьялов отвечал за связь комиссаров и «горизонт решения», лидер-исполнитель — Тарас Горшин — владел инициативой планирования и целеуказаний, а также командовал сетью «монад» — руководителей обойм высшего уровня, в подчинении которых в свою очередь находились «спикеры», руководители оперативных единиц — «мейдеров» и «экстравертов» в пять и девять человек. Комиссар по фамилии Боханов заведовал службой компьютерного, научного и технического обеспечения, некто Рыков Г. Д. — сектором разведки, а Музыка Г. М. — группой наблюдения и подстраховки. Опять же — комиссаров знали, да и то не в лицо, лишь командиры уровней и служб, исполнители же рангом ниже, в том числе и спикеры, вообще не знали об их существовании. И вся сложная и разветвленная система «чистилища» держалась на одном человеке — на Горшине Тарасе Васильевиче, чья жизнь была для всех — тайна тайн...

Матвей потянулся к бутылке «пепси», открыл — напиток был теплым и жажду не утолял. Вспомнился старый анекдот, как официант в кафе жалуется бармену:

— Вот посетитель кричит, что вино слишком теплое.

— Врет! — убежденно отвечает бармен. — Я только что долил в бутылку холодной воды...

Матвей улыбнулся, расслабился до состояния дхъяны, когда организму уже не требуется охлаждения, ибо он не чувствует перегрева, и через секунду спал, оставив «включенной» третью сигнальную систему — сторожевую.

Село Старое на самом деле оказалось не таким уж и старым. Во всяком случае новых домов, добротных, кирпичных, в большинстве своем двухэтажных и красивых, в нем набиралось по подсчетам Матвея около двух десятков. Почти все они принадлежали приезжим фермерам, и Матвей понял, почему местное население озлобилось против новых жильцов: колхоз никогда не построил бы им такие дома.

Коттедж Нестеровых замыкал улицу. Он не был двухэтажным, как другие, зато имел пять комнат и добротную русскую печь с лежанкой. Во дворе имелись: ферма для коров, два сарая, погреб, колодец, небольшой загон для кур и свиней. В саду росли вишни, сливы, яблони, шпалера малины отгораживала участок Нестеровых от соседнего. Огород в тридцать соток был засажен картофелем, капустой, луком и морковью, а два гектара пахотной фермерской земли зеленели хлебом и кукурузой. Остальные земли, примыкающие к реке, были засажены люцерной и травами, хотя имел место и естественный луг, на котором паслись три коровы и конь.

Прибыл Матвей в село в двенадцатом часу дня и застать Лиду дома не надеялся, но сестра оказалась во дворе, готовила для скота корм. Увидеть брата она, конечно, не ожидала и поверила в его приезд, лишь когда он обнял ее за плечи.

Были слезы, были радостные возгласы, улыбки, смех и рассказы о делах. И был обед, на котором присутствовал также Леонид Ильич, муж Лиды, далеко не обрадованный тем, что приехал шурин. Дети Нестеровых, Настя и Андрей, учились в школе, в пятом и шестом классах, и приходили с занятий позже. Леонид был зол и расстроен, на вопросы отвечал односложно и невпопад, зато ругал всех и вся, от правительства до соседей.

— Надо уезжать, — подвел он наконец итоги своего недовольства, — житья не стало. Хочу спокойно пожить где-нибудь, чтоб никого не видеть и не слышать. — С этими словами он ушел в горницу.

Матвей и Лида — статная высокая блондинка с тяжелой золотой косой, уложенной в корону, — переглянулись.

— Спать пошел, — тихо сказала Лидия. — У него режим: с двух до четырех спит, с девяти вечера тырится в ящик.

— А ты? — так же тихо спросил Матвей, отваливаясь от стола.

Обед был королевским даже по городским масштабам: копченый окорок, корзиночки с творогом, борщ по-огородничьи, салат из квашеной капусты и грибы (шампиньоны, в погребе растим круглый год), расстегаи, творожная запеканка, кисель из земляники. Вина и водки Леонид и Лида не признавали и на стол не ставили, зная отношение к алкоголю Матвея: «Алкоголь хорошо укрепляет нервную систему, если его не употреблять».

— А что я? — вздохнула Лида, по-бабьи подперев голову кулаком. — Работаю с утра до вечера. Мне было бы легче, если бы Леша не мешал, а то ведь за что ни возьмется — скандал за скандалом. Хорошо хоть не пьет, совсем худо было б. В прошлом году вздумали мы на всей площади капусту выращивать. Ну и вырастили — убирать не успевали. Так деревенские повадились воровать. Леша одного-то и подстрелил из ружья. Судить не стали, но разговоры пошли: мол, жадюги, за кочан чуть человека не кончили! А о том, что пол-

урожая растащили — никто и не вспомнил. Участковый сказал, что в следующий раз посадит.

Лидия шмыгнула носом, вытерла слезу, криво улыбнулась.

— Картошку тащат, лук тащат... а Леша на все рукой махнул: что мне теперь, в тюрьму идти? А главное, ничего сделать нельзя. Сдали мы зерно, картошку, молоко, получили колхозные чеки, так мало что гроши — и те до сих пор не заплатили! Думали «Ниву» приобрести за них — какое там! А тут еще мотоцикл увели со двора. Сначала бочку солярки, теперь мотоцикл, видно, мало показалось. И ведь участковый знает — кто, а попробуй докажи.

— Уф! — сказал Матвей, погладив себя по животу. — Готовишь ты сказочно! Мне б такую жену.

Лида округлила глаза, взмахнула полной красивой рукой, засмеялась.

— Не выдумывай. А вообще жаловаться-то особо нечего. Все у нас есть, дети обуты, одеты, присмотрены, учатся хорошо, дома помогают по хозяйству. А то, что делается — так это жизнь. Деревенских понять тоже можно, большинство вкалывает не меньше нашего, а получает фигу. Крутятся, кто как может, кое-кто приворовывает... — Хозяйка снова взмахнула рукой. — Ничего, выдюжим. Спасибо, что приехал. Я то письмо от отчаяния написала: нахлынула вдруг тоска, тошно стало, хоть плачь, ну я и... ты уж не обижайся, а?

Матвей встал, обнял Лиду, чмокнул в щеку.

— Все нормально, сеструха, все образуется. Ты молодец, ей-богу, твоей энергии и мужик позавидует. Я тут поживу у вас два-три дня, попробую разобраться, да и помогу чем.

Лида спохватилась.

— Ах я курица беспамятная, расслабилась вовсе, а коровы недоенные стоят. Да и я хороша — все о себе, да о себе, вечером поговорим о твоих делах, Матвейша, а я побежала. Располагайся в гостевой комнате.

До вечера Матвей искупался в реке, помлел на местном пляже, обошел все хозяйство Нестеровых и встретил детей из школы, которых не видел больше года; занятия, конечно, давно закончились, но все школьники работали на участке, принадлежащем школе.

Прошелся по селу, приглядываясь к усадьбам и к людям, понаблюдал за сонным царством колхозного машинного двора, но в правление заходить не стал, только выяснил, где находится апартаменты председателя и участкового инспектора.

Лида освободилась только к десяти часам вечера, и Матвей снова поразился запасам ее физических и душевных сил. На отдых ей оставались буквально минуты, а она еще пыталась что-то читать на сон грядущий и заниматься с детьми. Поговорить не удалось. День выдался трудный, и Лида уснула, сидя на кухне, за чашкой чая.

Матвею самому пришлось укладывать племяшек, читать им на ночь стихи и рассказывать страшные истории, что он и сделал не без удовольствия.

Перед тем как уснуть в чистой и свежей постели, он некоторое время размышлял над поразительной откровенностью Горшина, выдавшего ему, по сути, главную тайну «чистилища». Неужели он настолько уверен в новом сотруднике, пусть и проявившем себя в деле однажды? Или расчет строится на другом — проверка? И структура «Стопкрима» на самом деле иная? Как и названные лидеры — комиссары? В таком случае за кого он принимает профессионала-контрразведчика? Настоящий ганфайтер никогда не клюет на информацию, добытую без труда, и не действует, не проверив ее. Но если сведения верны, Горшин рискует не зря, он всегда рассчитывает каждый шаг. Что он задумал? Или все идет по плану, как и должно быть?

Не сделав никакого вывода, Матвей переключил внимание. Вспомнился Ивакин, настроение пропало. Матвей не был сентиментальным, несмотря на филологическое образование и тягу к романтике, но о гибели Ивакина сожалел. И дал себе клятву выяснить, кто и каким образом его убил. В самоубийство Ивакина не верилось, несмотря на вывод судмедэкспертов. Тайна убийства полковника еще ждала своего выяснения.

Уснул Матвей с мыслью о Кристине после внутреннего приказа: а теперь спать!

Наутро, после полуторачасового тренинга, завтрака — блины с медом, щавелевым вареньем и молоком, и купания в реке, Матвей отправился «на прогулку».

Прежде всего он выяснил все, что мог, о характерах и привычках сорокалетнего председателя Дурбаня Антона Сергеевича и участкового инспектора Шавло Константина Кирилловича. Затем, применив методы обольщения к работницам правления, ознакомился с методами работы вышеназванных лиц. Узнал он и о том, что председатель не платит за продукты только тем фермерам, кто терпит произвол по каким-то причинам до последнего. Нестеровы попадали в их число. После этого Соболев отправился на поиски участкового и нашел его дома, который можно было охарактеризовать одним словом — хоромы!

Инспектор оказался ражим детиной с широким, побитым оспой лицом. Морда — хоть коноплю сей, подумал Матвей, разглядывая фасад Шавло Константина Кирилловича, двадцати девяти лет от роду, незаконченное среднее, вторая жена, пятеро детей. К тому же оказался Шавло еще и щербатым. Росту в инспекторе было под метр девяносто, почти столько же — в плечах и едва ли не больше — в талии, что говорило о большой любви к пиву. Впрочем, природа не поскупилась на этот экземпляр хомо ферус, да и сам он, наверное, был не дурак ни выпить, ни закусить.

— Добрый день, — приветливо поздоровался Матвей. — Бог в помощь.

— Здорово! — Инспектор, лоснящийся от пота, разогнулся. Копал он, очевидно, нечто вроде бассейна, вернее, подравнивал квадратную выемку, сделанную экскаватором. Рядом стояли три поддона с кирпичом и лежали мраморные плиты.

Из-за гаража вышел здоровенный бульдог, чем-то смахивающий на хозяина, глянул на гостя и, зевнув, вернулся обратно.

— Константин Кириллович, я брат Лидии Нестеровой, — представился Матвей. — У них недавно бочку с соляркой и мотоцикл увели, не подскажете, новости по этому делу есть?

— Какие еще новости? — Шавло отставил лопату, вытер ладони о брюки.

— Ну, как идут поиски, есть ли подозреваемые...

— Какие еще поиски, никто ничего искать не собирается. Свои небось и увели, к ним то и дело гости шастают. Ничо, у них средствов хватает, новый куплят. — Инспектор сплюнул.

Матвей еле сдержался, чтоб не нагрубить в ответ.

— А почему вы думаете, что увели свои? Что за свои? Разве их искать не надо? Разве заявления потерпевшего недостаточно для начала следствия?

Глаза участкового недобро сощурились.

— А кто ты такой, паря, чтобы мне вопросы всякие задавать? Документ при себе имеется? Покажь.

— Имеется, паря, — тихо сказал Матвей. — Только показывать его тебе я не обязан. Пришел я по-доброму и уйти хочу по-доброму, поэтому давай присядем, помозгуем, как и где искать воров. Авось, мой опыт и пригодится.

— Что?! — взревел участковый. — Ты мне советы давать будешь?! А ну пошел отсюдова, пока я добрый, не то я тобой займусь!

— Н-да, — помолчав, сказал Матвей. — А ты ведь хам, паря. — Окинул взглядом начавшую багроветь физиономию участкового. — С рождения такой аль воспитал кто?

— Что... ты... сказал?!

— Не лопни от натуги, а то котлован не закончишь.

Матвей мог бы пояснить этой горилле, что для него хам — любой государственный функционер, без стыда заявляющий посетителям «нет, нет, нет!» — в то время как это «нет» без особого труда могло бы стать «да». Но для того ему понадобилось бы какое-то усилие души и тела, а он уже привык не совершать над собой никакого насилия, если оно не принесет ему личной пользы. Однако участковый не понял бы объяснений. Зато сообразил Соболев, увидев белые от звериного гнева глаза Шавло: этот человек для данного конкретного района России — есть закон! И нет силы, способной его укротить.

— Да я... тебя!.. — выхрипнул участковый, угрожающе надвигаясь на неподвижно стоящего Матвея.

— Давай, давай, — поощряюще усмехнулся тот, и Шавло озадаченно остановился. — Я здесь пробуду дня три, и если до послезавтра не найдешь похитителей или хотя бы похищенное — а ты их знаешь! — из органов вылетишь в три погибели! Понял?

Не дожидаясь ответа, Матвей вышел за калитку и побрел к центру села. Он был недоволен собой за многословность, ощущение некоего поражения тянуло душу. Участковый, привыкший считать себя единственной властью, скорее всего испугался временно, не зная, кто перед ним, но по своим каналам он вполне может выяснить, что за фигура — брат Нестеровой Лидии, и тогда скандала не избежать. Что ж, мурло, пеняй на себя, если это случится.

Председателя Матвей застал в конторе и подивился сходству этого молодого мужика с участковым инспектором. Разве что колер волос у Дурбаня Антона Сергеевича был иным, да лицо посветлей, хотя сеять коноплю или репу можно было и на нем.

— День добрый, босс, — поднес козырьком руку к голове Матвей. — Разрешите обратиться?

Председатель, подписав какую-то бумагу, бросил ее женщине, проворно выскочившей за дверь, глянул на посетителя.

— Чего тебе?

Матвей оглянулся, закрыл дверь за женщиной на защелку, сел напротив председателя. Дурбань Антон Сергеевич откинулся на спинку стула, в глазах его мелькнуло беспокойство.

— Что за шутки? Ты кто?

— Дед Пыхто. Не суть важно. У меня к вам, Антон Сергеевич, два вопроса. Почему вы не платите фермерам за сданную продукцию? Это первый. И второй: кто устанавливал расценки?

Председатель набычился.

— А ты что, проверяющий? Контролер? Кажи документы.

Матвей вздохнул.

— Еще один документолюбец. А просто так, без амбиций, вы ответить не можете? Я ведь выяснил, кому вы не заплатили, среди них есть мои родственники, вот мне и любопытно стало, чем же это они провинились? За что такая немилость?

— Ах вон в чем дело. — Антон Сергеевич внушительно сжал кулаки. — Шантажировать вздумалось? Открывай дверь и выметайся, да поживей.

Матвей снова вздохнул, сожалеюще.

— Ну и грубый народ у вас здесь подобрался. Я ведь со всей душой хочу разобраться, помочь, выяснить обстоятельства, мешающие работать, а вы сразу — пошел вон! М-да... Нехорошо, Антон Сергеевич, неэтично. Тогда выслушайте мое последнее слово. Завтра же рассчитайте фермеров, найдите деньги и заплатите. О грабитель-

ских расценках поговорим потом, сначала выдайте людям то, что они заработали.

— Да кто ты такой, черт побери! — повысил голос председатель, набравший смелости, потому что в дверь постучали. — Здесь я распоряжаюсь! Заруби это на носу.

— Вижу! — совсем грустно сказал Матвей. — По принципу: я начальник — ты дурак. Все меняется: политика, экономика, времена, нравы, одно только на Руси не меняется — принцип властвования.

Он встал, и глаза его так похолодели, что председатель осекся на полуслове.

— Я предупредил, Антон Сергеевич, завтра проверю. Не хотелось бы недоразумений. Сорри.

Матвей открыл дверь и прошел мимо двух молодых парней, явно не принадлежащих к рабочему классу, с удивлением глянувших на неизвестного им посетителя. Охрана, догадался Матвей. Как и всякий уважающий себя чиновник, использующий приемы государственного рэкета, обходящий или попирающий закон, будучи даже аграрием, председатель колхоза имел охрану, а это означало, что в системе беспредела, господствующей в стране, Дурбань Антон Сергеевич занимал четко отведенное ему место. И ничем не отличался от вожаков бандитских структур, которые действовали в городах, опасаясь конкурентов, органов правопорядка и просто честных людей.

Лида освободилась в этот день пораньше, и они наконец поговорили, сидя в саду под тенистой березой, которую Лида не стала трогать при строительстве дома. Оранжевые лучи низкого солнца изливались густым потоком параллельно земле и казались ощутимо плотными, на солнце можно было смотреть, не отрываясь; волны запахов плыли по саду, вызывая эйфорическое состояние легкости и покачивания; где-то пела свирель — пастух скликал разгулявшееся стадо; смеялись дети, кто-то отбивал косу и звонкие хрупкие удары плыли над лугом, как воздушные шарики. И Матвей впервые за последние несколько лет почувствовал себя ребенком. Защемило сердце: захотелось вернуться в детство, окунуться в океан добрых детских забав, помечтать о несбывшемся. Душа не желала принимать мир таким, каким он стал: жестоким, злым, беспощадным, больным и страдающим. Однако и изменить она ничего не могла. Матвей уловил тревожные изменения в идиллической картине покоя и заставил себя вернуться на землю.

— ... мечтает стать изобретателем, — засмеялась Лида, не замечая состояния брата; она говорила о сыне. — Ну, а ты почему молчишь? Рассказал бы, как живешь, где работаешь. Не женился еще?

— Не успел, — сказал Матвей, глядя, как во двор входят пять человек: Шавло Константин Кириллович собственной персоной, в

форме сержанта милиции, и четверо крепких молодых ребят, похожих друг на друга, как огурцы с одной грядки.

— Константин Кириллыч? — удивленно округлила глаза Лидия. — Что вас привело к нам?

— Это ко мне. — Матвей встал, мягко подтолкнул сестру к дому. — Иди, мне надо с ними погутарить. Успокойся, все будет хорошо.

Лидия ушла, оглядываясь с сомнением в глазах. Было слышно, как она зовет мужа, но Матвей был уверен, что Леонид не выйдет ему на помощь, хотя помощи, в принципе, и не требовалось.

— Вот спасибо, что зашли, — приветливо сказал Матвей. — Что-то прояснилось?

— Прояснилось, — буркнул участковый, вытирая пот со лба. — Собирайся, пойдем с нами.

— А-а... — Матвей подумал и сел на скамейку. — Что-то нет у меня желания идти с вами, пан инспектор. Или у вас припасен ордер на арест?

— Пойдешь и без ордера. — Сержант кивнул одному из парней, длинноволосому, коренастому:

— Вставай, чмо, — сказал тот, одетый в тренировочный костюм из парашютного шелка, несмотря на жару. — Не борзей, а то это плохо кончится.

— Во-первых, хамов не терплю, — качнул головой Матвей. — Во-вторых, вы вторглись на частную территорию, и я просил бы вас покинуть ее с предельной скоростью. А в-третьих, фрайер, засохни и хиляй отсюда первым, пока цел. Откроешь еще раз хавало, всю жизнь будешь ходить фиксатым. Усек?

— Во дает! — выдохнул кто-то из стоявших кучкой парней.

— Иди, иди, — мирно добавил Матвей. — Сержант, забери своих сявок, я ведь и осерчать могу. Завтра поговорим.

— Я тебе покажу завтра, — захрипел участковый, наливаясь темной кровью. — Волоките его на улицу, ребята.

Длинноволосый подошел ближе, остальные начали заходить с боков — удобней расстановки для сувари-вадза* — если пользоваться термином кэмпо или «сидяка» — по терминологии русбоя — не было, но Матвей вынужден был ждать того момента, когда ребята начнут первыми. И едва не поплатился за это: его криком отвлекла Лидия, которая, наверное, наблюдала за ними из окна. Матвей оглянулся, и в тот же момент длинноволосый вполне профессионально врезал ему кулаком по затылку. Удар назывался сэйкэн** и входил в арсенал каратэков. Если бы не инстинкты, успевшие наклонить голову и ослабить удар, Матвей скорее всего потерял бы сознание.

---

* Сувари-вадза — приемы борьбы в положении сидя.

** Сэйкэн — «передний кулак», применяется для атаки практически всех жизненно важных точек тела.

Но и без того в голове зазвенело, боль пронзила кости черепа и вспышкой вышла через глаза. И Матвей озверел.

В обычной обстановке, то есть в полностью контролируемом спарринге Матвей был абсолютно сдержан и расчетливо хладнокровен, что давало ему дополнительные преимущества. К тому же, владея синглом — то есть аппаратом инстинктов и рефлекторных реакций и арсеналами боевых искусств Востока и Запада, которые впитал в себя русский стиль, — он никогда на практике не применял эффектных приемов, предпочитая незаметные, но максимально эффективные. В данный же момент он решил показать этим сельским «суперам» приемы, действующие на психику.

Парни дружно насели на него, хватая за руки и ноги, но быстро поняли, что их захваты не достигают цели: жертва ускользала, как угорь. Затем Матвей показал туй-фа — технику ног, отбросив всех четверых за доли секунды. Коренастый сразу же вскочил и согнулся в тансине*, видимо, он имел какой-то дан, скорее всего третий — сандан, однако в награду за это Матвей показал ему дальний тэнти-нагэ** или, говоря по-русски, «бросок за тридевять земель», в результате которого парень улетел метров на шесть и застрял в желобе для подачи воды.

Все это время участковый простоял столбом, выпучив глаза и не веря им, потом цапнул с пояса штатный «Макаров». И Матвей влепил ему полновесный ёко-гери, не оставляющий на теле следов, но запоминающийся надолго. Подобрал выпавший пистолет, вынул оттуда обойму и вернул оружие инспектору, сидящему на земле с разинутым ртом. Сказал участливо:

— Водички дать, Константин Кириллович?

Участковый с шумом выдохнул, хотел что-то сказать, но лишь хрипло выматерился.

Выбежавшая спасать брата, Лидия с изумлением глядела на компанию ковылявших со двора гостей. Подозрительно посмотрела на Матвея:

— Ты что с ними сделал?

— Пальцем не тронул, — засмеялся тот. — Ничего, уважать будут.

Словно в ответ участковый оглянулся за калиткой, сунул пистолет в кобуру.

— Уезжай отсюда, каратист хренов! Завтра за тобой приедут из округа, посмотрим, как ты их встретишь.

— А пусть приезжают, — беззаботно откликнулся Матвей. — Вместе поищем солярку и мотоцикл. За место не боишься, Константин Кириллович? Аль рука есть повыше? Так я ту руку найду. Адью, господа.

---

* Тансин — боевая стойка в каратэ.

** Тэнти-нагэ — бросок неба и земли (айкидо).

Участковый со свитой ушел. Лидия повернулась к брату.

— Ты что же, успел с ним познакомиться?

— И с ним и с председателем. Интересные люди. Ничего, Лидуха, хуже не будет, а меня им не достать.

— В спецназе, что ли, работаешь?

— Где же еще. — Матвей снова засмеялся и увлек сестру за собой. — Пошли чай с вареньем пить. Варенье ты варишь классное!

В душе он далеко не был уверен в действенности своих «воспитательных» мер, но твердо знал, что отпор беспределу — на всех уровнях — должен дать.

Наутро Лидия, вставшая с петухами, обнаружила на дальнем конце поля украденный мотоцикл. А после обеда примчался Леонид и ошарашенно заявил, что председатель вызывает фермеров на совещание по оплате долгов. Матвей, собравшийся продолжать в том же духе, с облегчением признался сам себе, что не рассчитывал на такую скорую победу. И вообще на победу. Председатель оказался трусливее, чем ожидалось, решив, что гость, действующий столь открыто и нагло, имеет достаточно высоких покровителей. Впрочем, узнай он правду, едва ли сделал бы больше.

Уезжал Матвей на четвертый день, отдохнувший и посвежевший. Но на душе у него лежал камень. В селе сны его не беспокоили, как раньше, но психика чуяла чей-то зов. Кто звал — Кристина, Тарас или Илья Муромец, Матвей не разобрался, но знал, что он кому-то сильно нужен.

КОЕ-ЧТО О ВНУТРЕННЕМ КРУГЕ

Где-то в глубинах мироздания родился низкий вибрирующий гул. Содрогнулись галактики, звезды, туманности, планеты сбились со своего извечного пути вокруг звезд, их материки, как и твердь земная, отозвались колоколами родившихся трещин и ущелий, передали гул, грохот и толчки стенам зданий, задребезжали стекла, бокалы, рюмки, закачались люстры, лампы, бра; дрожь вошла в кости черепа, тела, в позвоночник, заставила заговорить язык, исчезла... Гул стих. И Великая Тишина обрушилась на мозг Тараса — он вышел за пределы всех человеческих чувств, достиг мугамуси* — полной отрешенности от земного бытия и слился с полем информации большой живой системы под названием «биосфера Земли».

Контакт длился неимоверно долго — больше десяти секунд, пока «И» Тараса, его «разум-воля» искала нужные узлы эйдетической, целиком эмоциональной информации среди сплетений полей и тончайших, непередаваемых ощущений, доступных словесному выра-

* Психическое состояние в дзен-буддизме.

жению и логическому определению еще в меньшей степени, чем такие явления, как звук, цвет и линия. Тарасу открылись так называемые «каналы информации скрытой реальности», доступные лишь истинно Святым иерархам: Мастерам, Адептам, Ангелам и — реже — Посвященным в дела и заботы Внутреннего Круга. Он увидел сложнейшее поле взаимодействий всех крупных физических систем — от человека до «социальных фигур» — сфер политики, экономики, науки и паразитирующих на них «вампиров» — мафии, коррумпированных и бандитских формирований, правозащитных институтов. Закрытыми остались лишь области «запретного смысла», то есть зоны деятельности иерархов и противодействующих им «тарантулов и монархов тьмы». Принадлежащие иерархам имели необычайно красивые гармоничные формы и светились нежным опалом, те же, коими владели властители тьмы — угрюмые бесформенные горы, то казались состоящими из грязного тумана, то открывались безднами, объять и понять которые не смог бы ни один разум во Вселенной. Одна из таких «гор» подмяла под себя Москву и словно почувствовала, что в нее пытается проникнуть враг: из глубокой размытой «инфрасерым» цветом бесформенности на Тараса глянули бешеные, полные злобного недоумения глаза.

Только один короткий миг Тарас сдерживал давление взгляда — не взгляда, конечно, — коллективного психического противодействия, и отступил, ушел «под горизонт событий», спрятался за блоком интенсивной пси-защиты. И все же остался доволен: он у с п е л подсмотреть кое-какие детали чужеродного поля взаимодействий и определить возможные траектории событий между «индивидуальными пространствами». То есть между людьми и их поводырями. Что ж, мозаика складывается по крупицам, по кусочкам, и важен каждый, даже самый малый обломок.

Выход из ментала в астрал сопровождался бурей неслышимых человеческому уху звуков, а из астрала в мир внешних проявлений, мир известных реалий, — знакомым гулом электромагнитных колебаний, порожденных ансамблями клеток напряженной нервной системы. Тарас осознал себя лежащим на чем-то твердом с закрытыми глазами в традиционной моку-со*. Открыл глаза.

Он лежал на плоском камне в глухом «кармане» оврага, недоступном зрению практически со всех сторон, даже из самого оврага. Спуститься в карман, образовавшийся после обрушивания стенки оврага, можно было только сверху, через заросли черемши и лещины. Тарас отыскал его случайно, по возрастанию положительного потенциала этого уголка природы, словно специально созданного для уединения и медитаций.

---

* Моку-со — *медитация с закрытыми глазами.*

Оставаясь неподвижным, он пролежал еще несколько минут, вслушиваясь в тишину вокруг. Существовала, конечно, опасность, что его в конце концов запеленгуют, но излучение выбранного «узла напряжений», приходившегося на овраг, в немалой степени помогало маскироваться, отстраиваться от потока излучения тупой злобной силы «монархов и тарантулов».

В памяти всплыло нежное и печальное лицо последней жены.

— Елинава! — невольно прошептал Тарас, расслабляясь на миг.

Два года назад о н и убили ее! Убили, имитировав ограбление, когда он находился за тридевять земель отсюда и помочь ничем не мог. Убили вместе с неродившимся сыном. Что из того, что он потом нашел исполнителей и покарал их? Те, кто ими руководил, остались в стороне, скрытые коллективным полем «растворения следов», и добраться до них в одиночку, без помощи иерархов, он так и не смог. Иерархи же, от динарха до инфарха, отрицают целесообразность мести, какой бы святой она ни была. Что ж, он попробует обойтись и без них, взяв в помощники несозревшего паранорма, который ни о чем не подозревает... что станет отмычкой в его руках, отмычкой, открывающей дверь в Преисподнюю...

Как паук, ловко поднявшись наверх, Тарас привычно «осмотрелся» — в пси-диапазоне, ничего угрожающего не обнаружил и залез а машину, целиком умещавшуюся под шатром гигантской ивы в полусотне шагов. Через час он въезжал в Москву со стороны Коломны.

Почти в то же самое время на Ярославский вокзал прибыл поезд, доставивший в столицу Матвея из Вологды.

Матвей пока не решил, будет ли он продолжать работу на ГУБО, а также и на «чистилище», не знал, что прикажет ему непосредственное начальство, но помнил свою клятву насчет Ивакина. Однако перед тем, как начать действовать, надо было посоветоваться с компьютером на предмет поступления свежей информации, а также разобраться, откуда у него еще в деревне появилось ощущение ожидания. Кто ждал его в столице? Кристина? Горшин? Генерал Дикой?..

Еще в поезде Матвей «включил» интуитивно-рефлексную сторожевую систему, надеясь зафиксировать любое проявление любопытства к своей персоне, и успокоился лишь дома, просеяв через мозг и психику шум нормальной жизни города. Автоответчик поведал ему грустную историю об отсутствии каких бы то ни было звонков, и, успокоенный, Матвей полез в ванную. А когда вышел оттуда, обмотанный махровым полотенцем, обнаружил в гостиной Горшина.

Первой реакцией Соболева было удивление, потом появился гнев, который он усмирил не сразу.

— Извини, что без спросу, — понял его состояние Тарас.

— Разве дверь была открыта?

— Нет, но я умею разговаривать с электронными замками. Извини еще раз, просто я решил показать тебе, насколько твой дом беззащитен. Если позволишь, я дам совет, как тебе его обезопасить.

Матвей подумал и кивнул, соглашаясь. Гнев его улегся окончательно, ворча, как побитая собака. Он принес из холодильника три запотевших бутылки сока, достал стаканы. Одев шорты и майку, сел напротив гостя.

— Я знаю, что у тебя ко мне снова накопилось много вопросов, — сказал Тарас, пригубив грейпфрутового сока. — Валяй, задавай.

— Давай все-таки договоримся, что вламываться ко мне в квартиру в этом стиле ты больше не будешь.

— Обещаю.

— Ты же говорил, что задавать вопросы мне еще рано, что я не созрел. Аль пришла пора? Или стряслось что?

Горшин не ответил, продолжая пить сок мелкими глотками. Матвей отпил сам, чувствуя, как струя холода течет по пищеводу.

— Кое-что я узнал, конечно, — продолжал он. — В основном из трудов Махатм, Люлла, Успенского, но хотелось бы уяснить главную идею эзотеризма. Поэтому давай сначала. Время есть?

Горшин улыбнулся.

— В пределах выяснения истины.

Матвей усмехнулся в ответ.

— Как-то мне попалась газетная карикатура: кирпичная стена, три лежащих возле нее тела, напротив — двое с автоматами в форме и один штатский. Один с автоматом говорит этому штатскому: «А истина лежит посередине».

Тарас засмеялся.

— Хорошо. — Посерьезнел. — Ладно, начнем. Источники ты нашел достаточно значительные, так что разжевывать не буду.

Чтобы понять сущность идеи эзотеризма, необходимо прежде всего уяснить, что человечество гораздо старше, чем полагает ортодоксальная наука. Мы об этом с тобой говорили, если помнишь. Каменный век, например, следует считать не эпохой начала ранних цивилизаций, а временем их упадка и вырождения. И вообще все без исключения нынешние «дикари», то есть народы, обнаруженные нашими исследователями в диком или полудиком состоянии, являются потомками более культурных народов, опустившихся до состояния вырождения.

Тарас с видимым удовольствием выпил еще один стакан сока, обвел сосредоточенное лицо Матвея своим обычным понимающе-ироничным взглядом, однако от шутки воздержался.

— Все народы обладали раньше лучшими кораблями, городами, оружием, более высоким социальным устройством общества, мудрой религией. На Земле сменяли друг друга многочисленные цивилизации,

неизвестные нашей исторической науке. Некоторые из них достигали гораздо более высокого уровня, чем современная, но о них не осталось никаких следов... кроме достижений науки тех времен, сбереженных Хранителями Внутреннего Круга, то есть Светлыми иерархами.

— А что, есть все-таки и темные иерархи?

Тарас блеснул глазами.

— К сожалению, Внутренний Круг тоже не свободен от борьбы за власть согласно герметическому Принципу полярности. Да, существуют светлые и темные Хранители, инфархи и «монархи тьмы», а также «тарантулы» — коллективы темных иерархов, использующие знания для своего личного возвышения. Но поскольку они живут среди обычных людей, вовлекая их в круговорот событий, то когда «монарх» набирает силу, человечество «проваливается» в очередной жестокий кризис.

— Что мы наблюдаем и сейчас, — добавил Матвей задумчиво. — Обо всем этом я читал и более или менее осознал. Не понял я только, почему дети иерархов не становятся сразу людьми Круга, почему их надо подготавливать, как обычных людей?

— Потому что скрытое знание не откладывается в генах, а передается только от учителя к ученику, прошедшему долгую и мучительную зачастую подготовку, которая должна закалить его душу. Хранители создавали школы особого рода, в них знание хранили от непосвященных, которые могли исказить его, применить во вред кому-нибудь или вообще уничтожить. Цивилизация н и к о г д а не берет начало в естественном росте, она появляется только благодаря искусственному взращиванию. Что бы ни говорили наши современные ученые и философы, но цивилизации начинали мощнейшие Личности, в крайнем случае — небольшие группки учителей, интеллектов-последователей.

— Например?

— Моисей, Гаутама Будда, Иоанн Креститель, Иисус Христос, Гермес Трисмегист. Кто еще? Кришна, Рама, Пифагор, Сократ, Орфей, Платон. Это Личности. Ну, и анонимные учителя, предпочитавшие оставаться в тени: строители египетских пирамид и Сфинкса, пророки, художники, основатели школ, в том числе и боевых искусств, орденов суфиев и носителей парадигм.

— А ты?

— Я — последователь Гермеса Триждывеличайшего.

— Нет, кто ты в иерархии Круга? Ты говорил — Посвященный, это кто — Учитель, Хранитель?

Тарас отвел глаза, на мгновение вспыхнувшие угрозой и предостережением, помолчал.

— Я — Посвященный седьмого подуровня Плана человеческого Духа.

Матвей подождал продолжения, но Горшин надолго замолчал, уйдя мыслями в себя. Наконец тихо проговорил:

— Ну, не смогу я тебе на пальцах... — Снова замолчал.

— Хорошо, допустим, — кивнул Матвей. — Допустим, все это правда. Каким же образом ты — эзотерик, Посвященный куда-то там, человек Круга «седьмого подуровня», сверхчеловек, можно сказать, — оказался в компании с «чистильщиками»? При первом нашем разговоре ты не ответил на мои вопросы. Задаю их еще раз. Зачем тебе... вам земные дела, если существует более сложная реальность мира, где вы можете реализовать все свои способности? Ведь если верить тому, что я прочитал и услышал, вы все равно не сможете помочь человечеству выйти из тупика, из хаоса противоречий, привести его к истинному знанию и пониманию вещей.

— Не смогу, — согласился Горшин, грустнея. — Дело в том, что Внутренний Круг не есть орган управления человечеством в целом или отдельной цивилизацией, а также не является некоей программой, ведущей ко всеобщему прогрессу и процветанию. Картина его взаимодействия с «внешним кругом» человечества неимоверно сложна и допускает несправедливость, провоцирование жестоких войн, террор и насилие, позволяющие функционировать принципу сохранения культуры. Хотя принудить людей к чему-либо невозможно, а значит, нельзя и помочь. В массе своей они не хотят или не могут совершить необходимое усилие и пойти дорогой истины. К сожалению, нынешняя цивилизация — такая же тупиковая, как и тысячи до нее, потому что общая направленность человеческого мышления ведет не к истине, а от нее! Гомо бонис — человек добрый — фикция, как и гомо сапиенс.

— Тем более я не понимаю ваше...

— У меня есть причина, я говорил, — глухо произнес Тарас. — Даже две. Переделать этот мир я не смогу, но кое-что сделать необходимо. К тому же мне нравится власть.

Матвей недоверчиво глянул в глаза гостя. Горшин оттаял, засмеялся.

— Что, сразил? Да, мне нравится власть, но с небольшим уточнением: власть не над людьми, а над обстоятельствами. Это меняет дело? В принципе, рассказываю я это тебе столь откровенно только по одной причине: у тебя есть шанс стать человеком Круга.

Матвей покачал головой, глаза его вспыхнули голубым огнем и погасли, он подавил чувства.

— Как сказано у многих учителей прошлого, которых ты перечислил: Врата мира, а значит и Круга, открываются лишь тем, кто ищет.

— Но там же еще сказано: «Просите и дано будет вам. Стучите и отворят вам». У тебя есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, сердце, чтобы чувствовать. Ищи, ганфайтер, набирайся опыта, стучащему да откроется!

— Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза? — пробормотал Матвей. — Чтобы тебя лучше видеть, внученька... Как говорил один мудрец: «Опыт увеличивает нашу мудрость, но не уменьшает нашей глупости».*

Тарас не отреагировал на шутку. Глянул на Матвея как-то по-особому. У того даже голова закружилась на мгновение.

— Чуешь? Ты в самом деле не совсем нормальный человек, Соболев.

— Спасибо.

— Не за что. Это правда. У тебя очень сильно развита экстрасенсорная сфера, а это задатки для Посвящения. Хотя путь в Круг долог и горек. И идти тебе — дальше, чем мне, я вижу. Только учти — тебе будут мешать.

— Кто? — Матвей подбросил вверх салфетку и проткнул ее носом.

— Не только люди.

— Не твои ли «монархи тьмы»? Или как там еще — «тарантулы»?

— Они не мои, но если засекут — костей не соберешь, — сказал Тарас так, что у Матвея пробежал по спине озноб. — И может наступить момент, когда я не успею на помощь. Теперь о конкретных делах. Завтра вечером мы с тобой уберем предателя, пока он не успел разрушить одно из звеньев «чистилища».

— Нет, — сказал Матвей твердо. — Все, что угодно, любые задания, но... я не палач. И даже не судья. Нельзя сказать, что я осуждаю «чистильщиков», многие из их жертв действительно заслуживают кары. И все же...

— Понял. — Горшин остался спокойным. — В общем-то, я знал, что ты откажешься. Что ж, я найду напарника. Но через два дня у нас будет общее дело, и без твоего участия не обойтись.

Матвей сделал жест, означающий «а по фигу все». Проводил Тараса до двери, хотел задать вопрос: зачем Горшин выдал ему все руководство «Стопкрима», — но после внутренних колебаний передумал.

— Я знаю, о чем ты хочешь спросить, — полуобернулся Горшин. — Информацию по «чистилищу» я выдал тебе по той простой причине, что может наступить момент, когда комиссары захотят большей власти и свернут с пути, тогда тебе придется «погасить» их.

— А ты что же?

— Меня, может, уже не будет на этом свете. И вот еще что: Ивакина убили боевики из ДД-обоймы «Стикс» Хасана Ибрагимова, майора ФСК, подчиненного начальнику Управления «Т» контрразведки генерал-лейтенанту Ельшину. Кто именно выполнял приказ — не знаю, подразделение так засекречено, что о нем знают лишь Хасан да генерал. Попробуй выяснить сам.

---

* Генри Шоу.

— Узнаю, — сказал Матвей, пораженный услышанным.

— И последнее, зайди к Муромцу и забери ту штучку, которую ты у него оставил. Она может тебе пригодиться в скором времени.

Ушел. А Матвей молча смотрел ему вслед: Горшин знал об оставленном у Ильи оружии. Но причин, по которым он оказался среди организаторов «чистилища», так и не объяснил.

С Кристиной он провел всего час: она торопилась на занятия шейпингом, хотя, по мнению Соболева, улучшать фигуру ей было некуда. За это время девушка успела сообщить кучу студенческих новостей и сплетен, из которых самым важным было сообщение о поведении Жоржа — вел он себя выше всяких похвал, — а также поделиться планами на ближайшее будущее. Во-первых, она решила заняться английским языком профессионально и в будущем стать переводчиком, а во-вторых, поддалась уговорам подруг поучаствовать в осеннем конкурсе «мисс Москва». Насчет первого Матвей ничего не имел против, а, услышав о конкурсе, осторожно заметил: не смущает ли леди общепринятое мнение о том, к а к становятся лауреатами таких конкурсов? На что получил ответ: во-первых, это горе не мое, во-вторых, я не собираюсь становиться лауреатом т а к и м способом, а в-третьих, уж не ревнует ли уважаемый мэтр? «Мэтр» сделал вид, что ревнует ужасно, и в награду получил обещание подумать о неучастии в конкурсе.

Договорившись встретиться с Кристиной через день, он посетил в клинике Илью, узнал у него код сейфа, где лежал отобранный у автоворов пистолет, затем заехал к нему в гараж, забрал пистолет и вернулся домой, где засел за компьютер, пока не вычислил кое-какие связи генерал-лейтенанта Ельшина. Затем сварил кофе, поджарил тосты и только собрался было «покейфовать», как вдруг зазвонил телефон. Матвей воззрился на него в немом изумлении: ему н и к т о не должен был звонить! Дикой не мог знать, что он уже вернулся из села, Ивакин был мертв, начальники ГУБО номера телефона не знали, потому что он им его не давал. Оставалась Кристина, хотя они расстались всего два часа назад.

Матвей снял трубку, изменил на всякий случай голос:

— Слушаю вас.

В трубке раздался щелчок и вслед за ним гудки отбоя. Осторожно, как ядовитого паука, положил Матвей трубку на аппарат. Показалось вдруг, что из чашки динамика высунулась призрачная когтистая лапа, погрозила пальцем с чудовищным когтем и втянулась обратно. Матвей понял, что подсознание таким образом предупредило об опасности, потому что трубку на том конце провода сняли не случайно.

Поразмышляв, Матвей достал из тайника пистолет, проверил

обойму, повертел в руках, чувствуя себя ковбоем. «Макаров» заметно менял настроение, буквально гипнотизируя владельца, а главное — придавал уверенность. Он был увесистым, но не слишком тяжелым, несмотря на почтенный возраст, не очень красивым, но ощутимо грозным. Матвей редко пользовался огнестрельным оружием, хотя и владел всеми его видами, но в ситуации, о которой предупреждал Горшин, пистолет был необходим. Если Соболева начнут проверять «щитовики» Шмеля, о знании приемов боя придется забыть, а вот то, что у друга Ильи Шимука, только что вернувшегося из мест заключения (именно по этой легенде Ивакин вселил Матвея в квартиру ВКР), есть оружие, удивить могло только органы милиции.

Интуиция не подвела и на сей раз. Звонок был проверочным — на месте ли «клиент», а потом появились и сами «контролеры» — знакомые «секретарши» Дадоева и с ним милиционер в форме, в котором Матвей узнал верзилу-охранника из батальона Шмеля. Они его, к счастью, не узнали: знакомился с ними Соболев во время походов в резиденцию Шмеля, изменив внешность. Единственное, что мучило — откуда они узнали номер сверхсекретного телефона квартиры, принадлежащей военной контрразведке.

— Чего надо? — буркнул Матвей, приоткрывая дверь на длину цепочки, когда в прихожей раздался звонок. Одет он был в серый халат, скрывающий фигуру, и вид имел интеллигентно-казарменный.

— Паспортная проверка, — ответно буркнул псевдомилиционер. — Вы один здесь проживаете?

— Один. А документ у вас имеется?

— А как же, — процедила одна из девиц, брюнетка.

В ту же секунду вторая резко ударила в дверь ногой — прием какато в классическом исполнении каратэка. Цепочка лопнула, и если бы не реакция Матвея — ему достался бы сильнейший удар по голове. Но так как он имитировал «нормального» рецидивиста, не имеющего понятия о рукопашном бое, то и реагировал соответственно — отлетел вглубь прихожей, будто и впрямь получил по голове. Лежа на полу, потряс головой, выругался, приподнялся на локтях, глядя на гостей мутными глазами, хотя на самом деле контролировал каждое их движение.

— Он? — повернула голову брюнетка в сторону двери.

Из коридора в дверной проем ступил новый персонаж, тот самый подбритый молодой человек в кожаной безрукавке, которого Матвей встречал дважды: в гараже Ильи и в кабинете Дадоева, — и который стрелял в Илью.

Первой мыслью Матвея была: кранты! Если узнает — тут же и пришьет! Вторая мысль удержала его на месте: терпи до последней возможности.

Конечно, Матвей не был приверженцем ислама, переводившегося как «покорность», в том числе — судьбе, но в его работе покорность, пусть и внешняя, а также терпение, имели большую роль. И он поплыл по течению предлагаемых событий дальше, принимая чужой сценарий. В голове назойливой мухой бился вопрос: откуда они узнали номер телефона и адрес?

— Он, — сказал кожаный. — Сидел у того мудака в автомастерской.

Матвей повеселел: было бы хуже, если бы этот прихвостень Белого-Дадоева узнал в нем посетителя «Независимой Федерации Кик-боксинга».

— Охренели, что ли? — прохрипел Матвей, вставая, держась за голову, и получил новый удар от секретарши-блондинки. Отлетел в угол прихожей, сбивая с вешалок в нише одежду.

— Закрой дверь, — приказал «милиционер» опознавателю, кивнул девицам, и те профессионально заломили руки копошившемуся на полу хозяину, поволокли в комнату.

— Суки! — выхрипнул Матвей, прикидывая тяжесть положения, но до настоящей пытки было еще далеко. К тому же его явно проверяли на прочность, «ислам» пока не мог быть отменен.

Брюнетка точно врезала ему по затылку, едва не достав болевой центр (тэ-гатана, то есть «рука-меч», удар нанесен ребром открытой ладони, вот зараза!).

— Заткнись!

Остальные молча принялись обшаривать квартиру, потрошить диван, вышвыривать вещи из шифоньера, книги с полок. Шмон мог закончиться печально — дверь в рабочий кабинет с компьютером не была заблокирована, да и маскировалась стандартно — книжным шкафом, и Матвей решил изменить сценарий постановки.

— Поубиваю, падлы! — зарычал он, пытаясь вывернуться из рук девиц, и получил еще один удар по голове, повергший его в состояние грогги, так что сымитировать потерю сознания было легко. Его отпустили, и Соболев свалился на пол, использовав стандартные актерские трюки. Однако ему поверили.

— Нашел, — донесся до него голос «кожаного». — Смотри-ка, что за птица. Оказывается, он урка!

Матвей понял, что гости нашли «ксиву» — справку о том, что он выпущен на свободу из колонии особого режима.

— Не урка, — пробасил «милиционер», — сявка, а верное, бытовик*, видишь отметку? Три года отбухал под Нюренгри, надо же. Интересно, за что? И почему он здесь живет, квартира-то принадлежит не ему.

---

* Урка — профессиональный преступник, сявка — мелкий, бытовик — непрофессиональный преступник, попавший в тюрьму случайно.

— Вот у него и спросим.

В тот же момент Матвей рванулся к окну, выдернул из-за батареи пистолет и направил на застывших «защитников правопорядка».

— Стоять, фрайера! Мне терять нечего, я и снова сесть могу, если понадобится, но виной тому будут уже ваши трупы. Уловили?

Непрошенные гости уловили.

— Ладно, успокойся, — миролюбиво проговорил «милиционер». — Мы кое-кого ищем, и было подозрение, что ты — это он.

— Не лепи горбатого. — Матвей мотнул головой на «кожаного». — Я этого чуху тоже узнал, он брал на арапа моего давнего кореша.

«Милиционер» лапнул было кобуру пистолета, но Матвей выстрелил, всадив пулю аккурат в ремешок, державший кобуру.

— Я же сказал, не дергайся, гад, маслину* схлопочешь! Давай, выкладывай, какая падла на меня вашу хевру** навела.

Налетчики переглянулись.

— Тебе же говорят... — начала брюнетка.

— А ты закрой хавало, — повел стволом пистолета в ее сторону Матвей. — С бабами вообще у меня разговор короткий. Ну?

«Милиционер» облизнул губы.

— Понимаешь, у нас в конторе кто-то пытался качать права...

— Копёр! — одернула его брюнетка.

Тот отмахнулся.

— Вроде бы как в защиту твоего... кореша, ну а ты был в его конторе, когда туда пришли... из частного агентства, вот мы и проверяем... Адрес дал нам шеф, к нему все вопросы.

— Лажанулись вы, люди. Илюха действительно старый мой сламщик, кореш, а насчет остального... Я олень***, а не сявка, хотя и провел срок на даче****, фигура***** у меня всегда при себе и облома я не люблю. А теперь хиляйте отсюда.

Боевики Белого гуськом потянулись к выходу. «Милиционер» оглянулся на пороге.

— За что сидел-то, олень?

— За торговлю воздухом, —скривил губы Матвей. — В особо крупных размерах.

«Милиционер» кивнул: он знал, что «воздух» на фене означает «деньги».

После их ухода Матвей прибрал в комнатах и полчаса просидел в ванной под душем, отходя. Проанализировав свое поведение, остался доволен. Его не узнали, как «щупача» офиса Шмеля, это раз. Профессионалом рукопашного боя он явно не выглядел, это два. За-

---

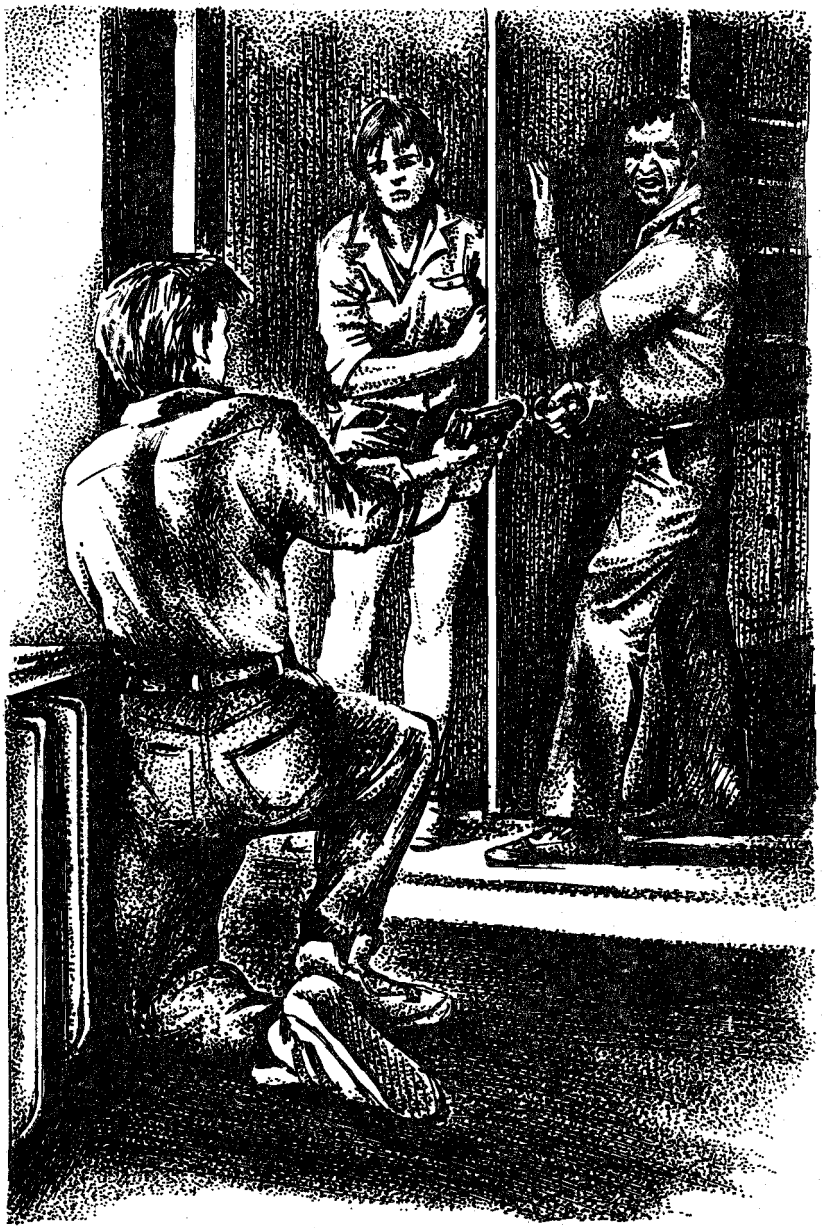
* Маслина — пуля.

** Хевра — шайка преступников.

*** Олень — человек, не принадлежащий к преступному миру.

**** Дача — место лишения свободы.

***** Фигура — револьвер.

то хорошо сыграл роль непрофессионального бандита, получившего «образование» в колонии, это три. Налетчиков он с толку сбил, это четыре. Пусть проверяют, начальники особняка под Нюренгри подтвердят кому угодно, что у них сидел Матвей Соболев, осужденный за валютные операции на пять лет и освобожденный досрочно «за примерное поведение».

Правда, точила душу тайна: каким образом Горшин отгадал, что ему понадобится пистолет? И главное: каким образом Шмелю удалось так быстро определить адрес конспиративной квартиры, принадлежащей «СМЕРШу»?

БУСИДО*

Премьер-министр Михаил Сергеевич Краснорыжин слыл человеком рассудительным и спокойным. Он никогда никуда не спешил, взвешивал каждое свое слово и, казалось, не говорил, а вещал. На самом деле медленно и тяжело говорил он только лишь затем, чтобы скрыть природное косноязычие, но даже при этом он проглатывал окончания слов, и понять его иногда было непросто.

Окна громадного кабинета премьера выходили в парк, окружавший «черно-белый» дом, и видеть подъезжавшие машины он не мог, однако то и дело подходил к распахнутому окну, чтобы глянуть на стену деревьев, скрывающую паркинг. Премьер ждал гостей и нервничал, потому что они опаздывали.

Был он низкорос, тучен, широк в плечах и груди, малоподвижен и обликом почти не отличался от снежного человека, каким его изображали карикатуристы. Особенно впечатляло собеседников лицо Михаила Сергеевича, квадратное, с мощными бровями и еще более мощной челюстью, с неожиданно острым носом и тонкими губами. Однако несмотря на гориллоподобное обличье был Краснорыжин далеко не дурак, хотя и выплыл к вершинам власти из болота старых партийных связей. К тому же он знал все способы удержания власти и личностью был незаурядной и страшной. Второго такого политика верхние этажи правительства не имели, даже президент вынужден был считаться с его решениями, не рискуя навлечь «гнев народа», а тем более гнев номенклатуры, который мог свободно инспирировать премьер.

Звякнул селектор.

— К вам визитеры, — тихо прошепелявил секретарь.

Именно этих визитеров Михаил Сергеевич и ждал. Один из них был министром обороны, второй — начальником Управления «Т» Федеральной службы контрразведки.

---

* Самурайский кодекс чести.

Министра обороны, маршала авиации Галкина Николая Николаевича, Красноружин знал давно. Оба выращены были системой государственного рэкета, называемой демократией, и прошли огни и воды политических баталий, избирательных кампаний, интриг, обмана, обходных маневров, обещаний «умереть за народ». Они даже походили чем-то друг на друга, разве что министр был чуть выше и кудрявее.

Начальник антитеррористического управления генерал-лейтенант Ельшин Генрих Герхардович был очень молод — шел ему всего двадцать девятый год, — энергичен и сжат, как пружина, готовая в любой момент распрямиться с бешеной силой. Генеральский мундир он надевал крайне редко, предпочитая изысканные гражданские костюмы, поэтому выглядел всегда щегольски изящным и в то же время стандартно-деловым, как банковский служащий. Лицо его, узкое и хищное от природы, горбоносое, смуглое, твердое и целеустремленное, издали казалось по-мужски красивым, если бы не глубоко посаженные глаза, черные, с неприятным блеском отчуждения и недоброжелательства.

Его небывалый взлет начался полтора года назад. За один только год из капитана, командира «пятерки волкодавов», — особой группы по розыску и уничтожению террористов (переросшую потом в спецподразделение «Стикс»), он стал полковником, командиром бригады обеспечения ФСК, а еще через год — генерал-лейтенантом, начальником Управления «Т».

По этому поводу в официальных кругах ходили самые разные слухи: и что у него в верхах есть мощная родственная «лапа», и что он якобы оказал когда-то неоценимую услугу президенту, и что у него куча заслуг в поимке шпионов и диверсантов. Но Красноружин точно знал, что никаких родственных «лап» у Ельшина нет. Как нет и особых заслуг. Повышение Генриха Герхардовича по служебной лестнице и для премьера оставалось тайной.

Пожав прибывшим руки, Михаил Сергеевич увлек их в «курилку», угол кабинета с пальмами, росшими из пола, шикарными креслами и столиком с напитками. Бесшумно работающий кондиционер создавал здесь атмосферу свежести и прохлады.

— Читайте. — Михаил Сергеевич передал взятый им со стола конверт Галкину.

Министр обороны, блаженно подставив лицо потоку воздуха, достал из конверта листок плотной бумаги с выдавленным в уголке золотым кинжальчиком. На листке было напечатано следующее:

«Господин премьер-министр. Обращаем Ваше внимание на неблаговидную деятельность как кабинета в целом, так и отдельных министров. Вице-премьер Юхновский сексуально озабочен, что стало даже притчей во языцех. Министр финансов Шкуратовский «урегулировал» долг державы фирме «Стандард электроник» таким

образом, что два миллиона долларов осело на его личный счет в Осло. Минтопэнерго с подачи министра Дяглового совершило финансовую махинацию, причинившую ущерб государству в семь с половиной миллиардов долларов. А «Министерство по разбою и пиратству», коим стало Минобороны после прихода к власти Галкина, подписало разрешение на обеспечение поставок комплектующего оборудования для фирмы «Фристайл армн унд космик» за счет оставления ей всей валютной выручки, полученной при поставке на экспорт вооружений. Причем «комплектующим оборудованием» оказались новейшие системы залпового огня, еще нерассекреченные. Сумма сделки оценивается в два с половиной миллиарда долларов, а сколько получил министр обороны, высчитать нетрудно. Если указанные министры в ближайшее время не уйдут в отставку, а Вы лично не измените курс кабинета, направленный на властное обогащение коррумпированных чинов, мы примем соответствующие меры. А Вы, наверное, уже знаете, чем заканчиваются наши предупреждения. Второго — не будет!»

Министр обороны хмыкнул, шибко потер темень ладонью, передал письмо Ельшину.

— Добрались-таки и до нас! Круто! «Министерство по разбою и пиратству»... м-да. А ведь они не остановятся на достигнутом, дорогой Михаил Сергеевич. И информацией обладают первостатейной. Кстати, это уже по вашей части, Генрих Герхардович. Похоже, «чистилище» знает обо всем, что делается в стране, не меньше вас.

Начальник антитеррористического Управления контрразведки прочитал письмо и небрежно кинул его на столик.

— Мы занимаемся этим, Николай Николаевич. После того, как Бондарь со своим «Русланом» облажался с Аристовой, у меня развязаны руки. Но у «Стопкрима» действительно большие возможности. Их спецы каким-то образом влезли в компьютерные сети ФСК, МВД и даже вашего министерства, так что скрыть что-либо от этих волшебников трудно. Защита сетей их не останавливает.

— Так они и до операции с оружием доберутся.

Ельшин кинул острый взгляд на Галкина, и тому показалось, что внутри начальника Управления шевельнулся обманчиво-добродушный, сытый, но опасный зверь.

— Мы работаем, — с нажимом повторил Генрих Герхардович. — И кое-что уже предприняли. «СМЕРШ» начал расследование утечки оружия, и нам пришлось убрать одну из главных фигур...

— Ивакина, — кивнул министр обороны. — Но остался еще Дикой со своим неслабым аппаратом, а также бригада, занимающаяся расследованием. Которой я, кстати, дал приказ ускорить дело.

— Бригада нам не страшна, работает она по старинке, медленно, стандартно, а опасен один человек, подключившийся к расследованию, профессионал высокого класса, ганфайтер. Однако в ближай-

шее время мы его вычислим. Он побывал в конторе Шмеля и оставил там маячок, из-за чего нам срочно пришлось передислоцировать батальон и перевезти оружие в другое место, так что Дикой пока не опасен. Но у нас есть подозрение, что данный супер начал работать и на «чистилище». Кстати, Ивакин «продал» его на время «губошлепам», генерал Медведь захотел отличиться в борьбе с организованной преступностью.

Михаил Сергеевич хрустнул пальцами, вытер губы платком, недовольно глянул на Ельшина.

— Как бы вы хорошо ни работали, Генрих Герхардович, мы все засвечены. Я не думаю, что «Стопкрим» решится на ликвидацию перечисленных министров, зная, что мы подстрахуемся, но и сидеть сложа руки, ждать, что он предпримет, тоже не резон. Надо что-то делать самим, срочно.

— Воевать, — буркнул Галкин. — Генриху надо лишь найти гнездо «чистилища», а там я уже знаю, что делать. Брошу Тульский ДД-полк, он «Стопкрим» в порошок сотрет.

Ельшин с иронией глянул на министра обороны.

— Шашкой махать и Чапаев умел, Николай Николаевич. Мы должны работать тоньше. Уничтожить соперника — ремесло, но заставить его застрелиться самому — искусство!

— Что вы предлагаете?

— Дискредитировать «чистилище» в глазах общественности. Провести несколько операций, подготовив их соответствующим образом, так, чтобы общественность узнала о нечистоплотности работников «Стопкрима», а также об их ошибках.

— То есть?

— «Застукать» их на взятках, убить несколько известных лидеров разных партий, не замешанных ни в чем, а списать это на «чистилище».

— Мол, и оно ошибается! — оживился Краснорыжин. — Раскрутить журналистов, телевидение... Да, это хорошая мысль. Тем самым мы выбьем почву из-под ног «чистильщиков». Но успеем ли мы?

Начальник Управления улыбнулся одними губами.

— Постараемся. Терять нам нечего, господа. Кроме положения, власти и в конечном счете головы. А это все мелочи.

Галкин хмыкнул.

— Есть кое-что поважнее земного уровня бытия, но вам это недоступно. Пока мы в одной упряжке, можете спать спокойно. — Генрих Герхардович сделал вид, что не заметил обмена взглядами собеседников. — Но нам могут очень сильно навредить дураки, наши же соратники. Михаил Сергеевич, генеральный прокурор исчерпал себя, он должен уйти. Как — ваши проблемы, Николай Николаевич, военная контрразведка — ваша епархия, необходима

ее реорганизация. Вы меня понимаете? Генерал Дикой — опасный противник и должен исчезнуть. Или пойти на повышение. Продумайте этот вопрос. Остальное — моя забота.

— Не слишком ли много на себя берете, Генрих Герхардович? — не выдержал премьер-министр. — Директор ФСК — не в нашем лагере, как и министр внутренних дел. И аппараты у них — ГУБО, МУР, спецназы, группы особых операций, оперы контрразведки, отряды по борьбе с террористами — неслабые. А у вас — лишь батальон Шмеля.

— Ну, не совсем, — развеселился Ельшин. — Мы тоже не лыком шиты, и у нас есть агенты класса «волкодав» и «супер». Мы просто еще не брались за «Стопкрим» глубоко, не принимали всерьез. Теперь возьмемся. В работе «чистилища» много таинственного, необычного, пора и нам привлечь некоторые оккультные силы. А если появится необходимость, позовем на помощь Купол.

Краснорыжин и Галкин озабоченно переглянулись. Начальник Управления «Т» ФСК смотрел на них с насмешливой улыбкой и с изрядной долей пренебрежения. Он терпел их вынужденно, пока зависел от них.

Депутат Государственной Думы Степан Петрович Васильчиков отличался вспыльчивым и резким характером, за что приобрел репутацию скандалиста и не раз критиковался коллегами, представлявшими другие партии. Но работником он был хорошим, честным и прямым, и нареканий на подкомиссию по инфляционным процессам, которую он возглавлял, не было.

Жил он на Шельмовке, в четырехкомнатной квартире с женой и двумя детьми — дошкольниками.

Вечером десятого июля он пришел домой поздно, когда дети уже спали. Переодевшись и приняв душ, сел ужинать на кухне, и в это время в дверь позвонили. Открыла жена и в ужасе отпрянула: в коридор ворвались трое мужчин в масках, одетые в стандартные спортивные костюмы. Ни слова не говоря, они вытащили из-за стола Степана Петровича, заткнули ему рот и принялись избивать, приговаривая:

— Тебя «чистилище» еще не предупреждало? Значит, настал твой черед. Получи свое.

Мужиком Васильчиков был здоровым и, спустя минуту, стал сопротивляться, крепко приложив одному из бандитов ногой. Тогда его связали, притащили в гостиную жену и начали раздевать. Степан Петрович взбесился, порвал ремень, связывающий руки, и вырубил державшего его ударом головой о стену. Вожак тройки не стал дожидаться развития событий, на шум могли прибежать соседи, и сделал всего один выстрел из пистолета, выдернув его из подмышечного захвата. Пуля попала Степану Петровичу в голову...

Жена депутата, извернувшись, укусила третьего бандита за руку, и вожак хладнокровно всадил в нее вторую пулю, и тоже в голову. К счастью, дети не проснулись, и убийцы убрались из квартиры сразу же после расправы, оставив на столе карточку о нарисованным в уголке желтым кинжальчиком и напечатанной фразой: «За преступления перед народом».

Начальник оперативно-розыскной бригады МУРа полковник Синельников прибыл на квартиру депутата в сопровождении Агапова и судмедэксперта Брисского. Тяжело обошел все четыре комнаты, постоял над телом Васильчикова и его жены, сел в гостиной на стул. кивнул Агапову:

— Что скажешь?

По комнатам бродили хмурые оперативники и эксперты, привычно исполняя свои обязанности, тихий говор шести человек заполнял квартиру. Детей Васильчиковых уже забрали родственники, свидетели тоже ушли, и оперативникам никто не мешал, даже прибывший председатель Госдумы Засохлов Мустафа Ибрагимович. Посидев немного у трупа своего депутата, он тоже ушел, не проронив ни слова.

— Ничего не скажу, — просипел Агапов, массируя горло. — Я не знаю причин, по которым «Стопкрим» решил убрать Васильчикова. Их просто нет. Или «чистильщики» начали ошибаться или...

— Ну-ну?

Агапов приблизил к глазам листок бумаги с печатью «Стопкрима».

— Или это провокация. Этот листок отличается от прежних, это раз, и на почерк «чистильщиков» убийство не похоже, это два.

Синельников крякнул.

— Не пори ерунды. Кому нужны такие провокации?

— Ты меня спросил, я ответил. А кому нужны — подумай сам. «Чистилище» слишком хорошо защищено, чтобы справиться с ним обычными методами.

— Но уровень этой провокации слишком высок.

— Вот именно, Викторович. Значит, «чистильщики» достали таких высоких птиц, для которых убить депутата — что два пальца обделать. А ведь мы знаем таких...

— Тише, — поморщился Синельников. — Умный ты больно. Хорошо, что твоих советов никто не слушает... кроме меня. Иди работай, потом поговорим.

Агапов отошел было, но тут же вернулся: его вызвали по рации.

— Александр Викторович, «чистильщики» только что позвонили Югову, журналисту «Независимой газеты», мои ребята перехватили разговор и вычислили квартиру.

Синельников мгновенно поднялся.

— Едем!

Муровцы знали, что «чистильщики» после акции имеют обыкновение звонить журналистам и «отчитываться» за проделанную работу, предоставляя информацию о подпольной деятельности клиента. И вот специалистам Агапова удалось перехватить «отчет». Синельникову просто повезло, что майор оказался в этот момент рядом.

Через двадцать минут они входили в квартиру на втором этаже дома в Смоленском переулке. Оперативники Агапова прибыли туда раньше и встретили начальство на лестничной площадке.

— Поздно, — сказал рослый парень с коротким ежиком волос. — Птичка улетела, хозяин квартиры здесь не причастен.

— Разве не он звонил?

— Он, однако тот, кто просил его позвонить, заплатив при этом немалую сумму, исчез. Жилец — пенсионер, согласился, конечно, пятьдесят тысяч для него — деньги.

Синельников прошел на кухню, где помощник Агапова допрашивал хозяина. Лысый старичок с испугом глянул на новых гостей. Не задав ему ни одного вопроса, полковник вышел.

— Вряд ли по тем приметам, что дает этот старик, можно отыскать «чистильщика». Это мог быть еще один подставной исполнитель, прохожий, скажем, которого попросили передать конверт и деньги. «Чистильщики» постоянно меняют тактику и подстраховывают себя, по крайней мере, по трехуровневой схеме.

Они сели в машину.

— Подслушку остальных журналистов убрать? — осведомился Агапов. — Вряд ли есть смысл копать в этом направлении.

— Оставь пока. Лучше подскажи, что мне докладывать генералу. Мол, жалко Васильчикова? Как там наши подопечные?

Синельников имел в виду некоторых сотрудников спецслужб, уволенных за два последние года, за которыми они установили наблюдение.

— Я бы уже поднял тревогу, если бы что обнаружил. — Агапов махнул рукой водителю. — И у моих ребят складывается впечатление, что подозреваемых пасут и другие спецслужбы. Но я не уверен, что мы на правильном пути. Уволенные из особых подразделений — это все низовые звенья «чистилища»... если они даже и работают на него. Ну, захватим мы кого-нибудь из них, что дальше? До верхов все равно не доберемся. Сам же говорил, у них многоуровневая система подстраховки.

Синельников задумчиво кивнул. Идея вычислить оперативников «Стопкрима» из числа уволенных из спецслужб принадлежала ему, но проверка результатов пока не дала. Пока. Он был уверен, что мысль верна.

— И все же это зацепка, так что наружку не снимай, как и телефонный перехват. Вдруг зацепим кого? Но ты прав, наверное, надо искать руководителей «чистилища» по сферам их компетенции.

Скажем, в МВД — это должен быть человек, который хорошо знает прокуратуру, суды и все дела. Есть у нас такие?

— Человек десять наберется, — почесал в затылке Агапов.

— Вот и займись списком. Правда, к генералу все равно идти не с чем. Давай по «зеленой», — обратился Синельников к шоферу.

Тот включил мигалку и сирену, машина увеличила скорость.

— А вообще странно, что «Стопкрим» отреагировал на свою же акцию так быстро, обычно сообщение об этом появляется на следующий день. А тут... — Синельников повернул голову к начальнику «пятерки». — Что они наговорили журналисту?

Агапов достал записную книжку, присвистнул.

— Вот черт! Здесь говорится о Жарове, а вовсе не об убийстве Васильчикова! Я и не обратил внимания...

Синельников побагровел, выхватил записную книжку из рук Агапова, перечитал сообщение, показал майору пудовый кулак:

— Смотреть надо, Юра! Я-то думал, что речь идет о депутате. Но что же это получается? Действительно «Стопкрим» не имеет отношения к убийству?

Агапов промолчал.

Михаил Юрьевич Медведь, как начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью, имел охрану и особенно не задумывался, кто его сопровождает и как осуществляется смена телохранителей. Эта проблема, по его разумению, входила в компетенцию службы охраны ГУБО, а непосредственно ею занимался заместитель начальника Зинченко Николай Афанасьевич. Почему Михаил Юрьевич обратил внимание на этого парня, он и сам не понял, наверное, сработала интуиция.

Обычная смена сопровождения генерала состояла из авангарда в два человека и основной группы в количестве трех телохранителей, следовавшей чуть в отдалении. Порядок этот не менялся, куда бы Михаил Юрьевич ни направлялся. На этот раз один из бойцов авангарда неожиданно проявил интерес к разговору начальника управления с министром внутренних дел, охрану которого несли «крапчатые береты» из состава ОМОНа. Медведь недоуменно глянул на рослого белобрысого парня с развитыми плечами, и тот отошел к напарнику, придерживая локтем левой руки подмышечную кобуру.

— Твой? — спросил министр МВД, генерал армии Жаренов Иван Кузьмич, одетый в штатское; разговор происходил в нижнем холле «черно-белого дома», куда оба вызваны были на совещание правительства.

— Мой, — кивнул Медведь, окидывая взглядом флегматичного на вид телохранителя, забыв о нем уже через минуту. Однако штрихок этот сразу всплыл в его памяти, когда он возвращался с сове-

щания и оказался в лифте министерства один на один с белобрысым.

Генерал был одет в обычный официальный костюм: пиджак, брюки, рубашка с галстуком — и штатное оружие носил в кармане пиджака. Поэтому, почувствовав опасность, сделал вид, что закуривает, из левого кармана достал пачку «Винстона», а правой рукой стал нашаривать «зажигалку». В тот же момент лифт остановился между этажами и одновременно с этим телохранитель выхватил пистолет «Волк» с насадкой бесшумного боя.

— Велено передать, генерал, что крупная рыба тебе не по зубам. Лови мелкую, и все будет тип-топ. А также назови парня, который был передан военной контрразведкой вам для усиления.

— Ну и аппетиты! — усмехнулся Медведь, не выказывая ни растерянности, ни страха. Скосил глаза вниз, на оттопыривающийся карман пиджака. — Не слишком ты опытен, сынок. Видишь?

Охранник глянул вниз, глаза его расширились; он был, конечно, профессионалом и понял все сразу. Однако ему, чтобы выстрелить, надо было еще снять пистолет с предохранителя, а генералу только нажать на курок. Выстрел отбросил парня к стене лифта — пуля попала ему в бедро слева — и, хотя он еще попытался выстрелить в ответ, Михаил Юрьевич не дал ему шанса, прострелив еще и руку.

Где-то взвыла сирена тревоги, в коридорах затопали шаги, в дверь лифта забарабанили кулаки. Над кабиной грохнуло — сорвали заблокированную дверь верхнего этажа, гулко прогремел чей-то голос.

— Товарищ генерал! Что случилось?

— Все в порядке, — крикнул в ответ Медведь, узнав дежурного по режиму. — Саша, задержите второго авангардного и вызовите врача.

Снова затопали шаги, раздалась команда, крики, шум удалился. Через минуту лифт дернулся и пошел вверх. Дверь открылась, в кабину ворвались охранники, не ожидавшие увидеть начальника в здравии. Медведь вышел, кивнул на потерявшего сознание парня — посыльного Купола.

— Придет в сознание, допросите у Погребняка. Зинченко ко мне.

— Михаил Юрьевич, — сунулся к нему командир смены телохранителей, пунцовея от смущения и злости. — Это я виноват...

— Разберемся.

В своем кабинете Медведь переоделся, осмотрел дырки в пиджаке, проделанные пулями, покачал головой: костюм был уже не пригоден к использованию на официальных приемах. Примчавшийся заместитель смотрел на генерала, как на вернувшегося с того света.

— Как это произошло, Михаил Юрьевич?!

— Как в кино. Меня предупредили. — Медведь достал из бара

коньяк, налил полрюмки и выпил одним глотком, сел за стол. — Тебе не предлагаю, пить на работе вредно.

— А что не вредно? По-моему, в наше время и жить вредно. Так что все-таки произошло? Кто вас предупредил?

— Купол, конечно. Его насторожили наши планы, а также заинтересовал наш друг-ганфайтер.

— Значит, они все знают?!

— Все — не все, но кое-что знают. Но чтобы знать о подключении к нам агента класса «абсолют», надо иметь больше, чем семь пядей во лбу и высокое кресло. Ведь об этом не знал даже министр обороны!

— Дьявольщина!

— Ага, согласен.

Зинченко постоял немного и тоже сел. Помолчали. Свистнул интерком. Михаил Юрьевич снял трубку, выслушал, бросил обратно.

— Молчит, как партизан.

— Кто его допрашивает? Погребняк?

— Какая разница, парень надеется, что его вытащат.

— Ничего, ребята поработают — расколется. По какому поводу вызывали на кабинет?

— «Чистилище» убрало депутата Госдумы Васильчикова. А мы в результате получили последнее «китайское» предупреждение от премьера.

— Васильчикова? Степана Петровича? Я его знаю... знал. Зачем «Стопкриму» понадобилось его убирать?

— Не знаю. Где твой хваленый ганфайтер? Что он думает своей головой? С ума они там посходили, что ли?! Начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью подлавливают в его же собственной резиденции! Это как понимать?!

Зинченко молчал.

— До каких пор премьер мне будет мылить шею, как пацану?! Я ему кто — мальчик дли битья?! Все в одной луже сидим, а отмываться должен начальник ГУБО! — Медведь замолчал, сдерживаясь, глубоко вздохнул, глянул на неподвижного заместителя. — Фантомас разбушевался, да? Что будем делать, Афанасьевич?

— Работать, — без улыбки ответил Зинченко. — По закону административных джунглей, царящему в правительственных кругах, должен быть найден виноватый стрелочник. Нашли вас. Ну и что? Переживем. Краснорыжин разносит вас по одной причине.

— Какой?

— Боится. Когда я его вижу, всегда вспоминаю Козьму Пруткова. У него есть: «Впереди стада идет круторогий баран с колокольчиком. Овцы уверены, что он знает, куда он их ведет. А баран всего лишь желает быть впереди: не пыльно и хороший выбор травы».

Генерал засмеялся. Зинченко улыбнулся в ответ.

— Соболев будет мне сегодня звонить. Как только поговорю с ним, перезвоню вам. Разрешите поработать с террористом, что напал на вас?

— Вряд ли он много знает. Поработай, если хочешь, но займись охраной. Как он мог внедриться? Или его просто купили?

— Скорее всего. Не беспокойтесь, Михаил Юрьевич, больше такого не случится.

Генерал открыл папку и углубился в бумаги.

Завьялов нервничал редко, да и то лишь дома, когда между ним и женой пробегала очередная кошка. Сегодня же у него все валилось из рук, настроение испортилось еще с утра, после заседания правительственной команды, а вдобавок заболело сердце. Дмитрий Васильевич выпил валокордин, попытался сосредоточиться на работе, но не высидел и четверти часа. Тогда он плюнул на режим, выпил водки и «забалдел», постепенно успокаиваясь. Из этого состояния его вывел телефонный зуммер. Звонил Боханов:

— Ты еще трудишься? Включи-ка телевизор, московский канал. Потом поговорим.

Дмитрий Васильевич послушно включил метровый «Панасоник», и его эйфория моментально прошла. Диктор читал объявление Министерства внутренних дел о «новом злодеянии» известной террористической организации «Стопкрим», чаще именуемой «чистилищем».

Дослушав сообщение об убийстве депутата Государственной Думы Васильчикова и его жены, а также о «следах пыток», которым они, очевидно, подвергались, Дмитрий Васильевич снял трубку телефона «горячей» линии связи, защищенной скремблером от прослушивания, и вызвал на десять вечера «электрика для починки кабинетной кабельной сети».

В десять часов в кабинет проскользнул как всегда не замеченный охраной здания Граф — Тарас Витальевич Горшин, поздоровался кивком, внимательно глянул на прохаживающегося по кабинету Завьялова.

— По виду вы очень сильно взволнованы. Чем, если не секрет?

— Да черт его знает! — в сердцах ответил референт премьера. — Сердце колотится, как бычий хвост, без всяких видимых причин.

— Это так называемый синдром ранней тревоги. Без причины ничего никогда не «колотится». Вы, наверное, смотрели передачу криминального канала? Не отвечайте, вижу. «Чистилище» хотят выставить в известном свете — как организацию-монстра, убивающую направо и налево, в дом числе и невинных людей. Операция спланирована и разработана экспертами Купола, среди них имеются

весьма неплохие аналитики. Но главный его советчик, к сожалению, остается в тени.

— Что еще за советчик?

— Можете называть его... ну, скажем, Конкере, или «монархом тьмы». Кто он конкретно, знать не обязательно. А противник это страшный! Он поглощает, аккумулирует зло мира, и когда масса этого зла достигнет критического сечения...

Завьялов ощутил внутреннюю дрожь, криво улыбнулся.

— Я не паранорм, как вы, Граф, я всего лишь обыкновенный человек и не верю ни в мистику, ни в эзотерику, ни в прочую эротику, хотя и допускаю существование неоткрытых физических явлений. О «монархах тьмы» говорить не будем, они — ваша забота, если таковые существуют. Давайте о наших проблемах. Как будем отмываться после прямого телеэфира? Наверняка ведь на нас теперь начнут списывать и другие гнусности типа убийства Васильчикова.

— И это моя забота, Дмитрий Васильевич. Послезавтра я планирую одну операцию, о которой вы тоже узнаете по телевидению. Решения «квадрата» по этому поводу ждать не буду. Операция заставит Купол прекратить провокации. А завтра трубите большой сбор, с коптевской «кодлой» надо кончать, наглеют ребята.

Горшин имел в виду преступную группировку, контролирующую район у Марьиной рощи и возле Коптевских бань. Группировка общей численностью предположительно в двести пятьдесят человек промышляла рэкетом, разбоем, грабежом и заказными убийствами. Активность ее росла, а оперативные меры, предпринимаемые милицией, не срабатывали.

Завьялов выпил еще порцию валокордина, поморщился, массируя грудь. Горшин посмотрел на него более внимательно.

— Вас беспокоит что-то еще. Слежка? Кто-то вами заинтересовался?

— Мной лично — нет, но нас, похоже, обложили со всех сторон. Уже и контрразведку подключили. Одна ошибка — и все...

— Ну, «фискалы» работают по «чистилищу» давно, а вот насчет «всего» — мне не нравится ваше настроение, Дмитрий Васильевич. Устали — езжайте на юг отдыхать, на месяц, организация это переживет.

— Она-то переживет, да я не смогу. Извините, Граф, нервы у меня действительно начинают сдавать. Как идет подготовка операции «Зеленый президент»?

— Выявлены все исполнители и часть организаторов. Дело осложняется тем, что нити тянутся в Дагестан, Ичкерию и Армению, туда надо ехать.

Дело, о котором завел разговор Завьялов, касалось валютных махинаций Среди вдохновителей оказались юрист, педагог, торговый работник, сотрудник управления контрразведки, «шишка» из аппа-

рата президента Чеченской республики. Наладив производство фальшивых долларов, они начали сбыт их в Москве и других городах России, попались и... были выпущены на свободу «за отсутствием состава преступления». Приложил к этому делу руку и следователь Жаров, и судья Муфтафчиев, и адвокаты, и следователи генпрокуратуры, купленные «на корню».

— Мера пресечения? — тихо проговорил Завьялов.

— Лидерам — «вышка», — твердо ответил Горшин. — Остальным — по степени вины.

Завьялов поежился, встретив его взгляд, темный, непроницаемо-насмешливый, но не побоялся сказать:

— Загадочный вы все же человек, Граф. Жестокий и одновременно уязвимый. Если бы не вы, «чистилища» бы не существовало — в таком масштабе, во всяком случае. Я начинал создавать его три года назад и в общем-то знаю, зачем это сделал: преступник д о л ж е н быть н а к а з а н! Это справедливо, не более того. За это я боролся и буду бороться. Но ваших целей я не понимаю, вы действительно загадка для меня. Опасная загадка.

— Таким меня создал господь Бог, — пожал плечами Горшин, — а ему было видней. У каждого свой путь спасения. Их всего-то четыре: путь познания, путь практических деяний — добрых имеется в виду, — мистического созерцания и путь веры. Выбирайте любой, но не стойте — идите! Прогресс человечества возможен лишь как сумма духовных прогрессов отдельных людей, вот и вносите свою лепту.

Помолчали. Завьялов долго смотрел сквозь окно на темнеющее небо.

— Иногда мне кажется, что вы гораздо старше меня... и вообще любого человека. И мне становится страшно. А вам не страшно, что мы давно пересекли границу закона, присвоив себе привилегии судей и палачей? Что вы чувствуете, когда убиваете людей, пусть и подонков, пусть преступников, но людей?

Горшин встал, бесшумно переместился к окну; не подошел, а именно переместился, как невесомая тень. Голос его был тих и ровен, когда он заговорил:

— У Фильдинга есть великолепное изречение по этому поводу: «Еще я слышал, как один хирург, отрезая больному ногу, на вопрос, что сам он в это время ощущает, ответил: «Ровно ничего!» Так вот я — тот самый хирург. И отрезаю я б о л ь н у ю ногу. И еще: не терзайте душу сомнениями, против беспредела нет иных мер борьбы, кроме адекватного беспредела, обращенного на самих преступников.

Дмитрий Васильевич вздохнул. Сомнения не оставили его, но спорить не хотелось.

— Может быть, мы все же не с тем боремся, с чем надо, — про-

бормотал он. — Мы боремся с последствиями, а надо уничтожить причину. Согласны?

Горшин, не оборачиваясь, улыбнулся скорбно и жестко.

ВЫХОД В ЭФИР

Странным был этот ринг: полом его была зеленая равнина, столбами — гигантские деревья, канатами — реки и жгуты дыма. Матвей стоял в своем углу и ждал противника. Большей половиной сознания он воспринимал действие как должное, и лишь человеческая мысль, почти задавленная вселенной сна, робко ворочалась в теснинах лба: этого не может быть!.. на самом деле такого ринга не существует... я просто сплю...

С гулом содрогнулась равнина, и в противоположном углу ринга выросла гигантская фигура: всадник на черном коне, одетый в черные латы и в черный шлем с черным пером. Из-под забрала смотрела на мир Пустота и Тьма. В одной руке всадник держал волнистый меч из струящегося мрака, в другой — поводья, украшенные черепами разных существ.

Взмахнув мечом, всадник устремился вперед, и где проезжал его конь — вяла трава, черная сажа рассыпалась по земле, покрывающейся трещинами и провалами. Тупая и злобная сила попирала жизнь, надвигалась и давила, холодом смерти повеяло на Матвея, *он попятился. Монарх тьмы! — вспыхнула в голове догадка.*

«Это еще не монарх тьмы, — прозвучал с небес чей-то суровый голос. — Всего лишь фантом его, обладающий кое-какими свойствами оригинала. Готов ли ты сразиться с ним?»

Матвей, стиснув зубы, остановился, но страха преодолеть не мог.

— *Ха-ха-ха! — засмеялся всадник так, что гул раскатами ушел* в небо, равнина заколебалась и реки вышли из берегов. — Эта козявка — мой противник? Я раздавлю его плевком!

«Познай себя, — тихим шепотом возник в ухе знакомый женский голос. — Никто не знает твоей силы, ни ты сам, ни даже мы, иерархи. Поставь себе задачу, выбери цель и иди. Жизнь земная — нелегкое испытание для того, кто выбран Махатмами, но только идущий имеет шанс воплотиться в вечности».

«Я еще не уверен, хочу ли воплощаться в вечности, — подумал Матвей. — И вообще куда-то идти...»

Всадник остановился напротив, отпустил поводья, спрятав меч, *прогромыхал презрительно:*

— Откуда ты вылезла, козявка? Беги, спасайся, пока я не передумал. Неужели ты всерьез хочешь сразиться со мной? Всяк сверчок должен знать свой шесток. Я — Конкере!

От хохота голубое небо растрескалось, и сквозь трещины на равнину закапала горящая смола. Нет, не смола — кровь!

Матвей покачал головой, глубоко вздохнул, сбрасывая оцепенение. Страх улетучился, пришло ощущение свободы и уверенности. Когда шутник смеется своей остроте, она теряет цену, подумал он словами Шиллера. Держись, Конкере! «Козявка» не привыкла сносить оскорбления...

Ринг и всадник исчезли, Матвей осознал себя лежащим на кровати в неудобной позе. Мысленным усилием останавливая ускользающую картину сна, он попытался оставить ее в памяти, но добился лишь чисто информационного эффекта: его снова предупреждали об опасности. Дальнейшее участие в делах команды Тараса Горшина грозило обратить на себя внимание «монарха тьмы», против которого простые люди не имели оружия.

Матвей вспомнил короткий телефонный разговор с Горшиным после проверки, устроенной Соболеву боевиками Шмеля. Тарас позвонил сам, но Матвей уже не удивился, что тот знает номер телефона. Если уж его знали шмелевцы, то человеку Круга узнать это ничего не стоило.

— У тебя неприятности?

— Ты был прав, меня «щупали» клевреты Шмеля. Все обошлось. Но я не понимаю, как им удалось найти телефон, известный лишь начальству «СМЕРШа».

— Компьютерами могут пользоваться и они, если знают соответствующие коды. Но эта проверка пристрелочная: у них был список нелегальных явочных квартир, принадлежащих контрразведке, а кто в них живет, они не знали, вот и проверили.

— Нет, они шли, зная, что я друг Ильи Муромца.

Короткое молчание.

— Разбирайся. Они ушли сами?

— Я помог, но сыграл неплохо.

— Не уверен. Если они не поверили, тебя ждет проверка пожестче. Кроме того на тебя наверняка наедут все «крутые» службы от угро до ФСК, так что готовься. Кстати, ты теперь в свободном полете: генерал Дикой, твой непосредственный шеф, подал в отставку. Все, конец связи. Завтра в пять утра начинаем операцию «Коптевская тусовка», подъедешь ко мне.

— Подожди, у меня пара вопросов...

— Задашь завтра, после окончания работы. — И Горшин дал отбой.

Сообщение об отставке Дикого повергло Матвея в состояние ступора. Он не видел причин ухода генерала, кроме давления сверху. Валентина Анатольевича «ушли», потому что были заинтересованы в его отставке — генерал многое знал и многое мог. Встретиться с ним было необходимо, но отыскать его с первого захода не удалось.

Кабинет уже занимал другой человек, а домашний телефон Дикого не отвечал.

С этим известием Соболев и провел остаток дня. А утром началась операция «Коптевская тусовка» — ликвидация коптевской банды, на счету которой набралось столько всего, что терпение «чистилища» лопнуло. В «подвиги» боевиков банды входили убийства, изнасилования, издевательства над мирными людьми, подпадающие под определение статьи 77 УК РФ — бандитизм, и многое другое.

«Чистильщикам», как и милиции, были известны совершенно дикие случаи. Так, например, при ограблении квартиры многодетной семьи бандиты тушили окурки о лица детей! Осуществив еще один грабеж, они же изнасиловали шестидесятилетнюю старуху, ее дочь и двух малолетних детей. Случай этот наделал много шуму, насильников-таки нашли, но суд вернул дело на доследование и тихо спустил на тормозах: запуганные свидетели отказались от показаний, вожак стаи получил два года условно, а его подельники отделались легким испугом.

В пакете сведений, врученных Матвею для ознакомления перед началом операции, оказались и описания «веселых» подонков: многие из них часто разъезжали на мотоциклах и толкали на всей скорости пешеходов в спины, отчего две женщины повредили позвоночники, а остальные получили травмы; или, например, в автобусах и троллейбусах они «щекотали» пассажиров, втыкая им в спины и другие места длинные иглы; тащили за руки девушек из автобусов, срывая с них одежду; мазали пассажиров дегтем и тушью; издевались над водителями, и так далее, и тому подобное. В реестр их увеселений входило также бросание гранат в телефонные будки, стрельба из автоматов по окнам кафе и жилых домов, поджоги, избиение кодлой непонравившихся пешеходов.

— Ну что? — спросил Тарас, когда Матвей дочитал документы (каждый из них имел дату, фамилии свидетелей, подпись работника службы информации «Стопкрима» и печать) и передал ему папку.

— Не думал, что это так... отвратительно! — Матвей расслабился, чтобы успокоить дыхание. — Мне всегда казалось, что совести нет только у амеб и микробов, оказывается — не только.

Тарас усмехнулся, сидя рядом в такой же расслабленной позе. Кроме них в «рафике» ехали еще двое «чистильщиков», составляющих вместе с водителем монаду — низовую тройку исполнителей. Эта монада была в личном подчинении Горшина. Остальные группы: монады, мейдеры — «пятерки», и экстреверы — «девятки». — мчались в машинах каждая по своему адресу. Нужно было охватить весь район действия банды и выключить ее из «круга криминального бытия» сразу и окончательно.

Насколько понял Матвей установку, применение огнестрельного оружия не планировалось, равно как и всеобщая смертная казнь, однако он понимал, что вряд ли бандиты после этого урока смогут бесчинствовать и дальше.

— Я не знаю своей задачи.

— Курбаши, — тотчас же отозвался Тарас. — Наша цель — вожаки банды. Они сейчас моются в Коптевских банях.

— А они не подготовят нам сюрприз? Как и у любой подобной группировки у них должны быть свои разведка и контрразведка, а также боевые группы.

Горшин насмешливо глянул на Матвея.

— Спасибо, что просветил. Конечно, все это у них есть, но у нас служба организована, как надо. — Он достал из сумки рацию, щелкнул кнопкой. — Альфа, что у тебя?

— Все тихо, — прогнусавила рация. — Тусовка в сборе: джип «Чероки», два «форда» и «Мерс». Все здесь. Прикрытие стандартное, вооружены все «зубочистками».

Матвей поднял бровь, и Горшин перевел:

— Автоматами. Жди, альфа, через пятнадцать минут начинаем.

Вскоре машина остановилась.

— Ты прикрываешь, — сказал Тарас Матвею. — Пойдем вторыми.

Тройка монады сопровождения покинула «рафик» без единого слова, каждый из них знал, что делать. Через минуту, загримированные под толстопузых любителей пива, вылезли Соболев с Горшиным, держа в руках сумки с вениками.

Машина стояла во дворе продуктового магазина, выходящего к задам Коптевских бань. Двор был завален грудами пластмассовых и деревянных ящиков, контейнерами, плитами и бочками. Тарас пробрался между заржавленным остовом автобуса и трактором к забору, прислушался и, отодвинув доску, юркнул в щель. Матвей последовал за ним.

За забором начиналась территория бань, захламленная еще больше, чем двор продмага. Лавируя между штабелями ящиков и тюков стекловаты, кирпичными кладками, завалами из досок, «чистильщики» вышли к котельной, где их встретил хмурый верзила из группы поддержки. Поднял вверх палец, перевел на котельную, показал два пальца.

Матвей понял, что двое охранников «тусовки» обезврежены и сидят в котельной.

Тарас кивнул, постоял немного, настраиваясь — Матвею показалось, что от Горшина повеяло холодом и тихим электрическим шипением, — шагнул на растрескавшуюся асфальтовую дорожку. Выходя во двор, засмеялся и громко сказал:

— Представляешь хохму? Крендель ему: «Гони монету», — а Петя ему жетон метро сует!

Матвей захохотал, присоединяясь к игре, и они, покачиваясь, хохоча, перебивая друг друга, зашагали ко второму входу в двухэтажное здание бань. Телохранители главарей банды, кайфовавших в особых апартаментах на втором этаже, с недоумением глядели на них с разных сторон. Трое из них выдали себя сразу, и их взяли на себя оперы поддержки, а оставшиеся встретили «подвыпивших клиентов» у входа:

— Баня закрыта, мужики. Завтра приходите.

Тарас, продолжая разговаривать, споткнулся, неловко взмахнул сумкой и попал ею прямо в лицо одного из мордоворотов. Второй упал от мгновенного, невидимого от скорости, выпада Матвея, третий еще не понял, в чем дело, но среагировал и был выключен Тарасом на ходу. Не сбавляя темпа, они проследовали дальше, оставляя прикрытию добивать охрану во дворе.

Горшин точно знал, куда надо идти, поэтому времени на поиски нужных лиц не теряли, избавив тем самым от нервных потрясений нормальных клиентов бань, пожелавших помыться в этот день, а бани вмещали ни много, ни мало — больше трехсот человек.

Второй этаж бань представлял собой ряд минисаун со своими парилками, душами и большими ванными с холодной водой. Две из них, самые большие, были оборудованы по высшему разряду: двумя парилками — сухой и мокрой, бассейнами, комнатами отдыха с телевизором, баром и диванами, — и оба заняты были «начальством». В одной оказалось пятеро «крутых» с тремя девушками, в другой шестеро — с четырьмя, среди них «курбаши», главарь банды Агоев Сема двадцати трех лет от роду, сухой, жилистый, свирепый и беспощадный ко всем, кто встречался у него на пути.

Пятерых его помощников в соседней сауне «успокаивали» ребята из монады сопровождения, самого Агоева вырубил Тарас, а с остальными пришлось сражаться Матвею, до того уложившему двух сторожей в коридоре, которые оказались вооружены пистолетами.

По ориентировке Мура Агоев находился в розыске, и служители бань наверняка знали об этом, как и работники районного отделения милиции, курировавшего бани, однако и те и другие не рисковали связываться с бандитами, предпочитая ничего не видеть и не слышать.

Бой в пелене пара продолжался недолго.

Матвей не любил играть на публику и бил наверняка, догнав последнего из парней в парилке. Тарас, тенью проскользнув из предбанника мимо парилок в комнату отдыха и не найдя там главаря, тоже не стал тянуть «удовольствие». Он обнаружил Агоева в бассейне и прыгнул через весь пятиметровый бассейн к лежаку, на котором блаженствовал Агоев, окруженный голыми девицами. Матвей вошел в помещение бассейна в тот момент, когда Горшин уже возвращался, сопровождаемый визгом девиц. Он не заметил, что одна

из них вдруг достала из-под лежака ружье, оказавшееся американским винчестером «Ремингтон» двенадцатого калибра, и Матвею пришлось «рвать жилы», то есть ускоряться, прыгать и выбивать оружие у девицы из рук, когда она уже нажимала курок.

Выстрелить она успела, даже дважды, но Горшин ухитрился нырнуть за дверь, обладая еще более быстрой реакцией, чем Соболев.

Девица оказалась из охраны Агоева и великолепно владела приемами кунгфу, а когда Матвей увидел на ее пальце перстень в виде черепа — понял, что она вдобавок работает и на Шмеля. Схватка их длилась бы еще некоторое время, если бы не Тарас, бросивший от входа в бассейн кафельную плитку и попавший девице в висок.

— Идем.

— А... она? — Матвей опустил руки, перестав ориентироваться и тупо соображая, что делать дальше. Ему вдруг все стало противно и дико.

— Выживет. Пошли, все кончено.

Матвей доковылял вдоль стенки до ступеньки входа, оглянулся. Агоев лежал в неестественной позе, вывернув голову, с пистолетом в руке; в последний миг он, наверное, пытался выстрелить, обладая звериным чутьем.

— А он?

— Это Агоев. Бандит. Киллер. На его счету три убийства, изнасилования и грабеж с отягчающими.

— Ты... его?..

Тарас молча повернулся и вышел. Чувствуя горечь во рту, Матвей поплелся за ним. Горшин не пытался ни приободрить его, ни успокоить. Только прощаясь, заглянул в глаза и сказал:

— Это н е л ю д и, ганфайтер, они больны злобой и ненавистью, и болезнь их лечится только смертью. Они мучили, пытали и убивали людей, не чувствуя боли, и только болью можно их — не вылечить даже, но хотя бы отрезвить.

— Значит, их всех...

— Не всех, только убийц, о которых точно известно, что они убивали.

Потом Матвею стало известно, что убиты были четыре главаря банды во главе с Агоевым, остальные двести с лишним членов были избиты, а особо отличившиеся в бандитизме изувечены. Точную информацию об их злодеяниях получили на следующий день журналисты центральных газет и телевидения. По сути, банда была ликвидирована, как бы потом ни оценивали этот факт правоохранительные органы и общественность...

Запиликал телефон.

Матвей отогнал воспоминания, подождал немного. На третьем сигнале телефон замолчал. Это мог быть кто угодно, однако Матвей

не верил в совпадения и был уверен, что номер телефона известен не только сотрудникам ВКР. Как говорил Бенджамин Франклин: «Трое могут сохранить секрет, если двое из них мертвы». Тайну квартиры, принадлежащей военной контрразведке, явно знали больше, чем трое. Пора было отсюда выезжать. Завтра, решил после недолгих колебаний Матвей. Встречусь с Кристиной и перееду.

В десять утра, изменив внешность, он встретился с заместителем начальника ГУБО в Сокольниках, у чугунной решетки забора, скрытой стеной кустарника. Зинченко был взволнован, хотя и пытался скрыть свои чувства, и не сразу угадал в неряшливо одетом старике-бомже Матвея.

— У нас неприятности, — сказал он вместо приветствия. — Одного из охранников Михаила Юрьевича перекупила мафия, и он пытался выяснить кое-какие подробности нашей работы. В том числе — кто именно передан нам из «СМЕРШа».

Матвей тихо пошипел сквозь зубы.

— И что же?

— Генерал оказался проворней. Охранник ранен, с ним работают наши люди, но результатов пока нет. Генерал взбешен и требует немедленной отдачи, хочет встретиться с вами. Требует выхода на руководство «чистилища». Он дал нам с вами три дня. Его слова: «Ганфайтер он или пацан, играющий в казаков-разбойников?» Извините.

— Сильно сказано, — усмехнулся Матвей. — Видно, напугали генерала изрядно. Передайте ему, что сейчас важнее выйти на Купол, а «Стопкрим» опасен пока лишь бандитам.

— Не только бандитам, «чистильщики» убили депутата Васильчикова, и есть версия, что убийство Ивакина — тоже их рук дело.

— Ивакина убрал киллер Купола. — Матвей нахмурился. — Я занимался этим актом. Васильчикова убили также по заданию босса мафии, с целью свалить все на «чистилище», инспирировать отрицательные массовые эмоции к деятельности «чистилища». А вот разгром Коптевской бандгруппы — это работа «Стопкрима».

— Откуда вы знаете? — прищурился замначальника ГУБО.

— Я участвовал в операции как рядовой исполнитель. Выйти на исполнительную сеть «Стопкрима» несложно, гораздо сложнее подобраться вплотную к аналитикам и комиссарам. Ждите. Вы сделали, что я вас просил?

Зинченко, в глазах которого тлел огонь любопытства, передал Матвею пакет документов.

— А почему вы защищаете «чистильщиков»? Ведь любое их деяние незаконно, как бы благородно ни выглядели цели.

— Я не защищаю, только констатирую факты. Пока у нас не будет принят закон, карающий за организацию преступных сооб-

ществ, деятельность «чистилища» стране полезна. Передайте это мое мнение генералу. До связи.

Матвей шагнул было прочь, но вернулся.

— Вы один или с прикрытием?

— Один.

— Странно, я чую слежку. Уходите первым, я посмотрю.

Зинченко, одетый в полотняный летний костюм с короткими рукáвами, позволяющий носить оружие, проверил пистолет, кивнул и исчез за кустами. Матвей, следуя сзади, проводил его до машины. Он оказался прав: к заместителю начальника ГУБО был прицеплен «хвост», причем очень умелый и почти невидимый. Сам Зинченко мог его и не заметить, лишь чутье и опыт ганфайтера подсказали Матвею, кто и как следит за Николаем Афанасьевичем. Подходить близко к разговаривающим они не стали, иначе Матвей засек бы их раньше, но факт слежки говорил сам за себя: «губошлепы» сидели «под колпаком». Под Куполом, скаламбурил Матвей про себя.

Наблюдатели пошли было и за ним, но свой «хвост» Матвей обрубил за четверть часа, похвалив себя за удачный камуфляж: «наружке» мафии долго предстояло искать седого, лохматого, сутулого старика в мятых брюках и пятнистой рубахе.

Операцию «Выход в эфир» Горшин готовил вместе с одним из комиссаров «Стопкрима», директором Центра Нетрадиционных технологий Бохановым, на базе его вычислительного комплекса. Матвей был привлечен к разработке в качестве эксперта и аналитика, но изъянов в плане операции не нашел. Боханова он до этого не знал, вернее, знал только заочно, по информации Тараса. Сей ученый муж оказался веселым, любознательным и начисто лишенным каких бы то ни было сомнений в законности своих «исследований» на благо «чистилища». Матвею он не понравился, хотя самому Боханову скорее всего на это было наплевать.

В операции участвовало около трех десятков человек: наблюдатели, разведчики, группы основного действия — два экстревера и два мейдера подстраховки. Матвей вошел в один из экстреверов, нацеленный на студию телеагентства новостей, а Тарас, которому отводилась роль императив-центра, должен был обеспечить четкое взаимодействие групп и, в случае нужды, — сыграть партию прикрытия.

Началась операция в двадцать часов сорок минут, за двадцать минут до выхода в эфир телеканала новостей. Наблюдатели заняли свои посты давно, с утра, в обед в здание телецентра проникли группы поддержки и технической подготовки, а за час до эфира — обоймы риска, основные исполнители. Матвей с двумя членами своего экстревера входил последним, предъявив пропуск работника телецентра. Как всегда, он изменил внешний облик, и узнать Матвея

Соболева в этом пожилом, усатом, вальяжно шагающем рабочем в комбинезоне, было трудно.

В двадцать часов сорок минут монада поддержки взяла под контроль трансформаторные будки, основную и резервную.

В двадцать пятьдесят мейдер подготовки отключил кабинет директора телецентра, имеющий собственный пульт управления, от сети, а самого директора с тремя инженерами и секретаршей запер в пожарном бункере, отрезав телефоны.

В двадцать пятьдесят пять экстревер сопровождения перекрыл входы в здание, нейтрализовал оперативную охрану и усыпил смену в шесть человек, дежурившую в центральной диспетчерской. В это же время второй мейдер подготовки отключил от сети центральный пульт, с которого можно было переключать каналы и выходы студии.

Ровно в двадцать один ноль-ноль Матвей с тремя членами своего экстревера вошел в первую студию, над дверью которой горел транспарант: «Вход воспрещен. Идет передача».

Смена телевещания, работающая на передачу новостей, состояла из девяти человек: трех телеоператоров, инженера по связи, двух видеоинженеров, в нужный момент пускающих нужную запись, двух комментаторов — основного и спортивного (сводка погоды шла в записи) и охранника, выполняющего также функции переносчика аппаратуры. Матвей «отключил» охранника, а его сопровождающие, отлично знакомые со студийной телеаппаратурой, отогнали операторов от телекамер и дали заставку.

Миллионы телезрителей по всей стране, интересующиеся программой новостей, с удивлением глядели на опустевшие экраны.

Комментатор, молодой симпатичный парень, дернулся было к телефону, однако застыл, заметив направленный на него ствол пистолета.

— После выхода в эфир у нас будет всего три минуты, — тихо напомнил Матвею напарник с пистолетом.

Матвей подошел к телекомментатору, заинтересованно разглядывающему ворвавшихся гостей, сказал, изменив голос:

— Принимайте «чистилище». К сожалению, иного способа сказать о себе правду мы пока не нашли. Вот наше заявление, прочитаете?

Комментатор глянул на листок плотной бумаги с тисненым золотым кинжальчиком.

— А если откажусь? Застрелите?

— Нет, но вынуждены будем «отключить».

— Давайте.

Матвей кивнул «чистильщику», заменившему оператора, и тот снял заставку. Комментатор встрепенулся, поправил очки и взял листок с текстом. Надо отдать ему должное, держался он неплохо,

сказался опыт плюс изрядная доля эксгибиционизма*, свойственного почти всем артистам.

— Господа, вынужден зачитать следующее заявление.

«Уважаемые сограждане! Организация «Стопкрим», известная также под названием «чистилище», обращается к вам с заявлением.

С целью опорочить, навязать обществу ложное мнение, дискредитировать работу «Стопкрима», некоторые властно-криминальные структуры, от коих мы пытаемся избавить страну, пытаются свалить на нас некоторые грязные дела вроде убийства семьи депутата Васильчикова. Уважаемые сограждане — это провокация! «Чистилище» никогда не проводит акции, не изучив досконально материал. Честные граждане могут спать спокойно, им ничто не грозит. А бандиты, рэкетиры, мафиози, коррумпированные, купленные мафией чиновники всех ветвей власти пусть подумают, стоит ли дальше продолжать свою деятельность. Мы уже доказали свою решимость очистить страну от подонков и убийц, насильников и торговцев наркотиками, хамов, набивающих карманы, монстров, ненавидящих людей, прочих тварей. И будем делать это до тех пор, пока не появится и заработает Закон! Появится Закон, придут на смену негодяям, кретинам и подлецам с неистребимой жаждой власти, попирающим существующие законы и ведущим страну в тупик, люди, способные защитить вас от произвола и беспредела, — мы уйдем. Но пока этого нет — мы на страже. Ждите сообщений и не верьте заявлениям работников силовых министерств типа переданного вчера. Мы н е о ш и б а е м с я! Кто начал бороться с нами с помощью обмана и провокации, знает это. И пусть помнит — возмездие неотвратимо! Всего вам доброго!»

Комментатор поднял голову от заявления, и оператор снова отключил канал. Матвей взял лист с заявлением, глянул на часы, и в ту же секунду свет в студии погас: мейдер подстраховки перерубил кабель, питающий здание телецентра.

Через пять минут экстревер Матвея был вне здания, погрузился в машины, стоящие в укромных уголках, и разъехался в разные стороны. Матвей неторопливо дошел до «уазика», ждущего у гастронома, влез в фургон.

— Чисто? — встретил его вопросом Горшин, умудрившийся прийти раньше.

— Иппон**, — лаконично ответил Матвей.

— Тогда поехали.

Машина отъехала от гастронома в тот самый момент, когда по оси улицы с воем промчались три милицейских «форда» с мигалками. Тарас проводил их глазами, повернулся к переодевавшемуся Матвею.

---

* Склонность к рекламному самолюбованию.

** Термин кэмпо — чистая победа *(яп.)*.

— До победы далеко. Упреждающий удар мы нанесли вовремя, но именно потому за нас теперь примутся всерьез.

— А разве еще не принялись?

— Я имел в виду не людей.

Матвей встретил темный взгляд Горшина и содрогнулся.

МУР ПРОТИВ «СМЕРША»

Капитан Владислав Козлихин был уволен из армии в связи с численным сокращением внутренних войск министерства обороны, хотя в свои двадцать шесть лет зарекомендовал себя хорошим специалистом и знатоком воинских единоборств. Однако характер он имел далеко не ангельский, решения командиров часто оспаривал, и в конце концов уволен был одним из первых.

После увольнения он год поработал в муниципальной милиции по контракту, но и там не прижился и ушел в одно из частных детективных агентств, специализировавшихся на розыске пропавших малолетних детей.

«Наружка» Федеральной службы контрразведки, знаменитая «семерка» — то есть служба наружного наблюдения, работала с ним две недели, пока не получила доказательства участия Козлихина в двух акциях «Стопкрима». Пришли к нему сразу после проведения «чистилищем» операции по «захвату телецентра с целью незаконного выхода в эфир», проследив путь бывшего капитана до входа в телецентр.

Владислав Козлихин — метр восемьдесят восемь росту, метр плеч, сто шесть килограммов весу — сразу смекнул, что за «почтальон» принес ему телеграмму, однако переоценил свои силы: по его душу заявился не обычный милицейский патруль, не оперы угро и даже не спецназ внутренних войск — команда «Руслан» Управления «К» федеральной контрразведки. И несмотря на то, что Козлихин уложил троих «почтальонов», его взяли чисто, без огневого контакта, хотя и пришлось применить газовый баллончик.

Допрашивали Козлихина дважды, сначала в штаб-квартире «Руслана», затем на Лубянке, в офисе контрразведки. Бывший капитан ВВ, ставший частным детективом, молчал даже тогда, когда к нему применили спецмеры, используемые всеми подобными службами во всех странах мира. И тогда начальник Управления «К» генерал Бондарь, раздраженный отсутствием результатов, вызвал Козлихина к себе в кабинет.

Допрашивали «чистильщика», похудевшего за сутки на десять килограммов, двое: сам Бондарь и командир взвода его охраны. Через час они знали имена и фамилии напарников Козлихина по монаде, подчиненной спикеру по имени Максим. Больше Козлихин

ничего не сказал, он был рядовым исполнителем «Стопкрима». Подчиненные Бондаря потом шептались, что им был применен «глушак», но конкретно никто ни о чем осведомлен не был. Кроме начальника Управления «Т» генерала Ельшина: командир охраны Бондаря работал и на него.

Поиск названных Козлихиным людей начался сразу после допроса, но «чистильщик» не знал ни адреса их местожительства, ни номеров телефонов, ни мест официальной работы, поэтому немедленного эффекта ждать не приходилось. И все же контрразведчики спустя сутки вычислили напарников Козлихина, и две ДД-обоймы «Руслана» помчались по адресам за «чистильщиками», имея приказ брать их только живыми. Однако они не успели, квартиры оказались пустыми, а к двери одной из них был приколот листок знакомой плотной бумаги, украшенный золотым кинжальчиком, с отпечатанным текстом: «Ребята, не торопитесь исполнять приказы начальства. По сути, мы с вами — две стороны одного кинжала, направленного в сердце организованной преступности. Помните об этом, когда будете ловить наших людей — ваших братьев!»

— Черт! — сказал в сердцах командир ДД-группы, срывая с двери листок. — Мы опоздали на полчаса, чай на кухне еще теплый. Такое впечатление, что им помогает сам Сатана!

Он был не прав: Сатана перешел как раз на их сторону.

В девятом часу вечера Матвей закончил рекогносцировку местности вокруг общежития, в котором жил охранник премьера Александр Залупыйченко, побродил по рощице недалеко от Марьиных прудов и вернулся домой. В подъезде дома к нему вдруг кинулся какой-то человек, и Матвей инстинктивно встретил его прямым татэцуки, с трудом удержав удар в последние доли секунды: неизвестным оказался генерал «СМЕРШа» Дикой Валентин Анатольевич, обзавевшийся бородой и усами.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом Соболев выглянул во двор, осмотрел окрестности и подъезд, прислушиваясь к своим ощущениям, кивком позвал бывшего начальника за собой. Не сказав ни слова, они поднялись в квартиру Матвея, умылись один за другим и сели в гостиной пить чай, быстро приготовленный хозяином.

— Ты остался один, ганфайтер, — сказал генерал, похожий в своем одеянии на бомжа в подпитии. — Меня «ушли», Ивакин убит... И передать тебя в распоряжение нового начальства я не могу — опасно.

— Почему?

— Потому что тебя сразу ликвидируют. За тобой и так уже идет охота, судя по тем сведениям, что я имею.

— Не понимаю. Что за ажиотаж вокруг моей персоны? Кстати, генерала Медведя из ГУБО подловили гангстеры и тоже спрашивали обо мне. А вас за что «ушли»?

Дикой допил чай, повертел чашку в руке, глянул исподлобья.

— Мы не хотели тебе говорить... но ты бы и сам до всего дошел. Дело в том, что вместе с партией современного стрелкового оружия из «Арсенала» были похищены образцы суггесторов типа «Удав». Среди профи они известны под прозвищем «глушаки». Кроме того в этой же партии был и «болевик», то есть генератор пси-наводок в нервных окончаниях, вызывающих дикие боли. Именно он скорее всего был опробован на Борисе Ивановиче.

Матвей молча глядел на Дикого. Тот болезненно усмехнулся.

— Такие вот пироги, ганфайтер. Оборонка давно работает над психотронным оружием, еще с конца шестидесятых годов. Эксперименты по глубокому психическому кодированию проводились как в индивидуальном порядке, так и массово. Может быть, слышал что-нибудь о деятельности так называемого «Белого братства»? Так вот, эксперименты с членами этой секты велись под ведомством военных, и результат был страшен и впечатляющ.

— Кажется, когда-то в юности я читал об этом.

— «Удав» — это аппарат, подавляющий волю перципиента и позволяющий внушить ему любую мысль, направить на любое действие вплоть до самоубийства. Ну, а «болевик»... тут все ясно.

— Это действительно... страшно, — подумав, сказал Матвей. — Но никаких «Удавов» и «болевиков» я на складе «Щита» не видел.

— Суггестор по форме ничем не отличается от пистолета «Волк», его специально делали похожим на пистолет, для камуфляжа. А «болевик» похож на переносную рацию.

Дикой поморщился, встал, открыл дверцу бара и налил себе водки прямо в чашку. Выпил, закусил шоколадом и жареным арахисом.

— Поэтому убили Ивакина... убрали меня с определением «несоответствие служебному положению», инкриминировав убийство и «дискредитацию спецорганов». Собственно, Ивакина убили за то, что он подошел вплотную к разгадке этого дела: кто и з а ч е м украл суггесторы и генераторы боли. Впрочем, кто — было известно с самого начала, боевики Купола, а вот зачем...

— Продать?

— Наверное, и продать тоже, но не это главное. Суггесторы нужны самим гангстерам — для создания своей армии, в нужную минуту готовую на все, и для обработки умов, причем массовой.

— Армия зомби?

— Нечто в этом роде. Так что уходи в подполье, капитан, ляг на дно, затаись, ты слишком многое узнал.

Матвей покачал головой. Он уже догадывался, что неспроста его вычислили с удивительной точностью и быстротой, поэтому известие Дикого не ошеломило, наоборот — заставило мозг работать быстрее и четче. Правда, возникли и кое-какие вопросы. Первый: почему Горшин сразу не сказал ему о похищении суггесторов и генераторов боли? Не знал сам? Берег новость для эффекта? И, наконец, кто этот сверхинформированный и сверхмогущественный властитель, которому под силу организовать кражу сверхсекретного оружия, убрать с дороги конкурентов и заставить уйти в отставку генерала военной контрразведки?

— Минуту, — вспомнил он. — Валентин Анатольевич, вы говорили о какой-то «дискредитации спецорганов». О чем речь?

Дикой рассыпал орехи, начал было собирать, но махнул рукой:

— Прошу прощения, Матвей Фомич. Речь шла о том, что наша проверка резиденции Шмеля ничего не дала. Я послал туда опергруппу и... ничего. Оружия обнаружить не удалось. Ваш маячок нашли, микромагнитофон тоже, но записал он только шум шагов и скрип ящиков.

— Успели перебазироваться.

— Точно так, капитан. Теперь я хочу сообщить тебе личное мнение о некоторых людях высокого полета. Министр обороны — страшный человек! Его берегись в первую очередь, ни в коем случае не вздумай просить помощи или искать у него правосудия. Директор ФСК Панов не работает на Купол, верить ему можно, к тому же он ставленник президента, а не правительства или Думы. А вот начальник Управления «Т» генерал Ельшин... это человек жуткий! Похуже, наверное, Галкина. Мало кто знает, как он выплыл в Федеральную контрразведку и стал фигурой. Он может все! Если он и не в Куполе, то вполне способен сотрудничать с ним. Начальника ГУБО я знаю плохо, но по отзывам он мужик достойный, разве что сфера влияния его не столь велика, как хотелось бы. Зинченко можешь верить, он мой друг и даже одноклассник. А вот что касается министерства внутренних дел, прокуратуры...

— Догадываюсь.

— Эти организации коррумпированы сверху донизу. Встречаются, конечно, и среди них честные и умные работники...

— В МУРе?

— В том числе. Сам начальник МУРа — серединка на половинку, а вот начальник ОРБ полковник Синельников — голова! Умен, прям, не уличен, не замешан, не привлекался... ну и так далее. Правда, он тоже работает по приказу, и если начнет копать... Короче, берегись всех.

Дикой встал, покачнулся, с виноватой улыбкой развел руками.

— Извини, если что. Приходится действовать таким вот обра-

зом. Хорошо хоть жену успел отослать к родственникам в Украину. Эх, если бы ты добрался до Купола! — с тоской сказал он вдруг. — Или хотя бы до убийц Бориса Ивановича.

— Доберусь, — твердо пообещал Матвей. — Уезжайте из Москвы, вы рискуете больше. — Проводил генерала до порога.

— Ты тоже съезжай отсюда, — обернулся тот, протягивая руку, достал мятый листок газеты. — Вот адрес, это квартира по варианту «дельта», о ней знаю только я один. Переезжай. И вот еще что: не связывайся с «чистилищем». С ним не все чисто...

— В каком смысле?

— В физическом. В оккультном, если хочешь. Не может такая мощная разветвленная организация работать без проколов так долго, это противоестественно. Кто-то ей помогает... не Бог, так дьявол. Удачи «Стопкрима» невозможно списать на хорошую организацию его работы, это вывод наших экспертов. И помогает им н е ч е л о в е к! Ты такую литературу читаешь? Поинтересуйся, вдруг тебе это поможет. Ни пуха...

— К черту!

Дикой ушел. Простучали шаги по лестнице, стихли. Матвей вернулся в гостиную, сел в кресло и стал изучать свое отражение в стекле гарнитура.

Кристина ждала его в десять утра у кинотеатра «Россия» с билетами на новый отечественный фильм.

Матвей опоздал, и народу у кинотеатра уже почти не было. У афиши веселилась стайка девушек, какая-то пожилая пара терпеливо ждала неизвестно чего, два парня беседовали с милиционером да какой-то старик брел по виадуку над улицей, служащему входом в кинотеатр.

— Извини, — выдохнул Матвей, возникнув внезапно за спиной девушки, так что она вздрогнула и ойкнула. — Дела задержали.

— А я билеты в кино достала, думала — сходим. Сказка с участием Янковского и Абдулова.

— В другой раз. Сейчас мы поедем завтракать и я тебе кое-что расскажу.

— А билеты? Жалко выбрасывать.

— По-моему, вон те двое ждут лишние билетики.

— Эй, шеф, — окликнул Матвея один из парней, беседовавших с милиционером, подошел с сигаретой в зубах. — Билеты, что ль, продаешь?

— Да вроде того.

— Давай, я возьму. Почем?

Кристина протянула билеты.

— Я брала по две тысячи.

Парень забрал билеты, хмыкнул и отошел. Кристина и Матвей переглянулись.

— А деньги? — окликнул парня Матвей.

— Какие деньги? — оглянулся парень, одетый в зеленую футболку и сиреневые штаны. — Слышь, начальник, он что-то говорит о деньгах. Не спекулянт ли?

Матвей сказал Кристине: «Подожди, я сейчас», — подошел к троице.

— Сержант, этот юноша на ваших глазах взял наши билеты, а деньги не отдал. Нехорошо как-то, а?

Милиционер лениво глянул на парня.

— Паша, ты что, билеты взял?

— Да о чем ты говоришь? В глаза не видел. — Парень затянулся и выдохнул дым в лицо Матвею. — Да он, кажись, нетрезвый. Чуешь, попахивает? Может, отведем в отделение?

Матвей понял, что нарвался на элементарный наглый гоп-стоп. В другое время он просто повернулся бы и ушел, но во-первых, он был с Кристиной, во-вторых, плохо спал ночью после разговора с Диким, а в-третьих, не терпел хамов ни в каком обличье.

— Иди, иди, — миролюбиво процедил милиционер, оглядывая Матвея, — баба ждет.

Матвей придвинулся к троице вплотную, неуловимым движением выхватил у гопстопника сигарету и всунул ему же в рот горящим концом, перехватил руку сержанта так, что локоть уперся тому в горло, не давая двинуться, а коленом ткнул третьего собеседника в солнечное сплетение. Сказал, улыбаясь:

— Я вас сейчас по асфальту размажу, гаденыши! Билеты, быстро!

Парень, вскрикнув от боли, выплюнул сигарету, замахнулся было и осел, позеленев. Удара не заметил ни он, ни товарищи. Сержант тоже попытался дернуться, но чуть не заорал от боли в горле. Матвей вытащил у него пистолет из кобуры, вынул обойму, опустил в карман, проверил ствол и вернул пистолет. Затем нашарил билеты в кармане у парня, помахал ими всем троим:

— Чао, подонки. Не советую возникать, не то небо с овчинку покажется.

Матвей подошел к мужчине и женщине, стоявшим у входа в кинотеатр, спросил:

— Вам билеты случайно не нужны?

— Нужны, два, — обрадовалась женщина.

— Берите. — Матвей отдал билеты. — Приятных минут.

— Подождите, возьмите деньги.

— Не надо, мы из общества по охране кинозрителей.

Кристина, которая слышала разговор, рассмеялась и чмокнула Матвея в щеку.

— Ты великолепен. — Оглянулась на троицу, медленно приходящую в себя. — А что ты с ними сделал?

— Ничего, — мельком глянул на парней Соболев, — вежливо попросил устроиться на другую работу. Не знаю, что на меня накатило. Обычно я с дураками не связываюсь.

— Правильно делаешь. Помнишь у Азимова? «Против глупости сами боги бороться бессильны».

— Азимов не автор этой пословицы. — Матвей повел Кристину к машине. — Будущий филолог, а классики не знаешь.

— Зато я знаю, что природа никогда не ошибается: если она порождает дурака, значит, она этого хочет.

— А это сказал англичанин.

— Кто именно?

— Генри Шоу.

Кристина остановилась и на глазах прохожих еще раз поцеловала Матвея.

Они позавтракали в кафе «Грезы» на Тверской, и Матвей повез девушку к себе домой. Там он приготовил кофе, усадил ее в «фирменное» кресло и подал блюдо с орехами.

— Празднуем мой переезд, сегодня я переезжаю на другую квартиру, более спокойную.

— А разве здесь тебе плохо?

— Нет, но... слишком многие интересуются, кто тут живет. Кстати, Жорж не обижает больше?

Кристина внимательно поглядела на хозяина.

— Не обижает, за три километра обходит. Соболев, где ты работаешь? Только не говори, что учительствуешь, учителя не ведут себя так...

— Нагло?

— Уверенно. Я же вижу, как ты обращаешься со всеми, вон даже милиция тебя боится. Конечно, я догадываюсь...

У Матвея екнуло сердце.

— Неужели?

— В милиции? Какой-нибудь тайный омоновец? Или еще выше — в контрразведке?

Матвей засмеялся.

— Тайный омоновец — это звучит гордо!

— А что, я не права?

Матвей погасил улыбку, подсел к девушке.

— Крис, ты только не обижайся... ладно? Ты номер моего телефона никому не говорила?

— Конечно, нет. Ты же предупреждал.

— А может, случайно... но нет, так нет, молодец. Давай договоримся, что... — Матвей заторопился, видя, что Кристина закусила губу и готова обидеться. — Я уже о другом. Во-первых,

филолог я только по образованию и никогда не работал по специальности. Во-вторых, на данный момент я только что освободился из мест заключения... по причинам, которые тебе знать не обязательно. Тебе все ясно? Если вдруг кто-нибудь начнет тебя спрашивать...

— Я поняла. — Глаза Кристины потемнели. — Значит, я не слишком далека от истины. И переезжаешь ты потому, что тебе грозит опасность, да?

Теперь уже Матвей посмотрел на девушку более внимательно.

— Однако, ты меня пугаешь. Не экстрасенс, часом?

Кристина поставила чашку с кофе, молча притянула Матвея к себе, оставаясь сидеть.

— Знаешь, я сама себе не верю — думаю о тебе даже во время экзаменов. К слову, я все посдавала и могу ехать домой хоть завтра.

— Так езжай.

— А ты останешься? Может быть, поедем вместе? Поживешь у нас дома, потом поедем к тетке на юг, она живет в Коктебеле.

— А как ты меня представишь своим родителям?

— Мужем, конечно.

— А говорила — не собираешься замуж.

— Так я и не собираюсь, но ведь родители не должны волноваться, они у меня хорошие.

Матвей мягко высвободился из объятий Кристины, отнес посуду на кухню, крикнул оттуда:

— Ты же собиралась участвовать в конкурсе красоты и заниматься шейпингом.

Кристина появилась в дверях кухни, стала в позу манекенщицы, так что под натянувшейся блузкой рельефно проступила грудь.

— Я и так выгляжу неплохо, сеньор секретный агент. Что вы имеете сказать?

— Слова, сеньора будущая филоложка, стоят мало. — Матвей подхватил ее на руки. — Но я все же замечу: с твоими данными ты могла бы сделать карьеру в спорте, в художественной гимнастике, например, в волейболе. — Опустил он ее только в спальне. — Существует интересная статистика: в спорте побеждают не только самые сильные, быстрые и ловкие, но и самые красивые.

— Льстец, — прошептала Кристина горячими пунцовыми губами. — Я не эталон красоты, и у меня очень много недостатков.

— Люди, не имеющие недостатков, имеют очень мало достоинств.

— Афоризм твой?

— Линкольна. — Матвей наклонился к девушке, целуя ее в шею, и в этот миг почувствовал укол тревоги — такой острый, что

воспринимался не только на чувственном уровне, но и на физиологическом. Впечатление создавалось такое, будто из грозовой тучи сорвалась молния, вонзилась в голову, и вся нервная система мгновенно вспыхнула, окуталась «шубой» невидимого свечения, озарила все вокруг. Матвей вдруг увидел окружавшие его вещи как бы изнутри и снаружи со всеми подробностями, во взаимодействии. Он не все понял — не привык воспринимать п е р е с е ч е н и е событий и предметов во времени и пространстве, но главное ухватил. Замер, отстранив Кристину.

— Ты что? — отреагировала она, почувствовав его тревогу, но не делая удивленного лица. Матвей мимолетно подумал, насколько ему повезло с этой девочкой, жестом показал ей на стул у кровати, а сам бесшумно скрылся за дверью кабинета с компьютерным комплексом. Он успел спрятать пистолет и документы в тайник — секцию батареи, стер программу выхода в компьютерные сети спецслужб, уничтожил все дискеты с информацией и кодами, когда в дверь позвонили.

Надо было сделать это раньше, мелькнула трезвая мысль. Дикой предупреждал не зря. А теперь выпутаться бы с минимальными потерями... и уберечь Кристину от последствий. Надо было везти ее домой, кретину!

Он перевел девушку в кабинет, усадил слева от окна, за гардиной так, чтобы ее не было видно из двери, посоветовал сидеть тихо и не реагировать, что бы ни происходило в соседней комнате.

— Сегодня же уезжай домой, поняла? Я тебя найду. И ничего не бойся.

Кристина молча поцеловала Матвея, сомнение в ее глазах не исчезло, но касалось это ситуации, а не самого Матвея. Она верила ему абсолютно, потому что не стала спрашивать, законна ли его деятельность или нет, работает ли он на мафию или на иностранную разведку.

Господи, убереги ее от злого взгляда! — подумал Матвей, открывая входную дверь.

В квартиру ворвались молодцы в пятнистых комбинезонах, бронежилетах и крапчатых беретах — ОМОН министерства внутренних дел. Шестеро с автоматами бросились по комнатам, трое навели оружие на Соболева, еще один быстро обыскал его, отступил в сторону. Остальная половина отделения расположилась на лестничной площадке, во дворе дома и под окнами квартиры. Дело свое ОМОН знал.

И все-таки Матвей мог бы отбиться и уйти, несмотря на численный перевес противника и его вооружение, но тогда пришлось бы работать на поражение, то есть выводить противника из строя наверняка, не щадя его, а этого Матвей как раз и не хотел. Эти ребята ни в чем не были виноваты.

Его поставили к стене, заставили сцепить руки на затылке и повернули лицом к двери.

Раздвинув подчиненных, в гостиную вошел командир подразделения с тремя звездочками старшего лейтенанта на рукавах и на берете, среднего роста, но подтянутый и энергичный, с гладким загорелым лицом, на котором слегка выделялся нос; на эту деталь природа не поскупилась.

— Проходите, будьте как дома, — радушно повел рукой Матвей, одновременно наблюдая, как реагируют на его жест омоновцы; аж никак, уверены в превосходстве, это хорошо. Лишь бы не нашли вход в кабинет, да Кристина не вздумала бы помогать.

Старший лейтенант улыбнулся, потрогав нос; это у него был, похоже, фамильный жест.

— Соболев Матвей Фомич, вы обвиняетесь в нарушении закона о поселении и прописке в этой квартире и незаконном владении оружием. Вот постановление о вашем аресте, подписанное прокурором Шаховым, ознакомьтесь.

Матвей прочитал постановление, пожал плечами.

— Это какое-то недоразумение. Квартира принадлежит моему другу, отбывающему сейчас наказание в колонии, он дал мне ключи. А оружие я сроду не носил, боюсь: оно ведь стреляет.

— Разберемся. Обыщите здесь все, орлы. Идемте, Соболев.

— Если разрешите, после обыска. Очень, знаете ли, не хочется отвечать перед другом за пропажу вещей.

— Вот козел! — яростно сверкнул глазами один из омоновцев. — Серж, дай я ему двину по морде. Скажем, сопротивлялся. Блатняк, только что вышел, а строит интеллигента.

— Ты что же оскорбляешь ребят? — нахмурился командир. — Мы при исполнении.

— Так ведь не первый раз замужем, — хмыкнул Матвей. — Не люблю оставаться в долгу не по своей вине.

— Вот козел! — снова взорвался омоновец.

— Ты что, специально нарываешься? — удивился старлей. — Нам ведь приказано доставить, а ты и в самом деле сопротивлялся. Я правильно изъясняюсь?

— Только не делай умное лицо, — простодушно сказал Матвей, краем глаза наблюдая за «орлами», обратившими внимание на книжный шкаф, — ты же офицер.

Старший лейтенант дураком не был и отреагировал, как надо: его удар — локоть вверх, с разворотом корпуса, классический хирамэки, что переводится как «искра, вспышка», — едва не застал Матвея врасплох. Уходить пришлось назад, с прыжком, что выглядело, как отлет от удара, чего, собственно, Матвей и добивался. Он грохнулся головой в шкаф, посыпались стекла, и это отвлекло от обыска тех, кто разглядывал книжные полки, маскирующие вход в кабинет.

— Я предупреждал, — равнодушно глянул на лежащего Матвея командир отделения. — Не провоцируй. Берите его, орлы, и пошли. Что-нибудь нашли?

— Ничего, — ответили голоса. — Оружия никакого нет.

— Значит, успел перепрятать. У него тут прямо рай, надо же.

Матвея вывели во двор, держа за руки, а он напряженно ждал криков и шума, которые означали бы, что омоновцам удалось открыть кабинет. Но все было тихо. И когда во двор спустились последние бойцы отряда, Матвей начал схватку, отлично понимая, что в СИЗО у него может не появиться шансов выйти на свободу и доделать начатое.

ОМОН приехал на двух машинах: в двадцатиместном микроавтобусе «Тойота» и в джипе «Чероки». Посчитав, что все уже позади, бойцы стягивались к микроавтобусу, похожему на зализанный уазик, а двое «беретов» подтолкнули Соболева к джипу, в кабине которого умещалось пять человек. Командир подразделения ехал в нем.

Освободился Матвей от захвата легко: никто не ожидал, что он начнет сопротивляться в безнадежной ситуации, да и сихо-нагэ* — прием, с которого он начал схватку, — не имел противоядия. Пока омоновцы, оторопев, летели в разные стороны, Матвей достал шедшего впереди левым ёко-гэри** и прыгнул к джипу.

Старший лейтенант не зря носил свои командирские знаки отличия и явно имел навыки русбоя, но ему не хватило скорости и опыта, каким обладал Матвей. Удар, которым он уложил командира омоновцев, назывался в кэмпо хиути***, а в русбое «колун снизу»: старший лейтенант грохнулся на капот джипа и свалился с другой стороны, чтобы очнуться только через две минуты.

— Что?.. куда?.. где он?!

— Ушел. Выбросил водителя и ушел, — ответил старшина, поддерживающий командира под голову. — Ребята догонят, не волнуйся.

— Вряд ли. — Старший лейтенант потрогал распухшую челюсть, скривился от боли. — Это профессионал, Саша, и я таких еще не встречал. Он же нас сделал, как пацанов! Рацию по команде, вызови полковника, пусть объявляет поиск.

— А сам-то что ж?

— Челюсть болит, говорить не могу. Этот сукин сын бьет, как кувалдой.

Поддерживая друг друга, они пошли со двора, не видя, как из окна, сквозь щель в занавеске, смотрит на них пораженная случившимся Кристина.

---

* Сихо-нагэ — бросок на четыре стороны.

** Ёко-гэри — удар ногой.

*** Хиути — высекание огня.

MEMENTO MORI*

Георгий Георгиевич на этот раз прибыл в катран под усиленной охраной. Впрочем, как и остальные боссы Купола. Что развеселило Летчика и заставило призадуматься самого Георгия Георгиевича.

— Поздравляю, — сказал он, блеснув насмешливыми глазами. — Кажется, «чистилище» заставило-таки нас уважать себя.

— «Стопкрим» действует слишком впечатляюще, — буркнул Мэр, — чтобы игнорировать его угрозы. Надеюсь, все вы слышали об их выходе в эфир. Удалось вычислить хотя бы одного исполнителя?

— Удалось, — кивнул Георгий Георгиевич. — Мы взяли некоего Козлихина и отрабатываем другие кандидатуры.

— А не удастся ли «чистильщикам» освободить своего сотрудника, как это было с Аристовой?

— Было бы просто здорово, если бы они пошли на это, мы приготовили им хороший сюрприз, но уверен — они не станут рисковать. Надо быть полным идиотом, чтобы... — Георгий Георгиевич жестом отослал телохранителей. Боссы Купола остались впятером.

— Могу сообщить две приятные новости, прежде чем мы начнем игру, — продолжал глава Купола. — Директор ФСК с моей подачи подписал секретный приказ уничтожать агентов «чистилища» без суда и следствия.

— Террор на террор? — скептически заметил Шериф. — Такое уже было в нашей истории.

— Ничего, иногда полезно использовать старые методы. Думаю, это заставит комиссаров «Стопкрима» пойти на компромисс. В крайнем случае поделим сферы влияния. Вторая новость: мне удалось склонить к сотрудничеству Бегемота и Кавалериста. Отныне мы объединяем силы для крупных операций, прикрывая друг друга, и открываем единое информационное пространство.

Среди директоров Купола возникло оживление. Все знали, кто такие Бегемот и Кавалерист — премьер и министр обороны. Чувства, овладевшие всеми, скрипучим голосом выразил Банкир:

— Надеюсь, командовать парадом будем мы?

— О, да! — сказал Георгий Георгиевич так, что остальных пробрала дрожь. — Власть, я имею в виду н а с т о я щ у ю, — единственное, ради чего стоит жить, не так ли? И только мы, элита общества, обладаем н а с т о я щ е й властью, находясь в тени. Итак, начнем игру, отцы?

— Один вопрос, — подал голос Летчик, распечатывая колоду карт. — Куда делась партия оружия, изъятого нами из «Арсенала»? В том числе знаменитые «Удавы»?

---

* Помни о смерти *(лат.)*.

Георгий Георгиевич подавил вспышку ярости, улыбнулся с притворным добродушием.

— Оно перевезено на запасную базу. Возникли некоторые осложнения.

— Так это правда, что «СМЕРШ» вышел на след похищенного оружия.

— К сожалению, правда. Однако прошу заметить: те, кто работал по этому делу в «СМЕРШе», нейтрализованы.

— Кроме того волкодава-перехватчика, ганфайтера, который и нащупал, где прячется оружие.

Георгий Георгиевич внимательно посмотрел на Летчика, с виду жизнерадостного спортсмена, но занимавшего достаточно высокое положение в генштабе МО.

— Вы очень хорошо информированы, Александр Александрович. Впрочем, неудивительно, «СМЕРШ» — ваша епархия. Не беспокойтесь, этот человек — всего лишь рядовой исполнитель, его найти и убрать легче, чем комиссаров «чистилища». В скором времени мы выйдем на него, и я представлю вам его голову. Хочу сообщить вам еще одну добрую весть: с нами согласился сотрудничать... некто очень и очень могущественный, для кого порешать наши проблемы — что дать нищему милостыню.

— Президент, что ли? — проворчал Мэр. — Или господь Бог?

Георгий Георгиевич не обиделся на шутку.

— Да, — сказал он спокойно, — нечто в этом роде.

По улице прозвенел трамвай и снова стало тихо. Район, где располагалось общежитие, в котором обретался Шурик Залупыйченко, не отличался от других количеством ресторанов, кафе и магазинов, и, как все, пустел к заходу солнца. Привыкшие к усилению криминогенной обстановки по вечерам жители спешили пораньше закончить свои дела и укрыться за стенами квартир, увы, тоже не спасавшими от грабежей и насилия.

Проехала патрульная машина с мигалкой, за ней кавалькада мотоциклистов, и снова тишина. Лишь издали, от ресторана «Макдональдс» доносилась музыка, нестройное пение и крики: гуляли «крутые».

Матвей вспомнил, как вчера вечером, примерно в такое же время он возвращался домой, страхуясь от возможной засады. Он чувствовал, что квартира под наблюдением, однако наблюдателей не обнаружил. Это обстоятельство и позволило ему рискнуть: брать его не хотели, только пытались проследить, куда он пойдет.

Кристине удалось каким-то образом выбраться из квартиры, и дверь была заперта. Матвей надеялся на записку, но и ее не оказалось. Оставалось надеяться, что Кристина выполнит его пожелание и уедет домой, к родителям.

На сборы Матвею потребовалось две минуты, а ушел он, не выключая света, через крышу, давно спланировав путь отступления в случае прямой угрозы захвата. Те, кто надеялся выйти через него на связных «чистилища», не учли подготовки ганфайтера, и хотя на крыше дома сидел человек с аппаратурой подслушивания и ночного видения, Матвей ушел.

В гараже Ильи он оставил свою «Таврию», написав записку Муромцу, чтобы тот перекрасил машину и сменил номерные знаки, — Илья уже вышел из больницы, — а сам забрал его серую «семерку». Дорожной службы он не боялся, с гаишниками всегда можно было договориться...

Проехал еще один трамвай. Матвей вышел из машины и неторопливо направился вдоль здания к небольшому стадиончику, напротив которого стояло общежитие «малосемейного» типа, принадлежащее Останкинской префектуре. Одет он был в серый костюм с галстуком и летние туфли, а бровные накладки, искусственные скулы и усы, а также прическа «а ля агент ЦРУ», надежно изменили его лицо.

Вахтеру Матвей показал удостоверение майора милиции, спросил, как найти коменданта, который жил здесь же, и поднялся на четвертый этаж. В однокомнатной квартире под номером 44 обитал Александр Гаврилович Залупыйченко, официально — работник ведомственной охраны часового завода, а неофициально — охранник сразу двух высших ведомств: Купола и правительства.

В квартире играла музыка, звучали чьи-то голоса, и Матвей с неудовольствием подумал, что лишние свидетели нежелательны. Однако с другой стороны иного подхода к боссам Купола снизу не существовало. Он позвонил, еще раз и еще. Музыка стихла.

— Чего надо? — раздался за дверью хриплый голос.

Оценив толщину двери, Матвей вогнал себя в состояние ки-аи* и в прыжке распахнул дверь, выбив замок и сорвав цепочку. Шурик Залупыйченко — почти двухметрового роста детина с покатыми плечами, широколицый, волосатый, голый до пояса, получил удар дверью в лоб и отлетел в глубь прихожей.

— Кого там несет, Саш? — прозвучал из глубины комнаты, скрытой стенкой коридорчика, ленивый женский голос. — Ты что свалил?

Залупыйченко упруго вскочил — выгибом вперед, как гимнаст, и без лишних слов бросился в атаку: правый кулак в лицо вошедшему, левый в печень, поворот на девяносто градусов и удар ногой. На повороте Матвей его и перехватил, удачно попав большим пальцем в чжанмэн — так называемую свободную точку одиннадцатого ребра. Добавив короткий йокомен-учи** в шею, Матвей отправил хо-

---

* Ки-аи — концентрация сил в момент выполнения приема.

** Йокомен-учи — удар сбоку ребром ладони.

зяина в глубокий нокаут и прошел в комнату. Навстречу ему с громадной кровати, занимавшей полкомнаты, встала голая девица с великолепно развитыми мышцами. Матвей вспомнил ее сразу — одна из воительниц Белого-Шмеля, встретивших Соболева в офисе батальона «Щит», и она же — секретарша Белого-Дадоева, брюнетка, приходившая с проверкой к Матвею домой.

Он чуть было не ляпнул: «Мир тесен, мадам», — но вовремя придержал язык.

— Саш, кто это? — позвала девушка, неторопливо закутываясь в простыню.

— Шурик отдыхает, — любезно отозвался Матвей, бегло оглядывая «конуру» Залупыйченко.

Комната выглядела неприлично голой, несмотря на кровать, одинокую тумбочку с водкой и закусками, громадный телевизор «Панасоник» с видеоплейером той же марки и на стене метровой длины календарь с обнаженной красоткой. Ни платяного, ни книжного шкафов, ни серванта в комнате не было. Зато на одном из двух стульев обнаружилась наплечная кобура с торчащей рукоятью пистолета — все тот же «Волк-2» — и метательный нож, напоминающий японский кинжал дзюттэ.

Девица, быстро сообразив, что гость объявился какой-то не такой, кошкой метнулась к стулу и наткнулась на бедро Матвея, успевшего прыгнуть чуть раньше. Перелетев через бедро, она мгновенно сгруппировалась и атаковала пришельца по всем правилам школы сётокон-рю. Матвей вынужден был принять бой с этой разъяренной молодой тигрицей, натасканной на уничтожение любого препятствия в лице мужчины не хуже мастеров кэмпо.

Получив чувствительный маэ-гэри*, Матвей поймал брюнетку в начале атаки — положение какари — и без особого сожаления нокаутировал ее ударом стопы в нижнюю часть грудной кости. Подумал: с таким телом тебе бы заняться лучше бодибилдингом, сеньора, стала бы чемпионкой. После этого он разрядил пистолет, забрал кинжал и вернулся в прихожую. Шурик Залупыйченко уже пришел в себя и мычал, пытаясь встать и понять, что случилось. Однако мутные глазки Шурика быстро прояснились, когда Матвей брызнул на него водой и усадил у стены на груду свалившейся с вешалки одежды.

— Слушай меня внимательно, Сашок, — сказал Матвей с холодным равнодушием. — Ты лично меня не интересуешь, а вот твой хозяин — настоящий хозяин — даже очень. Сейчас ты скажешь мне его имя, назовешь начальника смены телохрана и его адрес, и мы разойдемся, как в море корабли.

— Гни-да! — выдохнул Залупыйченко в два приема. — За-давлю!

---

* Маэ-гэри — удар ногой вперед.

Матвей перехватил удар снизу и сочно врезал ладонью по скуле Шурика. Сказал с той же холодной невозмутимостью:

— Сиди тихо, Сашок. Вопрос слышал? Повторить?

— Я т-тебя... из-под земли...

Матвей ударил сидящего еще раз.

Существовал целый класс ударов, не наносящих травм и синяков, но очень болезненных и надолго запоминающихся. Особенно хорошо их знали и применяли мастера заплечных дел и палачи Китая и Японии, опиравшиеся на двухтысячелетний опыт Востока по использованию пыток. Матвей тоже знал эти приемы.

Залупыйченко заревел от боли, как бык, с изумлением и страхом глядя на незнакомца.

— Иди ты!.. — неуверенно начал он, пытаясь подняться.

Матвей со вздохом ударил снова.

Шурик сдался через полминуты. Всхлипывая и постанывая, он назвал имя босса, которого охранял, оговорившись сначала, что это Банкир. Кличка Матвея не интересовала, но он ее запомнил, как и сведения о командире отделения личной охраны Банкира.

— Адью, — Матвей похлопал Залупыйченко по щеке, — живи, хиляк. Спасибо за сведения. Не советую кому-нибудь рассказывать о нашей встрече, и подругу свою боевую предупреди. И прими совет: уходи из этой команды. «Чистилище» дважды не предупреждает своих клиентов. Понял?

— Уйди... с-своло... — прохрипел Шурик.

Матвей засмеялся и аккуратно закрыл дверь за собой. Через десять минут он сидел в машине. Снял камуфляж, переоделся. Проговорил сквозь зубы:

— Геращинский Евгений Яковлевич... Банкир, значит. Ну, Банкир, погоди!

Синельников вернулся от начальника МУРа в мрачном расположении духа. Вызвал начальника службы обеспечения и кругами пошел по кабинету, посасывая мятную лепешку вместо сигареты; габариты и вес его во многом объяснялись тем, что год назад он бросил курить.

Полковник Музыка Глеб Максимович, флегматичный и немногословный, как всегда, появился не один — с молодым человеком приятной наружности, в котором Синельников с удивлением узнал Николая Зинченко, заместителя начальника ГУБО.

— Какими судьбами? — поинтересовался он, пожимая сухую и твердую руку Зинченко. — ГУБО перешло на ловлю уголовников?

— Мать-судьба у нас одна, — сдержанно улыбнулся Зинченко. — Вернее, злая мачеха — война с преступниками, хотя ловим мы, ко-

нечно, не один и тот же контингент. Ваше начальство еще не доводило до вас новость?

— Новостями оно радует ежечасно. О чем речь?

— О чистке органов. Кабинет министров готовит указ о регулировании численности спецслужб и увольнении всех несоответствующих своей должности. Для чего создаются соответствующие комиссии.

— Плодим чиновников... Нет, этого я еще не знал. Зато получил приказ выйти на «чистилище» за три-четыре дня. «Фискалы» вроде бы опередили нас в части розыска «чистильщиков» из числа уволенных, а мы топчемся на месте. В общем, кровь из носу, чтоб был результат!

— Обычная формула бусидо.

— Как?

— Бусидо — самурайский кодекс чести. Не изжили мы, выходит, понятия «честь мундира» в худшем его смысле, если для его соблюдения требуется «кровь из носу».

— Если бы только из носу. С чем прибыли, коллега?

— Предлагаю обмен информацией. Мы вышли на круг лиц, подозреваемых в контактах с «чистилищем».

— Надо же, какое совпадение: мы тоже имеем список подозреваемых. Хотя я и не верю в какой-то особенный успех. Все эти люди — рядовые исполнители и вряд ли знают кого-нибудь из руководства «Стопкрима», в крайнем случае непосредственного руководителя, а то и того меньше — только приятелей по группе. «Фискалы» начали работать с подобным контингентом раньше нас.

Зинченко кивнул.

— Знаю, они уже имеют результат: задержали некоего Козлихина, который дал показания.

— Что же он сообщил? — вяло поинтересовался Музыка.

— К нему применили «третью степень» с аппаратным воздействием на психику.

— «Глушак», что ли?

— Суггестор «Удав». И он сообщил о сотрудниках, с которыми контактировал в оперативной тройке.

— И все?

Зинченко помолчал, размышляя о чем-то, снова кивнул.

— Панов под давлением сверху подписал секретный приказ уничтожать «чистильщиков» без суда и следствия. Якобы как меру чрезвычайного положения.

— То есть «пленных не брать». — Глеб Максимович хмыкнул. — Круто! Как в военные времена. Только это ничего не даст.

— Такой же приказ издал и ваш начальник.

— Не может быть!

— Я только что слышал переговоры своего шефа с вашим Ива-

ном Кузьмичом. «Стопкрим», вероятно, наступил кое-кому на мозоль.

— Краснорыжину, кому еще. Впрочем, это не наше дело. Давайте обсудим, что имеем. Мое мнение: с «чистильщиками» воевать не стоит, с ними надо установить контакт и склонить к сотрудничеству на законных основаниях.

— Наш человек готовит для этого почву и уже внедрился в «чистилище».

— Вот как? Кто же это?

Заместитель начальника ГУБО приложил палец к губам.

— Коллеги, о дьявольщине ни слова! А если серьезно, вопрос ваш из разряда риторически-провокационных. Этот человек великолепный профессионал, работает один, имеет допуск ко всем спецсетям, способен на все и очень опасен. Очень! Я встречался с ним трижды, и у меня сложилось впечатление, что он видит меня насквозь и в любой момент может покрошить в капусту, хотя я могу за себя постоять.

Зинченко с легкой усмешкой передернул плечами.

— Такого лучше держать в друзьях, потому что враги его, как мне кажется, долго не живут.

— Я не знал, что у «губошле...» пардон, у вас есть агенты такого класса. — Глеб Максимович смотрел на Зинченко с тяжелым любопытством, и тот, поколебавшись, добавил:

— А он не наш, мы взяли его взаймы...

На новой квартире, расположенной недалеко от метро «Речной вокзал», стоял такой же компьютер, что и на старой, принадлежащей ВКР. Матвей был очень рад этому обстоятельству, потому что без анализа и предварительного расчета операций обходиться не привык.

Квартира была двухкомнатной, с большой прихожей, и обставлялась, наверное, еще в те времена, когда австрийские гарнитуры «Карл и корона» можно было заказать. Впрочем, Матвей мало внимания обращал на качество жилья, хотя ему и было приятно пожить в роскоши.

Первым делом он оценил расположение дома — с трех сторон жилые многоэтажки, с четвертой — стройка, лес и река. Оценил он и местоположение квартиры — угловая на пятом этаже. Дом строился из кирпича по индивидуальному проекту, и каждая квартира имела отдельный коридор, все они потом сходились звездой к лифту. Лоджии квартир не соединялись, но в случае нужды подготовленному человеку можно было без труда перепрыгнуть на соседнюю. Неизвестно, кто был последним жильцом этой секретной явочной квартиры, но надо отдать ему должное: содержал он ее в идеальном порядке.

После похода к Залупыйченко Матвей сутки не выходил из дома. Отдыхал, работал с компьютером, составлял план оперативных

мероприятий и выуживал по крохам информацию, проходящую по компьютерным сетям спецслужб. В конце концов он добился максимальной осведомленности для своего положения нелегала, выяснил немало любопытных фактов из жизни Банкира — Геращинского Евгения Яковлевича, вице-президента Центробанка, — а также начальника Управления «Т» Федеральной службы контрразведки генерала Ельшина Генриха Герхардовича, к которому имел не совсем определенный интерес. После чего решил действовать. Сведения, полученные от генерала Дикого, особенно о разработках психоделического оружия, требовали рискованных, но точно рассчитанных шагов. Мучили его только два вопроса: почему прекратились эзотерические сны и где Кристина. Успела ли она уехать?

Ради любопытства Матвей включил телевизор и тут же выключил: по всем каналам гнали кретиническую отечественную рекламу, от которой хотелось рыдать и смеяться одновременно. Решение наконец-то созрело окончательно: для дальнейшего успешного завершения задуманного требовалась встреча с Горшиным. Матвей переоделся в потертый серый пиджак и старые брюки, благо гардероб в новой квартире позволял менять одежду чуть ли не каждый день, надел парик, подгримировался и превратился в пожилого согбенного недугом пенсионера.

Лифтом он не пользовался, предпочитая спускаться и подниматься по лестницам, и, минуя третий этаж, стал свидетелем интересной сцены. Открылась дверь одной из квартир, из проема выпал голый мужик, толстый, красный, потный, за ним выскочила такая же голая грудастая девица с распущенными волосами, вся в синяках и царапинах, затем вылетела их одежда, разъяренный женский голос провизжал: «Чтоб ноги твоей больше не было, б... проклятый!» — и дверь захлопнулась.

Оторопевший было Матвей засмеялся, перекрестился — по всем приметам его ждала удача — и едва удержался от того, чтобы не помчаться вниз, перепрыгивая по три-четыре ступеньки.

Память у него была идеальная, и к дому Тараса Горшина он подъехал через час, практически ни разу не заплутав. Оставив машину у забора и, не глядя на часы определив время — десять двадцать пять, — он минут десять прогуливался по берегу недалекого пруда, поглядывая на воду. Кто-то следил за ним, лениво, добродушно, словно за букашкой, но в любой момент готовый пустить в ход клыки и когти, и Матвей кивнул сам себе, подытожив впечатления: Горшин, по всей видимости, был дома.

Так оно и оказалось.

— Проходи, — открыл дверь и посторонился Тарас, ни капли не удивляясь появлению Соболева, когда тот позвонил. — Чего так долго гулял вокруг?

Матвей вошел и остолбенел.

Он очутился в громадном ледяном гроте, сверкающем огнями, пронизанном радужными искрами и лучами света, искажающем и причудливо преломляющем очертания и отражения предметов. Вместо потолка над гротом распахивалась бездонная черная пропасть космоса, проколотая алмазными иглами звезд.

— Не стой на пороге, — прилетел издалека знакомый голос. Матвею показалось, что ожил и заговорил с ним сталагмит такой сложной формы, что рябило в глазах.

Он шагнул вперед, на зеркало льда, подсвеченное снизу, и оказался в прихожей Тараса, резко отличающейся от стандартных коридорчиков городских квартир. Сталагмит превратился в хозяина, глядящего на гостя с неопределенным интересом.

— Показалось что?

— Да как тебе сказать...

— Откровенно.

— Откровение — идея религии, а я воспитан иначе. Теперь ответь ты: что я видел?

Горшин протянул вперед руку, приглашая Матвея в гостиную.

— Ты видел мир скрытой реальности, причем — третьим глазом, он у тебя, похоже, открылся, с чем и поздравляю. Все-таки ты действительно не совсем обычный человек, паранорм. Человек вообще есть переходное звено от биологического к энергетическому уровню жизни, но ты стоишь чуть ближе к этому уровню. Зачем я тебе понадобился?

Матвей остановился посреди комнаты, с недоверием оглядывая стены, шкафы, мебель. Временами ему начинали мерещиться странные полупрозрачные тени и мерцания, создающие вокруг фон внечувственной, не поддающейся измерению, иной жизни. Но может быть, это были просто галлюцинации, рождаемые прямой мыслепередачей хозяина.

— Почему ты скрыл, что ребята из «Щита» похитили кроме обычного оружия еще и «глушаки» с «болевиками»?

Горшин подошел к стене, которая развернулась вдруг, как бутон розы, открыв черный проем, сунул туда руку и через плечо бросил Матвею пистолет «Волк-2» и автомат «Гном», выкраденные им со склада батальона «Щит». Затем вытащил второй пистолет, и Матвей понял, что это и есть суггестор «Удав», «глушак». Во время похищения ему было не до разглядывания оружия, и второй пистолет он брал на всякий случай, не догадываясь, что это такое.

— Я был уверен, что ты знаешь. Кстати, красивая машинка, да? Люблю все совершенное... А во-вторых, ты должен бы знать, что гипокризия* — такое же оружие в руках контрразведчика, как меч или пистолет.

---

* Гипокризия — лицемерие, двуличие, притворство.

Он спрятал «глушак» в ту же нишу, снял со стены дзин, односторонний японский меч, другой рукой бросил Матвею акинак — обоюдоострый кельтский меч.

— Раз уж ты пришел сюда, я скажу, кто я такой в этом мире.

Прыжок через стол (!) — поворот — удар! Матвей с трудом парировал удар, нырнул вниз, перекатился в угол, прыгнул на ноги, не касаясь пола руками, снова встретил очередной блеск смертельной стали. Клинки высекли искры, взметнулись вверх, прикрывая владельцев веером защитных взмахов.

— Кэндо мусоби, — сказал Тарас. — Неплохо. Но это не предел.

Новый выпад, каскад приемов, вращений и ложных ударов, всплеск на поражение, звон столкнувшихся клинков, отскок. На левом запястье Матвея появилась царапина.

— Айкидок, держи цуки-но-кокоро*. Русбой этому не учит?

— Учит, — почти беззвучно выдохнул Матвей, начиная атаку. Он никогда не считал себя большим специалистом по фехтованию, но отступать не хотелось.

Мечи встретились вверху, внизу, сбоку, спиралью очертили фигуры бойцов, встретились вновь. Горшин отступил с царапиной на предплечье, кивнул.

— Капоэйра**, стиль паука. Я тебя недооценил. И все же и это не предел.

Прыжок Тараса был так быстр, что он как бы размазался в воздухе, а клинок его меча и вовсе исчез из глаз. Матвей отступил, но было поздно — его меч, выбитый хитрым ударом в стиле богомола отлетел к двери.

Двое замерли друг против друга: меч Горшина был направлен в горло Матвея, но дуло пистолета «Волк-2» смотрело в лоб Тарасу.

— Хорошо, — хладнокровно сказал Горшин, спустя два удара сердца. — Почти ничья. — Отступив, он повесил мечи на место, кивнул на диван. — Садись.

Матвей сел, хмуро спрятал пистолет.

— Точнее, проиграл я. Но мечи — не мой стиль. Ты что-то начал говорить о...

— Продолжаю. Тебя все время волновал вопрос, почему я человек Круга, ввязался в опасные игры обычных людей. Отвечаю: причин несколько. Первая, хотя, пожалуй, не главная: я исповедую принцип абхадья*** лишь наполовину.

Матвей задумался.

— Если так, то тебя надо было здорово обидеть, чтобы ты встал на путь мести.

---

* Цуки-но-кокоро — дух, подобный луне (психологическое состояние в кэмпо).

** Капоэйра — бразильское кэмпо.

*** Абхадья — нежелание чужого добра и забвение обид.

Глаза Горшина стали не то что черными — провалились в бесконечное Ничто, затем отразили тоску и сверкнули ненавистью.

— Месть — дело тонкое... ты правильно догадался. Дело в том, что у меня убили жену, готовую родить сына.

Матвей пошевелил губами, хотел что-то сказать, и не смог, просто смотрел на Тараса и молчал. Наконец выдавил:

— Извини, я не знал... такая трагедия!..

Горшин глянул на него косо, усмехнулся, потом лицо его успокоилось, застыло, пряча за маской покоя бушующие в душе гнев и печаль.

— В Москве каждый день случается несколько таких трагедий. Вот почему я убежден, что «Стопкрим» должен работать и дальше, даже если я уйду.

— Куда?

Тарас проигнорировал вопрос.

— Вторая причина: в иерархии Круга я человек седьмого уровня Плана Духа, — кшатрий. Помнишь градации Успенского?

— Профессиональный воин.

— В общем, да, хотя ближе был бы, наверное, термин — эмиссар, разведчик.

Матвей недоверчиво покачал головой.

— Не мелко плаваете, эмиссар? Неужели Круг не может обойтись без земных понятий, а главное — событийных узлов?

— Так ведь я пытаюсь объяснить это не человеку Круга, а всего лишь личинке паранорма, взращенной человеческой цивилизацией.

— Спасибо.

— Не за что. Добавлю: в принципе наше пересечение — людей Круга и обычных людей — случайно. Просто на каком-то отрезке пути наши цели совпали, вот и все. Цели разойдутся, разойдемся и мы. Но если вы, люди, в том числе и ты, помочь мне не в силах, то я вам — могу, что и делаю. Все понял, ганфайтер?

Матвей не отвечал минуту, раскладывая по полочкам свои выводы и полученные факты. Ему показалось, что Горшин в чем-то неискренен, но понять — в чем именно, не удалось.

— Понял, кшатрий. За что убили твою жену? И кто?

— Не тереби душу. — Тарас снова потемнел. — Они вошли в роддом и... мою жену... семь женщин... всех!

— За что?!

— Они получили задание уничтожить женщину, готовую родить иерарха, будущего инфарха... Тот, кто давал задание, не хотел рисковать. А исполнители были обыкновенными гангстерами, подонками, заказными убийцами.

— Были?

Тарас покривил губы, но не ответил.

— Давай о другом. Зачем ты все-таки искал меня? Требуется совет, деньги, физическая помощь?

Матвей покачал головой, все еще находясь под впечатлением рассказа Горшина.

— Послать убийц мог только «монарх тьмы». И ты здесь, в конкретном месте, в столице, остановился для того, чтобы найти этого «монарха», так?

— Не стоит демонстрировать свою догадливость, тем более, что это в тебе говорит канал связи с менталом, полем общей информации Земли.

— А ты ее... любил?

Тарас горько рассмеялся, кивнул.

— Ты заговорил, как мальчик с романтическим воображением. Эмоции людей Круга полней и разнообразней, и любят они не так, как обычные люди, но я ее... Елинаву... любил!

— Лучшее лекарство от любви — другая любовь.

Горшин отвернулся.

— Может быть. Но, видно, это произойдет не скоро, ибо та женщина, которую я полюблю, еще не родилась. — Он сделал сердитое лицо. — Хватит, капитан. Я и так сказал слишком много. И времени у меня — в обрез.

— Нужен совет, — признался наконец Матвей. — Похоже, я вышел на одного из боссов Купола.

— Банкир, Летчик, Мэр?

— Банкир. — Матвей едва пришел в себя от шока. — Ты знаешь?!

— Я много чего знаю.

— И ничего не делаешь, чтобы ликвидировать главных виновников разрухи и беспредела?!

— Во-первых, почему ты уверен, что я не делаю? Во-вторых, это сделать не так-то просто, не физически — социально: уберешь конкретных людей, на их место придут другие конкретные люди, — поэтому надо ликвидировать с и с т е м у! Что это такое, не мне тебе объяснять. В-третьих, если все буду делать я, на кой черт тогда вы, люди? Герои-одиночки, толпы ревнителей справедливости, служители демократии, ревнители всеобщего добра и блага? И, в-четвертых: существует так называемый принцип Питера, заключающийся в том, что каждый служащий продвигается по иерархической лестнице до тех пор, пока не достигнет уровня своей некомпетентности. Ты еще не достиг, работай самостоятельно. Есть и «в-пятых», но оно не столь существенно, как первые четыре.

Матвей сглотнул, чувствуя себя так, будто ему влепили пощечину. В голову ничего не лезло, хотелось встать и уйти... а также остаться и выяснить, не смеется ли хозяин... и еще было желание залезть в ванну и забыть обо всем.

— А что такое «в-пятых»? — услышал он свой голос.

Горшин белозубо засмеялся.

— Молодец, не сдаешься. В-пятых, свои задачи я определяю себе сам. Вопросы еще есть?

— Нет. — Матвей встал и направился к двери из квартиры-грота Горшина, у двери оглянулся. — Привет иерархам.

И вышел. Ответа Горшина: «Memento mori», — он уже не слышал.

УДАР КИНЖАЛОМ

Луна, раздвоенная, как язык змеи, освещала все вокруг мертвенно синим светом, и оттого пейзаж казался незнакомым, неземным, хотя Матвей висел в воздухе над городом, может быть, и над Москвой. То, что он висел, не падая и ни на что не опираясь, не удивляло, как и отсутствие признаков жизни в городе под ногами. Все было в порядке вещей: город с п а л. То есть, он спал, как живое существо, большое, сложно организованное, но существо, причем — больное, потому что Соболев видел о п у х о л и и м е р т в ы е пятна на теле города-существа, прекрасно понимая при этом — ч т о это за болезнь.

— Запоминай, — беззвучно шепнул кто-то внутри, и Матвей послушно стал запоминать рисунок улиц, площадей, зданий, кварталов, отмечая сгущения м е р т в ы х пятен и о п у х о л е й над ними.

Пейзаж вздрогнул, поплыл под ногами, все быстрее и быстрее, смазался в фосфоресцирующую полосу, а когда движение прекратилось, Матвей увидел, что стоит посреди черно-фиолетовой, с дымно-синим просверком, равнины возле огромного, светящегося рубиновым светом камня. На плоском боку камня чернела вязь древне-славянского языка, который был Матвею понятен: «Налево поедешь — жену потеряешь, направо поедешь — друга потеряешь, прямо поедешь — себя потеряешь».

— Выбирай, — всплыл в голове тот же тихий голос, полный сомнений и надежд.

— Ни жену, ни друга...

Гул прилетел с небес, раздвоенная луна содрогнулась и как бы схлопнулась в один ослепительный синий круг.

— Что это? — мысленно спросил Матвей.

— Вход в Круг, — ответили ему.

— Хочу туда...

— Выбери путь и иди.

— Я выбрал...

Еще один рокочущий удар потряс равнину и небеса, и на равни-

не появились черные всадники: один, два, три... шесть... Копыта их коней порождали вибрирующий гул и резкие щелчки, словно ступали то по каменным плитам, то по железному настилу.

— Кто это?

— Тени Монарха Тьмы.

— Мне с ним надо сражаться?

— Да.

— И победить?

— Тебе надо победить себя, зло не только вокруг, вне кокона (так услышал Матвей), но и внутри тебя.

— Но я не делаю ничего во зло другим...

Новый удар. Всадники исчезли, как и камень с надписью, а на месте луны проявилось удивительное человеческое лицо, лицо мужчины. Оно было безмятежным, хотя его нельзя было назвать ни холодным, ни бесстрастным, и вместе с тем не лишенным выразительности, хотя было бы неверным также утверждать, что оно выражает сочувствие, теплоту или симпатию. Все эти чувства казались слишком мелкими, чтобы приписывать их ему. В то же время такой же ошибкой было бы утверждать, что лицо выражает неземное величие или божественную мудрость. Нет, оно было вполне человеческим, и все же чувствовалось — у людей т а к о г о лица не бывает. Потому что оно было исполнено такой глубокой мысли и такого глубокого чувства, которых Матвей понять не мог. Человек глядел на него и оценивал, хотя в то же время занят был другими делами, бесконечно далекими от всего земного. Матвей увидел его оценку, точную до мельчайших деталей, но в глазах человека не появилось ни порицания, ни упрека; взгляд его был необычайно серьезным, спокойным и понимающим. И не требовалось никаких рассуждений и пояснений, кто такой Матвей Соболев и что он из себя представляет. Человек з н а л. Но ничего не сказал. Пала внезапная тьма, лицо исчезло, и Матвей осознал себя лежащим поперек кровати с мокрым от слез лицом и острым ощущением потери и уходящего понимания сути вещей. Голова казалась сморщенной, как грецкий орех, и болела.

— Если голова болит, значит, она есть, — глубокомысленно произнес Матвей. Встал через минуту, доплелся до ванной и глянул на отражение в зеркале.

— Ну что, псих?

— Сам такой, — огрызнулось отражение. — Меньше чепухи надо читать на ночь, свихнешься скоро.

— Не каркай, — буркнул Матвей и полез под горячий душ.

Хотел бы я знать, что я такое видел и как этот паратекст перевести на человеческий язык, подумал он. Кто меня предупреждает и о чем? И, наконец, кто ведет со мной «беседы» и зачем? Чего он хочет от меня?

Пока Матвей умывался, тренировался и завтракал, лицо незнакомца продолжало тревожить, будоражить и беспокоить, но потом мозг справился с потрясением и включил сознание в привычный ритм бытия. Горшин отказался помогать, значит, следовало до конца использовать свой потенциал, хотя Матвей и понимал, что в одиночку много сделать не удастся.

В плане дня стояло наблюдение за Банкиром и поиск подходов к нему, что Соболев и выполнил к восьми часам вечера. Удалось выяснить, сколько человек прикрывает Банкира, то есть заместителя председателя Центробанка Геращинского Евгения Яковлевича, в помещениях внутри зданий, где он бывает, сколько задействовано во время поездок и выходов, когда и как сменяется охрана, какой техникой она владеет.

Шурик Залупыйченко появился под вечер во внешней смене. Был он мрачен и на шутки коллег не реагировал. Матвея видеть он не мог, но если бы и увидел — не узнал бы: на сей раз Соболев «работал» таксистом, прицепив на машину Ильи оранжевый фонарь с шашечками.

Последний штрих в картину рабочего дня Банкира поставила его поездка в Люблино. Матвей сначала подумал, что Геращинский едет туда по делу — жил-то он в центре, на Тверской, — но дом в Люблино оказался обычным, жилым, без контор и офисов. Когда охрана господина Банкира вскоре вышла из дверей квартиры на двенадцатом этаже и осталась снаружи, Матвей догадался, что Евгений Яковлевич «снимает стресс» у любовницы.

Запомнив адрес, Матвей уехал с сознанием выполненного долга. Ко встрече с Геращинским надо было подготовиться более тщательно, осмотрев новое место действия и наметив пути отступления. Район этот Соболев не знал и зря рисковать не хотел.

В начале девятого, когда солнце уже готовилось нырнуть за горизонт, он подъехал к гаражу Ильи.

Небывалая даже для июля дневная жара спала, но вечер особого облегчения не принес, вобрав духоту и накопив выхлопные газы автотранспорта. Правда, Матвея это не слишком беспокоило, он давно умел регулировать температурный режим тела и чувствовал себя нормально в диапазоне температур от минус тридцати до плюс сорока градусов.

Сигнал тревоги раздался внутри него в тот момент, когда он входил в распахнутые ворота мастерской. Кто-то наблюдал за ним, скрытый и опасный, как ядовитое насекомое. На запуск программы требуемой концентрации требовались доли секунды, и уже переступив порог Матвей был готов к действию.

Его встретила тишина. Свет в гараже был выключен, горела лишь лампочка над верстаком в углу, скупо освещая стоящую рядом «Волгу». Еще одна машина — красная «Тойота» — висела на подъемнике. Соболевской «Таврии» в гараже не оказалось.

— Илья! — позвал Матвей.

Ему послышался стук, скрип и следом — стон. Не раздумывая, он рванул по лестнице вверх, в «офис» Муромца и нашел его лежащим ничком возле сейфа, в углу комнаты, освещенной настольной лампой. Матвей присел рядом на корточки, охватывая взглядом разбитые телефон, графин, стаканы, разбросанные по комнате предметы, сломанный стул. Коснулся шеи Ильи — пульс редкий. Что с ним? Перевернул на спину и стиснул зубы. В животе Муромца торчал кинжал, в рукоять которого намертво вцепились руки.

Крови почти не было видно, однако Матвей сразу понял, что удар, нанесенный с профессиональным мастерством, смертелен. Прислушиваясь к звукам в здании, он положил руку на лоб Ильи, напрягся, как учили.

Веки Муромца дрогнули, он открыл глаза, прояснившиеся не сразу. Прохрипел:

— Кто?.. Со-боль? Ты? Ухо... ди... они здесь... прячутся...

— Молчи, — глухо сказал Матвей. — Береги силы, я вызову скорую.

— Позд... но... они меня... доконали... — Илья закашлялся розовой пеной, струйка крови сбежала из уголка рта на подбородок. — Иска... ли... тебя...

— Кто?

— Тот жлоб... что приходил... первый раз... и три бабы... ему я приложил... а баба... брюнетка... разделала, как быка...

— Лежи, я сейчас.

— Не надо. — Илья потянулся рукой, вздрогнул. — Твоя машина... у меня дома... найдешь... бери «шестерку»... если надо. — Голос его упал до шепота. — Меня вечно... тянуло в двери... посторонним вход... запрещен...

Глаза умирающего на миг вспыхнули.

— Но я... всегда бил морду... подлецам! — Голос стих, голова откинулась, разжались могучие руки.

Матвей сидел на корточках над телом друга и ни о чем не думал, просто смотрел на его разгладившееся лицо. Смотрел до тех пор, пока сзади не раздалась команда:

— Встать! Руки за голову!

Матвей оглянулся через плечо, не сразу разглядев того, кто говорил. Это был мощного сложения человек, одетый в самый обыкновенный летний блузон и джинсы, но пистолет, выглядывающий из его руки и кажущийся игрушечным, смотрел на Соболева весьма красноречиво. Матвей встал, обхватив руками затылок.

Офис Ильи заполнили быстрые парни в самом разнообразном обмундировании, из них лишь один оказался в пятнистой форме спецназа, остальные выглядели вольнонаемными подметальщиками улиц.

— Кто вы? — полюбопытствовал Матвей.

— МУР, — ответил квадратнолицый и круглоплечий, массивный, как банковский сейф, мужчина, в свою очередь разглядывая Соболева. — Полковник ОРБ Синельников. Нам позвонили, что здесь совершено убийство и описали твои приметы. Не повезло тебе, парень. Ну что, Витя? — обратился он к парню в форме.

— Мертв, — ответил тот. — Проникающее ранение в живот и еще одно в грудь.

Матвей вскинул голову — ранения в грудь он не заметил, не захотел снимать рубашку. Значит, Илью ударили дважды... и сделала это профессионалка из батальона Белого-Шмеля...

— За что ты его? — поинтересовался болезненного вида худой опер, останавливаясь за спиной Матвея и проведя руками по его карманам.

— Я не убивал, — тихо ответил Матвей, и вдруг что-то сдвинулось в сознании, прояснилось, озарилось дрожащим светом. Показалось, кто-то рядом и в то же время далеко, дыхнул на него запахом тления и ненависти, вздохнул удовлетворенно, сказал: «Порядок, этот неопасен», — и отвернулся.

— Пошли, — бросил Синельников, опуская пистолет. — Только не делай резких телодвижений, мои орлы не любят киллеров твоего типа и могут посчитать какой-то жест за попытку к бегству.

Матвей кивнул, полностью расслабляясь, шагнул к двери, с виду безвольный и подавленный. Однако расслабление и отрешенность, пронизанные о ж и д а н и е м состояния турийи, принесли плоды уже через минуту, когда он спускался по лестнице, механически переставляя ноги. Ветвистая молния невидимой энергии ударила с небес в макушку, пронизала тело с головы до пят, разбежалась по сети нервных путей, окончаний и узлов, заставив эту сеть светиться пронзительным светом боли и восторга. Матвею показалось, что он сейчас взорвется, да так оно и случилось: нервные клетки, как невидимые пули прошили кожу, разлетелись во все стороны, пронзили стены зданий, все предметы внутри них, машины, асфальт, людей, и Матвей увидел весь этот район как бы из многих точек сразу — снизу, сверху, со всех сторон, в том числе и изнутри. И, хотя подобное с ним происходило всего второй раз — раньше все было не так, несмотря на интуитивное видение, — он сразу понял, что озарение к нему приходит простым волевым усилием.

Агапов потом, в разговоре с Синельниковым, делился впечатлением того, что произошло, с выражением детского изумления и недоверия на лице.

— Понимаешь, он вдруг словно взорвался! Пятерку, которая сопровождала его к машине, буквально разметало в стороны! У двоих шок, Пшонкину свернуло челюсть, Башкин получил нокаут, а лейтенант — сломанный копчик. Представляешь?

— Сломанный копчик? Нет.

— Видел бы ты, как он действовал дальше! — не унимался потрясенный Агапов. — Сиганул через «Тойоту», сбил сержанта, уложил прикрытие — без единого выстрела! — и уехал на нашем же «газоне». Каково?

— Круто, — согласился хмурый полковник. — Видимо, это был тот, кого мы искали: друг убитого и он же сотрудник «чистилища». Его просто подставили, автомастера он не убивал.

— Кто мог его подставить? И зачем? Не проще ли взять и убрать, если он кому-то мешает?

— Попробуй, убери такого! Ты сам убедился, каков он в бою. Это уровень ганфайтера, волкодава. Судя по владению приемами, он к тому же еще и барс.

Агапов погас.

— Что будем докладывать наверх? Снова прокол. Может, пока не поздно, тихо-мирно уволиться?

— Погоди немного, — задумчиво сказал полковник; они спустились во двор и ждали сообщений оперативной службы, сообщив по рации дежурному. — Тут возникает вопрос: почему позвонили именно нам, в ОРБ МУРа, а не в ближайшую префектуру? Кто мог знать наши телефоны?

Агапов озадачился.

— Шпана — явно нет, воры в законе и компания — тоже вряд ли. Мог знать кто-то из милиции.

— Вот, — поднял палец вверх Синельников. — А еще точнее — кто-то из наших оперов, больше некому. Давай-ка поищем.

Из патрульной машины послышался писк телефона: дежурный сообщал, что пустой милицейский «газон» с мигалкой, принадлежащий ОРБ, обнаружен у метро «Октябрьская».

— Придется объявлять всероссийский розыск, — вздохнул Агапов.

— Никуда он из Москвы не уедет, — убежденно сказал Синельников. — Как и мы, будет искать убийц. И найдет... если только их раньше не найдут «фискалы».

Спал Матвей в эту ночь плохо, да и сон сморил его лишь в четвертом часу, хотя он и пытался успокоиться, отстроиться от проблем и мыслей о гибели друга. И все же смерть Ильи потрясла его и заставила пересмотреть многие правила внутреннего распорядка, а также нормативы контакта с внешним миром. Нет, он не ожесточился или возненавидел всех и вся, но жизнь потребовала поменять стандарты поведения, привести их в соответствие с реалиями, в том числе и откорректировать навыки ганфайтера-волкодава, навыки профессионального перехватчика, человека боя. Правда, чтобы вый-

ти на новый уровень сил, без помощи Горшина было уже не обойтись, просто физический тренинг нужной кондиции достичь не позволял.

Сначала Матвея мучили тяжелые сновидения, в которых он боролся с убийцами Ильи и раз за разом проигрывал, схватываясь с постели в холодном поту. Потом приснился сон, не отличимый от реальности, будто к нему пришел Тарас с необычной идеей поговорить по душам и оправдаться. Был он тих, задумчив, грустен, и с лица не исчезало виноватое выражение, хотя говорил Горшин странные, жуткие, опасные слова.

— Откуда ты взялся? — спросил Матвей, холодея, подтягивая простыню до подбородка; одна половина сознания принимала происходящее за сон, вторая пугливо предупреждала об обратном.

— От верблюда, — остроумно заметил Тарас, присаживаясь на краешек кровати. Был он одет в какой-то странный, отливающий золотом, черный костюм, вроде трико или наряда ниндзя, и иногда как бы исчезал из поля зрения, только глаза оставались висеть в воздухе, полные тоски и внутренней боли.

— Что тебе надо?

— По-моему, это я должен спросить, что тебе надо. Ты звал — я пришел.

— Я не звал!

— Ошибаешься, паранорм, звал. Полем пси-связи ты не владеешь, я имею в виду — сознательно, однако пользоваться можешь. Что с тобой происходит?

— Убили друга...

— Знаю, я не о том.

— Я чувствую себя, как беременная женщина: что-то во мне меняется, зовет, пытается сообщить о себе и выйти наружу, «родиться», так сказать, но я не знаю, как себе помочь.

— Тебе нужна пси-энергетическая коррекция. Придет время, и я помогу тебе, жди.

— Раньше у тебя было другое мнение.

— Только глупцы и покойники не меняют своих мнений*. Что тебя еще беспокоит?

— Я хочу найти убийц.

— Желание похвальное, хотя мнений на этот счет много. И все же кто бы что ни говорил, человек все равно живет удовлетворением своих желаний, страхами, тщеславием, борьбой, развлечениями, азартными играми и сексом. А более всего — подчинением рядом живущих и наслаждением властью.

— Не все так живут...

— Но большинство! Если ты перестанешь подчиняться одной си-

---

* Дж. Лоуэлл.

ле, то немедленно начинаешь подчиняться другой — внешней или внутренней, рожденной тем не менее внешним воздействием.

— На этом построены все цивилизации.

— Добавь — человеческие. Цивилизация нашего времени — бледное чахлое растение, едва дышащее во мраке глубокого варварства.

— Почему варварства? Разве не люди создали совершенные способы связи и транспорта, изобретения...

— Техника, улучшенные средства сообщения и методы производства, возросшие возможности покорения природы — берут от цивилизации больше, чем дают. Человечество больно духовно, и лишь Внутренний Круг не поддался этой болезни. Люди Круга вынуждены жить среди варваров, дикарей, и порой не выдерживают этого... как я, например.

— Не понял.

— И не надо. Может быть, я когда-нибудь расскажу тебе одну поучительную историю... если ты доживешь до этого момента.

— Спасибо за добрый прогноз.

Горшин исчез, появился вновь через некоторое время — так показалось Матвею, когда он «проснулся» от шороха. Человек Круга, одетый уже в темно-коричневое трико, стоял у окна и вглядывался во двор.

— Кто ты на самом деле? — прошептал Матвей, уже не пытаясь разобраться, сон это или явь. — Дьявол, сатана, ангел или Бог?

Тарас оглянулся, сверкнув светящимися белками глаз. Медленно проговорил:

— Я — от сегодня и от прежде; но есть во мне нечто от завтра, от послезавтра и от некогда.

— Ницше, Заратустра.

— Да, ты весьма начитан, филолог-волкодав. Оба мы, мой друг, в капкане. Но если ты еще можешь выскользнуть, сменив цель, разорвав установки, определив закон приоритетных ценностей, то я, наверное, уже нет. Может быть, тогда — очень давно — я был неправ. Не убежден. В таком случае, ты не должен повторять моих ошибок.

— О чем ты?

— Хотя, с другой стороны, — продолжал Тарас, словно разговаривая сам с собой, — в человеке борется столько противоположных начал, что их совместное гармоническое существование невозможно. Душа человека — слишком сложная комбинация, чтобы все кричащие в ней голоса могли соединиться в один согласный хор.

— Успенский...

— Истина, мой друг! Так что я, скорее всего, все-таки был прав. Надо лишь помнить, что каждый из нас получает столько зла, сколько создал сам! Это закон! Прощай, ганфайтер. Зернышко. Или

куколка. Что в общем-то не ново. Я тоже был когда-то имаго, однако не... впрочем, не будем забивать мозги лишней информацией.

Горшин снова исчез, а Матвей провалился в очередной сон, однако просыпался еще несколько раз, пока измочаленный не встал с рассветом. Он так и не смог определить, снился ему Тарас или приходил наяву, хотя разговор сохранился в памяти почти весь.

В десять ноль-ноль он появился на территории «Независимой Федерации Кик-боксинга», переодетый в камуфляжный костюм десантника, который применяли все спецподразделения МВД, внутренние войска и охрана. Полевая фуражка-афганка, автомат через плечо, знаки отличия майора на погончиках дополняли наряд. Имелось и удостоверение майора горуправления внутренних дел, выданное на имя Матвея Бобылева, сделанное добротно, с соблюдением всех норм. «Губошлепы», изготовившие это удостоверение вкупе с тремя другими, знали свое дело.

Усы преобразили лицо Матвея, а выправка строевого сотрудника УВД и вовсе изменила внешность, так что учителя соответствующих подразделений «СМЕРШа-2» могли быть довольны учеником.

Однако первое, что озадачило приехавшего представителя власти было отсутствие вывески «Независимой Федерации». Вместо нее на двери в левом крыле здания висело объявление: «Набор в школу акробатики: среда, четверг — с десяти до двенадцати».

Успели передислоцироваться, с холодным гневом и разочарованием подумал Матвей. Значит, копнул я достаточно глубоко. Узнать бы, куда Шмель переправил свой батальон «охраны правительства».

Не надеясь на успех, он поднялся на второй этаж, заглянул в пустые спортзалы и открыл дверь в бывшую приемную Белого-Дадоева. И тотчас же сработал звоночек тихого беспокойства.

Приемная была та же, и, хотя девица, стучащая на машинке, казалась незнакомой, Матвей сразу опознал в ней служащую «женбата», личной охраны Шмеля. Уж очень изящно сочетались в ней грация каратиста с мышцами гимнастки.

— Вам кого? — подняла голову от машинки девица.

— Белого. — Матвей показал удостоверение, держась уверенно и твердо. Офицер на его месте имел право приказывать, ничего не объясняя.

— Они с... тут такие не работают, — поправилась девица, платиновая блондинка с короткой стрижкой, с любопытством окидывая вошедшего взглядом. На указательном пальце ее левой руки тускло блеснул перстень в форме черепа змеи.

— Виноват, — козырнул Матвей. — Видно, мне дали старый адрес. — Четко повернулся, вышел. А закрыв за спиной дверь, тут же приложил к ней ладонь, а к ладони ухо. Сосредоточился и услышал характерные звуки крутящегося диска.

— Мне второго, — после паузы донесся голос секретарши. — Лейтенант, тут...

Матвей рывком распахнул дверь и точным броском голыша — окатанного куска камня — разбил телефон вдребезги.

Девица вскрикнула, но тут же сориентировалась и сунула руку в стол. Второй кусок камня угодил ей в запястье, отбив охоту хвататься за оружие. Но и тут она не растерялась, а прямо со стула метнулась к «майору», нанося удар ногой в стиле дакэн-тайдзюцу. Матвей ответил, девица влипла спиной в стену, сползла на пол, не сводя округлившихся глаз с гостя.

Матвей закрыл дверь, заглянул в бывший кабинет Дадоева — никого, пусто, стенка за шкафом заложена кирпичом, и вернулся в приемную.

— Номер телефона, куда вы только что звонили.

Платиновая блондинка зашевелилась, показав красивые, но чересчур мускулистые ноги.

— Пошел ты!..

Пощечина отбросила ее к столу. Она снова округлила глаза, в изумлении открыла рот.

— Ну, козел, я...

Очередь в пять патронов обошла ее кругом: автомат был оборудован насадкой бесшумного боя и шума производил не больше, чем теннисный шарик. Посыпалась кирпичная крошка со стен и щепки от шкафа.

— Номер!

Секретарша неизвестного «клуба акробатики» открыла рот, хотела выругаться, но глянула в глаза Соболева и сникла. Тихо продиктовала номер, соврав на последней цифре: Матвей запомнил щелчки номеронабирателя, когда она звонила. Не подав виду, он подошел к ней и прикосновением пальца к сонной артерии погрузил блондинку в сон.

Вышел из здания спокойно, никто за ним не следил и никто не ждал. Спустя полчаса через компьютер на квартире удалось установить адрес по номеру телефона — Очаково! Еще через полчаса Матвей объехал на машине двухэтажное здание с зарешеченными окнами, прячущееся за высоким проволочным забором.

МЕСТЬ И ЗАКОН

Приняв позицию фудодза, Тарас отстроился от мирской суеты, положил руки на затылок и, глубоко вдохнув через нос, наклонился вперед на задержке дыхания. Потом выпрямился, не торопясь выдохнуть весь втянутый воздух через полуоткрытый рот, качнул корпус слева направо и продолжал покачивания с затухающей амплитудой, пока не остановил тело в вертикальном положении.

Внутреннее сосредоточение длилось недолго, оно давно из медитативного упражнения стало частью жизни. Описание этого процесса заняло бы времени больше. «Следуя за дыханием», Тарас разместил сознание в психофизическом центре (хара — по терминологии восточных школ психотренинга), обретая странное состояние: тело и сознание как бы растворились в воздухе, реагируя на изменение ситуации каждое по-своему, а вместе — точно отражая колебания полей мира.

Затем следовал новый шаг медитации, вынесший Тараса за пределы тела. Окружающая обстановка при этом осознавалась периферией чувственной сферы, ибо потеря бдительности даже на мгновение могла оказаться фатальной, но главным был выход в некое многомерное пространство, называемое по привычке астралом, хотя многие адепты эзотерики из числа людей-исследователей оценивали этот термин по-разному.

И, наконец, стремительно пронеслась цепь осознаний, позволяющих достичь духовного могущества, по этапам-ступеням-уровням: осознание бренности тела, иллюзорности восприятия, собственной малости в пространстве и времени, осознание главенства духовного над материальным, тождества себя с другими, множественности проявлений реальности, осознание «Великой Пустоты», настоящего из будущего и, последнее, — осознание Будущего из Настоящего!

Тарас Витальевич Горшин, человек Внутреннего Круга и потому не совсем человек, подобный остальным людям Земли, вышел в особое информационное поле мироздания, имеющее разные названия, известное исследователям эзотерики под термином ментал — кто бы что под этим ни подразумевал. Но преодолеть последнюю ступень, выйти в тайдзокай — «чрево-хранилище» Вселенной, а оттуда в конгокай — «сферу неразрушимого», сущность духовного мира, ощутить великое единство макро— и микрокосмоса, не удалось. Последний уровень медитации — видение Будущего из Настоящего — открылся лишь на мгновение, оставаясь недоступным восприятию. Кто его закрыл — было ясно. Иерархи своих решений не меняли.

Человек — переходное звено от биологического к энергетическому плану жизни, и Внутренний Круг давно перешел на этот уровень, но Тарас еще не достиг порога зрелости, позволяющего владеть колоссальной энергией и запасами информации в полной мере, а после его «акта непослушания» это стало и вовсе проблематично. Путь, на который он встал, по мнению иерархов вел в никуда, в тупик, и чтобы выбраться из этого тупика, следовало начать цикл жизни с нуля.

Тарас напрягся, удерживая с помощью бонно* концентрацию «И» — разума-воли на грани взрыва, и получил в ответ удивитель-

---

* Бонно — пауза в дзэнской психотехнике.

ную «розу» видений-ощущений-озарений, потрясших его до глубин психики. К сожалению, человеческий язык иероглифичен и способен передать лишь до предела упрощенные понятия, общение на этом уровне возможно лишь обо всем известных вещах. Рассказать, что чувствовал и видел Горшин, он бы не смог, да и не желал этого.

Удержаться в состоянии псирезонанса ему помогло только дзюнан-тайсо — постоянное и жестокое поддержание психической и физической формы. Едва не выскользнув из «ограниченного» волей иерархов — для него лично! — «пространства» ментала, он приступил к ставшему привычным анализу обстановки.

Сначала прошелся мысленным взором по карте псипатогенных зон Москвы, отмечая новые узлы с излучением негативных эмоций: «карта» представляла собой сложную, «слабо-пространственную» сетку, ячеистую структуру с размытыми кое-где контурами — там, где ментальное зрение-чувствование Тараса наталкивалось на противодействие. Крупнейшие псипатогенные зоны не изменили ни размеров, ни цвета, ни очертаний, прикрывая районы сосредоточения власти — от правительственных (Государственная Дума, Совет Федерации, Московская городская Дума) до территорий, контролируемых Куполом (Лубянка, Петровка, Лефортово, Кремль, Центр, аэропорты). Территория, подконтрольная «чистилищу», выделялась инфракрасным цветом-ощущением, но по качеству излучения почти не отличалась от черных зон, на что Тарас предпочитал закрывать глаза. Но в глубине души он уже давно понял, что стихийный протест, подтолкнувший его к созданию «чистилища» — с благими намерениями, конечно! — скорее всего расстановку сил в этом не самом лучшем из миров в пользу Светлых исходов не изменит.

Легким мысленным усилием Тарас овладел внешней сенсорикой* и вылетел из тела. Мгновенно преодолев объем пространства-времени-чувств-переживаний, он неосязаемым облаком проник в одну из черных зон (Министерство внутренних дел, Главные Управления, МУР) и внедрился во все коммуникативные сети. Через полминуты он знал все, чем занимались отделы данной конкретной системы, перелетел в следующую (Федеральная служба контрразведки, Управления «К» и «Т», системы контроля разных уровней, отделы технических и оперативных служб), но заглянуть внутрь смог лишь краешком сознания — «размытость» зоны здесь не позволяла видеть деятельность систем; так в сильный дождь и туман не виден не только горизонт, но и предметы рядом.

Тогда Тарас выплыл на уровень расчета поля возможных траекторий известных ему лиц. И уже через несколько секунд у в и д е л «траекторию» Матвея Соболева, ганфайтера-волкодава, барса, мас-

* Сенсорика вне тела — наблюдение какого-то явления из точки, не совпадающей с физическим телом.

тера единоборств, будущего Посвященного, паранорма, с которым контактировал прошлой ночью в форме сна.

«О, черт! — пробормотал он про себя, со свистом и гулом «падая» из транса, в реальность земного бытия. — Только этого мне не хватало! Парень явно переоценил свои силы»...

Спустя несколько минут, позвонив дважды, Горшин мчался в машине по направлению к Очаково.

Никогда раньше Матвей не чувствовал такого подъема, как сейчас, и никогда не переживал такого странного состояния легкости и удальства, не отменяющих, однако, чувства опасности и концентрации воли. В данный момент он был уверен, что может все, и поэтому не сомневался в успехе операции, в основе которой лежал не трезвый расчет, а внезапность, скорость и наглость.

Мгновенный подсознательный анализ обстановки лежал в основе подготовки ганфайтера и давал плоды независимо от желания. Еще объезжая комплекс зданий, принадлежащих батальону «Щит»: двухэтажный корпус штаба и разных служб, два барака — подсобное хозяйство и склад, гараж, кухня, столовая, стоянка разной техники, — Матвей внутренним зрением определил главные объекты, наметил подходы к ним и путь, которым собирался пройти к начальству. Теперь же, видя охрану, уверенную в себе, лениво ждущую конца дежурства, он окончательно принял план действий и стал ждать.

Ожидание было недолгим — по формуле: везет тем, кто готов к везению. Через несколько минут из проходной вышел здоровый широколицый малый в штатском костюме, с дипломатом в руке, в сопровождении второго такого же амбала, но вооруженного и явно не интеллигента. Они сели в серый «БМВ» с трехшестерочным — «блатным» номером и подались к перекрестку. У светофора Матвей их и достал.

Притер машину, махнул полосатым жезлом (полезная вещь, всегда может пригодиться) к обочине, вылез и, умело перехватив автомат — приклад подмышку, ствол в лицо сидящим, ладонь под магазин, палец на спусковой крючок, — подошел к ничего не понимающим «щитовикам».

— Документы.

Шофер, он же телохранитель мордатого в штатском, дернулся было за оружием, но его шеф, с улыбкой, от которой у Матвея свело скулы, проговорил:

— Ты откуда свалился, майор? Не видишь по номеру, что за машина? Я зам Шмеля, наш транспорт здесь все знают.

— Какая приятная встреча, — с иронией сказал Матвей, точным уколом указательного пальца в сонную артерию посылая телохранителя в длительные сумерки. — Сиди тихо!

Он влез в машину сзади заместителя командира отряда «Щит», не выпуская из виду окружающую действительность. Никто на его действия внимания не обращал, редкие прохожие спешили по делам, плавясь от жары.

— Кто ты? Чего тебе надо? — занервничал зам.

— Мне нужно пройти на ваш объект.

— Чего?! — вылупился мордатый — Сбрендил, что ли?

— Мне нужно пройти на объект, — терпеливо повторил Матвей. — Код, пароль, документы.

Заместитель Шмеля тихо офигевал, пытаясь разглядеть наглеца, но ему мешал автомат в руках мнимого майора.

— Зачем тебе это? Ты же дальше приемной не пройдешь. И назад не выйдешь. К тому же охрана — «черные береты»...

— Код, пароль, документы.

Мордатый глянул на обмякшего телохранителя и, видимо, что-то в тоне спрашивающего ему не понравилось.

— Код — двойка три семерки, пароль «Армада», а документы... — договорить он не успел, Матвей усыпил его касанием костяшки указательного пальца к я-мэн, точке на шее вблизи затылка. Огляделся — все спокойно. Незаметно обшарил карманы мордатого, нашел пропуск с двумя полосами — зеленой и золотой на имя Рабитмана Романа Романовича, открыл дипломат, присвистнул: целый арсенал, в том числе и тот самый «глушак» типа «Удав», похожий на пистолет «Волк». Куда это они собрались с таким запасом? На охоту, что ли? Впрочем, в данный момент это не имеет значения.

Матвей пересел на место водителя, потеснив его, загнал машину за шеренгу кустов, а свой «бронеход» подогнал к воротам резиденции батальона «Щит», посигналил. К воротам вышел жующий чуингам ленивый прапор в таком же наряде, что и Матвей, только с черным беретом на голове. Рейнджер, не новичок, но оружие держит слишком картинно.

Матвей приспустил стекло, показал пропуск (вряд ли с трех метров можно увидеть фамилию владельца), сказал, растягивая слова:

— Открывай, «чернушка», умножь двойку на три семерки и пропусти армаду.

Прапорщик перекатил жвачку справа налево, кивнул напарнику, и тот включил мотор, раздвигающий двери.

Матвей проехал, но вдруг вспомнил, что не знает, как заехать на стоянку у штаба, остановился и вышел, небрежно кивнув на автомобиль:

— Запаркуй, «чернушка», пиво в бардачке.

Обалдевший страж ворот только проводил его взглядом, на жест напарника ответив пальцем у виска.

Вход в штаб охранялся отдельно — «черными беретами» и знакомыми мадам, одетыми в форму спецназа. С автоматами за спиной они мило болтали между собой (слэнг портового грузчика пополам с арго выпускника воровской академии) и на пропуск незнакомого майора *не обратили внимания, отметив лишь его золоченый блеск.*

Матвей вразвалку прошел мимо, свернул налево и попал в тупик с единственной дверью. На двери красовалась табличка с номером «6».

Разговор охранников за спиной стих. Матвей понял, что допустил ошибку, не расспросив зама Шмеля, как пройти в кабинет самого командира. За дверью кто-то был, даже не один — двое: способность ощущать присутствие человека и даже его мысль сквозь стены Матвей владел с рождения, но если дверь запиралась кодовым замком... Секунда, которую он мог позволить себе на решение, прошла. Матвей взялся за ручку, повернул, открыл дверь и вошел, аккуратно закрыв ее за собой. Но порадоваться себе не разрешил.

За дверью с номером «6» пряталась хозчасть. Двое присутствующих в ней прапорщиков в обычной военной армейской форме оглянулись на скрип двери.

— Пардон, — спокойно сказал Матвей. — Рабитман не заходил?

— Только что уехал, — сказал один из прапоров ломающимся *баском.* — Минут десять назад, я видел из окна.

— Хряк его задери! — так же спокойно проговорил Матвей. — К кому же мне теперь? Шмель не уехал?

— У себя в «сотке», — сообщил словоохотливый малый.

Матвей кивнул и вышел, унося два умеренно заинтересованных взгляда. Держался он хорошо, и эти двое вряд ли поднимут шум. Пройдя мимо часовых по коридору вправо, он поднялся по лестнице на второй этаж, справедливо полагая, что кабинет шефа должен быть там, а при выходе с лестничной клетки в коридор второго этажа два здоровенных амбала во всем черном потребовали, во-первых, предъявить пропуск, во-вторых, объяснить цель визита, и в-третьих, сдать оружие.

— Ага, — сказал Матвей, включаясь в д в и ж е н и е, — как только, так сразу.

Амбалы не успели наморщить лбы в попытке понять шутку, оба упали мягко и безвольно, как срезанная трава. Прием так и назывался: «трава под серпом» — и был он не заимствован, а создан и отрепетирован мастерами русбоя. С этого момента время для ганфайтера, коим стал Матвей Соболев, замедлилось.

Рванувшись в коридор мимо охранников, он вспомнил упражнение по рефлекс-подготовке вроде бега по трассе с замаскированными ловушками: подсекающими веревками и шестами, сетевыми капканами, волчьими ямами, арбалетами, падающими стенами, столбами и камнями. Здесь почти ничего этого не водилось, но трасса остава-

лась неразгаданной и опасной, как жерло готового к выстрелу орудия. Туго свистнул в ушах ветер...

Слева по ходу верзила в черном со стаканом чая в руке — ван ку по шее!

Справа совсем юный парнишка в пятнистом комбинезоне, с чубчиком, с румянцем во всю щеку — рэн-сэн в гортань!

Дверь слева открывается, выпуская какого-то невообразимо толстого мужика, похожего на борца сумо (где я его видел?) — для него хватит и удара дверью в лоб.

Комнаты с номерами «24», «22», «20», где же «сотка»? Или тот прапор из хозчасти имел в виду нечто другое? А может быть, «сотка» — сотый номер расположен на первом этаже? Тогда ты влип, ганфайтер. Однако зачем тогда здесь еще один пост на входе, с проверкой и страховкой? Нет, ищи, парень, Шмель сидит где-то... ф-фу! Вот он!

Матвей наконец увидел дверь с номером «100» и влетел в помещение за ней, как снаряд, сея разрушения и провалы сознания. Без повреждений тел не обошлось, но убивать у Матвея и мысли не появилось, эти парни по большому счету в общем-то были не виноваты ни в чем.

Секретарь, вернее, адъютант у Шмеля был женщиной, одетой в пятнистую безрукавку и шорты, но кроме нее в комнате находилось еще двое охранников-мужчин, и с ними пришлось драться насмерть, потому что они были професионалами и сразу вцепились в автоматы. К счастью, рефлекторная реакция Матвея, взведенная к тому же состоянием турийи в режим вспышечной активности, превосходила скорость движений этих горилл, и он потратил на них всего четыре секунды: одного уложил щелчком голыша в точку лба между бровями, второго ударом ноги с прыжка в висок. Адъютанта-девицу трогать он не хотел, но она сама вдруг, ничуть не смутившись внезапным прорывом незваного майора, метнула в него нож. Матвей едва успел отбить его в стиле тотоку хиёси — ударом ладони по плоской стороне клинка, с уклонением в сторону. Женщина продемонстрировала танто-дзюцу — великолепное владение ножом, и Матвей вспомнил шепот Ильи: «Брюнетка... разделала, как борова...»

— Сидеть! — шевельнул он заледеневшими губами. — Это ты убила автослесаря Илью Шимука?

— Ну и что из того? — усмехнулась чернявая адъютантша, бугрясь мускулами при малейшем движении. — Начнешь стрелять — через полминуты из тебя нарежут ремней...

— Тварь! — Матвей прыгнул. Кто-то внутри него считал секунды, и резерва времени по расчету внезапности, по сути, уже не было.

Девица встретила его, как надо: блоком и попыткой боевых действий, — но с таким же успехом она могла блокировать бульдозер.

Удар Матвея с выплеском энергии сломал ей обе руки, но оставил в живых. Даже в этой ситуации Соболев не казнил — наказывал. За исполнение чужого приказа.

Прислушался к обстановке: тихо, черт возьми! Умерли все, что ли? Впрочем, прошло всего тридцать пять секунд с момента в х о д а «на трассу», и десять со времени появления в приемной.

Бесшумно Матвей открыл дверь с табличкой «Комбат». Хорошо, что двойная, с тамбуром. Хозяин ничего не услышал, стоя у стола спиной к двери. Он оглянулся, когда Матвей уже стоял в двух шагах сзади.

— Откуда ты взялся?!

— От верблюда, — находчиво ответил Матвей, вспоминая сон с появлением Тараса Горшина. — Давай, Белый, становись. Твоя очередь. Он отставил автомат в сторону.

Командир батальона «Щит», а также начальник службы «гашения» Купола, подчиненный только боссу и его секьюрмену Ибрагимову, о чем знали всего два человека, выпрямился, глаза его сузились, зажглись нехорошим огнем.

Был он не слишком высок, но хорошо сложен, накачан и силен. Во всей его фигуре сквозила уверенность в себе и привычка повелевать.

— Кто ты?

— Убить Илью Шимука, автослесаря, приказ отдавал ты?

— А-а... — Кривая улыбка пробежала по губам Шмеля. — Дружок пришел. — Вот, значит, какой ты рисковый. Одного раза тебе показалось недостаточно. Ну что ж, добро пожаловать в ад, ганфайтер.

— Узнал, — в свою очередь прищурился Матвей. — Любопытно. А ведь об этом знать должны только мои непосредственные начальники. Кто же тебе сообщил обо мне?

— Есть один человек... в контрразведке. На очень высокой должности. — Шмель считал положение гостя провальным и невольно выдал информацию. — Могу даже сказать — кто, тебе это все равно не пригодится.

— А я знаю, — сказал Матвей, спиной чувствуя приближение опасности. — Геноссе Ельшин. Не правда ли? Да не дави ты кнопку под столом, в приемной никого нет.

В глазах Шмеля мелькнула тень, а в следующее мгновение он прыгнул к Соболеву, без замаха нанося удары в манере русбоя.

Он был неплохим мастером русского стиля, может быть, лучшим из всех, с кем встречался Матвей в жизни, но такой тренинг, какой имел ганфайтер-перехватчик, ему и не снился, а реакциями и внутренней энергией в нужной степени он не владел.

Бой длился несколько секунд — почти бесшумный, разве что с выдохом при ударе, молниеносный, состоящий из десятков финтов и

ложных выпадов, уклонений и передвижений, а потом Матвей поймал Шмеля-Белого (где он седину заработал?) на иккадзё* и нанес страшный удар вперед и вверх, в межключичную впадину (хитю), травмирующий дыхательное горло и сонную артерию.

Шмель схватился за горло, захрипел, ноги его подкосились, и он мягко осел на пол.

— Встретимся в другой жизни, киллер, — сказал Матвей, прежде чем капитан умер от шока.

Шум в приемной напомнил Соболеву, что пора выбираться из осиного гнезда. Снова энергия заструилась по жилам, реакции ускорились, а время замедлилось. Поскольку окна и на втором этаже были зарешечены, уходить можно было только тем же путем, пробиваться с боем, и хотя шансов почти не оставалось, Матвей начал отступление с верой в успех.

— Или есть у нас хороших бомб? — пробормотал он, приоткрывая дверь и бросая в приемную газовую гранату величиной с орех.

По двери хлестнула очередь из автомата, однако взорвавшаяся граната успокоила стрелявших, и Матвей метнулся сквозь дым в коридор, пробежал его бездыханным до лестницы, сбив по пути бежавших навстречу «черных беретов», и прыгнул вниз, через пролет.

И тут его достали.

Впечатление было такое, будто на него обрушился потолок! Голова сплющилась, провалилась сквозь шею в грудь, еще ниже — в желудок, в ноги, вышла сквозь пятки наружу тающим дымом... На мгновение Матвей осознал себя стоящим на четвереньках и тут же снова начал «проваливаться» сам в себя, захлебываться собственной плотью, распадаться на атомы... Снова всплыл из-под слоя странных переживаний, чтобы почувствовать боль от удара по затылку: пока он дергался на полу, пытаясь встать, отстроиться от хаоса необычных ощущений, его догнали.

На сей раз погружение в бездну непередаваемых словами состояний длилось дольше — почти полсекунды. «Разум-воля» Матвея, сконцентрированная на преодолении любых препятствий, попыталась очистить мозг от внешнего воздействия, но ее возможности были ограничены, а Матвей не был подготовлен к такому нападению. Если бы ему дали время, объяснили бы, что требуется делать, он, возможно, пришел бы в себя и сам, но преследователи не стали рисковать. Второй удар по затылку оборвал его сознание.

Горшин прибыл в Очаково, на улицу Кондомскую, на которой была расположена база «Щита», одновременно с первой машиной поддержки, но ждать вторую не стал.

---

* Иккадзё — смена приемов.

База имела два въезда-выезда. Тарас направил машину с группой таранить главные ворота, чтобы отвлечь внимание охраны, а сам прошел через калитку запасного выхода, охраняемую постом из трех человек. Он мог бы пройти и незамеченным, контролировать сознание этих безмозглых громил не составляло труда, но ему предстояло возвращаться обратно, вероятнее всего, этим же путем, и Тарас «уронил» всех троих: двух — волевым импульсом-приказом, третьего — тычком в переносицу.

Соболева он нашел в здании штаба, на лестничной площадке первого этажа. Его с наслаждением били ногами четверо «черных беретов», один из которых держал в руке суггестор «Удав».

Тарас ворвался в штаб в тот момент, когда машина поддержки врезалась в ворота и часовые открыли по ней огонь. Поднявшаяся неразбериха помогла Горшину уложить охрану (бил он на поражение) и вытащить безвольное тело Соболева во двор.

Как раз в это время подоспела вторая группа поддержки, внеся свою лепту в поднявшийся шум. Прорвавшиеся «чистильщики» помогли Тарасу погрузить тело Соболева в его же машину, а сами принялись бросать взрывпакеты, усиливая панику. Через несколько минут Горшин был в двух километрах от базы, а еще через некоторое время исчезли и боевики групп поддержки, не потерявшие ни одного человека. Лишь двое из них получили легкие ранения. Сзади осталась не разгромленная, но дымящаяся база спецбатальона «Щит», защитники которой еще долго вели стрельбу по дыму и теням. У страха, как известно, глаза велики.

Очнулся Матвей в постели. В кресле напротив сидел Тарас Горшин и пил горячий чай, несмотря на то, что на улице стояла жара под тридцать пять градусов.

— Ну ты и дурак! — сказал он вместо приветствия. — Точнее, дурак повышенной живучести, хотя это вовсе не комплимент.

Матвей вспомнил свое отступление, дернулся, пытаясь нащупать голову, наткнулся на огромную шишку на затылке, поморщился.

— Здорово меня звезданули!

— Тебя «звезданули» из «глушака», мой милый. Слышал о таком? Суггестор «Удав», тот самый, совершенно верно. После чего из тебя можно было веревки вить. Правда, поскольку ты паранорм и обладаешь естественным блоком, разряд «Удава» тебя не парализовал, в зомби не превратил, и детям микробов пришлось добивать тебя физически. Шишка — это уже вторичная причина твоего беспамятства.

— Кому-кому? Каким микробам?

— Так я называю бандитов из «Щита» — дети микробов. Впрочем, таких спецотрядов много: подразделение «Руслан» Управления «К» в контрразведке, якобы специализирующееся по поимке шпионов, спецгруппа «Стикс» — отряд киллеров там же, Русский национальный Легион, группа «Звезда Соломона», чеченские, грузинские и армянские «Дашнак цютюн», отряд «хохломенов», отстаивающий интересы украинских мафиози, и так далее. Кстати, почему ты не сказал мне, что идешь на эту авантюру?

Матвей полежал, отдыхая, чувствуя, как постепенно проясняется голова и тело перестает быть рыхлым и пропитанным водой, как губка.

— Это мое личное дело. К тому же ты сам сказал, что я не дошел до пределов своей компетенции. Я просто отомстил за смерть друга.

— Наивность — хорошее качество для девочки-лицеистки, наивный мужчина — синоним дурака. Своим последним подвигом ты себя практически раскрыл, высветил, и для всех правозащитных органов теперь являешься фигурантом розыска. Я даже не знаю, стоит ли тебе теперь...

— Жить, что ли?

— Участвовать в деятельности «чистилища». Не думал, что ганфайтер может сделать столько ошибок. Взять хотя бы последний эпизод. Нюкё-но дзюцу твой был неплох, но мономи-но дзюцу* ты не сделал. Хорошо, что мы с ребятами подоспели во-время и применили хицукэ**, а если бы не успели?

— Спасибо за помощь, я ваш должник. Я думал... — Матвей прикусил язык и перевел разговор на другую тему. — Я думал, ты адепт русбоя, а судя по терминологии, ты менкё.

— Я владею всеми стилями, просто восточными единоборствами занимался больше. — Горшин помолчал, сунул в руку Матвею стакан с каким-то коричневым напитком. — Пей, это женьшеневый настой, сам делал когда-то.

Соболев послушно выпил, полежал, окончательно приходя в себя, встал. Он уже понял, что находится в доме Тараса.

— Еще раз спасибо. Мне пора идти.

— Куда, если не секрет?

— Домой... И на пару дней я исчезну.

Горшин кивнул.

— Хорошо, это разумно. Приедешь из Рязани, дай знать.

Матвей, искоса глянув на Тараса, удивляться его всеведению не стал. Он был изрядно вымотан, избит и не мог контролировать себя в полной мере.

---

* Нюкё-но дзюцу — выбор благоприятного момента, мономи-но дзюцу — обнаружение слабого места в охране (цитадели) *(яп.)*.

** Хицукэ — отвлечение огнем.

— И вот еще что, — догнал его на пороге голос хозяина. — Убийцу Ивакина не ищи. Я случайно встретил его и... сказал все, что ты о нем думаешь. Ищи тех, кто приказывал убить.

Матвей, не оглядываясь, кивнул, открыл дверь и вышел.

ЗЛО УДАЧИ

Четверо в кабинете молча ждали.

Завьялов читал какую-то рукопись, изредка делая на полях пометки. Боханов медитировал, опустив голову на скрещенные кулаки. Рыков тихо млел в углу у портьеры с застывшим лицом. Музыка Глеб Максимович курил сигарету, гоняя над столом кольца дыма.

Зазвонил телефон.

Завьялов снял трубку, выслушал, водворил на место. Оглядел всех исподлобья.

— Он опоздает на час.

Музыка смял сигарету в пепельнице, хмыкнул.

— Идея собраться была его. Не рвется ли мальчик в атаманы?

Боханов, кряхтя, повел могучими плечами, размял лицо.

— Он один знает и может больше, чем все мы вместе взятые. Если бы не он, «чистилище» не стало бы тем, чем стало. Но мне тоже хотелось бы знать, из-за чего мы сегодня собрались вне плана.

— Большая операция, — негромко сказал Рыков. — Мы вышли на мощнейших дельцов теневой экономики, контролирующих финансовую, а значит, и любую другую власть. А Граф давно собирался предложить Большую операцию. Если вывод верен, то у меня предложение: как бы сделать так, чтобы после разгрома Купола все его сети остались под нашим контролем?

В кабинете референта повисла тишина, которую спустя несколько секунд нарушил смешок Боханова.

— Замахнулся ты, однако, Герман Довлатович! Зачем тебе мафиозные сети? Кланы не потерпят ч у ж и х, контроль их деятельности — фикция.

Начальник службы обеспечения МУРа глянул на Рыкова оценивающе.

— Идея неплохая, но, заменив собой босса, мы вряд ли повернем деятельность Купола в русло закона. Если только не захотим повластвовать сами.

— Я не захочу, — пренебрежительно пробасил Боханов. — Хотя я тоже человек не без греха и слабостей. У меня и так власти достаточно, девать некуда. В последнее время я все чаще ловлю себя на том, что ненавижу людей. Соседей — за то, что начинают стучать молотками в шесть утра, а в одиннадцать вечера включают музыку. Прохожих — за то, что их много, и все толкаются, спешат, хамят.

Пассажиров — за то, что их много, сотрудников за... — Президент Центра нетрадиционных технологий махнул рукой. — Только и спасает работа, да сознание того, что «чистилище» делает нужное дело.

Завьялов оторвался от бумаг, грустно улыбнулся.

— Оптимисты вы, однако. Еще что-то делаете, к чему-то стремитесь, пусть даже это власть. А я вот давно уже ни к чему не готовлюсь, живу по инерции и жду конца света. Устал.

— Каждый принимает конец своего кругозора за конец света*, — проворчал Боханов. — Тебе-то уж грех жаловаться на усталость, Дмитрий Васильевич, ты самый молодой из нас и самый энергичный. Темнишь ты что-то, а? Выкладывай, что знаешь.

— Вчера кто-то разгромил базу батальона «Щит» в Очакове, — сказал Рыков. — Убит командир батальона, тяжело ранены пятеро охранников и адъютант. Как мне кажется, это дело рук Графа, хотя нас он в известность не поставил. Может быть, потребуем объяснений? Завьялов покачал головой. — Это эпизод, не больше, какие бы последствия ни вызвал. Нет, речь идет о глобальных вещах. Графу стали известны факты... тенденции... в общем, речь идет даже не о взаимодействии — о с л и я н и и трех могущественных структур: мафии, армии и госаппарата. И если это произойдет, сможет ли удержать свои позиции «чистилище»? Мы с вами? Не станем же мы объявлять джихад всей системе безопасности страны?

Четверо молча глядели друг на друга.

Эти двое редко встречались на людях, даже если того требовали интересы организаций, которые они представляли. Круг людей, знавших об их отношениях, был исключительно узок и включал только телохранителей с той и другой стороны. Причины же, по которым требовалась сверхконспирация, знали только они сами: начальник Управления «Т» службы контрразведки генерал Ельшин и министр обороны генерал-полковник Галкин.

На этот раз они встретились в салоне спецмашины, принадлежащей контрразведке — помятой, неброской с виду «Волге» с затонированными стеклами. На самом деле «Волга» была оборудована, как броневик, двигатель позволял ей развивать скорость в двести километров в час, а специальная аппаратура давала возможность прослушивать разговоры в салонах едущих рядом автомашин и в то же время защищала от попыток подобного прослушивания извне.

Министр обороны находился в плохом настроении, поэтому разговаривал сквозь зубы. У Ельшина настроение тоже было не радужным, однако он привык себя сдерживать и казался беззаботным и веселым.

---

* Шопенгауэр.

— Как вам решение Совета Федерации увеличить депутатам оклады в два раза? — весело сказал он. — Общественность и без того — как пороховая бочка, а эти кретины сами поджигают фитиль.

— Ближе к делу, — пробурчал Галкин, вытирая мокрые от пота шею и лоб огромным платком. — И давайте прекратим эти конспиративные посиделки в подобных местах. Уровень нашей работы позволяет спокойно решать дела в более комфортных условиях. А то прямо — партизаны.

Ельшин улыбнулся, хотя глаза его оставались ледяными, хотел пошутить, но вздохнул и заговорил о другом:

— Вы правы, конечно, Николай Иванович, но я не хотел бы, чтобы о нашем рандеву узнал уважаемый премьер-министр. Он не сторонник нашего альянса. К тому же возникли кое-какие осложнения...

— Поконкретнее.

— «Чистилище» зацепило Купол, что чревато последствиями. Если мы не уничтожим руководителей «Стопкрима», а точнее — их главного координатора, грядет катастрофа. — Ельшин успокаивающе поднял руку, поняв, что хотел сказать министр. — Но мы все же более или менее контролируем ситуацию.

— Более или менее... Каким образом «чистилище» вышло на Купол? На кого именно?

— Пока только на арсенал.

— На «Щит»?!

Начальник контрразведки кивнул.

— Убит Шмель... Вообще-то мне пока не ясен мотив нападения. Если бы «чистильщики» захотели уничтожить базу, они действовали бы иначе. Правда, все равно база теперь засвечена и нам придется перебрасывать оружие дальше, может быть, даже за рубеж. В Украину, например, там у меня хорошие связи. Но все равно нужна ваша помощь.

Министр смачно сплюнул, мотнул головой.

— Профессионалы, мать вашу!.. Как это произошло?

Ельшин рассказал, помолчал немного.

— И снова у моих спецов создалось впечатление, что против нас работает некий супермен, связанный с нечистой силой... или наоборот, с чистой, не суть важно.

— Не тот ли ганфайтер, тайный перехватчик Дикого?

— Не знаю... пока. Может быть. Дикого вы заставили уйти, но, к сожалению, он не успокоился и начал задавать вслух вопросы, на которые не должен получить ответы.

— Так уберите его! — с раздражением повысил голос Галкин. — Пусть ищет ответы в аду! И ганфайтера уберите, неужели нельзя просчитать его шаги? Ведь он стандартный профессионал, а значит, логически вычисляем.

— Работаем, — поморщился Ельшин. — Компьютерный анализ почти закончен, добавим данные по операциям и поймаем.

— Пустите по его следу этих ваших «зомби».

— «Зомби» — не гении сыска, просто запрограммированные люди, не боящиеся смерти и владеющие всеми видами рукопашного боя. Они понадобятся, когда нужно будет его брать, а пока расчет на умы других. У меня есть пара профи его класса, элита боя, но им нельзя говорить правду — за что мы хотим убрать этого человека.

— Так не говорите. Дайте задание найти и ликвидировать, в крайнем случае — взять живым и доставить на Лубянку.

— Чтобы с ним начали работу ребятки Панова? Это почти провал, Николай Иванович. Прошу вас, не отвлекайтесь на такие пустяки, я в состоянии решить эту проблему сам. Давайте поднимемся на уровень выше. Меня сейчас волнуют два вопроса. Первый: деятельность «чистилища», наступающего нам на пятки и имеющего первоклассную информацию. Кстати, откуда они ее берут? Ни одной утечки информации мы не обнаружили, и тем не менее «Стопкрим» знает о нас все! Что меня, естественно, пугает. Второй вопрос: реализация психотронного оружия, главным из которого является суггестор «Удав», «глушак», так сказать, и генератор боли. Если мы не реализуем его в ближайшую пару недель, «чистилище» раструбит о нем по всему миру. А уважаемый Михаил Сергеевич вместо того, чтобы помочь со связями, делает какие-то странные телодвижения, начинает мешать.

— Вы о чем? — насторожился министр обороны.

— У меня есть сведения, что Краснорыжин беседовал о психотронном оружии с экспертами из Совета безопасности. Зачем? Что ему неясно?

Галкин задумался на минуту, крепко помял шею ладонью, снова взялся за платок. Ельшин, видя его мучения, включил кондиционер, но холодный тоник из бара не предложил.

— Совет безопасности — это уже прерогатива президента. И это опасный уровень. Михаил Сергеевич играет на грани фола. Надо его предупредить.

— Вот и поработайте с ним, Николай Иванович. Мне трудно представить себе объемы воображения премьера, не дай Бог, он окажется романтиком!

Галкин кивнул.

— Все? А что это вы в прошлый раз намекали на помощь какого-то специалиста? Что это за человек?

— Он не человек. — Ельшин засмеялся, любуясь выражением лица министра. — В свое время вы все узнаете, генерал. Если понадобится, он сам вас найдет. До связи.

Несмотря на жару и духоту — кондиционер не помогал, — начальник московского уголовного розыска был одет в служебный ге-

неральский мундир и чувствовал себя прескверно. В кабинете кроме него присутствовали начальник ОРБ полковник Синельников и заместитель начальника ГУБО Зинченко. Оба поглядывали то на генерала, то друг на друга, но молчали.

— Вы держали его в руках, — сказал Юрий Феодосиевич, сдерживая раздражение. — И упустили. Одного человека!

— Он не просто человек, — по обыкновению негромко сказал Зинченко. — Он ганфайтер, профессионал высочайшего класса. И еще надо доказать, что он виновен.

— Да не защищайте вы его, махнул рукой генерал, не глядя на поникшего Синельникова. — Если двадцать бойцов не могут взять одного — грош цена бригаде! А насчет виновности этого ган... э-э, файтера, так это пусть выясняет суд, наше дело обезвредить преступника, поймать его и доложить наверх, что все в порядке.

— В том все и дело, что он не преступник.

— А почему вы так уверены? — с подозрением спросил Юрий Феодосиевич.

— Если Александр Викторович описал этого парня точно... прошу прощения, полковник, я верю. Так вот, судя по описанию — это он, ганфайтер-перехватчик, волкодав и барс, сотрудник особого резерва «СМЕРШа», которого нам дали «во временное пользование» по просьбе моего шефа. Уверен, к убийству Ильи Шимука он не имеет никакого отношения, его просто подставили. Причем тот, кто знает или хотя бы догадывается о том, кто он, то есть человек из ВКР. Ну, или из контрразведки ФСК.

— Мы считаем, что позвонивший нам работает в МУРе, — хмуро сказал Синельников.

— Не обязательно, просто он обладает необходимой информацией. Но поискать, конечно, стоит и у вас.

— Свою контору вы исключаете?

— Не исключаю, но в моей конторе о привлечении ганфайтера знали только двое: мой шеф и я.

Генерал, болезненно усмехаясь, закурил.

— Да, новость за новостью... а я, как всегда, узнаю последний. О приказе министра вы слышали? Сотрудников «Стопкрима», застигнутых во время проведения своих «операций», расстреливать на месте.

— Слышали, — в один голос произнесли Зинченко и Синельников.

— С подачи генпрокурора, — добавил Николай Афанасьевич. — Почему-то он особенно заинтересован в ликвидации «чистильщиков» без суда и следствия. Нас это навело на кое-какие размышления.

— На что вы намекаете? — помрачнел генерал.

— Проанализируйте, Медведь просит сделать это как можно бы-

стрее. — Зинченко подал Юрию Феодосиевичу черную папку с вытисненными вверху золотом четырьмя нулями. — Здесь кое-какие факты из жизни и деятельности генерального прокурора. Потом встретимся и помозгуем.

Генерал взял папку, недоверчиво глядя на Николая Афанасьевича, хмыкнул.

— Однако, вы меня озадачили. На кого замахиваетесь? И почему именно я должен анализировать, а не министр?

— К нему у меня доступа прямого нет, а в его окружении немало лиц, подконтрольных комиссии по коррупции. Да и в него самого веры мало, кое-какие штрихи из биографии говорят не в его пользу. Да и приказы типа того, что вы сообщили, как-то не укладываются в русло законности.

— Так вы далеко зайдете в своих подозрениях. — Генерал с неудовольствием спрятал папку в сейф, но в голосе его не было уверенности. Вернулся к столу. — Итак, коллеги, это была прелюдия. Вернемся к делам конкретным. Первое — расширение сети, второе — координация сил. Слушаю ваши предложения, Александр Викторович.

— Мы установили адреса полутора десятков человек, подозреваемых в связях с «чистилищем», — начал Синельников. — Предлагается одноразовая, требующая хорошей подготовки и большого количества оперов, операция по их захвату. Но стрелять без нужды...

— Я понял. Готовьте группы. Только учтите, что мы не одни будем участвовать в операции, придется поставить в известность и ФСК, и министра, чтобы не получилось накладок. Учтите еще и то, что преступный мир тоже будет готовиться со своей стороны, «помогать» нам, так сказать. Купол, насколько я знаю, очень недоволен деятельностью «чистилища» и пустит по нашим следам своих «специалистов» по мокрым делам. Я понятно выражаюсь?

Синельников покосился на Зинченко.

— Если мы все «под колпаком» у Купола... извините за тавтологию, то закидывая сети, мы тем самым напрямую объявляем мафии о своих планах.

— У вас есть другие предложения?

— У меня есть, — вмешался Зинченко. — Аналитики есть и у вас, и у нас, и у Купола, и все работают по известным стандартным тестам, зная, как будет действовать тот или иной профессионал. Мой шеф и я разработали пакет рекомендаций, способных озадачить чужих аналитиков. Предлагаю ознакомиться.

Генерал глянул на часы, кивнул.

— Это ваша компетенция, полковник. Подключите Глеба Максимовича, Рудольфа Олеговича, и вперед. Потом после обеда ко мне. Все ясно?

Синельников и Зинченко молча встали из-за генеральского стола, на котором стояла отечественная аппаратура интеркома, телефон «горячей линии» и многофункциональный телефон японского производства.

Впервые это чувство посетило Матвея на Казанском вокзале, когда он появился там в кассовом зале, чтобы взять билет до Рязани. Чувство можно было выразить двумя словами: тучи сгущаются! Откуда оно взялось, Матвей толком объяснить не смог бы, но интуиции своей доверял полностью. Что-то изменилось вокруг, сдвинулись массивы неосознаваемой информации, создавая вибрации полей, которые улавливались где-то в глубинах психики неизвестными датчиками, и у Матвея как бы открылся третий глаз, позволяющий ему видеть контуры будущего.

Размышляя о том, почему он не поехал в Рязань, чтобы проведать Кристину, на машине, а выбрал поезд, Матвей взял билет и отошел в угол зала, за колонну, где на ворохе узлов сидел краснорожий детина и уплетал колбасу, отламывая от батона белого хлеба огромные куски. Ел он так смачно, что Матвею самому захотелось перекусить, поэтому он не удивился, заметив еще одного наблюдателя — пацана лет десяти, одетого бедно, но в аккуратно заштопанные и чистые шортики и майку, который во все глаза смотрел на пирующего Гаргантюа. А когда парнишка подошел ближе, Матвей понял, что тот увечный: правая нога не разгибалась, и он ее подволакивал.

Глядя, какими глазами он смотрит в рот жующего, Матвей сглотнул ком в горле, хотел было намекнуть детине: поделись, мол, дай ребенку кусок, — но передумал и полез в карман за деньгами. И тут краснорожий протянул вдруг руку и дал мальчишке подзатыльник, так что тот врезался головой в колонну.

— Иди отсюда, ворюга!

Парень однако не заревел, хотя слезы навернулись на глаза с кулак величиной. Завозился, с трудом вставая на ноги, и поковылял по залу, не оглядываясь. В душе Матвея что-то сгорело, жар хлынул к щекам, перехватило дыхание, и он с трудом удержал рыдание в груди, будто это ему сделали больно. Шагнув к детине, привычно выбрав точку удара, он внезапно понял: краснорожий «коммерсант» его не поймет, что бы он ни сделал, и Матвей позволил себе лишь одно только слово, произнесенное тихо, но четко: ублюдок!

Детина подхватился было с узлов, чтобы дать достойный ответ, но глянул в глаза Соболева, светящиеся ледяной синью, и в растерянности сел на свои мешки и узлы.

Мальчишку Матвей нашел за киоском с коммерческим набором: парень сидел на полу, сжавшись, плечи его вздрагивали. Матвей

присел рядом на корточках, дотронулся до худенького незагорелого, несмотря на лето, плеча. Мальчишка вздрогнул, отодвинулся, оглянувшись на незнакомого дядю, и, видимо, что-то в лице Матвея поразило его, потому что он широко распахнул глаза, из которых брызнули слезы, и недоверчиво уставился на взрослого, приоткрыв рот, готовый уйти, если прогонят.

— Что, досталось? — улыбнулся Матвей.

Мальчишка ощетинился, вспомнил обиду, сморщился, сказал сдавленным голосом:

— Я ничего ему не сделал... я не ворую... — Он показал измазанные ладошки. — Дядь, за что он меня, а?

— Он болен, — серьезно ответил Матвей. — Таких за версту надо обходить. Ты что же, кормишься здесь?

— Не, я бутылки собираю, а бабуля сдает.

— А мамка твоя где?

— Нету мамки, сгорела она, похоронили в прошлом году.

— А папки нету разве?

— Нету, он за границей сидит, я с бабулей живу. Да вы не думайте, я ей помогаю.

Матвей снова проглотил ком в горле, достал пятьдесят тысяч разными купюрами, сунул мальчишке в кармашек шортиков.

— Держи, пацан. Иди к бабуле, привет ей передай, на какое-то время вам хватит, а потом я еще принесу. Бутылки больше не собирай, хорошо? Где живете-то?

— На Ольховской, пять «а», сорок два. Только я деньги не возьму, бабуля ругаться будет.

— Не будет, скажешь, Матвей прислал, дальний родственник твоего папки. Только не потеряй, по вокзалу не шастай. Тебя как зовут?

— Стасом.

— Ну вот и познакомились. Беги, я скоро приеду и зайду.

Мальчишка вытер слезы, вздохнул по-взрослому, виновато глянул на Матвея снизу вверх и похромал к выходу из зала. Оглянулся у двери, помахал рукой, робкая улыбка тронула его губы, и соленая волна прихлынула к глазам Матвея, отозвавшись в сердце, в крови, в душе желанием догнать, обнять, прижать к себе и не отпускать.

— Я приду! — поклялся Матвей себе и ему.

В начале одиннадцатого утра он был в Рязани.

Кристина жила с родителями недалеко от площади Победы, на улице Красной, в пятиэтажном доме старой постройки. Чувствуя, как неровно забилось сердце, пытаясь успокоиться и одновременно с удивлением прислушиваясь к себе, Матвей позвонил в дверь двенадцатой квартиры на третьем этаже. Ему открыла молодая женщина, как две капли воды похожая на Кристину, одетая в мужскую рубашку с короткими рукавами и шорты.

— Вам кого? — певуче спросила она, отбрасывая со лба волосы движением Кристины.

— Вы Ольга Николаевна, мама Кристы, — утвердительно сказал Матвей. — Здравствуйте. Я Соболев. Кристина дома?

Женщина с любопытством оглядела Матвея, но в дом его не пригласила.

— А Криста уехала. — В глазах ее зажглось удивление, сменилось легкой тревогой. — Позавчера за ней зашли двое, сказали... да-да, я сама слышала, я в отпуске и все время дома. Они сказали: с вашим другом случилось несчастье, надо ему помочь.

Сердце Матвея оборвалось.

— Когда это было? Позавчера, говорите? — Он вспомнил о своем налете на базу «Щита». Да, если Кристина и звала его, он не слышал. — А ребят этих описать сможете?

Ольга Николаевна повела плечиком; точно так же пожимала плечами ее дочь.

— Высокие, мускулистые такие. Один вроде бы как грузин, с усиками, а второй шатен с бритыми висками, не очень приятный на вид. Но очень вежливый. Да, у них на пальцах перстни были интересные...

— В виде черепов? — быстро спросил Матвей.

— Д-да... Значит, это все-таки были ваши друзья? Заходите, — спохватилась Ольга Николаевна. — Чаю попьем, или кофе, или тоника.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз, я очень спешу.

«Друзья», значит, подумал Матвей с удивительным спокойствием. Вот они как решили меня взять! Но откуда они узнали о Кристине? Через Жоржа? Ведь знать надо не просто ее ухажера, но конкретного человека по имени Матвей Соболев! Кто мог дать такие сведения? Какой ангел, Бог или дьявол знает о Соболеве так много?!

Мать Кристины продолжала смотреть на него вопросительно и тревожно, и Матвей поспешил ее успокоить:

— Не волнуйтесь, мы просто с ней разминулись, все будет хорошо.

Ольга Николаевна улыбнулась, кивнув, спрятала сомнение.

— Может, все-таки зайдете?

— Если не возражаете, я приеду с Кристиной. Она обещала увезти меня к морю.

Неизвестно, что на него нашло, но Матвей вдруг взял руку Ольги Николаевны и поцеловал, постаравшись вложить в этот прощальный жест уверенность, которой не испытывал.

Выйдя из дома в пекло улицы, он остро пожалел, что не поехал на машине. Теперь предстояло мучиться вопросом, как уехать в Москву, поездом, автобусом или ловить частника. Прикинув возможности, Матвей поспешил на вокзал «Рязань-2» и не пожалел. Уже через сорок минут он ехал в купе проводника поезда Астрахань-Мо-

сква. А когда загнал внутрь мысли о Кристине, вытянул ноги, отрегулировал внутренние напряжения, позволявшие не чувствовать жары, пугающая догадка вдруг заставила его мгновенно вспотеть: Дикой! Только генерал мог сказать кому-то под известным давлением, кто такой Матвей Соболев.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА

Стрелки часов стояли на пяти дня, когда Матвей подошел к подъезду дома, прислушиваясь к своим ощущениям и проверяя, не следит ли кто за ним. Интуиция тревоги не поднимала, хотя у подъезда на лавочке сидел, сгорбившись, подогнув ногу под себя, какой-то мужчина средних лет со стрижкой «а ля призывник», одетый в старые джинсы и выгоревшую черную рубаху. Зэк бывший, что ли? — подумал Матвей, проходя мимо и фиксируя лицо незнакомца, бледное, отрешенное, и каждый его жест. Похоже, вышел недавно или сбежал. Впрочем, если бы дал деру, не сидел бы так свободно у всех на виду.

— Эй, друг, — позвал мужчина, — воздух есть?

Матвей остановился, хотя делать этого вовсе не собирался. Но от незнакомца веяло не угрозой и опасностью, а тоской и неблагополучием. И лицо у него было не просто бледное, а зеленое, как у страдающего желудком. Предположение Соболева подтверждалось: мужик явно вышел из мест заключения, потому что «воздух» на тюремном арго означал «деньги».

— А много надо? — поинтересовался Матвей, внимательно разглядывая мужчину, прикидывая возраст: лет сорок пять — сорок восемь.

— Куска два хотя бы, есть хочу.

— Давно с дачи?

Мужчина усмехнулся, хотя глаза его оставались тоскливыми, неподвижными, невидящими.

— Смотри-ка, на кореша попал. Рыбак рыбака видит издалека. Неделю назад выпустили. А домой приехал — жена от ворот поворот: мне бандит не нужен. Вот и сижу, кумекаю, куда идти.

Матвей подумал, сел рядом.

— За что сидел?

Мужчина снова дернул уголком губ, обозначая улыбку.

— А ты не тихарь* часом? Так я еще ничего не успел сделать. Да и не волк я, а олень**, соображаешь? Время есть? Хошь, расскажу историю. Шофер я, дальнобойщик. Бывший, само собой. Тормознули меня в Зеленограде, гаишник пьяный попался, а так как

---

* Тихарь — представитель правоохранительных органов, переодетый в гражданское платье.

** Волк — профессиональный преступник, олень — человек, не принадлежащий к преступному миру.

придраться было не к чему — дай, говорит, ножик твой; я как раз колбасу резал на сидении, ножик сам делал, с наборной рукояткой. Ну, и отдал. А через день повестка в милицию. Назад уже не вернулся, забрали, пришили статью: «Незаконное ношение оружия». Попрыгал сначала, все юриста требовал, пока почки не отбили. Отпахал три года. Понял, за что?

Да, долго еще придется «чистилищу» разбирать вот такие дела, подумал Матвей, стиснув зубы. Судебно-чиновничий произвол самый страшный, потому что начисто отрицает возможность добиться правды. Вряд ли какая-то конкретная организация способна сломать ему хребет, хребет с и с т е м ы беспредела. Нужно, чтобы заработал закон, но в этом-то как раз никто и не заинтересован. Особенно властные структуры.

— Что молчишь? — поднял брови бывший зэк. — Решаешь, сколько дать? А то валяй, звони мусорам.

— Пошли, — встал Матвей.

— Куда?

— Ко мне, покормлю.

Мужчина с интересом глянул на собеседника, хотел ответить отказом и передумал. Больше они не разговаривали.

Матвей провел нового знакомого, которого звали Алексей, Леша в ванную, дал полотенце, а сам, пока тот мылся, приготовил ужин: яичницу с колбасой, бутерброды с корейкой, сыр, чай.

— Ну, ты даешь! — проговорил Леша после ужина, осоловело откинувшись на диван и недоверчиво разглядывая хозяина. — Вот так, за здорово живешь, привести к себе блатаря... Не боишься?

— Не боюсь, — сказал Матвей, думая о своем.

— А сам где сидел?

— Далеко. Отсюда не видно.

— Понятно. Что ж, должок за мной. Мерси за приют, попрусь я.

— Оставайся. — Матвей оторвался от дум, глянул на часы. — Идти-то тебе некуда.

— Откуда знаешь?

— Сам же сказал. Живи пока, только не трогай ничего, квартира чужая. Спать будешь здесь, на диване, постельное белье в шкафу. Вот тебе десять кусков, отдашь когда-нибудь.

На лице Леши отразилось сомнение.

— Чтой-то я тебя не пойму... Али я на вербняк попал? Уж не пахан ли ты местный?

— Не пахан. Захочешь, уйдешь, захлопни дверь только. Сейчас я уеду и буду часам к девяти. Ужинай без меня.

Не отвечая на недоуменно-ошарашенный взгляд гостя, Матвей переоделся и вышел. Он поверил этому человеку сразу и, хотя в душе понимал, что не имел права вести его к себе на квартиру, принадлежащую военной контрразведке, не помочь человеку тоже не мог.

Вернулся Матвей затемно.

Леша смотрел телевизор, посвежевший и отдохнувший. Оглянулся на звук открываемой двери.

— Салют, атаман. Я тебе сделал мясо по-шоферски, пальчики оближешь. Тут тебе звонили только что.

Матвей застыл с поднятой ногой. Мгновенно отозвались сторожевые центры тела, заговорил «мотор» сердца, набирая обороты, но даже раньше, чем сработала «молния» озарения, он понял — поздно. Его нашли! Невероятно быстро, слишком быстро!

Зазвонил телефон.

Матвей, склонив голову набок, прислушался к шагам в коридоре, к вечернему шуму за окном, заметив открытый рот удивленного такой его реакцией Алексея, приложил палец к губам.

— Ти-хо! — Снял трубку.

— Четверка, уходи! — раздался в трубе сдавленный голос генерала Дикого. — Зекс, понял? Меня пасут, помочь не смогу, быстро ухо... — В трубке раздался треск и голос пропал. По второму щелчку Матвей понял, что это выстрелы. Положил трубку, прошептал про себя: «Спаси и сохрани!» Обернулся к недоумевающему постояльцу.

— Делаем ноги, Алексей. Нас достали.

— Ага. Значит, прав я был, ты — из волков...

— Скорее из волкодавов. Не время рассуждать... — Матвей не договорил, потому что в квартиру, выломав дверь одним ударом, ворвался ничем с виду не примечательный молодой человек в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и серых джинсах. Но двигался он так стремительно, что для Леши выпадал из поля зрения. Прыгнул через весь коридор в гостиную и застыл напротив Матвея в свободной раскованной позе, оценивая его неподвижность и потенциал. На Алексея он даже не взглянул.

Известно, что любая навязанная телу поза лишает спонтанности атак и защиты, вариабельности ответа, возможности максимальной импровизации, поэтому Матвей никогда не принимал никаких стоек, как это делают мастера восточных единоборств. И хотя ворвавшийся в квартиру парень с виду никак не походил на силача и бойца, а также не принял характерной позы каратэка, мастерство его, опыт и внутренняя сила чувствовались сразу. Однако и он оценил противника верно, коротко поклонился.

— Привет, ганфайтер. Я не ошибся?

— Здоровеньки булы, ганфайтер. Нет, не ошибся.

— Странно, что меня не предупредили... И лицо мне твое знакомо. Мы встречались?

— Леша, повесь дверь, — сказал Матвей через плечо.

Бывший шофер захлопнул рот, опасливо обошел непрошеного гостя и стал прилаживать сорванную с петель дверь. Матвей, уж давно

напрягавший память, вспомнил наконец, где видел парня. Оба когда-то начинали заниматься у одного наставника по капоэйра — бразильскому боевому искусству.

— Василий, — сказал Матвей. — Фамилию не помню.

— Соболев, — сказал парень и засмеялся. — Имя тоже не помню. Значит, меня подставили?

Матвей не расслабился, но почувствовал облегчение. Мастер такого класса, как Василий, не работал с группой, а значит, за дверью не прятался патруль поддержки.

— Что тебе приказали?

— «Погасить облик»* носителя утечки информации. И дали твой адрес.

— Лихо! Узнаю почерк «фискалов». Управление «К»?

— «Т». А ты из «СМЕРШа»?

Оба рассмеялись, тихо и невесело.

— М-да. Что будем делать?

— А ничего. Нам двоим нечего делить в этом мире, а в твою вину я не верю. Попытаюсь разобраться, в чем дело.

— Не пытайся, уберут.

— Пусть попробуют. — В голосе Василия послышалась нотка апломба, хотя с другой стороны он, наверное, имел право на высокую самооценку. — Удачи тебе, ганфайтер. Встретимся в другой жизни.

Исчез он в два приема, не так, как Горшин, но тоже бесшумно и быстро, как призрак.

— Кто это был? — проворчал Леша, сбитый с толку.

— Папа римский. — Матвей очнулся, открыл кое-как навешенную дверь и вытолкал Алексея на площадку. — Аллюр три креста, Леха, не дожидайся облома**. Может, когда и встретимся.

Собирался Матвей пять минут, в последний раз оглядел квартиру, проверил, не ждет ли его во дворе еще кто-нибудь, и спустился к машине. Через полчаса он подъехал к дому на площади Маяковского, где находилась квартира генерала Дикого Валентина Анатольевича, бывшего шефа военной контрразведки «СМЕРШ-2». Пока ехал, в голове крутилась одна мысль: вычислили его слишком быстро! Слишком!..

Интуиция подала сигнал тревоги, когда он входил в лифт: под почтовыми ящиками на стене в подъезде возился молодой парень с чемоданчиком инструментов, второй в это время «ремонтировал» электрощит, а третий якобы дожидался, пока опустится лифт. В ка-

---

* «Искусство гасить облики» — в терминологии ниндзюцу означает физическую ликвидацию.

** Облом — избиение.

бину он вошел одновременно с Матвеем, а следом тут же шагнул «ремонтник». Но заговорить с жертвой они не успели, Матвей начал бой первым, по принципу кодосуру*.

«Попутчика» он нейтрализовал ударом кулака по точке ван-ку, расположенной позади уха, причем так быстро, что взмах его руки был нечитаем противником. «Ремонтник» попытался воспользоваться автоматом АКС-93 «Гном», выхватив его из-под комбинезона, и был наказан жестоким блоком с ответом в висок.

Матвей проехал этаж, на котором располагалась квартира Дикого, спустился по лестнице до поворота и прыгнул сверху на двух куривших амбалов, одежда на которых трещала от могучих бицепсов и шей.

— Ну, что? — высунулся из приоткрывшейся двери еще один здоровяк. Вряд ли он успел понять, что произошло, прежде чем потерял сознание от легкого касания ребра ладони к темени. Удар этот в русбое имел собственное название — «поцелуй в лысину».

Придержав его и тихо опустив на пол, Матвей вошел в прихожую генеральской квартиры, состоящей из пяти комнат, и, безошибочно определив, кто еще находится в ней, перешел на сверхскорость. В двух комнатах он нашел четверых, сняв их без шума точными бросками окатышей. В гостиной мирно беседовали трое, один из которых выделялся осанкой и манерой повелевать, а двое других исходящей от них физически плотной волной злобы. У их ног лежал на полу Валентин Анатольевич Дикой, и одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять: он мертв.

Красная пелена застлала глаза Матвея, а когда он очнулся, двое убийц лежали друг на друге со свернутыми шеями, а третий, явно руководитель операции, похожий на казаха или узбека, зажимал себе горло, согнувшись, силясь вздохнуть. Матвей не помнил, что и как он сделал, за него сработали рефлексы, но такое с ним случилось впервые, и он вдруг испугался, поняв, что потерял над собой контроль. Присел над телом Дикого на колено, отодвинул веко, вздохнул. Пробормотал про себя: «Прости, Валентин Анатольевич, это я виноват. Надо было уговорить тебя уехать отсюда».

Поднял голову на «казаха», глаза которого горели, как угольки. Страха в них не было, разве что изумление да ненависть.

— За что? — Голос сел, и Матвей повторил вопрос.

«Казахо-узбек» перестал хрипеть, выпрямился.

— Тебе не уйти, кругом мои люди.

Матвей прыгнул прямо с колен, с наслаждением — не беззащитен, гад! — встретив умелый блок гангстера и ответил ударом в одну из болевых точек на лице противника. «Казах» отлетел к серванту, но не упал, глаза его от боли вылезли из орбит.

---

* Кодосуру — принцип айкидо: действуй, увлекайся в действия без колебаний.

— Это шоку, — любезно объяснил Матвей. — А это чжон-коан, в просторечии «кайф».

Руководитель убийц мешком осел на пол, глотая воздух, закатил глаза, но Матвей не дал ему упасть, нанеся отрезвляющий удар по ушам. Если бы «казах» мог вдохнуть, он бы заорал от боли, но легкие его смогли выдавить только икающий хрип.

Матвей наклонился над ним. Глаза его светились такой прозрачно-ледяной синью, что «казах» заскулил, пытаясь отодвинуться.

— У меня мало времени, — сказал Матвей. — Но тебя я прикончить успею, если не ответишь на два вопроса. Первый: кто заинтересован в продаже похищенной партии оружия?

— Ку... пол, — выговорил «казах», кусая губы; в себя он приходил быстро и надежды не терял.

— Это я и сам знаю. Кто конкретно?

— Крас... но... рыжин...

— Премьер?! — Матвей присвистнул. — Занятно... Впрочем, я проверю. Шефа своего ты не упомянул, однако. Последний вопрос: на кого ты работаешь?

— На...

— Смелее! — Матвей слегка коснулся скулы «казаха», отчего тот отлетел на метр.

— На Ельшина. Все равно тебе не уйти, Соболев, хоть ты и ганфайтер, и волкодав, и барс.

Матвей несколько секунд всматривался в глаза вожака убийц, заставляя того бледнеть до синевы, обыскал его карманы, достал пропуск на имя майора Федеральной контрразведки Хасана Ибрагимова. Сказал беззвучно:

— Встретимся в другой жизни...

Ибрагимов отпрянул, поняв приговор, но привести его в исполнение Матвей не успел: в прихожую ворвалось сразу пятеро, группа прикрытия, почуявшая неладное. Высокой выучки подразделение «Стикс».

О да, они были готовы: стрелять, бить, скручивать и ломать руки, ноги, душить, резать, хватать. Они были готовы к любой ситуации, но рассчитанной штатно людьми, привыкшими к нормальному человеческому «материалу», пусть и хорошо тренированному. Однако Матвей в данный момент уже н е б ы л обыкновенным человеком. Знакомая «молния» пронзила его с головы до пят, высвободила скрытые резервы и обеспечила мгновенный выход на подсознание, за пределы пяти человеческих чувств.

На сей раз он удержал сознательный контроль над своим синтезированным «сверхчеловеком», хотя действовал все равно за гранью человеческих реакций. Но и сил потратил столько, что потом с трудом добрался до машины и рухнул на сидение почти в обмороке.

Бой длился буквально секунды, ну, может быть, от силы полми-

нуты, его и боем-то назвать было нельзя, потому что Матвей ураганом пронесся сквозь отделение «Стикса», оставляя за собой падающие тела. Хасана Ибрагимова он выключил первым, потому что тот обнаружил прыть и достал пистолет.

Ребята хорошо знали свое дело и начали стрелять сразу после его прыжка, но у них не было свободы маневра, в тесноте квартиры они боялись зацепить друг друга, и поэтому негромкие очереди из «Гномов», а также мощные струи огня из «Волков» можно было просчитывать и обходить. Последнего — шестого десантника Матвей достал в подкате на лестничной площадке, после чего тот улетел в окно и выпал с пятого этажа. Уцелел ли он, Матвей так и не узнал.

На пределе сил отбившись от двух верзил группы прикрытия во дворе дома, Соболев ввалился в «шестерку» Ильи, с трудом повернул ключ зажигания, а отъехал уже на «автопилоте». Правда, в себя пришел тут же, но боль почувствовал только через несколько минут, когда позволил себе чуть расслабиться. У него оказалось около дюжины синяков на плечах и груди и три борозды от пуль: на спине, на шее и на бедре.

— Могло быть хуже, — прошептал он, проваливаясь в минутный сон-забытье. Очнулся, глянул по сторонам: машина стояла в каком-то тихом дворе с висящим на веревках бельем — и снова погрузился в сон. Так, с перерывами, он проспал около часа, пока накопил достаточно сил, чтобы ехать. Подумал: ну, ганфайтер, куда теперь?

Сдаваться в плен, с иронией ответил внутренний голос.

Ну, это мы погодим, возразил Матвей. Я еще не все долги отдал.

Тогда езжай туда, где можно привести себя в порядок.

Спасибо за дельный совет. Конкретней можно?

Да хотя бы к бабуле Стаса, помнишь, на вокзале? Ты ему обещал заехать.

Ты гений!

А как же, скромно согласился Матвей сам с собой.

Вскоре он оставил машину во дворе дома номер пять «а» по улице Ольховской, недалеко от Казанского вокзала.

Проспал он без малого сутки, перепугав Марию Денисовну, бабулю Стаса, сухонькую беленькую старушку, оказавшуюся прабабушкой мальчугану. После смерти матери и бегства отца за рубеж — в Украину — родные бабушки и дедушки не захотели воспитывать «бандита», пришлось семидесятидевятилетней старухе забирать его к себе.

— Стасик — хороший мальчик, — сообщила она после знакомства, потрясенная щедростью новоявленного «родственника». — Добрый и ласковый, только замкнутый очень. Это он летом только

подрабатывает, я его не заставляю, сам решил. А так в школе учится, не отстает. Книжки любит читать.

— Какие книжки-то? — обратился Матвей к Стасу.

— Фантастику, — объявил тот с набитым ртом. — Где на мечах дерутся и так... Вырасту, вылечусь и сам буду.

— Драться, что ли?

— Не, слабых защищать.

— Ешь аккуратней, защитник, — скупо улыбнулась Мария Денисовна.

Матвей промолчал. Он чувствовал себя так свободно и легко, как когда-то дома в детстве, и от этого ему было приятно и грустно. А потом его определили на постой в зале, и он отрубился, как только голова коснулась подушки на стареньком диване.

Мария Денисовна разбудила его, коснувшись плеча.

— Ну и спать ты горазд, милок! От уж сутки натикало. Я уж думала — не помер ли! Шутка сказать — ни разу не повернулся. И дыхания не слышно.

Матвей не сразу сообразил, где он, потом вспомнил, потянулся, проговорил с недоумением:

— И ни одного сна!

— Поешь да снова ложись, сны свои досматривай.

— А Стас где?

— Спит поди давно, ночь-то уже. Говорю — сутки проспал.

— Ну да, я же вчера вечером приехал... Ладно, чаю попью и снова лягу, завтра у меня трудный день.

Однако сразу лечь после ужина Матвею не дал Горшин.

Он заявился ровно в одиннадцать часов вечера, ухитрившись понравиться Марии Денисовне так, что она впустила его к постояльцу без лишних расспросов. Матвей еще не привык к манере Тараса находить его в многомиллионном городе безошибочно, однако удивления постарался не выказывать.

— Чай будешь, мил человек? — появилась на пороге комнаты Мария Денисовна.

— Непременно, — кивнул Горшин, — с лимоном и покрепче. А мед я принес. — Он вытащил откуда-то — Матвею показалось, что из подмышки — литровую банку меда. — Липовый. Пчелы по заказу работали. Угощайся, ганфайтер. Кстати, поздравляю: ты объявлен в межгосударственном розыске, ориентировка разослана всем отделениям милиции, ОМОНа и спецназа.

Матвей не ответил, открыл банку, налил в блюдце меда и стал есть, запивая чаем. Тарас понял, молча присоединился к нему.

— Убили Дикого, — сказал наконец Матвей, закончив чаепитие и пытаясь отрегулировать внутренний обмен так, чтобы не выступил пот. Ему это удалось, несмотря на духоту.

— Знаю, — помрачнел Горшин. — Тебе не надо было ехать к

нему. Если и дальше будешь так неоправданно рисковать, я пожалею, что предложил тебе работать на «чистилище».

— Я не давал клятвы подчиняться каждой команде, — угрюмо пробурчал Матвей. — В любой момент я могу порвать контракт, особенно, если начнут ограничивать мою свободу.

— Ошибаешься.

Они скрестили клинки взглядов. Матвею показалось, что кто-то пытается проникнуть к нему в голову, раздвигая черепные кости, пуская в щели усыпляющий газ. Он усилил плотность эндокрана — на уровне ощущений, конечно, — голова прояснилась.

— Не заставляй меня напрягаться, — шепотом сказал Матвей. — Твои уроки не пропали даром, я научился выходить на уровень подсознания, и тебе меня теперь не одолеть.

— Ошибаешься, — насмешливые искры зажглись в глазах Тараса. — Конечно, ты паранорм, я тебе говорил, но тем не менее для скорого и полного созревания тебе нужна психокоррекция. Ты должен постичь базис вселенских законов и научиться различать энергетические потенциалы любых действий. Лишь после этого ты овладеешь нин-по микке* и, может быть, будешь замечен кем-то из Махатм или иерархов.

Матвей снова промолчал. Он считал, что давно замечен одним из иерархов — инфархом, иначе не видел бы свои странные сны.

— А сейчас ты пока — непроросшее зерно, — продолжал Тарас, — по замыслу, и слепой невидимка — по сути.

— Слепой невидимка — это здорово! — нехотя улыбнулся Матвей. Если можешь сделать эту... психокоррекцию, то сделай.

— Это делается в определенное время и в определенном месте. Жди. Наберись терпения и жди.

— Зачем ты нашел меня?

— Мы готовим операцию по уничтожению трех запятнавших себя работников генпрокуратуры, нужна твоя помощь.

— Прошу меня пока не привлекать, я должен закончить... кое-какие дела.

— Какие? Вопрос не праздный, мы должны знать, чем занимается наш сотрудник и чем рискует.

Матвей отнес на кухню посуду, успокоил Марию Денисовну, что ничего больше не нужно, и вернулся в комнату.

— Кто-то увел мою девушку... открыто и нагло! Она уехала домой в Рязань и... Ты знаешь, кто это сделал?

— Нет. — Горшин выдержал взгляд Матвея, побарабанил пальцами по столу. — Я тебя предупреждал. Попытаюсь отыскать ее. Но если девушку взяли, значит, эти неизвестные точно знали, кто ее друг. То есть тебя окончательно вычислили. Так?

---

* Тайные знания вселенной.

— Логично, — вынужден был согласиться Матвей. — Но уж очень быстро меня вычисляют, ты не находишь? Непонятно только зачем тогда объявляли розыск, я ведь и так приду к ним за Кристиной.

— Розыск объявила прокуратура, да милиция, у них свои резоны, а тем, кто захватил девушку, мало задержать тебя или даже уничтожить, они хотят еще и унизить. Обычный стандарт духовных монстров, коих на Земле пруд пруди. Но один ты к ним не пойдешь. Сиди здесь и ничего не предпринимай, пока я не выясню все обстоятельства дела.

— Не обещаю, — тихо сказал Матвей.

— Я сказал — ты слышал.

Матвей поднял похолодевший взгляд.

— Не обещаю. Ты ясно дал понять, что у нас разные цели и разные пути, и я твоим не последую.

— Я мог бы тебя... заставить.

— Попробуй!

Новая дуэль взглядов длилась несколько мгновений. Горшин отступил не потому, что испугался, и не потому, что был слабее. Он понял, что может из друга сделать врага, а врагов у него и так хватало.

— Бог с тобой, — сказал он хладнокровно. — Поступай, как знаешь. Но все-таки держи со мной связь. Похоже, я действительно пожалею, что встретил тебя.

— Я тоже, — в тон ему ответил Матвей.

ВЫХОД НА БАНКИРА

Они встретились ранним утром на квартире у Завьялова.

Дмитрий Васильевич жил один в двухкомнатной квартире, после того как разошелся с женой. Второй муж у нее был бизнесменом, имел шикарную пятикомнатку в центре и все остальное, согласно «высоким» духовным запросам, поэтому квартиру жена делить не стала, забрав только машину и видеоаппаратуру. А детей за три года совместной жизни они не нажили.

Горшин был в гостях у первого комиссара «Стопкрима» впервые, но обстановку не разглядывал и вопросов относительно семьи не задавал.

— Что будем пить? — спросил Дмитрий Васильевич, открывая бар в стенке.

— Нарзан, — ответил Горшин.

Завьялов с любопытством глянул на непробиваемо спокойное уверенное лицо гостя, хотел спросить: «Откуда вы знаете, что у меня есть минеральная вода?» — но не спросил. У него уже давно сложилось впечатление, что Граф знает в с е.

Выпили по бокалу холодного нарзана, сидя в удобных легких креслах бок о бок.

— Итак, Граф, что же делать? — спросил наконец Дмитрий Васильевич. — Нас заставляют воевать на много фронтов. Долго мы так не продержимся.

— К сожалению, ничего успокаивающего сообщить не могу. Против нас заработала гораздо более мощная организация, чем ФСК и МВД, а ее деятельность плохо прогнозируется.

— Что еще за организация? — поднял брови Завьялов. — Президентская служба безопасности?

— Конкере. Монарх тьмы. — По губам Горшина скользнула насмешливая и грустная одновременно усмешка. — С одной стороны я рад, ибо добивался того, чтобы нас заметил именно Он... или она, организация. С другой, мне пока нечего ему... ей противопоставить.

— Это что-то новое. До сих пор я считал, что «Стопкриму» по плечу справиться с любым противником.

— С людьми — да, но она... в общем-то, Конкере не есть организация, система скорее, и в то же время личность. Короче, он не человек.

— Пришелец, что ли? — с добродушной иронией осведомился Дмитрий Васильевич.

— В том смысле, который вкладываете в это слово вы — нет. Он живет везде, во многих реальностях и пространствах, в том числе и на Земле.

— Может, разъясните мне попроще, что он такое? — с поднимающимся раздражением проговорил Завьялов. — Если я не понимаю чего, я боюсь, а если боюсь, то принимаю меры.

— Не нервничайте, Дмитрий Васильевич. В то, что я сообщу, вы не поверите, начнете мучиться, прикидывать, не псих ли я. У нас есть о чем беспокоиться и без этого. Настанет момент, и я расскажу вам все, что знаю, но лучше бы он не наступил.

Завьялов залпом допил минералку, сходил в ванную, умылся и вышел посвежевший.

— Жарко уже с утра, представляю, что будет днем. Граф, комиссар-три сообщил, что ФСК наметила грандиозное прочесывание спортивного мира с целью захвата работников «чистилища».

— Знаю, я предупредил кого следует. Но даже если они возьмут кого-нибудь из наших исполнителей, выше командиров монад им не добраться, не говоря уже о спикерах и опер-грандах.

— А если они перехватают всех исполнителей? С кем мы будем работать?

— Это моя забота, исполнителей найти легче, чем комиссаров. Кстати, как вам Рыков?

Завьялов насторожился. Граф не сказал «комиссар-три», а назвал фамилию, и это было не случайно.

— Что я должен знать?

— Ну, во-первых, он начал блокировать мыслефон. Есть такой приборчик, разработан умельцами из лабораторий ФСК для психотронной войны, и он его носит с собой. Раньше не носил.

Дмитрий Васильевич внутренне поежился. Его давнее ощущение подтверждалось: Граф каким-то образом «читал» их мысли.

— Во-вторых, он обезопасил себя двойным прикрытием, телохранителями высокого класса. В-третьих, некоторые намеки его на контроль криминальных деловых кругов заставляют предполагать, что комиссар-три не прочь занять место босса Купола. Н о в о г о Купола, — подчеркнул Горшин, — того, что возникнет после разгрома «чистилищем» старого. Причем, может так случиться, что этот новый Купол вырастет из «Стопкрима», особенно если после разгрома клана сохранить все его связи.

Завьялов вздрогнул. Граф не был на последнем совещании «красного квадрата», но з н а л, какие вопросы обсуждались и кто что говорил.

— Не отвечайте, — помог ему Горшин сочувственно. Я действительно знаю все... или почти все. К сожалению, люди остаются людьми, особенно когда дело касается власти. Одного лишь никогда не происходит — пресыщения властью. Человеку, а тем более недалекому, всегда мало. Казалось, я хорошо подобрал кандидатуры в «квадрат», «чистилище» заработало эффективно и успешно. И вот начались сбои... Кстати, я ликвидировал Кравчука, а также спикера, который подставил Ариставу, но он перед... э-э, уходом сообщил мне интересную вещь: инструктировал его наш уважаемый комиссар-пять.

— Музыка?! — побледнел Завьялов. — Глеб Максимович? Не может быть!

— Ну, инструктировал, может быть, сильно сказано, однако смысл наставлений был таков. Нет, Глеб Максимович не завербован Куполом или контрразведкой... что почти одно и то же, он просто ищет форму влияния на события, чтобы всегда быть над ними. А это значит и над нами.

Завьялов закрыл лицо руками, переживая стыд и печаль, потому что он хотел т о г о же. Горшин смотрел на него оценивающе, с легкой насмешкой, понимающе и сочувственно. Он знал, что когда-нибудь придется решать — стоит ли вообще опираться на людей, слабых, непостоянных, ограниченных, живущих только сегодняшним днем. В конце концов и лучшие из лучших становятся слабыми, подверженными страстям и желаниям... если, конечно, успевают дожить хотя бы до средних лет.

Примерно в это же время состоялась встреча еще двух человек, лидера Купола Георгия Георгиевича и начальника его охраны и

службы безопасности, главного секьюрмена Хасана Ибрагимова, занимавшего пост командира знаменитого оперативного подразделения «Стикс» в системе Федеральной службы контрразведки.

Георгий Георгиевич, одетый в шикарный шелковый халат с драконами, был бледен от сдерживаемой ярости. Ибрагимов, украшенный лентой пластыря над бровью и ярким синяком на левой скуле, держался с хмурой сосредоточенностью.

Встреча их имела место на даче Георгия Георгиевича, возле бассейна, обложенного мраморными плитами, в окружении розовых кустов и акаций, за которыми просматривались бейсбольное поле и теннисный корт. Георгий Георгиевич только что вылез из воды, и кожа его блестела алмазными россыпями в лучах еще низкого солнца. Кивнув на плетеное кресло у столика, он сел, выпил стакан молочного коктейля, возникший на столе, как по волшебству, съел ломтик ананаса.

— Еще один такой прокол, и я тебя уволю, — сказал наконец лидер Купола, беря себя в руки. — Вас там было четырнадцать кретинов, и вы умудрились его упустить! Да еще потерять троих!

— Он... дьявол, а не простой ганфайтер, — убежденно проговорил Ибрагимов. — Ни один из наших «гениев дзю-до» ему в подметки не годится. Его даже пули не берут.

— Чушь! — отмахнулся Георгий Георгиевич. — Он просто хорошо тренирован и обладает экстраскоростной реакцией. У нас есть такие бойцы, один из них только что освободился, я выпросил его у директора... и он преподнес мне сюрприз!

— Отказался? — поднял голову Ибрагимов.

— Догадливый... Не просто отказался — нашел его и предупредил! Интеллигент паршивый!

— Почему интеллигент?

— Заканчивал физмат, хорошо разбирается в электронике, естественных науках, в живописи, в музыке, да и интеллектуал высокий.

— Для таких дел интеллектуалы не годятся. Он еще... жив?

— Я не могу убрать его сейчас, — нахмурился Георгий Георгиевич, — сразу после выхода. Пусть поживет пока, для нас он не страшен.

— Когда придет срок, доверьте это дело мне.

— После таких провалов я боюсь доверять тебе даже водить машину, ты и с ним можешь не справиться.

Ибрагимов потрогал пластырь над бровью, но не возразил.

— Есть другие срочные дела, — продолжал шеф Купола. — Нам начинает мешать ГУБО в лице его начальников Медведя и Зинченко, надо их припугнуть, пусть поубавят прыти. Медведь первому предупреждению не внял, пусть полечится. А тут еще МУР начинает елозить под ногами, особенно отличается опер Синельников с командой.

— Ну, этого убрать легко, в него попасть можно с закрытыми глазами.

Георгий Георгиевич улыбнулся: начальник безопасности намекал на габариты фигуры полковника.

— Резко активизировало свою деятельность «чистилище». Один только захват телецентра позволил им обойти нас на полкорпуса, провокациям теперь никто не поверит, «чистильщики» себя с этой стороны обезопасили. А мы до сих пор не знаем их реальной пирамиды управления, только компьютерные разработки.

— Но мы же взяли троих «чистильщиков». Могли бы и больше, если бы не оперы угро и ГУБО.

— А что нам это дало? Исполнители знают лишь своих коллег по группам... всяким там «монадам» и «мейдерам», а тех, кто им приказывает, они в глаза никогда не видели.

— Примените «глушак», может быть, они вспомнят номера телефонов, голоса спикеров...

— Применили, — окинул взглядом застывшее лицо Ибрагимова Георгий Георгиевич. — Иногда, Хасан, ты меня приятно удивляешь. Впрочем, отбросим лирику. Больше всех нам мешает кто? Правильно, отец наш, директор ФСК, главный «фискал». И с ним пора кончать. Через два дня он будет встречать коллегу из Франции, и сразу после приема должен исчезнуть. Разработай операцию, вечером обсудим детали. Панов должен исчезнуть тихо, как роса с травы, чтобы комар носа не подточил.

— Понял.

— И мне он нужен живым. Какое-то время. Посмотрим с помощью «глушака», что он знает. Иди.

Ибрагимов снова коснулся пальцем пластыря, безмолвно встал и исчез за кустами. Георгий Георгиевич остался сидеть, подставив лицо солнцу.

И еще одна интересная встреча состоялась в это чудесное воскресное утро, и тоже на даче. Премьер-министр Красноярыжин Михаил Сергеевич принимал директора Федеральной службы контрразведки Панова Ивана Сергеевича.

Завтракали на веранде двухэтажной виллы, здание которой занимало площадь в семьсот квадратных метров. Веранда выходила в прекрасно ухоженный сад, навевающий покой и дрему. Лишь высокий сетчатый забор, охраняемый лазерами, несколько диссонировал с природой, подчеркивая значимость владельца дачи.

После завтрака и необязательного разговора о том о сем, Михаил Сергеевич блаженно растянулся в кресле-качалке и закурил. Панов никогда не видел его в плавках, почти голым, и с тщательно скрываемым презрением оглядел жирное, обрюзгшее, заросшее ры-

жим волосом тело. Сам он в свои пятьдесят три выглядел гораздо моложе и не позволял опускаться до такого состояния.

— Служба безопасности президента, — начал Краснорыжин, — обеспокоена слухами о готовящейся акции «чистилища» по ликвидации высокопоставленных лиц, якобы уличенных в коррупции.

— Не якобы, — возразил глава ФСК.

Премьер глянул на него сквозь дым, как ленивый кот, но впечатление создавалось обманчивое: в лености Михаила Сергеевича никак нельзя было упрекнуть.

— Мне над'ели ет раз'воры. — Премьер курил, говорил быстро и невнятно. — С «чисти'щем» п'ра к'чать. Как и с те'вм каб'нтм.

— С Куполом, — уточнил Панов.

— М'м напл'в't, как вы ет' сд'л't, важ'н рез't. Есл' ближ'ш врем' его не буд't, мы с вами расстан'мс. През'днт сдел't ет' бессожал'н. Кст', он соз'вт Совет без'пснт.

— Я готов, — сдержанно ответил Иван Сергеевич. — И могу предложить программу действий. Но она потребует больших финансовых затрат, сил и времени. Однако на скорый результат уповать не стоит. Против нас работают не дилетанты, что в «Стопкриме», что в Куполе. К тому же я не уверен, что часть сотрудников ФСК не куплена теми или другими. Я даже с уверенностью могу сообщить пару фамилий.

— Кого же? — с интересом спросил премьер.

— Ельшин Генрих Герхардович.

— Ого! Но он же начальник «двойки», Управления «Т».

— И Рыков Герман Довлатович.

— Однако! Глава информбюро... Вы уверены? Хотя, к чему я спрашиваю. Доказательства имеются?

— Косвенные. Создана спецкомиссия по проверке деятельности службы, работу она еще не закончила.

— А ты не так прост, Иван Сергеевич, — перешел на «ты» Краснорыжин. — И на кого же эти двое работают?

Панов улыбнулся.

— Служебная тайна. Все это пока догадки, хотя и опирающиеся на кое-какие факты. Итак, с анализа какой организации начать? Обе они, и «чистилище» и Купол, вне закона, но по-разному.

— С Купола, — подумав, сказал премьер-министр. — Он мне мешает больше.

Никто из них не догадывался, что разговор прослушивается. В километре от дачи Краснорыжина на высоком дереве сидел человек с лазерной аппаратурой и записывал каждое слово беседующих.

Два дня Матвей пытался выяснить, кто захватил Кристину и где ее содержат. Для этого он рискнул заявиться ночью на старую квар-

тиру, предоставленную ему еще Ивакиным, обезоружил двух «крапчатых беретов», сидевших в засаде, и полночи гонял компьютер в режиме «белка в колесе». Но узнать о судьбе девушки ничего не удалось. Ни один из банков данных, принадлежащих спецслужбам, факт ее захвата не хранил. А это в свою очередь означало, что те, кто проводил операцию, действовали неофициальным путем. Если только это не были «кнопки», рядовые солдаты Купола, исполнившие приказ босса.

Матвей помнил их особые приметы — не рост и ширину плеч, конечно, а перстни в форме черепов, и даже подумывал еще раз навестить боевиков проклятого «Щита», однако не стал лезть на рожон без совета Горшина. К тому же, наблюдая за действиями охраны Банкира, он вдруг узнал на пальце одного из его дебильных громил точно такой же перстень, и эта приятная неожиданность заставила Соболева заняться Банкиром всерьез.

Уважаемый заместитель председателя Центробанка регулярно навещал свою пассию в Люблино, проживающую в трехкомнатной квартире на двенадцатом этаже шестнадцатиэтажки. Удобнее всего было перехватить его там, что Матвей и сделал в один из душных жарких вечеров конца июля.

В квартиру он попал еще днем, когда хозяйка, высокая, стройная блондинка с пышными формами, решила навестить ближайший супермаркет. Труднее было найти место, чтобы спрятаться, и Матвею пришлось изощряться в применении инпо — искусства прятания, которым владели ниндзя. В конце концов он втиснулся в подпотолочную нишу на кухне, отгородившись от возможного заглядывания нераспакованным столовым сервизом.

Хозяйка вернулась в начале шестого и не одна — с собакой! Этот сюрприз едва не сорвал все мероприятие, если бы не врожденная способность Матвея «разговаривать» с животными. Собаки понимали его, а он их.

Видеть пса из своего убежища он не мог, но по дыханию и ворчанию определил ротвейлера. Напрягся, ощущая недоумение и заинтересованность животного, ринувшегося на кухню на запах чужого.

— Спокойно, Гуляка, — раздался приятный голос хозяйки, которой от силы исполнилось девятнадцать лет. — Ты что себе позволяешь?

Пес басовито пролаял и замолчал, повизгивая: мысль Матвея, окрашенная доброжелательными и в то же время предостерегающими эмоциями, все же нашла отклик в его чувственной сфере. Больше он не лаял, но изредка ворчал и порывался зайти на кухню, заставив хозяйку после долгих уговоров самой обследовать кухню, чтобы убедиться в отсутствии причин собачьей тревоги.

Геращинский Евгений Яковлевич заявился в начале восьмого.

Вернее, сначала в квартиру вошли его телохранители, быстро проверили ванную, туалет, кухню, комнаты и шкафы, и ретировались. Шурика Залупыйченко среди них не было. Потом раздался голос Банкира, рокочущий, красивый, с барскими интонациями, а следом визг обрадованной (очень даже натурально) девицы, которую Евгений Яковлевич называл Лолой; имя у ней действительно было звучное — Лолита.

Она защебетала, засуетилась, стала раздевать гостя и со смехом заталкивать его в ванную. Затем прикрикнула на собаку, и Геращинский насторожился:

— Что это с ней?

— Да как пришли с прогулки, все ворчит и на кухню норовит залезть. Может, мышку чует?

Банкир оказался волком битым и поэтому не стал сам проверять, что за «мышь» прячется на кухне, а вызвал охрану.

Это был самый трудный момент во всей ситуации. Матвею в ускоренном темпе пришлось решать — вылезать на божий свет или продолжать прятаться. Вылезать пришлось бы в условиях дефицита времени, и если бы он не успел, на него насели б «кунаки влюбленного джигита» и пес по кличке Гуляка. Оставаться на месте — означало лишиться свободы маневра и при обнаружении быть расстрелянным снизу. И все же инстинкт заставил Матвея остаться. Почему-то подумалось: странно, что она пришла с собакой, уходила-то без нее. Значит, я проглядел сей момент.

Однако этот прокол уже нельзя было исправить, и Матвей настроил себя на д е й с т в и е. А потом вспомнил о своих возросших возможностях и запустил «программу» требуемого паранормального состояния, которая активизировала «разум-волю». Ответ пришел за полсекунды до того, как на кухню заглянул атаман телохранителей.

«Молния с небес» вонзилась в затылок, знакомо разошлась по телу электрической волной, заставив нервную систему вспыхнуть «пронзительно-голубым светом», застряла ощутимой массой в хара — «центре» тела под пупком, а также в затылке, затем вышла из глаз оранжево-желтыми искрами. И Матвей увидел-ощутил обстановку вокруг как бы изнутри, из каждого предмета, и снаружи, одновременно с близкого расстояния и с огромной высоты.

Заглянувший на кухню охранник светился багровым светом — для внутреннего зрения Матвея, причем больше всего светились мышцы и фаллос, а вот голова у него работала хуже, и Матвею не составило труда погасить там и последние «тлеющие угольки» интеллекта, в результате чего охранник тут же потерял интерес к жизни и вышел, сообщив, что на кухне нет никого, кроме тараканов.

Геращинский и Лолита остались одни, успокоенные, а Матвей тихо слез и спрятался за кухонный пенал, пережидая обратную ре-

акцию организма. Своим способностям он уже не удивлялся, хотя они его не очень-то и радовали. То, что он паранорм, еще не прибавляло ни ума, ни счастья, а также претензий на исключительность и принадлежность к избранным.

Собака ворвалась на кухню тотчас же, как он снял контроль над ней: крупный, пятнистого окраса, ротвейлер, и не ожидавший нападения Матвей инстинктивно ответил на прыжок резким ударом ребра ладони по носу собаки, уложив ее на месте. О чем потом искренне пожалел. Падение ее тела он смягчил, а также успел поймать задетый ею стул, но даже если бы стул и упал, хозяева вряд ли услышали бы: они мылись в ванной.

Геращинский, закутанный в халат, вышел первым и получил щелчок по лбу, после чего закрыл глаза и оплыл на пол. Матвей усадил его в кресло, завязал полотенцем рот, прикрутил руки к спинке, зашел в ванную и зажал рот стоящей спиной к двери девушке, не ожидавшей никакого подвоха.

— Тихо, — сказал он ей на ухо, сжав руки так, что она сразу перестала вырываться. — Я ничего тебе не сделаю, сиди здесь, пока не позову. Кричать не надо, иначе он умрет. Первым — он, второй — ты. Поняла?

Девушка затрясла головой.

— Вот и умница, полезай в ванну и продолжай мыться.

Матвей запер дверь в ванную кабину, вернулся к Банкиру, сел напротив. Геращинский пошевелился, замычал, дернулся, глаза его, и без того навыкате, не прикрытые очками, увеличились до размеров биллиардных шаров.

— Очухался, альфонсик наш? — добродушно спросил Матвей. — Как настроение? Да ты не бойся, я поговорить зашел. Не рад? Но если ты не желаешь, давай позвоним твоей жене, спросим разрешения. Уж ей-то ты будешь рад?

Евгений Яковлевич снова замычал, потея так, что пот полился с его лысины и лица ручьями.

— Не хочешь. Ну и ладненько. Я тот самый ганфайтер, которого вы с шефом приговорили к тихому исчезновению. На твою беду я знаю, кто ты и чем занимаешься. Как там тебя величают, в Куполе? Хавмачманитор? — Матвей усмехнулся. — Красиво. Аж слеза прошибает. Ну что, манитор: говорить будешь?

Геращинский мелко закивал.

Матвей сдвинул повязку с губ.

— Кто босс Купола?

— Не знаю, — быстро ответил Евгений Яковлевич, опасливо отодвинулся. — Правда, не знаю, какой и где он занимает пост. Все зовут его Георгием Георгиевичем, но это не настоящее его имя. Не удивлюсь, если он обретается где-то в недрах спецслужб.

— И не надо удивляться. Хорошо, верю. Но вот других боссов-

директоров Купола ты знать обязан. Так что не хитри, падать из окна будешь долго.

Геращинский побледнел еще больше, облизнул губы.

— Если скажу, меня и так уберут...

— Но я это сделаю быстрее.

— Х-хорошо... н-но... в общем, всего пятеро, с Георгием Георгиевичем, он преемник крестного отца московской мафии, это все, что я о нем знаю. Второй — Мэр, Шкуро Борис Натанович, заместитель губернатора. Третий — Шериф, генеральный прокурор, дженерози... э-э...

— Дальше, дальше, — подбодрил Банкира Матвей, боясь, как бы тот не хлопнулся от переживаний в обморок.

— И Летчик, заместитель начальника Генштаба Министерства обороны.

— Все?

Банкир с ужасом глянул в похолодевшие глаза своего мучителя, с трудом выговорил прыгающими губами:

— Мы договорились... о разделе власти... с премьер-министром... и министром обороны... они теперь...

— Ясно, — кивнул Матвей равнодушно. — Дошло и до них, что лучше не воевать с Куполом, а работать в одной упряжке. Хорошенькое будущее вы уготовили стране, а? — Матвей закрыл глаза, покачал головой, улыбнулся горько. — Надо же, я думал, что такие уровни мне недоступны. Но ведь за державу обидно! А, хавмач?

Глаза Соболева полыхнули такой ледяной синью, что Банкир отшатнулся, едва не опрокинув кресло. Прошептал:

— Я знаю, что Георгий Георгиевич... у него есть какой-то помощник, чуть ли не сам Сатана... Я не лгу, честное слово! — По щекам Геращинского побежали слезы.

— Честное слово, — повторил Матвей. — М-да! — Встал. — Что ж, сладострастненький ты наш, чао. Ничего ты мне нового не сообщил, но и за толику малую спасибо. Теперь последний вопрос, и меня он очень волнует. Где девушка?

— Какая девушка? — всхлипнул Евгений Яковлевич.

— Не шали. — Матвей нахмурился. — Мою девушку похитили ваши люди.

— Мои нет, и я ничего об этом не знаю. Это могли сделать либо люди Шерифа, либо секьюрити босса.

— Хасан Ибрагимов?

Геращинский открыл рот, сглотнул, снова начал потеть и пахнуть. Матвей кивнул, равнодушно вытащил из кармана черную коробочку, положил на стол, вдавил на ней кнопку.

— Знаешь, что это такое? Правильно, взрывное устройство. А это передатчик. — Матвей показал вторую коробочку с усиком антенны. — Сейчас я вылезу в окно и уйду через соседний балкон, а

ты четверть часа будешь сидеть и молчать. Если по мне начнут стрелять, я нажму кнопочку на этом пенальчике. Непременно. Я понятен?

— Буду нем, как... а если ты... вы... нажмете, когда будете в безопасности?

— Слово офицера! — серьезно сказал Матвей.

Через десять минут он был на крыше, где никто из телохранителей Банкира не догадался выставить пост, а еще через десять ехал домой. То есть к Марии Денисовне и ее правнуку Стасу.

ВЗГЛЯД КОНКЕРЕ

В последние дни июля Москва всколыхнулась серией убийств, выполненных с неслыханной жестокостью. Такого не помнили даже старожилы спецслужб, попривыкшие к беспределу криминальных структур, разгулу терроризма и к ставшей чем-то привычным разборкам мафиозных кланов.

Сначала в своем офисе был убит заместитель председателя Центробанка Геращинский Евгений Яковлевич: ему вспороли живот и набили металлическими сторублевками. Поскольку Матвей Геращинского не убивал, следовательно, его убрали коллеги, обеспокоенные возможной утечкой информации, а кто именно — Матвея не интересовало.

Затем поздно вечером подорвался в своей машине вместе с телохранителями начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью Медведь Михаил Юрьевич. Взрыв был такой силы, что повредило здание столичной префектуры, куда Медведь прибыл по делам службы, и во всем квартале из окон вышибло стекла взрывной волной. Погибло пять человек и было ранено восемнадцать.

Двумя днями раньше в своей квартире был найден мертвым бывший начальник военной контрразведки, знаменитого подразделения «СМЕРШ-2» генерал Дикой. На его теле эксперты МВД обнаружили ожоги и следы пыток.

А тридцатого июля «чистилищем» были убиты прокурор Филин и старший следователь муниципальной прокуратуры Жаров. «За деятельность, несовместимую со статусом органов охраны порядка», как было заявлено журналистам информационной службой «Стопкрима».

Правда, и убийства Геращинского и Медведя органами МВД были причислены к деятельности «Стопкрима», так что затравленному ложью высокопоставленных лиц обывателю пришлось самому разбираться, где обман, а где правда.

И наконец, неизвестными была предпринята попытка нападения

на директора Федеральной службы контрразведки Панова, в результате которой погибли шесть человек его охраны, а сам он был ранен.

Заговорили о войне, объявленной мафией «чистилищу», и в слухах этих оказалось больше истины, чем в длинных речах телекомментаторов и юристов, пытавшихся анализировать ситуацию с позиций тех, кем они были куплены. И только несколько человек в верхних эшелонах власти знали, в чем дело. Знал и Матвей Соболев, ганфайтер-одиночка, поставленный волей криминальной системы в положение дичи.

Узнав об убийстве Медведя, он понял, что задача его осложняется. Остаться в стороне от террора, развязанного Куполом ради устранения основных соперников, он уже не мог, если бы и захотел. И дело было даже не в том, что он оказался виноватым, втянув невольно в чужие кровавые игры ни в чем не повинную девушку, дело было в той самой простой фразе, за которой крылся смысл многих исторических героев, отдавших жизнь во имя торжества справедливости и доброты: «За державу обидно!» Хотя Матвей и понимал, что сия благородная цель одиночке не под силу, бороться на равных с системой беспредела еще никому не удавалось. Но и оставаться в стороне означало — не уважать самого себя.

Поздно вечером тридцатого июля Матвей позвонил Горшину домой. Кто-то снял трубку, и Матвей еле удержался от вопроса: Тарас? Что его остановило, он не понял, но вдруг почувствовал какой-то болезненный внутренний толчок: тот, на другом конце провода, как бы вылез из трубки, поглядел на него со всех сторон, бесплотный, бесшумный, но ощутимо опасный и грозный. Оценил, хмыкнул с легкой досадой и недоумением, оттолкнул, то есть беззвучно, на чувственно-мысленном уровне предупредил: мол, не лезь, парень, не в свои дела, — и уполз в телефонный шнур.

Взмокший от бури чувств, поднявшейся в душе, Матвей тихо положил трубку на аппарат и, глядя на нее, сидел до тех пор, пока на ней не высохли пятна пота.

Это был не Тарас, пискнул взъерошенный внутренний голос.

Сам знаю, огрызнулся Матвей.

Это тот самый... «монарх тьмы», кажется...

Или его слуга.

Но тогда Горшин мертв!

А вот в этом позвольте усомниться. Если уж я — агент уровня «абсолют», то он и вовсе «супер-абсолют». К тому же он гений тонпо и должен был рассчитывать возможности врага. Жаль, что мне теперь не с кем посоветоваться. Ладно, сделаю один шажок, съезжу к нему домой.

В пасть дьяволу?! Пропадешь ни за понюшку табаку.

А мы тихонечко, одним глазком глянем... А потом, Шериф, твоя очередь!

Генеральный прокурор Чураго Семен Гаврилович, будучи бывшим спортсменом, страстно любил игры: из спортивных — футбол, из карточных азартных — покер и преферанс. В последних он в свое время достиг немалого мастерства, что вкупе с ловкостью рук делало его почти непобедимым соперником и позволило начать карьеру мафиози в начале семидесятых. Из боссов Купола с ним отваживался играть только Георгий Георгиевич, да и то лишь в хорошем настроении; выиграть у дженерози он не претендовал, но надежд не терял.

Поэтому, когда Купол собирался в катране для «снятия стресса», то есть для карточных игр, Семен Гаврилович в них не участвовал, зато очень часто играл в своей компании — в хелс-клабе, где он качал мышцы, расслаблялся в сауне, принимал массаж — классический и эротический (заканчивающийся сексом и снова сауной) — и встречался с нужными людьми. Выглядел Чураго на двадцать лет моложе своих шестидесяти шести.

Карьеру государственного деятеля он начал по приказу прежнего босса клана, который теперь принадлежал ему и контролировал потоки наркотиков и связи с коррумпированными элементами в системе правоохранительных органов. По влиянию на среду «кримэкологии» — организованной преступности — он шел на втором месте после президента Купола, маршал-босса, сумевшего к концу века добиться мечты среднего мафиози — объединения столичных кланов в одну мощную структуру, потеснившую или уничтожившую нацгруппировки «залетных гостей» из солнечного Закавказья: армянскую, азербайджанскую, грузинскую, а так же чеченскую и другие. Что, правда, не уберегло «хозяев» от нередких столкновений, «разборок» и войн, а также не гарантировало обывателю мирное сосуществование со столь грозным институтом власти.

Два дня Матвей искал подходы к Шерифу и вынашивал план встречи, а на третий окончательно остановился на хелс-клабе, имеющем репутацию «чистого» привилегированного клуба, посещаемого чиновниками из высших эшелонов власти.

Клуб с претенциозным названием «У Шварценеггера» был создан распоряжением Краснорыжина и передан на баланс столичной мэрии, поэтому и мэр Москвы, и вице-премьеры правительства не чурались собиравшейся там компании, называемой за глаза «теневым кабинетом». Входили в компанию и «звезды» спорта, искусства, театра и эстрады, а также знаменитости других планов — «воры в законе», политологи и журналисты. По сути, клуб «У Шварценеггера» играл роль второго катрана, отличаясь от первого только «игровым составом»: здесь никогда не появлялись деятели силовых структур, военные, милицейские чины, высокопоставленные чиновники контрразведки и минобороны.

Хотя охранялся хелс-клаб не хуже зданий на Лубянке, в чем

Матвею пришлось убедиться уже при первом его «пристрелочном» посещении.

Заявился он туда с удостоверением сотрудника охраны президента, якобы для того, чтобы решить вопросы безопасности предполагаемого посещения клуба высшим должностным лицом государства.

Комендант собственной охраны клуба, к которому направили Матвея, лично показал ему все узлы и линии системы охраны, а также поделился кое-какими секретами в надежде на то, что его оценят «наверху». Матвей пообещал поощрение, и расстались они довольными друг другом. Конечно, вряд ли потом комендант смог бы узнать Соболева без грима, усов и рыжей шевелюры.

Оставалось еще выяснить принципы работы телохранителей Шерифа, их количество, время смены и вооружение. После этого можно было начинать «перехват». Матвею очень хотелось верить, что в результате он узнает местонахождение Кристины. Он рискнул еще раз объявиться на старой квартире, чтобы поработать на компьютере, и разминулся с ее новым хозяином буквально на несколько секунд. Однако этот поход на явку обогатил его в информационном — компьютер продолжал работать исправно — и экипировочном планах: Матвей узнал кое-что любопытное о связях управлений внутри ФСК, а также забрал некоторые вещи из спецснаряжения, разработанного в лабораториях министерства безопасности в прежние времена. Рано или поздно они могли пригодиться.

Очередной поход в хелс-клаб «У Шварценеггера» генеральный прокурор спланировал на пятницу первого августа. К этому времени Матвей был готов к встрече с ним и его системой охраны.

В клуб он попал еще днем, до начала вечернего представления, как электромонтер-ремонтник. Обошел здание, выявил расположение необходимых коммуникационных каналов, канализационных стоков и аппаратных помещений, и преспокойно удалился. Н о через час вернулся — через один из канализационных люков — и стал ждать.

Семен Гаврилович Чураго заявился в хелс-клаб в начале седьмого вечера, когда в здании вовсю занимались приятным и полезным делом десятка два других высокопоставленных лиц, близких правительственным и финансовым кругам.

Матвей подождал еще час и вышел из своего укрытия (прятался он в электрощитовой), переодетый в белый халат как и банщики сауны. К этому времени Семен Гаврилович закончил «официальную часть» вечера — силовую разминку и приступил к водным процедурам.

Здание хелс-клаба состояло из трех этажей: двух на поверхности земли и одного подземного. Первый этаж, по сути, представлял собой комплекс спортзалов, массажных комнат и лечебных палат, второй был игровым залом казино с несколькими отдельными кабинетами

и баром, а собственно сауна располагалась «в подвале», занимая четыреста квадратных метров площади.

Однако пройти туда Матвею не удалось. Его, несущего на подносе ведерко со льдом, из которого выглядывало золотое горлышко бутылки шампанского, остановили у входа в предбанник две самые настоящие гориллы в халатах, бицепсами способные посрамить самого Шварценеггера. Это были солдаты арьергарда: внутри зданий сопровождали генпрокурора трое — один шел впереди, двое сзади. Эти всегда прикрывали тыл.

— Куда? — выхрипнул первый, блондин с наголо обритой головой.

— Туда, — так же хрипло ответил Матвей.

— Откуда?

— Сверху.

— Что-то я тебя не помню в обслуге, малый.

— Да и мне б тебя век не знать, рожа. Велено передать лично пахану.

— Кому?!

— Начальнику. Ты что, глуховат маленько?

— Марк, обыщи-ка его, мне эта физиономия не нравится.

Вторая горилла — тоже блондин, но просто коротко стриженный, с заросшими золотистым волосом руками и грудью, — ловко обыскала Матвея, ничего не обнаружив. Для этого надо было бы заглянуть в рот «банщику» и в ведерко, хотя традиционного оружия и там отыскать не удалось бы.

— Ничего.

— Забери посылку. — Бритоголовый перевел недобрый взгляд на Соболева. — Давай поднос и катись отсюда, мы сами передадим его боссу.

Матвей включил себя в режим экстра и... едва успел остановить руку, потому что в коридоре показалась группа людей: трое сопровождали какого-то разомлевшего толстяка.

— Хорошо, — сказал Матвей. — Баба с возу...

В электрощитовой, где остался мешок со снаряжением, он раздумывал над ситуацией недолго, ровно столько, чтобы принять второй вариант. Оставался еще третий, запасной, но этот вариант был уж и вовсе из разряда сумасшедших: перебить всю охрану и пол-игрового зала на втором этаже во время игры в покер.

На первом этаже клуба он появился спустя полчаса, как раз после того, как Семен Гаврилович Чураго уединился в массажной комнате с массажисткой. Одет Матвей был в строгий костюм песочного цвета, не стесняющий движений, в желтую рубашку с кремовым галстуком и летние туфли.

На сей раз «гориллы» преградили ему вход в массажный кабинет за полкоридора до двери.

— Глянь-ка, Марк, еще один прет. Сегодня, наверное, день от-

крытых дверей, а нас не предупредили. Куда лезешь, интеллигент? Приемный день у босса в понедельник. И вообще, как ты сюда попал в таком виде?

Матвей мог бы атаковать этих двоих уже сейчас, успевая перехватить третьего до того, как поднимется тревога, но тогда безопасный выход из положения становился проблематичным, а ему еще надо было отыскать и освободить Кристину.

— Не морщи лоб, — сказал Матвей тихо, доставая удостоверение. — Кожа лопнет. Читать умеешь?

Марк, напоминающий статую Геркулеса, нахмурился, окинул Матвея угрожающим взглядом, сцапал лапищей документ, прочитал, недоуменно поднимая брови, кинул коллеге. Реакция того была примерно такой же, потому что удостоверение принадлежало офицеру ФСК. На зеленоватой пластиковой карточке левого разворота красовалась фотография с выдавленной печатью, над которой был вытиснен герб России и ниже: «Федеральная служба контрразведки России». Правый разворот наискось пересекали две полосы, красная и золотая. На золотой было отпечатано: «Управление «И», — на красной: «Майор Карелла Степан Петрович».

— Какого дьявола? — уставился на Соболева стриженый телохранитель. — Чего тебе здесь нужно?

— Во-первых, не тебе, а вам. Во-вторых, срочно необходима встреча с генеральным прокурором, — сухо ответил Матвей. — Речь идет о его жизни.

— Какого дья...

— Заткнись! Или пропусти или доложи ему. Скажи, есть сведения о ганфайтере из «СМЕРШа», он поймет.

Охранник подумал, принял решение, что для него было равносильно подвигу.

— Ну, смотри, майор! Если шеф меня потом... из-под земли достану!

— Я не уголь, а ты не шахтер. Иди, тебе вредно волноваться.

— Ладно, — угрожающе сказал стриженый, — я с тобой потом поговорю, шутник. Марк, обыщи его на всякий случай.

Пока бритоголовый Марк обыскивал Матвея, тот прикидывал варианты разговора с Чураго, но ничего придумать не успел, охранник вернулся быстро.

— Проходи. Да на массажистку не засматривайся, шеф этого не любит. Потом поговорим, если ты такой смелый и крутой, каким кажешься.

— Лучше бы тебе от этого поберечься, — равнодушно сказал Матвей, направляясь к двери, из которой выглянул еще один «качок». То ли сказался резкий выход из состояния «экстра», то ли по другой причине, но чувствовал себя Матвей неважно. Во всяком случае, войти в стресс второй раз ему не удалось.

Семен Гаврилович Чураго ждал его, сидя в кресле возле массажного лежака, завернутый в простыню, распаренный, с выражением блаженного удовольствия на красном лице. Кроме низкого лежака в помещении имела место обнаженная двухспальная кровать, возле которой стояла хорошо сложенная девица лет двадцати, а также располагался передвижной столик с напитками и фруктами.

Телохранителей было двое: один стоял у двери в позе Харона, ожидающего пассажиров, второй обретался за спинкой кресла хозяина, и этот был опаснее всех остальных — судя по телосложению, позе и взгляду, которым он смерил Матвея с головы до ног.

— Кто вы? — осведомился генеральный прокурор приятным голосом, также не выглядевший хилым. Мускулатуру он имел приличную и почти без жировых прослоек.

Матвей подал удостоверение охраннику у двери, тот передал его Шерифу. Хотя, может быть, никто из телохранителей и не знал его под этой кличкой.

— Чем обязан?

— Я бы хотел поговорить с глазу на глаз, — буркнул Матвей. — Светиться с информацией мне тоже ни к чему.

— Вот уж позвольте не согласиться. Вы сами напросились на встречу, я ее не искал, так что придется идти на мои условия. В этой комнате лишних нет.

— Самодовольный дебил, — угрюмо усмехнулся Матвей. — Тебе жить осталось, может, до вечера, а ты куражишься. Как говорит Иоанн в «Откровении»: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв»*.

По лицу Чураго прошла тень.

— Выбросьте его на съедение псам, — сказал он пренебрежительно.

Телохранитель у двери сделал шаг к Матвею, и тому наконец удалось сломить инерцию воли и включиться в суперрежим.

Он оказался прав: серьезное сопротивление оказал лишь второй телохранитель, худощавый, подвижный и верткий, прекрасно знавший кунгфу и тайский бокс. Первого Матвей вырубил прямым выпадом в солнечное сплетение, затем успокоил готовую завизжать девицу. Но схватку с кунгфуистом смог закончить только спустя минуту: никак не удавалось нанести нокаутирующий удар, противник ускользал, стоически держал непрямые удары и наносил ответные, пару раз достав Матвея на уклонении. В конце концов Матвей разозлился на себя, рассчитал дыхание, успокоился и поймал охранника на атаке, нанеся ему точный удар ладонью в гортань, по точке рэн-сэн. Парень свалился без звука, удар вызвал рефлекторную остановку сердца, и Матвею пришлось потратить несколько секунд на массаж его груди. Убивать мастера, виноватого лишь в профессионализме, он не хотел.

---

* Откровение апостола Иоанна. III, 1

К чести Чураго он не закричал, не полез под кровать и не стал звать на помощь, просто сидел и смотрел на бой. Желтые глаза его светились, как у кошки.

— Я тебя вычислил, — сказал он слегка севшим голосом, не пытаясь выглядеть бодрым. — Ты — тот самый ганфайтер. Соболев, кажется?

— Он, — коротко ответил Матвей. Прислушался к звукам вокруг, прикинул резерв времени: выходило около двух-трех минут, после чего следовало убираться восвояси. — Такое впечатление, что все спецслужбы знают, кто я такой, — продолжал он, останавливаясь у кресла и глядя на Семена Гавриловича сверху вниз. — А ведь я агент степени «четыре нуля», то есть высшей степени секретности, и знали обо мне только непосредственные начальники. На ком вы испытали «глушак»?

— На Ивакине.

— Я так и думал.

— Я в этом не участвовал.

— Какая разница? Кстати, у Ивакина было исцарапано, порезано все тело...

— К нему применили... в общем, в него пальнули из «болевика».

— Так! — Матвей присел на лежак, глядя перед собой. — Значит, это правда... «болевик»... излучатель боли, то есть... Я думал, слухи о его разработке — туфта.

— Испытан и успешно применяется.

Матвей кивнул. «Болевиком» называли генератор биополя, вызывающего шумовые наводки в нервных узлах. Говорили, что от боли человек терял над собой контроль и мог даже сам вырвать себе сердце. Верилось в это с трудом, но смерть Ивакина подтверждала слухи. Он убил себя сам, чтобы не страдать и не проговориться.

Видимо, на лице Матвея отразились его чувства, потому что генеральный прокурор перестал снисходительно улыбаться и побледнел.

— Все равно тебе отсюда не уйти, — быстро сказал он.

— То же самое говорил и Банкир, — с мертвой улыбкой проговорил Матвей. — Но ведь он потом умер?

Чураго побледнел еще больше.

— Чего вы хотите? Я и так сказал вам все, даже больше...

— Не все. Где девушка?

— Кто? — изумился Семен Гаврилович.

— Мою девушку забрали люди Купола. Банкир сказал, что причастны к этому делу вы или Георгий Георгиевич.

— Вот сволочь! Я ничего не знаю! Я даже не слышал, есть ли у вас девушка. Но скорее всего Геращ... Банкир прав — это дело рук босса. Уж очень он на тебя.... на вас рассерчал. Больше, чем на все «чистилище». Кстати, неужели ты... вы думаете, что, убрав меня, Банкира, других боссов кланов, вы уничтожите Купол?

— Я — нет, не думаю. Но позабочусь о вас, а кто-то из «чистильщиков» позаботится о преемниках. Систему можно сломать другой системой.

— Которая тут же возьмет на себя функции первой, разве что видоизменив их. Молодой человек, неужели вы так наивны, что...

— Мне некогда спорить, — перебил Семена Гавриловича Матвей. — Я не собираюсь никого убеждать и твердо знаю, что такие, как вы, в этом мире жить не должны. Ваше место в аду! Где ваш Георгий Георгиевич может держать девушку?

Генеральный прокурор концом простыни вытер пот с лица.

— Скорее всего на даче, она у него оборудована не хуже, чем Лубянка... — Чураго побелел, поняв, что проговорился, поднял расширившиеся глаза на Матвея. Тот присвистнул.

— Вот оно что! Значит, и в самом деле босс Купола — Ельшин?!

— Н-нет... я н-не знаю... Георгий Георгиевич, он... — Во взгляде Чураго разгорелась ненависть. — Все равно тебе не скрыться, ганфайтер. Какой бы ты профессионал ни был, всегда можно найти дюжину таких же, с которыми тебе не справиться. Я уж не говорю о с и с т е м е. Сопляк! Возомнил невесть что, борец за справедливость...

Тыльной стороной ладони Матвей дал затрясшемуся прокурору пощечину, и тот смолк, тяжело дыша. Потом медленно произнес:

— К тому же у нас есть один... помощник. И вот от него тебе точно не уйти, не скрыться, ни на земле, ни под землей, ни в космосе.

Матвей вспомнил «темный взгляд» из телефонной трубки, поежился, но время, отпущенное ему обстоятельствами, истекло. Если Чураго что и знал, он за оставшиеся полминуты ничего не сказал бы.

— Живи, дженерози, — выдохнул он. — Хотя вряд ли ты надолго переживешь Банкира. И уходи с этого поста, Шериф, тебе не место в прокуратуре. Не поймешь — я тебя найду. А пока прими в подарок. — Матвей несильно ткнул Семена Гавриловича пальцем в шею, и тот, собравшийся наконец закричать, обмяк в кресле.

Остальное было делом техники.

Он спокойно вышел из массажного кабинета, остановился возле охранников, молча глядевших, как он приближается. Они, впрочем, ждали не его собственно, а сигнала, что все спокойно. Когда Матвей это сообразил, бритоголовый Макс уже топал по коридору к двери массажной комнаты.

— Не торопись, — встал на пути Матвея стриженый. На его мышцы было страшно смотреть. Пришлось начинать первым.

Матвей метнул голыш в спину бритоголовому, попав прямо в мускулистый складчатый затылок, и прыгнул в подкате к горилле впереди.

Стриженый, конечно, знал толк в боевых искусствах и даже сумел поставить блок, но не знал, что разработан и применяется комплекс приемов «импоссибл» из самых невозможных положений и стоек, и поэтому пропустил удар в висок — Матвей нанес его с выходом из спирали подката и с поворотом на девяносто градусов. В искусстве ниндзюцу удар назывался касуми, в русбое — «дюбель», и ломал он внутреннюю костяную пластину черепа, в то время как внешняя поверхность лишь прогибалась.

Стриженый рухнул, как шкаф, тяжело и мощно. Свалить его можно было, наверное, только таким специфическим приемом, вряд ли удалось бы пробить его чудовищный мускульный каркас и найти уязвимые точки тела.

Матвей еще раз переоделся, и, хотя началась тревога и здание хелс-клаба превратилось в муравейник, легко ушел через тот же канализационный люк в подвале. В девять часов вечера, чувствуя себя разбитым и усталым, он входил в дом Марии Денисовны, ставший почти родным. Встретил его крик Стаса:

— Не ходи! Здесь...

ПЕРЕХВАТ ПЕРЕХВАТЧИКА

Телефонный звонок раздался в семь утра, когда премьер завтракал в постели: телятина маренго, катиго из угря, куриный бульон, черничный морс, сладкие булочки.

Вышколенная молодая жена — Михаил Сергеевич был женат третий раз — принесла радиотелефон.

— В эфире, — поднес к уху трубку Краснорыжин.

— Линия? — раздался в трубке голос министра обороны.

— Чисто, на защите.

— На завтрашнем заседании Совета безопасности я внесу предложение очистить столицу от всех криминальных структур с помощью армии. Поддержишь?

— Что это даст?

— По крайней мере, еще пару лет власти.

— Армии с Куполом не справиться, это не ее работа.

— А я и не собираюсь сражаться с мафией, нужен карт-бланш для любых действий и хороший шум для общественности. Под этот шум мы устраним всех противников, как уголовных, так и политических, а ликвидацию спишем на «чистилище».

— Ельшин будет против, у него свои методы достижения стабильности в центре.

— Конечно, он будет возражать, будучи президентом Купола.

— Что?!

— Можно подумать, ты не догадывался.

Мгновенно вспотевший Михаил Сергеевич бросил взгляд на жену, и та неслышно исчезла из спальни.

— Ты серьезно?

— Кончай притворяться! — рассвирепел министр. — Все мы в одной упряжке, все повязаны с головы до ног. Влез в это дерьмо, не делай лишних телодвижений.

— А если «чистилище» пришлет тебе конверт с «черной меткой», то бишь с золотым кинжальчиком?

— Это мои проблемы, я сумею защититься. Меня больше волнует тот парень — одиночка, ганфайтер. Он слишком хорошо осведомлен о нашей кухне, а остановить его непросто, несмотря на все заявления Генриха. Ну, до завтра.

Краснорыжин отбросил радиотелефон, посидел немного в прострации, затем кряхтя достал трубку снова.

— У телефона, — ответили ему на том конце линии связи.

— Иван Кузьмич, пахнет жареным.

— А в чем дело? — спросил министр внутренних дел.

— На хвосте у нас «чистилище», на горле Купол, а в горле «СМЕРШ».

Трубка некоторое время молчала.

— Слишком образно говоришь, Михаил Сергеевич. Мужик я простой, не понимаю. Особенно про «СМЕРШ».

— Я только что имел удовольствие разговаривать с Николаем Николаевичем, так вот он боится именно последнего. Ну, не всего «СМЕРШа», а того волкодава-перехватчика, о котором говорил Генрих Герхардович.

— Несерьезно.

— Но ты же знаешь Николая, он зря волну гнать не станет.

— Все равно несерьезно. МУР уже сидит на хвосте... м-да, у этого волкодава, так что захват его — дело времени.

— Как бы он не успел наделать крупных неприятностей до исхода... м-м, сделки, натаскан он здорово.

— Все будет нормально, Сергеевич. Сделка состоится дня через три и при любой погоде, как говорится. А тогда пусть этот перехватчик ищет улики за рубежом.

— Ты меня не успокоил.

— Ну хорошо, тебе будет легче, если я сообщу, что по следу этого «смершевца» идут три разных бригады трех разных ведомств? Во-первых, перехватчики из спецкоманды «Руслан», во-вторых, мои люди, и в-третьих, «зомби» Николая.

Краснорыжин помолчал.

— Ты думаешь, я заплачу от радости? Что-то до сих пор эти бригады никак себя не проявили в борьбе с «чистилищем».

— Так ведь не было особой нужды. «Стопкрим» до нынешних времен лупил по низам и еле добрался до среднего звена, верхи ему

не одолеть. Как только он замахнется на высший эшелон, вот тогда мы спустим на него всех собак. В принципе, уже спустили, он нам надоел. Спи спокойно, Сергеевич, мы тебя побережем.

В трубке запиликали скрипки — отбой скремблера, предохраняющего линию от прослушивания.

В спальне возникла жена с робкой улыбкой на холеном красивом лице.

— Что-нибудь случилось, милый?

— Иди сюда, — возгорелся приободрившийся премьер.

Стас замолчал так же внезапно, как и закричал, и у Матвея оборвалось сердце. Он ворвался в квартиру, ломая нежелание тела напрягаться, заставляя его работать на пределе, и не чувствуя при этом ни легкости, ни уверенности. «Нештатный» режим сверхреакции, в который он включился для преодоления охраны Шерифа, перегрузил нервную систему.

Его ждали в комнате Марии Денисовны. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: эти двое — профессионалы очень высокого класса. От обоих веяло силой и угрозой, хотя стояли они свободно, в непринужденных позах, но в то же время были готовы к мгновенному ответу на любое действие соперника. Конечно, в иное время вряд ли это обстоятельство остановило бы Матвея, но, во-первых, он не был в форме, во вторых, один из пришельцев держал в руке «глушак», то есть суггестор «Удав».

Матвей быстро оглядел комнату, обнаружив два лежащих тела: Марии Денисовны и Стаса. Снова гулко обвалилось сердце, замерло и заработало тяжело и с перебоями. Он боком подошел к старой женщине, наклонился, взял запястье и отпустил: она была мертва. Шагнул к Стасу, услышал его стон и чуть было не закричал: живой! Медленно выпрямился, исподлобья оглядывая гостей, которые в свою очередь с любопытством наблюдали за ним.

Один был высоким поджарым брюнетом с гривой блестящих черных волос. Туркмен, определил Матвей. Лицо у парня было не то чтобы красивое, скорее правильное и по-мужски вылепленное: однако пронзительно горящие черные глаза вовсе не казались родниками добра, пряча в глубине агрессивное стремление к превосходству и пренебрежение к людскому племени.

Второй был блондином на голову ниже, но шире в плечах и явно опаснее, потому что лицо его отражало ум, хитрость, иронию и готовность убрать с дороги любого, кто станет на пути. Моральные ограничения в виде угрызений совести, великодушия и элементарной порядочности в число добродетелей этих двух представителей человеческого племени не входили. Матвей оценил их сразу — это были киллхантеры, охотники на охотников, не ганфайтеры, но мастера

перехвата из «элиты боя» — специального секретного подразделения в недрах ФСК, не уступающие ганфайтерам в подготовке, а может быть, и превосходящие их. Матвей слышал о них от Ивакина, но ни разу не встречался лицом к лицу.

— Чем она вам помешала? — прошептал он, кивая на Марию Денисовну.

— Слабая старушка, она бы и так долго не протянула, — небрежно отмахнулся брюнет. — А ты не выглядишь Гераклом, ганфайтер, каким тебя описали. Жидковат.

— Давай, Тамерлан. — кивнул коренастый блондин. — Много болтаешь, у нас дел полно.

Брюнет поднял «глушак», но посмотрел в светящиеся синие глаза Матвея и опустил.

— А ведь он не прочь поиграть, Кир. Может, доставим ему это удовольствие напоследок?

— Как вы меня нашли? — все так же шепотом спросил Матвей, борясь с внезапной болью в затылке.

— Наглеешь, охотник? Впрочем, почему бы и не удовлетворить твое любопытство... в последний раз.

— Тамерлан! — предостерегающе сказал блондин.

— Он все равно труп, — отмахнулся брюнет. — Так вот, коллега, у нашего курбаши есть некий друг — всезнайка, придворный шаман, так сказать, который и сообщил ему твой адрес. Видеть мы его не видели, но...

— Тамерлан!

— Все, завязал. Ну что, ганфайтер, сыграем партию в поддавки? Один на один? Посмотрим, так ли уж ты хорош, как говорит молва.

Матвей молча прыгнул к нему, имитируя сэйкен-чоку-цуки-ваза, то есть прямой удар передней частью кулака в стиле каратэ-до. Удар наносить он не собирался, хотелось сначала прощупать противника, арсенал его блоков, приемов и скорости мышления. И черноволосый Тамерлан купился, отбросив суггестор и ответив красивой и четкой техникой кудзи-кири — «энергетической решетки»*.

Он был отличным бойцом, владеющим русбоем комплексом кэмпо, и в силе почти не уступал Матвею, но ему мешало самомнение и неуважение противника, поэтому уже через минуту Матвей знал, как его достать. Однако выполнить задуманное помешала сначала собственная скованность и отсутствие сил, а потом в схватку вмешался второй, блондинистый Кир; видимо, они привыкли работать на пару. Первый же его удар нашел незащищенную болевую точку на спине, и Матвей, чудом смягчив удар, зарычал от боли.

---

* Боец рубит ладонями воздух, создавая вокруг себя зону поражения.

Отбив атаку Тамерлана, он некоторое время танцевал в смертельном танце с Киром, стремительные выходы которого на дистанцию поражения заставляли холодеть и одновременно восхищали. Парень знал практически все системы рукопашного боя и двигался в ритме, недоступном лучшим мастерам спортивных видов борьбы. Владел он также и нетрадиционными комплексами приемов ниндзюцу, в том числе искусством сан-нэн-гороси — смертельного касания. В этом случае атака на противника идет не только на физическом, но и на энергетическом уровне: концентрируя внутреннюю энергию ки, боец создает летальный дисбаланс жизненной энергии противника, даже если при этом он касается его руки или плеча, то есть не жизненно важных органов. Матвей понял это, получив шок от одного из таких касаний. Понял он также, что если не сможет пройти «красный коридор», сосредоточиться и выйти на уровень вспышечной активности, ведущей к состоянию турийи, живым отсюда не уйдет. Он тоже владел приемами ниндзюцу, как сан-нэн-гороси, так и дзю-нэн-гороси — «отсроченной смертью», когда удар сказывается через сутки, двое и больше, знал он и сикэцу — «точки смерти» на теле человека, точный удар в которые, особенно «кулаком демона»*, приводил к мгновенной смерти противника, знал, но еще никогда не применял. Теперь же ситуация складывалась так, что табу надо было отменить.

Коренастый Кир, однако, почуял угрозу еще до того, как Матвей принял решение, и уступил место приятелю, выжидая, когда можно будет нанести удар, не рискуя получить ответ. Он и нанес его — с удлинением рычага, когда сустав «выпрыгивает» из суставной сумки, достав Матвея в точке шендао — между пятым и шестым спинными позвонками, когда тот уходил вбок от выпада брюнета.

Если бы не железный мышечный каркас и ментальные «доспехи», которыми окружил себя Матвей на время боя, этот удар сломал бы ему позвоночник. Он и так потряс его до полуобморочного состояния, и прошла вечность, пока Матвей не начал чувствовать тело и видеть обстановку. К счастью, уверовав в победу, убийцы на несколько секунд остановились, чтобы перевести дух и сообщить жертве «решение суда». Подвела их удивительная человеческая черта, свойственная всем таким в общем-то недалеким людям, — желание унизить противника и насладиться его поражением.

— Кончай его, Тамерлан, — будничным тоном сказал блондин, бросая взгляд на часы. — У нас еще куча заказов.

— Слабоват ганфайтер оказался, — хищно раздул ноздри брюнет, кружа вокруг согнувшегося Матвея. — Я ожидал большего. Спорим, сломаю ему шею одним пальцем?

---

* Удар наносится выступом кулака, создаваемым сгибом сустава указательного или среднего пальцев или кончиком выпрямленного большого пальца.

— Проспоришь. На вид он не сильно накачан, но мышцы у него стальные, я ведь бил на выдохе, с выплеском, а он даже не вырубился!

Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль! — досчитал про себя Матвей, гигантским напряжением воли преодолевая слабость и входя в свое привычное полумистическое состояние самадхи-турийи, подкрепленное выходом сознания за пределы человеческих чувств.

На сей раз «молния» озарения ударила в него не с небес, как казалось раньше, а как бы изнутри, возбудив нервную систему до красного сияния. Это сияние, ореолом одев тело, озарило все вокруг, проникло во все предметы и тела людей, вышло за стены квартиры, дома и города, ушло в космос. Но и этого мгновенного озарения хватило Матвею на то, чтобы понять, оценить, проанализировать ситуацию, приготовиться к действию и начать его. В тот момент, когда черноволосый Тамерлан уже наносил удар по шее ребром ладони, с неистовым атакующим воплем «й-а-а!», помогающим высвободить в импульсе максимум энергии, Матвей прямо с колен прыгнул навстречу блондину.

Киллхантер, надо отдать ему должное, успел поставить блок, хотя ни прыжка, ни удара не ожидал, и все-таки удар Соболева — сян-тюн или «шашлык» (по терминологии русбоя) — в подложечную ямку, остановить не смог. Матвей при желании мог бы вырвать у него печень, потому что вытянутые пальцы пробили мышцы и брыжейку и проникли в тело противника, но эффекты подобного рода он все же не любил.

Глянув в глаза блондина, полные изумления и т ь м ы, Матвей упал на спину, спасаясь от захвата брюнета, который сориентировался с изумительной быстротой, отбил три его мгновенных выпада и не сразу сообразил, почему черноволосый метнулся вдруг в угол комнаты к дивану. Понимание пришло мгновением позже, когда Тамерлан ухватил рукоять лежащего на диване суггестора «Удав».

Тогда прыгнул и Матвей — к столу, вспомнив, что на нем лежало: бумага, карандаши и лезвие бритвы. Видимо, когда в квартиру ворвались убийцы, Стас чинил карандаши, собираясь рисовать.

Расчет был точным. В правую руку лег остро отточенный простой карандаш, ладонь левой сгребла безопасную бритву, и когда черноволосый упал на диван и перекатился на бок, поднимая оружие, в левый глаз ему вонзился карандаш.

Если бы Матвей остановился на этом, он бы погиб, но, зная возможности и тренинг киллхантеров, он метнул и последнее свое оружие — лезвие бритвы, метнул особым приемом — «щелчком плетью». Тамерлан, зверино вскрикнув от боли после укола карандашом, «глушак» не выпустил, только отпрянул и прицелился, другой рукой вырывая карандаш из глаза, но курок нажать не успел, лезвие бритвы глубоко вошло ему в горло.

Проследив за падением тела, Матвей позволил и себе потерять сознание от нахлынувшей слабости и безразличия.

Очнулся он от холодного прикосновения: над ним на коленях стоял плачущий Стас и лил на лицо воду из кружки.

Через час они вдвоем сидели в машине Матвея где-то в районе Щелкова. Как они там оказались, в памяти не сохранилось. Стас уже не плакал, только всхлипывал да изредка глубоко и тоскливо, совсем по-взрослому, вздыхал, поглядывая на старшего друга.

Матвей погладил его по волосам, включил мотор, хотя не знал, куда мог бы поехать.

— Бабуля... умерла? — дрогнувшим голосом спросил Стас.

Матвей кивнул.

Губы мальчишки задрожали, на глаза навернулись слезы, но плакать он не стал.

— А где мы теперь будем жить?

— У тебя здесь нет родственников? Друзей?

— Не-а... в деревне только. Друзья есть, но у них родители... кому нужен лишний рот?

Рассуждал Стас не по-детски логично, Матвей вынужден был с ним согласиться. Он уже прикинул, где может оставить мальчишку хотя бы на время, но не был твердо уверен, что вариант идеален. Так уж получалось, что всех его друзей и просто добрых знакомых после встреч с ним преследовали беды, горе и смерть. Рисковать еще раз не хотелось, но выбора не было. Впрочем...

Матвея вдруг посетила интересная идея. Он некоторое время анализировал ее, учитывая все pro et contra, и кивнул сам себе: можно было рискнуть. Первый вариант оставался на крайний случай — оставить Стаса у девушки, с которой он расстался три с лишним года назад. Адреса ее он забыть не успел.

— Поехали. — Машина выкатилась со стоянки возле автовокзала и влилась в поток автомашин по Варшавскому шоссе.

— Куда?

— Оставлю тебя у знакомого. Поживешь пару дней, а потом я тебя заберу и увезу в деревню.

Стас кивнул, сгорбился на заднем сидении, как старичок, и Матвей почувствовал к нему слепящую нежность и желание защитить от всех напастей и бед. Клясться не стал — знал и так, что сделает все. Если только останется в живых.

Из ближайшего кафе он позвонил по известному ему номеру и договорился встретиться с абонентом через полчаса у аптеки на Маросейке.

Зинченко подъехал на служебной «Волге» точно минута в минуту. Вышел из машины, огляделся и сел в «шестерку» Матвея, доставшуюся тому от Ильи.

— Рад видеть в здравии, — сказал заместитель начальника

ГУБО, не без удивления оглядываясь на забившегося в угол мальчишку. — Вы уже знаете, что Михаил Юрьевич...

— Знаю.

— А кто — знаете?

— Нет, но постараюсь выяснить.

— Это нашли возле тела. — Зинченко протянул Матвею тускло блеснувший перстень в форме черепа лошади.

Матвей некоторое время рассматривал перстень, поднял ставшие почти прозрачными, холодные, как лед, глаза на руководителя ГУБО.

— Это опознавательный знак «Щита».

— Который официально подчинен службе безопасности и охраны президента, а на самом деле — ФСК. Точнее, Управлению «Т».

— То есть непосредственно Ельшину.

— Вы быстро ориентируетесь. По всем данным генерал Ельшин Генрих Герхардович...

— Президент Купола по кличке Георгий Георгиевич.

— Да, — тихо сказал Зинченко с горькой ноткой. — Но мы, я имею в виду наше управление, достать его не сможем никогда. Медведь попробовал и...

Помолчали.

— Я достану, — сказал Матвей, глядя на поток пешеходов. Глаза его были полузакрыты. Именно в этот момент он проверял свои ощущения: за ними кто-то наблюдал, аморфный, темный, угрюмый и опасный, как болотная трясина.

— Вас «пасут», — сказал он наконец.

— Я проверялся не один раз. Может быть, не меня, а вас?

— Я бы учуял. Следят за вами. А я хотел доверить вам этого мальца.

Зинченко глянул на безучастного ко всему Стаса, и Матвей сжато рассказал ему историю с парнем.

— Но теперь придется отказаться от этого варианта, извините.

— Я понимаю. Что ж, удачи, ганфайтер. Может быть, больше уже не свидимся. Во всяком случае, в этой жизни. Наступают очень плохие времена. Для «чистилища» тоже. Если его комиссары захотят выжить, они сольются с Куполом. Вспомните мои слова, когда это произойдет.

— Если это произойдет, руководители «чистилища»... уйдут в отставку. Обещаю.

Зинченко улыбнулся.

— Мне бы вашу уверенность. Звоните, если понадоблюсь, телефон этот знаю только я и вы.

Замначальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью пересел в свою машину, и «Волга» умчалась.

Следом отъехала бежевая ВАЗовская «девятка», в кабине которой сидели четверо; Матвей разглядел их и сквозь зеркально затемненные стекла. И пожелал Зинченко уцелеть.

Вторую машину — копию бежевой «девятки», он заметил через минуту, свернув по улице Разина направо, к Солянке. Заехал в первый же попавшийся двор и, приказав Стасу ждать, выбежал из арки на улицу, чтобы увидеть преследователей.

В кабине этой «девятки» сидели всего двое, шофер и пассажир. Остановив машину у выезда во двор, они посовещались, и пассажир, внушительного вида мужик в брюках со складкой и зеленоватой рубашке «кабретто» зашагал в арку. Матвей встретил его ударом в подбородок уже во дворе, выйдя из-за угла, спокойно прошел арку и подошел к «девятке». Водитель сообразил не сразу, почему в кабине оказался незнакомый парень с ледяными глазами, а когда понял, было поздно. Очнулся он спустя несколько секунд, обезоруженный и привязанный ремнем за руки к рулю таким образом, что отвязаться самостоятельно не мог.

— За кем идете? — тихо спросил Матвей, пряча в карман рацию, найденную на сидении.

Водитель задергался было, но понял тщетность попыток освободиться, нервно облизал губы.

— Кто ты такой, чтобы спрашивать?.

— Если я начну повторять вопросы, останешься глухим на всю оставшуюся жизнь.

Шофер снова заерзал на сидении, выругался.

— Вот скотина!..

Матвей щелкнул его по уху, и водитель заорал от боли.

— Хорошо, хорошо, я скажу! Приказано следить за начальником ГУБО...

— За кем?

— Вы с ним только что разговаривали. Зинченко.

— Он же был замом.

— Назначен исполняющим обязанности.

— Кто приказал следить?

Водитель дернулся изо всех сил, надеясь разорвать ремень, получил второй щелчок по уху и сдался.

— Майор...

— Смелее. Фамилия?

— Ибрагимов.

— А-а, Хасанчик, старый знакомый, жив еще. Где его можно найти?

— На базе.

— То есть на Лубянке. Где еще?

— Дома, в Зеленограде, еще он любит отдыхать в найт-клабах, особенно в «Лотосе».

— Спасибо, ты не так уж и глуп, как выглядишь, и очень любезен. За это я оставлю тебя в живых. Но если расскажешь майору о нашей встрече, я тебя найду. — Матвей достал из кармана водителя удостоверение офицера ФСК, прочитал вслух: Столбухин Виктор Иванович, лейтенант. Надеюсь, мы договорились?

Матвей вернулся во двор, мельком глянув на второго сотрудника Федеральной контрразведки, распростертого на асфальте, вокруг которого уже собралась толпа, и выехал через арку на улицу.

Звонил в дверь квартиры он с некоторым душевным трепетом, хотя все, что было связано с именем Марии, ушло. Правда, ушло из сердца, но не из памяти. Потому что, когда она открыла дверь, по обыкновению одетая в почти прозрачный короткий халатик, показалось, будто они и не расстались три с лишним года назад.

— Ты?! — округлила глаза девушка.

— Тень отца Гамлета, — неудачно пошутил он, невольно любуясь красивым лицом и фигурой Марии. Лицо девушки он всегда сравнивал с лицом королевы Медичи, столько в нем было величавой гордости, холодной надменности, целеустремленности, решительности и властолюбия. Собственно, и расстались они когда-то по причине этого самого властолюбия: Мария хотела, чтобы он подчинялся ей беспрекословно, всегда и везде.

— Извини, королева, что тревожу, но у меня нет выхода. Этого мальчугана, — Матвей выставил Стаса вперед, — надо приютить на некоторое время.

Мария прикусила губку, глянула на мальчишку, и тот ответил ей взглядом исподлобья.

— Проходите.

— Нет, я спешу. Он тебе все расскажет. Через два-три денька я его заберу. Если нужны деньги...

— Не нужны. Заходи, чаю хотя бы попьешь или кофе.

Матвей заколебался было, но пересилил желание, отступил на шаг.

— В другой раз, королева. До встречи. Стас, не скучай.

— Береги себя, — проговорил мальчишка серьезно, без улыбки. — Ни пуха...

— К черту! — Матвей легонько шлепнул рукой по его подставленной ладошке и, не обращая внимания на изумленно-заинтересованный взгляд девушки, поспешил к выходу из подъезда.

Ощущение знакомого т е м н о г о взгляда в спину появилось, когда он садился в машину, несмотря на отсутствие признаков явного наблюдения. Это мог быть только «монарх тьмы» или кто он там был, враг Тараса и всех людей Внутреннего Круга, снявший трубку, когда Матвей звонил Горшину домой. Вряд ли он видел Матвея визуально, скорее всего пытался лоцировать внутренним зрением, в пси-диапазоне, и Матвей «ощетинился» в ответ, как бы отталкивая

от себя этот псевдовзгляд, окружил себя «ментальными доспехами».

Ощущение взгляда исчезло с легким дуновением холодного ветра, оставив почти неощутимый всплеск ч у ж о г о недоумения.

ВЫЗОВ

Генрих Герхардович Ельшин успел потренироваться, искупаться в бассейне, позагорать и перебрался под тент, прежде чем принесли завтрак: чинзано, лобстеры, креветки, маринованный стахис, крутоны с телячьими мозгами и тертым сыром, кофе по-новозеландски, жареный миндаль. Шел только седьмой час утра, но жара уже давала о себе знать, и начальник Управления «Т» Федеральной службы контрразведки с наслаждением искупался в бассейне еще раз, на зависть охране, сторожко наблюдавшей за всем, что происходило на даче и вокруг нее. Но со стороны ни одного охранника увидеть было невозможно, все они находились в спецбункерах, готовые по сигналу наблюдателей появиться в нужном месте в считанные секунды.

Кроме наблюдателей, имеющих телемониторы и около трех десятков телекамер, установленных по всей территории дачи, мощная компьютерная система контролировала работу трех электронных поясов с аппаратурой, позволявшей оценивать обстановку по изменению электромагнитных и гравитационных полей, а также по инфракрасному излучению передвигающихся объектов. Поэтому проникнуть на дачу генерала ФСК не смог бы и крот под землей.

Огневая же мощь охраны, вооруженной сверхсовременным оружием, равнялась огневой мощи полка. И все же Ельшин не чувствовал себя в полной безопасности с тех пор, как на горизонте замаячила зловещая тень «чистилища». Да и сбежавший контрразведчик-ганфайтер из «СМЕРШа-2» торчал, как игла в заду, мешая спокойно работать. Несмотря на помощь Конкере, его не удалось ликвидировать ни с первой, ни со второй, ни с третьей попытки, в то время как он успел навестить Банкира и Шерифа. Единственное, что грело душу, — приобретение заложницы. Если парень дорожит ею, он придет, ну а тут его встретит немало сюрпризов.

Начальник службы безопасности и охраны возник у тента неслышно, как привидение. Ельшин поднял на него взгляд, отставил стакан с холодным соком манго.

— Он ушел, — бесстрастно сообщил Ибрагимов. — Тамерлан и Кир убиты. Я, кстати, предупреждал. С ним надо действовать проще, не умением, а числом. А эти мастера были о себе слишком высокого мнения, чтобы справиться с делом.

— Он забрал «глушак»?

— Как ни странно, не забрал, я привез его.

Генерал глотнул из стакана, почувствовал озноб и выплеснул остатки сока в бассейн. В принципе, он почти готов был к очередной неудаче, однако настроение от этого не улучшалось.

— Ты меня разочаровываешь все больше, Хасан.

— Поэтому и советую опереться не на суперов, а на добротных профессионалов, умеющих хорошо стрелять. Чем больше их будет, тем выше вероятность успеха. От пули он никуда не убежит.

— Однажды в него уже стреляли. Ты в том числе.

— Больше такого не повторится.

Ельшин оценивающе оглядел Ибрагимова. Майор не был мастером единоборств, зато великолепно владел всеми видами огнестрельного и холодного оружия.

— Хорошо, собери команду.

— Зачем ее собирать? На второй базе у нас всегда готов «Стикс».

Начальник Управления еще раз глянул на невозмутимо-хищное лицо майора, задумался. Тот имел в виду отряд «зомби» — особым образом запрограммированных с помощью суггестора «Удав» боевиков, не боящихся ни Бога, ни черта, ни смерти. Убить каждого из них можно было, только попав в голову. На раны, даже если пуля или клинок заденут сердце, они не обращали внимания.

— Пусть будет по-твоему. Соболева надо убрать в крайнем случае завтра к вечеру, чтобы послезавтра я смог спокойно провести смотрины. Покупатели уже собираются.

— Даже если он попробует заявиться сюда, на дачу, дальше ворот ему не пройти.

— Тем не менее это приказ.

— Нужен адрес. Искать его по городу можно год.

— Адрес будет, я сообщу его позже. Готовь полнокомплектную группу. Первый объект — Панов. Ты его упустил, ты и добьешь. Хотя бы и с помощью «нулей». Сегодня вечером. Второй объект — Василий Балуев.

Ибрагимов сузил глаза.

— Он же лучший в нашей команде. Ганфайтеров такого класса нет ни в одном управлении.

— Отпустив Соболева, он меня разочаровал. Солдат, который перестал слушаться приказов...

— Понял.

— Третий объект — Соболев. Готовься.

Главный секьюрмен Купола поклонился и неслышно исчез за кустами роз. Флейтой пропел сигнал рации, вмонтированной в кресло.

— Прибыл гость из Великобритании, — доложил руководитель информбюро. — Через час будет у Летчика.

— Прекрасно, — буркнул Ельшин. — Как ведет себя Кавалерист?

— Нервничает. Задействовал особый режим охраны, теперь его сопровождают десять человек. С чего бы это?

Кавалеристом с легкой руки Ельшина все называли министра обороны.

— О каждой встрече докладывать немедленно. Боров ему встреч не назначал?

— Вроде нет, сидит на даче со своей телкой и жрет пиво. Пардон.

Ельшин ухмыльнулся, дал отбой. Боровом все называли премьер-министра. Посидев еще четверть часа, генерал вздохнул и с внутренней дрожью встал. Предстояла встреча с Конкере, каждый раз уносящая частицу жизни, отнимающая много энергии и сил. Но Генрих Герхардович понимал, что без его помощи он не стал бы тем, кем стал, и вряд ли удержится у власти в будущем.

Поместье, принадлежащее Ельшину и называемое «дачей», не находилось на балансе ФСК, но строили его военные специалисты по проекту, разработанному еще предшественником генерала, для которого она и предназначалась. На территории поместья располагалось шесть строений, в том числе собственно трехэтажный коттедж площадью в девятьсот восемьдесят квадратных метров. Коттедж состоял из двадцати шести помещений, в том числе шести спален, двух разнокалиберных кабинетов, библиотеки, бара, музыкального зала, биллиардной, обширной гостиной и холла, где можно было танцевать, а также подвала, охраняемого с особой тщательностью, потому что там находился склад, тир, оружейные комнаты, боксы со спецснаряжением, три камеры, в которых можно было содержать в неволе до двух десятков человек, и помещение «01» — камера допроса и пыток. Кроме того присутствовал и лифт в шахту с выходом на подземную станцию специального метро. Но было там еще одно помещение, о котором не имели понятия ни особо приближенные к боссу Купола, ни проектировщики, ни строители. Вернее, те строители, которые знали о нем, давно канули в небытие. Именно туда и направлялся Генрих Герхардович.

В спальне он переоделся в тренировочный костюм, открыл дверцу бара и сдвинул декоративную бутылку с шампанским. Квадрат пола, на котором стоял генерал, превратился в своеобразный лифт и бесшумно заскользил вниз, на глубину в десять метров.

Комната, в которой автоматически вспыхнул свет, представляла собой современный вычислительный комплекс на базе IBM-совместимого компьютера «Шайенн» с памятью, не уступающей памяти мощных машин космических Центров управления. Здесь хранились такие секретные документы, которые могли бы перевернуть мнение политиков и общественных деятелей о взаимоотношениях спецслужб бывшего СССР, а также России, и вызвать целую сотню революций. К тому же этот комплекс позволял его хозяину входить в

любые коммуникативные сети и выуживать информацию, считавшуюся сверхнедоступной теми, кто ею обладал. Но главное достоинство «Шайенна» состояло в том, что он имел выход на канал связи с Конкере, то есть был отмечен «печатью зла».

Началась эта связь четыре года назад, когда Ельшин, тогда еще никому не известный офицер для особых поручений при начальнике Управления «К» Федеральной службы контрразведки, получил доступ к компьютеру. «Шайенну» только что увеличили память, добавив два винчестера по десять гигабайт, и при включении Генрих Герхардович вдруг почувствовал на себе страшный взгляд компьютера и превратился в гигантское существо размером с планету. Естественно, это его напугало, но не настолько, чтобы сойти с ума и заявить о странном явлении по начальству.

Очередной контакт с Конкере, «монархом тьмы», прошел легче, а потом Ельшин и вовсе почти перестал бояться «просачиваний» монстра из других реальностей в земную. После чего и начался его стремительный взлет по служебной лестнице.

Тихий шелест постоянно включенного комплекса подействовал на Генриха Герхардовича возбуждающе. Он сел в кресло перед терминалом, набрал код и стал ждать.

Через минуту на пульте перемигнулись огни, вентиляторы охлаждения на миг заработали в темпе авиационных турбин, и Ельшин почувствовал в з г л я д.

Это не был взгляд человека или животного: так могла бы смотреть пещера в глубинах гор — как бы со всех сторон сразу, так могла смотреть бездна у ног или небо над головой; так мог смотреть таинственный и жуткий иероглиф с листа пергамента или мрак преисподней. Так смотрел Некто, кого никто из людей, может быть, не видел воочию, справедливо названный «монархом тьмы».

— Спрашивай, — прошелестело в голове, глубоко в костях черепа.

На мгновение Генрих Герхардович почувствовал страх: тот, напротив, воплотившийся в электрические токи — кровь компьютера, сам ставший компьютером и одновременно чем-то большим, чем система человек-машина, з н а л обо всем, о чем думал и мечтал человек за пультом.

На экране дисплея вспыхнуло слово «спрашивай», звонко простучал принтер, выбив на листе бумаги то же слово. Ельшин вздрогнул и согнулся в поклоне.

— Приветствую вас, Конкере.

Конструкции пульта, дисплея, электронных шкафов, принтеров, вдруг поплыли, стали дымно-полупрозрачными, превратились в некое подобие свернутого в кокон получеловека-полудракона. Длилось это ощущение две-три секунды, но Ельшин уже сомневался, что у него галлюцинации: внедрение Конкере в аппаратуру изменяло ее

свойства, и ограниченный пятью чувствами человеческий мозг реагировал на эти изменения стандартным набором образов.

— Ты стал вызывать меня слишком часто, — снова забился в костях черепа вибрирующий бестелесный голос. — Я не могу уделять тебе столько внимания, сколько ты требуешь.

— Мне кажется, над моей головой сгущаются тучи...

— Ты прав, против тебя собираются внушительные силы.

— Но ведь мы изгнали из Москвы все гастролирующие нацгруппировки и контролируем все пути проникновения...

— Никто не давал гарантий, что они успокоятся, Москва слишком лакомый кусок, чтобы от него отказались сильные кланы. Скорее всего грядет война передела, Купол изменится. Вы и внутри Купола с трудом уживаетесь друг с другом. К тому же, существуют конкурирующие организации, способные достичь более устойчивого положения, чем ваше.

— «Чистилище»? В принципе, этого я не боюсь, с руководителями подобных структур всегда можно договориться.

— Сомневаюсь. «Стопкрим» вам не одолеть, пока планирует операции и контролирует исполнение один... скажем, человек по кличке Граф. У меня нет времени на его поиски, он умело скрывается, поэтому вам придется вычислить его координаты.

— Каким образом?

— Он контактирует с тем самым ганфайтером из «СМЕРШа», который успел вам насолить и которого вы никак не можете «погасить», хотя я уже трижды сообщал вам его местонахождение. В отличие от Графа запеленговать его легко, он еще не научился капсулироваться. Ведь он опять ушел от вас?

Ельшин поежился, не решаясь вытереть испарину со лба.

— Дайте выйти на него еще раз, последний. Клянусь, на этот раз он не уйдет!

— Надеюсь. Он не совсем обычный человек, и я не хотел бы увидеть его среди своих врагов в будущем. Вас устраивает обмен? Я вам — ганфайтера, вы мне — координаты Графа.

— Мы можем убрать этого Графа и сами, только нарисуйте нам его портрет.

— Это не под силу всему вашему Управлению. Даже я не могу определить его траекторию с точностью до дистанции поражения. Во всяком случае, не появляясь у вас компактно. Хотя попробовать, конечно, можно. Итак?

— Договорились. Где нам искать Соболева?

— Его искать уже не надо. У вас находится его девушка, он сам в скором времени придет к вам. А когда вы его возьмете — живым, понятно? — вызовите меня. Я побеседую с ним сам. После этого он ваш.

— Договорились, — повторил Генрих Герхардович.

В то же мгновение ощущение взгляда со всех сторон исчезло, «монарх тьмы» вернулся туда, откуда выглядывал в этот подвал. Дрожащей рукой Ельшин провел по лицу и засмеялся, и смех его был ненавидящим и трусливым одновременно.

Завьялов вернулся домой поздно вечером, жестом отпустил телохранителей — специалистов высокого класса, рекомендованных Горшиным, и, выкурив сигарету, поднялся к себе на третий этаж. Гостя он увидел не сразу, лишь когда включил свет в гостиной. Схватился за пистолет, ожидая выстрела в упор, но незнакомец не пошевелился, только дернул углом рта, обозначая улыбку.

— Кто вы? — резко спросил Дмитрий Васильевич. — Что вам нужно?

— Я Матвей Соболев, — представился гость, глаза которого то становились пронзительно-синими, то прозрачно-ледяными. — Капитан военной контрразведки «СМЕРШ-2». Я был представлен вам Горшиным.

Завьялов хмыкнул, опустил пистолет, но не убрал.

— Тот Соболев, которого представил Граф... э-э, Горшин, выглядел иначе.

Матвей снова обозначил улыбку.

— Спасибо за оценку. Контрразведчик, а тем более ганфайтер — мастер не только по рукопашному бою, но и в искусстве маскировки. Тогда я был брюнетом, сегодня...

— Когда же вы настоящий?

— Всегда. Но если в смысле облика, сегодня я — это я.

Завьялов подумал и убрал пистолет. Кто бы ни был этот человек, оружия он не боялся.

— Вино, пепси, сок, чай, кофе?

— Сок, если можно.

Дмитрий Васильевич принес грейпфрутовый «контини» в запотевшей литровой бутыли, налил гостю, сел напротив, разглядывая контрразведчика. Матвей понял его оценивающий взгляд, но от шутки удержался.

— Я на минуту. Дело в том, что я оказался в непростом положении и мне необходим совет Горшина. Дома его нет, телефон не отвечает. Вы не можете помочь найти его?

Завьялов покачал головой.

— Он всегда звонил и назначал встречи сам. Оставьте ваши координаты. Как только он появится, я дам знать.

Гость кивнул, раздумывая, стоит ли говорить что-то еще, и Дмитрий Васильевич уловил его колебания.

— Может быть, нужен ночлег? У меня три комнаты, можете занимать любую. Ни жены, ни детей.

Матвей встал, все еще колеблясь.

— Пожалуй, нет. Сегодня нет, но если... завтра? Я могу рассчитывать?

— Нет проблем. Ключи вам, судя по всему, не нужны, — Завьялов усмехнулся, — хотя я был уверен, что открыть замок без ключей невозможно. Приходите.

Соболев ушел, не скрипнув дверью. Завьялов остался сидеть в размышлениях, как все-таки гостю удалось забраться в квартиру с бронированной дверью, запертой на кодовый электронный замок.

Покайфовать со стаканом сока, приятно холодившим ладонь, помешало ощущение взгляда. Завьялов очнулся, поднял голову и натолкнулся на иронично-насмешливый взгляд нового гостя, возникшего в гостиной неизвестно откуда, — Горшина.

— А чтоб вам пусто было! — в сердцах проворчал он, скрывая невольный трепет. — Сначала один нетопырь, теперь второй.

— У вас был Соболев? — догадался Тарас. Кивнул на кресло. — То-то мне показалось... Присесть можно? Чего он хотел?

— Искал вас. Ему нужна помощь.

— Это я знаю. Он хочет освободить свою девушку, которую захватил президент Купола. Она у Ельшина на даче. Но идти туда все равно, что совать голову в пасть крокодилу.

— То есть помогать ему нет смысла.

Горшин с неопределенной миной взглянул на хозяина.

— В принципе, да. Но он этого еще не знает.

— Это... жестоко.

— Любая истина жестока.

Теперь уже Дмитрий Васильевич глянул на собеседника с любопытством и сомнением.

— Давно хотел спросить у вас, Граф. Вы... человек?

Горшин тихо засмеялся.

— И да, и нет. Не боитесь задавать такие вопросы?

— Я боюсь только одного: дожить до глубокой старости. Что вы так на меня смотрите? Ждете, что я начну комплексовать от известия? Я давно догадывался, что вы представитель нового разумного вида хомо. Нет? Чего я только не понимаю — вам-то зачем вся эта мирская суета? Неужели там, в вашем «параллельном мире» или в «иной реальности», — может быть, в Шамбале? — нет более интересных занятий?

— Наверное, есть, не знаю, я туда не дошел, хотя и посвящен в тайные знания скрытых реальностей. Но и в этой земной реальности существует множество параллельных миров: мир науки, открытий, радостных озарений и творчества, мир искусства, красоты и гармонии, мир детства, наконец, и рядом — миры гнусной лжи, интриг, борьбы за власть, подлости и предательства, которые сами по себе не исчезнут. Понимаете?

Завьялов задумался.

— Это я как раз понимаю, и тоже не вижу способа избавиться от последних миров, кроме насилия. Я не понимаю, о каких скрытых реальностях вы упомянули.

— Я не смогу объяснить вам этого в терминах и понятиях современного земного языка. Существуют четыре формы понимания мира: религия, философия, наука и искусство, — и все четыре несовершенны. Сейчас они разошлись друг от друга и зачастую противоречат, но было время, когда в древнем Египте, в Праславянской Европе, Индии, Греции они составляли единое целое и отражали мир целиком, как он есть. Опять же в данной реальности. Скрытые слои жизни могли созерцать и чувствовать лишь отдельные личности.

— Вы тоже?

— И я, — кивнул спокойно Горшин. — Но довольно лирики. Дмитрий Васильевич, возможен вариант, когда мы вынуждены будем прийти на помощь Соболеву. Послезавтра на даче Ельцина состоится встреча отцов Купола с зарубежными покупателями похищенной партии оружия. У нас есть реальная возможность уничтожить гнездо, сорвать сделку и вернуть оружие законному владельцу.

Завьялов поставил стакан на столик, лицо его отвердело.

— Вы это серьезно?

— Вне всяких сомнений, — сухо сказал Горшин. — Я еще не уверен, соответствует ли такая операция моим планам и найду ли я на даче то, что ищу, но вариант очень реален.

— Мы потеряем половину оперативного состава.

— Если не все девяносто процентов. И все же...

— Я вас понял. Мне надо уговорить комиссаров, так?

— Уговаривать пока не надо. Предложите им это и посмотрите на реакцию каждого. Если они согласятся, все нормально, если нет... План операции будет готов к утру, и я представлю его сразу, как только комиссары дадут добро. Не дадут — нашему ганфайтеру придется сражаться с этой сворой в одиночку.

Завьялов долго не отвечал, задумавшись о чем-то. Наконец проговорил негромко, словно разговаривал сам с собой:

— Я иногда задаю себе вопрос: что порождает героизм одиночек? Жажда приключений, смертельная опасность, любовь, обостренное чувство справедливости? Зачем они очертя голову бросаются бороться с бедствиями, ликвидировать аварии, последствия дикого, смертельно опасного для миллионов непрофессионализма? Не знаю. Я не таков, хотя и не живу по принципам кёся и ракуся*. Но время идет, а не меняется ничего. Расчет, как и вчера, на счастливую случайность, надежда, как и вчера — на одного единственного. На того, кто придет и спасет, кто выручит и отведет беду. Есть ли этому предел?

---

* Кёся и ракуся — кротость, лень и трусость *(яп.)*.

Горшин молчал. Он знал ответ, но Завьялов просто рассуждал вслух и в ответе не нуждался.

— Может быть, мы не с теми боролись, с кем надо? — продолжал Дмитрий Васильевич. — Ведь по-прежнему, несмотря на все наши усилия, миром управляет продажная чиновничья рать, которая плодится не хуже тараканов. Купленные судьи и прокуроры, рэкетиры, мафиози и бандиты — это уже следствие произвола системы. Что же мы уподобляемся Дон Кихоту, воюющему с мельницами?

Горшин вздохнул.

— Вы становитесь сентиментальным, Дмитрий Васильевич. Но может быть, вы правы.

Полдня Матвей вел наблюдение за Хасаном Ибрагимовым, майором контрразведки, правой рукой Ельцина, но так и не решился на перехват: не потому, что Ибрагимова все время сопровождали пять-шесть человек охраны, а из-за собственной внутренней неуверенности. Что-то мешало ему быть господином обстоятельств, чувствовать себя в форме и действовать с максимальной отдачей. Вероятно, это подавало сигналы подсознание, зафиксировавшее опасность в глубинах событийных полей, и все чаще вспоминались т е м н ы е взгляды «монарха тьмы», если, конечно, это был он. Вполне могло быть, что «монарх» продолжал следить за ним из иных планов бытия, на уровнях мистических предвосхищений.

Подумав так, Матвей снова пожалел, что до сих пор не воспользовался предложением Горшина провести «био» или «психокоррекцию», которая помогла бы выявить скрытые резервы и перейти на другой уровень мышления и чувствования. Пока что паранормальные способности Матвей проявлял лишь громадным усилием воли, с помощью мобилизации всех сил, что явно отрицательно сказывалось на нервной системе. После боя с киллхантерами, например, он приходил в себя сутки.

Дождавшись появления Ибрагимова из дверей центрального входа в Генпрокуратуру на Пушкинской, Матвей поехал за его машиной, еще не уверенный в своих дальнейших действиях. Ему вдруг показалось, что назревают какие-то события, и это невольно взбодрило и заставило собраться.

Он не ошибся. В сопровождении девяти здоровых ребят на двух машинах Ибрагимов добрался до Курского вокзала, свернул с Чкалова в переулок напротив гастронома и остановился возле старой пятиэтажки кирпично-красного цвета. Захлопали дверцы автомобилей — уже знакомых Матвею бежевых «жигулей», все сопровождавшие майора вышли из машин и, разбившись на три группы, просочились во двор дома. Машины отъехали, и наступила тишина.

Поскольку в течение последующих пятнадцати минут ничего не

происходило, шум не поднимался, Матвей понял, что отряд Ибрагимова сел в засаду и кого-то ждет. Не успел он обдумать эту возможность, как вдруг заметил быстро идущего по тротуару молодого человека, кого-то ему напомнившего. Через секунду он узнал его, а еще через два удара сердца понял, что команда Ибрагимова ждет именно этого парня.

Дождавшись, когда прохожий окажется вровень с машиной, идя по другой стороне улицы, Матвей негромко окликнул его:

— Вася!

Молодой человек, одетый в безрукавку и легкие летние брюки, не стесняющие движений — это был тот самый ганфайтер, который отказался исполнять приказ по ликвидации его, Соболева, — косо глянул на заговорившего с ним усатого водителя, приостановился.

— Садись в машину, быстро! Тебя там ждут.

Василий раздумывал мгновение, затем свернул на дорогу и нырнул в кабину «шестерки». Тотчас же из-за угла дома выскочили трое боевиков Ибрагимова, на ходу доставая оружие, и Матвей с визгом шин рванул машину с места, не заботясь о двигателе. Однако далеко уехать не удалось: боевики открыли огонь из автоматов, и пули мгновенно порвали шины задних колес.

Все же им удалось проскочить до поворота на Сыромятную, где оба выскочили из машины и, не пытаясь демонстрировать ухарство и ложную смелость, помчались прочь. Василий лучше знал эти места, поэтому Матвей инициативу отступления предоставил ему, но им повезло. Рядом притормозил хлебный фургон, и водитель, высунувшись из кабины, крикнул:

— Эй, спортсмены, куда спешите?

Матвей не сразу узнал шофера Лешу, которого приютил у себя и выслушал исповедь бывшего зэка.

— Садимся, — хлопнул Матвей Василия по плечу.

Они прыгнули в кабину фургона, и Алексей дал по газам. Через пять минут машина выехала из зоны контроля засады, а еще через четверть часа Леша высадил их на Таганке у метро.

— Спасибо. — Матвей с чувством пожал ему руку, кивнул на фургон. — Устроился?

— Помогли добрые люди. Наверное, с твоей подачи. Я имею в виду, ты помог мне прорвать мешок равнодушия вокруг моей персоны, когда согласился выслушать просто от доброты душевной. Так что я у тебя еще в долгу.

— Ну, не такой уж я и добряк. Где тебя можно найти?

— В Чертаново, бабка одна приютила. Телефон есть, звони, если понадоблюсь. — Алексей продиктовал номер, который Матвей запомнил, не записывая. Они пожали друг другу руки и расстались.

Василий ждал его у журнального киоска, делая вид, что рассматривает товар.

— Как ты оказался возле моего дома?

— Следил за одним типом. Фамилия Ибрагимов тебе о чем-нибудь говорит?

— Волкодав Ельшина. — Василий мрачно усмехнулся. — Вон откуда ветер дует. Что ж, благодарю за помощь, я теперь тоже твой должник. Хотя вряд ли им удалось бы взять меня.

— Они пришли не брать, а убивать.

Василий задумался, покачал головой.

— Не вижу для этого причин. Единственное, в чем я виноват, так это в отказе «погасить облик» одного местного ганфайтера. Или я чего-то не знаю?

— Ельшин — крестный отец Купола. Меня вызвали начальники моего ведомства по поводу утечки партии новейшего секретного оружия. Так вот, похищено оружие по приказу Ельшина, для продажи за рубеж, наверное. Сумма сделки, очевидно, так велика, что генерал решил рискнуть всем: положением, службой, властью и даже жизнью. Что ему твоя жизнь или моя? Ты контактировал со мной, я в розыске, делай выводы.

Василий отвернулся, не отвечал минуту.

— И что ты намерен делать?

— Они захватили мою девушку и по всем данным держат ее на даче Ельшина.

— То есть ждут тебя там. — Василий с интересом глянул на твердое и спокойное лицо Матвея, на котором горели холодные голубые глаза. — Видимо, здорово ты им насолил, что они пошли на этот шаг. Я могу чем-то помочь?

— Я пойду туда.

— Тогда нам не по пути, я не самоубийца. Ты знаешь, что такое дача Ельшина?

— Для этого и иду по следу Ибрагимова. Он расскажет.

— Ну-ну. — Василий покачал головой, протянул руку. — Бывай, ганфайтер. Я вынужден буду проверить твое сообщение. На всякий случай запомни телефон, — он продиктовал номер, — но звони не раньше двенадцати ночи, может быть, я скажу что-нибудь определенное.

Матвей хлопнул ладонью по подставленной ладони, и Василий растворился в толпе у метро.

— Ну, волчара, погоди! — подумал Матвей об Ибрагимове.

НЕПОСВЯЩЕННЫЕ В ХРАМЕ

Панова убрать не удалось: директор Федеральной службы контрразведки понимал, что если первое покушение не удалось, то второго лучше ждать во всеоружии, и подготовился соответствующим

образом. Поэтому охранник Панова, который работал на Ельшина и получал за это в пять раз больше, отказался лезть в петлю, даже за сто тысяч «зеленых». Не смогла подойти близко к директору ФСК и спецгруппа киллхантеров, подготовленная Ибрагимовым, а отряд снайперов остался не у дел, потому что Панов после выхода из больницы практически не выходил никуда из дома.

— Придется ждать благоприятного случая, — доложил Ельшину главный секьюрмен Купола, в глазах которого постоянно тлел огонь угрозы и жажды убийства, хотя вел он себя всегда сдержанно и хладнокровно.

— Но вы упустили и Балуева, — сказал генерал неприятным тоном, сидя на веранде дачи, где принимал прибывающих высоких гостей.

— Ему помогли, — бесстрастно сказал Ибрагимов. — Кто-то следил за мной, я это все время чувствовал, и, очевидно, предупредил объект. Мы раздолбали их машину, ребята ищут сейчас, кому она принадлежала. К вечеру найдем владельца и выйдем на Балуева.

— Мне бы вашу уверенность.

— Прошу прощения, — возник на веранде адьютант. — Прибыл генерал Жариновский.

— Что? — поднял бровь Ельшин. — Один?

— Так точно.

Генерал и начальник службы безопасности переглянулись.

— Галкин не захотел прибыть сам. Что это — перестраховка, тактический ход, хитрый расчет, трусость? Или он знает то, чего не знаю я?

Ибрагимов молчал.

— Ты проверил охрану, подходы, каналы связи?

— Все в норме.

— А как там наши коллеги? МВД, ГУБО, Управление «К», «СМЕРШ»?

Ибрагимов отвел взгляд, но и на этот раз промолчал.

— Может быть, они что-то пронюхали? — Ельшин встал из плетеного кресла и прошелся из угла в угол веранды. — Но даже если и узнали что-то, что они могут сделать?

— Ничего.

— Ай да Галкин, ай да Кавалерист, ай да министр обороны! Неужто почуял, что пахнет жареным? И ничего не сказал? — Ельшин остановился. — Задействуй вариант «ЭС» и спусти собак. А мне придется навестить подвал, кое с кем проконсультироваться. — Генерал не заметил, что проговорился, а Ибрагимов не подал виду. Кое о чем он догадывался и прежде, однако вряд ли его фантазии хватило бы, чтобы представить истинное положение вещей.

Видимо, Ибрагимов что-то заметил, а может, сопоставил факты, но Матвею следить за ним, не раскрываясь, стало практически невозможно. Проанализировав ситуацию, Соболев понял, что взять майора без боя и крови не удастся ни в одном из стандартных вариантов: ни дома, ни в барах и ресторанах, ни в общественных местах, и уж тем более не в конторе ФСК. Следовало что-то придумать, и как можно быстрее, но в голову ничего путного не приходило. Раздосадованный на обстоятельства и собственную недалекость, Матвей еще раз позвонил Тарасу, ответа не получил и решил потерпеть до вечера. Тело требовало отдыха и энерго-духовной подпитки. Одним из методов такой подпитки, которые знал Матвей, было саймин-дзюцу — «искусство ментальной мощи», то есть самогипноз, возбуждение «разума-воли».

Единственной заковыкой было отсутствие надежного пристанища, и Матвей, скрепя сердце, еще раз решил навестить Марию, якобы проведать Стаса.

Поскольку «шестерка» Ильи после перестрелки осталась у Курского вокзала, пришлось соображать насчет транспорта, и Матвей рискнул: залез в опломбированный гараж Ильи и увел свою перекрашенную «Таврию».

Мария не особенно удивилась просьбе Соболева принять душ и поспать часок, она уже знала, что Матвей никогда ничего не просит без причин. Стас появлению «дяди Матюши» обрадовался так, что у Матвея защемило сердце, и он вынужден был уделить мальчишке полчаса, выслушать его рассказ и поделиться своими заботами. Лишь после этого серьезного «мужского» разговора, принесшего кстати облегчение, Матвей залез в ванную и, сменив воду с ледяной на горячую, ушел в медитацию.

Мысль, что Ибрагимова лучше всего перехватить с помощью Василия, сформировалась окончательно к концу сеанса саймин-дзюцу, когда Матвей почувствовал свою прежнюю силу и вкус к острым ощущениям.

Стас уже спал, устав ждать «дядю».

Мария смотрела на Матвея с неопределенным интересом, он чувствовал ее желание выяснить, чего он хочет, но ответить ему было нечем. Пришлось сочинить короткую сказку о погибших родственниках, в число которых входили родители и бабушка Стаса, и, не раскрывая деталей, рассказать о «сгоревшей» квартире. Говорила ли Мария, Матвей не знал, после чаепития он сразу засобирался, не обращая внимания на вопрос хозяйки: «Так поздно? Можешь остаться». Но вспомнил о предложении Василия.

— Позвонить можно?

— Ради бога. — Мария ушла на кухню, покачивая бедрами. В алом, с черными бортами, атласном халате она выглядела чертовски соблазнительно. Однако до Кристины ей было далеко.

Василий ответил на третьем звонке, ровно в одну минуту первого.

— Кто нужен?

— Волшебник.

— Соболев?

— Да я, ты мне нужен.

— Надо же, какое совпадение, ты мне тоже.

— А я тебе зачем?

— Позвонил первым и говори первым.

— Я планирую перехват Хасана Ибрагимова.

Трубка изумленно замолчала на несколько секунд, потом донесла сдержанный смешок ганфайтера.

— Или ты читаешь мои мысли, или я твои. Представляешь, я тоже подумываю о перехвате майора. Я проверил твой стеб насчет Ельшина, похоже, ты по-крупному прав. Поэтому нужен уточняющий штрих — Хасан. У тебя есть план?

— Нет. Я водил его полдня, но подойти не смог.

— Он сейчас у своей подруги на Жабенке. Стерегут его двенадцать человек, из коих трое — килдхантеры.

Матвей присвистнул.

— Как президента! Я не знал, что у него есть подруга. Банкира я брал тоже у любовницы, мог бы догадаться, что и у их подручных тот же образ жизни.

— Приезжай через час к Тимирязевскому мосту через Жабенку, вдвоем мы его возьмем и попросим ответить на вопросы, твои и мои.

Матвей повесил трубку, повернулся и встретил взгляд Марии.

— Останешься?

Говорить ничего не хотелось, но ему все же удалось выдавить:

— Извини, королева, я тороплюсь. Поговорим в следующий раз.

Ушел он не оглядываясь. Перед мысленным взором улыбалась Кристина.

Василий ждал его в черном «оппеле» последней модели, одетый во все черное.

— Привет, ниндзя, — сказал Матвей, влезая в кабину. — Ну и тачка у тебя — страх! Какую школу проходил?

— Основа — айкидо, но в общем-то занимался понемногу почти всеми видами азиатских единоборств. А ты — барс?

— База — русбой, но, как и ты, владею многими вариантами кэмпо. Хотя русбой взял от них практически лучшие приемы.

— Кулак демона? Смертельное касание?

— При необходимости. Русбой, как и айкидо, этически относится к защите от неспровоцированного нападения. Как и айкидок, барс редко калечит противника, а тем более...

— Понял, не читай лекций. Жаль, что я не послушал своего наставника десять лет назад, когда он советовал мне заняться русбоем. Но в сторону лирику, переодевайся.

Матвей нащупал на заднем сидении объемистую сумку, а сверху такой же черный, не стесняющий движений, костюм, что и на Василии. Быстро переоделся, кивнул на сумку:

— Спецуха?

— Возьми, что считаешь нужным, я уже экипирован.

Матвей открыл сумку, выпятил губы трубочкой.

— Однако!

В сумке, аккуратно сложенный, наличествовал весь арсенал ниндзя плюс рации, приборы для ночного видения и огнестрельное оружие впридачу: так называемые «карты смерти» — метательные звездочки и многогранники, — сякэны и сурикэны, кагинавы — кошки, дротики, бяньдао — летающие ножи, эмейские иглы, многосекционные металлические плети, йойо, «железные лотосы», летающие когти, метательные и хватовые ножи, комплекты сай, арбалет (!) и пистолеты.

— Похоже, ты готовился к настоящей войне!

Василий промолчал.

Матвей выбрал два вида сюрикэнов, эмейские иглы, комплект сай и пристроил в кармашке длинный и узкий швейцарский кинжал.

— Какова стратегия?

— Самая простая: идем туда, выключаем всех, кто мешает, и берем Ибрагимова. Учти, стреляет он как бог — даже на звук и на запах.

— Я с ним уже встречался, и он не произвел на меня особого впечатления.

— Нельзя недооценивать соперника, это аксиома. Пошли.

Владея дзёаи но дзюцу — искусством беззвучного и бестеневого движения, они пересекли дорогу, углубились во дворы и через пару минут по улице Пасечной вышли к стандартной девятиэтажке с двумя подъездами. Окна горели только в нескольких квартирах, в том числе в квартире подруги Ибрагимова, как отметил Василий, живущей на самом верхнем этаже.

— Я думаю, стерегут его группами по три-четыре человека. Четверо во дворе, двое в подъезде, трое на этаже и столько же на крыше.

— Штатная упаковка. Снимаем наружку, потом я или ты идешь на крышу через второй подъезд, а другой — через первый. Встречаемся у дверей квартиры.

Они бесшумно стукнули кулак о кулак друг друга и разошлись: Василий вправо, Матвей влево. Только теперь Матвей наконец перешел на скоростной рефлекторный режим, резко усиливший обменные процессы и ускоривший реакции. С переходом в состояние турийи он решил не спешить, обстоятельства этого пока не требовали.

Одного и второго охранника он без труда обнаружил в беседке:

оба курили, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. В темноте трудно было прицеливаться и метать камни в нервные узлы, поэтому Матвей предпочел подобраться ближе и отключить обоих одновременным ударом обеих рук в горло. Отобрав рацию у одного из упавших, Матвей прислушался к тишине и метнулся к левому подъезду. У правого мелькнула тень, однако не донеслось ни звука: Василий справился со своими и вошел внутрь. Через несколько минут Матвей был на крыше.

Вопреки ожиданиям, сторож здесь был один, зато очень хорошо владевший методами маскировки. Матвей смог обнаружить его только благодаря случайности — по короткому зуммеру рации: устроился парень аж на крыше лифтового бокса. Отрабатывая зарплату, охранник был достаточно бдителен и успел выхватить пистолет, но Матвей оказался быстрее. Энейская игла прошила руку парня, заставив его выронить пистолет, а удар в висок — Матвей выпрыгнул вверх на добрых полтора метра — успокоил его надолго.

Второго сторожа Соболев отыскал на лестнице прямо под люком выхода на крышу. Вряд ли парень успел удивиться, когда сверху на него упало что-то черное и твердое, как бетонный столб.

Василий уже ждал Матвея у двери с номером «шестьдесят три». У ног его лежал ничком здоровяк в спортивном костюме. Второй сидел на полу у лифта, уронив голову.

— Живы, — буркнул Василий в ответ на взгляд Матвея. — Третий в лифте. Еще трое внизу. Но времени у нас, боюсь, кот наплакал. Вздумай Хасан проверить охрану по рации, и молчание его тут же насторожит.

— Он может услышать и скрежет в замке, если мы начнем открывать его отмычками.

— Тогда остается один способ...

Матвей кивнул, понимая все без слов.

Василий отошел к лифту, разогнался и прыгнул вперед ногами в дверь, вбивая ее в прихожую, а Матвей тут же нырнул в проем, группируясь в падении.

Опасения Василия подтвердились: Ибрагимов почуял опасность, хотя и не проверял охрану, — и открыл стрельбу практически одновременно с прыжком Матвея; стрелял он из пистолета-пулемета с глушителем.

Их спасла только реакция, да пассия Хасана, бросившаяся с криком из спальни в одном прозрачном пеньюаре. Ибрагимов вынужден был прекратить огонь, чтобы не попасть в нее, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Матвей проскочил в гостиную, спрятавшись за сервантом, а Василий — на кухню.

Было слышно, как сбежавшая на кухню девушка что-то быстро говорит — видимо, перехваченная Василием, а Ибрагимов хрипловатым шепотом орет в микрофон рации:

— Олухи, очнитесь! Ко мне, быстро! Марк, Пит, Фил — сюда!

Матвей быстро оглядел гостиную, обставленную по безвкусному стандарту: сервант, комод, книжный шкаф, диван, стол, три кресла, три стула. На одном из стульев висел халат, и Матвей метнул его в проем двери, ведущей в спальню. Короткий — в четыре выстрела — грохот автомата возвестил, что Ибрагимов начеку. И стрелял он действительно классно, экономно и точно. Секунды шли, а с ними таяли и шансы на успешное окончание операции. Матвей уже решил было попробовать добраться до спальни под прикрытием кресла, но в это время Василий начал отвлекающий маневр.

— Ложись, барс! — крикнул он и метнул из кухни в сторону спальни круглый металлический предмет.

Интуиция сработала прежде, чем Матвей понял, что это не граната: Василий метнул игадама — металлического ежа, используемого в ниндзюцу для остановки преследователей. Но Ибрагимов не разбирался в технике ниндзя и бросился в одних плавках в глубь спальни, под кровать, прикрыв голову руками. Матвей успел проскочить гостиную и прыгнул в спальню в тот момент, когда лжеграната воткнулась в стену и застряла.

Ибрагимов среагировал на звук, сначала всадив очередь в металлический шар с иглами, а потом, не оглядываясь, выпустил очередь в проем двери. Если бы Матвей задержался с броском хотя бы на долю секунды, его не спасло бы даже искусство ядомэ-дзюцу*, доведенное множеством тренировок до совершенства.

Третью очередь Ибрагимов дать не успел, пятка Матвея вбила его руку с автоматом в щель под тумбочку трельяжа, а вторая чуть не сломала шею.

Бой закончился.

В спальне появился готовый к прыжку Василий, кивнул, расслабляясь.

— Порядок, ганфайтер.

Матвей хлопнул ладонью по подставленной ладони, вынул из руки потерявшего сознание майора автомат, снял с кровати еще один пистолет-пулемет.

— Неплохой он арсенал с собой носит. Черта с два мы бы взяли его живым, если бы не твоя «граната».

— Я был уверен, что он среагирует, как надо. Смотри-ка, что у него тут есть! — Василий высыпал из черной сумки на кровать груду оружия.

Матвей потрогал пальцем гранатомет, подержал в руке автомат АКС-93, выудил из кучи знаменитый «Гном», потом «Волк-2», бросил обратно.

---

* Ядомэ-дзюцу — отбивание стрел и пуль руками и предметами быта, ловля стрел руками, уворачивание от стрел и пуль.

— Хотел бы я знать, зачем ему столько оружия. Может быть, это какая-то форма болезни? Зачем ему, например, таскать с собой гранатомет, да еще такой мощный, как этот?

— Плюс вот это. — Василий вытащил из горки оружия пистолет, похожий на «Волк». — Знаешь, что это такое?

— Знаю, — медленно проговорил Матвей. — Суггестор «Удав».

— «Глушак», — кивнул Василий мрачно. — Ты этим занимался? Я имею в виду утечку оружия.

Матвей предостерегающе поднял руку: Ибрагимов зашевелился, открыл глаза, сморщился, глядя в стену. Затем глаза его прояснились, он подхватился с пола и бросился к оружию на кровати, но наткнулся на ребро ладони Василия и осел у стены, не сводя горящих глаз со своих врагов.

— Времени у нас мало, а терять нам нечего, — тихо сказал Василий, разглядывая начальника службы безопасности Купола. — Ты меня знаешь, Хасан. Честно говоря, тебе и так здорово везет, раз ты еще жив.

— Что вам нужно?

— Подступы к Ельшину, — безмятежно сказал Матвей.

Ибрагимов с недоумением глянул на него, потом на его напарника, глаза его расширились, и он захохотал. Гости молча ждали, пока он закончит. Затем Василий взял с кровати «глушак», повертел в руках, ровным голосом проговорил:

— Сам расскажешь или помочь?

Майор, как зачарованный, уставился на тускло блеснувший ствол пистолета-суггестора.

— Ну? — кинул Матвей, выглянув в коридор; из кухни доносились приглушенные всхлипывания девушки, хозяйки квартиры.

Ибрагимов вздрогнул, отвел глаза.

— Вы с ума сошли! Вам и шагу ступить не дадут...

— А это уже наша проблема, киллер. Итак? — Василий поднял суггестор, направил ствол в лицо побледневшего Хасана.

Ибрагимов сглотнул, не сводя взгляда с черного зрачка, в глазах его зрело какое-то решение, и Матвей понял, что полагаться на слова профессионального негодяя нельзя. Понял это и Василий. Нажал на курок, и... ничего не произошло! Ибрагимов не вскрикнул, не упал, продолжал смотреть на пистолет, но Матвей вдруг понял, что застывший взгляд майора перестал излучать ненависть.

— Кажется, сработала... — прошептал он.

Василий оглянулся на него, коротко рассмеялся.

— Если бы я знал, что делать дальше.

— Он лишен воли — и только. Теперь можно его программировать... но я тоже не знаю, как это делается.

— Может быть, просто приказать, и все?

— Попытка не пытка. — Матвей пожал плечами, с сомнением глянул на полуголого человека на полу. — А он не притворяется?

Василий провел перед глазами Хасана рукой, но тот не среагировал.

— Похоже, что нет. Да и что нам остается? Но прежде пусть расскажет о секретах дачи, кто и как ее стережет, где они прячут твою девушку... в общем, все.

При словах «где они прячут девушку» Василий искоса глянул на Матвея, улыбнулся, но продолжать на эту тему не стал.

Ибрагимов рассказывал десять минут, пока не заговорила рация: очнулся один из командиров группы охраны. Ганфайтеры заставили Хасана выматерить ничего не соображавшего телохранителя, и это дало им еще десять минут времени. После чего они приказали Ибрагимову забыть о встрече и собрались было уходить, как вдруг Матвею пришла в голову идея.

— Слушай, волкодав, а что, если внушить ему в определенное время поднять шум на даче? Мы будем там не раньше завтрашнего вечера, вот и пусть начнет бузу, «учебную стрельбу» по всему, что движется.

— Ты гений!

— Я знаю, — скромно согласился Матвей.

— Но тогда пусть поднимет не просто бузу или стрельбу, а прицельную: пусть начнет расстреливать телекамеры, лазеры, электростолбы и аппаратуру магнитного сканирования, это поможет нам отступить.

— Ты гений!

— Я знаю, — скромно ответил Василий.

Через минуту, продиктовав осоловелому майору новый приказ «начать шум» на даче Ельшина, а также забыть все, что произошло на квартире у любовницы, оба ганфайтера успокоили плачущую хозяйку и ушли из дома тем путем, которым шел Матвей — через крышу и второй подъезд, избив очнувшуюся охрану еще раз.

— Надо переварить все, что он рассказал и разработать план, — сказал Василий в кабине своего «оппеля». — Куда поедем?

— У меня крыши нет, — отозвался Матвей. — Я гол как сокол.

— Тогда поехали ко мне.

— А если там засада?

Василий улыбнулся уголком рта.

— У меня есть еще одна квартира, о которой не знает даже генерал Ельшин. Ты звонил туда. Ну?

— Поехали, — махнул рукой Матвей, чувствуя, как ноют мышцы и усталость разливается по телу. — Хочу пить, есть и спать. А с чего это ты вдруг загорелся посетить дачу Ельшина?

Лицо Василия осталось спокойным, но в голосе прозвучали угрожающие нотки:

— Может быть, ты будешь смеяться. Я не ханжа и многое позволял себе в этой жизни, но могу ответить лишь словами Верещагина из «Белого солнца пустыни»: «За державу обидно!» И еще мне очень хочется доказать господину Ельшину, что есть закон и для беспредела.

Дальнейший путь они проделали молча.

Квартира, о которой говорил Василий, оказалась дачей в Абрамцеве, расположенной на берегу небольшой речки. С виду дача походила на развалюху времен Великой Отечественной войны, готовую вот-вот рухнуть, но внутри оказалась вполне современной городской постройкой с отдельными ванной и туалетом, с кухней и двумя комнатами, одна из которых служила хозяину рабочим кабинетом с компьютером класса «Тошиба».

— Не боишься оставлять? — кивнул на компьютер Матвей. — Ворам ничего не стоит взломать хату и выволочь все оборудование.

— Ошибаешься, — флегматично отозвался Василий. — Во-первых, никто на такую хату не позарится, сам видел, как она выглядит внешне. Во-вторых, открыть дверь можно разве что гранатой, да и то не уверен, а окна полны ловушек. Впрочем, их и внутри хватает. Иди мойся, я за тобой.

В три часа ночи они сели пить чай, после чего приступили к разработке плана проникновения на дачу Ельшина. Информация, полученная от Ибрагимова, требовала проверки, но времени на это уже не было. Исходили из того, что она верна.

Как оказалось, Ельшин спланировал операцию по продаже похищенной партии оружия и пригласил покупателей из-за рубежа на следующий день. В двенадцать часов должна была состояться демонстрация оружия, в три планировался обед, в шесть вечера — обсуждение предложений и составление сделок.

— Мы должны пройти туда не позднее двенадцати часов, — сказал Матвей, глядя на оперативную схему, которую оба называли «полем возможных событий».

— Пожалуй. И пойдем мы вот этим путем. — Василий провел штриховую линию от кружка с буквами «СМ» до кружка с буквой «Ц».

Он имел в виду специальную линию метро, ведущую к даче Ельшина от станции метро «Лубянка», о которой не знало даже высшее руководство страны.

Матвей хотел выразить согласие и в этот момент почувствовал знакомый «взгляд изнутри»: кто-то смотрел на него со всех сторон и даже изнутри него самого! Длилось это состояние только миг, но у Матвея тоскливо сжалось сердце. Он уже догадывался, что ощуще-

ние «взгляда со всех сторон» означает локацию его неизвестными темными силами, точнее, «монархом тьмы».

— Ты что? — заметил его реакцию Василий. — Не нервничай, тут мы в безопасности.

Матвей хотел рассказать ему обо всем, что знал сам со слов Горшина, но передумал.

Дальнейшее обсуждение плана длилось полчаса: оба были профессионалами и понимали друг друга без слов.

— Спать будем? — зевнул Матвей, прикрыв рот ладонью.

Ответить Василий не успел: сработала сигнализация, предупредившая их о появлении на территории дачи посторонних.

— Каррамба! — изумленно воскликнул Василий, подскакивая к компьютеру, на дисплее которого высветилась зелеными линиями схема дачи, а красным цветом — векторы проникновения на территорию неизвестных лазутчиков.

Матвей вспомнил недавнее переживание «темного взгляда» и пожалел, что не предупредил хозяина. Кожу взъерошил озноб жути. Их действительно вычислили, и сделал это горшинский «монарх», каким-то образом чуявший Матвея, где бы он ни находился.

— Их слишком много, чтобы принимать открытый бой. У тебя предусмотрен путь отступления?

— Мог бы не спрашивать. — Василий стремительно прошел в одну из спален, вскрыл в стене незаметную дверцу, вытащил одну за другой две сумки. — Одна тебе, одна мне. Здесь все, что может пригодиться нам на даче босса. Держись в кильватере. Но, черт возьми, хотел бы я знать, кто меня раскрыл!

Они вернулись в прихожую, глянув по пути на дисплей: дачу окружало, по крайней мере, отделение в двадцать с лишним человек. Василий что-то сделал, и унитаз в туалете отъехал в сторону, открыв полуметровый лаз. Один за другим они спустились по лесенке вниз, на глубину в три с лишним метра, согнувшись в три погибели, затопали по узкому ходу в полной темноте.

Ход был прорыт в супесчаном грунте и укреплен деревянными плахами, но за шиворот то и дело падали комья земли и сыпался песок, поэтому, когда Василий остановился, Матвей выдохнул ему на ухо:

— Не мог залить бетоном, лентяй?

Василий фыркнул, ответил шепотом:

— Я не знал, что когда-нибудь поведу здесь сноба. Мы вышли к берегу реки, за проволоку, но если за нами пришли профи, то пост будет и здесь. Когда рвану — не отставай, заплутаешь.

Матвей глубоко вздохнул, напрягся так, что застонали жилы и мышцы, и тихая «молния» ментального разряда пронзила его насквозь.

Время остановилось... или почти остановилось. Область чувство-

вания расширилась многократно, охватила все диапазоны электромагнитного спектра, а также поля биоизлучений и пси-поле, несущее основную смысловую информацию. Матвей увидел Василия — полупрозрачную, будто отлитую из цветного стекла фигуру, увидел пещеру, дверь с запором, — сместил диапазон. Сфера зрения-ощущения охватила подземный мир, берег реки, близстоящие дома поселка, лес, церковь, опоры линии электропередачи. Красными угольками затлели на этом зелено-коричнево-фиолетовом фоне ауры людей. Трое из них находились совсем рядом, на берегу реки, вооруженные автоматами (Матвей чуял угрозу металла), еще трое шли вдоль проволочной изгороди, отделяющей частные дачи от реки.

— Обложили по полному профилю, — пробормотал Матвей, отодвинул Василия. — Пойду первым, я их вижу. К машине нам не пройти, там их человек восемь.

— Метрах в ста отсюда гаражи, в крайнем стоят мои велосипеды и мотоцикл.

— Вижу. Пошли.

Они закинули сумки с лямками за спины, чтобы не мешали. Дверь, по сути — люк, открылась бесшумно. Матвей выскочил из-под земли в стене речного обрыва, как чертик из коробки, застав троих вооруженных людей врасплох. Первого он сбил круговым учи-ваза, точнее — сото-шуто-учи, в терминологии русбоя — «шееломом», второго — ударом ребра ладони изнутри наружу, как бы возвращая руку, а третьего — ударом агэ-эмпи-учи, то есть локтем снизу вверх, в подбородок. Все трое послушно легли на песчаный берег речушки... чтобы тут же вскочить, будто удары, от которых ломались кости, были для них просто оплеухами. Матвей вынужден был начать еще одну атаку, приведшую к тому же результату: противник держал удары, как индийские мастера мукки-бази, хотя Матвей был точен и поражал их в нервные узлы. Такие удары обычно приводили к шоку и потере сознания, однако бойцы падали и тут же вставали, как заговоренные, и наступил момент, когда один из них успел дать очередь из автомата.

Правда, бой этот длился всего четверть минуты, просто Матвею казалось, что долго, жил он сейчас гораздо быстрее.

— Это зомби! — крикнул откуда-то сверху Василий. — Бей в голову, иначе задавят!

Свой совет он подкрепил броском сюрикена, и один из противников Матвея без звука нырнул лицом в песок. Матвей успел удивиться, как это Василий видит в темноте(?!), сообразить, что тот надел инфроптон — прибор ночного видения, — уйти от второй очереди — прицельной и почти точной, боевики тройки тоже были экипированы инфраочками, — и автоматически отбив выпад одного из них, в полную силу ответить тычком хитю, травмирующим дыхательное

горло и сонную артерию. Оставшегося соперника-«зомби», запрограммированного терпеть любую боль и идти вперед даже с пронзенным сердцем, Матвей добил, воткнув ему в темя десятисантиметровый итакэн — сюрикэн в форме пера. Остановился, прислушиваясь.

По берегу приближалась еще одна группа «зомби» численностью в пять человек, а на речном обрыве Василий вел бой с тремя боевиками, бежавшими к ним со стороны дачи. Треск очередей напомнил бой времен октябрьских переворотов всех времен: казалось, в атаку идет целая рота автоматчиков.

Матвей выпрыгнул наверх, снова подчиняясь ускоренному ритму жизни, метнул в набегавшего «зомби» сай, попал точно в лоб, сбил с ног второго и с выплеском энергии вогнал ему в висок «кулак демона», сломавший височную кость. Василий достал третьего автоматчика, махнул рукой вправо: туда, мол, — перескочил изгородь и понесся огородами. Матвей легко обогнал его, первым оказался возле гаража.

Спустя пару минут они мчались на мотоцикле («Харли-Дэвидсон-99») по берегу, потом между боксами лодочной станции, вдоль забора, по поселку и наконец вырвались на кольцевую автодорогу. Вел мотоцикл Василий.

— Куда теперь? — крикнул Матвей в спину товарища.

— А хрен его... — откликнулся тот. — Если уж они узнали об этом моем схроне, то даже не знаю, где мы можем укрыться хотя бы до утра.

Нигде, хотел сказать Матвей, но передумал. Рассказывать о «монархе тьмы» он тоже не стал, это надо было делать в иной обстановке, зато он вспомнил, что недалеко расположен дом Горшина. Стоило попытаться спрятаться там. Если «монарх» вычислит и это прибежище, они ничего не потеряют, а главное, не подвергнут опасности близких людей, друзей и знакомых.

— Сворачивай на Энтузиастов, — прокричал он на ухо водителю. — В Измайловском лесопарке живет один мой приятель, едем к нему.

Василий молча добавил газу, и мотоцикл превратился в ревущую, черную, без огней — фар они не включали — торпеду.

КОРРЕКЦИЯ

Уже рассвело, и жилище Горшина предстало в ином свете, чем ночью.

Матвей и Василий сидели в глубоких креслах в гостиной Тараса и пили кофе. Они уже успели принять душ, обследовать квартиру, и теперь отдыхали, поглядывая друг на друга и на интерьер. Матвею все время казалось, что сидят они на камнях над пропастью, их со

всех сторон окружает космос, а сверху — или снизу, не разберешь — на них смотрит безглазое равнодушное Нечто...

Однако остальные чувства не подтверждали внутреннего впечатления, и Матвей в конце концов сумел отстроиться от ложной памяти, рождающей галлюцинации.

Атмосфера дома Горшина действовала и на Василия, но он держался достойно и не задал ни одного вопроса, считая, что в свое время получит все объяснения.

Удивительные вещи начали происходить после их бегства, еще когда они только подъехали к дому на мотоцикле. Горизонт на востоке уже побледнел, но было еще недостаточно светло, чтобы ориентироваться свободно. Однако стоило беглецам приблизиться к воротам дома Тараса, полускрытым кустами сирени, как одна из створок вдруг на мгновение вспыхнула желтым светом, и в ней сформировался прямоугольный проем, как бы приглашая войти.

Приятели переглянулись, потом Матвей первым шагнул в проем, жестом приказав Василию остаться. Но опасностью во дворе темного, без единого проблеска света в окнах дома не пахло, и Матвей вернулся, чтобы помочь товарищу закатить мотоцикл.

Вторым чудом был прожектор, осветивший их у порога дома, прожектор странный, вспыхнувший пронзительным фиолетово-синим светом. Дверь после этой вспышки отворилась автоматически, так же автоматически вспыхивал свет в коридоре, в прихожей, на кухне и в комнатах — когда они входили туда. Однако хозяина не было дома, глубокая тишина подчеркивала таинственность его жилища и порождала глухую тревогу, слегка рассеявшуюся только после душа и завтрака. И все же оба чувствовали себя не в своей тарелке, хотя и по разным причинам.

— Кто он? — произнес Василий первые слова после прибытия в дом, имея в виду хозяина.

— Человек Внутреннего Круга, — сказал Матвей, забавляясь выражением лица Василия.

Бывший ганфайтер вытянул губы трубкой, задумчиво уставился на собственные ноги. Матвей улыбнулся, но с объяснениями не спешил.

— Вероятно, это что-то связанное с закрытой сектой. — Василий поднял взгляд. — Ты тоже — человек этого... Круга?

Матвей покачал головой.

— Не удостоен.

— Но я видел, как ты дрался, барс. Если ты не человек какого-то скрытого Круга, то... совсем не человек!

Матвей встретил взгляд Василия, в котором сомнения боролись с трезвой оценкой действительности.

— Ну, и?.. Ты ждешь, что я занервничаю? Или проявлю свою ужасную нечеловеческую сущность?

Василий пожал плечами.

— Во-первых, мы живем в реальном мире, где нет ни вурдалаков, ни вампиров. Кстати, ни на того, ни на другого ты не похож.

— Льстишь.

— Во-вторых, я хорошо чувствую людей, тебя в том числе. Ты опасен, ганфайтер, нет слов, но опасен — подонкам, а не простым смертным, так что...

— Благодарю. Наверное, ты прав, хотя добрым меня назвать нельзя, уж так я воспитан. Скорее, справедливым. Как сказал мой приятель, у которого мы сейчас находимся, я паранорм, то есть «человек другого плана» бытия, куколка, так сказать, хотя и рожден от земной женщины. Время у нас еще есть, а желание слушать?

Василий кивнул.

Матвей допил кофе и принялся за рассказ, начав со своих странных снов. Через полчаса Василий знал историю ганфайтера Матвея Соболева, закончившуюся их знакомством.

Некоторое время оба молчали. Василий допил вторую чашку кофе, сходил на кухню, помыл чашки, снова сел рядом. Наконец Матвей насладился замешательством собеседника, хмыкнул.

— Ну и как?

— Нормально, — ответил Василий хладнокровно. — Или ты ждешь, что я закомплексую и начну вызывать скорую?

Матвей засмеялся.

— Один-один. Можно подумать, ты каждый день встречаешься с паранормальными людьми.

— С паранормальными нет, а с ненормальными да. Тебе вообще-то обязательно надо идти к генералу Ельшину в гости?

Матвей понял подтекст вопроса, но ответил не сразу. Думал о своих контактах с людьми, участвовавшими в его становлении как профессионала и специалиста, вспоминал Ивакина, Дикого, Марию Денисовну, Илью Муромца, Стаса. Вспоминал Кристину. И понимал, что даже их судьба — не главное в его решении наведаться к Ельшину и «объяснить» ему суть закона о беспределе.

Видимо, его переживания как-то отразились на лице или в глазах, потому что Василий кивнул, поднял ладонь.

— Хорошо, уговорил. Хотя если бы не твое «надо», я бы плюнул на эту кодлу. Все равно всех гадов не передавишь.

— Я не просил тебя идти со мной.

— Ты меня не понял. Нас двоих мало для штурма цитадели Ельшина, о которой поведал наш друг Хасан. Если только он не присочинил чего-нибудь. Кстати, меня очень заинтересовало секретное помещение генерала в подвале. Что он там прячет? Впрочем, выясним по ходу. И еще: кто такой «монарх тьмы» все-таки?

— Если бы я знал сам, — ответил Матвей, ощутив внезапное дуновение ледяного ветра. Кто-то глянул на него в упор. Матвей даже

оглянулся — стена! — глумливо подмигнул и исчез, но уже было ясно, что их снова запеленговали.

— Что? — Василий внимательно посмотрел на застывшего напарника.

— Пора уходить... — Матвей не договорил, кто-то вошел в дом.

Дверь открылась, пропуская не человека — тень, призрака, материализовавшегося посреди гостиной. Горшин глянул на гостей, застывших в характерных позах, готовых драться людей, блеснул белизной зубов.

— Привет, бойцы. Моя автоматика сообщила мне, что в доме появились крутые гости, и я поспешил сообщить, что здесь находиться небезопасно. Собирайтесь, уходим.

Сборы длились несколько минут. Горшин предложил гостям переодеться в пятнистые десантные костюмы, легкие, прочные и удобные, сменил одежду сам, и они поспешили из дома. Но хозяин вывел их не на улицу, а во двор, где задержался на минуту, чтобы вывести из сарая сказочной красоты спортивный «понтиак».

— Берите, это ваш.

Ганфайтеры переглянулись.

— Боюсь, мы не сможем вернуть его на конюшню, — пробормотал Матвей.

— Не важно, садитесь. Выезжайте задами и ждите вон у того леска. — Горшин показал рукой. — Я тут оставлю кое-какие сюрпризы и догоню.

— Что-то мне не нравится такая щедрость, — понизил голос Василий, встрепенулся. — Можно, я за руль сяду? Ни разу таких машин не водил.

«Понтиак» был красив не только снаружи, но и внутри, и пассажиры потратили некоторое время на разглядывание внутреннего дизайна кабины. Наконец Василий сказал: «Да-а-а!» — и включил зажигание; в кабине мотор был практически не слышен. Но отъехать со двора они не успели: со стороны дома вдруг послышались крики и стрельба.

— Каррамба! — мрачно сказал Василий. — Этого нам только не хватало.

Матвей давно ждал чего-то в этом роде, поэтому остался спокоен.

— Езжай.

— Но там этот твой приятель... человек Круга...

— Поехали, ты еще не знаешь, на что он способен. Сказал — догонит, значит, догонит.

Василий погнал «понтиак» по еле заметной, заросшей травой дороге к воротам, распахнувшимся перед ними, и дальше вниз, к балке, пока не выехал к лесополосе. Остановил машину, оглянулся.

— Может быть, все-таки вернемся, поможем? Если это снова «зомби», даже твоему гипермену придется туго.

Матвей, не отвечая, смотрел назад, на дом Горшина, вокруг которого метались какие-то фигурки, мелькали огни, дымы, и откуда доносились выстрелы. Серебристый, отсвечивающий рыбьим перламутром «шевроле» Тараса вынырнул откуда-то слева, притерся рядом.

— Что остановились? — Горшин тоже глянул на свой дом.

— С кем они воюют? И кто?

— «Зомби». С такими же «зомби», но с призраками, идеальными видеокопиями.

Над одним из строений поместья вдруг вырос веер зеленого сияния, строение — нечто вроде гаража — превратилось в мыльный пузырь и лопнуло с режущим слух свистом.

— Эт-то еще что... — Матвей остановился, ощутив на затылке тяжелый угрожающий взгляд, схватился за автомат, лежащий на заднем сидении.

Еще одно строение — сарай для скота — проделал ту же трансформацию, исчез. За ним превратились в шары-взрывы и остальные сарайчики, постройки и погреба, лишь дом оставался самим собой, только налился оранжевым светом, будто раскалился докрасна.

— Езжайте, я догоню, — странным голосом произнес Горшин.

Матвей глянул на него и не смог отвести взгляд: глаза у Тараса светились, но светились многоцветно! Радужки глаз были поделены на четыре сектора, имеющие каждый свой цвет — желтый, зеленый, голубой и красный. И плавилась в этих глазах такая ненависть и угроза, что у Матвея волосы встали дыбом. В следующее мгновение Горшин рванул свою машину вниз, в балку и исчез. Матвей очнулся, ткнул Василия в плечо, и тот погнал «понтиак» вдоль лесополосы к шоссе. Спустя несколько секунд их догнал странный вопль, полный тоски и силы, и других, неопределимых человеческим языком чувств, в котором смешались орлиный клекот, рыдание, вой пурги и трубный зов слона. Вопль был так необычен и жуток, что даже у привычных к неожиданностям контрразведчиков вызвал приступ страха и желание заткнуть уши. Запомнили они его на всю жизнь.

— Ни фига себе! — пробормотал Василий спустя несколько минут, когда за лесом уже не стало видно ни дома Тараса, ни поселка. — Что это было?

— Конкере, — ответил притихший Матвей. — «Монарх тьмы». Вернее, его проявление.

Дальше они ехали молча.

Горшин догнал их через полчаса, посигналил, и, когда «понтиак» остановился, пересел к ним в машину. Он был угрюм, но спокоен.

— Поехали, довезете меня до Буденного, а там наши пути разойдутся.

— А «шевроле»?

— Он мне больше не понадобится. К тому же, боюсь, что на нем осталась печать зла.

— Ты... видел его?

— Кого?

— «Монарха»?

Горшин неожиданно засмеялся.

— «Монарха» на Земле нет, парень. Он живет в иной реальности и в иных временах. Здесь же иногда появляется его тень, пси-двойник, принимающий, кстати, любую форму. А я, кажется, определил наконец координаты точки выхода. Благодаря вам, между прочим. И теперь у меня появляется шанс объявить ему хиссацу*.

Приятели обменялись взглядами.

— Не понимаю, — буркнул Василий, трогая машину с места. «Понтиак» вписался в поток машин на шоссе Энтузиастов, едущих к столице.

Горшин не обратил на его реплику внимания.

— Зачем ты возвращался? — тихо спросил Матвей.

— Чтобы передать ему привет, — улыбнулся Тарас. — Надеюсь, он остался доволен.

— Дом уцелел?

— А что с ним сделается? В нашей реальности он существовал частично, я просто вернул его в скрытую реальность.

Помолчали, поглядывая на обгоняемые автомобили.

— А кто-то так и не выполнил своего обещания, — безразличным тоном проговорил Матвей.

Тарас остро взглянул на него, но прочитать мысли не смог.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил о какой-то коррекции, помнишь?

Горшин хмыкнул.

— Считаешь, созрел?

— О чем речь? — осведомился Василий; было видно, что ведет машину он с удовольствием.

— Матвей — потенциальный трансформ, — пояснил Тарас, обдумывая какую-то проблему. — Его родовая ветвь насчитывает миллионы колен и простирается на десятки миллионов лет. Разве он не рассказывал?

— Говорил, что паранорм. А трансформ — это в каком смысле?

— Ладно, попробуем, — бросил Горшин, не отвечая водителю. — Одним нарушением больше, одним меньше... Едем в центр, на Остоженку, я вам кое-что покажу. Но учти, ганфайтер, тебе придется учиться владеть своей скрытой силой самостоятельно. К тому же после психокоррекции организму необходим адаптационный период, который может длиться от двух до четырех часов. — Горшин

---

* Хиссацу — бой насмерть.

вздохнул завистливо-горестно. — Если бы у меня были такие задатки с детства, я бы не просидел в учениках столько сотен лет, давно уже стал бы Хранителем. Сейчас налево.

Василий послушно свернул.

— Так все-таки, что такое трансформ?

— Вам как объяснить — попроще или с учетом образования?

— Попроще, человек я не шибко увлекающийся наукой.

— Что такое аура знаете?

— Ну, это излучение... такое сияние вокруг головы.

Горшин покосился на Матвея, в глазах его мелькнули иронические искры.

— Примерно так. Аура — энерго-информационное тело человека, собственно разум. Биологическая часть человека, его физическое тело, служит лишь для энергоподпитки ауры. Матвей мог бы управлять аурой более эффективно, имей он пси-мостик между сознанием и подсознанием и связь между энергетическим каркасом тела — сетью нервных узлов, стимулирующих организм при иглоукалывании — и центром хара.

Как мастер айкидо Василий знал, что такое хара и каково его влияние на регуляцию сил организма, поэтому он спросил о другом:

— И что это может дать?

— Выход в запределье — в самом общем смысле. Конкретно же: владеющему собой в стиле уна рес* станет доступно скрытое внедрение в умы окружающих, непосредственное восприятие многомерности мира. Он сможет выполнять трюки, смертельно опасные для обычного человека, освободиться от ограничений времени и пространства, черпать информацию по ментальному каналу из будущего и даже из прошлых времен. В перспективе — контроль над материей посредством воли... приехали, — закончил Горшин будничным тоном и первым полез из машины.

Василий, открыв рот, смотрел ему вслед. Матвей похлопал напарника по плечу, на жест его — палец у виска — отрицательно качнул головой и догнал Тараса уже у входа в действующую церковь.

Это была надвратная церковь Спаса, построенная еще в конце семнадцатого века на территории Зачатьевского женского монастыря между Остоженкой и Москва-рекой. От монастыря сохранилась только часть стен, но церковь восстановили, и в ней регулярно проводились богослужения.

Однако Горшин не повел приятелей в саму церковь, обошел ее кругом и во дворе свернул к низкой каменной постройке, напоминающей склеп, с единственной железной дверью, запертой на огромный амбарный замок. Было видно, что ходили сюда редко, а замок и

---

* Una res — единая вещь *(лат.)*.

вовсе выглядел столетним, но стоило только Тарасу прикоснуться к нему, и он открылся сам, без ключей и отмычек.

Дверь толщиной чуть ли не в полметра открылась также сама, тихо, без скрипа и визга петель, проводник молча шагнул в темноту «склепа», и переставшие чему-либо удивляться молодые люди вынуждены были последовать за ним.

Дверь закрылась за ними автоматически, с тяжелой основательностью, отрезав дневной шум и свет, но фигура ушедшего вперед Тараса была видна в кромешной тьме хорошо: вокруг его головы и кистей рук засветился золотистый электрический ореол. По узкой лестнице они спустились вниз, в подвал, открыли еще одну дверь, тоже металлическую, с заклепками, и долго спускались вниз по другой лестнице, с каменными ступенями, пролеты которой были длиной не менее полусотни метров. Когда Горшин наконец остановился, по расчетам Матвея выходило, что они находятся на двухсотметровой глубине под Москва-рекой.

Тарас оглядел красноречиво молчащих контрразведчиков с неопределенной усмешкой, зубы его тоже испускали золотое свечение.

— За этой дверью, — он отодвинулся чуть в сторону, — расположен храм, которому около трехсот миллионов лет. Хотя, может быть, храмом его назвать нельзя.

Трехметровой высоты и такой же ширины дверь имела странный вид, будто сделана была из отливающих шелковой зеленью крыльев гигантских жуков. Во всяком случае это был не металл и вообще не материал, известный Матвею.

Горшин коснулся двери пальцем, засветился зеленым светом весь и прошел ее насквозь. Потом из ниоткуда — из воздуха, но не со стороны двери — раздался его насмешливый голос:

— Смелее, герои.

— Хорошо, если я сплю, — пробурчал Василий, осторожно дотрагиваясь до необычной двери, шагнул в нее и исчез. Матвей не без колебаний шагнул следом.

Они оказались на баллюстраде, опоясывающей гигантский зал с бугристым, сложенным из скалистых пород, потолком. Глубина зала достигала не менее ста с лишним метров, и весь он был заполнен одной колоссальной, светящейся оранжевой желтизной, постройкой, аналогов которой в земном градостоительстве Матвей найти сразу не смог. Больше всего она напоминала термитник, исполненный с великолепным размахом тонкими и плавными переходами, создающими потрясающий эстетический эффект. Но главное, что сразу бросалось в глаза и ощущалось на расстоянии — «термитник» был создан не человеческими руками и не для людей.

— Каррамба! — прошептал Василий после пяти минут молчания. — Теперь уж точно я сплю! Кто мог это здесь построить?!

— На самом деле термиты, — обернулся Горшин, сверкнув фос-

форически светящимися белками глаз. — Правда, по размерам они не уступали нашим овцам. К тому же, в те времена термиты были разумны.

— Бред! — сплюнул Василий, с благоговейным трепетом разглядывая «термитник».

— Под Москвой около сотни таких подземных храмов, сохраненных благодаря заранее принятым мерам, — не обратил внимания на его реплику Горшин. — Под Кремлем — самый большой и красивый, и самый древний, ему около полумиллиарда лет. Строили его пчелы... я имею в виду разумных пчел. Так что Москве на самом деле гораздо больше лет, чем принято считать.

— Кто же ухаживает за таким чудом?

— Хранители.

— Значит, люди все же сюда проникают?

— Хранители — не люди или, вернее, не совсем люди. — Горшин начал терять терпение. — Ганфайтеры, нам пора. Посмотрели — и будет, хорошего понемножку.

— Значит, Успенский был прав? — Матвей тоже был зачарован открывшимся видом, но он был подготовлен к тому, что увидел.

— Не во всем, но что касается разумных существ, населяющих Землю, он оказался провидцем. А может, его посвятили Хранители, забыв взять клятву о неразглашении знаний. Идемте.

— Как же мы спустимся?

— Вниз мы не пойдем, хотя спуск предусмотрен. Если захочешь, придешь сюда один. У меня мало времени, чтобы любоваться этим «термитником». Не отставайте.

Горшин повернул налево по баллюстраде, и приятели вынуждены были оторваться от созерцания дворца, созданного разумными термитами во времена динозавров.

Обходили зал они недолго. Вскоре Горшин остановился у каменного выступа, напоминающего панцирь черепахи, ткнул в него пальцем, и выступ превратился в нишу с черным треугольником входа.

Помещение осветилось, как только они вошли, хотя источник света остался невыясненным. Казалось, светится сам воздух. С грубо обработанными каменными стенами оно имело форму полумесяца и делилось полупрозрачной перегородкой на две части. По всему было видно, что строилось оно гораздо позже строительства храма.

— Вы подождите здесь, — сказал Горшин, останавливая Василия, махнул рукой Матвею. — Иди за мной.

— А он тебя там, — понизил голос Василий, когда Тарас скрылся за перегородкой, — не того? Не превратит в термита?

— Это избавит тебя от необходимости идти на дачу Ельшина, — улыбнулся Матвей, пытаясь бодриться, хотя внутри у него все похолодело.

Он зашел за перегородку, и та стала полностью непроницаемой, монолитной, как перламутровая пластина. Отверстие прохода держалось секунду, затем и оно исчезло.

Выругавшись про себя, Василий обошел оставшуюся часть помещения, пустую, как склеп, потом уселся на полу лицом к перегородке в позе сейдза и стал ждать.

Сеанс психокоррекции длился полчаса с небольшим.

Василий вздрогнул, когда в перегородке появилась треугольная дыра прохода, из которой, пошатываясь, вышел Матвей Соболев. Горшин поддерживал его под локоть.

— Есть, где можно спокойно провести пару часов? Ему нужен сон и питье, лучше всего фруктовые соки.

— Найду. — Василий подумал о своей знакомой девушке. — Но вообще-то нам...

— До обеда он оклемается, так что планы ваши не пострадают.

Горшин повел не реагирующего на окружающее Матвея к выходу, и Василий взял его под локоть с другой стороны. Поднимались из-под земли они долго и наконец вылезли на божий свет. Василий уже и забыл, что уходили они и пришли обратно утром: шел всего одиннадцатый час. Духота и жара обрушились на них ударом дубины; в подземелье, как оказалось, дышать было намного легче.

Усадив осоловелого Соболева на заднее сидение «понтиака», Горшин сделал прощальный жест.

— Удачи, ганфайтеры. Может, еще свидимся.

— Э-э, постойте! — заволновался Василий. — А что мне делать с ним?

— Ничего.

— А если он... м-м, так и не придет в себя?

— Придет. — Горшин задумчиво глянул на сидящего с отрешенным видом Матвея. — В каждом из нас закодированы все энергетические грани Вселенной, но не каждый может реализовать свое умение пользоваться ими. Он, наверное, сможет.

— Чего же он такой... смурной?

— Психокоррекция — процесс болезненный, я просто отвлек его альфа-сном. Он сейчас видит кое-какие энергетические планы бытия, эстетика которых требует включения всего сознания. Через час он очнется.

И Горшин исчез. Вот он стоял рядом с машиной, одетый в белоснежный костюм, а вот его и не стало. Василий чертыхнулся, оглядываясь по сторонам, похлопал Матвея по плечу, — тот глядел вперед остановившимся взглядом, — и сел за руль.

— Хотел бы я знать, кто из нас спит: он или я, — сказал Василий вслух, вспоминая подземный «храм» и ощущая дрожь при мысли, что земная история кем-то корректируется, потому что истину в массе своей люди не знали.

Матвей пришел в себя к обеду.

Василий ожидал каких-то эффектов, чего-то необычного в поведении товарища, но тот выглядел, как и всегда, невозмутимым, собранным, внимательным. Не изменилось и выражение глаз, в глубине которых сквозь прозрачно-синий холод всепонимания проглядывало предостережение. На вопрос Василия: ну, как? — он ответил:

— Жарко. Или ты о чем спрашиваешь?

Рассказывать о своих ощущениях не хотелось, самому было еще не все понятно, требовалось время, чтобы разобраться во всем, что творилось с нервной системой, но чувствовал он себя неплохо, и надо было заниматься делом.

Василий, надо отдать ему должное, хорошо понимал состояние товарища и расспрашивать ни о чем не стал, за что Матвей был ему благодарен.

В два часа дня, пообедав у приятельницы Василия, они проверили экипировку, подогнали снаряжение, и с сумками за плечами отправились к метро. С виду они выглядели омоновцами на работе — пятнистые костюмы, ботинки и береты спецмилиции. Впрочем, у них и документы были соответствующие: капитана — у Матвея и старшего лейтенанта — у Василия.

На тот случай, если Ибрагимов приготовил им засаду в метро — не сработай их команда «не помнить, что он им говорил», — они готовы были отступить, чтобы войти в метро особой ветки в другом месте, но засады не оказалось. Приказ сработал.

Вход в спецметро начинался за служебными помещениями метро станции «Лубянка», расположенными в конце перрона правой ветки, то есть ветки, ведущей по направлению к конечной остановке «Улица Подбельского».

Дверца из металлической сетки, на которой висела табличка: «Под напряжением. Опасно для жизни», — была заперта, но Матвей сорвал замок мощным, хотя и незаметным со стороны, кистевым рывком во время прихода поезда, после чего они тихо исчезли в туннеле, никого не потревожив.

Бордюрчик вдоль рельсового пути закончился у тупика с еще одной дверью с надписью масляной краской: «ПК № 21». Дверь была на вид хлипкой, но Матвей знал, что ее не пробьешь и гранатой. У двери стоял метровый железный шкаф с надписью «Огнетушители». Василий открыл его, подсвечивая фонарем (здесь гнездился полумрак), и вытащил изнутри спецтелефон с изогнутым рожком микрофона, подождал, пока пройдет электропоезд, и сказал в трубку только одно слово: «Титул». Внутри шкафа раздалось гудение, и дверь «ПК № 21» медленно открылась. За ней в метре шла еще од-

на, но уже освещенная, с современным дизайном и электронно-оптическим блоком. На этой двери висела фанерная табличка:«Контроль состояния ТТ».

Став так, чтобы тень от надвинутого берета падала на лицо, Матвей набрал комбинацию цифр на небольшом пультике, врезанном в металл двери, и та легко ушла в сторону, открывая помещение размером в шкаф, с люком в бетонном полу. Люк открылся поворотом рукояти сбоку, взору предстал колодец, освещенный скрытыми лампами.

Спускались они минут пятнадцать на глубину в полсотню метров, пока не повисли на лесенке, выходящей из потолка тоннеля спецметро. Диаметр этого тоннеля был раза в полтора меньше, чем обычного, для поездов метрополитена. Из конца в конец тоннель был пуст и темен, ни один фонарь его не освещал. Но лазутчики знали, что метро, построенное еще во времена КГБ, продолжало функционировать и использовалось неведомыми работниками ФСК.

— Где же транспорт? — прошептал Василий с разочарованием.

— Здесь его и не должно быть, — так же тихо ответил Матвей, спрыгивая на полотно. — Секретная станция расположена под зданием ФСК, где и осуществляется посадка, а мы вошли через технический колодец, не требующий усиленной охраны. Кстати, до станции всего метров четыреста, так что кончай разговоры и готовься прикрывать тыл, я пойду первым.

После того, как они еще раз проверили снаряжение, оружие, Василий нацепил инфроптон, Матвей повернул налево и углубился в тоннель, сосредоточиваясь на ходу; видел в темноте он гораздо лучше, чем раньше, но не придал этому значения.

Их появления в спецметро никто не ждал, только этим и можно было объяснить ошибку охраны тоннеля, принявшей двух «омоновцев» за техническую бригаду. А когда лениво развлекавшиеся игрой «в пристенок» парни, увидевшие по телемонитору две фигуры и не поднявшие тревоги, окликнули «технарей», те ответили бесшумной атакой из «глушака». Луч разряда накрыл всех троих охранников, и они так и не узнали, кто проник на территорию метро особого назначения. Матвей и Василий уточнили у них, как работает электросистема станции, и приказали «нести службу, словно ничего не произошло». Сами же лазутчики уже через минуту отбыли со станции в мотор-вагоне, похожем на большую торпеду. Оба понимали, что факт отправки вагона по особой ветке скоро станет известен службе эксплуатации, а через нее — тайному начальству, но иного пути попасть на дачу Ельцина не знали.

Привычным мысленно-волевым усилием Тарас вошел в компьютерную сеть огромного города и сразу же понял, что его ж д у т!

Пришлось срочно выходить обратно, отстраиваться от чужого пеленга и вытряхивать из мысленной сферы проникшего туда «паука угрозы». Выход ему дался нелегко, и некоторое время Тарас отдыхал, блокируя работу мозга по всем пси-векторам, пока не почувствовал себя лучше. То, что сеть компьютерного анализа оказалась под чужим контролем, говорило о частично проницаемом или даже константном появлении Конкере. Монарх тьмы был здесь, на Земле, физически воплотясь во что-то или в кого-то, и решал какие-то свои задачи, одновременно помогая своему протеже — генералу Ельшину.

И все же Тарас был доволен: проявление монарха в нынешней реальности Земли стало возможным в большой мере благодаря его усилиям, а также благодаря действиям ганфайтера Соболева, о чем тот, конечно, и не подозревал. Горшин давно ждал этого момента, чтобы лицом к лицу встретиться со своим врагом, виновным в гибели любимых и близких. Судя по всему, этот момент был недалек. Но для стопроцентной гарантии необходимо было не только удержать интерес Конкере к деятельности людей, но и спровоцировать его на решительные действия, чему помочь могла только работа ганфайтера Матвея Соболева, отмеченного вниманием иерархов. Соболева нужно было поощрять и поддерживать. В принципе, в это положение он попал не по своей воле, о чем, наверное, уже начал догадываться.

Тарас открыл мозг в диапазоне астрала, но уровень паранормальной активности в этом диапазоне был все еще очень высок, и сомнений не оставалось: Конкере искал его, хотя и не прибегал пока к прямым методам зондажа — вероятно, побаивался, что будет обнаружен иерархами.

После того, как он расстался с ганфайтерами Соболевым и Балуевым, Тарас провел два с лишним часа в специально оборудованном гараже на Фрунзенской, где у него стояла еще одна машина — «чайка» последней модели с пуленепробиваемыми стеклами и корпусом. Такими авто пользовались только два человека в стране — президент и премьер-министр. ГАИ пропускала их «под козырек». На машине Тараса даже номера стояли президентские, он хранил ее на крайний случай, и этот случай наконец представился.

Прямо из кабины он позвонил Завьялову и договорился о встрече. Спустя сорок минут референт премьера открывал дверь на звонок.

— Что произошло, Граф?

— Пока ничего. — Тарас проверил «горизонт» — все чисто, никто Завьялова не пасет, — и отошел за хозяином, раздетым из-за жары до трусов, в гостиную. — Просто хочу предупредить.

Дмитрий Васильевич смотрел с ожиданием, и Тарас продолжал:

— До сих пор деятельность «чистилища» подчинялась «квадра-

ту» комиссаров, то есть единолично никто из нас управлять исполнительной сетью не мог. Сегодня наступил момент ломки закона.

Завьялов все еще продолжал смотреть непонимающе, Горшин вдруг сообразил, что тот, как и любой нормальный человек, мыслей его читать не умеет. Пришлось пояснять:

— Купод решился на сделку.

— То есть хочет продать похищенную партию оружия?

— В том числе «глушаки» и «болевики», что гораздо страшнее... и прибыльнее. По сути, это сделка века, и Купол сделает все, чтобы ее осуществить... если ему не помешают.

— Кто? Мы?

— Ганфайтер Соболев.

Завьялов от неожиданности хихикнул, но, видя, что собеседник настроен иначе, нахмурился.

— Это несерьезно, Граф. Или вы... шутите?

— Какие уж тут шутки. Конечно, одному Соболеву не справиться, поэтому я и хочу, чтобы «чистилище» помогло ему. Теперь ясно?

Дмитрий Васильевич медленно сел на диван, наморщив лоб в размышлений, покачал головой, признался с грустной улыбкой:

— Я почему-то всегда был уверен, что в один прекрасный момент вы круто измените реальное соотношение сил. Это во-первых. Во-вторых, ни Рыков ни Музыка на это не пойдут. А в-третьих, мы все можем оказаться у разбитого корыта. Мощь Купола пока превышает наши ресурсы, и в результате мы вполне можем проиграть операцию... и жизнь.

— Вот почему я и не хочу использовать все силы «чистилища» за вашей спиной, хотя, в принципе, вся сеть исполнителей подчиняется мне. Я предполагал такой случай... до создания «квадрата». Но даже если решение «квадрата» будет единогласным, в операции до-лжны будут участвовать только добровольцы. Я попробую уговорить Рыкова и Боханова, а вы Глеба Максимовича, он послушает вас лучше. Времени на все уговоры — час. Если уговорить никого не удастся, я вынужден буду подключить к операции мейдеры, подчиняющиеся не спикерам, а непосредственно мне, а также сообщить об акции Купола всем особым службам: ФСК, ГУБО и Министерству внутренних дел.

— Все эти службы заняты сейчас не столько делами Купола, сколько устранением «Стопкрима», они тоже не станут связываться с Куполом, да еще в открытом бою.

— Но если этого не сделаем мы, то кто же? Кто остановит государственно-мафиозный беспредел, если не мы? Помните у классика: «Если я не за себя, то кто же за меня? Если я только за себя, тогда зачем я?»

Завьялов опустил голову. Молчал. Думал.

— В конце концов, я мог бы ничего и не говорить, — закончил Горшин. — У меня свой путь, у вас — свой, дошли вместе до перекрестка и разошлись. Почему я должен думать за вас, людей, что-то делать для вас, решать за вас? Когда вы начнете думать сами, без поводырей, пастухов, учителей, героев?

При словах «за вас, людей» Завьялов встрепенулся, глянул на задумчиво-спокойное, уверенное и в то же время горестно-недоумевающее лицо Горшина, однако ничего не сказал.

Тарас, который так и не присел, направился к выходу. Дмитрий Васильевич глухо сказал ему в спину:

— Я попробую... но не гарантирую, что Глеб согласится. Как и Рыков. Если хотите, забирайте и мои две монады телохранителей. И... ни пуха вам ни пера, Граф!

— Идите к черту! — донеслось из прихожей.

Мотор-вагон имел ручное управление, поэтому Матвею не составило труда остановить его за полкилометра до станции под дачей Ельшина.

После того, как они стартовали от станции под Лубянкой, им за пять минут удалось разобраться в схеме метро, и вагон помчался по нужному тоннелю — к даче, хотя дважды мог повернуть соответственно стрелкам: сначала к аэродрому в Шереметьево, потом к военному аэродрому в Гриневе. Пришлось останавливаться и переводить стрелки вручную.

Оставив вагон, контрразведчики привычно проверили экипировку и настроились на преодоление препятствий. Оба понимали, что выиграть открытый бой вряд ли возможно, и надеялись только на свой ум, искусство скрытого передвижения и опыт изворотливости.

Станции как таковой под дачей Ельшина не существовало, тоннель в этом месте заканчивался тупиком, чуть расширялся, образуя платформу длиной в десять и шириной в три метра. В стену площадки были врезаны две массивные даже с виду металлические двери, не имеющие ни замков, ни ручек. В каждой двери имелись непросматривающиеся амбразуры, но Матвей знал, что в них прячутся пулеметы.

Первым делом они заклеили пластырем объективы трех телекамер, обозревающих тоннель. Затем спрятались за ребристые уступы, образующие нечто вроде контрфорсов сбоку от дверей, и стали ждать.

Техники, следившие за подъездом спецметро, отреагировали только через четверть часа.

Одна из дверей с гулом отодвинулась, и на платформу выпрыгнули двое автоматчиков в черных комбинезонах. Оба и не подумали снять автоматы с плеч, уверенные в незначительности тревоги, и ган-

файтеры уложили обоих СА-атакой* в течение трех секунд, так что те не успели ни предпринять что-либо, ни понять, в чем дело. Еще с полминуты потребовалось на переодевание в форму техников, после чего собственно и начался «поход мстителей» навстречу самому жестокому в их жизни приключению.

По рассказу Ибрагимова они знали об устройстве лифта, выходящего на поверхность, но для того, чтобы тревога не поднялась слишком рано, им предстояло сначала обезвредить посты охраны на двух уровнях выхода и смену техников, дежуривших у монитора, на который сводились каналы аппаратного контроля подземного хозяйства дачи. Дачей вообще-то этот комплекс сооружений, принадлежащий Ельцину, назвать было трудно, скорее — секретной базой с мощной системой сохранения тайны, использующей самые современные методы маскировки и охраны.

Пси-коррекция, проведенная Горшиным, пока не сказывалась на работе организма, как Матвей ни старался увеличить диапазон возможностей с приставкой «экстра», но он был доволен и тем, что режим турийи остался ему подвластен. Это Матвей обнаружил, сосредоточившись на внутренних запасах энергии и получив в ответ «тихую молнию» ментального разряда, который превратил его в паранорма, в человека, живущего в другом потоке времени.

Первый пост охраны они обнаружили у лифта, больше напоминающего шахтерскую клеть. Василий успел разрядить в двух могучих парней «глушак», прежде, чем они схватились за автоматы, после чего у суггестора кончился заряд и его пришлось бросить. Как оказалось, здесь несли службу в качестве охранников офицеры из состава внутренних войск, но вряд ли эти юные лейтенанты и капитаны знали, что и кого они охраняют. Для них дача Ельцина была, очевидно, каким-то военным объектом, о котором они не имели ни малейшего представления, потому что доставляли их и увозили отсюда подземным путем.

Местонахождение второго поста удалось вычислить заранее, и охранники, озадаченно наблюдавшие за спокойной несуетливой работой двух «техников», не сразу сообразили, что подпустили их к себе, простукивающих стены и что-то измерявших, слишком близко. А когда сообразили, было уже поздно: двоих оглушил Матвей, третьего Василий.

Затем наступила очередь дежурной смены технического контроля, несшей вахту в бункере на втором горизонте — под землей, но уже на уровне цокольного этажа дачи, служившего гаражом. Техников — опять-таки офицеров внутренних войск — было уже двое, и они также не ожидали, что их «сменят» в неурочное время.

---

* Атака на сонную артерию.

— Что теперь? — осведомился Василий во время краткого отдыха в бункере, заполненном шкафами с электрооборудованием и счетно-решающей техникой.

Матвей собрался было махнуть рукой вперед, но при взгляде на десять работающих экранов системы телеконтроля у него появилась идея.

— Подожди-ка, — бросил он товарищу, подсаживаясь к терминалу компьютера.

Идея оказалась стоящей. Через несколько минут дисплей выдал на экран расположение апартаментов дачи, а также ее подвалов и подсобных помещений. По шести из них он однако информацию не выдал, видимо, это были особо секретные помещения, и Матвей предположил, что в каком-то из них и содержится пленённая Кристина. Оставалось выяснить, в каком именно, но тут уж приходилось надеяться только на удачу.

Подземный гараж, в котором стояло четыре автомашины, в том числе БМП — боевая машина пехоты (!), — они проскочили без инцидентов, но уже в переходе в подвал, где начиналась анфилада таинственных комнат, их настигла спецгруппа, состоящая из профессионалов рукопашного боя, и с ходу предложила «штатный режим поединка в условиях тесного помещения».

По тому, как слаженно действовала группа, не применяя огнестрельного оружия, молча, с жуткой уверенностью, Матвей понял, во-первых, что это «зомби», а во-вторых, что у них приказ — взять лазутчиков живыми. А из этого следовало, что здесь контрразведчиков ждали.

Понял это и Василий, но никто из них сделать уже ничего не мог, инициатива перешла в другие руки, им навязывали бой, и выйти из положения с максимальным эффектом помогло бы только чудо. Что чудес не бывает, ганфайтеры поняли через несколько минут.

Первую группу из шести бойцов, одетых в десантные балахоны, Матвей и Василий нейтрализовали чисто, израсходовав больше половины своего «боезапаса» из спецснаряжения ниндзя. Оба были в отличной форме и превосходили в технике каждого, кто пытался их взять или ранить. Но, отбившись от первой шестерки и выбежав обратно в гараж, они нарвались на второй отряд «зомби» числом в дюжину, и тут уж пришлось отбиваться на предельной отдаче, с использованием «смертельного касания» и «кулаков демона», потому что против этих «полуроботов» ни удары, ни уколы в нервные узлы не помогали, а сикэцу — «точки смерти» у них были прикрыты кевларовыми жилетами.

Наверное, они справились бы и с этим отрядом: Василий дрался с вдохновением, демонстрируя великолепнейшую технику айкидо и кунгфу, а Матвей все еще держался в состоянии сверхреакции, — но, когда им удалось завладеть автоматами, в спину им ударил еще

один отряд и накрыл их веерными сетками, связавшими движения. В конце концов их задавили числом, ранив обоих: Василия — кинжалом в грудь, Матвея — в плечо и в спину.

Обоих связали и уложили в подвале на пол лицом вверх. Послышались шаги двух человек, кто-то наклонился над ними. Матвей с трудом отогнал кровавую пелену с глаз и увидел лицо Хасана Ибрагимова с хищно раздувающимися ноздрями.

— Дышат, — сказал Ибрагимов почти беззвучно; Матвей едва расслышал его голос сквозь шум в ушах.

Еще один человек наклонился над лежащими контрразведчиками. Это был Генрих Герхардович Ельшин, начальник Управления «Т» службы контрразведки.

— Долго же я тебя ждал, капитан. Не думал, конечно, что объявишься здесь, да еще с подарком. — Ельшин перевел взгляд на потерявшего сознание Василия. — Спасибо, не забуду. Но ты все же заставил нас поволноваться, ганфайтер. Жаль, что ты не с нами. Честно скажу, таких профессионалов у меня нет. Если бы не помощь... одного моего знакомого, я вряд ли имел бы удовольствие лицезреть тебя здесь в таком положении. А ведь ты мог бы, наверное, и добиться успеха в своем безумном предприятии. — Ельшин задумчиво оглядел Матвея. — Девица твоя у меня, в полном здравии. Я даже устрою вам свидание... — Он глянул на часы. — До шести вечера. Хорошо, что мы перенесли испытания... м-м, оборудования. А потом тебе и твоим друзьям придется побыть «кроликами», не возражаешь? Я хочу кое-что продемонстрировать своим гостям, прежде чем предлагать им товар.

Ельшин разогнулся, кивнул Ибрагимову:

— Во вторую обоих.

— Но там же сидит эта его... тигрица. Может, не стоит оставлять их вдвоем? Вернее, втроем?

— Во вторую. — Ельшин удалился.

Ибрагимов больно ткнул носком ботинка в бок Матвея.

— Останешься живой, капитан, я использую тебя вместо мишени в тире. Посмотрим, как ты будешь увертываться от пуль.

— Как ты вышел на нас? — прошептал Матвей, чувствуя, что проваливается в глухую тьму небытия.

— Не я, — засмеялся главный секьюрмен Купола. — Мы и не подозревали, что вы пойдете этим путем, пока не вызвал вдруг босс и не сообщил, что вы уже в подвале.

Снова «монарх», подумал Матвей с каким-то облегчением, и свет в глазах его померк.

В четыре часа дня их вынесли из подвала и подняли наверх, на второй этаж дачи, в помещение, куда они так стремились попасть, и одного за другим швырнули на пол под удивленно-испуганный вскрик узницы, находившейся здесь уже четвертые сутки.

Ельшин оглядел аудиторию.

Прибыли все зарубежные гости и почти все отечественные, одинаково заинтересованные в успехе сделки. Всего набралось полтора десятка человек, из которых четверо представляли военную элиту Соединенных Штатов, остальные — Азию и Европу. Первых лиц, конечно, не было, но и те, что присутствовали, вполне отвечали статусу ИВП — исключительно важных персон — и имели право голоса в своих штабах и органах власти. Хотя, с другой стороны, широкой общественности их имена известны не были. Эти люди всегда находились в тени и работали в условиях абсолютной тайны.

— Начнем, господа, — обратился на английском языке к аудитории Ельшин после приветствия. — Все вы знаете, зачем вас пригласили сюда. Хочу обратить ваше внимание на сугубую секретность нашей встречи, ибо она происходит в обход законов, принятых в нашей стране. Но... нет такого закона, который нельзя было бы нарушить... во имя великой цели, конечно. А цель наша — сохранение мира во всем мире.

Ельшин позволил себе улыбнуться, оглядел внимательные лица присутствующих, которые выглядели толпой туристов, а не группой генералов и адмиралов, не нашел среди них министра обороны, и недоброе предчувствие кольнуло сердце.

— Именно во имя этой благой цели мы предпочли собрать сегодня всех заинтересованных персон, — продолжал генерал, — а не работать с каждым в отдельности, пытаясь поднять цену предлагаемого товара. Но мы не хотим неприятностей в виде угрозы со стороны отдельных государств, заимевших ору... м-м, товар, этот товар должны иметь все.

Тишина в небольшом зале, который напоминал больше зал ресторана со столиками, уставленными напитками и фруктами, наступила после слов Ельшина полная. Он снова оглядел лица заинтересованных слушателей, рассмеялся, махнул рукой.

— Что это вы, господа, как на официальном приеме? Чувствуйте себя как дома. Эта дача принадлежит мне, а не государству, так что безопасность и тайна вашего пребывания здесь обеспечены. К тому же близится время, когда в с я власть в этой стране будет так же принадлежать хозяину дачи. То есть мне. Вопросы есть?

— Какова процедура встречи? — поднял руку широколицый толстяк, главный дилер ЦРУ.

— Сейчас ленч, потом смотрины товара. В шесть часов — обсуждение условий и подписание контрактов. В десять часов вечера вас доставят в аэропорты, и — адью, господа. Во избежание утечки информации такие встречи следует проводить оперативно. Счета, на которые следует перечислять сумму сделки — для всех она одинакова и составляет полмиллиарда долларов — указаны в контрактах. До встречи на полигоне.

Генерал вышел из комнаты, оставив онемевших гостей переваривать услышанное. Впрочем, люди они были опытные и реагировали на подобные заявления сдержанно.

После непродолжительного, но по-русски калорийного ленча гостей проводили во внутренний дворик дачи, мощенный мраморными плитами, и рассадили в тени лип по плетеным креслам, за прозрачными листами из пуленепробиваемого стекла. Появился Ельшин, загорелый, одетый в белоснежную рубашку, такие же шорты и кроссовки «Юса», похожий на преуспевающего бизнесмена.

— Господа, внимание! Начинаем демонстрацию товара. Первый пункт программы — огневая мощь.

На дальнем конце дворика появились четыре мишени в рост человека. Из ближайшего к дворику строения выкатилась платформа с разложенным на ней оружием. Первым пунктом программы было испытание новейших образцов стрелкового оружия: пистолетов скрытого ношения «Анаконда» и «Купон», замаскированных под рации, детские игрушки, авторучки и записные книжки; пистолетов-пулеметов «Волк-2» и «Гризли»: пирожидкостных пистолетов «Удар» и «Днепр»; автоматов «Гном» и А-93, гранатометов ГП-101.

Вперед вышел Ибрагимов и показал из всех видов оружия такую великолепную стрельбу, что вызвал аплодисменты. Стрелял он из всех положений, лежа, в прыжке, стоя спиной к мишени и даже с закрытыми глазами, поразив все мишени в «яблочко», то есть в сердце и в голову. Четырьмя последними выстрелами из подствольного гранатомета он разнес мишени в клочки, в том числе и горящую мишень от выстрела «Удара». Огневая демонстрация закончилась.

Пока двор очищали от гильз, осколков и мусора, гости потребляли холодные напитки и оживленно переговаривались. Стрельба превзошла все их ожидания, особенно понравился пистолет «Волк-2», по мощности и точности превосходящий знаменитые «маузер» и «магнум».

— Второй пункт — гладиаторы-зомби, — объявил Ельшин.

С разных сторон к дворику строем подошли две группы «черных беретов», вооруженных ножами, мечами и другим холодным оружием, по сигналу Ельшина бросились друг на друга. Дрались они молча, но яростно и жестоко, не обращая внимания на раны и даже отрубленные кисти рук, выбитые глаза и торчащие в сердце клинки. Бой стих сам собой, когда в живых остался всего один «берет», остальные были убиты в голову.

Смотреть на это кровавое месиво было жутко, но гости смотрели, не слишком переживая, изредка обмениваясь впечатлениями.

— Вы видели результаты обработки человеческого материала, — начал Ельшин, — психотронным оружием, способным подавлять волю человека до пороговых значений, отменяющих инстинкт самосохранения. Кроме того это оружие, а именно суггестор «Удав»,

именуемый в просторечии «глушаком», можно, в принципе, применять для воздействия на психику, сознание, поведение и желания любого индивидуума. В перспективе — создание излучателей, осуществляющих скрытое управление поведением больших сообществ людей. А сейчас заключительное испытание. Вы увидите действие «глушака» и еще одной разновидности психотронного генератора, так называемого «болевика», на испытателях. Судьба этих «кроликов» пусть вас не беспокоит, они знали, на что шли.

Зрители с любопытством уставились на двух спотыкающихся молодых людей, которых вывели во дворик помощники генерала. Это были Василий Балуев и Матвей Соболев. Чуть в стороне еще один служитель держал за руку девушку, порывающуюся броситься к двоим испытателям на плитах двора. Однако никто из гостей генерала так и не спросил, что это за «кролики», добровольцы они или нет, что их привело сюда и что с ними будет потом. В принципе, гостям все это было глубоко безразлично.

Процедура испытаний «глушака» оказалась простой и внешне не впечатляющей, зато включение «болевика» превзошло все ожидания. Первый из «кроликов» кричал так, что звенело в ушах, корчился, изо всей силы бил руками о плиты, пытался содрать с себя кожу и вырвать глаза, пока не потерял сознание от шока. Второй тоже начал было кататься по двору, рычать от боли и царапать тело ногтями, но потом вдруг перестал и метнулся к прозрачной перегородке, за которой, скрестив руки на груди, стоял генерал Ельшин. «Кролик» убил четверых охранников, прежде чем его удалось скрутить, что произвело на зрителей довольно сильное впечатление.

Он и на излучение «глушака» реагировал иначе, не так, как первый испытатель. Тот превратился в робота, послушно исполняющего любые приказы, практически мгновенно, а второй, справившийся с разрядом «болевика», лишь на второй минуте непрерывного облучения стал проявлять признаки находящегося под наркотическим «кайфом» человека. Движения его стали замедленными, неуверенными, он вдруг упал, приподнялся, глянул в сторону девушки, которая давно потеряла сознание, то ли от ужаса, то ли по другой причине, крикнул что-то нечленораздельное и упал лицом вниз.

— Кто это? — вполголоса поинтересовался у соседа представитель французских военных кругов. — Не похоже, что это доброволец. Да и дерется он, как дьявол.

Ельшин услышал француза.

— Вы правы, он не обычный испытатель. Его прежнее место работы — «СМЕРШ-2», наша военная контрразведка. В результате провала ему грозила смертная казнь, и мы решили его... э-э, помиловать. Господа, прошу вопросы приберечь на деловую встречу, ждать осталось недолго.

Генерал махнул рукой руководителю испытаний, и тот закончил демонстрацию пси-генераторов на девушке, которую быстро привели в себя операторы. «Болевик» заставил ее кричать и плакать, рвать на себе волосы и кожу, но сопротивлялась она недолго, потеряв сознание уже через минуту. А на излучение суггестора «Удав» отреагировала, почти как и ее приятель из «СМЕРШа»: сначала замерла, после приказа «раздеться» стала снимать с себя одежду, но уже через несколько секунд упала и отключилась. Фигура у девушки была так хороша, что среди зрителей поднялся гул, а толстяк-американец проворчал:

— Такой материал пропадает!

Гости засмеялись, стали перебрасываться шутками, замечаниями, задвигались, но было видно, что испытания произвели на них должное впечатление. Ельшин, довольный произведенным эффектом, дал знак унести с арены «кроликов». Ибрагимов подошел к нему сзади.

— Вы обещали отдать их мне, босс.

— Позже, — бросил Ельшин. — Пусть побудут до вечера там же, где и были. Мне надо выяснить, почему Соболеву удалось сопротивляться так долго. Потом они — твои. Узнал, где Галкин?

— В своем кабинете в МО, — ответил Хасан, — сидит там с утра, но дал команду отвечать, что отдыхает на рыбалке.

Лидер Купола озабоченно потер висок.

— Что это означает?

Ибрагимов молчал. На такие вопросы он не отвечал никогда.

ТОЧКА СМЕРТИ

— Пошли к шефу, — сказал Агапов Синельникову. — Дальше работать по Куполу, а тем более по «чистилищу», без его санкции нельзя.

— Рано, — отмахнулся страдающий от жары начальник оперативной розыскной бригады. — Возьмем «чистильщика», выясним причины особой ненависти к «Стопкриму» нашего высокого начальства, тогда и пойдем.

— А приказ уничтожать «чистильщиков» на месте без суда и следствия?

— Я такого приказа не получал.

— И все же он существует. Давай пойдем ко мне домой, выпьем и все трезво взвесим.

Синельников хмуро улыбнулся, оценив каламбур, вытер лицо и шею платком, задумался.

— И вообще, какого черта мы делаем в конторе в воскресенье? — сердито продолжал Агапов. — Чего ждем? Ясно же, что

все наши засады провалены. А мы, кстати, до сих пор гадаем, кто из наших работает на «чистилище». Или ты знаешь, но перестраховываешься?

Полковник ответить не успел, вздрогнув от телефонного звонка, снял трубку:

— Синельников.

— Александр Викторович, — раздался в трубке звучный незнакомый голос, — если хотите поучаствовать в захвате лидеров Купола, объявите тревогу своему спецназу и выезжайте на дачу генерала ФСК Ельцина. Знаете, где она находится?

— Знаю, на тридцать втором километре Можайского шоссе. Кто вы? — спохватился Синельников.

— Поторопитесь, — донеслось до слуха полковника, — и учтите, это не розыгрыш. Как раз в это время на даче собрались зарубежные военспецы на предмет покупки нашего новейшего оружия. Кстати, в обход законов. До встречи.

— Кто вы? — раздраженно повторил Синельников, но в трубке уже послышались гудки отбоя.

— Что случилось? — поднял брови встревоженный Агапов. — Кто звонил? Новиков, Арсенюк?

— А хрен его знает! — Полковник смотрел на зажатую в кулаке трубку и впервые в жизни не знал, что делать. Голосу из телефона он почему-то поверил сразу.

— Который час?

— Полпятого. Что произошло, Саша?

Синельников не ответил.

Точно такие же сообщения получили новый начальник ГУБО, замминистра МВД, начштаба Московского ОМОНа, начальник военной контрразведки «СМЕРШ-2» и директор Федеральной службы контрразведки Панов. Из них лишь Панов оценил информацию как требующую немедленного оперативного ответа, остальные начали анализировать данные, запрашивать свои компетентные службы и консультироваться с экспертами, потеряв драгоценное время, а заодно и насторожив службу безопасности Купола. Правда, и она отреагировала с запозданием, получив несколько противоречивых сообщений якобы от осведомителей и наблюдателей развед-системы мафии. В одном говорилось о готовящейся Министерством внутренних дел провокации с целью натравить внутренние подразделения Купола друг на друга, в другом — об операции Федеральной контрразведки по «захвату иностранного шпиона», проникшего в одно из Управлений ФСК.

Инспирировал эти сообщения Горшин, использовав соответствующие компьютерные сети, но об этом никто никогда не узнал.

Подъем из пропасти небытия на вершину сознания был долгим и мучительным. Сто раз он срывался с полпути и разбивался о «дно пропасти» насмерть. Сто раз он пытался отогнать кошмары и получал сильнейшие встряски нервной системы, парализующие тело, мозг и душу до состояния полнейшего равнодушия. Дважды он всплывал сквозь толщу огня и воды в миры со странными и необычными пропорциями, чтобы глянуть в глаза двух ожидавших его существ — мужчины и женщины, но н е л ю д е й! — и тут же снова погрузиться в расплавленное олово боли. Встречи эти запомнились не конкретно, а как бы фрагментарно, словно плотный туман времени — тысячелетия! — растворил события в себе, оставил в памяти только тени событий, их следы, призрачные «фигуры умолчания», да сожаление о безвозвратно потерянном и прошедшем.

При втором «всплытии» Матвею даже удалось спросить мужчину и женщину: «Я уже на том свете?» — и услышать ответ: «Тебе сюда пока рано, идущий, ты еще не закончил свой путь в той реальности...» Под «той реальностью», очевидно, подразумевался мир Земли, в котором он родился.

Но пришел, наконец, момент, когда он осознал себя как личность, и жизнь встрепенулась в теле и закричала во весь голос — от боли! — потому что не осталось ни одной нервной клетки, которую не затронуло бы излучение «болевика».

Однако Матвей чувствовал и кое-что другое: организм постепенно успокаивал боль, настраивал потрясенную нервную систему, приводил в порядок артериальное давление, ритмы сердца, дыхание и энергоотдачу. Кроме того мозг фиксировал ощущения, которые Матвей не смог бы выразить словами, потому что в русском языке таких слов не существовало. Впрочем, как и в любом другом.

И тогда он вспомнил слова Горшина об «адаптационном периоде» психокоррекции и понял, что период этот завершился. Ни болеизлучатель, ни суггестор «Удав» не смогли подчинить его и заставить делать то, чего он не хотел делать.

Не открывая глаз, Матвей огляделся; видел он теперь сквозь веки так же хорошо, как и с открытыми глазами, хотя и в другом диапазоне спектра.

Комната была та же, куда их с Василием поместили после боя в подвале и где находилась Кристина. Они так и не успели поговорить как следует, обменялись парами фраз, да поцелуем, а потом началась пытка...

Комната имела одно зарешеченное окно, выходящее на стену не то сарая, не то гаража, а ее убранство говорило, что Ельшин не скупился на комфорт для своих пленников, кто бы они ни были. Широкая кровать-альков, роскошный диван, кресла, гарнитур, ковры на полу — говорили сами за себя. Но выйти отсюда час назад ни Матвей, ни Василий не смогли.

Бывший контрразведчик лежал ничком на полу, и Матвею достаточно было одного взгляда, чтобы понять: парень плох настолько, что вряд ли выживет, если не принять экстренных мер.

Кристина лежала боком на диване, подогнув руки, и тоже выглядела почти мертвой, хотя еще дышала, и сердце ее билось медленно и неровно.

Матвей рывком сел, переждал головокружение, подскочил к девушке, перевернул ее на спину, ужаснувшись царапинам и рваным ранам, сунул под голову подушку. Жива, а это главное. Подожди, милая, я тебя вылечу, а сейчас пока займемся собой.

Без двадцати минут семь — он мог теперь ориентироваться во времени без часов с точностью до минуты — Матвей забрался на кровать, чтобы его не было видно от двери, и приступил к анализу собственных ресурсов и залечиванию ран. Канал связи с менталом сработал без обычного сверхнапряжения душевных сил, и уже через пять минут Матвей был полон сил и энергии. Резервы его были, разумеется, не бесконечными, в конце концов и возможности паранорма базируются на энергетической подпитке биологического организма — тела человека, но для осуществления задуманного Матвей готов был потратить даже бесценные запасы внутренней энергии — ки, ответственной за послестрессовое восстановление, а также за долголетие, и препятствующей старению. Используя их, организм в мощной импульсной отдаче мог за короткое время — часы и минуты — израсходовать то, что распределялось на месяцы и годы, на все шестьдесят-сто лет жизни, истощиться, буквально сгореть! Впрочем, об этом Матвей не думал.

Первым делом он позаботился о Василии: перенес его на кровать, сделал массаж сердца и акупрессуру жизненно важных точек на спине и груди, стараясь не задеть ран, нанесенных ганфайтером самому себе. После чего устроил трехминутный сеанс энергопереноса, буквально вдохнув жизнь в полумертвое тело. Отдохнул, глядя на порозовевшее лицо контрразведчика, похлопал его по голому плечу.

— Полежи немного, старик, я тобой еще займусь.

Затем подошел к Кристине, чувствуя, как сжалось сердце. После осмотра девушки он дал клятву, что тот, кто отдал приказ надругаться над ней, умрет! Потом приступил к ее лечению.

Кристине он отдал гораздо больше энергии, чем рассчитывал, из-за чего потом пришлось восстанавливать силы чуть ли не полчаса, зато результат сказался почти сразу: девушка открыла глаза, непонимающе огляделась, встретила взгляд Соболева и чуть было не закричала, Матвей еле успел зажать ей рот рукой и прошептать:

— Тихо! Все в порядке, это я.

И тем не менее выражение ужаса не сразу ушло из глаз Кристины. Все то время, что он отдыхал и настраивал тело, она проплакала у него на груди, не отпуская ни на секунду.

— Никогда не думала, что такое... такая мерзость существует на свете! За что они нас?!

— Это я виноват. — Матвей наконец пришел в себя, отодвинул девушку, вытер слезы с ее щек. — Хотя и ни в чем не виноват. Надо было сразу рассказать тебе все, может быть, ты сто раз подумала бы, оставаться со мной или нет.

— Не говори ерунды. За что они тебя преследуют? Я уже поняла, что меня взяли в качестве заложницы.

— Не заложницы — приманки. Дело в том, что я контрразведчик-ганфайтер, и место моей работы — «СМЕРШ», военная контрразведка. — Матвей вкратце пересказал Кристине обстоятельства, поставив- шие его в положение дичи, но опустил многие подробности. — Теперь поняла?

— Да. — На мгновение Кристина прижалась к его груди, поцеловала в губы. — Вообще-то я догадывалась, что ты не учитель, не филолог, вернее, не совсем филолог. И я — с тобой, что бы ни произошло!

Матвей заглянул в ее сияющие глаза и словно умылся родниковой водой. Ледяная голубизна в его глазах уступила место нежности. Ненадолго, он помнил, где находится.

Василий пришел в себя через несколько минут, после второго сеанса энергопереноса, однако полностью восстановить его прежнюю форму Матвей, конечно, не мог. И все же они были живы и могли бороться, судьба хранила их, дав необходимое время на зализывание ран.

— Что теперь? — попытался приободриться Василий. Дружески сжал руку Кристины, с которой успел познакомиться до испытаний психотронных генераторов. Кивнул на зрачок телекамеры, наблюдавшей за ними со входной двери.

— Заснули они там, что ли? Неужели не видят, что мы тут пришли в себя?

— Может, и видят, да приказ имеют не вмешиваться, а скорее всего камера имеет выход в апартаменты генерала, а он занят с клиентами. Но должен скоро заявиться, нам надо поспешить. Предлагаю отступить тем же путем — через подвал и метро.

Василий некоторое время размышлял, ощупывая свои царапины, синяки и шишки, кивнул:

— Наверное, это лучший выход из положения... если нас не остановят еще на подходах к метро. Но поверху нам точно не пройти. Вооружиться бы, ганфайтер из меня сейчас хреновый. Мне бы ту штучку, от которой я чуть не сдох.

— «Болевик». Да, не помешал бы, как и «глушак», впрочем.

— Или хотя бы автомат, тот же «Гном», да и «Волк» сгодится.

— Обходись пока руками и головой. Пара минут у нас есть, давай-ка обыщем сей приют.

Они обошли довольно уютную тюрьму, но никакого оружия, ни холодного, ни огнестрельного, не отыскали. Правда, для такого профессионала, каким был Матвей, в качестве оружия годился любой предмет — от карандаша и скрепки до баночки с клеем и листа плотной бумаги. Именно эти вещи он и обнаружил в ящике серванта. Правда, у них был еще «стратегический запас» — сервиз из красивого богемского стекла на шесть персон, и знавший толк в таких вещах Василий удовлетворенно потер руки.

— То, что надо. Пару-тройку спецназовцев я обезврежу.

Кристина переводила взгляд с одного на другого, ничего не понимая, и Василий подмигнул ей, под тихий вскрик девушки разбил два бокала. Разбил удивительно точно — всего на два-три острых осколка, и Матвей показал контрразведчику большой палец: он сам не сделал бы лучше.

— Ну что, леди и джентльмены, пора? — Матвей незаметно для остальных ввел себя в нужный режим. — Василь, у тебя одна задача — оберегать Христю, остальное я беру на себя. Выберемся отсюда — рвите когти без оглядки, не обращая внимания на то, что делаю я. Никаких попыток помочь, подстраховать и так далее! На тот случай, если мы не успеем обсудить дальнейшие планы: как только уйдете с дачи, уезжайте из Москвы. У тебя есть родственники в других городах?

— В Тамбове, в Брянске, в Сибири.

— Тамбовские волки, что ли? — пошутил Матвей. — Вот и отправляйтесь туда, я вас найду. Обещай.

— Хорошо, обещаю. — Василий посерьезнел, лицо его стало решительным и твердым, а в глазах зажглись азартные огоньки. — Все будет в порядке. Пожелаем друг другу удачи и поехали.

Кристина подошла к ним, обняла сразу двоих, поцеловала каждого, но ничего не сказала.

— А теперь я продемонстрирую вам кое-какие скрытые возможности паранорма, — проговорил Матвей. — Эй, айкидок, ты должен знать, это называется тэ-гатана*.

Ребром ладони Матвей нанес удар по зрачку телекамеры, выглядывающему из двери, но так быстро, что рука исчезла из поля зрения. От удара толстая деревянная дверь прогнулась, и камера вылетела в коридор, перепугав двух охранников, от безделья играющих в «крестики и нолики».

— А это нукитэ**.

Матвей достаточно хорошо видел, что происходит за дверью, и ударил в дверь в тот момент, когда один из охранников — рыжий верзила с бородой и усами — взялся за ручку двери.

---

* Тэ-гатана — «рука-меч», удар ребром открытой ладони.

** Нукитэ — рука-копье, удар тычком вперед вытянутыми пальцами.

Рука прошла восьмисантиметровую доску насквозь, как тонкий газетный лист, и ударила в грудь рыжебородого с такой силой, что тот отлетел в глубь коридора, едва не сбив напарника. Вторым ударом Матвей выбил замок и, молниеносно распахнув дверь, метнул скрепку, превращенную в иглу, в глаз второму охраннику. Пока тот одной рукой с воплем хватался за голову, а второй ловил рукоять автомата, Матвей успел достать его в прыжке и послать в глубокий нокаут.

— Неплохо, — сказал с подчеркнутым безразличием Василий, проходя мимо, похлопал Матвея по плечу. — Натуральный киборг прямо-таки.

Круглые от изумления и недоверия глаза Кристины говорили сами за себя, и в другое время Матвей не преминул бы пошутить и посмеяться, но данная обстановка к шуткам не располагала.

По рассказу Ибрагимова они знали, что на даче имеются два спуска в подвал: лестница от холла и лифт с третьего этажа, от покоев самого Ельцина. О том, что существует еще один лифт — прямо из спальни генерала, Ибрагимов не знал, а поэтому не знали и пленники. Решили идти вниз по лестнице, хотя мужчины понимали, что в холле наверняка дежурит охрана.

Только теперь они обратили внимание на интерьер: такого роскошного коридора — с мраморным полом, стенами из ракушечника, зеркальным потолком, с пальмами, растущими из пола, с изумительной работы светильниками — не имела ни одна из коммерческих или государственных контор, не говоря уже о частных владениях. Какую роскошь скрывали двери, выходящие в коридор, можно было только догадываться.

Предположения ганфайтеров оказались верными: в холле дачи, больше напоминающем холл современной пятизвездочной гостиницы, находилось шестеро охранников, одетых в стандартную пятнистую форму, но что было еще хуже — там же бродили два пса величиной с теленка, знаменитые ротвейлеры, способные перекусить кости рук и ног. Если бы не способность Матвея «разговаривать» с собаками телепатически, участь беглецов была бы решена тотчас же.

Выглянув из приоткрытой двери в холл, Матвей мгновенно оценил опасность и тут же послал пси-сигнал собакам, которые уже настороженно ворчали: «Тихо, я свой! Все в порядке. Объект угрозы — вне здания! Угроза — снаружи, снаружи, во дворе! — Матвей представил лужайку перед дачей и тигра на ней. — Взять его!»

Собаки отвернулись от двери, за которой затаились беглецы, и с тихим рычанием — ротвейлеры не лают — рванулись к выходу из холла.

Поднялся переполох. Те из охранников, что стояли у дверей, бросились за собаками, но двое из них, заметившие первую реак-

цию псов, направились к двери в коридор, ведущий во внутренние покои дачи.

Дверь открывалась в коридор, и поэтому Матвея, спрятавшегося за ней, они сразу не заметили, зато от увиденной картины оба, что называется, обалдели: посреди коридора нежно обнималась парочка.

Один из охранников присвистнул, делая шаг вперед, второй засмеялся.

— Ну и сюрприз! Эй, вы как здесь оказались?

Матвей кашлянул, тихо закрывая дверь в холл, и, когда охранники повернули головы к нему, двумя мгновенными выпадами пальца парализовал обоих. Подхватил падающие тела, чтобы не допустить шума, шепнул свирепо:

— Хватит целоваться! Быстро наверх, к лифту!

Василий подтолкнул Кристину, и они помчались к тупику коридора, где начиналась лестница на второй и третий этажи дачи.

Матвей подождал несколько секунд, фиксируя передвижения оставшихся в холле охранников. Никто из них ничего не услышал и разговаривали они спокойно. Тогда Матвей в три прыжка пересек коридор и догнал спутников уже на третьем этаже.

Здесь тоже был коридор, только в два раза короче нижнего, и дверей в его стенах оказалось всего две. Третья — красивейшая бронзовая решетка — была врезана в тупик и вела в спальню Ельшина. У Матвея мелькнула мысль проникнуть туда и поискать другой путь к свободе, но осуществить эту идею ему не дали.

— Лифт! — прохрипел Василий, кивая на ближайшую дверь. — Только кнопки не видно. Как они его вызывали?

В то же мгновение дверь лифта бесшумно скользнула вбок и в лицо Василию уставился зрачок пистолета-пулемета «Волк-2».

— Какой я молодец! — сказал Ибрагимов с удовлетворением, шагнул из лифта, насмешливо улыбнулся. — Не дергайтесь, ганфайтеры, положу всех без сожаления. Как я стреляю, вы уже видели. Стоять, я сказал!

Матвей замер, но не потому, что на него подействовала угроза, а для п р о с т р а н с т в е н н о г о анализа обстановки, и вздохнул с облегчением: Ибрагимов был один. То ли понадеялся на свои силы, то ли, потеряв голову от ярости, обнаружив пустую «камеру» и тела охранников в коридоре, он бросился в погоню без сопровождающих.

— Вообще-то, в ваших способностях я не сомневался, — продолжал Хасан, держа оружие с профессиональной небрежностью, готовый открыть огонь в любой момент, — но не думал, что вы придете в себя так скоро. Что ж, поиграем в догонялки? Вы убегаете, пули вас догоняют. А? Кто первый?

— Серп и молот! — произнес Василий условную фразу, после которой главный секьюрмен Купола должен был начать «бузу» про-

тив Ельшина по программе, которую внушили ему контрразведчики почти сутки назад. Однако Ибрагимов не спешил «бузить». Глянул на Василия, хмыкнул, почесал за ухом стволом второго пистолета — это был девятимиллиметровый «Джерихо-941», как заметил Матвей.

— Ага, значит прав был босс, вы меня закодировали во время последней нашей встречи. Молодцы, использовали момент неплохо. — Ибрагимов явно был настроен поговорить и позабавиться, исключая пленникам всякую возможность сопротивления и бегства. — Только придется вас огорчить: меня раскодировали. Придется вам... — Он еще что-то говорил, но Матвей не слушал, готовясь к сверхдействию. Времени у них оставалось все меньше и меньше.

К сожалению, та же мысль крутилась и в голове Василия, но он начал свою программу раньше.

— Камаэ-тэ, — сдавленным голосом проговорил он, предупреждая напарника. По терминологии кэмпо «камаэ-тэ» означало — займи боевую позицию.

Матвей хотел остановить контрразведчика, но не успел: с криком: «Чи-мэй!» — Василий бросился на Ибрагимова.

Хасан вряд ли знал термины восточных единоборств, но реакция его была молниеносной, и, когда Василий уже доставал его в прыжке, выстрелил ему в грудь. Пуля с экспрессивной головкой вошла точно в середину грудной кости и развернулась там лепестками уже внутри тела, отбросив Василия к стене коридора. Он еще падал, а Хасан уже стрелял в не двинувшуюся с места Кристину и тут же в Матвея... вернее, в то место, где тот стоял. Затем Ибрагимову показалось, что в голове взорвалась граната, и он потерял сознание прежде, чем успел определить, куда делся противник.

Матвей действовал быстро, как только мог.

Осмотрел Кристину — пуля попала ей в плечо, забрал у Ибрагимова оба пистолета, втащил Василия и Кристину в лифт, так и оставшийся открытым после выхода Хасана, нажал светящуюся пластинку с буквами «ПГ», а когда лифт опустился в подвал, перенес не подающих признаков жизни друзей к другому лифту, который вел к метро.

Двух охранников подземного гаража он нейтрализовал походя: одного — броском карандаша в глаз, второго — баночкой с клеем в горло; воспользоваться пистолетами он не додумался. Будут ли жить охранники, его не заботило, он спасал дорогих ему людей и держался на инстинктах да на обострившихся до предела чувствах.

Бункер технического управления он просто расстрелял, вспомнив наконец, что у него есть оружие. Вернее, расстрелял всю его аппаратуру, а смену техников связал спиной к спине с помощью

ремней, зная такие приемы искусства связывания, которыми владели только ниндзя. Пост охраны у клети лифта он перехитрил, скомандовав из бункера «прибыть для инструктажа» и отключив болванов по-русски — от души — ударами в лоб и в переносицу.

К счастью, торпеда мотор-вагона оказалась у станции, видимо, ее обнаружили и привели на стоянку, собираясь воспользоваться или отправить обратно. Но не отправили.

Матвей на одном дыхании затащил в вагон раненых и принялся за сеансы энергопереноса, на сей раз контактные, многодиапазонные и длительные — по пять-шесть минут каждый. Когда закончил, был мокрый, как мышь, и слабый, как мышь, зато вывел обоих из шока, вынул пули из тел, остановил кровь и заставил работать сердце и легкие. Через минуту после этого очнулся Василий, глянул на бледного до прозрачной синевы Матвея, попытался улыбнуться.

— Не повезло... где мы? И где этот... киллер?

— Наверху, — выговорил Матвей в три приема.

— Ты его?..

— Не знаю.

— Живучая сволочь... значит, у нас хикивакэ*? А как Крис?

Матвей перевел взгляд на Кристину, которая дышала тяжело, со стонами, но дышала.

— Ее надо к хирургу, задета артерия... довезешь?

Василий пошевелился, скривился от боли, глянул на свою окровавленную грудь.

— О черт! Это же точка смерти! Я был уже на том свете! Как ты меня оттуда вытащил?

— Жить будешь, но недолго, лет пятьдесят. Тебе тоже нужна операция, я зашить все сосуды не смог.

— Считай, что я твой должник дважды. Довезу, не беспокойся. Что ты собираешься делать?

Матвей передал контрразведчику оба пистолета, две обоймы, еще раз осмотрел Кристину, пробормотал:

— Я злодея погубил, я тебя освободил, а теперь, краса-девица, на тебе хочу жениться... поезжайте, я задержусь. У меня с ними свои счеты.

— А стоит ли?

— Может быть, и нет.

Они обнялись.

Потом Матвей поцеловал Кристину и полез из вагона, пошатываясь от слабости, стараясь, чтобы этого не заметил Василий.

Зашумел мотор, торпеда ушла, гул втянулся в стены тоннеля, и наступила удивительная тишина.

---

* Хикивакэ — ничья.

ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Премьер-министр смотрел по «видаку» крутой американский боевик, когда позвонил Галкин. По тону, каким он говорил, было очевидно, что министр обороны если и не в панике, то сильно взволнован.

— Ты один?

— Нас двое: я и телевизор, — пошутил Краснорыжин, внезапно покрываясь холодным потом, хотя в спальне было прохладно из-за работающего кондиционера. — Кручу боевик, пью пиво и жду роскошную женщину. Надеюсь, ты позвонил от скуки?

— Если бы, — нервно проговорил Николай Николаевич. — По моим сведениям, вокруг дачи Генриха крутятся «чистильщики».

— Ну и что?

— Как это «ну и что»?! Забыл? Генрих сегодня собрал у себя всех клиентов для демонстрации спецору...

— Тише!

— ...оружия, — докончил Галкин. — Чего тише? Скремблер не включен, что ли? Кроме того поступил сигнал, что ФСК и угро получили странные сообщения о проводимом на даче мероприятии, так что не исключено, что через час туда примчатся группы быстрого реагирования.

— Ты думаешь, «чистильщики»... и остальные... знают о переговорах наверняка?

— Я не думаю, почти уверен. Что делать?

Краснорыжин покрылся гусиной кожей, потом снова вспотел, дотянулся до бутылки боржоми и выдул ее в один присест.

— Пошли туда полк «Оборотней» или «Драконов»* и разнеси дачу в пух и прах!

— С ума сошел?! Я мгновенно лишусь погон и должности!

— А так ты можешь лишиться головы, мон шер, если «чистильщики» раскрутят всю историю с оружием! Дай приказ заму, а потом свалишь все на него и на командира полка вертолетчиков. Учить тебя, что ли, как это делается?

Галкин шумно выдохнул в микрофон, с минуту тяжело сопел и выключил связь. Михаил Сергеевич потряс трубку, подул в нее, и ему показалось, что из динамика вдруг выглянул некто бесформенный, как облако, но непередаваемо жуткий и опасный.

Тревога началась в девятнадцать ноль пять, и Ельшин был вынужден прервать переговоры, успокоив встревоженных клиентов:

---

* Премьер имел в виду боевые вертолеты.

— Не волнуйтесь, господа, у меня вы — как у Христа за пазухой, сейчас разберусь, в чем дело, и вернусь. А вы пока подписывайте контракты.

Ибрагимова генерал обнаружил на третьем этаже у дверей своей спальни. Начальник службы безопасности держался за голову и выглядел, словно после прямого попадания танковой болванки.

— В чем дело, Хасан?

— Ушли, — морщась, просипел Ибрагимов. — Ганфайтеры ушли... вместе с бабой... Хотя я в них стрелял и попал!

— Когда?!

— Минут десять-пятнадцать назад!

— Куда?

— Скорее всего вниз, в метро, куда же еще? Понимают, суки, что это единственный путь.

— Который ты обязан был перекрыть! Людей послал?

— Лифт не работает, они, наверное, уничтожили управление, а через колодец мои люди не успеют. К тому же я только что слышал гул отходящего вагона. Это не главная забота, босс. Наблюдатели сообщили, что в километре от дачи происходит подозрительное передвижение каких-то групп. Скорее всего это «чистильщики».

— Пронюхали все-таки? — Ельшин нехорошо улыбнулся, прошел к двери своей спальни, махнул рукой. — За мной. Ну, что ж, я им покажу, кто на этой земле хозяин.

Из спальни, сверкающей хрусталем, фарфоровой белизной стен, золотом и серебром, зеркалами и пуфами, он соединился со службой внешнего контроля:

— Аграмян, что там у вас?

— Обнаружили три группы по три человека, подбирающиеся к даче с трех сторон. Кроме того только что передали из конторы: кто-то звонил главному «фискалу» и называл наш адрес. Такой же звонок получило и руководство МВД, но Горбаню удалось блокировать канал.

— Докладывайте о передвижении групп каждые пять минут лично мне и дайте информацию на монитор охраны для анализа. Как только группы окажутся на дистанции поражения, уничтожить их!

Ельшин отпустил кнопку радиотелефона, глянул на молча страдающего Ибрагимова, усмехнулся:

— Кто это тебя так? Соболев?

— Я его... на куски... разорву! — Ибрагимов согнул пальцы на обеих руках, отчего руки стали похожи на когтистые лапы хищной птицы.

— Найди сначала. Если он не дурак, то, заполучив свою девку, давно мчится прочь во все лопатки.

— Мотор мы перехватим. Я его везде найду...

— Упаси тебя господь, майор! Этот зверь тебе не по зубам. Займись-ка охраной по варианту «БИ», а я тут кое-что предприму со своей стороны.

— Оружие вернуть на базу? Или пусть побудет здесь?

— Того оружия всего ничего — три десятка стволов. Принеси все образцы сюда, в случае чего я спрячу.

— А что делать с гостями?

— А ничего. Прибыли они сюда инкогнито, ни одна из их спецконтор не знает — куда, так что если и случится некая неприятность...

— Понял. — Ибрагимов потрогал синяк под глазом и царапину над верхней губой, скривился, больше от ненависти, чем от боли.

— Я не верю, что Соболев ушел.

— Если он еще здесь... хотелось бы взять его живым. Он нужен... одному моему другу.

— Я сам хочу взять его живым. Но потом... отдайте его мне.

Ельшин жестом отослал начальника службы безопасности, подождал, пока закроется дверь, и вызвал свой секретный лифт, ведущий к узенькой щелочке в стене «запредельного мира», откуда время от времени выглядывал Конкере, «монарх тьмы».

Ни один из комиссаров «Стопкрима» не пожелал участвовать «в собственных похоронах», по образному выражению комиссара-два Рыкова. Музыка Глеб Максимович вообще отказался связываться с Куполом, в резких выражениях отозвавшись об инициативе Графа. Завьялов передал это Горшину после недолгих колебаний, будучи уверенным, что Граф и так все узнает сам. Комиссары «чистилища» не хотели рисковать своим положением, полагая, что время открытой войны с мафией еще не пришло. К тому же, они в тайне надеялись на ослабление влияния Графа на деятельность «Стопкрима» и укрепление собственных позиций после всех событий. Каждый из них, в особенности Рыков, исключая разве что Завьялова, мечтал об абсолютной власти над криминальным, да и — чего греха таить — над остальным миром, и каждый не понимал при этом, что все их «мечты» инспирированы «монархом тьмы», так же лелеющим мечту о Сверхвласти, но уже на неизмеримо более высоком уровне.

В результате у дачи Ельшина Тарасу удалось собрать всего две монады и два мейдера — шестнадцать человек, и хотя все они были профессионалами боя, мастерами разведопераций и операций захвата, справиться с батальоном охраны дачи генерала ФСК они, конечно, не могли. Но попытаться помешать сделке — могли. И хотели.

О том, что рано или поздно их вычислят, командиры групп знали и разработали план, по которому три группы — две монады и мейдер не слишком маскировались и не скрывали намерений, в то

время как четвертая группа из пяти человек должна была скрытно подойти к даче со стороны реки и ударить по охране в тот момент, когда она увлечется охотой за теми, кого обнаружит.

План сработал, и бой начался в четверть восьмого вечера, сразу изменив ситуацию во всей сложной системе взаимодействий мафии, государственных структур, военного комплекса и правоохранительных органов.

Четвертой группе удалось подобраться к даче скрытно, в то время как три остальные делали вид, что атакуют дачу в лоб, со стороны главного въезда на территорию. «Чистильщикам» удалось преодолеть заграждение «частного владения» и обезвредить проволочные ловушки, но дальше второй линии защиты — лазерных батарей — они не прошли, потеряв одного из бойцов.

В этот момент им на помощь пришел Горшин, который час назад проводил инструктаж всем участникам операции. Он провел группу мимо замолчавших по неизвестной причине лазеров и велел держать оборону в районе бани-сауны до прихода основных сил или до его команды, после чего тихо отойти и рассеяться. Сам Горшин через минуту исчез за хозяйственными строениями дачи, не обращая внимания на заговорившие со стороны главного корпуса пулеметы. У него была своя цель.

Матвею очень бы пригодилась помощь Василия, потому что он до сих пор не вышел из состояния «выжатого лимона», все приходилось делать с неимоверными усилиями, чуть ли не на грани беспамятства, а подпитать себя через канал ментала не удавалось по причинам отсутствия времени: счет шел уже на минуты и секунды, Матвей чувствовал это.

Обратно наверх он поднялся сравнительно легко: дождался лифта с отрядом погони, высланным Ибрагимовым, отключил охранника, оставленного стеречь лифт, и поднялся в подземный гараж дачи, где сходу вырубил еще двух горилл в черном. Переоделся в форму одного из них, прихватил автомат и кинжал и по лестнице поднялся на первый этаж. Именно в этот момент началась атака «чистильщиков» на дачу и отвлекла внутреннюю охрану, что позволило Матвею пересечь холл и в общей суматохе преодолеть лестницу на третий этаж.

Здесь он встретил лишь одного человека — стюарда с подносом, на котором стояли напитки и вазы с фруктами, безмолвно пропустил его, готовый, однако, применить силу, если понадобится, но стюард прошмыгнул мимо на полусогнутых, даже не глянув на попавшегося на пути «охранника». Видимо, на него сильно подействовала начавшаяся пальба.

В спальню Ельшина Матвей проник неожиданно легко: дверь

оказалась незапертой. Матвей, исходя из этого факта, ожидал засады или на крайний случай застать самого хозяина, но ни того, ни другого в сверхроскошной спальне, способной поразить воображение не только провинциала, но и любого принца, не обнаружил. Выглянул в окно, стекла которого были пуленепробиваемы и закрывались автоматически. Стрельба немного поутихла, по двору перемещались «черные береты» в количестве до взвода, еще один отряд быстро готовил к бою огнеметы. Ни Ельшина, ни Ибрагимова нигде видно не было.

Сердце кольнуло нехорошее предчувствие.

Матвей не знал, кто затеял стрельбу и зачем, хотя и догадывался, что это могли быть «чистильщики», но считал свою задачу невыполненной до тех пор, пока не отыщет генерала. Все остальное отходило на второй план, в том числе и состоявшиеся переговоры по продаже украденного оружия, особенно отвечающего целям террористов всех мастей. Но с этим можно было разобраться потом, после «гашения» главного босса Купола, размах действий которого перешел все границы.

Обойдя спальню и не отыскав второго выхода, Матвей подкрепился фруктами и попытался заставить себя выйти на уровень турийи, но удержаться в этом состоянии больше нескольких секунд не смог. Правда, ему удалось в момент сосредоточения обнаружить лифт, замаскированный под квадрат пола, что несколько скрасило горечь неудачи. Однако воспользоваться тайной «кабиной» он не успел, в комнату ворвалась группа вооруженных «беретов» под командованием вездесущего Ибрагимова.

В принципе, Матвей был готов к такой ситуации, и шестеро автоматчиков не могли стать для него причиной сдачи в плен без сопротивления, но его остановило не количество нападавших, а выражение глаз Ибрагимова: в них тлела ненависть и скрытое торжество, будто он знал нечто такое, что для противника наверняка окажется страшным сюрпризом.

Снова в тревоге сжалось сердце, и Матвей, уже понимая, в чем дело, опустил свой автомат.

— Не стрелять! — поднял руку Ибрагимов. Змеиная улыбка скользнула по его жестким узким губам. — Я знал, ганфайтер, что ты вернешься. Но лучше бы ты этого не делал. Впрочем, своим друзьям ты бы тоже вряд ли помог.

Матвей молча смотрел на него, и начальник службы безопасности Купола продолжал:

— Их взяли на развилке, так что, увы, надежды твои не сбылись. Да и чего ты ждал, собственно? Вам и так везло слишком долго.

— Что... с ними? — *разлепил губы* Матвей.

Майор засмеялся. От его смеха, наверное, свернулось бы молоко.

— Шеф подкинул хорошую идею: мы из них сделаем «зомби»,

как вот из этих ребят, и выпустим. Даже если ты вывернешься и на этот раз, что маловероятно... и даже совсем невероятно, твои друзья в один прекрасный момент убьют тебя. А потом и друг друга. Как тебе нравится перспектива?

И Матвей сразу поверил Хасану: именно так и случится, если он не успеет предотвратить кодирование.

Бесшумная и не видимая никем молния ментального разряда вонзилась в голову, растеклась по жилам, запульсировала странным, жгучим и одновременно приятным огнем в нервных узлах, включила экстрасенсорное видение и сферу парачувств, перевела энергетику организма на прямое «сгорание» эритроцитов, изменила внутреннее течение времени.

Матвей «вышел» из общего потока времени, и для него внешний мир перестал быть динамичным, застыл, как слайд в проекторе.

Нет, парни в черном, конечно, двигались, как и Хасан Ибрагимов, пистолет которого, как по волшебству, начал стрелять почти одновременно с первым шагом Матвея, но все равно их реакция уступала реакции Соболева на порядок, если не больше.

Убивать Ибрагимова собственноручно Матвей не стал, просто у двух «беретов» направил стволы автоматов таким образом, что стрелять они начали в своего командира и друг в друга, а оставшихся в живых «взял на удар» , впервые в жизни действуя в полную силу, не дозируя силу удара, и не чувствуя при этом ни малейших угрызений совести.

Бой закончился в течение пяти-шести секунд «по внешнему времени», и отряд «зомби» во главе с Хасаном Ибрагимовым перестал существовать. А Матвей с «плеском» нырнул в омут беспамятства, внезапно выходя из состояния паранормальной активности с мыслью, что еще одного пси-включения он не выдержит.

Очнулся через минуту, чувствуя себя столетним стариком, с которого вдобавок содрали кожу и заменили ее слоем цемента. Оглядел невеселую картину боя: автоматные очереди распороли кровать под балдахином, пуфы, кресла, разбили зеркала и фарфоровые светильники, понаделали дыр в красивейших панелях из резного красного дерева. Трое из отряда «зомби» были еще живы, но стрелять уже не могли, остальные, в том числе и главный киллер Купола Хасан Ибрагимов, ушли в другую реальность, закончив свой земной путь далеко не лучшим образом.

И вдруг Матвей почувствовал тяжкий удар — не физический, извне, а изнутри, на уровне колебаний атомов, молекул, нервных тканей, на уровне пси-чувствования, удар, потрясший организм до тошноты. Секунды хватило, чтобы понять: «монарх тьмы» вышел наконец в трехмерный мир Земли!

Можно было попытаться отгородить сознание от чужого пси-взгляда энерго-информационным барьером, и частично Матвею это

удалось, но ощущение тяжести в голове и в теле осталось. «Монарх» д е р ж а л его в фокусе своего сверхчувственного «локатора» с небрежной легкостью Гулливера, знающего, что лилипут от него никуда не спрячется, как бы ни старался.

Едва слышно свистнул лифт, квадрат пола опустился вниз, открыв колодец шахты, и вернулся уже с пассажиром: в разгромленную спальню шагнул начальник Управления «Т» Федеральной службы контрразведки генерал Ельшин. Впрочем, по усилению «взгляда изнутри» Матвей сразу понял, что это в оболочке генерала появился Конкере, «монарх тьмы».

Он скользнул взглядом по готовой к прыжку фигуре Матвея, поднял брови полунасмешливо-полупренебрежительно, оглядел комнату, качнул головой:

— Похоже, Хасан переоценил свои силы.

В следующее мгновение Матвей открыл огонь из автомата, вопреки уверенности, что «монарх» легко справится с этим. Так и случилось. Конкере-Ельшин выбрал самый простой метод демонстрации своих возможностей, он легко... поймал рукой все пули очереди! Равнодушно бросил их на пол, подошел к окну. Голос его остался негромким, как шорох камыша, и в то же время объемным и гулким, как звук царь-колокола.

— А финал не в вашу пользу, генерал.

Матвей не сразу понял, что обращается Конкере к Ельшину, чье тело и разум он временно занял. Или не временно?

— Чего вы ждете? — хрипло спросил Матвей. — Кот решил поиграть с мышью?

— К сожалению, ты не мышь, ганфайтер. Да и я не кот, не те масштабы. Просто у тебя есть шанс стать чем-то большим, нежели волкодав-перехватчик.

На мгновение глаза Ельшина засветились, как тлеющие угли, темная сила сжала голову Матвея, стены комнаты пошли рябью, будто вода под ветром, сдержанный гул ушел в пол, стек по стенам в фундамент, качнул здание дачи.

Матвей пристально глянул в эти страшные глаза и не отводил, пока красное сияние не погасло, хотя сам почти ничего не видел из-за набежавших слез.

— И какова же цена... моего шанса? Перейти в твой лагерь?

— Почему бы и нет?

Матвей покачал головой, расслабился, еще раз качнул головой, словно отвечая самому себе, бросил автомат под ноги Ельшину.

— Вряд ли меня можно назвать свободным от меркантильных расчетов, но друзей своих я все же не предаю. Говоря словами д'Артаньяна: обо мне плохо подумали бы там, и плохо приняли бы здесь. И у нас разные понятия о добре и зле.

— О добре и зле тебе судить еще рано. Да и кто ты такой, собст-

венно, чтобы судить? Один из баранов стада, которое гордо называет себя человечеством.

— Почему же это человечество — стадо?

— Потому что люди — слабые существа, которые сбиваются для защиты в стада и требуют, чтобы ими управлял не закон, а пастух. Хочешь быть пастухом?

— Не хочу. Уж не ты ли... этот пастух?

— Все не так просто, мой милый, как ты себе представляешь, начитавшись книг. Ты вон даже с собой разобраться не можешь, а уже пытаешься навязать миру свое мнение. Оглянись на путь свой. Неужели не видишь, что все, кто начинает контактировать с тобой, плохо кончают? По вашим земным законам, конечно. Но ведь и судишь по земным, человеческим меркам? Ивакин и Дикой погибли. Илья Муромец — убит. Старушка эта, Мария Денисовна, умерла. Кристина потеряла полжизни и еще неизвестно, что будет с ней дальше. Список можно продолжать вверх и вниз по времени, в будущее и в прошлое, но стоит ли?

— Что вы... что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Ты не человек, Матвей Соболев, хотя и рожден людьми. И путь твой — не среди людей, и не с Тарасом Горшиным, который стал отступником ради глупой и смешной традиции — мести, не сумев подавить эмоции. В результате Внутренний Круг для него оказался закрыт, его отвергли Хранители и не приняли иерархи. Но речь не о нем — о тебе. Чем дольше ты будешь жить среди людей, подчиняясь их законам, но сообразуясь со своими понятиями о мироздании, тем больше причинишь несчастий и страданий. А ведь ты этого не хочешь?

Матвей ответил не сразу, сбитый с толку миролюбивым и даже участливым тоном Конкере.

— Я не хочу быть ни бараном, ни пастухом...

— Пастухом хочет быть каждый! — усмехнулся Ельшин.

— Я не каждый. Да, я живу среди людей, многие из которых мне просто не симпатичны, а некоторые, по моему мнению, и вовсе не должны жить. И уж совсем единицы те, кого я уважаю и люблю. Однако именно ради них я никогда не стану на сторону того, кто сделал им зло. Какие бы высокие цели он ни ставил.

— Зло не бывает абсолютным, мой милый, оно всегда относительно и стоит только посмотреть на него с другой стороны...

— Да плевать я хотел на твои оценки, генерал... или кто ты там! Одно мне непонятно: почему иерархи мирятся с твоим существованием? Или и в тех реальностях, где они являются равными среди равных, закон допускает двоякое понимание истины? То есть те же самые два полюса — добро и зло?

— Конечно, нет. — Ельшин выглянул в окно. — Но борьба есть и там, вернее, не борьба — игра законов. Судьбы личностей в этой

игре не имеют особого значения. Что ж, ты выбрал тупик, больше нам не о чем говорить. Вряд ли мы встретимся в какой-нибудь из будущих жизней. Но прежде, чем расстаться, я покажу силу, от которой ты отказался. Мой друг, — Ельшин тонко улыбнулся, — министр обороны Галкин, дабы перестраховаться, от испуга выслал сюда звено «Черных акул» и звено «Оборотней». Знаешь, о чем речь?

— Волки от испуга скушали друг друга... — Матвей кивнул. — Он что же, собирается высадить десант?

«Черными акулами» называли новейшие военные вертолеты, равных которым не было ни в одной армии мира. Ракетный залп одного такого вертолета мог уничтожить город с населением в сто тысяч человек! А каждый «Оборотень» мог нести в своем чреве до батальона десантников.

— Вот они, над лесом, заходят для атаки.

Матвей подошел к окну и в самом деле разглядел около двух десятков низко летящих металлических стрекоз. Одна из них пыхнула дымком, и во дворе дачи вырос веер огня, дыма и земли. Вертолеты начинали обстрел.

В то же мгновение Матвей пережил еще один внутренний психоудар и временно оглох, перестал слышать какие-нибудь звуки. Ельшин причудливым образом превратился в «букет» из полупрозрачных человеческих фигур, увеличился в объеме, заполнив собой чуть ли не всю спальню, одной из множества рук продавил окно, так что оно застыло в форме прозрачного кратера. Воздух в комнате загустел, завибрировал, задрожали стены, пол, эта дрожь вошла в ноги, передалась позвоночнику, достигла головы, и Матвей с ужасом увидел, как из распухшего тела Ельшина вылетел призрак, напоминающий динозавра, устремился в окно и метнулся к вертолетам. Второй залп они дать не успели.

Матвею не нужно было напрягать зрение, чтобы разглядеть, что творится в радиусе двух-трех километров от дачи. Если у него что и осталось от паранорма на данный момент, так это способность видеть в более широком диапазоне спектра. Драму в воздухе он рассмотрел до мельчайших подробностей, стоя за спиной Ельшина-«монарха» в полной прострации.

Огромные пятнистые машины с четырьмя подвесками НУРС под короткими крыльями и четырьмя управляемыми ракетами типа воздух-земля вдруг стали зыбиться, плыть, деформироваться, превращаться в жуткие черные сосульки, опали на землю редкими каплями странного и страшного дождя! В три секунды от двух десятков боевых винтокрылых аппаратов остались на земле только быстро испаряющиеся черные кляксы. Ни одному человеку из экипажей «Акул» и десанта «Оборотней» спастись, конечно, не удалось.

— Ну вот и все, — обернулся Ельшин на слабый возглас Собо-

лева. — Не передумал, ганфайтер? Э-э, какой ты чувствительный. Ну не передумал, тогда прощай.

Матвей не ответил, все еще находясь под впечатлением происшедшего.

Только что на его глазах были уничтожены ни в чем не повинные люди, солдаты, молодые ребята, которым едва исполнилось по девятнадцать-двадцать лет. Вряд ли они знали, куда и зачем летят, за кого и против кого их послали воевать, но ни один из них не заслужил т а к о й смерти!

И как бы в ответ на мысли и чувства Соболева его внутренняя вселенная сама собой соединилась с внешней, образовав канал связи с менталом и мгновенно изменив энергетическое состояние реципиента, переведя его на уровень, практически недоступный обыкновенному человеку. Правда, как оказалось, уровень этот был все же гораздо ниже того, который требовался для схватки с «монархом тьмы» на равных.

Видимо, Ельшин-Конкере был занят своими мыслями и решал какие-то иные задачи, не связанные с делами на Земле, потому что он не сразу отреагировал на изменение в поведении собеседника, которого не считал серьезным соперником. Для «гашения» обычного человека, по его мнению, достаточно было мысленного приказа: «Умри!» — чтобы сердце этого человека остановилось, но Матвей сумел блокировать приказ и даже ответить таким же, правда, в несколько ином диапазоне и с иной эмоциональной окраской. Его пси-ответ переводился бы как: «Сам сдохни, гад!»

Ельшин удивленно оглянулся, в свою очередь легко парировав удар, затем нахмурился, выбирая, каким образом лучше наказать наглеца, и в это время в спальне возник Тарас Горшин.

Волна оцепенения, накрывшая Матвея, отхлынула, вернулся пульс паранормального чувствования, а с ним появилась и способность психокинетического воздействия на предметы. Словно в подсознании открылась вдруг незаметная дверца, и суфлер, высунувшийся оттуда, шепнул актеру-Матвею заветную магическую фразу: «Сим повелеваю!»

Дальнейший поединок «монарха» с молодыми магами — если воспользоваться терминологией мифов и сказаний, почти адекватно отражающих точность термина для земных условий, проходил с применением пси-энергетических ударов в иновременье и частично в ином пространстве с другим количеством измерений. Закончился бой спустя десятую долю секунды по земному времени, хотя по впечатлениям Матвея длился он не меньше часа.

В результате не ожидавший отпора Конкере, базой которому служило обыкновенное человеческое тело генерала Ельшина, сковывающее его, как тесный костюм, отступил, мобилизуя резервы и перестраивая организм.

Матвей огляделся и не поверил глазам: от дачи не осталось камня на камне! Они стояли посреди развалин причудливых очертаний, словно в руинах инопланетного города, и ползли среди искривленных, сочащихся зеленым дымом столбов и стен полупрозрачные языки светящейся пыли, вспыхивающие голубыми и зелеными искрами.

Горшин воспользовался паузой, бросил Матвею в пси-диапазоне:

— Уходи!

— Я помогу.

— Уходи, дурак! Спасай свою Кристину. Кому ты будешь нужен, состарившись за минуту на полста лет?

— Я помогу, — упрямо повторил Матвей.

— Это моя проблема, и решать ее я буду сам. Беги!

И Матвей повиновался. За что потом себя возненавидел. Убежал он недалеко и тут же вернулся, но бой между «монархом тьмы» и Тарасом уже закончился. Конкере ответил на вызов, и даже человеку Внутреннего Круга, коим считал себя Горшин, не удалось отбить его атаку.

Когда Матвей глянул на то, во что превратилось тело Тараса, к горлу подступила тошнота. Пси-взрыв не потревожил только головы Горшина, остальное трансформировалось в кошмарную мешанину трех десятков живых существ, проросших друг в друге, и весь этот конгломерат еще жил, вздрагивал, копошился, царапал сам себя, расползался в разные стороны. Глаза Тараса были открыты, но ничего не видели. Губы шевельнулись, и Матвей услышал шепот:

— Она была... всегда свежа и приятна... и верна... и всегда неизменно добра... моя Елинава... лю-би-ма-я...

Шепот стих.

Матвей снизу вверх глянул на убийцу, не особенно удивившись тому, что Ельшиных стало двое: один в два раза выше другого. Конкере создал себе другую оболочку, освободив тело генерала, хотя и сохранил его облик.

— Будь ты проклят!

Псевдо-Ельшин только отмахнулся, и этот его небрежный жест мог прикончить Матвея, если бы в действие не вмешались силы, превосходящие мощь «монарха».

Кто-то прикрыл Соболева прозрачным колпаком пси-поля. Рядом возникли такие же прозрачные пузыри с фигурами внутри, лопнули, и взору представились трое людей. Двоих Матвей узнал сразу — это были инфарх и его спутница, приходившие к нему во снах. Одетые во все белое, они походили на библейских ангелов, разве что без крыльев. Мужчина производил впечатление скрытой мощи и мужественности, а женщина была молода и прекрасна.

«Монарх тьмы» стал таять, исчезать, распадаться на множество «капустных листьев», которые попытались охватить появившихся иерархов со всех сторон, однако сделать это не смогли. Всплеском пси-поля, который Матвей почувствовал как упавший на голову кирпич, иерархи остановили трансформацию Конкере. Женщина кивнула Матвею и нагнулась над телом Горшина, а мужчина постарше, инфарх, подошел к «монарху тьмы». Их спутник, с виду по молодости не уступавший Матвею, повернулся к нему, разглядывая лицо ганфайтера пронзительными, серыми, почти прозрачными глазами.

— Значит, вы и есть Матвей Соболев. Я представлял вас другим.

— А вы кто? — с трудом выговорил Матвей. Как всегда выход из состояния пси-резонанса сопровождался приступом слабости и больше всего в данный момент ему хотелось лечь и уснуть.

— Я декарх, — сказал прозрачноглазый незнакомец. — Хранитель десятой ступени Внутреннего Круга. В мои обязанности входит контроль границ запрещенных реальностей.

Матвей смотрел непонимающе, и декарх добавил с едва заметной улыбкой:

— Земля данной трансфузии входит в число запрещенных реальностей. Вселенная тоже иногда ошибается, порождая подобные аномалии.

— И кто же нас... нашу реальность... запретил?

— Закон. Однако на земной язык он непереводим, не существует даже приближенного понятия. Но этот Закон сработал по известной причине: из-за появления человека! Вернее, из-за расщепления его души на дьявола и ангела. Вселенная уже рождала подобных существ, в том числе и на Земле, и заканчивалась их эпоха вселенскими катастрофами.

— Вы говорите так... легко! Разве вы сами не человек?

— Чисто внешне. — Декарх тихо рассмеялся. — Но рожден я, как и вы, земной женщиной, в месте, которое вы называете Шамбалой, около трех тысяч лет назад. Поэтому я еще достаточно молод.

Матвей проглотил ком в горле, перевел взгляд на женщину, склонившуюся над тем, кто называл себя человеком Круга.

— Что с ним? Он... умер?

Декарх тоже посмотрел в ту сторону.

— Для данной реальности — да. Но мы постараемся, чтобы он прошел свой путь до конца в другой запрещенной реальности, несмотря на свои ошибки.

— Какие же ошибки он совершил?

— О, достаточно серьезные, чтобы мы перекрыли ему доступ к информации Круга.

— Например?

Декарх смерил Матвея взглядом, снова улыбнулся.

— Почему вас это интересует?

— Потому что он погиб и потому что я, возможно, изберу его путь.

— Ваш путь — ваша карма, ганфайтер. Что касается Горшина, то он нарушил много законов Круга, из-за чего и стал отступником. Например, он проигнорировал закон минимальных последствий, преступил закон ненасилия, отверг принцип недеяния, известный на Земле под названиями увэй и муго*, исповедуемый даосской философией. Кроме того он изначально не принял закона интеллектуальной чистоты, по которому мышление человека Круга не должно нести эмоциональной окраски.

— В чем же это выразилось?

— Он любил женщину Земли, и когда она погибла...

— От руки «монарха»?

— Можно сказать и так. После ее гибели он дал клятву отомстить, а месть несовместима с поиском и хранением истин.

Матвей криво усмехнулся.

— Тут у меня с ним полное совпадение взглядов. А как выглядит нарушение принципа недеяния в его исполнении?

— Создание организации под названием «Стопкрим», например. Или коррекция вашей псисферы.

Со стороны, где инфарх «беседовал» с укрощенным «монархом», раздался звонкий щелчок, будто выстрелил арбалет. Матвей напряг зрение, пытаясь разглядеть, что делают иерархи, но ничего особенного не увидел. Исполинская фигура Конкере колебалась, как облако дыма, и готова была растаять окончательно. Матвей кивнул на нее.

— Что вы с ним делаете?

— Ничего, — ответил декарх флегматично. — Если бы не деятельность незавершенного... я имею в виду Горшина, монарх никогда не послал бы своего эмиссара Конкере в запрещенную реальность, зная об ответственности.

— Так это... не «монарх»?! — Матвей был ошеломлен.

Декарх с любопытством глянул на него, покачал головой, но ответил без насмешки или пренебрежения.

— Конечно, нет. Монарх тьмы живет в иных реальностях или, как у вас принято говорить, в иных пространственно-временных континуумах. Даже появление его «призрака» — уже серьезное нарушение пси-экологии вашей вселенной, а уж если бы он появился здесь константно, как личность...

Еще один струнно-металлический щелчок прервал декарха.

---

* Увэй *(кит.)*, муго *(яп.)* — даосский принцип недеяния: действие, не мешающее естественному ходу событий, не является деянием.

Фигура Конкере исчезла. Инфарх спрятал что-то сверкающее в складки своего плаща, подошел к женщине, наклонившейся над Горшиным. Оба они склонились ниже и тут же разогнулись, повернулись к беседующим молодым людям. Между ними произошел мгновенный мысленный обмен, который Матвей все же уловил своим еще несовершенным «телепатическим приемником». Инфарх кивнул, а глаза женщины стали печальными. Они поняли, что решил Матвей, хотя сам он этого еще не знал.

— Прощайте, ганфайтер, — сказал декарх, протягивая Матвею руку. — Может, когда-нибудь свидимся.

— В другой жизни? — улыбнулся Матвей через силу.

— Зависит лишь от вас. Хотите совет?

— Валяйте. Хотя не уверен, что я ему последую.

— Высшие истины не достигаются кулаком и мечом. Сможете ли вы понять это?

— Не знаю. — Матвей метнул взгляд на Ельшина, который, похоже, приходил в себя. — Но этот человек не достоин жить ни в одном из миров, даже в запрещенной реальности.

Инфарх покачал головой.

— Вы не станете от этого счастливей, юноша. Даже если вы уничтожите всех главарей Купола, система останется жить, и на смену старым придут новые убийцы. До тех пор, пока человечество не изменится в корне. Но мы не можем осуждать ваши решения, пока вы еще не человек Круга. И станете ли им, неизвестно. Во всяком случае, даже я этого не знаю. Мы торопимся, прощайте.

Все трое сделали одинаковый жест — прижали ладонь к сердцу и исчезли. Вместе с ними исчезло и тело Тараса Горшина.

В центре странной архитектурной причуды, оставшейся от разрушенной дачи, стояли двое — Матвей Соболев и генерал Ельшин. И тот и другой знали, что произошло, только чувства у обоих были разными. И Матвей еще не решил, оставит ли главного босса Купола в живых.

— Где Крис? — тяжело спросил он.

Недалеко, в полукилометре, завыла милицейская сирена, ей отозвалась другая — это примчались машины МВД и Федеральной службы контрразведки. Ельшин огляделся, кусая губы, глянул на Матвея, взгляд его стал осмысленным и жестким. Матвей покачал головой:

— Конкере дисквалифицирован, генерал, и больше не придет на помощь. Сделка не состоялась, слишком много свидетелей. Это провал, босс. Предлагаю обмен: жизнь за жизнь. Жизнь твою за жизнь Кристины.

Ельшин выхватил из-под мышки пистолет — то ли «Волк», то ли суггестор «Удав», отступил, озираясь.

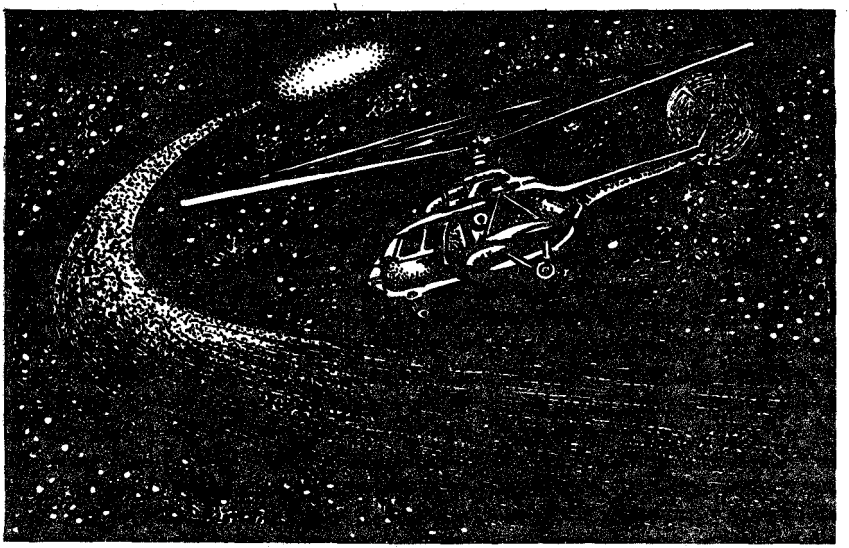
И Матвей с пронзительной ясностью осознал, что его путь «кулака и меча» в этой реальности не закончен. Да, иерархи Круга были правы: насилие всегда порождает ответное насилие, зло порождает зло, а боль — боль. Но пока добро бессильно, его надо защищать, давать отпор насилию и злу, и делать это легче профессиональному воину, а не комплексующему интеллектуалу. Но, может быть, я и не прав, подумал Матвей. Пусть даже я не прав, но своих друзей я в беде не оставлю! Кристина, отзовись, я иду за тобой!..

01.02.94 — Днепропетровск
24.02.94 — Переделкино

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР

Их подняли по тревоге в три часа ночи. Дивизион не стоял на готовности и от тревожного пульсирующего воя сирены отвык, хотя в последнее время тревоги были только учебными, а о настоящих действиях давно не говорили всерьез.

В кабине управления за несколько минут собрался почти весь офицерский состав дивизиона — дежурные офицеры плюс отдыхающая смена. Последним появился командир дивизиона, хмурый майор с уверенными движениями и темным взглядом исподлобья.

— Что слышно? — спросил он у командира радиотехнической батареи, сидевшего за пультом наведения. Экраны радаров светились, но были пусты.

— Объявлен поиск в секторе ноль — девяносто. «Соседи» сработали по цели, но как только перехватчики ушли в воздух — цель исчезла. Сели — цель появилась.

— Чушь какая-то!

— Я такого же мнения.

Комбат — майор, специалист своего дела со значком «мастера», — разговаривал и одновременно работал с пультом, поворачивая в указанном секторе радиолуч, то включая, то выключая шумоподавление, и тогда по экранам бежала неровная зеленая полоска засвета — дорожка отраженного от поверхности земли радиоэха.

Офицеры сосредоточенно смотрели на экраны, устроившись кто

на чем мог за спиной комбата. Командир дивизиона с минуту разглядывал мерцающие квадраты, потом надел наушники связи с оперативным центром. Ему уступили его собственное место у экрана-индикатора кругового обзора.

Некоторое время слышалось только ровное гудение высоковольтных распределителей за стенками кабины да команды комбата операторам наведения. Потом командир повернулся к пульту и негромко сказал:

— Переключи масштаб. Цель появилась на дальности где-то около двадцати пяти километров от нас, на границе сектора.

Комбат переключил масштаб экранов, довернул антенны, и почти сразу на экранах высветилось пятнышко, едва заметно сползающее вверх.

— Дальность двадцать четыре, — мгновенно отчеканил оператор. — Скорость шесть метров в секунду.

— Высота?

— Высота сто плюс-минус два метра.

— Может быть, вертолет? — предположил невысокий худощавый лейтенант, офицер наведения, чувствовавший себя неуютно из-за того, что у пульта вместо него сидит начальник.

— Размеры подходят, но на сплошной металл не похоже. Видишь засветку? Словно редкое облако пассивных помех, чуть ли не просвечивает...

— На запросы не отвечает, — буркнул комбат. — Запросите «соседей», обычным кодом они пробовали связаться?

— Пробовали, — кивнул командир. — Даже открытым текстом. Ноль внимания... Цель вижу, — сказал он громче, видимо, отвечая центру. — Идет со скоростью шесть, набирает высоту... есть... понял. На дальности двадцать... — Он выпрямился и быстро оглядел присутствующих. — Приказано на дальности двадцать километров произвести запуск «малыша».

«Малышом» называли ракетный снаряд с телепередатчиком на борту. Применялся он редко, так как скорость его была довольно невелика и передать информации при подлете к цели он успевал мало.

— Он сейчас почти над Малым Проломом, — сказал пожилой капитан, командир стартовой батареи. — Двадцать два километра.

— Внимание! — повысил голос майор. — Готовность к пуску полуминутная. Съемка?

— Камера готова.

— Пуск! — коротко скомандовал он, когда дальность до цели достигла двадцати километров.

Комбат нажал кнопку пуска, и недалеко от кабины раздался короткий грохот, дрогнула земля, передавая толчок кабине.

Над экранами наведения зажегся круглый белый глаз — включилась телекамера «малыша». На основных экранах было видно, как

маленькая яркая искорка быстро ползет к зеленому пятнышку. Доползла...

В белом круге мелькнула кружевная тень, и в то же мгновение в центре экранов разгорелась яркая лучистая звездочка. Одновременно погас и экран «малыша».

— Взорвался?! — в изумленной тишине воскликнул лейтенант.

Звездочка погасла. Черточка цели все так же находилась в центре экрана, правда, она увеличила скорость, поднимаясь в небо. Искорка «малыша» превратилась в постепенно гаснущее облачко свечения.

Командир уже докладывал о случившемся в центр, а в это время пятно цели разделилось на две черточки, одна из которых быстро ушла в небо и исчезла, а вторая начала снижаться, терять скорость, падая «за экран». Не доходя до поверхности земли, она вдруг вспыхнула и, оставляя на экране волнистый след, исчезла в полоске высвета местных предметов.

— Упала! — сказал взволнованный лейтенант. — Товарищ майор, разрешите съездить? Это ведь близко, пять-шесть километров...

Командир дивизиона выслушал тираду центра и, сказав короткое: «Понял», — снял наушники.

— Мы ближе всех. Пограничники предупреждены, но они далеко, пока приедут... Дивизион в ружье! Наряд и машину — к воротам! Выезд через три минуты. Ты останешься, — он положил руку на плечо комбата, — на всякий случай, если вторая цель вернется. Поищи в секторе, не найдешь — доложишь на КП. Дежурная смена остается на местах до отбоя готовности, остальные со мной.

Они стояли на опушке леса, недалеко от шоссе. Шел шестой час ночи, вернее, утра, накрапывал мелкий дождик, небо стало серым, мглистым. Ветер играл полами плащ-накидок и задувал брызги в лицо.

Несколько бледных столбиков света от ручных фонарей освещали широкую, но неглубокую свежую воронку, клочья мокрого вспаханного дерна, траву. В глубине воронки стоял плотный белый дым и не расходился, несмотря на ветер и дождь. Пахло чем-то горьким, как полынь, но все же не полынью: запах был незнакомый, неприятный...

— Никаких осколков, — доложил старший наряда, тенью возникнув из полутьмы. — Обшарили все вокруг на полкилометра. Сюда бы собак...

— Пограничники наверняка привезут. Только, мне кажется, и собаки не помогут.

— Почему?

— Слишком много таинственности. И ни одного осколка! Что же здесь тогда упало? Вы читали когда-нибудь о «летающих тарелках»?

— Конечно, — произнес лейтенант, откидывая капюшон и вытирая ладонью мокрое лицо. — Их чаще называют НЛО — неопознанными летающими объектами. Литературы на эту тему выпущено много.

— Сбить цель мы не могли, «малыш» не нес заряда, — пробормотал капитан. — Почему же она взорвалась?

— Кто — она? — прищурился командир, гася фонарик. — «Тарелка»? Не догадались взять пакеты? Надо было бы собрать образцы травы и почвы, для экспертов. И вызвать ученых, это их епархия.

— Тут какие-то следы, — позвал вдруг всех старший наряда. — Похожи на лошадиные и светятся.

Следы в самом деле были похожи на лошадиные, круглые, как блюдца, глубокие, и дно каждого следа — всего их отыскалось около полутора десятков — светилось призрачным зеленоватым светом. Кто-то огромный и тяжелый, как слон, но слон двуногий, потоптался у воронки и исчез, заранее посмеявшись над усилиями людей объяснить происшествие.

БЕРЕЗИН

Первым в Центре ему повстречался Гаршин, одетый, как на прием в посольстве. Вообще-то организация, в которой работал Березин, называлась длинно и неудобоваримо: Центр по изучению аномальных явлений природы при Академии наук России, но все работники называли его просто Центром.

— Привет, жаворонок. Не рано?

— А сам-то зачем заявился в такую рань? Да еще в светской униформе. Ты, часом, не перепутал утро с вечером? В таком костюме только с девушкой в ресторан идти.

Гаршин зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью.

— Злой ты, Березин, с утра, видимо, сон плохой приснился. А тебя разве не предупреждали, что сегодня к нам прибывает Теодор Слейтер? Со всеми вытекающими последствиями.

Березин смерил Гаршина взглядом. Он так и не научился определять, шутит Владислав или говорит серьезно. В отличие от него Гаршин был склонен к сдержанной насмешливости и тонкой иронии, и привыкнуть к его манерам мог далеко не каждый смертный.

— Пошли, не стоять же в коридоре.

В первой лаборатории отдела уже горел свет, а возле компьютерной панели возился Ивлев, начальник отдела, одетый в свою обычную кожаную куртку и джинсы. Березин покосился на Гаршина, но лицо Владислава осталось непроницаемым.

— Привет. — Ивлев прошелся по фигуре Березина критическим взглядом, и тот невольно втянул живот и расправил плечи. — Хорош, хорош. Слышали новость? Нолики появились на Алтае, недалеко от Бийска, деревня называется Малый Пролом. Красивое название, да? Кстати, у нас в гостях Слейтер. Надеюсь, слышали о таком.

Березин слышал. Доктор физико-математических наук, профессор Теодор Клиффорд Слейтер был директором аналогичной Центру организации в США, которая входила в состав Смитсонианского института и называлась: Центр изучения кратковременных стихийных процессов. Центр этот, как и Российский, делился на отделы и сектора: вулканологии, океанографии, физики атмосферы, и тому подобное. При нем же был организован и отдел по изучению УФО — неопознанных летающих объектов*, который негласно назывался институтом Хейнека — по имени ученого, организовавшего в начале шестидесятых годов комитет по изучению УФО. Отдел, в котором работал Березин под началом Ивлева, тоже занимался изучением УФО или НЛО — к последнему сокращению привыкли больше, хотя пользовались и ласковым уменьшительным названием неопознанных летающих объектов — нолики.

— Значит, поедем на Алтай?

— Не спеши, — усмехнулся Ивлев, — сначала закончи работу. Фигурой бог тебя не обидел, одет ты более или менее прилично, английским владеешь сносно, — начальник отдела глянул на часы, — вот и будешь представлять русскую науку... через полчаса.

— Спасибо за доверие, — сказал Березин, мрачнея.

Ивлев быстро взглянул на него своими яркими желтыми глазами и неожиданно мягко улыбнулся.

— Ладно, не сердись, Максим, я пошутил.

И Березин тут же повеселел, хотя и осердился скорее театрально, нежели всерьез. За что он уважал Ивлева, так это за умение ладить с людьми, гасить любые конфликты.

Внешность Ивлева описать легко. По мнению Березина, он на всех производил одинаковое впечатление: высокий, гибкий, бесшумный, в каждом движении сдержанная сила, лицо хищное, резкое, на котором выделяются удивительно яркие «тигриные» глаза, и добродушная полуулыбка...

— Красивый мужик, — как-то со вздохом признался Березину Гаршин, хотя ему-то грех было жаловаться: почти все девушки отдела были в него влюблены и млели от восторга, когда он заводил с ними разговор о балете или об искусстве йоги. Но Березин с ним согласился. Ивлев был красив особой, целеустремленной красотой,

---

* Аббревиатура английских слов: Unidentified fluing objects — неопознанные летающие объекты, НЛО.

он был гармоничен во всем и всегда, а это, по мнению Березина, было едва ли не главным в человеке. Может быть, он и впадал в крайность, так как, по замечанию Рудакова, а тот редко ошибался, склонен был к построению культа личности, но очень многие под влиянием характера Ивлева меняли свое мнение вопреки собственному желанию. Отсюда и Березин понял, почему Анна больше внимания обращала на начальника, а не на него. Не понимал только одного, почему сам Ивлев с Анной... ну, относился к ней так же, как к любой другой женщине. Может быть, именно это обстоятельство и подогревало надежду Березина, ибо надежда — последнее, что умирает в человеке.

— Ну, пошли, эксперты? — сказал с едва уловимой иронией Ивлев.

— Может, подождем Анну? — осторожно спросил Березин, решив, что ирония в голосе начальника отдела ему показалась. Но Ивлев в ответ только пожал плечами, а Гаршин усмехнулся, подмигивая. Березин уничтожил его взглядом и вышел, предоставив Владиславу право воскрешения без свидетелей.

Церемония знакомства длилась недолго: директор Центра Богаев и Ивлев встречались со Слейтером не первый раз, ему представили Гаршина и Березина, а им его и двух сотрудников Института уфологии, сопровождавших Слейтера в поездке. Приезд американцев не выходил за рамки совместной программы исследований НЛО, поэтому сразу же приступили к делу.

Кабинет Богаева был невелик, но уютен, четверо хозяев и трое гостей с удобствами расположились в креслах по сторонам изогнутого полумесяцем стола, с интересом разглядывая друг друга.

Ивлев держался свободно, с изяществом прирожденного дипломата, и, видимо, произвел впечатление на молодых коллег Слейтера, потому что они слушали его с гораздо большим вниманием, чем Богаева и самого профессора.

Слейтер сносно говорил по-русски, но через несколько минут перешли на английский, благо все в комнате владели им свободно.

— Господа, — сказал Слейтер после обязательных слов о погоде и здоровье окружающих. — Цель нашего визита состоит в следующем: загадками неопознанных летающих объектов мы занимаемся давно и накопили значительный статистический материал. Пора сомнений в существовании УФО, думаю, прошла для всех ученых, и для пессимистов и для скептиков. Не так ли?

Наши уфологи составили карты появлений УФО над территориями США, Канады, Мексики, акваториями Атлантического и Тихого океанов. Составляются карты для Африки, Южной Америки, Индийского океана. Нас главным образом интересует, сделано ли что-нибудь в этом направлении у вас?

После короткого молчания заговорил Богаев:

— Отдел по изучению НЛО у нас еще молод и невелик. До недавнего времени, вы знаете, в Центре была скорее инициативная группа в семь человек. Сейчас отдел насчитывает двадцать два человека.

Американцы переглянулись. Физиономистом Березин был слабым, но ему показалось, они были шокированы. Богаев тоже подметил их движение и быстро закончил:

— Но информации и у нас достаточно для определенных выводов. Более подробно о работе отдела расскажет начальник отдела Ивлев Игорь Тихонович.

Слейтер очевидно заметил смущение партнеров, снял узкие очки в невидимой оправе, подышал на них, аккуратно протер, водрузил на место и лишь после этого произнес:

— Извините моих коллег. Комитет уфологии Соединенных Штатов насчитывает более четырехсот сотрудников, поэтому, я думаю, вам будет понятна их неловкость.

Уколол-таки, подумал Березин, вежливо, культурно, но уколол. Что ж, масштабы нашей работы поменьше, но ведь и мы кое-что можем, ведь территория России — это Штаты плюс Мексика, а мы все-таки регулярно получаем информацию со всех ее точек. Автоматика тоже многое значит.

— За что же извинять? — хитро усмехнулся Богаев. — Важно то, что отдел работает, имеет совместную программу исследований с Академиями наук многих стран, да и со стороны ваших ученых нареканий на малую численность отдела ведь не было?

Слейтер растянул губы в улыбку, его сосед слева, веснушчатый парень в полосатом костюме, представленный, как кандидат медицинских наук, психолог, примерно одних лет с Березиным, негромко засмеялся. Второй ученый-уфолог, негр с довольно правильными чертами лица, в таких же очках, что и шеф, остался невозмутим.

— Мы получили предварительные данные для составления УФО-карт по своей территории, а так же территории стран Содружества и акватории Северного Ледовитого океана, — произнес Ивлев. — Хотя на крайнем севере сведения об УФО чрезвычайно скудны. В ближайшем будущем карты будут составлены и переданы международному координационному совету уфологов. С предварительной информацией на данном этапе этой работы мы можем познакомить.

Слейтер покивал круглой головой, на добродушном его лице ничего не отразилось.

— Нас интересуют также работы русских... — Веснушчатый кандидат наук достал откуда-то синюю папку (по традиции, что ли? Первый проект в США по изучению НЛО назывался «Синяя кни-

га») и открыл, — русских коллег по созданию автоматических станций наблюдения за УФО, их эффективности и отдаче.

— Пожалуй, это проще показать, чем рассказать, — спокойно сказал Ивлев. — Господин Березин, руководитель конструкторской группы, сделает это лучше, чем я. В свою очередь и у нас есть вопросы в адрес американских друзей.

— Да-да, — сказал Слейтер, — разумеется, но это, наверное, уже в рабочем порядке, если не возражаете. У нас много общих вопросов, достаточно узких и специальных, поэтому в предварительной встрече не стоит устраивать брэйнсторминг — мозговую атаку, — он засмеялся.

Березин с Гаршиным вежливо поулыбались, Ивлев корректно переждал смех и продолжил:

— Частота появлений неопознанных летающих объектов над различными районами земного шара неодинакова, что естественно вызывает интерес у специалистов, а каково мнение ваших ученых на этот счет?

— К сожалению, у нас нет единого мнения, — вклинился в разговор молчавший до сих пор негр. Голос у него был густой и сочный (как у протодьякона, подумал Березин, вспомнив прочитанное в детстве). — На равных существует несколько гипотез, одинаково уязвимых, четыре-пять из них заслуживают внимания. Наиболее серьезные, по моему мнению, такие: первая — частота появлений УФО наибольшая над месторождениями полезных ископаемых — очень интересная гипотеза, позволяющая надеяться на практическое использование явления УФО; вторая — УФО чаще всего появляются у наиболее загрязненных мест Земли. И третья — неопознанные летающие объекты скопляются там, где деятельность человека наиболее активна.

— И все три гипотезы, — подхватил Слейтер, по-отечески погрозив пальцем говорившему, — не подтверждаются полностью, стопроцентно. Впрочем, как и все тридцать три остальные, в большинстве случаев спекулятивные.

У Ивлева дрогнули губы и на лице промелькнула тень иронической усмешки, но так быстро, что Березин даже усомнился, было ли это на самом деле. Мимику начальника отдела он понимал далеко не всегда.

— Интересно и увлекательно. Если бы мы сами не занимались изучением УФО, я бы счел эти гипотезы сказочными экзерсисами.

— Вы считаете, что выдвигать гипотезы — несерьезно?

— Как раз очень серьезно, — улыбнулся Ивлев чуть грустной и одновременно извиняющей улыбкой. — Загадка УФО — это целый комплекс проблем, и каждая гипотеза может перерасти в теорию и... не отразить истины.

— Вы правы, — сказал Слейтер после некоторого молчания. —

УФО — крепкий орешек и заниматься ими следует основательно, хотя — не поймите меня превратно — мы не греческие экзегеты*, и тайна неопознанных летающих объектов представляет для нас чисто познавательный интерес. Надеюсь, мы, как всегда, найдем общий язык.

— Язык науки, — сказал Богаев торжественно. Такие штампованные фразы мог произносить, не смущаясь, только он.

Зануда, подумал Березин привычно.

На этом торжественный прием иностранных гостей и закончился. Богаев остался со Слейтером заканчивать официальную часть визита, а Ивлев повел американцев знакомиться с Центром, предварительно наказав Гаршину подготовить в отделе для показа кино-, теле- и фотоаппаратуру. Указанной аппаратурой и вообще всеми видами записывающей техники у них занималась группа регистрации в составе Рудакова и Губаренко, но они в данный момент находились в командировке, и Гаршину пришлось их замещать.

— Взаимовыгодное сотрудничество... — проворчал Березин Владиславу уже в коридоре. — Мы им информацию, они нам гипотезы.

— Брось, Максим, — нахмурился Гаршин. — Ты ведь на самом деле так не думаешь.

— Да, уж... — не нашелся Березин с ответом, смущенный не столько смыслом слов Гаршина, сколько интонацией его голоса.

— Чувствуешь, насколько солидно у них поставлено дело? — Он скривил лицо, хотел что-то добавить, но лишь качнул головой и вздохнул.

— А у нас разве плохо? — пробурчал Березин, уже открывая дверь своей лаборатории, и с порога встретил синий взгляд Анны.

— Потом поговорим, — сказал за дверью Гаршин, проходя к себе.

Его группа занимала соседнее помещение.

— Привет, шеф, — сказал, не отрываясь от монтажного стола, Дима Шилов. — Там девочки у Владислава разобрали почту, есть интересные находки. Зайди, посмотри.

Халат у аккуратного Димы был белоснежный, и весь его вид — чистый, опрятный, тщательно ухоженный, вызвал у Березина улыбку. Дима во всем был рационалистом до мозга костей, считая, что любопытство — тягчайший порок, за который надо карать отстранением от научной и исследовательской работы. Однако новости он ухитрялся узнавать одним из первых.

— Дима, — сказал Березин. — Сейчас к нам прибудут гости, и ты покажешь им нашу АСН и расскажешь принципы работы.

— Следует, наверное, показать уже отработанную модель? — не удивляясь, уточнил Дима.

---

* Экзегеты — толкователи оракулов, позднее богословы-схоласты, толкователи библейских текстов.

Березин его понял. Конечно, они покажут старую модель автоматической станции наблюдения за НЛО, уже зарекомендовавшую себя отличной работой.

— Что-то серьезное, Максим? — спросила наконец Анна.

— Ничего, — ответил Березин. — Американцы, в рамках координационного совета. Ну что, продолжим настройку? Вчера вечером, ложась спать, я наткнулся на идею...

ГАРШИН

На следующий день Владислав с утра занимался демонстрацией документальных фильмов, запечатлевших НЛО в разных ситуациях, показывал гостям машинный зал центра, потом компьютерный отсек отдела, который занимала гордость Ивлева — электронно-вычислительная машина «Рось-2000», знакомил ученых с программой статистической обработки поступавшей со всех концов страны информации.

Информационный центр на гостей не произвел особого впечатления, но сеть станций наблюдения, охватившая практически всю Федерацию, поразила воображение. Гаршин посмеивался в душе, наблюдая, как апломб новых знакомых постепенно исчезает, уступая место удивлению и одобрению.

Потом гостями завладел Березин, увел в свою лабораторию, откуда они ушли не скоро. У Максима тоже было что показать, к тому же в его группе работала Анна.

После обеда Ивлев и Богаев поехали с американскими учеными в Академию наук, а через полчаса после их отъезда вернулся из командировки Рудаков. Как обычно он был невозмутим, и на широком добродушном лице его не дрогнула ни одна черточка, когда Гаршин неторопливо сообщал ему новости.

— Ой, Миша приехал! — обрадовалась Лена Лисовская, толкая серьезную Веронику Круглову. Жанна Аркадьевна работала за персоналкой и только улыбнулась, кивнув сухонькой головкой.

— Садись, — предложил Гаршин. — А где мистер Губаренко?

— Спасибо, я к себе, — сказал Рудаков. — У вас тут шумновато. А Губаренко в Осколе, там в девятой АСН передатчик барахлит.

— Ой, останься, — попросила Лена Лисовская, краснея. Это было ее тайным страданием — краснеть по любому поводу и без оного, все в отделе знали об этом, и единственным человеком, позволявшим себе шутки в сторону Лены по этому поводу, был ее брат Герман.

— Расскажи что-нибудь, Миша. Что привез, какие новости? Видел нолики?

— Не нолики, а неопознанные летающие объекты, — строго ска-

зала Жанна Аркадьевна, не признававшая фамильярного отношения к объекту ее работы.

— Видел, — сказал Рудаков. — Можно, я потом расскажу? Это долгая история.

— Можно, можно. — Жанна Аркадьевна решительно сменила дискету в компьютере. — Вероника, принеси блок дискет, и распечатку прихвати. Леночка, на линии Хабаровск, дай справку.

— Ну вот, всегда так... — Девушки неохотно вернулись к работе.

— Пошли, зайдем к Максиму, — сказал Гаршин. — Он тебя ждал с нетерпением. Как-никак, искатель — его детище.

Они вышли из наполненного гудением, стрекотом и писками зала в белый тихий коридор. Дверь в лабораторию Березина была приоткрыта, из-за двери доносилась тихая музыка.

Сам Максим колупался во внутренностях новой модели АСН, Дима Шилов что-то яростно паял, Анна за столом склонилась над листом ватмана. Увидев Рудакова, она обрадовалась не меньше Лены Лисовской.

— Миша, ну наконец-то!

И хотя в ее радости звенели только дружественные нотки, наблюдательный Гаршин все же заметил мгновенный взгляд Березина, в котором был вопрос.

«Дорого бы дал Максим, чтобы услышать восклицание: Макс, ну наконец-то!» — подумал Гаршин.

Рудаков распаковал чемодан, достал оттуда в самодельном чехле искатель и положил на монтажный стол. Потом стал вынимать какие-то свертки, пакеты, кассеты и рассовывать по всем шкафам, столам и стойкам: расположение оборудования в лаборатории Березина он знал отлично.

Последним он достал из чемодана невероятной красоты каменный окатыш, отполированный водами Байкала, и вручил Анне.

— Это тебе. По заказу Максима. Лазурит.

— Спасибо, — тихо сказала та, принимая подарок, и удивленно и обрадованно глянула на Березина.

Максим искоса посмотрел на Анну, легкая краска легла на его щеки, но он сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— Лазурит... — пробормотал Гаршин, рассматривая переливы синих и голубых вкраплений на камне. — С рук, небось, купил?

— Обижаешь, начальник.

Рудаков, покончив с таинственной сортировкой, поколебавшись, сел за роскошный диван, предмет гордости лаборатории. Где его откопал Березин — диван был выполнен в стиле барокко лет сто назад, — одному Богу известно.

— Теперь он будет сутки сидеть на диване, тупо смотреть в одну точку и мучительно вспоминать, где был и что делал, — резюмировал Гаршин.

— Владислав, — сердито сказала Анна, но Рудаков с каменным выражением лица только посмотрел на Гаршина сквозь прищур век и ничего не сказал. Характер у Михаила был невероятно сдержанный, ко всему на свете он относился ровно и спокойно и завоевал симпатии даже у строгой Жанны Аркадьевны по прозванию — Жанна д'Арк, что, кстати, тоже не обошлось без помощи Гаршина. Владислава же лично Рудаков поразил не своим спокойствием, а тем, что мог пошутить в ответ так умело, тонко и метко, что не смеяться шутке было невозможно. К сожалению, происходило это редко, Рудаков был молчуном. К жутким же выпадам Гаршина, которых поначалу пугались все в отделе, пока не разобрались, что за этим стоит взаимопонимание, он относился так же хладнокровно, как глухой к выстрелам.

— Рассказывай, Миша, — жалобно попросила Анна. — Дима, выключи магнитофон.

— Разве можно отказывать женщине, дорогой? — заметил Гаршин с «кавказским» акцентом. — Да еще т а к о й женщине?!

И хотя Гаршин шутил, ему тоже не терпелось узнать, что же нового привез Михаил. Все сотрудники отдела бывали в командировках не раз, в основном, как регулировщики автоматических станций, спеша уже по следам событий: то АСН засекли в атмосфере быстро перемещающиеся шары, то кто-то видел неизвестное светящееся тело, то где-то сел на воду или на землю необычной формы аппарат, то разразилась локальная электромагнитная буря... Редко такие путешествия заканчивались официальным утверждением феномена, «узакониванием» собранной информации, особенно устного характера — со слов очевидцев. Но были и удачи: любопытные фотографии НЛО, записи шумов и помех при их пролете судовой и исследовательской аппаратурой, и даже любительский кинофильм, снятый участниками одной из археологических экспедиций в Крыму.

Из всех сотрудников отдела лишь одному Рудакову посчастливилось дважды лично наблюдать неопознанные летающие объекты, и не только наблюдать, но и мастерски сфотографировать. Может быть, и на этот раз ему повезло?

— Искатель ваш работает, — сказал Рудаков, искоса посмотрев на Березина. — Но чувствительность слабовата, около двух километров. А обычные локаторы ловят НЛО...

— За десятки километров, знаю. Зато и ловят они обычные НЛО, — задиристо ответил Березин. — Мы же хотим видеть все, вплоть до «исчезающих призраков». А что, неужто встретил?

— Не без того, — вздохнул Рудаков точно так же, как и в комнате Гаршина. — Братья, может, подождем начальника все-таки? Не хочется два раза рассказывать одно и то же.

— Ох и толстокожий ты, Рудаков, — сказал Гаршин, отвернув ослепительно белый манжет рубашки, чтобы взглянуть на часы. Ли-

цо его приобрело обычное снисходительно-внимательное выражение. — В таком разе я вас покидаю.

— Подожди, Владислав, — сказал Березин. — Моя разведка доносит, что к вам с почтой поступила любопытная информация. Не будет ли джинн так любезен...

— Будет, будет, мог бы и покороче, — усмехнулся Гаршин. — Любопытная информация пришла из Карелии. Пост воздушного наблюдения над Соль-озером засек и даже заснял НЛО. Кстати, наших станций там нет, не исключено, что новую модель Ивлев решит испытать именно там. Или на Алтае... или в любом другом месте. Чао, уфологи.

С этими словами Гаршин покинул уютную лабораторию Березина. За Рудакова он «не беспокоился»; если тот сразу не поделился впечатлениями поездки, то упрашивать его бесполезно. Михаил был упрям, как носорог, а Гаршин не видел в этом особых достоинств, так как сам был уступчив и знал цену выражению: «Упрям — хоть кол на голове теши». Особенно это относилось к оппонентам его прошлых работ, ибо в последнее время новых работ у него не было, и слава растущего физика-теоретика его покинула.

Нет, тему свою, которую вел в ФИАНе — раздел общей теории поля под названием «Теория преобразования энергии», — он не бросил, просто работу в отделе изучения неопознанных летающих объектов он считал случайным эпизодом. А в отделе он оказался по умело аргументированной просьбе Ивлева. Тот при встрече сказал, что в движении НЛО много такого, что заставляет задуматься именно над иным принципом преобразования энергии. И он загорелся, согласился, черт его дернул!.. Да, Ивлев умеет убеждать, этого у него не отнимешь. А что вышло на деле? Кинограмм, фотографий, записей — вагон, выводов — нуль! И не видно даже просвета в стене фактов, через который удалось бы разглядеть хотя бы контуры новой теории. Эйнштейн незыблем, как сама истина, хотя и есть в его теории поля вопросы, которые он просто обошел. Впрочем, замахиваться на авторитеты модно, если бы еще и польза от этого была...

Гаршин зашел в свой сектор, поговорил с освободившейся Жанной Аркадьевной, выслушал ее жалобы на увеличение объема заказов — хотя ЭВМ «Рось-2000» и считалась собственностью отдела, но она обслуживала почти весь Центр, а это, по мнению Жанны Аркадьевны, был непорядок, потому что именно в этом она усматривала причину столь долгих поисков решения загадки НЛО.

— Что поделаешь, — улыбнулся Гаршин, — если мы еще не выросли за рамки статистических сводок об НЛО. Вот когда будет теория происхождения неопознанных летающих объектов, тогда...

— Теория теорией, а заказы растут, — сердито ответствовала Жанна д'Арк, вздергивая остренький носик. — Герман из машины не вылезает, сутками блоки меняет, настраивает...

— Вот здесь вы правы. — Гаршин взял Жанну Аркадьевну под локоть. — Персоналу у нас маловато, но — будет, обещаю.

В конце концов кончилось тем, что он передал власть до конца дня Герману Лисовскому и уехал в Физический институт.

Важно не потерять мысль, думал он, оглядываясь на строгое здание Центра, перед тем, как сесть в такси. Можно забыть формулу, забыть цифровые данные, условия задачи и прочее, но главное — не потерять мысль, которую подарил мне Ивлев, сам не подозревая об этом. Скорость любого материального тела не может изменяться мгновенно, причем, на порядок, закон инерции есть закон. Но ведь НЛО наращивают скорость движения именно так — мгновенным скачком. Что если это следствие в р е м е н н о г о скачка?! Сдвиг во времени — скачок в пространстве! Что и говорить, мысль великолепная! Такую можно и по миру пустить. Подкину ее Гладышеву и Белецкому, они членкоры, они мохом старых успехов еще не обросли. Ай да я! Сдвиг во времени — скачок в пространстве... Подставим в формулу поля тензор временного изменения и...

— Куда везти? — спросил шофер.

— В простран... в ФИАН, — поправился Гаршин. — Левоповоротный проспект, двенадцать.

РУДАКОВ

Когда кубик селектора пригласил его в кабинет начальника, он вздохнул с облегчением, хотя, наверное, со стороны никто бы этого не заметил.

В кабинете собрались руководители групп, ожидавшие очередного заседания «клуба кинопутешествий», как называл эти мероприятия сам же Рудаков. Кабинет был как кабинет: стол с селектором видеотелефоном и телефаксом, стулья у стен, стойка АСН в углу, магнитофон и телевизор, встроенные в стену, книжный шкаф... Но Рудаков почему-то всегда чувствовал себя в нем неуютно. Нет-нет, ничего неопределенного, только неясное предчувствие необычности, печать таинственности, эфемерная и неуловимая... Может быть, виной тому была их собственная деятельность, связанная с загадочностью неопознанных летающих объектов? Или в кабинете Ивлева сильнее чувствуется его интеллектуальное превосходство, постоянное давление которого Рудаков чувствовал везде и во всем?

— А ведь я ему завидую, — подумал он, проходя к свободному стулу. И черта с два разберешь, черная это зависть или белая. Что это, следствие комплекса неполноценности? Раньше, вроде, я его у себя не замечал...

— Откуда уныние в нашем клубе веселых и находчивых? — спросил Ивлев, быстро пробежав глазами по лицам сидящих. —

Скоро повеселеете, обещаю. Сегодняшняя оперативка внеочередная, во-первых, потому что приехали американцы из института Хейнека; думаю, все уже в курсе событий. Ну, и приехал из командировки Михаил с кучей новостей, затрагивающих всех. Начинай, Миша.

Рудаков покосился на подмигивающего ему Гаршина и проговорил:

— Задание у меня было самое обычное — сменить пленку двух АСН, одна из которых стоит возле Баргузина, на Байкале, вторая на лесоповале у поселка Березовое, Красноярского края. Ну, и забрать записи приборов, если таковые имеются, а также снять наш искатель...

— Говорил бы сразу о главном, — вставил Тихонов, руководитель группы технической подготовки, критически относящийся ко всем докладчикам.

— А я не умею сразу, — отрезал Рудаков. — У Байкала ничего интересного АСН не обнаружила, есть кое-какие записи, но фотопленка чиста, значит, визуального обнаружения НЛО не было. А вот у Березовского лесопункта... Во-первых, там метеостанция, во-вторых, группа метеорного патруля — телескоп, радиолокатор и прочее; и есть очевидцы оттуда и оттуда. Самое интересное, что аппаратура АСН не включалась, а вот искатель Березинский сработал. Правда, гораздо позже, чем очевидцы заметили шар, в пределах трех километров.

— Чувствительность слабовата, — сказал Ивлев, — но это исправимо. Важен сам факт — искатель работает. Направление работы понятно, Максим?

— Куда уж понятней, — сказал Березин.

Ивлев встал, быстро прошел к селектору, нажал клавишу и произнес:

— Семеныч, как только появится директор — дай знать.

Возвращаться не стал, сел за свой стол (двигался он стремительно, но скупо и точно), и Рудаков снова позавидовал ему, так как сам двигался с грацией медведя и ловким никогда не был. К тому же Ивлев превзошел его еще в одном качестве: он мог сидеть и слушать собеседника абсолютно неподвижно, как каменный, оставив позади даже невозмутимость самого Рудакова, признанного «мастера» в данной области.

— Продолжай, — кивнул Ивлев.

— Ну, а потом, собственно, и произошла встреча... Пленку я проявил еще там, а фотографии сделаю завтра, отдохну и сделаю. Ну, как это было? Вечером второго дня...

В Балахту, районный центр Красноярской губернии Рудаков и Губаренко прилетели из Красноярска семнадцатого мая в три часа

утра. Их уже ждали — мальчишка-шофер и сопровождающий из геологоразведки, и Рудаков в душе поблагодарил Тихонова и его подчиненных: группа технической подготовки знала свое дело, и еще ни разу у командированных не было задержки ни с транспортом, ни с гостиницами, ни с организацией любого рода помощи со стороны официальных руководителей на местах.

Сопровождающие без лишних расспросов доставили экспертов Центра в местное управление геологоразведки, откуда они в семь утра, так и не поспав и не узнав ничего толком, отправились на вездеходе к месту установки автоматической станции наблюдения за НЛО.

Вездеход был на воздушной подушке, за городом водитель дал полный газ, и полсотни километров до поселка Березовое, возле которого на сопке, рядом с метеостанцией стоял миникомплекс АСН, они преодолели всего за полчаса.

Под Березовым вдоль дороги пошли сплошные вырубки, в основном старые, поросшие кедровым молодняком и кустарником. Рузаев, глядя на голые пространства, усеянные пнями, которых не мог скрыть даже многолетний кустарник, с грустью подумал, что тайга в местах порубки уже никогда не восстановит своей былой красы. Здесь даже леса не будет приличного — ивовый подлесок да кустарниковая ольха, а кедровые сосны и ель, составляющие основное богатство края, растут медленно, веками... Даже если рубить лес с умом, следует помнить, что природа на это не рассчитывала.

На метеостанции их встретил молодой, светловолосый и светлоглазый парень, соединявший в одном лице начальника и обслуживающий персонал. Парня звали Костей, работал он на станции недавно, «отбывал срок» стажировки, по его словам, будучи студентом Санкт-Петербургского гидрометеорологического института.

— Вашей аппаратуры я не касался, — сказал он, кивая на полускрытую оборудованием метеостанции круглую будочку за сетчатой оградой, стоявшую особняком на самом краю обрывистого склона сопки. — Говорят, там сплошная кошмарная автоматика, интегральные схемы и все такое прочее...

— Так оно и есть, — сказал угрюмый Губаренко, за дорогу не сказавший ни слова. Немногословие помощника импонировало Рудакову, и это его молчаливое одобрение сближало их больше, чем уверения в симпатиях.

— Извините за любопытство, но за два месяца отрыва от цивилизации невольно становишься навязчивым.

— Ничего, все нормально. Иди, открой, — сказал Рудаков помощнику и снова повернулся к метеорологу. — Костя, вы не замечали, включалась ли аппаратура нашей станции?

— По-моему, да, один раз, причем вчера вечером. Я как раз готовил сводку в своем жилище, когда вдруг что-то сверкнуло в окне

и загудело. Я выскочил — над будкой антенна ворочается. Поворачалась и утихла. Вот и все. Антенна — это локатор, наверно? Правильно?

— Локатор.

— А луч...

— Это лазер. Больше ничего не заметили?

— Да вроде нет. Лазер... да, с размахом работаете, — с уважением сказал Костя. — В общем, как закончите дела, приходите, у меня и переночевать место найдется. А вечером можно в поселок сходить, всего три километра. Моя станция, — он улыбнулся, — тоже не без автоматики.

Рудаков поблагодарил словоохотливого метеоролога и обошел будку, в которой уже скрылся Губаренко. Под сопкой, в теснине миниатюрного ущелья бежала такая же миниатюрная прозрачная речка. Оттуда доносился журчащий плеск и волнами накатывала свежесть.

Хорошее место, подумал Рудаков, обводя глазами горизонт. Сопочник, тайга... здесь она похоже еще нетронутая. Пожить бы в таком уголке с месяц, с детьми. А что, может, устроить когда-нибудь такую семейную экспедицию?

— Алексеич, — приглушенно окликнул Рудакова из будки Губаренко. — Иди-ка сюда. Есть запись-то...

К вечеру они проверили функционирование систем станции, протестировали ее компьютер и сменили пленку в регистрационной аппаратуре. Губаренко к тому же откалибровал сельсины на антенне локатора и провел контроль синхронного включения теле- и фотокамер и лазера. По сути дела, задание было выполнено, но Рудаков с молчаливого согласия напарника решил отправиться в обратный путь утром, вечер же и ночь провести в компании с метеорологом, вобрать в себя «прану» тайги.

А около десяти часов вечера, когда Рудаков, прищелкнув к объективу портативной своей камеры инфраоптическую насадку, снимал ночной пейзаж, вновь сработала автоматика АСН.

Выскочившие из домика Губаренко и Костя увидели сначала рубиновую нить лазера, хлестнувшую беззвездное хмурое небо, потом разглядели на штабеле досок силуэт Рудакова с камерой.

— Фотоаппарат!— крикнул он, не оборачиваясь.

Губаренко сбегал за фотоаппаратом, и вовремя. Из-за вершины ближайшей сопки, поросшей кедрачом, выскользнули вдруг две светящиеся полупрозрачные полусферы и на бреющем полете пошли наискосок к речке. В этот момент снова сверкнул лучик лазерного щупа, коснулся одной из полусфер, и странные объекты мгновенно прыгнули метров на сто вверх, не тормозя и не останавливаясь. Секунду они продолжали движение по вертикали, потом остановились, словно раздумывая в нерешительности, что делать дальше, и разом

метнулись к метеостанции, нацеливаясь, как показалось Губаренко, прямо на застывшего с кинокамерой Рудакова.

Полет полусфер был легок, бесшумен и стремителен. Казалось, сейчас они ударят в упорного человека с камерой, разнесут АСН, сметут с пути домик метеостанции, и Губаренко, падая, даже крикнул сгоряча:

— Ложись, Миша!

Но в последнее мгновение полусферы свечой пошли в небо, перпендикулярно к прежнему направлению, будто для них не существовала инерция и законы тяготения, и растворились в черноте неба.

Рудаков перестал снимать только тогда, как кончилась кассета. Опустив камеру, он стоял и смотрел вслед исчезнувшим «тарелкам», и в душе у него пели фанфары и били барабаны: успели! Не верится, что такое возможно. Не слишком ли часто фортуна поворачивается ко мне лицом? Что я их — притягиваю, что ли? Третья встреча с НЛО... как нарочно подстроено... как будто они только того и ждут, чтобы я их заснял на пленку...

Сзади зашуршали шаги, и раздался восхищенный голос метеоролога:

— Ну и нервы у тебя, дядя! Везет же людям! Да и мне тоже, а?

— Это точно, — хладнокровно сказал Рудаков, взвешивая в руке камеру. — Ну как, Леша, предчувствие — великая вещь? Давайка посмотрим березинский искатель, авось, обрадуем и Максима.

— Давай, — ответил невидимый Губаренко унылым тоном, словно не он минуту назад волновался за товарища...

Ивлев провел рукой по лицу, на котором застыла странная гримаса не то ожидания, не то недоверия, и встал.

— Понятно. Тебе, Михаил, придется, наверное, сделать фотографии сегодня, они понадобятся как иллюстрации наших успехов. Может быть, это и дипломатия, но пусть уж американцы посмотрят на нашу работу с уважением. Хотя, с другой стороны, институт Хейнека, конечно, фирма.

Рудаков пожал плечами.

— Наша фирма не хуже. Сделаю.

— Ты, Максим, займись искателем. Надеюсь, сам найдешь решение. Чувствительность в два-три километра — дрянь, конечно. Потом обсудим схему в рабочем порядке.

Березин промолчал, зато Гаршин заметил:

— У меня есть кое-какие теоретические соображения, Игорь Тихонович, по математической модели движения НЛО. По-моему, получается нечто любопытное.

— Останешься и обговорим. Так, что еще? Что у тебя, Паша?

Кнежич, руководитель группы средств связи с НЛО, смущаясь, заворочался на стуле. Лысина его покрылась испариной.

— Тяжело, Игорь Тихонович, — наконец, сказал он под общий смех.

— Ну что ж, — смеясь, проговорил Ивлев, — я понял. Ко всем: завтра меня не будет, поэтому работаете, как всегда, от звонка до звонка.

Это он намекал на то, что в свободное от командировок и прочих путешествий время они работали не по нормативам — приходили раньше и уходили гораздо позже.

— По всем вопросам административного характера обращаться к Тихонову. Вопросы есть?

Есть, подумал Рудаков, но вслух ничего не сказал. Ему вдруг показалось диким несоответствие повседневной рутинной работы, всех этих совещаний, оперативок, теоретических споров, научных советов и так далее, с загадочностью неопознанных летающих объектов, с волнующей таинственностью их существования и постоянства равнодушия к людям, к их попыткам изучения и контакта. Что же они на самом деле? Пресловутые пришельцы? Гости из параллельных или перпендикулярных пространств? Секретное оружие одного из государств? Что? Или — кто?..

БЕРЕЗИН

К сожалению Березина, Ивлев на Алтай послал одного Рудакова, а в Карелию поехал сам, и тоже без сопровождающих.

АСН все еще не была готова, и сотрудники лаборатории, поделившись разочарованием, решили до приезда начальника довести станцию до ума, чтобы при любом удобном случае выехать с ней по первому требованию.

В пятницу Березин задержался в лаборатории, чтобы в одиночестве, в идеальных условиях, — вся информация находилась под рукой, то есть, по необходимости выводилась на дисплей персонального компьютера, связывающего информарий статистической группы со всеми лабораториями других институтов, — поразмышлять «за жизнь» вообще и, в частности, над причинами явного нежелания ноликов контактировать с людьми, раскрыть свою тайну, хотя, конечно, задумывался над этим не раз и раньше.

Березин не надеялся сделать великое открытие, прозреть после долгого бдения и размышлений, несмотря на то, что фактов для этого, казалось бы, знал предостаточно. До него многие умы пытались найти причины столь странного поведения НЛО и вообще появления их над Землей, но безуспешно. Нет, гипотез, конечно, было предостаточно, существовали даже серьезные теоретические разработки

серьезных ученых, но все они были однотипны и не давали уверенности в истинности утверждений.

Собственно, они, специалисты (в официальном табеле о рангах их называли экспертами-уфологами), относили к НЛО определенную группу объектов, то есть те объекты, которые действительно нельзя было опознать, сравнить с естественными аналогами типа птиц, роев насекомых, облаков, воздушных вихрей, видимых на экранах радаров. Под неопознанными летающими объектами они имели в виду те и только те объекты, поведение которых не укладывалось ни в какие рамки «естественности», такие, как шары-прыгуны, скачущие призраки Нансай-Шото, кольца Витта и другие. Все они наблюдались визуально и были описаны, многие сфотографированы, но главное — все они отражались на экранах локаторов, а причина отражения радиоволн всегда реальна. И материальна. Таким образом были реальными и «призраки», хотя они и не становились от этого менее загадочными.

Чем не занимались эксперты Центра, так это изучением и контактами с «зелеными человечками», якобы пилотами НЛО, которых «видело» множество людей. Максим ни одного из «зеленых», равно как и другого цвета, пришельцев не видел, в них не верил и считал правильной реакцию руководства Центра, а также Ивлева, на «свидетельства» очевидцев.

Он включил магнитофон, выбрал мелодию с медленным ритмом и уселся перед экраном компьютера.

Ивлев сказал как-то, что НЛО — это тайна века, замаскированная шелухой сенсаций, раздутых слухов, косностью видных ученых и фантазией обывателей, желающих нагреть руки на общественном интересе. И, просматривая материалы об НЛО, Березин понял, насколько тот был прав.

Впервые о странных летающих предметах, как о реальных явлениях, упоминалось еще в русских летописях одиннадцатого века (предания, былины, легенды, библия и героический эпос народов мира в расчет не брались, эта информация была практически недоказуемой). Упоминались неопознанные летающие объекты и в исторических хрониках семнадцатого и восемнадцатого веков, в записках знаменитых путешественников прошлого: Марко Поло, Уильяма Дрейка, Колумба, Семена Дежнева и других.

Но двадцатый век оказался самым «счастливым» на пришествие НЛО. Загадочные светящиеся фигуры упоминаются в секретных документах Первой мировой и Великой Отечественной войн, армада «летающих тарелок» в тысяча девятьсот пятьдесят втором году объявилась над Вашингтоном, потом над Индианополисом и многими другими городами США, Франции, Японии, Болгарии, Польши и так далее. В семидесятых годах очевидцев встреч с НЛО стало так много, что за дело взялись крупные ученые и военные, и бум «зеленых человечков» начал постепенно стихать. Но интерес к необыч-

ным явлениям в атмосфере Земли не погас. Для профессионалов он подогревался действительными событиями, зафиксированными множеством способов от магнитозаписи с экранов локаторов до лазерного зондирования, как это было во время полетов пилотируемых космических кораблей вокруг Земли и к Луне.

Диапазон скоростей НЛО — от нуля до десятков километров в секунду — заставлял предполагать, что они движутся в слое искусственно создаваемой плазмы, что в общем-то уже не казалось удивительным: земная наука вплотную подошла к решению этой задачи для своих летательных аппаратов. Кстати, именно слой плазмы (пока это не более, чем предположение) и делает многие НЛО недоступными для визуального наблюдения. Но вот то, что они могли практически мгновенно изменять траекторию движения при огромных скоростях на девяносто и все сто восемьдесят градусов, говорило о победе над инерцией, а может быть, и над тяготением. А скорее всего и над тем, и над другим. Даже Владислав Гаршин, будучи физиком-теоретиком и продолжая работу над теорией преобразования энергии, был бессилен объяснить принципы движения НЛО языком формул.

Включив свет — стемнело, — Березин прошелся по лаборатории, поглядывая то на развороченный искатель, то на пустой экран, потом наугад набрал шифр, и по экрану побежала лаконичная запись события, сделанная когда-то военным летчиком:

9.22. Тревога! В воздухе неопознанная цель!

9.24. Стартую. Выхожу на глиссаду атаки, ведет «земля». Скорость две сто, видимость нулевая — облачность.

9.26. Вышел «над солнцем», высота пятнадцать. «Земля» передает — цель в тридцати километрах, около сорока секунд полета. Увеличиваю скорость. В радаре всплеск.

9.27. Экран «забит» помехами, полагаюсь только на целеуказания. За километр до цели вижу по курсу оранжевое пятнышко. Пробую связь. Сплошной треск. Подпустив на сто метров, шар прыгает по вертикали, пропуская машину.

9.29. Возвращаюсь. Шар уходит на юго-запад, постепенно опускаясь к облачному слою. Пытаюсь догнать. Скорость две пятьсот... семьсот... три сто... Шар все так же впереди. На скорости в четыре «М» форма объекта меняется: шар сплющивается в диск.

9.31. Цель прыгает по перпендикуляру влево. От перегрузки теряю сознание.

9.32. Цель видна туманным пятнышком на фоне белой кипени облаков. Команды на открытие огня нет. Пытаюсь достать, форсируя двигатель.

9.34. Не доходя до облачного слоя цель исчезает. Экран пуст, помех нет.

9.37. Команда «на посадку».

Березин вздохнул, переключая файл. Он и так чуть ли не наи-

зусть помнил записи всех встреч с НЛО в воздухе. Теперь на экране — записи встреч на море. Пространная запись, сделанная журналистами со слов очевидца, капитана подводной лодки «Сахалин». Фотографии. Пленка магнитозаписи сопровождаемых НЛО шумов.

Встреча произошла в Северном Ледовитом океане, возле острова Рудольфа (архипелаг Земли Франца-Иосифа). Локаторы засекли идущие встречным курсом «точки», по мощности отраженного сигнала похожие на самолеты. На всякий случай сыграли боевую тревогу: лодка шла в надводном положении. Непонятные «точки» прошлись над лодкой, видимые только на экранах радаров — наблюдатели сначала их не видели, потом вернулись, идя лесенкой, пять «точек» одна над другой. Лодка изменила курс. Объекты снизились до полусотни метров над уровнем океана и разом «проявились». От шаров и обычных «тарелок» НЛО в них ничего не было — плоские треугольники. Лодка описала циркуляцию, запрашивая объекты по радио, но трое из них тут же ушли по вертикали в небо, а оставшиеся упали в воду и скрылись. Некоторое время гидроакустики слышали шумы, характерные для погружения аквалангистов, но вскоре шумы стихли...

И еще десятки подобных записей и фотографий, сделанных летчиками, моряками, геологами, туристами, астрономами, космонавтами. Сообщения разнились по форме, месту действия, по отношению к объекту исследования, но все они сходились в одном: НЛО избегали непосредственных контактов с людьми, позволяя себя фотографировать, преследовать, изучать на расстоянии. Не позволяли только одного: нападать. Все подобные случаи, происшедшие как за рубежом, так и в странах Содружества, кончались трагически: «охотники» взрывались в самолетах или пропадали без вести.

Нет, НЛО не новое явление электромагнитного характера, подумал Березин, есть и такие гипотезы. Аппараты? Вероятно. Или мы все чего-то не видим за всеми странностями событий с ними?

Собственно, чего ради я остался сегодня в лаборатории? В сущность НЛО не проникнуть путем абстрактных рассуждений. Хотел поразить Ивлева сумасшедшей идеей? Хотя, стоп! Не надо слишком глубоко уходить в самоанализ. Это полезно лишь в малых дозах.

Выключив компьютер совсем, Максим походил по лаборатории, трогая пальцем приборы, потом подошел к магнитофону и включил запись звуковых шумов, сопровождающих — редкий случай — полет НЛО.

Комнату заполнил тихий переливчатый свист, шорох, вздохи ветра и странные звуки, похожие на звонкую капель...

В понедельник он едва не опоздал на работу: сначала проспал, потом долго не ходили троллейбусы, потом вспомнилось, что ключ

остался в двери — в общем, все к одному. По дороге продолжал размышлять над словами Гаршина, который в отсутствие Ивлева высказался весьма определенно о результативности исследований отдела. Кое в чем он был прав, конечно, признался сам себе Березин. Отдел был невелик, и практический выход от их изысканий пока равнялся воробьиному носу. С институтом Хейнека или французским SLEPS (Общество по изучению космических явлений) сравнивать их еще нельзя, триста-четыреста человек и задачи решают помасштабней и цели, наверное, у них посерьезней. Но ведь отдел только начал работать по НЛО, до этого в Академии наук никто не придавал особого значения проблеме, никто даже не воспринимал ее всерьез, не говоря уже о систематическом изучении. А за год с небольшим работы отдел собрал информации больше, чем инициаторы-одиночки и любительские группы за прошедшие полсотни лет! В стране создана сеть АСН — автоматических станций наблюдения за НЛО, — намного облегчившая сбор информации, а приданная отделу быстродействующая ЭВМ — ее обработку. И плюс ко всему, работники отдела, как энтузиасты и великие оптимисты, закаленные перестройками общества, верили, что работа их полезна и перспективна, что когда-нибудь в коридорах Центра на них станут смотреть с благоговением и перестанут за глаза и в глаза называть «любителями посуды» и «тарелочными диссертантами» — НЛО до недавнего времени называли летающими тарелками и даже летающими блюдцами...

Так что зря Владислав в субботу затеял этот разговор, подумал Березин. Или затеял его нарочно, дабы проверить крепость их моральных устоев? Он любит психологические эксперименты, недаром подруга у него преподает в университете социальную психологию.

Березин замедлил шаг, сворачивая на проспект Вернадского. Вспомнилось, что Ивлев обещал новую разработку — излучатель. Как он там говорил? Излучатель СВЧ-пакета... Это же Максимова область — квантовая электроника. Ивлев его потому и вытянул из Томского института сильноточной электроники, где он работал по распределению над созданием приборов СВЧ-диапазона. Правда, Березин отлично понял Ивлева, отобравшего для работы в отделе незаурядных людей. Анна, например, работала раньше начальником лаборатории в объединении Белэлектроника, то есть вообще в другой стране, имела ряд опубликованных работ по созданию больших интегральных микросхем. Гаршин до Центра работал в физическом институте Академии наук, имел степень кандидата физико-математических наук. Кнежич тоже был кандидатом, только технических наук, как и Березин, но специалистом в области автоматизаций производственных процессов. Лишь Рудаков был в их среде инженером без степени, зато Михаил принадлежал к людям, владевшим кроме основной профессии — прибориста-ремонтника — еще ты-

сячью других, донельзя нужных в их деле. Кроме того, руки у него были действительно золотые.

Максим уже вбегал по ступенькам в здание Центра, когда прозвенел звонок, означающий начало рабочего дня. Знакомый вахтер (кибер-пропускная система то и дело ломалась) сочувственно покачал головой, и Максим, не задерживаясь в коридорах, проскочил в сектор отдела.

В лаборатории царил обычный порядок. Дима Шилов уже залез во внутренности искателя с ультразвуковой насадкой, Анна готовила к работе блок контроля АСН.

— Тебя уже вызывал шеф, — сказала она в ответ на его «доброе утро, леди и джентльмены». Березин немного сник, но, подумав, решил, что речь пойдет не о чувствительности искателя или доводке АСН. Ивлев не повторяет дважды ни распоряжения, ни пояснения. Скорее всего он даст новое задание, ведь говорил же он об излучателе не ради шутки.

В кабинете начальника уже сидел Кнежич и разглядывал вычерченную на ватмане схему. На Березина он не обратил внимания, а Ивлев, ответив на приветствие, кивком указал на стул и сказал:

— Вот вам задачка посложней, чем все прежние. Посмотри, потом обсудим и решим, кому ей заниматься. Критиковать схему не разрешаю, ибо она отмоделирована на компах АН.

Минут пять Березин разглядывал схему и все больше убеждался, что чертил ее гений. Или сумасшедший. А так как Максим был уверен, что разрабатывал ее уважаемый шеф, то скорее стоило признаться в своей некомпетентности, нежели в его сумасшествии.

С первого взгляда, конечно, Березин смог разобраться лишь в общих закономерностях схемы, схемы излучателя, сердцем которого была многорезонаторная система, возбуждающая волны субмиллиметрового диапазона, и вот тут-то он совсем обалдел! Таких сложных систем ему видеть еще не приходилось. Излучатель должен был, по мысли разработчика, излучать сложнейшие пакеты высших гармоник электромагнитного поля в пикосекундных интервалах, да еще сфазированных неким определенным образом.

Нет, рассказывать о схеме, все равно, что объяснять слепому, какой цвет имеет небо. Березину не хватило бы красноречия, чтобы описать ее красоту и стройность. Она была неотразимо логична, выразительна, и он уже видел за тонкими линиями чертежа сам аппарат!

Наверное, он выглядел достаточно ошеломленным, как и Кнежич, впрочем, потому что Ивлев засмеялся, свернул лист ватмана в рулон и убрал в шкаф.

— По лицам вижу, что вам не терпится узнать — что, зачем и откуда? Итак, первое — что. Максиму сия область ближе, он уже работал с СВЧ-приборами. Это генератор ультравысоких частот маг-

нетронного типа, шкалу волн вы видели на схеме. Теперь — зачем. Хочу проверить оригинальную гипотезу, по которой НЛО движутся в создаваемых ими зонах с иным течением времени. Владислав уже схватился за эту мысль и строит свою теорию. Ну, а начнет, наверное, Максим.

— Извини, — сказал Березин сдержанно, — тут и сомнений быть не может, но у меня возник вопрос: мы что — будем облучать НЛО? Что это нам даст?

— Это уже целых два вопроса. — Ивлев сощурил вспыхнувшие глаза, ставшие вдруг янтарными. — Как известно, НЛО не реагируют ни на радиозапросы, ни на лазерный луч, ни на ухищрения нашего уважаемого Павла Франциевича (Кнежич страдальчески вздохнул), перебравшего массу вариантов связи. А вдруг они нас просто не слышат?

— Угу, — промычал Березин, стараясь не встречаться взглядом с Ивлевым. — А СВЧ-крик этого излучателя, стало быть, услышат?

— Утверждать не берусь, но будем надеяться.

Березин был разочарован до того, что перестал следить за своим лицом, и Ивлев очевидно, понял, о чем он думает. Начальник улыбнулся:

— Не заглядывай в далекое будущее, Максим, кто знает, на что станут реагировать НЛО. А излучатель не прост, изготовить его сложно, просчитать рабочие параметры будет нелегко. Я даже думаю, что одним нам не справиться.

Оптимизма это Березину не прибавило, но зато он понял, что Ивлев на них надеется, в частности, на него, и Максим не хотел убивать в начальнике эту надежду. К тому же ему показалось, что Ивлев в чем-то неискренен, чего-то не договаривает, и хотя анализировать разговор он не стал, все же мысль надолго запала в душу. Осталась маленькая надежда, что в ходе работы над излучателем Березин сам разберется в его особенностях, и тогда станет понятным то, о чем умолчал Ивлев. А может быть, он сам хотел, чтобы Максим разобрался во всем без подсказки? Ведь он видел, что Березин остался недоволен его объяснением цели создания излучателя. В самом деле, зачем разрабатывать столь сложный аппарат для связи с НЛО? Если бы они захотели, они бы сами связались с людьми гораздо более простым и доступным способом. Что может быть, например, проще радиосвязи? Или, наконец, звуковой? А излучатель... уж не в о з д е й с т в о в а т ь ли на НЛО собирался Ивлев? Хотя, с другой стороны, мощность будущего аппарата не столь велика, чтобы воздействовать, а с третьей — кто его знает. Сбить их пытались, ничего не вышло, вот и все воздействия. Единственное, за что можно зацепиться, так это за самостоятельные крушения НЛО. Отчего они произошли, что им сопутствовало? Может, и Ивлев исходил из этого? Кстати, не забыть бы спросить, разобрались ли

химики с теми осколками, которые им предоставили очевидцы крушения НЛО в качестве остатков разбитой «тарелки»?

Березин уже давно ушел из кабинета и работал в лаборатории, удивляя Анну рассеянностью и глухотой, а взбудораженное «серое вещество» все продолжало вить цепочку размышлений, добавляя все больше звеньев фантазии, и в конце концов он понял, отчего люди становятся шизофрениками — от чересчур развитой фантазии, берущей верх над реальностью. Если он не перестанет... и все же не может быть, чтобы в его рассуждениях не было рационального зерна.

В этот день он так и не смог заняться излучателем, хотя Ивлев сам занес ему рулон со схемой. Сначала Рудаков показал всем кадры, снятые им под Красноярском на метеостанции, и Березин не мог не признать, что ему, да и всем им, невероятно повезло! Снимки были отличными, особенно последние — падение НЛО на метеостанцию, и даже Ивлев, редко высказывавшийся о качестве их работы, сказал, что это редкая удача, когда исключительность события соединяется с подготовленностью специалиста. Рудаков был, наверное, польщен, хотя и остался невозмутим, как Будда.

Группе Гаршина прибавилось работы, и Владислав ушел, унося всё привезенное Михаилом — фотоснимки, пленку, записи приборов.

Чтобы удостовериться, что заснятые ими объекты относятся к категории неопознанных, Тихонов (это его обязанность) соединился с воинскими частями округа, а также с научными центрами Красноярского края и получил подтверждение того, что объекты не связаны ни с одним из упомянутых учреждений. Кроме того, пост воздушного наблюдения под Балахтой прислал отчет, из которого следовало, что аппаратура поста зафиксировала примерно в это же время удаляющиеся тела, похожие по параметрам на сфотографированные Рудаковым. Ошибки быть не могло: Михаил и Губаренко оказались свидетелями появления неопознанных летающих объектов в классическом виде.

После ухода Гаршина Березин с сотрудниками у себя в лаборатории подолгу рассматривали заинтересовавшие их кадры, пока сам Рудаков не убрал проектор и не отобрал слайды. Дубликаты они все же себе оставили.

Потом Анна с Димой принялись за сборку искателя, похожего на рупор старинного громкоговорителя, а Максим налег на доводку сердца автоматической станции наблюдения — блока питания. Продумывая варианты тестов, он вспоминал, как три месяца назад отдел начинал создавать искатель. К тому времени они уже достаточно хорошо разобрались в спектре излучения НЛО, чтобы приняться за разработку фиксирующего излучения прибора. О том, что НЛО являются источниками электромагнитного излучения определенных

частот, догадывались и до них; при появлении «тарелок» часто нарушалась радиосвязь, происходили утечки электроэнергии на линиях высокого напряжения, останавливались на дорогах автомашины — все разом, будто у них одновременно отказывали свечи зажигания, переставали работать навигационные приборы морских кораблей, отказывала электронная аппаратура самолетов; но только эксперты отдела после непосредственных измерений сумели определить диапазоны частот и прочие характеристики излучения и принялись за прибор обнаружения — искатель. Прибор нужен был портативный; современные радиолокаторы, к сожалению, в чемодан не спрячешь, а для них, экспертов, это было крайне желательно.

— Искатель тем более необходим, — сказал тогда Ивлев, — что существуют невидимые глазу НЛО, «призраки», о которых мы не знаем почти ничего, кроме факта их обнаружения радарами. В довершение всего и видимые НЛО видимы относительно — очень короткое время...

К концу дня лаборатория добилась кое-каких успехов. Березин опробовал блок питания станции и нашел, что он работает в пределах нормы. Анна с Димой закончили проверку искателя и запихнули его в корпус.

— Молодец, — сказала Анна Диме, устало снимая халат и улыбаясь своей удивительной улыбкой, за которую Березин пошел бы на костер, лишь бы она предназначалась ему. — Из тебя будет толк и еще маленькая толкучка, как говорит Миша Рудаков.

Дима слегка покраснел, поймав взгляд Максима, и серьезно ответил:

— Спасибо. На сегодня все, Максим Тарасович?

— Все, — сказал Березин. — Претензий не имею.

Дима ушел, не забыв вежливо попрощаться, а Анна направила на Березина раструб искателя и шутливо пригрозила:

— Кончай работу, Макс, и сдавайся в плен. Теперь я с помощью техники запросто могу запеленговать шумы твоего нагретого мозга.

— Лучше бы ты направила его под сердце, — полушутливо-полуугрюмо сказал Березин. — Своим искрением оно забивает все шумы мозга. Хотя это-то можно видеть и без прибора.

Березиным вдруг овладела безумная смелость, то ли из-за усталости, то ли они впервые оставались одни в лаборатории, что создало иллюзию близости.

— Я сегодня обнаружил у себя ужасную силу воли, — продолжал он, не глядя на медлившую уходить Анну. — В течение дня я тысячу раз сдерживал себя, чтобы не признаться тебе в любви.

— И не выдержал все-таки, — улыбнулась Анна, приняв шутливый тон. — Не торопи события, Макс, не все так просто, как ты себе представляешь. — Глаза девушки стали печальными.

Пошутил, называется, подумал Березин, испортил человеку настроение, идиот. Как будто Анна не поняла, что я не шутил. Хотя в каждой шутке есть доля шутки. И шутил ли я, вот вопрос? Но что она хотела сказать этим «не торопи события»? Что у меня есть шанс? Или я не ухватил настоящего смысла фразы? Черт!.. Вряд ли удастся изменить ситуацию, разбить наш почти классический треугольник. В чем же дело? Почему Ивлев не замечает заинтересованности Анны? Ведь стоит ему сказать ей одно слово «пойдем», — и Анна пойдет за ним на край света. И это будет только справедливо, не более того, потому что они, говоря литературным штампом, созданы друг для друга.

Березин вздохнул. Он каждый день с тоской наблюдал, какими глазами смотрит на Ивлева Анна, оценивая каждое его движение, каждое слово.

— Не вешай носа, Макс, — сказала Анна на пороге. — Ты сегодня в разговоре упомянул графа Монте-Кристо, так вот, если помнишь, у него был девиз. Вспомнил? До завтра. Не забудь выключить питание и закрыть лабораторию, милый мой начальник группы.

И она ушла. А Березин остался сидеть с таким ощущением, будто в лоб ему сходу загнали топор. И не от слов «милый мой»... А от того, что девиз у графа Монте-Кристо был... всего два слова: «Ждать и надеяться». Ждать и... надеяться! Бог ты мой! Что она хотела этим сказать?! Что он может надеяться на ее любовь? Невероятно! Как же тогда объяснить ее интерес к Ивлеву?..

Вечером к нему зашел сосед, полковник в отставке Сергей Филиппович Рудый. Сухой, поджарый, коричневый от загара — словно только с побережья Крыма, он казался лет на двадцать моложе своих шестидесяти семи. Разговаривать с ним было истинное удовольствие, но в этот вечер настроение у Березина наличествовало паршивое и выглядел он, наверное, не слишком приветливым.

— Здорово, — сказал, входя, как всегда, без звонка и стука, Рудый. Одет он был в роскошный халат с крокодилами и лианами — умопомрачительный тропический пейзаж, в руке газета.

— Читал? В Атлантике взорвался и затонул голландский танкер «Йоганнесбург». Более сотни тысяч тонн нефти разлилось по воде! Каково?!

— Представляю, — вяло произнес Березин. — Интересно, кому он ее вез? Украине, что ли? Ее президент до сих пор ищет нефть в Днепровских порогах. Садись, Филиппыч!

Рудый хмыкнул, бросил газету на стол и сел в кресло, выбирая, как всегда, самое уютное — мамино.

— Ни черта ты не представляешь. Это же бедствие почище не-

которых вулканов! Эх, аукнется это нам когда-нибудь... Кстати, ты честно скажи, твои... эти... ненаблюдаемые объекты...

— Неопознанные, — улыбнулся Березин. — Неопознанные летающие объекты — НЛО. Не издевайся, Филиппыч.

— Все одно. Не они ли виноваты? А то здесь пишут, что летчики-спасатели вроде бы гонялись за какими-то шариками.

— Где? — Березин схватил газету и быстро пробежал глазами коротенькую заметку о катастрофе в океане и встрече спасательных самолетов с неизвестными светящимися телами, по форме близкими к шару.

— Убедился? — усмехнулся Рудый, наблюдая за ним. — Сколько мы книжек написали — очищайте природу, берегите, перестраивайте природу, сохраняйте моря и леса... Да разве в этом проблема? Проблема — как очистить и перестроить самого человека, чтобы он не пакостил, не губил эту самую природу! Написать легко — сохраняйте, мол, — выполнять трудно. — Рудый махнул рукой и взъерошил ежиком редкую серебристую поросль на голове.

— Ну ты даешь, Филиппыч, — пробормотал Березин, включая телевизор. — Социолог прямо, ксенопсихолог... — И добавил, не подумав:— Тебя-то разве это касается?

Рудого вынесло из кресла, он энергично, но беззвучно произнес понятную фразу и, обернувшись на пороге, сказал:

— Лопух ты, Максим, ум у тебя крен в одну сторону дал — к технике, и ни хрена ты за ею не видишь. Думаешь, почему ты до сих пор не женился? Да потому, что в научный век и бабы поумнели, заметили в тебе слабину — и все, считай, бобыль... Думаешь, ежели я на пенсии, так мне и дела ни до чего нет? Шалишь, Тарасыч, я еще живой..

Дверь закрылась, и Березин остался сидеть, глядя за окно в сгущающиеся сумерки. Второй раз за этот день его бьют, и, кажется, за дело. Сидел он так довольно долго, думал о Рудом, продолжавшем жить и на заслуженном отдыхе не личными интересами, а интересами других людей, не потерявшем энергии и задора молодости — Березин знал, что Рудый в соседней школе обучает младшеклассников рукопашному бою, является председателем отделения Общества охраны памятников, читает в городском лектории лекции по истории русского военного костюма; думал об Анне, их странных отношениях, полных намеков; об Ивлеве, о техническом прогрессе человечества, намного опередившем прогресс социальный, думал о себе, своем месте в отделе, о своих целях и неудачах... и наконец подвел итог невеселым своим размышлениям: первое — не надо создавать в себе культа хандры; второе — человек — средоточие звуков; третье — самое абсолютное в человеке — желудок! Что касается хандры, то прав Рудый — нехорошо, когда здоровый мужик выставляет напоказ свои переживания, хотя Березин в общем-то и старался не

выставлять, ибо не переносил сочувствия. Что касается звуков, то и в этом Рудый справедлив: прежде, чем сказать, надо подумать — истина хоть и избитая, но верная, ибо владеть языком — не одно и то же, что владеть собой. Ну, а с третьим пунктом своих выводов Березин был согласен на все триста процентов, так как сформулировал его под давлением собственного желудка.

Пришлось идти на кухню и соображать ужин.

Виталька пришел в одиннадцать часов, странно задумчивый для своих двадцати студенческих лет. Березин лежал на диване, слушал «Драгонс» и листал подшивку журналов «Техника-молодежи» за тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Одновременно он продолжал размышлять над газетной заметкой о потонувшем танкере и появлении в том районе НЛО, что показывает явный интерес «тарелочек» к подобного рода явлениям.

— Не спишь?— пробурчал брат, включая воду в ванной.

— По-моему нет. Ты чего хмурый? С Олей поссорился? Или сопромат завалил?

Виталий, не отвечая, скрылся в ванной. Через пятнадцать минут он пришел в комнату и, с яростным наслаждением растирая тело махровым полотенцем, произнес:

— Не люблю красивых женщин. История учит, что красивая женщина — это в основном голод любви, жажда самовыражения и неоправданные надежды.

Сказав это, он ушел спать, а Березин, обалдев, смотрел ему вслед.

Жажда самовыражения... и неоправданные надежды... Вот вам и теория, господа преподаватели... сопромат, так сказать. Едва ли он сам придумал формулу, хотя парень он неглупый. Но теперь хоть ясно, что он снова поссорился с Олей. Ничего, помирятся, Оля не только красивая девочка, она еще и умница, довольно редкое сочетание полюсных качеств женщины. Им с братом просто повезло, что у Виталия есть Оля, а у Максима Анна. Правда, к Березину-старшему это относится более, чем фигурально. Выключив магнитофон, Березин еще немного полежал и решил пойти к Рудому, помириться, а заодно и поделиться плодами размышлений и новостями, ложился полковник всегда поздно.

КРИК В НОЧИ

В среду двадцать восьмого июня в Центр пришла телеграмма, утверждавшая, во-первых, что на Камчатке вновь заговорил вулкан Карымский; во-вторых, вулканологи, постоянно наблюдавшие за группой Камчатских вулканов, видали в районе Карымского странные летающие объекты, что подтверждают и радиолокационные посты восточного побережья полуострова.

Ивлев немедленно заказал телефонный разговор с Горноводском, под которым стоял базовый лагерь Петропавловского Института вулканологии, и отправился оформлять командировки.

А через три часа с небольшим они уже мчались на аэровокзал: Ивлев, Анна, Максим Березин и Рудаков.

Для Рудакова срочная командировка никогда не была неожиданностью, хотя он и удивился, что в заурядную в общем-то поездку Ивлев посылает столько специалистов сразу; по его мнению, хватило бы и одного человека. Но вслух своих сомнений он высказывать не стал, всегда и во всем придерживаясь правила Леца: «Употребляйте все большее число слов во все меньших количествах».

При посадке в самолет Рудаков предложил было Анне помочь поднести саквояж, но встретил укоризненно-ревнивый взгляд Березина и вовремя прикусил язык. О чувствах Максима к девушке он знал давно, относился к нему с уважением и не без интереса следил за их отношениями, с виду деловитыми и ровными, как у всех. Ивлев, главный виновник создавшейся ситуации, строго держался нейтральной линии, линии полнейшего равнодушия, и это слегка забавляло Рудакова, считавшего, что начальник отдела просто выдерживает критерий хорошего руководителя, ибо Анна действительно была интересной женщиной.

В Петропавловск-Камчатский они прилетели в десять вечера по местному времени. За восемь часов полета Рудаков неплохо выспался и, выходя из салона ИЛ-96, почувствовал себя отдохнувшим и полным сил.

В аэропорту Петропавловска Ивлев оставил их в транзитном зале и скрылся, посоветовав пока перекусить в буфете. На сей раз проблемой доставки и транспорта приходилось заниматься на месте, обычно же этим занимался Тихонов прямо из Центра.

Березин и Анна, оставив на попечение невозмутимого Рудакова сумки и аппаратуру, пошли искать буфет. Соседями Рудакова по скуке ожидания оказались молодые ребята, судя по форме — спортсмены, и он приметил двоих из них, горящим взглядом проводивших Анну. Очень не понравились ему ни сами спортсмены, ни их кривые улыбки, и Рудаков решил не терять их из виду, собираясь при первом случае предупредить Максима. Тот не настолько горяч, чтобы затевать ссору, но уж если придется... От природы Березин был очень неплохо одарен физически, к тому же Рудаков знал, что Березин в свое время служил в десантных войсках, а это дает подготовку — будь здоров!

Спортсмены ушли куда-то, и мысли Рудакова свернули в иное русло.

Березин уверенно направился в конец зала, где, как он и ожидал, оказался буфет.

— Постоим? — спросил он, окидывая взглядом очередь, довольно длинную для столь позднего часа.

— А что нам остается? — пожала плечиками Анна. — Как ты думаешь, мы увидим что-нибудь?

Березин понял, что она имела в виду НЛО.

— Вулкан мы увидим точно, — пообещал он, почти в открытую любуясь ею.

Одета она была несколько легкомысленно для командировки — в легкий сарафан, открывающий длинные стройные ноги, и в паутинку-кофточку. Высокая, смуглая... волна волос, перехваченная на затылке серебристой лентой — красивее женщины Березин не знал и не хотел знать. За то, чтобы она всегда, вот так, как сейчас, стояла рядом, вплотную, касаясь плечом его плеча, Березин спокойно отдал бы всего себя, сразу или по капле, но без остатка. Жизнь его без этой женщины была бы пресной, серой, скучной, неудавшейся.

Анна заметила его взгляд и... не отодвинулась. Только легкая тень задумчивости легла на ее точеное лицо.

— В тебе одной —
Все женщины Земли.
В тебе одной —
Глаза их, слезы, губы,
И нежность,
И рождения...
и сны,

— произнес Березин мысленно, надеясь произнести это когда-нибудь вслух. И тут он заметил двух подошедших молодых людей в спортивных куртках, бесцеремонно разглядывающих Анну.

— Девушка, — сказал один из них, черноволосый красавец с огненным взглядом. — Переходите в нашу компанию. Ребята мы веселые, с нами не соскучишься. Кстати, как вас зовут? О, можете не отвечать, вас зовут Грация и вы — одна из трех богинь красоты.

Анна удостоила говорившего брезгливой гримасой — ненавидела запах винного перегара даже в самом малом количестве — и отвернулась.

— Нас игнорируют, — сказал второй хрипловато. — И зря. Неужто мы такие страшные, а, Бибо?

— Они хотят есть, — сказал чернявый эрудит понимающим тоном. — У них легкое головокружение. Федя, обслужим девушку без очереди?

На Березина они не обращали никакого внимания, а такое подчеркнутое пренебрежение его всегда задевало, потому что не заметить «полтора метра плеч», как однажды выразился Гаршин, нельзя.

Чернявый оригинал попытался положить руку Анне на талию, и Березин вынужден был вмешаться. Он очень вежливо взял бойкого спортсмена за руку и мгновенным движением вывернул так, что тот

присел, не имея возможности двинуться с места. Руку второго Березин поймал в движении тем же манером и повел их, в полуприседе, к выходу из зала, на ходу укоризненно приговаривая:

— Ребята вы веселые, спору нет, но если девушка не желает знакомиться, то усердствовать не надо, у нее уже есть провожатые и в импорте она не нуждается.

Парни, видимо, почувствовали силу и профессиональную хватку провожатого, и, хотя на них обратил внимание почти весь зал, бузу поднимать не стали, пообещав на прощание встретиться в другом месте.

— Напрасно ты с ними так, — покачала головой Анна, когда они съели по бутерброду и запили кофе. — Я и сама могу постоять за себя.

— Не напрасно, — хмуро возразил Березин. — Так быстрей и надежней. Если бы я начал их уговаривать... знаешь, слово за слово...

— А если бы они стали драться?

— Я бы их просто покалечил, — темнея, ответил Березин. — И так остановился на минимуме. Не выношу хамства, тем более...

Он замолчал и закашлялся, делая вид, что захлебнулся кофе.

— Извини.

Анна улыбнулась. Она все поняла, она, наверное, понимала Максима, даже когда он сам себя не понимал, и в душе Березина расцвело майское дерево. В душе он уже поклялся не говорить ничего лишнего. «Ждать и надеяться...»— вот теперь его девиз, и выбора нет.

Когда они вернулись к Рудакову, читавшему местную прессу, Березина неприятно поразило соседство недавних знакомых, но он сделал вид, что не заметил повышенного внимания с их стороны к своей персоне. Анна, перехватив его взгляд, взяла свою сумку и ушла переодеваться. Через десять минут она появилась в походном костюме: в джинсах и куртке, не потеряв, по мнению Березина, ни на йоту своей прелести.

Вернувшийся Ивлев коротко сообщил, что их ждет машина, мужчины подхватили вещи и поспешили вниз, к выходу из аэропорта.

— Шеф чем-то озабочен, — пробормотал Рудаков, перекидывая через плечо ремень кинокамеры.

Березин ничего такого не заметил, но у Михаила был верный глаз, и он ему поверил, хотя и не придал словам особого значения.

Ивлев повел их через скверик, разбитый перед зданием аэропорта, в слабоосвещенное пространство автобусных остановок. Но не успели они пройти скверик, как в конце аллеи появились три тени, потом погодя еще одна. Послышался смех и ругань. Все четверо стали поперек дороги, не пропуская группу экспертов. Шедший впереди Ивлев остановился и спросил, не оборачиваясь:

— Кто это?

— Я не знаю, — виновато ответил Березин, ставя сумку на землю. — Они не совсем вежливо знакомились с Анной... не все, вон те двое, в центре.

— Максим ни при чем, — быстро проговорила Анна. — Это я виновата. Давайте лучше вернемся, ребята.

Березин шагнул вперед.

— Игорь Тихонович, разреши я с ними поговорю? Их ведь всего четверо.

— До поножовщины? — резко сказал Ивлев. — А ну, пошли все вместе, плотней, Анна в середине.

Они сдвинулись тесней и пошли прямо на озадаченных подобным приемом парней. Рудаков на всякий случай поудобней перехватил в правой руке ремень кинокамеры, а Березин вообще освободил левую руку, которой владел не хуже, чем правой. Но все обошлось, четверо молча расступились в стороны, и лишь спустя минуту в спины уходящим раздался смех и выкрики почувствовавших уверенность парней.

Березин споткнулся, оглядываясь, но Ивлев сказал: «Не останавливайся», — и он послушался, только зло буркнул:

— Вой шакалов.

— К сожалению, — вздохнул философски Рудаков, — переход высшего и даже среднего образования в культуру долог и мучителен, в чем мы и убеждаемся на практике.

Анна засмеялась с видимым облегчением, а Ивлев вдруг проговорил странным тоном:

— Природа повторяется. Везде одно и то же: период роста цивилизации, действительно мучительный период, всегда сопровождается борьбой ума и добра с низостью и свинством. И не все цивилизации завершают социальную стадию эволюции...

Что он имел в виду, Березин не понял, да и занят был другим, но Анна посмотрела на Ивлева пристально и вопрошающе.

Вскоре они подошли к машине — военному «уазику», старшим в которой был хмурый лейтенант со значком специалиста второго класса на груди.

— Сейчас в часть, — пояснил Ивлев, рассаживая их в кабине, — а утром нас подбросят на вертолете прямо к базовому лагерю. Ну, а там посмотрим.

— А далеко ехать? — спросил Рудаков сонно.

— Сорок минут, — ответил лейтенант, с которого при виде Анны слетела вся его хмурость. — Около пятидесяти километров. Я думал, меня послали по меньшей мере за полковником... никак не ожидал штатских. Вы не по части техники, ребята? Не доработчики?

— Отчасти по части, — пробормотал Рудаков.

Лейтенант понял и больше не возобновлял разговора.

Ивлев, как нарочно, посадил Березина рядом с Анной. «Уазик» неимоверно трясло, Максиму пришлось придерживать Анну за плечи, и когда они доехали, с первого раза он этому не поверил.

Впереди в свете фар появилась решетка ворот со звездой, водитель посигналил, решетка скользнула в бок, и они въехали на территорию гарнизона.

Расквартировали их оперативно, и уже через полчаса, умывшись с дороги и попив чаю, они лежали на койках одной из пустовавших комнат офицерского общежития. Березин с удовольствием похрустел простынями, пожелал всем спокойной ночи, а в глазах уже плыла дремота и сладко ныли мышцы ног...

— Единственное, что меня удивляет, — негромко сказал Рудаков и, сойдя с тропинки, с шумом повалился в высокую траву, — так это хорошая погода.

— Провидение за нас, — пробормотал Березин, оглядывая с голой вершины сопки простиравшуюся перед ними горную гряду. Карымский вулкан выделялся из нее столбом бурого дыма и глухим ворчанием. До него было километров пятнадцать, и Максим в который раз задал себе недоуменный вопрос: почему Ивлев выбрал место разбивки лагеря так далеко от вулкана? Да еще в другой стороне от лагеря вулканологов?

— А тебя не удивляет, почему Игорь выбрал именно это место? Ни черта ведь не видать.

— А что тебе надо видеть? — лениво спросил из травы Рудаков.

— Нолики ведь наблюдали прямо над вулканом, а не здесь.

— И ты веришь, что мы тоже их встретим? По-моему, случай в Красноярске, когда мы с Губаренко буквально столкнулись с ними, настолько исключителен, что для повторной встречи необходим слишком большой набор случайностей.

Березин промолчал. Ивлев с Анной все еще находились у вулканологов, записывали показания очевидцев и решали еще какие-то проблемы, необходимые для дальнейшей совместной работы. Они отсутствовали уже четыре часа, и настроение у оставшихся, по крайней мере у Березина, портилось в геометрической прогрессии от каждой прошедшей минуты.

Иногда проснувшийся вулкан пхыкал особенно густым всплеском дыма, после чего скалы кругом начинали дрожать сильнее. Дрожь передавалась по телу к голове, и начинало казаться, что дрожит все, даже небо и солнце.

— Хотелось бы посмотреть вулкан поближе, — проворчал Березин. — Ни разу не видел извержения невооруженным глазом.

— Ты хорошо спал? — осведомился Рудаков, поднимаясь из тра-

вы и из-под козырька ладони осмотрел горизонт. — Или тебя что-то беспокоит? Отсюда отлично все видно.

Он отмахнулся от комаров и снова лег.

— Спал-то я хорошо... — Березин вздохнул и присел рядом, подминая под себя метровые листья лопуха-белокопытника.

Ивлев поднял их в шесть утра, в семь они уже грузились в вертолет, а в полдень разбили лагерь на склоне одного из каменных утесов, окруженных хвойным редколесьем: пихтой, кедрачом, елью и даже тисом. Ивлев еще с воздуха высмотрел эту полуразрушенную временем скалу и отправил их с Рудаковым к ней сразу после выгрузки, так что они не успели полюбоваться типичным камчатским ландшафтом, наверстывая упущенное сейчас.

Июнь на Камчатке — пора цветения горицвета. Воздух был напоен терпкими ароматами вольнотравья, хотелось лечь на вершине кряжа, обдуваемой ветрами, смотреть в легкое летнее небо, вдыхать запахи, ни о чем не думать и испытывать блаженство, не омрачаемое никакими заботами, как в детстве. Тогда Березину было лет восемь... потом девять... и десять, когда вот таким же летним днем он со сверстниками выбегал в поле, падал в траву и подолгу смотрел в небо, синее, бездонное, влекущее... Как был тогда счастлив, понимаешь только сейчас, с опытом двадцати восьми лет за плечами; ведь это невероятное счастье — видеть мир через призму детского восприятия, впитывать покой и тишину, и запахи древней земли, и без оглядки верить в будущее, счастливое будущее...

Березин с завистью посмотрел на Рудакова, потом на сложенное у большого ребристого камня имущество, и снова вздохнул.

— Палатку вечером будем ставить?

— Если бы еще не трясло... — невпопад ответил Рудаков.

— Чего?

— Земля дрожит, чуешь? Не уснешь.

— Так вулкан же...

— Вот и я говорю. И комары, черт бы их драл!

Березин пожал плечами и решительно направился к багажу.

Спустя час игрушечный на первый взгляд вертолет доставил Анну и тут же умчался обратно. Анна устало опустилась на валун, положив у ног свою сумку и кожух диктофона.

— Игорь остался, пожелал полетать над вулканом. Обещал быть к вечеру. А вы молодцы, палатку поставили.

— Это вот он, — кивнул раздетый по пояс Рудаков на Березина, натирая тело мазью от комаров. — Я преимущественно загорал и бил этих тварей. А шеф не говорил, чем нам дальше заниматься? Или и так понятно?

— Наверное, понятно, — улыбнулась Анна. — Максиму надо настроить искатель, а тебе киноаппарат. Ну, а мне все остальное.

Рудаков хмыкнул.

— Шефу, наверное, передали с «тарелок», что они прилетят специально для нас.

Анна переглянулась с Максимом.

— Миша, будь оптимистом до конца. Раз Ивлев велел готовиться, значит, обязательно что-то произойдет. Я есть хочу, мальчики, вы обедали? Ой, сколько здесь комаров! Миша, не мажь ты эту ядовитую гадость, у меня «Октадэт» есть.

— Понял? — сказал Березин, прихлопывая на плече очередную жертву. — Можешь не верить даже своим глазам — это тебе не поможет, потому что ты попал под колесо истории... которую делает господин Ивлев. Или, по-твоему, пессимист — это звучит гордо?

— Пессимист — это хорошо информированный оптимист, — пробурчал Рудаков, забирая у Анны баллончик с репеллентом.

К вечеру они поставили еще одну палатку, для боящейся сырости аппаратуры. Рудаков испробовал кинокамеру на закате солнца, а Березин закончил настройку искателя. Комаров к вечеру слетелось столько, что репеллент уже не спасал, и Анна заставила мужчин зажечь можжевеловый костер, чтобы спасаться от разъяренных аборигенов тайги в дыму. Проверив на всякий случай свой «компакт-автомат», Березин подошел к Ивлеву, стоявшему над обрывистым склоном кряжа, и некоторое время, как и тот, смотрел на солнце, раздувшееся до размеров воздушного шара, красное, просвечивающее сквозь мглистую оранжевую полосу на горизонте. Эта картина — горы, недалекий громыхающий вулкан, почти безоблачное небо и алое солнце — создавала впечатление такого безграничного вольного простора, что могла заворожить и менее романтически настроенного человека, чем Березин, и он даже пожалел мельком, что в городе не увидишь таких красок, не ощутишь себя частью природы, не почувствуешь ее красоты и величия, а ведь в городе проходит большая часть жизни!.. Задумавшийся Березин машинально нашел глазами Анну — что она делает, почему не рядом? — и спохватился. У него был вопрос к Ивлеву.

— Игорь Тихонович, массы интересуются, не напрасен ли наш труд? НЛО ведь нельзя заказать по телефону, как такси. Почему ты уверен, что мы их тоже увидим?

Ивлев словно не расслышал, он даже головы к Березину не повернул — стоял и, прищурясь, смотрел на солнце. Стоял и смотрел, и лицо у него было как у слепого — кроткое и спокойное. Березин готов был уже повторить вопрос, но в последний момент струсил и продолжал стоять рядом дурак-дураком, делая вид, что любуется закатом.

В полночь по рации Ивлеву передали, что радиолокационные посты засекли передвигающиеся тела в районе Сумаха. Направление движения — юго-запад.

— Сумах, — пробормотал Ивлев, водя карандашом по карте, освещаемой фонарем в руке Рудакова. — Около пятидесяти километров. Удачно, они должны пройти мимо нас километрах в пяти-семи. Едва ли искатель потянет, но все же...

— Должен сработать, — заверил Березин из темноты.

— Вот бы один нолик кувырнулся, — произнес Рудаков мечтательно. — Из нас никто еще не был свидетелем крушения НЛО. Да и следы остались бы существенные.

Случайно в этот момент отсвет фонаря упал на лицо Ивлева, и Березин даже вздрогнул, заметив на нем совершенно несвойственное ему выражение. Мрачное? Нет. Враждебное, недоброе, зловещее? Нет, нет и нет. Ни одно определение не годилось, у Ивлева было н е з н а к о м о е лицо, недобрым назвать его было нельзя. Длилось это мгновение, фонарь погас, и Ивлев сухо сказал:

— Ты прав, Михаил, это было бы очень любопытно.

Ну и ну! — покачал головой Березин. Вот тебе и зеркало души. Казалось, знаю все его жесты и мимику, а оказывается — не все...

Минуты проходили в молчании, но ничего похожего на НЛО не наблюдалось. Далеко окрест разносилось ворчание вулкана, в его стороне иногда разгоралось облаком красное свечение и кто-то бросал на черную сажу склонов горсть оранжевых огоньков — вулкан выбрасывал из раскаленного нутра лапилли и вулканические бомбы.

По склонам скалы с треском и шуршанием скатывались от вибрации камни, и Березин между прочим подумал, что склоны довольно круты и не дай Бог кому-нибудь подойти слишком близко к перегибу вершины и оступиться!

На небе появились облака, почти полностью скрывшие звездный узор. Похолодало.

Ивлев начал вызывать по рации лагерь вулканологов, как вдруг Анна, заставив всех вздрогнуть, воскликнула:

— Есть импульс!

— Где?! — прыгнул к ней Ивлев.

— Вот... только что был... вот еще.

Березин тоже подбежал к Анне, склонившейся над искателем. В фосфоресцирующем окошке пеленгатора дрожащая стрелочка металась между вторым и третьим делением и не могла успокоиться. Зеленый огонек индикатора поля горел теперь непрерывно.

В том секторе, на который указывала стрелка, по-прежнему было тихо, темно и спокойно. Кричала выпь, и от подножия приютившей их скалы доносился стук скатывающихся камней.

— Ничего не видать, — вполголоса сказал Березин. — Миша, ты что-нибудь видишь?

— Вопрос математически некорректен, — ответил верный себе Рудаков, — но я отвечу — ничего.

— Оно перемещается, — тихо сказала Анна. — Стрелка сдвинулась в соседний сектор.

— Вижу. Плохо, что мы не предусмотрели шкалу расстояний, поди разбери, где находятся сами объекты, а где прибор чувствует поле.

Березин ощутил легкий укол раскаяния — за искатель отвечал он, но сказать ничего не успел, — в следующую секунду застрекотала камера Рудакова.

— Вот они! — объявил Ивлев.

«Тарелок» было три: полупрозрачные диски с цепочками ярких звездочек по бокам. Летели они низко над скалами, иногда ныряя в провалы между ними. Размеры их было трудно определить, но Березину они показались величиной по крайней мере с грузовик.

Через минуту диски приблизились к людям на минимальное расстояние, около двухсот метров — везение колоссальное, если учесть, что люди не договаривались о встрече. Березин включил регистрирующую аппаратуру — все эти ЗЗУ, РМА*, гравиметры, магнитодатчики, счетчик частиц, и принялся лихорадочно щелкать своим роскошным фотоаппаратом, забыв об окружающих. Он успел отснять и сменить две пленки, как вдруг совсем близко раздался гортанный, с металлическими модуляциями, странный до жути крик. Длился он несколько мгновений, не больше, заглушив бормотание вулкана и шорох осыпей, но Березина мороз продрал по коже — ничего подобного в жизни он не слышал!

Хотя за насколько часов бдения глаза и адаптировались к ночной тьме, но не настолько, чтобы отчетливо видеть друг друга. Анну Березин отметил свечением шкалы искателя, Рудакова — по стрекотанию камеры, лишь Ивлев затерялся в темноте.

— Что там такое? — испуганно спросила Анна. — Кто кричал?

— Не я, — с неловким смешком отозвался Березин. — Миша, ты здесь? Где Ивлев? Игорь Тихонович!

— Игорь! — повторила Анна.

— Куда он мог задеваться, ведь только что стоял рядом.

— А вдруг свалился вниз? — подал голос Рудаков.

— Типун тебе на язык!

— Спокойно, — прозвучал неподалеку голос Ивлева. — Без паники, эксперты. Продолжайте наблюдение и съемку.

— Ничего себе — спокойно! — проворчал Березин, поднимая фотоаппарат. — Если здесь орут над ухом... по-динозаврьему.

— Потом обсудим... — начал было Ивлев и не закончил.

Скала под ними гулко треснула, слабо вскрикнула Анна, тут же один из замерших над лесом дисков полыхнул синим пламенем,

---

* ЗЗУ — звуко-записывающее устройство, РМА — радиометрическая аппаратура.

словно в небе зажегся прожектор, и в этой длящейся несколько секунд вспышке Березин увидел, как часть скалы с Анной медленно кренится в пропасть, а сама Анна упала на колени, силясь дотянуться до обрыва. И еще Березин увидел за изломом каменного ребра приготовившегося к прыжку Ивлева.

Свет погас, но картина запечатлелась в мозгу Березина, как на фотографии. Он сдавленно выкрикнул какое-то слово, и словно мощная пружина взметнула его над обрывом. Вторым прыжком он достиг того места, где за ширившейся трещиной видел Анну, в тот же миг снова полыхнула странная синяя молния, и в падении, роняя фотоаппарат в глубину разверзающегося провала, он успел схватить Анну за руку. Девушка сильно ударилась грудью о каменную стену провала, соскользнув, повисла на руке Березина, но он уже зацепился за бугристую поверхность обрыва и медленно вытащил Анну на его осыпающийся край.

С грохотом и гулом рухнула вниз отколовшаяся часть скалы, дохнув из глубины пылью и горячим каменным крошевом, вздрогнула земля.

В следующее мгновение рядом оказался Ивлев, сжал плечо Березина железными пальцами.

— Не пострадала?

— Ушиблась только, — дрожащим голосом ответил тот. — Ничего, пройдет. Ударилась удачно... — Он повернул голову и в мертвенном синем вспыхивающем свете увидел лицо Ивлева. Начальник отдела улыбался. И Березин, подсознательно уловив смысл улыбки, понял: Ивлев мог сам помочь Анне, реакция у него была отменная и стоял он ближе, но... ждал, пока это сделает он, Березин. И если бы тот запоздал, Ивлев успел бы ее спасти!

НЛО исчезли после очередной вспышки, будто кто-то выключил иллюминацию, а Березин сидел возле Анны, не обращая внимания на тревожную суету Рудакова, держал ее за руку и ни о чем не думал — наступила реакция. Лишь пробормотал:

— Фотоаппарат жаль, уронил...

— Пустяки, — буркнул Рудаков, присаживаясь рядом на корточки. — Я тебе новый куплю. Ну, как она? Аня, слышишь?

— Все нормально, — слабым голосом проговорила Анна. — Спасибо, Максимушка...

— Дай ей что-нибудь успокаивающее, — негромко сказал Ивлев. — Лечи до конца, спаситель. Н-да, неудачно все это...

— Наоборот, удачно, — возразил Рудаков. — Все хорошо, что хорошо кончается.

— Я не о том, что хорошо кончается. Надо было выбирать место более безопасное.

Березин встал, взял Анну на руки и отнес в палатку. Рудаков посветил ему фонарем.

— Эх, был бы готов излучатель! — пробормотал Ивлев, провожая их взглядом.

— Кто же кричал все-таки? — спросил Рудаков, когда они свернули аппаратуру, перенесли палатки подальше от обрыва и приготовились ко сну. Ивлев перед этим связался с вулканологами и передал все, чему они были свидетелями, кроме случившегося с Анной.

— Может быть, птица, — задумчиво ответил Ивлев, — Сдается мне, слышал я уже где-то подобный крик, но где, хоть убей, не помню.

— Странно. И еще НЛО. Я перестаю верить теории вероятности: чтобы лично два раза повстречать «тарелку», зная прекрасно их нежелание встречаться... извините, это выше моего понимания.

— Я думала, ты уже привык, — усмехнулась Анна. — Чему ты, собственно, удивляешься? Наоборот, было бы удивительно не встречаться с неопознанными «столовыми наборами» после столь интенсивных поисков и массы затраченных средств.

— Вот именно, — сказал Ивлев с иронией. — Хороши эксперты, не видевшие ни разу предмета своей экспертизы!

Березин не вслушивался в разговор. Крик все еще отзывался в его ушах многократным эхом, совершенно немыслимый крик, в котором мало что было от голоса живого существа. Может, он раздался с прилетевших ноликов? Или все же земная природа не менее изобретательна и просто продемонстрировала свое умение быть таинственной даже в самое прозаическое время?.. А перед глазами падала в пропасть Анна... и вспыхивал косо летящий фиолетово-голубой диск... и улыбался мудрыми глазами Ивлев, и мелко-мелко дрожала земля, отзываясь на приглушенный рокот подземного огня...

ГАРШИН

Командированные приехали в среду, и Гаршин, в общих чертах знакомый с их приключениями, не рискнул расспрашивать странно задумчивых товарищей. К тому же он знал, что Ивлев непременно расскажет все на оперативке и во всех подробностях.

К этому времени работа по составлению частотных карт появления неопознанных летающих объектов продвинулась вперед ощутимо, и Владислав по нескольку раз в день выводил карту на дисплей, отмечая новые точки наблюдений и уточняя общую картину. Линии с равной интенсивностью появлений НЛО он назвал изоуфограммами, и наблюдая их причудливый узор на метровом поле дисплея, в который раз задумался над тем, что ему напоминает этот узор. Но

не хватало малого — отправной точки для цепи ассоциаций, и Гаршин, с внутренней досадой на самого себя выключая компьютер, подумал, что в последнее время он либо перенасытился математическими построениями, либо его фантазиям не хватает безумия, чтобы идея в конце концов оказалась плодотворной.

Свою гипотезу о временных скачках НЛО он уже почти заковал в цепь формул, но для проверки некоторых теоретических выкладок нужен был эксперимент, нужен был, во-первых, мощный ускоритель на триста-четыреста Гэв, ну, хотя бы Обнинский; во-вторых, группа квалифицированных специалистов для подготовки и проведения эксперимента. А поскольку Гаршин знал, что программа экспериментов на любом ускорителе элементарных частиц составляется на три года вперед и соблюдается неукоснительно, то проверить правильность своей гипотезы инструментальным путем он в ближайшее время не мог, ну а чисто умозрительные построения редко оказываются верными.

— Что это ты в последнее время погрустнел? — заботливо спросила Жанна Аркадьевна, когда Гаршин зашел в машинный зал, за перегородку пульта. — Уж не влюбился ли?

— Нечто в этом роде, — улыбнулся Гаршин. — Неужели заметно?

— Еще как! Кто же эта счастливица?

— Ее зовут — «Теория развития обратной временной волны в плотном гравитационном поле», — отшутился Владислав. — Лена, подберите пожалуйста фильмы, где запечатлен полет ноликов, и отдайте в лабораторию на размножение.

— Хорошо, Владислав Вартанович, — сказала Лена Лисовская. — Но едва ли они выполнят наш заказ быстро.

— Я помню, мы им уже давали когда-то подобный заказ, и они выполнили его за четыре дня. Если и на этот раз потребуется столько же времени, меня это устроит.

— А что новенького привезли ребята с Камчатки? — поинтересовалась Вероника Круглова. — Они все какие-то странные приехали, даже Миша Рудаков.

— В чем же его странность? — удивился Гаршин.

— На вопросы не от отвечает...

Гаршин засмеялся одновременно с Жанной Аркадьевной.

— Ну, это еще ни о чем не говорит. Думаю, на общей пятиминутке нам обо всем сообщат. Кто у нас сегодня работает над картой?

— Герман. Он вышел покурить. Сказать ему, что он вам нужен?

— Не надо. Кстати, от химиков информация была?

Месяц назад из Башкортостана пришло любопытное сообщение от водителей механизированной колонны атомоходов о произошедшей на их глазах аварии с НЛО. Они разыскали и прислали в Центр несколько осколков якобы разбившейся «тарелки», и вот уже месяц

химики центральной лаборатории бились над анализом осколков, но единственное, чего они добились за это время — разложить материал осколков на элементы, так и не определив его комплексный состав. Сплавом этот материал назвать было нельзя, равно как и керамикой.

— Нового ничего нет, — виновато ответила Лисовская, словно от нее зависело поступление нужных документов.

— Ну, хорошо.

Гаршин с минуту постоял у пульта, глядя на гудящие магнитные барабаны, перематывающие ленту, на мигание индикаторных панелей — машина решала очередную задачу, перемалывая в кристаллическом нутре лавину информации, — потом кивнул всем и вышел, чувствуя спиной взгляды подчиненных. И снова досада на самого себя, на свою заторможенность, беспричинную неудовлетворенность, поднялась в душе дымной волной.

Сходить к кому-нибудь поплакаться в жилетку? — подумал он, проходя мимо неплотно закрытой двери первой лаборатории, из-за которой как всегда доносились звуки музыки. Но о чем плакать? У меня все есть: интересная работа, интересная проблема, интересная женщина, которая ждет моих звонков... У меня прекрасные товарищи по работе, не забывают и старые друзья в Цахнадзоре, меня любят мать и сестры... черт возьми, я же полностью счастливый человек! И все же чего-то мне не хватает. Чего мне не хватает? Риска мне не хватает, риска в работе... а может быть, просто перемены обстановки. Острых ощущений: погонь, смертельной опасности, поединков с врагами (не дай Бог!) или с природой... Бред! Я же знаю, что я очень мягкий человек. Тогда в чем дело?

Он задумался так глубоко, что чуть не столкнулся с Ивлевым, шагнувшим из двери в коридор.

— Извини, — сказал он, вымученно улыбаясь. — Затмение, понимаешь, нашло. Ощущаю дискомфорт, а причин не вижу.

— Червь сомнения грызет душу? — сказал Ивлев, окидывая Гаршина проницательной желтизны взглядом. — Понимаю. Зайдем ко мне, есть разговор.

— Мы с Богаевым были в министерстве, — сказал Ивлев, по обыкновению полузакрыв глаза и застыв в кресле, как статуя. — Решено развернуть исследования НЛО на уровне зарубежных организаций. К этой проблеме будут подключены не только Российские институты и лаборатории Академии наук, но и научные центры Содружества. То есть, от энтузиазма одиночных групп переходим к массовой атаке на непознанное.

— Что-то ты не в особом восторге, — пробормотал Гаршин, вслушиваясь в интонации голоса Ивлева.

Тот на миг сверкнул тигриными глазами.

— Отчего же, я вполне доволен. Дело не во мне. Американцы несомненно намерены в проблеме НЛО иметь практическую выгоду, причем не столько с научной точки зрения, сколь применения в военной промышленности. Слейтер признался, что они пытаются сбить НЛО с целью изучения материалов их оболочек и применения в военной технике.

— Я слышал. Говорят, эти материалы усиливают мощность двигателей самолетов и ракетных систем.

— Похоже на добротную научную спекуляцию. — Начальник отдела слегка поморщился. — Но для проверки таких гипотез нужны ученые другого профиля, химики, биологи, математики, а у нас до сих пор единственным теоретиком является некий кандидат физматнаук Гаршин Владислав Вартанович, фигура достаточно крупная, но... как говорят, один ум — хорошо, а совсем ума нет — лучше. Нужна теоретическая база поведения НЛО, теория процессов, порождающих НЛО, теория энергообмена и движения... В общем, нужна глубокая теоретическая разработка проблем неопознанных летающих объектов, с которой одному человеку справиться явно не по силам. Ты, конечно, знаешь, что нашими изысканиями интересуются не только Академии наук, но и Министерство обороны. В последнее время интерес этот приобретает материальную форму: нашему отделу теперь будет оказываться любая помощь, как людьми, так и техникой.

— А масштабы?

— От радаров до вертолетов и самолетов. В последней экспедиции мы уже убедились на деле.

— Мне нужен ускоритель. То есть, не мне, а... для...

— Будет и ускоритель. Только, естественно, нужна хорошая аргументация. Она у тебя есть? Кстати, почему ты не спрашиваешь, что мы сделали, увидели, привезли?

— Сами, наверное, расскажете, — прищурился Гаршин.

Ивлев коротко рассмеялся.

— Хитришь. Хотя, конечно, расскажем. Ну, что у тебя с картой? Есть какая-то зависимость?

— Подбираем пока общее поле концентраций, но и на этом этапе вывод получается занятный: НЛО интересует в первую очередь активные природные процессы типа извержений вулканов, лесных и торфяных пожаров, землетрясений, и процессы, вызываемые человеком и сравнимые по мощи с природными: испытания ядерных устройств, старты космических кораблей, металлургические комплексы, горнодобывающие карьеры, военные маневры. Но больше всего — места загрязнения среды, самыми «горячими» из которых являются города, тепловые электростанции, химические и металлургические заводы, полигоны...

— Дымящие трубы! — сказал вдруг Ивлев со странной интонацией, заставив Гаршина вздрогнуть, до того это было неожиданно. — Сточные воды... вонь и дым... грязь и копоть! И это цивилизация?! Как можно не понимать того, что природу легче всего подчинить, повинуясь ей? Это ли не глупость космического масштаба?!

— Но ведь мы же боремся с загрязнениями, — с несвойственной ему робостью возразил оторопелый Гаршин. — От конгрессов и комиссий перешли к конкретным действиям. Есть даже профессия — инженер по охране среды.

— По охране, — улыбнулся Ивлев одними губами, глаза у него стали ледяными. — Общество охраны природы от окружающей среды... Ты же умный человек, Владислав, оглянись. Биосферу Земли стремительно заполняет растущий поток химикатов, многие из которых губительны для жизни. Ведь то, что вы называете... мы называем промышленной цивилизацией, сможет просуществовать не дольше, чем до середины следующего столетия! А что дальше?

— Да что с тобой, Игорь? — опомнился Гаршин, задавив в зародыше вспышку самого настоящего страха. — Ты о чем?

Ивлев погасил взгляд и грустно улыбнулся.

— Извини, Владислав, забыл, что ты не на лекции. Что касается моих слов... Понимаешь, я очень люблю эту... м-м, Землю, и мне больно глядеть на то, как люди ранят ее, мучают, пытают, зная при всем при том, что нарушения экологической среды необратимы. Когда же они научатся оценивать свою деятельность космическими масштабами?

— Чего-то я не понимаю. — Гаршин наконец слегка перевел дух. Речь Ивлева поразила его куда больше, чем поразила бы сейчас любая «тарелка», появись она здесь, в кабинете.

— То есть я понимаю твои чувства и солидарен с ними, но почему ты в таком случае работаешь в Центре над проблемой НЛО, а не над...

Гаршин споткнулся на последнем слове, поняв, что допустил бестактность.

— Ну, ты пойми, я...

— Понимаю, — сказал начальник отдела. — Почему я не работаю ассенизатором, например, хотел ты спросить? И при чем здесь неопознанные летающие объекты? Да при том, что меня тоже интересует их загадочное тяготение к злачным местам планеты, и я хотел бы знать, нет ли здесь ключа к решению многих проблем защиты нашей пресловутой среды обитания.

Они помолчали.

— Я вспомнил одно изречение, — сказал Гаршин, исподтишка наблюдая за внешне успокоившимся Ивлевым. Начальник отдела открылся ему совершенно с иной стороны, показав себя натурой загадочной и увлекающейся, и, главное, имеющей цель в жизни. И

какую цель! Хотя... может быть, чего-то он, Гаршин, все-таки не понимает?

— Научи меня, господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай мне энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых.

Ивлев встал, распахнул окно, и в комнату ворвался порыв ветра, принесший с собой запахи горячей листвы, цветов и августовского асфальта.

Придя к себе, Гаршин полчаса сидел на столе, болтая ногами и тупо уставясь на футляр телефона. «Ушел в нирвану», — как сказал бы Рудаков. Думал о странном тоне слов Ивлева, слов, полных горечи и ненависти, произнесенных явно не для ошеломления собеседника или создания соответствующего впечатления. Нет, Ивлев был искренен, когда говорил свою обвинительную речь... хотя совершенно непонятно, что же послужило последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Что ж, не каждому дано мыслить глобально, масштабами космоса, как это ни грустно. Не каждому дано оценивать не только свои решения и поступки, но и решения и действия цивилизации. Это прерогатива мудрецов. К коим Владислав Гаршин пока не относится. И все же что-то здесь не так... такие разговоры ведутся не в среде исследователей, а скорее в среде социологов... и политиков. Что нашло на Ивлева?

Гаршин сидел на столе, смотрел на зуммерящий телефон и представлял перед собой земной шар, черный от массы человеческих тел, и остро захотелось ему вдруг еще раз поговорить с Ивлевым, или поделиться с кем-то, кто бы его понял, а поняв, потрепал бы по плечу и сказал: выкинь эту блажь из головы, Владик. И сразу все стало бы на свои места. Ай, не стало бы, Владик, уже не стало бы. И чем же ты сам себе не угодил, чего копаешься в душе, как жук в навозе, и чего тебе не хватает, скажи на милость?

Он наконец снял трубку, но мембрана уже гудела гудками, и тогда он набрал номер и сказал:

— Герман, подготовь-ка дисплей к работе и пусть Лена покопается в фильмофонде, нужна лента, снятая профессионалами...

БЕРЕЗИН

Утром следующего за прибытием дня Ивлев устроил небольшую «пресс-конференцию» в отделе, пригласив Богаева и коллег по Центру из отдела физики атмосферы. Сначала он рассказал о результатах их удачной экспедиции на Камчатку, пересыпая рассказ точными и образными комментариями. Потом Рудаков показал увеличенные фотоснимки НЛО, кинопленку он еще не успел обрабо-

тать и этим, наверное, доставил Ивлеву неудовольствие, тот ожидал готового фильма.

Наконец, эксперты отдела ответили на все вопросы, касающиеся многих загадочных обстоятельств встречи с «тарелками», удовлетворив законное любопытство приглашенных, да и своих же сотрудников, и Ивлев проговорил:

— А теперь хочу от вас услышать то, ради чего и устроил сегодняшний разбор командировки. Прошу вас всех, не взирая на ранги, опыт и возраст, высказать свое мнение, мнение более компетентных, чем остальные, людей, о природе неопознанных летающих объектов. Мы работаем уже больше года, накоплен значительный материал, начата систематизация наших знаний, картографирование мест наиболее частого посещения НЛО районов и областей страны. Кроме того мы знаем формы НЛО, манеру их поведения, сведения о сопутствующих явлениях и... и все. В дальнейшем нам следует придерживаться какой-то рабочей гипотезы; даже если она окажется ложной, принятие гипотезы даст нам централизацию усилий и координирование действий со многими институтами стран и республик Содружества. Мысль понятна? Начнем с... ну, скажем, с вас, Кнежич.

Кнежич от неожиданности схватился за бородку и начал ее жевать. Потом пожал плечами с некоторой растерянностью:

— Конечно, каждый из нас задумывался над этим вопросом, и не раз, но определенного мнения у меня, к сожалению, не сложилось. Некоторые гипотезы мне импонируют, например: НЛО — новое физическое явление, относящееся к атмосфере Земли, вернее, не новое, а непознанное, неизученное. Вторая версия: НЛО — аппараты из антимира, время в котором течет в обратном направлении по сравнению с нашим.

— Ну, о первом вашем предположении, — улыбаясь, сказал гость из лаборатории физики атмосферы Савинский, — могу сразу сообщить, что она не соответствует действительности. Нет, я не отрицаю, что в атмосфере Земли могут происходить процессы, которых мы еще не изучили и даже, может быть, не наблюдали, но относить к ним НЛО — по крайней мере несерьезно.

— А могут ли «тарелки» быть оптическими галлюцинациями? — спросил угрюмый Герман. — Вызванными, скажем, неизвестным видом электромагнитного излучения?

— Не думаю, — не сразу ответил Савинский. — Но и более точно ответить не могу.

— Друзья, вы меня не поняли, — мягко произнес Ивлев. — Я просил вас лишь высказать свое мнение о природе неопознанных летающих объектов, а не обсуждать эту проблему. Что касается оптических галлюцинаций, то НЛО гораздо более материальны, чем оптические изображения, голографии. Американские космонавты наблюдали их даже на Луне, где нельзя сослаться на миражи и

флуктуации воздуха. Итак, продолжим. Что это вы притихли, как на экзамене? Я оценок не ставлю, надо же когда-то разобраться, в какой стороне искать истину.

— Ну, а все-таки, могут неопознанные летающие объекты быть неизвестным природным явлением? — робко проговорила Лена Лисовская, оглядываясь на Гаршина. — Разве мы уж так все и знаем о Земле?

— Сказать, что знаем все — нельзя. — Ивлев подумал. — Но и отнести НЛО к неизвестным явлениям природы не годится по двум причинам: из-за неестественно богатого набора характеристик НЛО и, главное, из-за их целенаправленной деятельности. Вспомните — любое крупное событие в масштабах планеты не обходится без них. Но если раньше на такие события была способна лишь природа — вулканизм, цунами, землетрясения, пожары, падения метеоритов, — то сейчас их вполне воспроизводит человек.

— А я не согласен, — спокойно сказал тихий Дима Шилов. Березин с удивлением посмотрел на него. Вот уж не ожидал от тихони, каким он его знал давно, такой смелости.

— У меня сложилось иное мнение. — Дима обвел собравшихся сосредоточенным взглядом, и Березину показалось, что в его глазах мелькнула искорка иронии, когда он оглянулся на Максима: что, мол, начальник, не знаешь своих подчиненных? А они у тебя тоже мыслят, тоже кое-чем интересуются...

— Как известно, запасы человеческого мозга не исследованы, хотя по некоторым данным колоссальны, то есть, можно надеяться что они огромны. Мое мнение: НЛО — это результат излучений мозга всех людей, выраженный в такой причудливой форме. Если хотите, НЛО — порождение человеческой фантазии, помноженное на неизвестные потенциалы психической энергии человека.

Дима сел. Все молча переваривали сказанное. Едва ли Шилов всерьез верил в свое предположение, но мысль его была по крайней мере оригинальна, а всякая оригинальная мысль требует обсуждения, и поэтому Березин удивился еще раз, когда Ивлев просто констатировал заявление Димы.

— Неплохо, — сказал он, едва заметно улыбнувшись, скорее самому себе. — Весьма оригинально. Думаю, в свое время мы вернемся к этой гипотезе, здесь есть о чем поразмышлять, единственный ее недостаток — она недоказуема. Итак, следующий?

— Зонды-роботы, посредники иной цивилизации, — буркнул Гаршин.

Березин еще вчера заметил странное настроение Владислава. Недоволен чем-то человек, а чем — не говорит. И сегодня он какой-то отсутствующий... Решает личную проблему?

— Есть еще одна интересная гипотеза, — вмешался Березин, припомнив майский визит американских уфологов. — Неопознан-

ные летающие объекты — выходцы из будущего, аппараты наших сверхдалеких потомков, изучающих свою историю, и в частности, историю загрязнения биосферы Земли.

Ивлев изучающе посмотрел на Максима, словно тот сказал явную глупость, и произнес:

— В этом тоже что-то есть, гипотеза, по-моему, новая, не набившая оскомину.

Гаршин усмехнулся. Камень был в его огород. Причастность НЛО к пришельцам доказывалась тысячекратно уже на протяжении полувека, естественно, гипотеза Владислава о зондаж-пришельцах была с бородой. Но... кто знает, может, она-то как раз и отражает истину? — подумал Березин.

— Разве гипотеза о пришельцах-роботах так уж неоригинальна? — вступилась за Владислава Анна. — Жизнь в космосе, вероятно, настолько редкое явление, что другая цивилизация наверняка найдет причины исследования нашей планеты. Ну, хотя бы затем, чтобы уяснить себе вопрос — почему разум на Земле развился именно у человека, а не у дельфинов, например, или у слонов.

— Согласен. — Ивлев остался серьезен. — Гипотеза тоже заслуживает внимания, а так как из всех известных и высказанных здесь она является и наиболее аргументированной, то, наверное, ее мы и будем придерживаться в дальнейшем. Ну, а в этом случае нам, очевидно, придется осваивать новую профессию — контактеров, ибо специалистов по контактам с иными цивилизациями пока не существует ни у нас в стране, ни за рубежом. Пожалуй, на этом закончим.

— Можно еще мне? — поднялся забившийся по привычке в угол Тихоныч (Тихонов Иван Сергеевич, начальник группы технической подготовки). По роду своей деятельности в отделе он не касался проблем НЛО ни с какой стороны, но человеком был интересным, своеобразным, и, несомненно, имел свое мнение о природе НЛО.

— Я, конечно, не ученый, — продолжал хитрый Тихоныч, наморщив лоб. — Вам, конечно, видней, вы молодые, позаканчивали по два института... Но и мы кое-что почитываем на досуге. — О себе он говорил преимущественно во множественном числе. — Мы так полагаем, что неопознанные летающие тарелки — выходцы из соседнего измерения. Одновременно с нашей Землей существует бесконечное количество других Земель, в соседних измерениях. Вот оттуда и лезут к нам нолики.

Тихоныч победоносно оглядел компанию и сел. Все выжидательно смотрели на задумчивого Ивлева, но к общей неожиданности ответил не он, а Гаршин:

— К сожалению, о реальности всех этих измерений, параллельных пространств и тому подобное, можно говорить лишь в чисто математическом смысле. Параллельный мир — красиво, не спорю, но едва ли жизненно.

В наступившей тишине особенно четко прозвучали слова Рудакова:

— И срубили ему буйну голову с правой стороны наискось...

Смеялись все, даже угрюмый Герман позволил себе улыбнуться.

— Чья идея, Тихоныч? — смеясь, спросил Кнежич. — Признавайся.

— Сына, — ответил смущенный оборотом дела Тихоныч. Смех перешел в хохот.

— Ну что ж, — проговорил спустя несколько минут повеселевший Ивлев. — Спасибо всем. Выделяю нестандартные идеи Березина и Шилова, хотя высказаны они, судя по изложению, скорее в порядке фантазирования, а не зрелого размышления.

Березин на всякий случай сделал скорбное лицо, но, встретившись взглядом с Димой, не удержался, подмигнул.

— Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда у меня все.

— Единственное, над чем стоит подумать, — сказал Максиму в коридоре Гаршин, — так это зачем пришельцам — ведь мы приняли пока НЛО за аппараты пришельцев? — изучать сточные ямы нашей планеты?

— Но они появляются и над городами.

— А города-то, дорогой мой, как раз и являются самыми крупными язвами на теле планеты. Не все, конечно... Ты вот можешь мне сказать, в чем главная ценность природы?

Березин задумался.

— Не можешь. Главная ценность природы — она сама, ибо замены ей нет и не будет.

Гаршин ушел к себе, а Березин, бесцельно гладя рукой шершавую стену коридора, вспомнил вдруг стремительное падение призрачного диска НЛО, синие вспышки света, жуткий зев расползающейся по скале трещины... и ему вдруг показалось, что знает он ответ на главный вопрос дня — что такое НЛО! Однако это знание длилось мгновение, мелькнуло и ушло, оставив в душе отзвук неясной тревоги и сожаления.

Трое суток они безвылазно сидели в лаборатории, чертили, пересчитывали топологические соотношения схемы, паяли, монтировали и собирали макет пресловутого излучателя, разуверившись к концу работы не только в его работоспособности, но и вообще в его надобности. И все же к концу недели имели более или менее действующую модель излучателя, и присутствующий на испытаниях Ивлев молча пожал руки всем троим: Анне, Диме Шилову и Березину.

Говорить он ничего не стал, но каким-то удивительным образом сумел передать и удовлетворение, и одобрение, и благодарность.

— Теперь очередь за опытно-промышленным образцом, — сказал он, глядя на неказистое с виду творение, представляющее собой невообразимое сплетение проводов, печатных плат, модулей, резонаторов и генераторов СВЧ-колебаний. — Да, с виду он невзрачен, но главное — работает, а красивым и удобным мы его сделаем. Эскизы, думаю, вы разработаете быстро, ну, а изготовлением первого образца заниматься будет Томский институт сильноточной электроники. Вопрос финансирования этой работы улажен.

— А кто поедет в Томск? — стараясь казаться равнодушным, спросил Березин.

Ивлев усмехнулся.

— Поедете всей группой и еще Кнежич с вами. Работы много, а времени очень мало. Думаю, ты не будешь возражать?

Максим отрицательно покачал головой. Кто же откажется поехать в город, в котором прошли его студенческие годы плюс два года работы?

Эскизы прибора они сделали за два дня. Потом собирались в командировку день, и уехали в Томск только в воскресенье. Это была обычная рабочая командировка, их никто не провожал и не давал напутствий.

В Томске пробыли недолго, чуть больше двух недель. Работали до одурения, хотя основную работу выполняли, конечно, мощные лаборатории института. Зато домой они привезли уже готовый излучатель. Второй экземпляр должны были изготовить и выслать в Центр через месяц.

В среду третьего сентября они устроили небольшой торжественный «прием» по случаю удачно завершенной работы. Излучатель лежал на монтажном столе, похожий на пулемет с решетчатым диском по центру дула, сверкающий хромовым покрытием, красивый и воздушный, как декоративная игрушка.

— Последний крик дизайна, — с иронией сказал Гаршин, издали разглядывая излучатель.

— Не нравится — не ешь, — обиделся Березин.

— Красиво, ничего не скажешь, но будет ли полезен?

— Не беспокойся, будет, — отрезал Максим, хотя в душе был далеко не уверен. Попытки связи с НЛО проводились и раньше: французами, американцами, да и работниками отдела дважды, но ни радиозапросы, ни лазерный луч, ни звуковые передачи не помогли достичь успеха. Кто даст гарантию, что их излучатель СВЧ — именно тот аппарат, который позволит наконец добиться долгожданного контакта с НЛО?

— Я никак не уразумею, чем нам поможет излучатель? — сказал в пространство невозмутимый Рудаков. В белой рубашке, брюках и белых туфлях выглядел он парусом, и единственное, чего ему не хватало для полного сходства — это флага над головой.

— Излучатель нужен для преодоления «шумового» барьера НЛО, — терпеливо разъяснил Березин. — Наши любимые нолики излучают так, что забивают все диапазоны помехами, а излучатель генерирует пучок электромагнитных волн, практически не боящийся помех.

— Спасибо за пояснения. — Рудаков церемонно поклонился в его сторону, скорее всего без всякой задней мысли. — Но без эксперимента в реальных условиях все это слова.

— Миша прав, — сказала Анна, сидевшая на диване тихая и задумчивая. — Мальчики, мы решили только половину задачи. Для питания излучателя нужен по крайней мере движок. Есть у нас портативный движок? Генератор? Чтобы умещался в чемодане?

Их унылое молчание, подчеркнутое смешком Гаршина, разрядил Ивлев. Выслушав соображения по поводу энергопитания, он пообещал достать МГД-генератор в Физическом институте. Каким образом он собирался доставать его, никто не знал, но слов на ветер Ивлев не бросал.

В тот же день они провели повторные лабораторные испытания излучателя, еще раз убеждаясь в его работоспособности. Теперь оставалось применить его в деле, хотя Березин не представлял себе, как это можно было сделать. Поставить излучатель где-то на будке автоматической станции наблюдения? Но НЛО могли в той местности не появиться совсем. Ждать «личной» встречи с ноликами? Но где? Нельзя же надеяться на случай, тем более, что им везло уже дважды.

Недоумение «главного конструктора» отдела рассеял Ивлев. Однажды в середине дня, когда Максим с Анной помогали Гаршину разбираться в рулонах записей, поступивших с автоматических станций Крайнего Севера, он явился в машинный зал и изрек:

— Собирайтесь. Срочно выезжаем. Анна, Максим и... Максим, тебе нужен кто-нибудь в помощь?

— В принципе... разве что Миша Рудаков, — осторожно сказал Березин, подумав, что перетаскивать снаряжение одному — удовольствие не из приятных. — Или он занят другим делом?

— Пусть будет Рудаков. Заканчивайте с машиной и собирайтесь.

— А я? — заявил Гаршин, хмуро разглядывая испачканные графитом руки. — Можно и я поеду? Может, снизойдет озарение... а то я закопался в математике и ни шагу с места.

— И ты, — подумав, великодушно решил Ивлев. — Теоретик нам необходим. Но учти, работать придется больше носильщиком, амбалом.

— Грузчик с кандидатским стажем, — хихикнул Березин тихонько.

— Куда летим? — с любопытством спросила Анна, глядя на Ивлева снизу вверх.

— Куда? — переспросил Ивлев. — В Приморский край, под Уссурийск. О транспорте я уже позаботился.

ПОИСК ЦЕЛИ

В Приморье они улетели без Ивлева. Его по каким-то делам вызвали в министерство, и, разъяснив всем их задачи, он отбыл с Богаевым в неизвестном направлении.

До Хабаровска летели на комфортабельном ИЛ-76. Пробыв в аэропорту три часа, эксперты Центра взяли билеты на ЯК-60, до Уссурийска. А при посадке в самолет произошел беспрецедентный случай: Рудаков, сказав перед самым отлетом, что отлучится на минуту, не пришел даже после вызова по громкоговорителю и остался в Хабаровске; рейс из-за отставшего пассажира, естественно, не отменили.

Билет Рудакова Гаршин оставил сопровождающей, чтобы та передала его и деньги на еще один билет товарищу. Настроение группы упало, и до Уссурийска они летели в молчании, каждый со своими мыслями.

Березин попытался угадать, по какой причине мог опоздать педантичный Михаил, человек точный и пунктуальный во всех отношениях, и остановился наконец на несчастном случае, подумав, что кому-то из них надо было бы остаться и разыскать Рудакова. Делиться выводами он, понятное дело, ни с кем не стал, было уже поздно, но, переглянувшись однажды с Анной, понял, что и она думает примерно о том же.

В Уссурийске Гаршин предложил позвонить в аэропорт Хабаровска и выяснить, что с Рудаковым. Признав идею хорошей, ему же и доверили ее реализацию. Но пока он наводил справки и звонил, на транспортном АНе прилетел Рудаков, несколько смущенный оборотом дела.

— Ну и связи у тебя! — пробормотал Березин, пожимая ему руку с облегчением. — Собственный самолет! Быстро ты нас догнал. Там тебя Владислав по телефону ищет, иди, обрадуй его. Что, кстати, случилось?

— Часы подвели, — сказал Рудаков, ни на кого не глядя. — Извините, братцы, так уж получилось...

По мнению Березина, Михаил чего-то не договаривал, но колупаться в этой истории не хотелось, тем более, что Рудаков чувствовал свою вину и заметно переживал. Инцидент был исчерпан, все повеселели, и комплект аппаратуры, с которой они уже порядком намучились, перестал казаться чересчур громоздким и тяжелым.

На автовокзале Уссурийска, до которого добирались на попутном «МАЗе», как и говорил Ивлев, их ожидали двое ребят из местного управления грузового транспорта. Они ждали второй день, просидели

вчера до ночи, утром же пришли опять. Березина это не то чтобы удивило, но заставило призадуматься. Чтобы двое людей, имеющих свой план работы, гоняли лодыря два дня, ожидая неведомо кого и неведомо зачем, — в этом чувствовалось влияние Ивлева, его умение доказать необходимость данного ожидания и его забота о своих подчиненных. Такое случалось не в первый раз, но Березина до сих пор поражала та готовность, с которой приходили им на помощь абсолютно посторонние и главное очень занятые люди, и он каждый раз чувствовал себя виноватым, словно отрывал людей от работы ради пустяков. Нет, он не считал, что работники отдела занимаются пустяками, но люди, которые им помогали, своим трудом создавали реальные ценности, они же лишь изучали возможности созидания таких ценностей в будущем, а что из этого получится — не знали.

Погрузив вещи в микроавтобус, который подогнали водители, эксперты Центра расселись по свободным сиденьям сами, и вскоре поплыла перед ними, разворачиваясь спиралью, синеватая лента дороги.

Уставшая Анна положила голову Березину на плечо и уснула, а он, боясь шелохнуться, почти весь путь до места просидел в одной позе, не обращая внимания на затекшую руку и плечо.

Вот уже второй раз они ехали рядом, и, хотя после того памятного разговора, когда Анна предложила «ждать и надеяться», и даже после ее спасения на скалах Камчатки, Березин ни одним намеком не давал ей понять, что считает ее чем-то обязанной ему, хотя отношения между ними остались внешне прежними, дружескими, не более, — надежда в душе росла. Миша Рудаков как-то сказал, что пессимист — это хорошо информированный оптимист. Во всех делах, требующих трезвого расчета, Березин старался быть пессимистом, но к Анне... тут уж он хотел быть только оптимистом, тем более, что Ивлев, кажется, склонен был поддерживать в нем этот дух.

Бежали перед глазами другие дороги, пройденные им, десятки и сотни дорог, одинаковых лишь ощущением новизны и перемен; волосы Анны щекотали шею и щеку, Березин пил ее тихое дыхание и биение сердца, теплота ее тела была невообразимо приятна и приходилось сдерживать себя, чтобы не нагнуться и не целовать ее в губы, не нарушить ее сна.

Сзади переговаривались Гаршин и Рудаков, причем оба часто смеялись, то ли рассказывали друг другу анекдоты, то ли случаи из студенческой жизни. Пел о чем-то водитель. Но Березина все это не трогало — на плече у него спала Анна...

В поселок со звучным, но немного странным названием Крутые Стежки они приехали во второй половине дня. И только выйдя из машины ощутили, насколько здесь жарко. Седьмой день сентября встретил их совершенно по-летнему: зноем и безветрием.

Окруженные ребятишками, наперебой предлагавшими свои услуги, они проследовали к одноэтажному зданию поселкового шери-

фа, возле которого стояли две грузовые автомашины и мотоцикл. В здании Гаршин, принявший на себя командование, задержался недолго. Вскоре вспотевшие от жары и тяжестей мужчины погрузили имущество группы в одну из машин, и веснушчатый паренек-шофер, пытаясь разговорить Рудакова, авторитетным тоном поведал им историю пролетевшей здесь года три назад летающей «тарелки». Оживившийся Рудаков задал ему несколько вопросов, и тут выяснилось, что в поселке есть еще свидетели пролета НЛО, хотя «веры им нету, поскоку Грибаниха известная по всему хозяйству артистка» — по словам паренька. Что он хотел сказать, неизвестно, только устроившись в малюсенькой гостинице поселка под названием «Дом приезжих», эксперты решили порасспросить очевидцев, прекрасно зная, что к новостям подобного рода мало кто относится серьезно.

Очевидцами оказались муж и жена Грибановы, рабочие одного из фермерских хозяйств. Обоим было под шестьдесят, но жена Грибанова выглядела лет на пятнадцать моложе, да и побойчей была, чем сам Грибанов, который в течение всего разговора только улыбался с виноватым лицом, да кивал, когда жена обращалась к нему. И Березин понял, почему мальчишка-шофер назвал ее «артисткой»: рассказывая, Грибанова изображала всех действующих лиц не без актерского таланта.

Рассказ записали, чтобы потом на досуге прослушать еще раз и восстановить более или менее точную картину происшествия. Оказывается, в тот день почтенные супруги возвращались из соседнего поселка Сосновцы, в четырех километрах от Крутых Стежек. Шли тропинкой, обходя терриконы местной угольной шахты, кругом сопки, мало отличимые от мелкопесочника Красноярского края и сопок Камчатки, разве что зарослями багульника, облепихи и живодера. В то время уже стемнело, но было еще достаточно светло, да и луна горбатилась над терриконами...

— Как раз мы по-над проволокой шли, — говорила раскрасневшаяся Грибаниха, наслаждаясь неожиданной властью над благодарными слушателями. — Недалеко совсем, в балке за терриконами, там и дорога асфальтовая с города...

— Шоссе на Уссурийск, — вставил муж, тут же смутившись.

— Не перебивай! И вдруг! — Грибанова всплеснула руками. — За проволокой из-под земли свет пошел! Старик мой кричит — ложись! Мы на землю — мало ли что, зона-то военная, не дай Бог взорвется! Упали это мы, а свет вроде как от прожектора, столбом вверх и плывет, значит, будто прожектор летит тоже вверх. А из чего этот прожектор светит, не видно. Потом уж разглядели — черное что-то там, не поймешь что. Свет вскоре померк, но при луне далеко видать, вроде, вспыхнуло там в небе, высоко... да. И все. Ага, и звякало еще что-то. А потом понаехало военных, на вертолетах, на машинах... Мы, значит, со стариком быстрее домой.

— Военные сразу после этого приехали? — быстро спросил Рудаков.

— Ну да, на транспортерах, что ли... и вертолеты еще. Мы даже убраться оттуда не успели.

— И вы им ничего не рассказывали?

— Дак никто и не спрашивал, — пробормотал Грибанов. — Известное дело, старуха-то в бок ширяет — бегим до дому, ну и пошли от греха подальше.

Все рассмеялись.

— Ну, спасибо вам, — поднялся Гаршин. — Нам это очень важно, спасибо.

— Не за что, приходите еще, если надо.

— Спасибо, — еще раз сказала Анна, закрывая магнитофон. — Вы покажете нам то место?

— Конечно, конечно, — засуетился хозяин. — Тут недалеко, вона терриконы, видите?

И они пошли, сопровождаемые стайкой мальцов и соседями Грибановых — новость облетела уже полсела.

За два дня, в течение которых они ждали Ивлева, гадая, зачем он командировал четверых в обычный, казалось бы, информационный поиск; выясняли в ближайшей воинской части, к хозяйству которой относилась обнесенная проволокой территория возле шахты, был ли кто-нибудь из служащих части на этой территории в указанное время; а также съездили к радиолокационному посту наблюдения за погодой, узнать, нет ли у работников поста необычных наблюдений — все четверо успели загореть так, как не загорали даже летом и в отпуске. Гаршин вообще обуглился, будучи смуглым от природы, Березин с Анной побронзовели, а Рудаков сжег спину и маялся потом в рубашке, ожидая, что кожа вот-вот начнет слезать с него чехлом.

Анна отрегулировала искатель, а заодно и всю записывающую звуко- и радиоаппаратуру. Березин пересмотрел схему излучателя, хотя «вылизать» ее в этих условиях не было возможности. Затем он принялся за монтаж и установку АСН, двадцать седьмую по счету в их учетном журнале.

Все же интересно, думал он, занимаясь настройкой, что у нас получится? Излучатель ведь конкретный аппарат с очень узкой направленностью, а для связи с НЛО необходимо что-то универсальное, как лазер, например... впрочем, пробовали и лазер, и радио, и многое другое. Может, и прав Ивлев, СВЧ-диапазон еще не использовали.

В последнее время у Березина создалось впечатление, что Ивлев знает, какого эффекта следует ждать от излучателя. Но тогда непонятно, почему же он медлил до сих пор, не спешил с его разработкой? Надеялся на «обычные» методы связи? Или много времени

ушло собственно на разработку схемы, она и впрямь-таки сложна? Искатель в свое время они создали потому, что не имели портативного и одновременно мощного локатора, размером, где-нибудь, с чемодан, чтобы удобно было его перевозить и использовать в любое время и в любом месте. Но для сегодняшнего дня техники создать такой локатор, к сожалению, невозможно. Искатель проще, он всего-навсего регистрирует известное излучение, не нуждаясь в мощных источниках питания. Иное дело — излучатель, для него нужен источник питания мощностью около десяти киловатт, и хотя Ивлев и обещал достать генератор, но не успел, поэтому излучатель, выходит, они волокли в такую даль зря.

Березин поделился сомнениями с Анной.

— Обещал — привезет, — коротко ответила Анна, и он ощутил укол ревности. Ивлев был далеко, но ближе, чем все остальные. Парадокс, которого не разрешить с помощью физики, математики и логики.

Вечером третьего дня их томительного отдыха Березин и Рудаков завершили установку автоматической станции наблюдения на вершине одной из сопок рядом с шахтой. Оставалось подсоединить все приборы к компьютеру управления и подвести питание, но эту операцию решили уже отложить до утра.

Горбы сопок сужали горизонт, с запада набегала гряда не слишком симпатичных облаков, поднимающаяся луна напоминала прожектор, светящий в тумане. Березин подумал, что, вероятно, близится перемена погоды и что дождь внес бы хоть какое-то внешнее разнообразие: злей бы работалось.

Гаршин поговорил по рации с локаторщиками, но там за прошедшие сутки ничего подозрительного не отмечали и вежливо дали понять, что беспокоить их не надо, сами позвонят, если что-либо обнаружат.

— Мы им надоели хуже горькой редьки, — вздохнул Рудаков. — Прозорливость шефа, конечно, велика, но я лично сомневаюсь в удаче экспедиции на этот раз. Мы и так за лето выработали ресурс везения на десять лет вперед. Не думаете же вы в самом деле, что «тарелочки» кругом кишмя кишат и ждут не дождутся попасть в объективы наших кинокамер?

— Что толку от твоих рассуждений? — буркнул Березин, вытирая руки о траву. — Вот установим АСН, приедет Игорь, объяснит ситуацию, и ты первый с ним согласишься.

— И все же, — упрямо гнул свое Рудаков, — неопознанные летающие объекты очень редко появляются над одним и тем же местом с точностью в координатах до сотни метров. А ведь именно так с нами и было, под Красноярском, на Камчатке... Разве это не везение? Не слишком ли милостива к нам фортуна?

— Собственно, что ты хочешь сказать? — Гаршин подозрительно посмотрел на спокойное лицо товарища. — В чем сомневаешься?

— Да так... — стушевался тот, нагибаясь за чемоданчиком с инструментом. — Размышляю вслух.

— Сомневайся во всем, — сказал Березин насмешливо, — и потомки поставят тебе памятник. Все наши знания в области НЛО, по существу, сводятся лишь к тому, что нолики существуют. Впрочем, я с недавнего времени тоже сомневаюсь.

— Знания — это сомнения, оставшиеся неопровергнутыми, — изрек Рудаков. Переждав недолгий смех, он закинул на плечо ремень кинокамеры — своего второго «я», подхватил чемоданчик и, не торопясь, пошел к узкой асфальтовой ленте дороги, ныряющей в огороженную проволокой зону. — Не задерживайтесь, а то Анна беспокоиться будет.

— Ладно, ладно, — пробормотал Гаршин, свертывая рацию и глядя в спину Михаила. — Что-то странный он сегодня, а, Максим? Более разговорчивый, чем обычно... Что-нибудь случилось?

— А кто из нас интересовался его личной жизнью? Человек исправно ходит на работу, не болеет, всегда сдержан и так невозмутим, что, кажется, трагедий у него в жизни быть не может. А почему не может? Ведь он тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо. Ты вот сегодня впервые заметил, а я еще в мае, на Камчатке...

— И молчал.

— Ну, а что бы я сказал? Скорее всего он заболел... или устал. Ты тоже в последнее время ходил, как курильщик марихуаны. Скажешь, нет?

— Во мне умирал лирик, — проворчал Гаршин. — Знаешь что, психолог, давай оставим этот разговор. Не ко времени и не по желанию. Пошли домой.

— Пошли, — согласился, вздохнув, Березин. — Приглашу Анну полюбоваться далью с сопки. С какой посоветуешь?

— С террикона, — усмехнулся Владислав. — Ты еще надеешься на успех?

— То есть?

— По-моему, скоро пойдет дождь.

— Дождь — мелочь. Ты на что намекаешь, физик-математик?

— Я говорю прямо. — Гаршин начал спускаться с сопки.

Березин внимательно посмотрел на далекие лиловатые полосы облачной гряды, помеченные угасающим днем, и в душе у него шевельнулось предчувствие неведомого события.

БАНТАРАЙЯ

Ивлев прилетел глубокой ночью.

Разбудил Березина рокот мотора. Выскочив из комнаты, он увидел в стороне дороги конус света и габаритные огни вертолета. Мотор рыкнул еще несколько раз и замолк.

Сзади послышался голос Гаршина;

— Прилетел, ангел наш. Ну и реакция у тебя, Макс!

— А что такое? — спросил невидимый Рудаков от дома.

— Он спал, как медведь в берлоге, а я нет, и все равно он выскочил первым.

— Ну, уж... — пробормотал Березин, хотя, если признаться, похвала была приятна.

— Что случилось, ребята? — Распахнувшаяся дверь вылила на землю сноп света, и в золотистом ореоле появилась тонкая фигурка Анны.

— Шеф прилетел, — сказал Гаршин. — Пошли, что ли?

Ивлев привез обещанный генератор — метровый цилиндр весом в центнер, а то и больше. Вертолет он не отпустил — поразительна была власть этого человека — и летчик, молодой, симпатичный мужик, сраженный красотой Анны, остался с ними.

— Спать сегодня не придется, — сказал Ивлев после обмена новостями. — Максим, Михаил, опробуйте генератор, погоняйте на разных режимах и подключите к нему излучатель. Ты, Владислав, свяжись с радиолокационным постом.

— А не пошлют они меня?..

— Пошлют — придешь обратно. Анна, готовь всю метрическую аппаратуру, а главное, искатель. Жаль, что не подключили к сети станцию, дополнительная подстраховка не помешала бы.

Березин виновато опустил голову: своевременный монтаж АСН лежал на его совести. Ивлев, как ему показалось, пребывал в дурном расположении духа. Разговаривал скупо, был рассеян и однажды даже спросил, какое сегодня число. Причины его столь необычного поведения никто не знал, но к Максиму вновь пришло ощущение надвигавшихся событий, и, как оказалось, он не ошибся.

Работать пришлось у вертолета, в свете его прожекторов. В первую очередь они запустили генератор, потом подключили к нему излучатель, а заодно и все приборы Анны, нуждавшиеся в электроэнергии. Генератор «тянул» прекрасно, и Березин с Рудаковым обменялись одобрительными замечаниями. Излучатель тоже работал, но для настоящей проверки нужен был хотя бы один мало-мальски видимый нолик, и они, чтобы не жечь зря ядерное топливо генератора, выключили аппаратуру.

Было уже около трех часов ночи. Облака полностью заволокли небосвод, ветер стих совсем, как перед грозой. Темнота обступила их бивуак со всех сторон, лишь над территорией шахты небо слегка розовело от электрического сияния. Пахло пожухлой травой да ивовой корой.

Ивлев чего-то ожидал, посматривая на часы, его нетерпение передалось экспертам и заставило их волноваться и быть в напряжении, словно перед экзаменом.

В три часа ровно зуммер рации оборвал наконец цепь ожидания, и время полетело испуганным оленем, разом подчинив чувства и действия единому ритму...

Пост РЛС засек движущиеся предметы, не идентифицирующиеся ни с одним из классов летательных аппаратов и птиц, в полутора километрах от небольшого городка Мальцево, то есть в восьми километрах от шахты. А так как для военных наука — наукой, а служба — службой, экспертов предупредили, что некоторые воинские части подняты по тревоге.

Двигались НЛО — если, конечно, это были именно они, а не какой-нибудь каприз природы или человека, — в сторону Уссурийского шоссе и, по идее, должны были пролететь чуть ли не над территорией шахты. Ивлев, без особых усилий (!) взгромоздив на плечи цилиндр генератора, коротко приказал:

— Действуем. Вертолет подогнать на вершину сопки, к АСН. Михаил, покажи дорогу пилоту.

Миновав шоссе, они остановились. Ивлев выслушал по рации информацию о перемещениях «призраков», подумал и, вернувшись на асфальт, повернул в сторону терриконов, к огороженной проволокой зоне.

Пошел мелкий дождь. Предусмотрительная Анна набросила на плечи прозрачную накидку и превратилась в свете фонарей в елочную игрушку. Куртка Березина быстро намокла и потяжелела, но снимать ее он не стал: дождь был холодным.

У закрытых ворот зоны остановились, на проволочной их сетке висел «кирпич» и белый прямоугольник с надписью: «Запретная зона! Не входить. Не въезжать». За воротами стояла полосатая будочка, по всей видимости, пустая. Но в свете фонаря Березин заметил у будочки черный столбик, отбросивший странный блик, и догадался, что вдоль проволочной ограды зоны проведена охранная лазерно-фотоэлементная линия. Прогресс, ничего не скажешь! Что же здесь так строго охраняется?

— Что там у них? — угрюмо поинтересовался Гаршин, обшарив шпагой света ближайшие заросли и будочку.

— А Бог их знает! — отозвался Ивлев. — Зациклились на секретности. Может быть, прячут что-то... от общественности.

Фырча мотором, в полсотне метров от них на шоссе тяжело сел вертолет. Через минуту подошел Рудаков с готовой к съемке кинокамерой. Березин улыбнулся — невозможно было представить Михаила без камеры или хотя бы без фотоаппарата.

Ивлев установил цилиндр генератора «на попа», подключил к нему излучатель — все очень быстро, даже, как бы это сказать, нервно, что было далеко не в его характере. Анна поглядывала на него с

какой-то настороженностью и держалась в стороне. Рудаков безмолвно помогал. Березин взялся было за рупор искателя, но Ивлев отобрал, пощелкал переключателями и отдал Анне.

Гаршин куда-то запропал, у Березина голова пошла кругом от непонятной лихорадочной поспешности Ивлева, от общей атмосферы ожидания чего-то удивительного, если не страшного.

— Владислав, — позвал Ивлев, перекрывая кряхтение вертолетного двигателя.

Гаршин отозвался откуда-то из-за кустов, сообщив, что стоит под деревом, где вполне сухо. Анна пошла на его дрожащий голос, исчезла в темноте. Ивлев глянул ей в спину, сухие губы его тронула странная усмешка.

— С соседней сопки обзор был бы лучше, — сказал вдруг Рудаков, отвечая, очевидно, собственным мыслям.

С четверть часа они просто всматривались в небо, прислушиваясь к отрывистым переговорам Ивлева по рации. А потом Рудаков почему-то шепотом произнес:

— Есть сигнал!

Ивлев метнулся к нему, загородил свет фонаря спиной.

— Они где-то близко. Погасите фонари, — обратился он к ним.

Наступила полная темнота. Шелестел по асфальту, траве и листьям деревьев дождь, захлюпало — кто-то переступил с ноги на ногу, угодив в лужу.

— Кто-нибудь их видит? — резко спросил Ивлев. — Они должны быть совсем близко.

— Ничего, — отозвался Гаршин.

— А куда смотреть-то? — раздался спокойный голос Рудакова.

Березин невольно фыркнул, хотя и сам толком не знал, куда именно надо смотреть и что искать.

Клацнул тумблер — Ивлев возился с излучателем. Они по-прежнему ничего не видели, но Гаршин вдруг сказал вполголоса:

— По-моему, они прошли над нами...

Снова послышался щелчок переключателя, Ивлев шепотом выругался:

— Черт! — и приказал: — Максим, хватай излучатель и к машине, быстро!

В первое мгновение Березин не сообразил, какую машину имел в виду начальник отдела, потом озарило — вертолет! Неужели он хочет догнать невидимые НЛО на вертолете? Пустая затея. Если их не могли догнать сверхскоростные истребители-перехватчики...

Тем не менее Березин подхватил увесистый холодный футляр излучателя и побежал к вертолету, оскальзываясь на мокрой траве. Упал он всего раз и то удачно — мягким местом, фонарь помогал относительно. К его удивлению, Ивлев был уже там и втаскивал в кабину цилиндр генератора, что-то быстро втолковывая пилоту.

Вот это фокус — обогнать в темноте с сотней килограммов за плечами! — подумал ошеломленный Березин. Ну и сила, братцы вы мои!

Выхватив у Максима из рук излучатель, Ивлев махнул рукой:

— Захвати искатель.

Березин повернулся и в свете зажженных фар увидел подбегавших Анну и Рудакова. Гаршин где-то отстал со своей рацией.

Зарокотал в рабочем режиме двигатель, лопасти винта нехотя тронулись с места, пахнуло ветром. Вертолет был двухместный, с багажным отделением и полностью застекленной кабиной. С одной стороны в ней сидел пилот, с другой влез Ивлев, руки его были заняты приборами.

— Не справишься один, — сказал Березин быстро. — Нужен помощник.

Ивлев колебался секунду.

— Давай!

Пилот было запротестовал, но Березин уже втискивался на сидение к Ивлеву, потеснив его вплотную к пилоту, и, напрягаясь до хруста в костях, захлопнул дверцу.

— Они идут на юг, на высоте ста восьмидесяти метров, — успел прокричать вдогонку Гаршин, выбежавший с рацией на дорогу. Догадался позвонить локаторщикам, молодчина!

Березин поискал глазами Анну с рацией у губ (откуда у нее рация?), с трудом помахал рукой, и они взлетели.

Пока Березин в ужасной тесноте, темноте и тряске возился, подключая к генератору излучатель, пилот взял курс на юг, в сторону пролетевших «призраков», а Ивлев вытянул вперед, вплотную к лобовому стеклу искатель, определяя точное расположение невидимых до сих пор НЛО.

— Охота на невидимок, — пробормотал Максим, чувствуя прилив крови к щекам от натуги. — Поди туда, не знаю куда, лови того, не знаю кого.

— Включил? — перебил его Ивлев. От тона его голоса на Березина явственно повеяло холодом.

Он наконец подсоединил разъемы и щелкнул переключателем.

— Готово.

Генератор и в холостом режиме и в нагруженном работал совершенно бесшумно, однако Березину показалось, что он загудел и завибрировал почти в инфразвуке. Не руками, а каким-то «десятым» чувством ощутил эксперт его вибрацию. Этот странный суматошный вечер, гонка с настройкой аппаратуры, появление НЛО и, наконец, погоня за ними — зачем все это? Ради контакта? Без всякой подготовки, имеется в виду — серьезной научной подготовки, без определенной цели, взяли и помчались... Что даст излучатель? И если НЛО — в действительности пришельцы, что эксперты скажут им?

Да и поймут ли они людей? И вообще — заметят ли? Почему Ивлев так уверен в правильности своих действий?

Березин так перегрузился недоуменными вопросами, возникающими в мозгу с поразительной быстротой, что решил высказать их Ивлеву после приземления. В душе он уже уверовал в то, что ничего у них не получится.

— *Левее, — быстро сказал Ивлев.* — Еще... чуть вверх... так и держи, я их чую.

Пилот послушно поворачал штурвалом и, казалось, мало был озабочен тем, что несутся они в полной темноте, в дождь, да еще всего в двух десятках метров от сплошного лесного массива, в любую минуту рискуя врезаться в склон сопки или в какое-нибудь особенно высокое дерево.

— Еще левее!

— Мы кружимся на месте, — отозвался пилот. — Вон справа терриконы, я заметил. Пошли на второй круг.

Как это он умудряется ориентироваться в такой тьме?

Березин вдруг словно вылез из воды: гул двигателя, попискивание сидений, еще какие-то звуки волной обрушились на барабанные перепонки! И среди этого шума он услышал бормотание Ивлева:

— Неужели сменился шифр?.. Не может быть, парадоксы ведь исключаются... Изменился параметр выхода?.. Нет, проникатели сами иногда выпадают из поля, и тогда — крушение... редчайший случай, что я остался жив... Не хватает мощности излучателя?.. Нет, я просто не попадаю... попробуем левее... вот так... а теперь так. Сколько же я гонялся за вами, хроновики чертовы! Столько усилий и — напрасно? Ну нет, без меня вам сегодня не уйти! Прошу прощения за жестокую меру, но иначе я не выйду на вас... на живых. Роботы не остановятся, даже если один из них и погибнет. Потому-то они и видимы... да... Но вы...

Березин не понял смысла ни одной фразы. Ивлев, забывшись, разговаривал сам с собой, причем то на русском, то на какой-то смеси русского и других языков, отвечая только своим мыслям, и в интонациях его голоса было столько волнения, неуверенности и гнева, что у Максима язык прилип к гортани, пресекая попытку задать вопрос.

— Нас запрашивают пограничники, — прокричал пилот, показывая на наушники. — Они вылетают на своих машинах, а нам приказывают сесть... О! Это не пограничники... контрразведка!

— Вверх, вверх! — прорычал Ивлев, и в следующее мгновение впереди них, чуть выше по курсу, неяркая фиолетовая вспышка разорвала мрак надвое. Следом за ней мелькнула еще одна вспышка — синяя, потом голубая, и пошло по спектральной гамме: зеленая, желтая, оранжевая, красная... Вспышки словно представляли собой трассу падения какого-то тела, и Березин понял, что НЛО «выпал из поля» — по терминологии Ивлева, — стал вдруг видимым и терпит аварию.

Излучатель! — мелькнула догадка. Вот для чего Игорю нужен был излучатель! Не для связи — для выдачи сигнала «я свой»! Или для дистанционного включения автоматики выхода из невидимости... что сопровождается аварийной ситуацией.

Березин с невольным страхом посмотрел сбоку на лицо Ивлева, выдергиваемое из темноты цветными вспышками. Кто же он?! Но в этот миг небывалый огонь стек с небес на землю, высветил лесную стену и склоны сопок на многие километры вокруг. Жутко накренилось летящее навстречу поле, взревел двигатель и тут же заглох. Мягкая, но властная сила перевернула Максима вниз головой... Толчок, еще один, удар и...

Опомнившись, он обнаружил, что вертолет лежит на боку с разбитым вдребезги колпаком кабины, а Ивлева рядом нет. Нет и приборов — излучателя, генератора, искателя... Мгновенно ожив, Березин рванулся вверх, забыв о пилоте, шевелившемся под ним, и выскочил из кабины.

Небо над ними продолжало светиться, правда, тусклее, чем раньше, но все же в несколько раз ярче северного сияния. А всего в ста метрах от вертолета, заканчивая громадную вспаханную борозду, воткнулась в близкое шоссе немыслимая стреловидная ажурная конструкция, передняя часть которой была смята страшным ударом о землю; все склоны борозды были усеяны блестящими полосами, решетками и клейкими на вид нитями.

Ивлева Березин увидел не сразу, когда уже подбегал к месту падения НЛО — в том, что упал именно тот самый, пойманный радарами, объект, он не сомневался. Игорь стоял в метре от выпуклого решетчатого бока упавшего аппарата и, согнувшись, казалось, рассматривал что-то в одном из его отверстий. Потом протянул вперед руку, коснулся дырчатой стенки и... его не стало! Исчез!

Березин потряс головой, зажмурил глаза, открыл — Ивлев не появился. От аппарата не доносилось ни звука, только шелест дождя об его металлическую, судя по звуку, обшивку. Сколько Максим простоял в оцепенении, решая, что же делать, неизвестно, а когда наконец решился приблизиться к светящемуся феномену и позвать Ивлева, услышал топот. Из леса по шоссе бежали люди. Гаршин, Рудаков, Анна... и еще человек пять в одинаковых мокрых плащах, с оружием в руках. С оружием?!

Березин снова зажмурился, открыл глаза, но люди с автоматами не исчезли. Что-то кричала Анна... Что она говорит?..

— Максим, уходи! Отойди от нее! Быстрее!

Зачем? Что это означает? Кто эти люди? И почему Анна их не боится? Она с ними?.. с ними?!

Березин вдруг понял, вспомнив возглас пилота: контрразведка! Это были работники федеральной службы контрразведки. Но причем тут Анна?..

Березин перевел взгляд на светящееся тело неведомой машины, и вовремя, его даже оторопь взяла: рядом с ней невысоко над землей стала вдруг проявляться такая же штуковина. Проявлялась она долго, секунд десять, Анна успела подбежать к Максиму и повела его, сопротивляющегося, прочь.

— Успокойся, Максим, все в порядке. Мы здесь уже не нужны.

— Кто эти люди?

— По-моему, ты уже догадался.

— Контрразведчики? А ты?..

— Я тоже кроме всего прочего работаю в контрразведке. Увы, это так. Презираешь?

Березин, потрясенный, смотрел на нее во все глаза. Однако действие не закончилось, и его потрясение не было главным. Как зачарованный, он перевел взгляд на метаморфозы НЛО. Анна увела его недалеко, на полсотни метров от чужих, явно неземных машин, поэтому видно все было достаточно отчетливо, со всеми деталями.

Прилетели еще три вертолета, высадив десант спецназа в голубых беретах, оцепивший НЛО. Рычали собаки, раздавались голоса людей и команды командиров подразделений, Гаршин и Рудаков снимали и снимали всю эту картину, а Березин стоял рядом с Анной и смотрел, уже догадываясь, что произойдет.

Светящийся белесый «призрак» наконец полностью проявился, что-то звонко тренькнуло, на траву из днища аппарата упал сноп белого света, и на мокрую траву спрыгнули трое... обыкновенных мужчин, одинаково хмурых, можно сказать даже — угрюмых, и озабоченных. Не придавая значения оцеплению и нацеленному на них оружию, они молча и деловито занялись осмотром упавшей машины, не отвечая на обращения к ним в мегафон руководителей прибывших спецчастей. Вскрыли «тарелку» в нескольких местах, потом исчезли внутри таким же манером, что и Ивлев перед этим. Стрелять по ним никто не решился.

— Вот этого я не ожидал, — подбежал к Березину Рудаков с камерой в руке и пистолетом в другой. — Ну никак не ожидал! А вы что такие спокойные? Пошли со мной. Максим, пойдешь? Мы имеем полное право на контакт.

— Это не контакт, — сказала Анна тихо. — Это обычная авария, подстроенная Ивлевым. И едва ли его друзья захотят говорить с нами. Не суетись, Михаил, туда тебя уже не пустят.

Рудаков внимательно посмотрел на НЛО, потом на Анну.

— М-да, похоже, ты права. А у меня пленка кончилась. Да, о чем ты? Какие друзья? Причем тут Игорь?

— При том, что он вошел внутрь так же просто и спокойно, как эти парни. Игорь Тихонович не... не совсем человек, он их коллега, оттуда. — Анна показала на небо. — Неужели не понял?

Рудаков присвистнул, спрятал пистолет в карман и в задумчивости сделал шаг к висящему «призраку».

— Ты так уверенно говоришь... Но если все так, то их надо задержать! Кто тут главный? — обратился Михаил к группке прилетевших в плащах.

Никто ему не ответил. Плыла шелестящая дождем тишина, светились созданные неизвестно кем (но они же люди? с виду?) и неизвестно где (где еще, кроме Земли?) машины, шастали из «тарелки» в «тарелку» угрюмые здоровые парни в белых, обтягивающих тело костюмах, блестела прозрачная накидка Анны (Березин невольно посмотрел на ее лицо, странно спокойное и задумчивое. Она знала, что Ивлев — чужой! А Максим считал ее повышенное внимание к начальнику отдела чуть ли не безответной любовью... Как приятно ошибаться!), перламутровые блики ложились на мокрый асфальт шоссе живой рыбьей чешуей...

И когда молчать и смотреть дальше стало невмоготу, когда командир отряда контрразведки хотел дать команду «задержать их!», от светящейся висящей конструкции шагнула к людям знакомая фигура.

Мужчина в дождевике поднял руку для команды, оглядываясь на подчиненных, но Анна шагнула к нему, торопливо проговорив:

— Подождите.

Березин отодвинул плечом Рудакова и ступил навстречу Ивлеву, не слыша предостерегающих возгласов и восклицания Анны.

— Максим!

Они встретились посередине между НЛО и цепью солдат. Березин подошел к Ивлеву почти вплотную, вглядываясь в текучее его лицо, пытаясь понять его мысли, пытаясь найти те признаки «чужеродности», которые дали бы право сказать — он не человек! Но ничего не нашел, никаких физических отличий, да и не смог бы, будь у него даже рентгеновское зрение. Ведь та часть жизни Ивлева, знакомая Березину по совместной работе, давно охарактеризовала его по всем человеческим параметрам. Ивлев был человечней всех их оптом и в розницу, доказывать обратное было бессмысленно.

Кто-то тронул Березина за плечо. Анна...

— Я ухожу, ребята, — сказал Ивлев мягко, с грустной улыбкой. — Я возвращаюсь на родину, ибо только ради этого шел на все, даже на обман. Не осуждайте меня: чтобы вернуться, я был вынужден маскироваться таким образом, под именем Ивлева. Три года назад мой зонд потерпел аварию, кстати, недалеко отсюда, но я остался жив. И три года шел к своей цели — к возвращению. Теперь я ухожу.

— Но... кто вы? — спросила Анна, голос которой зазвучал по-новому, одновременно требовательно и робко. — Откуда и зачем?

— Это длинная история, — с той же улыбкой произнес Ивлев. — Я знаю, Аня, вы работники службы контрразведки, но вы можете быть спокойны: вашей стране я не враг и не причинил никакого вре-

да. А утечки информации не произойдет по той причине, что мы и так знаем о вас все. Единственное, ради чего мы до сих пор вторгаемся в вашу ноосферу, чего мы не понимаем и что ищем — это причины... — Он остановился, закусив губу.

— Кажется, официальные лица сейчас потеряют терпение окончательно, — сказал вдруг Березин, оглядываясь. — У них приказ — задержать вас любой ценой.

Ивлев улыбнулся.

— Не смогут. Хотя времени у меня на объяснения нет.

Из темноты раздался резкий, с металлическими переливами, голос, живо напомнивший Березину крик в ночи на Камчатке, у разбуженного вулкана:

— Бантарайя, терг ийе!

— Вот и все, — вздохнул Ивлев, заметил взгляд Анны и вдруг обнял ее и Березина за плечи. — Живите счастливо, ребята, любите друг друга, любите друзей своих, любите Землю и боритесь за нее. Боритесь за то, чтобы и через миллионы лет она осталась Землей, такой, какой она была всего лишь век назад — первозданно зеленой, нарядной, чистой... я видел это. Помните, что люди — часть природы, а не самостоятельная «вещь в себе». И для себя. У вас еще все впереди, поэтому не поздно выбрать себе цель в жизни. Но, ребята, ох, как трудно правильно выбрать эту цель! Не поминайте лихом.

Ивлев резко отстранился, постоял мгновение, вслушиваясь в наступившую внезапно хрустящую тишину, сказал: «Как жаль, что кризиса не избежать, не остановить...» — и, повернувшись, в несколько прыжков достиг «призрака». Исчез. Никто даже не попытался его остановить. Черные плащи, «голубые береты», солдаты погранвойск оцепенело дивились на НЛО и не двигались.

Раздался тонкий певучий сигнал, и в то же мгновение свечение чужих машин погасло. Пахнуло ветром, запахом озона, и их не стало.

— Занавес! — сказал Березин, оглядываясь на зашевелившихся людей. — Объяснить им ситуацию будет непросто. А, контрразведчица? Тебя за это не выгонят с работы, надеюсь? Вот почему он взял в эту командировку так много людей: чтобы нам поверили, что мы не лжем и находимся в своем уме.

Анна зябко передернула плечами и отошла с застывшим лицом, а Березин остался стоять с отрешенным видом, зная, что забыть Ивлева, кто бы он ни был на самом деле, никто из них не сможет.

Максим не знал, как сложатся у него отношения с Анной, не знал, где и кем он будет работать в дальнейшем, но одно теперь знал точно — неспроста аппараты соотечественников Ивлева появились над Землей. Он не успел, а может быть, не захотел сказать причин их появления, не сказал, кто они. Может быть, и пришельцы, разведчики иной цивилизации, имеющие свои определенные задачи и цели в отношении людей, но скорее всего они такие же

люди, как и все. Их отдаленные потомки, изучающие причины... причины чего? О каком кризисе он упомянул? Чего не досказал?

И тут вдруг жуткая мысль пришла в голову: а что если Ивлев имел в виду причины гибели цивилизации, всего человечества?! И все эти неопознанные летающие объекты — суть аппараты новой земной цивилизации, изучающей во времени историю вырождения и гибели прежней, то есть современной? Ведь люди запросто могут это сделать — убить все живое на Земле. С помощью ядерных бомб или нейтронных, искусственно вызванных землетрясений или созданных в военных лабораториях вирусов неизвестных еще болезней, пострашнее СПИДа. А может быть, и не так громко, а с помощью цепной реакции уничтожения природы, начинающейся с малого — с пятен нефти на воде, дымящих труб и срубленного дерева...

Неподалеку взлетали и садились на траву, на дорогу, земные вертолеты, прожектора залили поляну электрическим сиянием, превратив ночь в день. Поляна кишела людьми, еще не понявшими, что все уже кончилось и никогда не повторится. А в зените все еще светились зеленью низкие, сеющие мелкую водяную пыль облака.

Ну уж нет! — сказал сам себе Березин с веселой злостью, очнувшись. Черта с два меня угробишь просто так, мы еще посмотрим, кто кого...

— Кто? — спросил внутри него трезвый голос. — И кого? Ведь ты остался один на один с собственной жестокостью «повелителя природы», сам против себя.

— Ну и что? Все мы, каждый — сам против себя. Все мы против собственных болезней. Я это осознал. Теперь надо заставить осознать других. По крайней мере — это цель. Главное — вовремя оглянуться вперед. Разве нет? Не об этом ли хотел сказать Ивлев?

— Думай, если есть чем. И действуй.

Березин подошел к Анне, ощущая жар прилившей к щекам крови. Прибывшие пограничники с удивлением и опаской окружили экспертов, словно пришельцев неведомого мира. Рудаков показал на Березина и девушку и что-то проговорил, сделав отрицательный жест рукой.

— Анна, — позвал Березин, найдя глазами одинокую фигуру на краю поляны, похожую на фигуру Ивлева; мотнул головой, отгоняя наваждение. — Анна, я — с тобой!

Май 1980 г.

ХРОНОВЫВЕРТ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Докончить фразу он не успел, в рубке над пультом зажегся алый транспарант: «Тревога степени А» и приглушенно взвыл ревун. Лозински отвернулся от собеседника, не дожидаясь команды Центра, ткнул пальцем в грибок кнопки экстренной готовности. Последовавшие вслед за этим минуты прошли в молчании: автоматика корабля отрабатывала вводную оперативных постов Центра: люди — четверо в рубке, десять в отсеке десанта и еще десять в отсеке отдыха — ждали своего часа.

Экран оперативной информации выстрелил очередью пылающих цифр и знаков. Пульт управления, темный до этого момента, ожил и принял вид разноцветного панно, меняющего узор с калейдоскопической быстротой. Корабль включил все чувствительные элементы, превратился в чудовищный нервный орган, реагирующий на малейшие изменения окружающей обстановки в радиусе сотен тысяч километров. Компьютер крейсера за секунду проглотил еще несколько порций кодированной информации и начал действовать задолго до того, как эта информация стала известна людям.

Кресла мягко, но неумолимо спеленали людей, слегка откинулись и заполнились белой пеной физиологической компенсации. Над пультом вспыхнула надпись: «Разгон в режиме Ц». Свет в рубке погас, стены растаяли, люди в креслах оказались повисшими в пустоте: под ногами налево — пепельно-серый шар Меркурия, спра-

ва — пылающий тоннель Солнца, таким оно воспринималось через светофильтры, над головой — шлейф Млечного Пути.

Шар Меркурия ушел вниз и назад, уменьшаясь на глазах. Мимо искрой света пронесло орбитальный энергоузел.

Крейсер стало болтать: влево-вправо, вверх-вниз. Вспыхнула надпись: «Выход на вектор вызова». Дрожь и болтанка корабля ушли в корпус. Желудки людей вернулись на места.

Через две минуты кресла заняли начальное положение, физиопена испарилась с легким шипением. Над пультом раскрылся квадрат виома оперативной связи, обрел цвет и глубину. На командира смотрело суровое лицо дежурного Центра.

— «Славутич», вы на луче целеуказания. Экспресс-старт вызван чрезвычайными обстоятельствами: станция «Солнце-7» провалилась в хромосферу Солнца над полюсом. В нашем распоряжении около часа, точнее — пятьдесят шесть минут. Через семь минут снимем дистанционный контроль траектории, дальше пойдете по пеленгу.

— Экипаж станции?

— Двадцать человек: по десять мужчин и женщин, один из них ребенок.

— Что?!

— Это Боримир Данич, наверное, слышали о таком?

— Ясно, — после некоторой заминки сказал Лозински и повернул голову к собеседнику, с которым разговаривал четыре минуты назад; им был командир десантной группы спасателей Климов. — Готовься.

Виом оперсвязи свернулся в жгут и погас. На пульте зажглись слова: «Пять минут до финиша. Пеленг тверд».

— Эс-у-эн-о-эн, — сказал сидевший справа бортинженер-один Олег Малютин, что на жаргоне инженеров спасательного флота означало: «Силовые установки и энергооборудование — норма».

— Эс-эс-жэ-о-эн, — эхом отозвался бортинженер-два Булат Апхазава, что переводилось: «Система связи и жизнеобеспечения — норма».

— Гуд, — коротко отозвался командир.

— Десант — готовность ноль, — сказал Климов. — Объект операции — станция «Солнце-7».

— Принято, — отозвался динамик интеркома. Десант слышал все, о чем говорилось в рубке.

— Параметры объекта на пульт, — приказал Лозински. Компьютер послушно выдал данные о станции «Солнце-7».

— Рекомендации?

— Сначала предупреждение, — ответил компьютер голосом озабоченного человека. — Защита крейсера не рассчитана на работу в условиях хромосферы Солнца. Оперативное время выживания — десять минут.

— Прогноз риска?

— Девяносто девять из ста.

Лозински встретил взгляд Климова.

— Терпимо, — буркнул тот. — Все-таки шанс из ста...

— Все понял, — ответил Лозински компьютеру. — Рекомендации?

Компьютер развернул изображение станции и стал рассказывать, что нужно сделать экипажу крейсера за те десять минут, в течение которых он мог продержаться при температуре в шесть тысяч градусов, силе тяжести в двадцать пять раз превосходящей земную, в условиях мгновенных скачков плотности раскаленной материи Солнца, диких перепадов электромагнитных полей и чудовищных потоков жесткого излучения.

Время дистанционного вывода корабля на цель истекло, и командир взял управление на себя. В рубке ритмично запульсировал маяк станции, заглушаемый помехами.

Солнце закрыло носовые экраны, потом боковые, обняло весь крейсер. Пропущенное сквозь светофильтры, рубку заполнило алое, без теней, сияние. Все предметы потеряли цвет и плотность, превратились в зыбкие силуэты из пурпурного стекла.

— Функциональный контроль, непрерывную подачу данных на пульт, — скомандовал Лозински. — Визуальный и звук.

В рубке зазвучал голос координатора, докладывающий о состоянии основных узлов крейсера.

Через две минуты автоматы зафиксировали в растворе главного экрана черную точку станции, и Лозински, не глядя, сунул ладонь Климову.

— Удачи!

Климов хлопнул своей ладонью в перчатке скафандра по перчатке командира и выполз из рубки: крейсер снова болтало.

Станция «Солнце-7» представляла собой тор с внешним диаметром в сто метров. На экранах он то сжимался, то распухал, то становился плоским — из-за влияния полей, сбивающих настройку экранов, и Лозински потребовалось все его умение, опыт и интуиция, чтобы отыскать на теле станции окно стыковочного узла.

Удар! Серия отголосков в отсеках крейсера! Зеленый огонь стыковки едва пробился сквозь непередаваемо плотное ослепительно алое сияние солнечных недр.

— Пошел! — гаркнул в микрофон Лозински, почти ослепший от бушующего в рубке, осязаемо плотного и жгучего света.

— А-а-а-а! — отозвался динамик интеркома хриплым голосом помех.

Начался отсчет оперативного времени. Голос координатора, отсчитывающего секунды, казался ударами грома. Лозински, стиснув зубы, ударом кулака в панель заставил автомат замолчать. Секундные марки времени продолжали мотыльками вспархивать на экране.

Прошла минута, другая, третья...

Вышла из строя система охлаждения первого ходового генератора. Лозински отстрелил генератор, тут же исчезнувший в горниле Солнца без следа.

Четвертая минута...

Отказали ловушки обратной связи, усиливающие изоляцию основного корпуса крейсера. Лозински врубил реактор на форсажный режим.

Пятая минута, шестая...

Вал огня бросил связанные друг с другом крейсер и станцию в глубь хромосферного пятна. Вышли из строя экраны обзора. Лозински с трудом удержался на грани беспамятства от боли в желудке.

Седьмая минута...

Координатор выдал аварийный сигнал всей автоматике корабля: вышли из строя навигационные системы. Лозински скомандовал отстрел автоматики и перешел на ручное управление.

Восьмая минута...

Крейсер стало трясти так, что тошнота подкатывала к горлу. Начала плавиться обшивка моторной гондолы и реакторной группы.

— Что делать, командир? — крикнул бортинженер-два, не успевающий следить за всеми сигналами мелких поломок и аварий, которые непрерывно устранялись киб-ремонтной системой корабля. Пока устранялись...

Лозински не ответил, он ждал...

Климов подал сигнал на исходе двенадцатой минуты:

— Все на борту! Уходим!

Корабль еще держался, но уйти на планетарных двигателях уже не мог. И тогда Лозински принял решение стартовать из Солнца в режиме «призрак». У него не было иного выбора.

В тот момент, когда их повлекло в сторону рождающегося хромосферного факела, он включил спейс-прокол, успев подумать, что крейсер может просто превратиться в протуберанец. А потом...

— Как это случилось? — спросил Спенсер, устремив на Шелгунова твердый и властный взгляд.

Начальник меркурианского Центра аварийно-спасательной службы встретил взгляд, не дрогнув коричневым от загара лицом.

— Что случилось на самой станции, никто не знает. Что касается крейсера... по всей видимости, Лозински состыковался со станцией и успел снять ее экипаж, а потом включил режим «призрак».

— Это факты или догадки?

— Те обрывки донесений, что поймали наши антенны, почти не поддаются дешифровке, тем не менее смею утверждать, что дело обстояло именно так.

— Тогда они погибли. Старт в спейс-режиме в таких условиях...

Шелгунов пожал плечами.

— Специалисты пока воздерживаются от прогнозов. Никто из теоретиков спейс-плавания не просчитывал всерьез подобного варианта. Возможно, «Славутич» выбросило из Солнца, и он где-то в Системе.

— Но возможно и то, что его забросило глубже в недра Солнца.

Шелгунов воздержался от возражений.

— Понятно. — Директор Управления аварийно-спасательной службы встал из-за стола-пульта и подошел к видеопласту, изображавшему Солнце в радиоспектре. — Прочешите Систему обычными средствами. СПАС переведем на это время на форму «Поиск-экстра». Поторопите ученых с расчетами. Как только они будут готовы — сообщите.

Шелгунов безмолвно наклонил голову в знак согласия.

Спустя трое суток в кабинете директора Управления аварийно-спасательной службы (УАСС) состоялось совещание, в котором приняли участие ведущие специалисты теории мгновенной спейс-связи и руководители секторов и отделов аварийно-спасательной службы.

— Сегодня я могу с уверенностью сказать, — начал совещание Шелгунов, — что экипаж крейсера «Славутич» до конца выполнил свой долг. Он успел снять экипаж станции, но время пребывания крейсера в экстремальных условиях превысило расчетное время безопасности. Обычные планетарные двигатели вышли из строя, и командир крейсера Лозински принял единственно возможное решение — стартовать в режиме «призрак». Всесторонний анализ последствий старта показал, что «Славутич» не взорвался. Это пока все, что мы знаем. Дальнейшая его судьба неизвестна. Но ученые имеют кое-какие интересные соображения на этот счет.

— Разрешите? — встал светловолосый и голубоглазый директор Института спейс-связи Холод-Ладыженский.

— Говорите, — кивнул Спенсер.

— Хочу высказать мнение ученых нашего института. В дебри спейс-теории вдаваться не буду, методы нашей работы тоже не интересны и практически лишены наглядности. Итак, мы приближенно решили задачу, к чему может привести спейс-старт в условиях внешней энергетической подкачки. Получилась любопытная картина. Решение неоднозначно: вероятно, мы еще чего-то не понимаем в теории или наш математический аппарат не способен адекватно отобразить все ее следствия. Модель первая — крейсер «вывернуло» в субквантовую область, то есть он превратился в элементарную частицу. Модель вторая — его зашвырнуло далеко в космос: при том выделении энергии, которое зафиксировали приборы слежения, он может оказаться с равной вероятностью в любой точке сферы ради-

усом в сто парсеков. Третья модель — крейсер вышел из спейс-струны в минус-вселенной. Есть и четвертая модель, но она и вовсе экзотична. Какая из моделей окажется верной, мы пока не знаем.

— Когда это станет известно?

— Все крупнейшие специалисты по спейс-теории сейчас заняты разработками моделей и экспериментальными их проверками. Думаю, для окончательного выбора единственно верной модели нам понадобится не меньше месяца.

— Это океан времени! А нам прикажете пока бездействовать?

Холод-Ладыженский с укором посмотрел на директора УАСС.

— Зачем же? Можете начинать поиск крейсера теми средствами, которые имеются у спасательной службы. Вполне может оказаться верной гипотеза, что крейсер выпал где-то в космосе в радиусе до ста парсеков.

Никто в кабинете не улыбнулся, хотя фраза прозвучала, как только что родившийся анекдот.

— Что ж, и на этом спасибо, — сказал Спенсер, вставая. — Тогда не будем терять времени.

2

Дивизион подняли по тревоге, ночью, и Гордоншах, одеваясь на ходу, перебрал в уме все возможные причины тревоги. Подбегая к бетонному укрытию командного пункта, он окончательно решил, что над Атланторией летят бомбовозы противника.

Сирена смолкла, и наступила пульсирующая тишина, в которой совсем недалеко, в сотне фаттах от КП по радиусу зашевелилась земля и массивные металлические крышки поползли в стороны, сдирая дерн по пути и открывая фермы пусковых установок.

Гордоншах, оглянувшись, в последний раз окинул взглядом коричневое в инфраочках небо, такой же коричневый с черным лес вокруг, багровые решетки антенн радиолокационной станции, и нырнул в проем люка.

В кабине командного пункта царила синяя полумгла, льдисто мерцали экраны индикаторов воздушной обстановки, перекликались операторы сопровождения, низкий подземный гул работающих генераторов питания стушевывал все звуки — шел контроль функционирования систем зенитно-ракетного комплекса. Дивизион Гордоншаха представлял собой одну из единиц воздушной обороны Иранистана со стороны горной гряды Пеласгекона и прикрывал полуостров на глубину в пятьдесят пять зхобов.

— Приказ центра, — доложил с места дежурный офицер наведения Ширмамад, он же заместитель Гордоншаха по связи. — Занять по тревоге боевые места и ждать распоряжений.

— Понятно, — отмахнулся Гордоншах и тут же удивился. — То есть как это ждать распоряжений? Разве тревога учебная?

Ширмамад пожал плечами и уступил сидение.

— Я запрашивал связистов, те твердят что-то невразумительное о пришельце из космоса, разведке неверных и так далее.

— Ну и дела! — Гордоншах сел на вращающийся стул, окинул взглядом аппаратуру — на панели горели зеленые сигналы готовности ракет к пуску — и надел шлем связи.

— Высокое на антенну!

— Есть высокое.

Засветился сизо-белым светом квадрат общего наведения, накалился, и по нему побежала неровная темная дорожка радиовысвета поверхности земли. Гигантский палец радиоизлучения начал прощупывание неба над горизонтом в радиусе трехсот зхобов.

— Пост-три, пост-три, — пробился в наушниках голос оперативного офицера центра управления. — Выйти на антенну!

— Вышел, — лаконично ответил Гордоншах.

— Сектор поиска: двести десять — триста, высота от пятнадцати до восьмидесяти. Повторяю...

Вверху звякнул люк,и в помещение КП скатился по лесенке заместитель Гордоншаха по вооружению капитан Абдулхарун.

— Ну, что? — бросил он, торопливо натягивая дугу с наушниками.

Гордоншах покосился на его распахнутый френч и мотнул головой: не мешай.

— Внимание! Поиск в секторе двести десять-триста. О целях докладывать немедленно! — Он положил руку на штурвал наведения и, подняв радиолуч, повел им вправо в указанном секторе.

Пять минут в помещении КП царила напряженная тишина: гул дизельных электрогенераторов был так привычен, что на слух не воспринимался. Потом луч локатора вырвал из глубин неба ярко просиявшую точку, и невольный вздох вырвался из грудей офицеров.

— Очевидно, разведчик, — доложил Гордоншах центру. — Азимут двести сорок, дальность триста, высота пятьдесят два. Цель одиночная, скоростная, приближается...

— Сопровождайте, — отозвался далекий писк. — На дальности восемьдесят включите оптику. Пуск ракет только по команде.

— Принял, — сказал Гордоншах и рявкнул операторам: — Перейти на автомат! Метеорологи, что слышно?

— В ста зхобах фронт циклона, уходит к югу. Скорость ветра сто и пять.

— Норма, примем почти без помех, — буркнул как бы про себя командир. — Интересно, соседи тоже сидят по тревоге?

— Наверняка, — усмехнулся Абдулхарун. — Они, как и мы, получают тревожный сигнал и разносы в первую очередь.

Офицеры обменялись улыбками. Абдулхарун в отличие от атле-

тически сложенного Гордоншаха был худ, длиннорук, лысоват. Он был старше командира всего на шесть лет, но морщины, унылое вислое лицо и усталый взгляд старили его на все двадцать. Ирония его часто доходила до цинизма, однако, нельзя было сказать, что это не нравится младшему обслуживающему персоналу дивизиона.

Сияющая точка на экранах быстро увеличивалась, вскоре она превратилась в туманное пятно света.

— Дальность сто двадцать, высота пятьдесят, азимут двести сорок пять, цель идет со скоростью семь и три.

— Странно, — не удержался Ширмамад. — Для стратегического разведчика скорость явно велика, да и для спутника тоже.

Гордоншах включил вогнутый экран оптического усилителя. Экран вспыхнул, пригасил сияние и показал в центре не конус спутника или треугольник скоростного авиаразведчика, как ожидали офицеры, а нечто странное, не похожее на привычные глазу формы.

— Ух ты! — воскликнул Ширмамад.

Они увидели яйцевидное тело, проткнутое семью трубами. Размеры конструкции потрясали: яйцо с трубами вытянулось на ползхоба, и на концах труб горели светлые серебристые венцы.

— Это не спутник! — пробормотал хмуро Абдулхарун. — И не самолет-разведчик.

Гордон озадаченно посмотрел на него.

— Не спутник?! А что?

— Спроси что-нибудь полегче. — Абдулхарун облизнул пересохшие губы. — Спутников такой формы и таких размеров не существует.

— А вдруг неверные опередили нас и теперь демонстрируют свою мощь?

— Оставь подобные заявления нашему шейху.

— Размеры цели: двести в поперечнике, четыреста по длине, — педантично доложил оптик-фотометрист.

Конструкция на экране быстро увеличивалась, и теперь стало заметно, что с каждой пульсацией света на концах труб все гигантское сооружение искажается, расплываясь в очертаниях, и тут же резко, скачком, обретает былую четкость контуров.

— Доложите обстановку, — запищал в наушниках центр.

Гордоншах некоторое время соображал, что докладывать:

— Цель вижу хорошо, огромное тело необычных форм. Предполагаю, что это чужой...

— Продолжайте наблюдение, — оборвал его центр, — фотографируйте. Об эволюциях докладывайте каждые две минуты.

— Принял, — со вздохом сказал Гордоншах.

Неизвестное тело полностью закрыло экран своими страшными трубами, в жерло каждой из которых свободно мог уместиться весь дивизион со всей его техникой.

— Цель прошла зенит. Скорость семь, высота сорок восемь...

— Ну и чудище! — сказал Ширмамад и закашлялся. — Вот было бы смешно, влупи мы в него свои ракеты!

— Не отвлекайся, — пробормотал сквозь зубы недовольный Гордоншах. — Может, еще придется.

Летящий за пределами тропосферы исполин пересек линию терминатора и укатился за горизонт.

— Ушел, — с сожалением сказал Гордоншах, снимая наушники. — Неужели не узнаем, что это было? — Подумав, отдал наушники Ширмамаду. — Посиди один. Если будет что срочное — позовешь, мы подышим свежим воздухом.

Офицеры полезли из помещения КП в наступающее утро.

3

Тишина в ходовой рубке крейсера стояла такая, что биение собственного сердца отзывалось в ушах канонадой. Лозински покосился на бесстрастного Сонина и вспомнил старинное изречение: «Научи меня, господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай мне энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых». Что ж, в их положении изречение полностью отвечало состоянию вещей. Старт из Солнца в спейс-режиме закончился в неизвестности и изменить здесь что-нибудь было уже невозможно.

Беззвучно открылся люк, и в рубку вошел Климов. Был он невысок, хрупок, изящен, и лишь мелькавшие в слегка запавших черных глазах иронические огоньки позволяли отнести его в разряд людей, знающих, на что они способны. Подойдя к подкове пульта, в выемке которого стояли кресла командира и бортинженеров, он бросил в пустое кресло шлем мыслесвязи — эмкан — и сел рядом с Лозински.

— Дистанционное управление не работает. Мыслесвязь сейчас бесполезна, как бинокль слепому.

Лозински исподтишка разглядывал двоих спасателей и думал, что эти в общем-то очень разные люди в чем-то разительно схожи. Не холодным спокойствием глаз, неподвижностью лиц, одинаковостью реакций, нет — работники аварийно-спасательной службы постоянно готовы к действию, риску, и эта готовность, ставшая чертой характера, состоянием души и тела, наложила свой отпечаток на натуры, вылепила мужское в мужчинах, — но эти двое были похожи чем-то еще, заложенном в глубинах психики и жизненного опыта. Как же они оценивают ситуацию?

— Где Апхазава? — спросил Лозински, не меняя позы.

— Вот он я, — отозвался из коридора голос бортинженера-два, и

в рубку вошел смуглый, черноволосый Булат Апхазава, перепачканный чем-то маслянисто-желтым. Он был хмур и неприветлив.

— Твоя оценка?

Апхазава постоял у пульта, рассеянно пощелкал кнопками бездействующего ручного управления.

— Автоматика не работает аж до седьмого уровня. И не будет работать, даже если координатор починит все свои исполнительные цепи.

— Это почему же? — спросил Сонин.

— Нештатный режим съел почти все запасы энергии. К тому же мы ослепли — ни один видеоканал не работает.

— Ручное управление тоже. — Лозински бросил взгляд на темный пульт. — Видимо, где-то порваны аксиальные цепи.

— Дела-а! — Климов оттянул воротник свитера. — Одним вам не справиться. Придется начинать ремонт без связи с координатором. И начать надо прежде всего с видео. Чем быстрее мы прозреем, тем раньше определим свои координаты.

— Как себя чувствуют спасенные?

— Почти все нуждаются в стационарном лечении. Не пострадали только женщины и Данич. Кстати, пятеро моих получили ожоги разной степени тяжести.

— Медикам что-нибудь нужно? Наша помощь?

— Нет.

— Тогда начинаем чиниться.

Спустя сутки координатор крейсера сумел устранить обрывы в информационных цепях (команд он все еще не слышал), и люди наконец узнали полный объем разрушений корабля. Ни о каком старте, конечно, речь идти не могла.

Прозрели и видеосистемы. Апхазава обнаружил это случайно, задев на пульте сенсор, включающий аппаратуру видеопередачи. Слепые стены рубки стали «прозрачными», распахнув людям пугающе близкий зев пространства.

Слева от корабля медленно поворачивалась голубовато-зеленая выпуклая стена планеты, из-за которой вынесло вдруг ослепительно желтый диск светила. Пятеро в немом изумлении долго смотрели на диск, заливающий рубку потоком золотого света, потом с тем же чувством разглядывали планету. Крейсер скользил над Землей, сомнений не было, а светилом было Солнце. Корабль вели автоматы, координатор, не имея связи с хозяевами, сам принял командование на себя. Люди пока ничем не могли ему помочь.

— Вот так удача! — воскликнул наконец Апхазава. — Вынесло прямо к Земле, как в сказке! И вы еще будете уверять, что удачи не существует?! Я думал, нас забросило по крайней мере в другую га-

лактику! А теперь живем! Не понимаю только, почему нас до сих пор не перехватили спасатели земного сектора — сутки крутимся у них на виду, если не больше.

Внезапно корабль содрогнулся, звенящий грохот донесся из его недр, по экрану мелькнули беззвучные синие полосы пламени. На панели координатора перемигнулись оранжево-красные огни и вспыхнула надпись: «Ракетная атака. Эквивалент до двух тротил-единиц».

Лозински послал мысленный приказ, но аппаратура мыслеуправления еще не работала, координатор не отозвался.

— А это еще больший сюрприз! — с угрюмым недоверием сказал Апхазава. — Час от часу не легче! Ракетная атака?! Кто это нас так встречает? Может быть, координатор поврежден и не способен правильно оценивать обстановку?

Никто ему не ответил.

Прошел час, другой, третий.

Еще два раза корабль был атакован ракетами — по оценке координатора. Приборы отмечали направленный поток радиоизлучения: за движением крейсера следили земные локаторы, но и этот факт тоже не укладывался в рамки привычных представлений, потому что поток излучения не соответствовал тому, что знали о земной технике локации инженеры корабля.

— Странное излучение, — бормотал Лозински, изредка посматривая на виом. — В таком диапазоне наземные РЛС не работали никогда. Что у них, пока мы летали, сменили диапазоны?

— Надо как можно быстрее ввести в строй бортовую станцию связи, — негромко произнес Сонин. — Истина станет известна лишь после налаживания связи.

— У меня такое впечатление, будто нас приняли за старинную военную ракету, — сказал Климов. — Но с другой стороны «ракетные залпы» — явная чушь! Если бы нас захотели сбить — давно сбили бы и без всяких ракет. Какое-то дикое несоответствие между современным техническим потенциалом и тем, как нас встречают. Куда-то подевалась вся орбитальная техника: ни тебе капсул метеопатруля, ни энергоузлов, ни орбитальных лифтов!..

— Шеф, — позвал Лозински бортинженер-один Олег Малютин. — К вам на прием просится один из спасенных.

— Проводи его, не то без лифтов заблудится в переходах. Кто он?

— Некто Боримир Данич.

Лозински и Климов обменялись взглядами.

— Интересно, — пробормотал командир крейсера. — Что нам хочет сообщить этот юный представитель хомо-супер?

Малютин вышел из рубки и через полчаса привел из медицинского отсека Данича.

Климов и Лозински уже были знакомы с Даничем, остальные его видели впервые, и лишь умение сдерживать себя не позволило им выйти за рамки приличного удивления.

Боримиру Даничу шел двенадцатый год. Это был хрупкий, прозрачноглазый мальчик, в меру подвижный, застенчивый и добрый. Ничего «демонического» в его облике не было: детское личико, чуть более серьезное, чем положено по возрасту, светлые вьющиеся волосы, тонкая детская шея.

Родился он и рос до пяти лет обыкновенным ребенком, не обнаруживая никаких данных с приставкой «сверх». Но потом вдруг в нем проснулся исполин, сверхинтеллект, мальчик за четыре года закончил школу, институт Солнца, вошел в состав Ученого Совета Земли и стал автором двух открытий в физике вакуума, оставаясь все тем же пареньком, любящим детские игры, не чуравшимся материнской ласки.

Он безропотно дал обследовать себя медикам, но светила медицины в конце концов только развели руками, поговорили о «ковергентных мутациях», «генном ускорении», «биодевиации» и о прочих премудрых вещах и нарекли Данича первым представителем будущего рода хомо-супер. Родители «супера» души в нем не чаяли и продолжали воспитывать так, как предписывали правила воспитания нормальных детей в соответствующем возрасте, изредка прибегая к советам психологов. Боримир рос, как и его сверстники — по виду оставаясь ребенком, но обладая интеллектом, редким даже для взрослого. Поговаривали, что Боримир способен читать мысли. Было такое или нет, неизвестно, но то, что он мгновенно мог разобраться в любом человеке, соответствовало истине. Интуиция у мальчугана была развита, как ни у одного человека на Земле.

Данич, нисколько не теряясь под взглядами, бегло осмотрел присутствующих в рубке и подошел прямо к Лозински, будто знал, что он командир крейсера.

— Извините, Питер Лозински, не соблаговолите ли вы меня выслушать?

Несколько обалдевший Лозински «соблаговолил».

— Я немного знаком со спейс-теорией, — продолжал мальчишка с некоторым смущением, и Лозински в ответ стало неловко, что он-то как раз с этой теорией знаком меньше, чем «немного». — Видимо, при спейс-проколе произошел не обычный пространственный выверт корабля, а редкий по вероятности хроновыверт, в теории заложена и такая возможность.

— Вы хотите сказать, что... — начал Климов.

— Совершенно верно, — кивнул мальчик. — Нас вывернуло не только в пространстве, но и во времени, и теперь под нами Земля

прошлых лет. Судя по встрече, нас выкинуло в начало двадцать первого или конец двадцатого столетия. Точнее можно будет сказать, когда заговорят приемники.

— Я думал об этом, — признался с облегчением Лозински, — но счел это... — Он пошевелил пальцами, подбирая выражение.

Данич улыбнулся, и все в рубке заулыбались в ответ, столько озорного и детского лукавства было в этой улыбке.

— Я понял. Не хотел бы оказаться на вашем месте. Вы позволите остаться в рубке? Я мог бы помочь в наладке приемной аппаратуры.

— Конечно, — кивнул Лозински, поняв, что с этим малышом надо разговаривать, как с равным.

— Пусть идет со мной, — сказал Климов.

Данич с готовностью повернулся к нему, и в это время корабль заметно качнулся с боку на бок, экраны мигнули и погасли. Снова дернулся и мелко-мелко задрожал пол рубки, сдавленный стон донесся из-под пульта, словно тот был живым существом. Потом пол встал почти вертикально и наступила невесомость.

— Ракетная... — прорезался голос у координатора, в динамиках захрипело. — Ракетно-ядерная атака. Повреждены следящие системы. Произвожу аварийную посадку.

— Держитесь! — крикнул Лозински, ныряя в люк. — Сейчас будет до десяти «же»!

Климов отстал от него на полсекунды, схватил Данича на руки, усадил в кресло и через мгновение перегрузка громом отдалась в его напряженном теле.

4

Дивизион Гордоншаха «сидел» на готовности уже девять часов подряд. Воздух в помещении КП нагрелся до того, что командир приказал всем снять верхнюю одежду. Пятый раз они встретили и проводили чужой космический корабль — об этом догадалось даже высокое начальство в Сарвар-центре. Три раза его пытались сбить: над Чатралом и Патаном, но чужак словно не замечал взрывов в своем странном скачущем движении, сбил военный спутник и не ответил на приказы приземлиться в указанном районе. Он пролетал и над территорией неверных — Пеласгулом и Атланторией, но хеттары не пытались его сбить и лишь слали радиозапросы, да предъявили ноту протеста в Организацию Всемирного Индпака против преступных попыток уничтожения чужого звездолета.

Гордоншах знал об этом не только со слов заместителя, но и по радиопередачам, однако открыто осуждать действия командования не хотел.

— Когда-то это должно было случиться, — сказал он Абдулхаруну, когда они в очередной раз вылезали из-под земли, одуревшие от гула, жары и запахов кабины. — Наши писаки давно прогнозировали встречу с пришельцами, правда, прогнозы у них мрачные... Интересно, почему о н не отвечает на наши выпады? Посмотри на его трубы, ведь есть, чем ответить!

Заместитель вдохнул всей грудью холодный утренний воздух и посмотрел на командира как-то странно — внимательно, оценивающе и в то же время с подозрением.

— Ты прав, он не беззащитен. Вот бы захватить его со всем оружием на борту! Представляешь, какое у него вооружение?

— Ты большой специалист по фэнтези, — с иронией ответил Гордоншах. — А также большой шутник.

— А если я серьезно? — Абдулхарун усмехнулся, хотя глаза его остались угрюмыми.

— А если серьезно, то вспомни поговорку: не ищи беды, она сама тебя сыщет. И еще одну: нашему б шакалу тигра съесть... Ты посмотри на это страшилище: крепость, рассчитанная на звездные катаклизмы! А ты — захватить!.. К тому же, идеи звездных войн мне, честно говоря, не особенно по душе.

Абдулхарун задумчиво рассматривал своего всегда сдержанного и немного сумрачного командира.

— Что-то есть в твоих словах, — изрек он наконец, меняя тему разговора. — Ты меня отпустишь сегодня в город?

Гордоншах покосился на проходящую смену операторов.

— Снова опоздаешь к разводу или поднимешь бучу в баре.

Абдулхарун хмыкнул.

— Уже донесли? Впрочем, плевать. Так что?

Гордоншах ответить не успел.

Коротко провыл ревун тревоги.

— Снова э т о т! — Гордоншах поднял глаза к небу. Затем кивнул, *в три шага достиг люка и нырнул в кабину, как в воду.*

— Сектор двести сорок — двести пять, — прокричал сквозь гул Ширмамад. — Снова «призрак». Получен приказ сбить!

— Пост-три, пост-три, — пропищало в наушниках. — Будьте готовы к Эйч-атаке. Основной выстрел через пост-четыре, вы пока в резерве. Готовность — три минуты.

— Внимание! — повысил голос Гордоншах. — Цель одиночная, высотная! *Залп тремя по середине отметки!*

Операторы застыли в ожидании. Чужой звездолет приближался со скоростью около семи зхобов в секунду, и курс его пересекался с сектором стрельбы дивизиона.

— Фарид! — окликнул Гордоншаха Абдулхарун. Пробрался между аппаратными стойками и зашептал на ухо командиру: — Надо сбить его так, чтобы он упал поближе к нам. Сможешь?

— Чокнутый! — Гордоншах высвободился и сам сел за пульт наведения. — Совсем одурели в штабе! Промазать мы не промажем, но убежать вряд ли успеем, если он ответит на удар.

— Соседи атакуют! — воскликнул Ширмамад.

На экране возникли три огненные черточки и помчались навстречу огромному телу пришельца. Через мгновение на группку ракет налетел черный силуэт, и экран вспыхнул и потемнел.

— Падает! — закричал оптик-фотометрист.

— Р-разговорчики! — рявкнул Гордоншах. — По цели, залпом, огонь!

Кнопка ушла в панель и тотчас же задрожали стены, глухой подземный рев проник в кабину и ушел в небо.

— Упреждение пять на дальности сто сорок! Два залпа с интервалом три секунды!

Дважды заревело, дрожь земли отозвалась в телах людей, и наступила тишина. На высоте сорока, потом тридцати двух и двадцати пяти зхобов распустились ярчайшие «цветы» атомных взрывов, но Абдулхарун успел заметить, что взрывы каждый раз возникали сзади снижающегося звездолета. То ли Гордоншах не учитывал чего-то при наведении, то ли звездолет маневрировал, избегая прямых попаданий, хотя невозможно было представить, как он это делает при таких габаритах и массе.

— Как пришелец? — осведомился командир, сбрасывая дугу наушников. — Сбили мы его или нет? — Он подхватился со стула и направился к лестнице. Голос радиста догнал его уже наверху:

— Он упал совсем близко, в районе озера Нур.

Гордоншах выскочил на холм, загородился от солнца козырьком руки и увидел на горизонте застывший дымный столб. Очень медленно столб потолстел и постепенно осел серо-сине-зеленым облаком.

Далекий гул и треск пришел оттуда, не утихая долгое время.

Сзади прошелестели шаги Абдулхаруна.

— Все-таки мы его сбили, как я и рассчитывал. Поздравляю.

— Не уверен, — глухо отозвался Гордоншах, не оборачиваясь. — По-моему, он сел сам.

5

Перегрузки длились недолго, спустя несколько секунд наступила невесомость, потом вернулся нормальный вес — корабль боролся за жизнь.

В рубке было тихо, как в подземелье, лишь из-за неплотно закрытого люка доносился из глубин корабля стон аварийного автомата.

Содрогание прошло по рубке, вздыбился и опал пол, что-то посыпалось со стеклянным звоном. Климов едва не выпал из кресла, но удержался за пульт. Еще раз дернулся пол рубки, накренился и так и остался под углом двадцать градусов к горизонтали.

— Приехали, — пробормотал Климов будничным тоном.

Час спустя люди сумели запустить линию ремонта следящих систем и наладили двухстороннюю мыслесвязь с координатором — теперь они могли командовать автоматикой крейсера из рубки.

— Посмотрим, куда мы упали, — сказал Апхазава с напускной небрежностью. — Прошу дам не падать в обморок.

Стены центрального зала скачком прозрели, и люди наконец увидели местность, где совершил вынужденную посадку «Славутич».

Очевидно, крейсер опустился в озеро. Основная масса вод озера испарилась, и эта пароводяная туча, охватившая корпус корабля до середины, колыхаясь и вспучиваясь, закрывала от взора саму котловину озера в радиусе нескольких километров. Оттуда, где в облако пара погружались концы черных труб — генераторов спейс-прокола, — доносилось клокотание, пар, тая, то и дело взлетал султанами: трубы остывали медленно, нагретые до звездных температур.

Озеро сильно обмелело, обнажив коричневое и черное кое-где дно. За этой темной полосой вставала холмистая равнина, покрытая изумрудной травой и низким кустарником. Справа холмы уходили за горизонт, постепенно теряясь в дымке, а слева равнина понижалась и сменялась болотом с ржавой стоячей водой, редкими кустиками вишнево-сиреневого цвета и россыпями коричнево-желтых кочек.

Белесовато-голубое небо казалось пустым и недосягаемо высоким. Четко очерченный золотой диск солнца на нем невозможно было рассматривать без светофильтров, и он ничем не напоминал то чудовищное огненное горнило, из которого почти чудом вырвался крейсер.

— Здорово! — нарушил молчание Апхазава. — Только вот следов цивилизации не видно. Кто же нас сбивал?

— По-моему, они, — показал на экран внимательный Климов. Бортинженер дал вариацию увеличения, один из холмов километрах в пятнадцати от них ринулся навстречу, расползся в стороны, остановился. На голой от кустов вершине холма стояла приземистая машина неизвестного назначения, одетая в броню, с крупнокалиберным пулеметом на башне. А возле машины неподвижно высились две человеческие фигуры.

— Положение серьезное, — сказал Климов, разглядывая переносицу Лозински. — Каковы у нас шансы отремонтировать крейсер и пополнить запасы энергии?

От этих слов Лозински почувствовал себя виноватым. Сознание собственного бессилия мучило его давно и остро, но он, превозмогая себя, старался выглядеть так же бесстрастно и уверенно, как и спасатели.

— Своими силами справиться с ремонтом корабля в полевых условиях мы не в состоянии, для этого нужен как минимум завод. А накопление энергии в планетарных условиях — фикция, вам сие должно быть известно. Отсюда — необходим контакт с нашими предками, в целях нашей же собственной безопасности. Сбили нас, очевидно, в Азии; большего не скажу, я не географ и не историк. Но раз уж хозяева встретили нас так, как встретили, они не остановятся на достигнутом. Ждать нужно всего. Хотя я никак не могу понять мотивов их враждебных действий.

Климов нахмурился, отчего его смуглое и тонкое лицо приобрело жесткое выражение.

— Понять их не просто. Может быть, они приняли нас за чужих агрессивных существ и решили применить превентивные меры. Но опасность в другом: в нашем положении трудно сохранить статус-кво, и чем дольше мы остаемся для них таинственными и страшными пришельцами, тем больше возрастает вероятность нового ядерного удара. А защищаться, пассивно отражая удары, мы долго не сможем. Я тоже за контакт. — Он вздохнул. — Как гласит старая добрая поговорка: худой мир лучше доброй ссоры. Хотя, может быть, это и не лучшее решение. Как скоро мы сможем начать с ними радиоконтакт?

Лозински перевел взгляд на Малютина.

— Послезавтра, — ответил бортинженер-один. — Если сумеем запустить электронику связи. В противном случае останемся без связи вообще. Если бы жизнеобеспечение заработало...

— Если бы... — пробурчал Лозински, глядя на экран.

Далеко по горизонту несколько раз просверкивали яркие блики: какие-то угрожающего вида машины цепью охватывали крейсер, старательно и бестолково маскируясь кустарниковой растительностью холмов. Они были еще далеко, но космонавты знали — расстояния в век ракет не имеют значения для ведения боевых действий.

6

Дивизион Гордоншаха располагался в пятнадцати зхобах от озера Нур. К вечеру грузовые вертопланы перевезли на территорию дивизиона полк передвижных реактивных систем залпового огня, который тут же снялся и начал окружение чужого звездолета. Глубокой ночью окружение закончилось: вокруг озера с пришельцем строго по кругу диаметром в сорок зхобов разместилось восемьдесят

ракетных установок, одновременный залп которых, как рассчитал Гордоншах, мог превратить местность площадью в сто квадратных зхобов в огненный ад.

Командовал операцией окружения полковник Абу л-Хасан, высокий, худой, с острым лицом и почти безволосым черепом. Прибыл он на вертоплане, перебрался в бронетранспортер, и Гордоншах счел за благо не показываться начальству на глаза, отказыряв при встрече и ответив на все вопросы, которые задал ему полковник.

Официально Гордоншах, по званию фарак — майор ВВС, не подчинялся Абу л-Хасану, джемаладдину — полковнику сухопутных сил быстрого развертывания: они принадлежали к разным родам войск, соперничавшим между собой в вопросах престижа. Но когда под боком в твоем хозяйстве распоряжаются чужие высокопоставленные лица, чувствуешь себя прескверно.

В подземном бункере управления висел дымный полумрак.

Гордоншах прошел за прозрачный лист координатографа и успокаивающе кивнул встрепенувшемуся оператору. За шкафами с личным оружием операторов спал Абдулхарун, подсунув под правую щеку кулак и полуоткрыв рот. От него, как всегда, несло спиртным.

Гордоншах секунду постоял, принюхиваясь к запаху перегара и наркотика, и вернулся обратно к аппаратуре связи. Здесь пульсировали и шептали голоса далеких и близких радиостанций: передавал сводку погоды метеоцентр, кто-то истерично кричал об угрозе с неба, гнусавил скороговоркой служитель Веры, знаменитый солист пел о «страсти любви, превышающей ядерный вихрь», и четкий голос размеренно сообщал о том, что ракетные войска Черного Континента и Желтых Островов приведены в полную боевую готовность в связи с предложением неверных передать звездолет на изучение специалистам международной научной экспедиции.

— Передадут? — спросил Ширмамад, кивая на радиопанель.

Вместо ответа Гордоншах повернул ручку настройки, и в кабине зазвучал голос шейха, страстно призывающего не верить провокационным заявлениям неверных, которые хотят завладеть сокровищем с неба.

— Да-а, — вздохнул офицер наведения. — Если дело дойдет до стычки... и все из-за этого железного лома. Откуда он свалился, как ты думаешь?

Гордоншах покачал головой.

— Аллах его знает! Не с Марса и не с Венеры, это я знаю точно. Я почему-то считал, что контакт с пришельцами должен начинаться не с обмена ударами.

— Эх вы, политики! — раздался сзади хриплый голос. Из-за шкафов появился Абдулхарун, разминая помятое лицо. — Разве не ясно, почему мы поспешили посадить его на свою сторону?

— Сбить, ты хочешь сказать.

— Именно посадить. Для того, чтобы он не достался неверным. Шейх прав: этот пришелец — самое настоящее сокровище, и если мы договоримся с его хозяевами, то намного опередим Христианский Союз по вооружению и мощи. Вы же видели: даже ядерные залпы пришельцу нипочем! Представляете, какой толчок он даст военной технологии, да и любой другой?

— Много ты понимаешь, — проворчал Гордоншах.

Оператор связи вдруг напрягся и передал наушники командиру.

— Абу л-Хасан.

— Слушаю, — сухо сказал Гордоншах в микрофон.

— Поднимитесь ко мне, — раздался в наушнике тягучий голос.

— Через десять минут у меня спец-связь с центром.

— Плевать! — лаконично ответил Абу л-Хасан и смолк.

Гордоншах хмыкнул, поиграл желваками. Ширмамад смотрел на него встревоженно, Абдулхарун с интересом.

— Так... — Гордоншах почесал кончик носа и еще раз хмыкнул. — Что ему от меня надо, хотел бы я знать?

В мощном двенадцатиколесном бронетранспортере Абу л-Хасана, в котором можно было стоять, не сгибаясь, Гордоншах пробыл недолго. Полковник попросил его еще раз рассказать о том, как реагировал чужой звездолет на первые попытки сбить его.

— Никак, — ответил Гордоншах. — Словно не замечал.

— Но ведь в конце концов вы его сбили?

Гордоншах пожал плечами.

— Не уверен. Я был там, сравнительно недалеко от озера. Мне кажется, чужак совершенно цел. Во всяком случае, следов попаданий не видно и с виду он цел и невредим.

— Вам кажется... — сардонически заметил Абу л-Хасан. — С каких это пор офицеры ВВС вместо точных данных оперируют кажущимися?

Гордоншах покосился на ухмыляющихся охранников.

— Сказал, что думал.

— Думал?! — удивился Абу л-Хасан, приподняв бровь. — Вы еще и думаете?

— Не понял вас!

Полковник нахмурился. Один из охранников как бы невзначай зашел сзади, но Гордоншах положил руку на рукоять армейского пистолета, и Абу л-Хасан отрицательно повел рукой.

— Свободен, фарак. Думай пореже, голова целее будет.

Гордоншах четко повернулся и, так как охранник не уступил дороги, зацепил его плечом так, что тот отлетел к стене кабины. Люк захлопнулся за майором и отрезал начавшийся шум.

Пройдя цепь внешней охраны лагеря, Гордоншах столкнулся с

человеком и едва не выломал руку Ширмамаду, приняв его за чужого.

— Ну, что? — прошептал тот, придя в себя после железных объятий командира. — Все в порядке? Жив?

— Твоими молитвами, — буркнул Гордоншах. — Какого дьявола ты выполз меня встречать? А если бы я открыл огонь? Ладно, иди отдыхай.

Оставив растерянного офицера в темноте, он ушел в свой подземный дом. Было два часа ночи.

Он проспал часа четыре — невероятно много по законам боевой готовности. Проснулся сразу и совсем.

В кабине управления светились экраны кругового обзора, кто-то из офицеров сидел на вращающемся стуле и не сводил глаз с экрана, почти закрыв его спиной.

— Что там? — спросил Гордоншах, зевая, посмотрел на часы.

Офицер обернулся, это был Ширмамад, выглядевший абсолютно свежим, словно он только заступил на дежурство.

— Наши пытались подойти к пришельцу, но не смогли и потеряли терпение. Кто-то в верхах приказал обстрелять звездолет ракетами, если он не ответит на вызовы.

Гордоншах помял лицо ладонями, встал и прошел к пульту. На экране виднелся край озера Нур и выпуклый бок черного яйца с трубами.

— И когда истекает срок ультиматума?

— Утром, через два часа.

— Не понимаю, зачем его расстреливать? А если он не может связаться с нами?

— *По-моему, это просто блеф, чтобы заставить хозяев заговорить с нами на нашем языке. Кто же в здравом уме станет бросать на озеро атомную бомбу?*

— Да уж, найдется, кому это сделать, — пробормотал Гордоншах. — Нашелся же исполнитель для испытания первой атомной.

Он не договорил: очертания черного колосса вдруг исказились, заструились дымными полосами и через мгновение он растаял совсем!..

Еще двое суток войска, стянутые к месту падения странного пришельца, ничего не предпринимали, хотя военные радиоспециалисты быстро установили, что звездолет остался на месте. Просто он стал невидим, закуклился под силовым полем.

Объединенный комитет начальников штабов Сарвар-центра долго не мог решить, как выйти из создавшегося положения, ведь при-

шелец не вел военных действий, словно презирая действия людей. В конечном счете решено было ждать, пока хозяевам звездолета не надоест сидеть под колпаком, а потом, когда они наконец объявятся, — пригрозить нанести ядерный удар по озеру Нур, если хозяева откажутся вести переговоры. Адмиралов и генералов военной джамахерии, жаждущих заполучить оружие пришельцев любой ценой, привело в ярость явное нежелание чужих вступать в контакт. Психоз «дипломатии канонерок», ставки на силу был так велик, что и шейх, и его окружение, и меджлис, и военные рассматривали звездолет не как посланца иных миров, а как объект нападения, не пожелавший сдаться. Пресловутая «демократия» правительства страны в этом отношении ничем не отличалась от самых реакционных режимов прошлого и настоящего, рассматривавших любые загадки природы с позиций их военного применения...

Гордоншах не отходил от экранов обзора, угрюмо наблюдая за событиями. Решение командования о шантаже ядерным нападением привело его в недоброе расположение духа. Решение это свидетельствовало о бессилии правящей верхушки найти компромисс, мирный путь контакта, и о том, что разумный подход к подобного рода проблемам исключается военными, как бесперспективный.

Вечером последнего дня осеннего недомогания природы принесли с севера грозу и тяжелые ливни. Гроза бушевала несколько часов, но она еще не кончилась, как цепь ракетных установок вокруг озера Нур дрогнула и попятилась. Все было готово для репетиции нанесения сверху ядерного удара. Однако случилось непредвиденное: гроза кончилась, и наблюдатели снова увидели на прежнем месте черное выпуклое тело чужого звездолета. Он словно выпрыгнул из-под земли, такой же угрюмый и неподвижный, опаленный невиданным звездным огнем и холодом пространства. Под громадой черного яйца копошились какие-то белые точки. Они то появлялись, то пропадали, и рассмотреть их подробней можно было только в мощные бинокли, но и без того стало ясно: таинственные владельцы звездолета решили наконец выйти из своего межзвездного дома.

7

Крейсер «Витязь» мчался в глубину созвездия Лебедя гигантским светящимся копьем, всматриваясь в ночь пространства всеми сверхчувствительными «глазами» видеосистем и датчиков, антенн и приборов. Если на пути встречалась звезда со свитой планет, крейсер выпускал стаю разведкапсул, замедлял полет и ждал сообщений. Потом забирал разведчиков и мчался вперед снова, питаемый надеждой своих командиров найти в скором времени исчезнувший, не найденный в Солнечной системе, крейсер «Славутич».

Рядом, на расстоянии светового месяца, мчался параллельно «Витязю» крейсер «Кон-Тики», за ним еще пять крейсеров такого же класса, но космос пока на пути армады спасательных кораблей был нем и темен.

«Витязь» миновал оранжевый карлик 107 Лебедя и вызвал разведчиков. Через мгновение у каждого из сорока приемных полушарий, составляющих красивый ажурный букет конструкций на носу космолета, сверкнули белые молнии, и словно ниоткуда, из черноты пространства появились вторые половинки шаров — разведкапсулы. Они были жестко «привязаны» каждая к своей стартовой позиции «веревками» тоннелей-струн мгновенного перемещения.

Командный зал крейсера заливал каскад оранжевого света, блики от стоек и панелей приборов казались горячими брызгами: глаза от них закрывались, как от брызг водяных.

Шелгунову это нравилось, как и Джаваиру, но многие в зале отворачивались от экранов, и он переключил поляризационную ось видеоприемников. Звезда притушила свой блеск, поток света стал алым и ощутимо густым.

— Ничего, — констатировал Джаваир, оглядев вернувшихся поискеров.

— Ничего, — пробормотал Зубавин один за всех.

Истекала третья неделя поисков пропавшего корабля. Крейсер «Славутич» не оставил никаких следов пребывания в Солнечной системе и на уже пройденном участке пространства по вектору Лебедя до расстояния в два парсека. Он мог оказаться дальше по вектору, за пределами максимальной дальности хода земных кораблей, либо выйти из спейс-струны внутри звезды или планеты, но люди упорно не желали верить в этот пессимистический прогноз и гнали, гнали, гнали свой флот, ожидая одного-единственного возгласа: «Нашел!»

— Три парсека, — сказал Шелгунов. — Идем на пределе. Может, у кого-то появились свежие идеи?

— Идей много, — проворчал Джаваир. — Нет уверенности в их истинности. Надо идти дальше, пока возможно, пока молчит Земля... хотя я и не верю, что «Славутич» выбросился из Солнца в глубину Лебедя.

Шелгунов помолчал.

— Если директор Спейс-института прав, то «Славутич» сейчас находится в минус-вселенной или превратился в элементарную частицу. Но проверить эти гипотезы невозможно.

Джаваир отпустил поискеров и повернулся к главному экрану, который казался черно-звездным провалом в стенах командного зала.

— Холод говорил о какой-то другой возможности исхода броска «Славутича»...

— Я не помню.

— Он не сказал, что это за возможность. Но интуиция мне подсказывает, что именно она и решит проблему.

Алый клубок светила сместился в боковой сектор экрана, и в зале наступила призрачная полутьма, перечеркнутая бисерным сверкающим пунктиром Млечного Пути.

Зубавин устало откинулся в кресле.

Поиск утомлял не столько физически, сколько однообразием впечатлений. Разведкапсулу вели автоматы, программу поиска тоже осуществляли автоматы, но главным центром контроля и анализа данных оставался человек, хотя и соединенный в одно целое с компьютером, позволяющим хозяину реагировать на малейшие изменения среды с такой же скоростью и точностью, как и «неодушевленная кибернетика».

В маленькой ходовой рубке капсулы слышалось только дыхание людей да исполнительные зуммеры автоматов. Двое в рубке были и пилотами, и бортинженерами, и командирами корабля одновременно, но они не дублировали друг друга, а вели поиск параллельно, на разных уровнях. Зубавин — в спейс-диапазоне, его сосед Консовский — в световом и в радиодиапазонах.

В координатное перекрестие локатора вползло светило спектрального класса G-8, последняя надежда их долгого поиска. До него было уже недалеко, около пяти астрономических единиц, и капсула, управляемая координатором крейсера «Витязь», направлялась в тот район системы, где должна была вести поиск самостоятельно.

— Первый, я семнадцатый, выхожу в расчетный квадрат, — сказал Зубавин. Перед его креслом находились гнутые экраны локаторов, виом планетарной связи, настроенный на аварийную волну, окно перископа-дальвизора, но все они больше походили на диски из полированного черного металла, чем на экраны. Лишь один раз за все время включился сигнал предупреждения и один из экранов отразил белый всплеск, но то оказался сгусток пыли и щебня, очевидно, ядро кометы в апоастрии.

— Семнадцатый, «подметайте» систему чище, — раздался в наушниках голос дежурного диспетчера крейсера Стефана Лефски. — Даю на всю работу час пятнадцать.

— Принял, — лаконично ответил Зубавин.

Несколько минут прошли в молчании.

Разведкапсула ощетинилась антеннами приема и локации, сориентировала их таким образом, чтобы захватить только свой квадрат поиска, и превратилась в одно громадное «ухо», главным чувствительным элементом которого были люди.

И вдруг резкий сигнал внимания вырвал Зубавина из «резонанс-

ной системы», заставил собрать тело, «разбросанное» в данный момент по колоссальному объему пространства.

— Семнадцатый, срочно возвращаю. Минуту на подготовку.

— В чем дело? — вскинулся Зубавин. — Что случилось?

— Физики высчитали, где находится «Славутич».

— И где же?

— На Земле! Вернее, на орбите вокруг Земли.

— По-моему, раньше ты не был способен на шутки...

— Я не шучу. «Славутич» провалился во времени на двести лет в прошлое, в двадцатый век.

— Чушь какая-то! Почему же история не сохранила этот факт?

Диспетчер не ответил.

8

За прозрачной стеной силового поля, оградившего «Славутич» от негостеприимного мира, бесновалась гроза. Ветвистые росчерки молний рвали пелену ливня на цветные куски. Корабль, казалось, стоял внутри дымчатого стеклянного пузыря: водяные струи растекались пленкой по всей поверхности силового колпака и создавали иллюзию толщи воды за прозрачной стеной.

Целое полотнище жемчужного огня ударило вдруг в стену поля и стекло жидким сиянием в воду, исхлестанную струями небесной воды. Потом еще несколько ярких желто-голубых клинков вонзилось в поле, слетая к воде жидкими огненными ручьями...

— Красиво, — сказал задумчивый Климов, стоя у главного виома с ворохом разнокалиберных световодов в руках.

— Вода насыщена сернистыми соединениями свинца и кислотами, — отозвался Апхазава от вскрытого автомата. Часть стены командного зала рядом была разобрана и открывала маслянисто поблескивающие пластины из ячеистого металла, усыпанные бисером молектронных схем. — Поэтому цвет разрядов сдвинут в желтую часть спектра, — докончил бортинженер уже из утробы автомата.

— Спасибо, — усмехнулся Климов. — Сернистые соединения свинца — это очень поэтично. Кстати, вы знаете, почему так высок процент соединений и окислов свинца в здешнем воздухе?

— Видимо, предки больше имели дела со свинцом.

— Предки имели колоссальное количество транспортных средств, выхлопные газы которых были насыщены свинцом. Из-за чего в конце двадцатого века подскочил и общий процент вредоносных веществ в атмосфере.

В командном зале крейсера находилось всего несколько человек: Климов, Сонин, Апхазава, работающие у комбайна контроля, Лидия Данич, мать Боримира, и бортинженер-один Малютин. Двое ме-

хаников из экипажа помогали Лозински устранять неисправности в автоматическом «скелете» корабля. Еще четверо специалистов скрывались в недрах космолета, медленно восстанавливая разрушенные линии материалоснабжения. Остальные двадцать семь членов экспедиции все еще спали под защитой охранной зоны, с тех пор, как автоматы по тревоге упрятали туда людей от опасных перегрузок.

Малютин уже вторые сутки работал с приемной аппаратурой, пытаясь оживить радиостанцию и разобраться в радиопередачах хозяев полуострова, так недружелюбно принявших «Славутич»: уже стало известно, что крейсер приземлился на территории Афганистана, в центре озера Намакзар, хотя компьютер высчитал координаты почему-то с пятидесятипроцентной вероятностью: конфигурация материков и рек его обескуражила.

Из экипажа крейсера Малютин первым уяснил ситуацию и, накопив достаточно информации, решил наконец сделать первое прикидочное обобщение.

— Все! — сказал он горестно, сбрасывая эмкан связи, и потянулся, разминая затекшие мышцы. — Их язык меня доконал. Жаргон, а не язык! В нем смешались не один, а пять-шесть языков сразу — от персидского до английского. К тому же он так пересыщен согласными, что многие слова человеческое горло просто не в состоянии произносить. Это твердый и властный язык воинов, язык повелительного наклонения. Такого, по-моему, на Земле никогда не существовало.

— Это странно, — подумав, сказал Климов. — Если не сказать больше. Земля ли это? Если нет, придется учить язык.

— Да уж придется. Вот послушайте.

Малютин повернул верньер, и в зал ворвались звуки чужой речи. Несколько минут все в зале вслушивались в нее, пытаясь понять, о чем идет речь. Апхазава сдался первым:

— Выключай. Похоже, без лингвера не обойтись. Я, во всяком случае почти ничего не понял.

— Речь шла о нас, — сказал Малютин. — Что мы несем «угрозу их существованию». Каждая вторая передача их политических деятелей так или иначе касается нас.

Вошел Лозински, на ходу вытирая руки ветошью.

— Что нового во внешнем мире?

— Все по-старому, — мрачно отозвался Малютин. — Нам предлагают сдаться. И, судя по языку, мы все-таки сели не на Земле.

— Оригинально! А где же?

— Не знаю.

— Нужен немедленный контакт, — твердо сказал Климов. — Иначе аборигены, кто бы они ни были, и в самом деле нанесут ядерный удар по озеру, ума на это у них хватит. Ждать, что киберы восстановят связь сами, нет смысла.

Лозински подошел к виому и упер кулаки в бедра.

— Влипли крепко! Как только кончится гроза, начнем контакт. Первым... — Он немного помедлил. — Первым пойду я.

— Я не могу приказывать, — проговорил негромко Климов, когда Лозински уже облачился в «парадно-выходной» костюм капитана. Они стояли вдвоем в стволе центральной шахты, освещаемой голубым светом, и лицо Лозински, смуглое от природы, стало металлическим. — Но по неписанному закону командир не имеет права выходить из корабля при таких обстоятельствах.

Лозински щелкнул застежкой пояса.

— По закону командир обязан действовать так, чтобы экспедиция достигла цели с наименьшими потерями. Поскольку возвращение домой в свое время проблематично, чрезвычайные обстоятельства дают мне чрезвычайные полномочия. Я ничего не имею против ваших специалистов, но они молоды... А я в прошлом коммуникатор, и опыта у меня больше. Ну, а вы без меня справитесь с любыми трудностями.

— И все же идти надо двоим, — хмуро сказал Климов.

— Еще придется и двоим, и, может быть, всем, но первый выход — разведка, ничего решать я не собираюсь.

Через полчаса, когда Лозински спустился к подножию корабля, трехместный куттер уже стоял на спекшейся от давнего жара коричневой корке ила, похожей на пемзу. От ям с черной водой поднимался пар. Несмотря на ливни, озеро не заполнялось водой до прежнего уровня. Обмелевшее, оно теперь напоминало болото.

Над куттером уходила на неведомую высоту округлая гора энергетического комплекса, откуда время от времени шел редкий теплый дождь. В кабине аппарата Апхазава проверял работу киб-пилота.

Малютин, проваливаясь в грязь почти по пояс, обреченно волок к машине без малого полуметровый куб лингвера. Автоматы внешнего обслуживания до сих пор не работали, и людям приходилось всю физическую работу выполнять самим.

У коробки лифта, возле горки снаряжения стояли Сонин и малыш Боримир Данич и смотрели на далекую цепь сизых холмов, плывущих в мареве испарений. Лидия Данич возилась с Климовым в груде снаряжения, делясь впечатлениями о диком предположении Малютина, что крейсер сел не на Земле, а на похожей планете.

— Может быть, Олег и прав, — сказала Лидия, — но почему же тогда здесь воздух, как на Земле? Не может быть таких совпадений.

— Заканчивайте погрузку, — сказал Лозински им в спины, — Пора отправляться. Связь через каждые два часа на волне «сто».

Он залез в кабину куттера, похлопал Апхазаву по плечу, и тот, пожелав удачи, спрыгнул в грязь.

— Одну минуту, капитан, — окликнул вдруг Лозински Боримир.

Лозински очень удивился, но не подал виду, придержал фонарь кабины.

— Слушаю вас.

Данич, одетый в красный комбинезончик, подошел к аппарату.

— Мне кажется, будет лучше, если я пойду с вами.

Лозински несколько секунд смотрел на него с ничего не выражающим лицом, потом крякнул, сильно потер шею у затылка, посмотрел на Климова. Начальник отряда спасателей исподлобья глядел на него, засунув руки в карманы. В глазах его сомнение боролось с согласием.

Лозински крякнул еще раз.

— Понимаете... вы еще слишком... ребенок... простите.

— Вот и отлично, что ребенок. По детям они ведь не будут стрелять. У нас появится небольшое психологическое преимущество, а для первого контакта это очень важно.

— Он прав, — сказал вдруг Малютин, с уважением окинув взглядом фигурку мальчишки.

— А по-моему, нет, — возразил Апхазава, жестикулируя. — Они подумают, что мы испугались, и заставят...

Лозински остановил его жестом, посмотрел на Лидию.

— Вам слово, Лида, вы его мать.

Лидия Данич побледнела, но встретила взгляд командира твердо.

— Он решил правильно, пусть идет.

Лозински повернулся в нерешительности к Климову. Тот покачал головой.

— Я был за то, чтобы на контакт шли двое, но... можем ли мы рисковать жизнью ребенка?

Данич вдруг по-детски весело засмеялся.

— Этот вопрос давно решен на Земле. Ведь я работал на станции «Солнце-7», в атмосфере Солнца, где индекс опасности повыше, чем у косморазведки.

Малютин и Апхазава засмеялись следом, Климов усмехнулся, посмотрел на Сонина.

— Тогда мы тоже за.

Лицо Данича просияло, он бросился к матери, прижался к ней, сказав: «Вот увидишь, все будет в порядке, мамочка!» — и влез в кабину куттера, не обращая внимания на Лозински, которого снова взяло сомнение. Однако время уходило, а отказываться от собственных решений было не в его правилах.

— Поехали, психолог, — махнул он рукой.

Куттер, похожий на блестящую подкову, захлопнул фонарь, длинным прыжком метнулся в туман. Два раза блеснул сквозь серую пелену его корпус и пропал. А потом вдруг в той стороне вспыхнула над холмами яркая звездочка, и через несколько секунд донесся приглушенный расстоянием гром взрыва.

Мгновение люди у корабля оставались недвижимы, всматриваясь в безобидное с виду облачко дыма, потом закричала Лидия, Апхазава вышел из оцепенения, закричал тоже и бросился за улетевшей машиной командира.

Никто, кроме Климова, не заметил, как Сонин выхватил из груды снаряжения антиграв-пояс, мгновенно застегнул ремни и умчался к горизонту, сразу скрывшись из глаз.

9

В тот самый день, когда обитатели звездолета вышли наконец на землю, погода на Иранистанском полуострове резко изменилась. Наступили жестокие холода, редкие для побережья Персифрайского моря.

Гордоншах, уроженец Чахбехара, всегда плохо переносивший холод, проверял работу операторов бригады старта, пряча лицо в меховой воротник полевой куртки. Дул пронизывающий ветер, колючий и постоянный, как сквозняк. Стрелка термоизмерителя ушла за красную черту внизу шкалы.

— Командир! — крикнул, высовываясь из люка сторожевой башенки техник связи. — Вас вызывает капитан Абдулхарун.

— Продолжайте, — буркнул Гордоншах операторам на ходу. — Вернусь через полчаса — повторим.

Зайдя в кабину поста, он откинул капюшон, направил на себя жерло термопечки и бросил вставшему Абдулхаруну:

— Что стряслось? Нашел место для разговора... хорошо хоть тепло здесь.

— Ты помнишь, как получилось с пришельцами? — начал сразу заместитель по вооружению.

— Еще бы, — проворчал Гордоншах: со времени инцидента прошло всего три дня. Воочию видеть это им не пришлось, но пересказ случившегося был известен всем.

Истина оказалась такой невероятной, что в нее отказывались верить: владельцы звездолета были... людьми! Землянами! «Звездной войны» под вывеской «Земля против космоса», о которой в шутку поговаривали в Аллахабаде и которую всерьез готовил Сарварцентр, не получилось. Иранистан воевал не с чужими разумными существами, а со своими братьями по крови и родству, вернее, со своими праправнуками! Правда — с шурави, неверными! На борту

звездолета оказался лишь один уроженец Персиюга, да и тот не мусульманин.

В день, когда терпение Сарвар-центра окончательно иссякло, от звездолета отделилась вдруг блестящая капля и плавными прыжками двинулась к цепочке уползавших ракетных установок. Командир одной из них принял приближавшееся тело за управляемый снаряд, включил автоматику пуска и сбил.

Тело оказалось летательным аппаратом, внутри которого находились двое людей: мужчина в белом комбинезоне и мальчик лет десяти в таком же, но красном комбинезончике. По счастливой случайности они остались живы, хотя летательный аппарат буквально развалился на куски. Кроме пострадавших никого и ничего в аппарате не оказалось, но спустя несколько минут со стороны звездолета показался летящий без крыльев и других видимых приспособлений второй пришелец. Ростом он не уступал Гордоншаху — шесть фаттов три дзига, но был шире в плечах и, вероятно, сильнее. Его окружили «черные тюрбаны», но он и не сопротивлялся, только взял ребенка на руки. Гордоншах видел стереофото этого человека, и он понравился ему сразу, особенно непоказным спокойствием, уверенностью и умом. Второго человека, прилетевшего вместе с ребенком, Гордоншах не видел — тот был серьезно ранен и находился у врачей.

— Что дальше? — спросил Гордоншах, нетерпеливо поведя плечом. — Что замолчал?

— Прилетели еще двое со звездолета, для выяснения обстоятельств нападения. Держатся спокойно, без страха. — Абдулхарун сплюнул на пол. — Я слышал записи их переговоров с шишками из Сарвар-центра. Говорят они на странной смеси северных и атлантических языков, так что понять их трудно. Наши еще раз предъявили им требование покинуть звездолет, сдать имеющееся на борту оружие и объяснить принципы его действия. Все это якобы для компенсации «убытков» — уничтоженного озера с рыбозаводом... которого, конечно, никогда не было, «поселка» на берегу — на самом деле двух домиков дервишского кемпинга, и «станции космической связи» — в действительности старого телефонного ретранслятора. Иначе к заложникам будут применены более жесткие меры. — Абдулхарун снова сплюнул на жерло печки.

— Оба первых гостя сейчас в тюремном бункере, в том числе и раненый.

— А ребенок? — поинтересовался Гордоншах.

— Там же.

— Ну и что? — Гордоншаху стало жарко, и он расстегнул воротник куртки. — Звездолетчики еще не согласились, это раз, требовать могут и они, это два. Плюс кампания в защиту этих парней, поднятая во всем мире. Правительство не станет портить отношения

с союзниками и странами «черного мира». На месте звездолетчиков я бы просто подождал помощи и не рыпался.

— Не получится, — вздохнул Абдулхарун. — Они, конечно, подождать могут, да наши ждать не станут.

— Ты думаешь?

— Уверен. Тем более, что раненый — командир звездолета.

Гордоншах протяжно свистнул и задумался. Потом саркастически усмехнулся:

— Что-то я тебя не пойму. К чему ты клонишь? Призываешь поднять бунт и помочь пришельцам? Неверным?! Мне моя голова дороже.

— Не язви, — спокойно сказал Абдулхарун. — Есть люди, которым небезразлично, в чьи руки попадут сокровища звездолета, особенно оружие.

— Конечно есть, — невесело согласился Гордоншах. — Шурави, например. Наш шейх, правители Поднебесной.

Абдулхарун остался невозмутим, голос его стал вкрадчивым:

— Ты в хорошем настроении, командир! Я знаю тебя давно и думаю, ты согласишься. Дело в том, что нам хорошо заплатят, если мы спасем заложников... и еще...

— Что?

— Дальше будет видно.

— И сколько же нам готовы заплатить?

— Полмиллиона тебе хватит?

Гордоншах снова присвистнул, с проснувшимся интересом разглядывая унылую физиономию заместителя.

— Неплохо! Я лично ценил свою жизнь дешевле. За такую сумму можно рискнуть. Допустим, я согласен. Что дальше? И кто эти доброхоты?

— Все узнаешь в свое время, — уклончиво ответил Абдулхарун. — И не ухмыляйся, дело стоящее.

— Что верно, то верно. Полмиллиона за такой пустячок: пойти и выпустить заложников, охраняемых, как золотой запас страны! Ты уже прикинул, как это сделать? Может быть, просто пойти и попросить тюремщиков?

— Шутник, — скривился Абдулхарун. — Хотя, кто знает, возможен и такой вариант. Спрашиваю серьезно: согласен?

Гордоншах перестал улыбаться.

— Ты или с ума сошел или...

— Договаривай.

— Или провокатор.

Абдулхарун сморщил в улыбке лицо, хотя в глазах его на миг всплыл лед неприязни.

— Ты мог бы обвинить меня в чем угодно, только не в провокации. Я пока не могу сказать, от чьего лица выступаю, но даю слово, скоро все узнаешь. Если тебе мало названной суммы, назови свою.

Гордоншах надолго задумался, уйдя мыслями в себя. Наконец сказал:

— Мне нужно время.

Абдулхарун кивнул.

— Думай, только недолго. Учти, что пришельцев ищут их родичи из будущего... хотя тут есть кое-какие неувязки с их положением. Но если ищут, то будь уверен — найдут. В настоящем положении сами они, конечно, ничего сделать не могут, но кто знает их возможности? Кстати, тот факт, что им может подоспеть помощь, и заставляет наших стратегов спешить. Боюсь, они не остановятся на угрозах.

Гордоншах бесцельно подергал кабель термопечки.

— Хорош узелок! Неужели они не могут отбить своих? Ведь звездолет — громадная сила! Разве не так?

— Понимаешь... — Капитан в задумчивости поскреб щетину на подбородке. — Их мораль настолько непривычна, что я не всегда способен их понять.

— Тогда их дело дрянь. Зачем им надо было высовываться из звездолета? Сидели бы и ждали помощи от своих...

— Наверное, были уверены в своих силах... или в наших дружеских к ним отношениях.

— После того, как мы их сбили?

— Ну, каждый судит о других в основном по себе.

— Что с раненым? Выживет?

— Врачей к нему допустили... один раз. Имею в виду — их врачей. Ходят слухи, что жить он будет. Я слышал разговор, будто он заметил ракету и успел повернуть аппарат так, что ракета ударила в бок со стороны его сидения. Этим он спас малыша. Наши разрешили кормить его пищей со звездолета, привозят ее в прозрачных пакетах и банках. Позволили остаться при нем одному из них.

— Акт «гуманизма»... Врачей отпустили?

— Отправили обратно, надеются, что те уговорят оставшихся.

— Н-да. — Гордоншах почесал в затылке. — Не знаю, что можно сделать. Напасть на гарнизон охраны и отбить?

Абдулхарун покачал головой.

— Силой не пробиться. Честно говоря, я и сам пока не знаю, что делать. Но все же мы расположены так удачно, что, считай, половина дела уже сделана. Другим надо было бы еще добираться к озеру сквозь неодолимый заслон оцепления. Необходимо что-то придумать и в ближайшее время. Военная разведка и джамахерия безопасности готовят операцию «Помощь» — под видом оказания помощи предполагается проникнуть в звездолет и завладеть им. Нужно опередить их во что бы то ни стало, — Абдулхарун спохватился, что выболтал лишнее, но командир дивизиона этого не заметил.

Он поднялся, подозрительно посмотрел на капитана.

— Откуда ты знаешь такие подробности?

— Знаю. — Абдулхарун, кряхтя, встал. — У нас есть кое-какие связи с... кем надо.

Пока Абдулхарун нашел передвижной тюремный бункер, его четыре раза останавливали военные патрули, но пароль и карточка отдела спецопераций ДБ, переданные ему связным организации «Новый порядок», в которой он занимал пост советника, действовали безотказно, и он в конце концов достиг цели.

Бункер был смонтирован из стальных плит в котловане и вид имел такой, будто стоял здесь по крайней мере полвека.

«Типовой, быстро лепят, — усмехнулся про себя Абдулхарун. — Это мы у неверных быстро переняли. Пожалуй, можно будет подсказать шефу, что такой бункер вполне сгодится для подземного штаба организации. Его легко перевезти и собрать в любом месте».

— Стой! — лязгнул из темноты голос охранника. — Куда?

— Спецпоручение к Джуббу, начальнику блока.

— Имя, звание?

— Абдулхарун, бенбей отдела четыре, цвет белый.

— Ждите. — Тон охранника изменился, очевидно, он разбирался в цветах секретности джамахерии национальной безопасности.

Над землей выступало лишь метровое вздутие крыши бункера, похожее на выступ скалы. За крышей громоздился вал свежевыброшенной земли, за которым в свою очередь поднимался крутой склон холма. Прямо у ног капитана уходили вниз, теряясь в темноте, ступени из утрамбованного грунта, вход в бункер. Свет солнца в него не проникал. Абдулхарун чувствовал, что за ним следят, но кто и сколько их, определить не мог.

— Проходите, — проскрипел наконец снизу тот же голос. — Оружие сдать.

Абдулхарун спустился вниз, отцепил пояс с пистолетом, перешагнул через трубу и очутился в кубическом помещении, залитом тусклым желтым светом.

— Быстрее! — сказал ему худой и жилистый, как корень эвкалипта, охранник.

Перед капитаном распахнулась еще одна дверь, и он вошел.

Открывшееся помещение было треугольной формы. Там, где стены сходились углом, стоял стол с телевизором и маленьким пультом. Возле походной койки стоял начальник бункера джелалмалим — подполковник Джубб — и задумчиво жевал «бетель». Круглое лицо его выражало безграничное спокойствие, и Абдулхарун в который раз поразился тому, как внешность может противоречить характеру.

— Какого дэва вам от меня нужно, бенбей? — резко сказал на-

чальник тюрьмы, в то время как лицо его оставалось безмятежным и сонным. — Почему не предупредили заранее? Свободен! — рявкнул он охраннику.

Горилла в черной форме безмолвно исчезла за бронированной дверью.

— Ну? — Джубб окинул Абдулхаруна взглядом. — Что у вас? Побыстрее, мне некогда.

— Вам привет от «мисима», — сказал тот негромко. — А также от «нуля» и «двойки». А вы — «сотый».

В глазах Джубба мигнули колючие огоньки.

— Понятно. Я почему-то так и подумал. Отделу четыре джамахерии Б нечего делать в бункере правительственной изоляции. Чем вызван такой риск? Ведь вы не агент ДБ, надеюсь?

— Неужели заметно?

— У меня опыт. Итак? Времени у вас мало, порученцы обычно не задерживаются больше пяти-шести минут. Как вы на меня вышли? «Десятка»?

— Выше, «тройка».

— Саддам. Понятно. Слушаю.

— Мы хотим помочь пришельцам.

Джубб от неожиданности проглотил жевательный стебель.

— Вы что, издеваетесь?!

— Я рискую головой не для того, чтобы шутить, — холодно ответил Абдулхарун. — Меджлис организации решил захватить звездолет раньше, чем это сделают люди шейха. И тогда в наших руках окажется оружие, равного которому нет и не будет еще два столетия. Мы сможем диктовать волю любому правительству, в том числе и своему, которое срочно требует чистки от военных-пацифистов, всяких недобитых «левых» и «правых».

— Понял. Но я ничем не смогу помочь.

— Почему?

— Потому что послезавтра меня переводят в другой район, к морю. К тому же два часа назад достигнута договоренность между чужими и нашими спецами о «мирном урегулировании конфликта». Завтра раненого и здоровяка с ребенком отвезут на звездолет и «представят техническую помощь в его ремонте». Со всеми вытекающими последствиями.

— Вот как?! — медленно произнес Абдулхарун, облившись холодным потом. Встал. — Аллах акбар! Я не думал, что это произойдет так скоро... Который час?

— Девять. У вас в запасе всего тринадцать часов.

Абдулхарун задумался, отметив про себя это «у вас».

— Да, мы рассчитывали, что у нас есть, по крайней мере, суток трое. Придется менять план.

Джубб, шурша оберткой, развернул пакетик «бетеля».

— Попытайтесь. Что я должен делать? Кстати, сколько у вас людей?

— Пока один, — равнодушно сказал Абдулхарун.

— Что?! — поперхнулся Джубб, багровея: — Вы с ума сошли! — Он замолчал, повинуясь жесту гостя.

— Этот один стоит роты. Или вы считаете, что у меня под рукой наши «черные клинкиверы», полк фардаев?

— Шотт-им-апс! — выругался Джубб, щелкнул переключателем, рявкнул: — Саид!

— Слушаю, полковник, — отозвался динамик.

— Сколько на посту?

— Двадцать пять — первое кольцо, двадцать пять — второе, рота в зоне и рота в резерве.

Джубб выключил интерком, сел на стул и сгорбился.

— Слышал? И еще внешний гарнизон в бронеходах и с танками. А у вас один...

Абдулхарун прошелся из угла в угол.

— Я и не собирался нападать на гарнизон, в любом случае эта авантюра не пройдет. Мы сделаем вид, что выручаем пленников, везем к звездолету и во время передачи захватываем. Вертолеты с группой поддержки будут наготове в полусотне зхобов отсюда. Шеф сам изъявил желание участвовать в операции. А когда мы будем внутри звездолета, никто не станет разбираться, как это произошло.

— А потом?

— Что будет потом, не нашего ума дело. Нам платят не за глупые вопросы. А шанс справиться с этим делом есть. Одно то, что я почти без усилий проник в бункер, говорит о наших возможностях.

Начальник тюрьмы хмыкнул, выплюнул жвачку.

— Послушай, Абдул... ради чего ты рискуешь? Деньги и только? Чушь! У тебя их мало?

— Не так много, как хотелось бы. Но есть еще кое-что, ты прав. И это «кое-что» — возможность всегда делать то, что хочется, и с теми, с кем хочется.

— Ну захватите вы звездолет, в чем я сомневаюсь, ну завладеете его оружием, а дальше? Где вы его будете хранить? Или применять?

— Времени на объяснения очевидных вещей у меня нет, но я отвечу. Звездолет — это прежде всего власть! Престиж организации несколько пошатнулся после некоторых наших... э-э, выступлений, и мы надеемся отыграться одним ударом со всеми, кто этого заслуживает. Надеюсь, я понятен?

— Ладно, не трать время, бенбей, — угрюмо буркнул Джубб, доставая новый пакет жвачки. — Давай о деле.

Несколько минут они обговаривали план действий, и Абдулхарун ушел. Выпустили его без вопросов.

10

Спенсер закончил еженедельное видеоселекторное совещание и вызвал Шелгунова. Начальник меркурианского центра аварийно-спасательной службы откликнулся через две минуты.

— Когда вернулся?

— Всего полчаса назад.

— Все равно надо было доложить сразу. В десять нас приглашают к себе физики. Экипаж «Витязя» и поисковый отряд на дежурство не ставить, сутки пусть отдыхают. У них скоро появится работа.

Шелгунов вопросительно посмотрел на директора УАСС, но Спенсер ничего не стал объяснять.

— Не опоздайте на рандеву. Институт спейс-связи, демонстрационный зал номер два.

Ровно в десять Шелгунов, подтянутый и внимательный, вошел в зал под номером два.

Треугольный амфитеатр зала был невелик, на сто двадцать мест, и казался верандой, чудом выстроенной на скальном уступе. Панорама гор, открывшаяся «со скалы», могла бы в другое время и увлечь, вид был действительно хорош, но Шелгунов думал о другом, и лишь мельком взглянул на пейзаж, сразу найдя Спенсера в нижнем ряду амфитеатра.

Кроме директора УАСС в зале находилось еще человек пятнадцать, среди них начальник технического сектора Управления Данич и директор Института спейс-связи Роман Холод.

Спенсер кивнул Шелгунову на место рядом и дал знак Холоду. Тот взошел на небольшое возвышение с ярко-белым кольцом приемника аппаратуры численных команд: зал имел встроенное инженерно-техническое обеспечение. Легкий шумок разговоров стих.

— Начнем, друзья. У нас в гостях дирекция Управления спасателей, ждущая от нас чуда, и мы это чудо ей представим. Но сначала покажем фильм.

Холод сел, горный пейзаж исчез, вместо него перед зрителями появилась ходовая рубка крейсера с неподвижными фигурами пилотов. Что-то лопнуло со стеклянным звоном, фигуры ожили. Командир крейсера повернул голову к соседу справа, и Шелгунов невольно вздрогнул — это был Лозински.

— Хорошо бы... — начал Лозински, но докончить фразу не успел; в рубке над пультом зажегся алый транспарант: «Тревога степени Д» и приглушенно взвыл ревун...

Так начался фильм о том, как исчез крейсер спасательного флота «Славутич» с двадцатью членами экипажа и двадцатью спасенными из персонала станции «Солнце-7». Закончился фильм грандиозным зрелищем кипящего Солнца. Потом в центре видимого опера-

ционного поля фильма засиял ослепительный факел желто-голубого огня, и картина застыла. В зале вспыхнул свет.

Холод снова встал.

— Это не документальная запись, как вы подумали, а модель ситуации, построенная на основе анализа действий экипажа «Славутича», всех координирующих его работу служб и данных наблюдений этого участка солнечной поверхности. Институт смог воссоздать полную картину событий и построить, как нам кажется, достаточно адекватную модель инцидента. Станция «Солнце-7» прекратила существование через сорок две секунды после вывода с нее персонала, а «Славутич»... К сожалению, реализовалась самая невероятная гипотеза — петлевой хроновыверт. В результате спейс-старта в условиях внешней энергетической подкачки «Славутич» забросило не только в пространстве за сотни миллионов километров, но и во времени — на двести с лишним лет назад. Вот расчеты.

За спиной директора института возник экран, по которому поползли вереницы символов и цифр, трехмерные изображения узловых структур расчета, ряды цвето-пространственных сопряжений.

Шелгунов знал спейс-теорию в объеме институтского курса и смог уловить только общие закономерности расчета, но изящность математического и этико-логического аппарата произвели впечатление и на него.

Экран исчез, на его месте появилось уменьшенное изображение голубого факела в месте старта крейсера.

— Именно петлевой хроновыверт объясняет, почему мы ничего не знаем о появлении нашего крейсера в окрестностях Земли два века назад: появление крейсера в прошлом спровоцировало временное ответвление — «хронокарман». Образовалась как бы виртуальная реальность, развитие цивилизации в этом «кармане» пошло по другому пути, в то время как мы с вами живем в основном потоке времени. Теперь обратите внимание на этот факел.

Солнце за спиной Холода ожило, факел вытянулся вверх, разошелся бутоном тюльпана, изменив цвет на зеленый, и стал съеживаться, превращаясь в шар. Шар этот сначала покраснел, прошел всю гамму цвета от красного до темно-вишневого и коричневого и превратился в черный зрачок, опушенный белым сиянием.

— До сих пор этот след старта крейсера... — Холод оглядел присутствующих, — не исчез! Он дышит, изменяется в размерах, но живет! Не следует, очевидно, рассказывать, чего нам стоило понять, что это такое, скажу одно: мы только сейчас поняли, какие возможности заложены в спейс-теории и какие эффекты она способна предсказать! Эта «черная дыра», — Холод указал на черный зрачок на фоне алого сияния Солнца, — вход в «хронокарман», в петлю виртуального времени, и «Славутич» имеет возможность вернуться, не нарушив закона причинности. Но — только если ему указать обрат-

ный путь из «кармана», где он находится на правах «реального призрака». Как это сделать, вопрос другой.

— Почему же другой? — сказал Данич. — У нас нет выбора — спасать или не спасать. Если есть хотя бы малейший шанс спасти экипаж крейсера, мы пойдем на любой риск.

Шелгунов с сочувствием посмотрел на начальника техсектора, жена и сын которого находились на борту «Славутича».

— Риск есть. — Голос Холода дрогнул: он понимал, что его работа закончилась, начиналась полоса работы спасателей, и волновался, потому что не имел права ошибиться в выводах. — Риск есть, по нашим подсчетам он равен восьмидесяти из ста. Необходимо совершить бросок в «черный глаз» петли, найти «Славутич» и вывести обратно тем же путем. Тогда петля закроется и «хронокарман» исчезнет.

— Так просто! — с иронией бросил Спенсер и посмотрел на Шелгунова, как прицелился.

Шелгунов несколько мгновений смотрел в узкие глаза Джаваира, но сухое, бронзовое лицо командира группы оставалось бесстрастным. Наконец он произнес:

— Приказывать я не имею права, могу только просить. Вы согласны?

— Согласен, — помедлив, сказал Джаваир. — Но позвольте поговорить с группой самому.

Шелгунов досчитал до десяти и кивнул.

— Старт завтра, в три ноль-ноль по средне-солнечному. Если кто-нибудь откажется — не уговаривайте.

В глазах Джаваира мелькнули насмешливые огоньки.

— Позвольте решать этот вопрос мне. Мы будем готовы. Кто назначен начальником службы техобеспечения?

— Данич.

— Начальник десанта, таким образом, я. А начальник экспедиции вы?

— Да.

Джаваир кивнул и, не прощаясь, вышел, посеяв в душе Шелгунова сомнение в правильности его выбора. Все-таки Джаваиру шел восьмой десяток.

Подготовка экспедиции к рискованному броску в «черную дыру» временной петли заканчивалась. Физики сделали все, от них зависящее, чтобы рассчитать варианты последствий броска, но их расчеты не могли обеспечить стопроцентную гарантию успеха. Даже удачные запуски зондов в петлю и их возвращение не разрешили

всех проблем и не успокоили ответственных за экспедицию лиц. Базовым кораблем экспедиции был выбран крейсер «Витязь», лидер спасательного флота Земли. Специалисты технического сектора переоборудовали его в соответствии с предполагаемыми задачами и продолжали накачивать энергией и устанавливать дополнительные пояса защиты, дублирующие системы и комплексы контроля функционирования.

Когда все подготовительные работы были закончены, Спенсер собрал в конференц-зале Управления весь состав экспедиции, произнес краткую речь о ее цели, мерах предосторожности во время пребывания в прошлом, о расчетах каждого шага, а потом предложил тем, кто сомневается в успехе или в своих силах, отвести свою кандидатуру.

Желающих отказаться от участия в экспедиции не нашлось.

Спустя двадцать суток после исчезновения «Славутича» крейсер «Витязь» вошел в фотосферу Солнца напротив дрейфующего по воле неизвестных сил входа в тоннель, ведущий в прошлое. Двадцать человек спасательной команды во главе с Джаваиром заняли места в капсулах высшей защиты пассажирского отсека, в ходовой рубке крейсера осталось только три человека экипажа и начальник экспедиции.

Спенсер находился в рубке второго крейсера, кружившего на расстоянии трех миллионов километров от Солнца, и видел старт «Витязя» через видеокамеры зондов, следивших за черным оком входа.

«Витязь» тщательно сориентировался по данным локаторов и начал разгон, когда до входа в петлю осталось пятьсот километров. Он вонзился в черный шар точно по центру и — словно судорога перечеркнула недра Солнца — из-под черного шара вырвался факел огня, по экранам крейсера рассыпались огненные строчки бланк-сообщений, кричащие о зарождении вспышки и ливне жесткого гамма-излучения. Черный шар входа на полчаса скрылся в усилившемся сиянии атмосферы Солнца, а когда он снова появился в поле зрения, Спенсер облегченно вздохнул: он со страхом ждал, что вход исчезнет, а вместе с ним и надежда на благополучный исход экспедиции.

— Боялись? — спросил он присутствующих в зале крейсера ученых во главе с Холодом.

— И сейчас боюсь, — признался директор Института спейс-связи.

11

Джаваир повернулся к главному виому, в котором вариатор вырезал окно дальновидения. «Славутич» был виден отчетливо, сел он в озеро или в болото, окруженное черной каймой выжженной земли,

а в радиусе двадцати километров вокруг него располагались три цепи машин, вызывавших мрачные ассоциации.

— Может быть, опустим к ним модуль? Быстро и надежно.

— Что быстро — согласен, но вряд ли надежно. Если корабль до сих пор не смог ответить на наши сигналы, значит, поврежден он серьезно. И еще учтите, что цивилизация Земли в этом «хронокармане» развивается не совсем по сценарию основного потока. На здешней Земле три четверти суши занимает мусульманский Союз, изобилующий зонами воинствующего фанатического фундаментализма, и лишь одну четверть — Христианский Союз. Ни русских, ни американцев — арии и балты, неверные, так сказать, шуравн. Звездолет же, к великому сожалению, совершил посадку в самом центре «Твердыни Веры» — Иранистана, имевшего печальный опыт международного терроризма. Понимаете? Я не могу предсказать, во что выльется посадка модуля. Технически наши «предки» оснащены неплохо и среагировать могут далеко не лучшим образом, как уже и было. Я даже не уверен, что наше пребывание на орбите в режиме «инкогнито» не будет расшифровано через день-другой.

— Не исключено. — Джаваир оценивающе посмотрел на вином, в котором медленно вращался земной шар. — Но я все же склонен полагать, что вы переоцениваете возможности этих псевдоземлян.

Шелгунов не стал спорить, ему и самому хотелось верить в успех операции.

Через полтора часа инженеры связи нашли способ передачи информации на «Славутич» по радио без риска ее перехвата. Спустя несколько минут после этого экипажу спасательного крейсера стало известно, в каком положении находится корабль на планете.

— Что же предпринять? — негромко спросил Шелгунов, в глубине души потрясенный необычностью развязки спасательного рейда. — Не воевать же с ними?

Джаваир задумчиво щурил непроницаемые свои глаза, отчего они превратились в узкие щелочки.

— Увы, я пока тоже не знаю. Ах, Лозински, Лозински... Хотя кто мог подумать, что такое возможно? Милитаризм милитаризмом, вера верой, но стрелять по звездолету, взять заложников, требовать сдачи оружия!.. И у кого, можно сказать — у правнуков своих! Это выше моего понимания!

— Моего тоже. — Шелгунов нахмурился. — Сколько ему лет?

— Кому? Лозински? Сорок три. Опытный командир, и — такой прокол с контактом!

Помолчали. Потом начальник экспедиции потянулся к пульту и включил вином связи с рубкой.

— Слушаю, — отозвался командир крейсера, обратив к ним остроскулое, бледное лицо, на котором выделялись прозрачно-серые глаза.

— Сергей, мы можем с орбиты, километров этак с пятидесяти вытащить крейсер с планеты? Энергии хватит?

Командир покосился влево, на своих бортинженеров.

— Минуту, сейчас посчитаем... Это будет стоить нам почти половины энергоресурса. Но дело осложняется тем, что напряженность силовых полей в точке захвата превысит деформационную устойчивость корпуса корабля. «Славутич» просто «потечет», несмотря на силовой каркас.

— Понятно. Хорошо, у меня пока все.

Шелгунов сцепил руки на груди и притих.

— Все равно это был бы не выход из положения, — сказал Джаваир. — Тех троих мы не спасли бы. Сначала надо вытащить Лозински, Сонина, Данича и Климова.

«Как?» — хотел спросить Шелгунов, но не спросил. С Земли никто не мог помочь ему советом, как выйти из положения, и принимать решения он должен был самостоятельно.

— Ваши предложения? — тихо сказал он, продолжая взвешивать все «за» и «против» пришедшей мысли.

Джаваир долго не отвечал, глядя на веселый золотистый шар солнца, окутанный волокнами протуберанцев, как волосами. Потом сказал:

— В любом случае надо посылать на планету команду. Грубая сила вроде мощи наших деформаторов пространства и лазеров не применима, но никакие законы не запрещают спасать людей, если тем угрожает опасность. Переговоры в таких условиях дело долгое и ненадежное, конфликт налицо, но мы имеем право бороться за то, что нам дорого. Я далек от сравнений, но ситуация похожа на дуэль, а поскольку перчатку бросили нам, мы вправе выбирать оружие.

— Вы словно доказываете свою правоту самому себе.

— Потому что я не вижу иного выхода, а этот связан с риском для жизни подчиненных. Или вы думаете, что можно привыкнуть посылать людей туда, откуда они могут не вернуться?

— Не думаю, — пробормотал Шелгунов. — Я думаю, что нам нельзя ошибаться. Вы командир десанта и лучше знаете своих людей, кого пошлете первым? Зубавина?

Джаваир посмотрел на него с интересом.

— Похоже, вы знаете их не хуже меня.

— Тогда начинайте подготовку. Будет проситься вниз Данич, не разрешайте, его место на борту.

12

Бронетранспортер с ревом повернул налево, и Абдулхарун оглянулся на повороте. Второй бронеход с красной полосой личной гвар-

дии шейха на лобовой броне, взревывая и раскачиваясь, полз в сотне шимов сзади. Блеснул и пропал огонек лазер-связи: водитель запрашивал инструкции.

— Не отставать, — буркнул Абдулхарун в микрофон, покосившись на угрюмую физиономию Гордоншаха.

— Понял, — скрипнул динамик в ответ. Водителя нашел Абдулхарун. Гордоншах не спрашивал — где, ему было все равно. На душе было тревожно, давило ощущение упущенной из виду важной детали.

— Когда пойдешь — побольше наглости, — продолжал инструктаж Абдулхарун, глядя в затылок командиру. — И презрения. Ты выше их по всей форме. И торопись медленно, чтобы не выглядеть подозрительно.

— Сам знаю, — буркнул Гордоншах, невольно ощупывая на плече аксельбант джемаладдина и планку уполномоченного ДБ по особым делам. Он до сих пор не пришел в себя от удивления, как это Абдулхарун смог его уговорить пойти на эту авантюру, что сработало в душе — сострадание к попавшим в беду пришельцам, которые вовсе не были пришельцами, желание заработать или жажда острых ощущений. Скорее последнее, плюс еще одно обстоятельство: странные намеки капитана на цену помощи. Если организация сторонников мира, к которой якобы принадлежал Абдулхарун, освобождала пленников бескорыстно, по мотивам человеколюбия, то причем тут деньги? Конечно, пятьсот баков не помешают, но их еще надо будет получить. А шутки капитана о «колоссальных возможностях» тех, кто завладеет звездолетом, о «господстве над миром»? Не очень-то это вяжется с обликом сторонника мира и дружбы...

Гордоншах покосился на заместителя, жующего «бетель». Ладно, посмотрим, что будет дальше. Интересно, что это за вертолеты, севшие вчера у границ дивизиона, и какое отношение имеет к ним Абдулхарун?..

Через полчаса быстрого хода — гул, тряска, мелькание теней и пятен по сторонам — они выехали на поляну, в центре которой виднелся смазанный в инфраоптике силуэт локатора и ферма передвижной зенитно-ракетной установки. Приблизилась двойная проволочная изгородь с воротами и башенками огнеметов.

Охранники появились словно из-под земли, хорошо видимые в свете включенного прожектора: двое в черном и серый офицер. Водитель остановил вездеход, и Абдулхарун открыл верхний люк. Застучав по металлу башмаками с коваными носами, Гордоншах вылез наверх, спрыгнул на землю. Хмурый альфазил — лейтенант в сером, — увидев мундир Гордоншаха, нехотя встал по стойке «смирно».

— Открывайте. Не видите знаков отличия на машине? — отрывисто осведомился Гордоншах. — Начальника охраны ко мне, живо!

Офицер скомандовал открыть ворота и исчез, будто провалился сквозь землю.

Гордоншах сделал знак рукой и пошел впереди бронетранспортера. Абдулхарун шепнул ему в спину:

— Действуй в том же духе. Через два часа начнет светать, учти.

Они проехали пулеметные вышки, остановились перед тюремным бункером. Спустя минуту прибежал недоумевающий начальник охраны.

— Абу л-Хасан, — представился Гордоншах, протягивая золотой жетон пропуска. — Уполномоченный по особым поручениям шах-ибншаха обороны. Мне предписано забрать пришельцев и доставить в Сарвар-центр спецрейсом. Вертолеты по вполне понятным причинам сесть здесь не смогли и ждут нас в десяти зхобах к югу, вне пределов видимости звездолета. Кстати, — продолжал он, не давая опомниться начальнику охраны, — почему ваши олухи не спрашивают пароль?

— А-а... пароль... это... — забормотал сбитый с толку серый фарак — майор. — Я полагал, что за пришельцами приедут в десять часов. Была шифрограмма из Сарвар-центра. Инструкций по их передаче в ваши руки не получал...

— Операция и была задумана так, чтобы сохранить секретность до ее завершения. Свяжитесь с центром по «красной линии». Меня не интересуют ваши предположения. Через десять минут пришельцы должны сидеть в транспорте. Охраны не надо, со мной взвод вовтором БХ. Впрочем, я сам распоряжусь.

Гордоншах выставил вперед плечо с аксельбантом и направился к бункеру, горб которого торчал в двух десятках шагов, освещенный прожектором. Начальник охраны устремился вперед, на пункт связи, поручив мрачному лейтенанту сопровождать важных особ.

— Побежал звонить дежурному в центр, — глухо сказал Абдулхарун. — А если там свяжутся с шефом разведки?

— Никуда он не дозвонится, — ответил Гордоншах. — Я перед походом узнал — у них нет прямой связи с центром, только с базой Аб-Бас и армейским командованием гарама. Пока там будут разбираться, мы уйдем.

— Сюда, — сказал лейтенант, подсвечивая путь фонариком.

Они свернули и оказались у купола тюрьмы.

— Стой! — приказал из темноты хриплый голос. — Вход запрещен!

Абдулхарун незаметно снял автомат с предохранителя и огляделся. Без инфраочков он мало что увидел, но ему показалось, что кругом полным-полно охранников. Нервы сдают, что ли? Успеть бы смыться и дать сигнал десанту...

В нише бункера вспыхнул свет, и через порог скользнувшей в сторону двери шагнул низенький толстый комендант тюрьмы. Это был не Джубб.

«Конец! — мелькнуло в голове Абдулхаруна. — Джубб струсил, рассказал все, кому следует. Мы в ловушке!»

— Пропуск! — пропищал фальцетом толстяк, не разглядев толком, кто перед ним.

— Я тебе покажу пропуск! — рявкнул вдруг Гордоншах так, что все вздрогнули. — Я Абу л-Хасан, полковник второго отдела серебряного цвета! С ума здесь все посходили! Пропустить!

Комендант остолбенел, на глазах усох, засуетился и, дрожащим голосом бормоча извинения, повел начальство в бункер.

— Я не заметил, господин полковник... темно... конечно, вы имеете право, но нам приказано никого... Вы потом доложите командованию, что исполняли обязанности... Сюда, теперь сюда, не упадите, здесь комингс, высоко... пшел вон! Извините, это не вам, естественно...

Прежде, чем войти, Абдулхарун оглянулся, и ему показалось, что к тюрьме со всех сторон бегут вооруженные охранники.

Сонин проснулся от неясного предчувствия надвигающейся беды. Несколько секунд он лежал, не открывая глаз, прислушивался к далекому шуму: голос, тяжелые шаги, лязг металла. Рывком сел.

По коридору бункера шли люди, остановились рядом, у соседней камеры. Короткие, лязгавшие металлом, — не разберешь, что говорят, — слова приказа. Звон сигнализации. Звук открывающейся двери... Что они делают? Стоп! Ведь где-то рядом в камере Климов и Лозински! Неужели пришли за ними?

Сонин напряг мышцы и, оглянувшись на спящего Боримира, бессильно опустился на пол.

Если бы он был один!.. С этими охранниками не надо было бы церемониться, интеллект их не превышал интеллекта крокодила, и тогда — сила на силу, грубость на грубость и ярость на ярость! Но если твоя сила нужна не только тебе и вынуждена сражаться с подлостью... если твой гнев, глубоко упрятанный гнев, натыкается всюду на равнодушное любопытство (бывает и такое!)... если твое возмущение тонет в ничем не потревоженной амебной тупости тюремщиков, количество желаний которых не превышает число естественных человеческих отправлений... если, если... вот тогда ты действительно бессилен. Все равно, что мертв.

Дверь с отчетливым хрустом скользнула в сторону. Сонин зажмурился от брызнувшего желтого света, но тут же открыл глаза. Перед камерой стояли люди. Один из них, настоящий гигант, подстать Сонину, выделялся великолепным мундиром и тем особенным выражением глаз, которое выдает в человеке бойца и командира. Несколько мгновений они стояли друг против друга, потом гигант отступил назад и махнул рукой, приглашая к выходу.

Сонин взял спящего Боримира на руки, вышел в коридор, быстро повернул голову налево и встретил спокойный взгляд Климова, под руку поддерживающего забинтованного Лозински.

— Привет, — прохрипел Лозински, пытаясь улыбнуться одной стороной лица. — Живем?

— Живем, живем, — сказал Климов. — Не разговаривай, тебе еще вредно.

От врачей, приходивших к ним с крейсера, Сонин знал, что у Лозински был шок от контузии, травма головы плюс потеря крови, но вернуть его на крейсер тюремщики отказались, не подыскав даже серьезной мотивировки своим действиям.

Они вылезли из подземного бункера на поверхность и окунулись в ночь, поеживаясь от холода. Рассеянный свет фонарей какой-то громадной, бронированной машины возле бункера почти ничего не позволял разглядеть, только обозначил вход в нее, похожий на распахнутый зев апокалиптического зверя.

У входа с кормы задержались. На освещенное место вбежал человек в чалме и сером мундире, отчаянно жестикулируя, стал что-то доказывать золотопогонному великану. Тот легонько отодвинул говорившего и снова махнул рукой — вперед!

Странность происходящего все больше заинтересовывала Сонина, насторожила и Климова. Сопровождавшие гиганта люди стали быстро и настойчиво подталкивать их к бронемашине, заставили влезть на броню и протиснуться в люк. Уже высунув голову наружу, Сонин увидел, как серый охранник отскочил в сторону, и тут же недалеко и пугающе громко взвыла сирена.

Гигант рявкнул что-то неслышимое из-за пронзительного воя, в два прыжка вскочил в машину, впихнул в люк спутников и нырнул туда сам. Он едва успел закрыть люк, как борт машины отозвался дробным звонким грохотом — по ним стреляли!

— Похоже, нас похитили! — прокричал Сонин в кабине машины на ухо Климову.

— Я догадался. Знать бы — друзья или враги.

Спасатели переглянулись, хорошо понимая друг друга.

— Посмотрим. От пятерых уйти легче, чем от охраны тюрьмы. Кулаки чешутся.

— У меня тоже.

Бронированный вездеход уже с ревом мчался куда-то в темноту, не включая прожекторов, со скрежетом продрался сквозь проволочное ограждение базы, свалил вышку с пулеметом. Неясные тени прочерчивали дуги по сторонам, их бросало и раскачивало, как в шторм. Там, откуда они так неожиданно бежали, в небо вонзались столбы света и частые строчки несущихся цветных огоньков. Охрана тюрьмы палила в ночь изо всех стволов.

Космолетчики сидели на полу кабины, зажатые между какими-

то стойками, ребрами и ящиками, вдыхая забытые запахи солярки, металла, масел и пластмасс. Вездеход рычал, ревел, сотрясался и несся вперед, как пуля после выстрела в темноту.

Спустя несколько минут могучий командир похитителей, сидевший на жестком сидении у трубы перископа, оглянулся, что-то проговорил соседу справа, колдующему над рацией, потом встал и пробрался к спасенным. Нагнувшись, положил руку на плечо Климова и указал на свободное сидение. При этом он улыбнулся, и хотя в кабине было темно, а мимика аборигенов все же отличалась от мимики «настоящих» землян, Сонин все же понял, что улыбка у гиганта добрая. Он помог Климову перенести на сидение Лозински, устроил сгоравшего от любопытства юного Данича возле сидения водителя и в свою очередь стал рассматривать великана.

Тот, покосившись на офицера рядом, ткнул себя пальцем в грудь:

— Фарид Гордоншах.

Сонин усмехнулся, потому что его явно приняли за главного в их четверке. Климов тоже это понял, но лишь подмигнул Сонину, не желая вмешиваться в диалог.

— Веня Сонин, — представился тот. — Это Назар Климов, руководитель десанта. Раненый — Питер Лозински, командир звездолета, малыш — Боримир Данич.

Гигант оглянулся на сопровождавших его военных, что-то сказал, разведя руками. Сонин уловил знакомые слова, но смысл фразы не понял. Зато поняли Лозински и Данич: Питер засмеялся хрипло, а Боримир сказал тонким голоском:

— Они думают, что мы считаем, будто они все — убийцы и везут нас на наши похороны.

Громадный предводитель команды похитителей перестал улыбаться, с недоумением посмотрел на Данича.

— Скажи ему, Боримир, что мы принимаем их за тех, кто они есть, — сказал Климов. — Пусть делают свое дело. Будет нужна наша помощь — пусть попросят вовремя.

— В таком объеме я их языка не знаю, но попробую. — Мальчик с серьезным лицом обратился к Гордоншаху на смеси английского и фарси. Тот выслушал, пребывая в явной растерянности, и, вытерев пот со лба, коротко сказал:

— Хайр!

Его товарищ с унылой физиономией вдруг засмеялся, уловив неведомый космолетчикам юмор ситуации. Но тут один из водителей вездехода поманил Гордоншаха, тот вернулся на свое сидение.

Ночь кончалась. Слева по ходу движения над горизонтом проступила серая полоса, расширявшаяся с каждой минутой. Небо над головой утратило антрацитовую черноту и распалось на клочковатую пятнистую пелену.

Вдруг вездеход резко клюнул носом. Сонин заметил мелькнувшую над ними — верхний люк был распахнут, иначе невозможно было бы дышать — крестообразную тень. Вездеход круто свернул с еле заметной дороги, сокрушил несколько сосен и остановился.

Жесткая клепаная речь водителей бронемашины показалась пулеметной очередью.

13

— Лозински, Климов, Сонин и Данич, — продолжал доклад Зубавин, — находятся в подземном бункере, стены которого собраны из стальных плит, прозрачных для наших интравизоров. Вокруг бункера лагерь: дивизион систем залпового огня, две ракетные установки класса «земля-воздух», станция связи, всего около трехсот человек обслуживающего персонала. С трех сторон стоянка окружена лесом, с четвертой — холмы и болото, последнее — как раз в направлении на крейсер. — Зубавин показал минутный видеофильм, иллюстрирующий его речь. — Сам корабль окружен двумя цепями машин залпового огня и цепью ракетных установок типа «земля-воздух». А также тремя радарами, два из которых включены постоянно. Мы едва смогли пробраться к вам незамеченными.

— Каким же образом мы покинем корабль? — спросил Апхазава, буквально почерневший за последнее время. — Экипаж и работники экспедиции готовы к эвакуации давно.

— Шлюп придет ночью, — сказал Зубавин, понимающе глядя на бортинженера. — Придется сделать два-три рейса. Риск обнаружения таким образом увеличивается, но обойтись без него нельзя. Единственное, что меня беспокоит всерьез, каким образом пробраться к месту посадки шлюпа незаметно. А пробираться придется километра три, если не больше. Вот если бы вы смогли подготовить стартовую площадку своих разведкапсул...

— Подготовим, — сказал Апхазава. — Вызывайте «Витязь».

В два часа ночи шлюп без помех забрал последних людей со «Славутича», и крейсер наконец опустел, обреченный на «тихий» атомный распад. На нем, заполненном тишиной, остались Лидия Данич, Апхазава, который должен был привести в действие аппаратуру распада, и оперативная группа спасателей во главе с Зубавиным.

Военные власти страны, очевидно, не подозревали еще о подоспевшем на помощь первому земному кораблю. Координатор ловил их перекрестные передачи, в которых преобладали служебные разговоры, приказы охране и упорно повторявшиеся призывы какой-то

анонимной организации не верить лживым посулам военных «оказать помощь в ремонте крейсера».

— Завтра истекает срок нашего ответа, — сказала Лидия, прислушиваясь к переводу. — Вернее, уже сегодня, в шесть утра.

— В шесть? — повторил Зубавин. — А ночь кончится через четыре, и за это время надо успеть сделать все. На корабль мы уже не вернемся. Ждите нашего сигнала и уходите на «Витязь».

Спасатели принялись за экипировку: надевали пленочные, непроницаемые для пуль комбинезоны, генераторы защитного поля, делавшие их горбунами, кресты антигравов. Апхазава понаблюдал за ними, потом нерешительно подошел к Зубавину.

— Разрешите, я пойду с вами? Лидия справится и без меня.

Зубавин решил было отказать, но посмотрел на бортинженера и согласился.

В абсолютной темноте под невидимой, но ощущаемой тушей корабля, Зубавин задержал группу и сказал специально для новичка:

— Повторяю задание. Игорь и Саша со спецаппаратурой устраиваются возле лагеря, там же, где и в прошлый раз. Остальные к бункеру, связь постоянная. Будем действовать согласно обстановке. Высота полета не выше метра над лесом. Вперед!

Через двадцать минут они приблизились к лагерю с тюрьмой и увидели всю историю похищения из бункера заложников со «Славутича».

Первой мыслью Зубавина было вмешаться в события и в общем шуме выкрасть своих у одной из групп, между которыми возникли явные разногласия. Но потом он подумал, что вооруженное столкновение, будь оно даже кратковременным, может привести к гибели любого из участников, а это было недопустимо. Надо было действовать наверняка.

Выждав момент, Зубавин повел группу вслед за грохочущей боевой машиной похитителей, в которую посадили всех четверых космолетчиков. Сзади остался растревоженный лагерь, охрана которого вела бесполезную теперь стрельбу из всех видов оружия. Зубавин не мог знать, с какой целью произошло похищение, но оно пока было на руку спасателям, так как отряд похитителей был мал, и договориться с ним, тем более что эффект внезапности был на стороне землян, не казалось делом безнадежным.

Чужая машина мчалась без остановки, направляясь к болоту, вторая машина отстала, может быть, специально, для обеспечения отхода.

— Следите за небом, — приказал Зубавин, опуская группу к дороге. — Наверняка будет погоня. Пока они идут прямо к кораблю, ничего предпринимать не будем. Вот если свернут...

И в это время сквозь приглушенный расстоянием грохот мчащейся бронемашины послышался нарастающий рокот и над летящими клином людьми промелькнула зловещая тень военного вертолета.

14

— Влево! — скомандовал Гордоншах. Водитель послушно развернул бронеход в просвет между деревьями, но Абдулхарун вдруг крикнул:

— Стойте!

Вездеход замедлил движение и остановился на дороге, заброшенной лет двадцать назад. Догнавший их вертолет завис над бронетранспортером и начал снижаться.

— В чем дело? — изумленно воскликнул Гордоншах. — Ты что, решил сдаться?!

— Это свои. — Абдулхарун спокойно выплюнул жвачку. — Все в порядке, командир, мы свое дело сделали. Через болото к звездолету на машине не пройти, оно еще не замерзло, вот мы и предусмотрели вертолеты. Высаживай пленников, дальше они будут транспортироваться по воздуху.

Гордоншах помедлил, внимательно всматриваясь в заместителя. Ему вдруг не понравилась усмешка Абдулхаруна, торжествующая и презрительная. В данной ситуации она была чужой, неуместной. И вертолеты, появляющиеся в нужный момент, тоже не пустяк... Откуда у организации сторонников мира такие связи? Вертолет явно военный, по силуэту новейший «Си Саббах»...

Гордоншах представил, как молодчики в черном, под видом «спасителей» доставившие пленников на звездолет, врываются в коридоры, каюты, технические помещения и залы управления, и стреляют, стреляют — в упор, от живота, не жалея патронов, не заботясь ни о чем, кроме одного — уничтожения сопротивляющихся и захвата «звездной крепости»...

— Разворачивай! — бросил он водителю.

— Стоять! — отозвался Абдулхарун, вытаскивая пистолет. — Ты не понял? Высаживай звездолетчиков, у нас мало времени.

С пульта вдруг заговорил динамик кодовой связи:

— «Пятый», в чем дело? Где пленники? Через несколько минут здесь будут перехватчики с базы «Абульфазбей»!

— Все в порядке, — ответил Абдулхарун, выдернув микрофон из гнезда. — Выходим. — Он направил пистолет на Гордоншаха, лицо его окаменело. — Поживей, Фарид, не усложняй себе жизнь.

Вертолет с опознавательными знаками полевой зульфакарии уже сел в ста шагах от бронетранспортера, из его чрева выбрасывались десантники в черных комбинезонах с автоматами в руках и, пригибаясь, бежали к вездеходу. По форме Гордоншах узнал в них молодчиков из полуофициальной неофундаменталистской организации «Рахмдил порядок», проявивших себя в Азрааме при подавлении расовых волнений и движений молодежи против терроризма и

войн, а также разгроме мирных манифестаций некоренного населения, уничтожении помещений христианских миссий во многих городах, погромах в черных кварталах. А теперь, похоже, они пытаются захватить звездолет раньше, чем это наметили государственные власти, смотревшие сквозь пальцы на «шалости» садистов.

— Я догадывался, — сказал Гордоншах брезгливо, — но не хотел верить. С какой же мразью ты связался! Отдай пистолет или помоги лучше утереть нос этой компании.

Абдулхарун повел стволом пистолета, у него дергалось веко.

— Выходи, Фарид. Я думал, ты умней. Ну, быстро!

В следующее мгновение водитель тронул бронетранспортер с места. Абдулхарун выстрелил от неожиданности, не попал, взмахнул руками и рухнул в проходе. Встать он не успел. Сонин неуловимым движением вырвал у него пистолет и бросил Гордоншаху. Тот поймал оружие, махнул водителю:

— Поворачивай к болоту, быстрей!

Вездеход свернул с дороги, распугав фигуры в черном, углубился в заросли тсуги.

Абдулхарун, ворочаясь на полу, грязно ругаясь, клялся расправиться с «предателем», грозил страшными карами и пытался ударить Гордоншаха металлическим ящиком, потеряв свой презрительный вид и лоск офицера. Сонин успокоил его, тронув на шее нервный узел. Он понял, в чем дело, и без перевода.

Бронеход отмахал ползхоба и уперся в кочковатое мшистое болото, усеянное струйками испарений, с редкими осинами и купами кустарника. За болотом вырастал на полнеба угрюмый эллипсоид звездолета.

— Стоп! — приказал Гордоншах. Знаками показал людям на выход, и четверо космолетчиков заторопились из кабины.

— Спасибо, господин Фарид, — сказал ему мальчик на ломаном англо-персидском, глядя снизу вверх. — Мы все поняли, спасибо.

Гордоншах онемел, откашлялся, хрипло бросил:

— Чего уж там! Бегите к себе и больше не попадайтесь в руки этих горилл. Помоги вам аллах! До звездолета около зхоба.

— Спасибо, — сказал самый рослый из звездолетчиков, который помог обезоружить капитана. — Мы справимся. — Он подал твердую руку Гордоншаху. — Ваш должник.

Из люка выпрыгнул по другую сторону машины Абдулхарун, отбежал и крикнул из-за кустов:

— Вы пожалеете, что родились! Далеко не уйдете!

Гордоншах выстрелил вверх, Абдулхарун исчез.

Климов тоже пожал руку Гордоншаху и увлек за собой соотечественников. И тут с неба на поляну буквально свалились пятеро лю-

дей в серо-синих блестящих комбинезонах, с горбами непонятных аппаратов на спинах.

Это было настолько неожиданно, что в первое мгновение Гордоншах решил, что с вертолета высажен десант, и едва не открыл стрельбу. Но возглас удивления, вырвавшийся у беглецов, сменился оживленной скороговоркой речи, на лицах появились улыбки, и майор, прислушиваясь одним ухом к приближающемуся вертолетному гулу, а другим к мягкой и плавной речи пришельцев, показал сам себе большой палец.

Люди совещались недолго. Двое из них сняли с поясов черные предметы, напоминавшие пистолеты, подхватили раненого на руки и унеслись в небо. Руководитель группы достал из ранца на спине нечто, похожее на скрещенные ремни, передал их беглецам, и те ловко надели их на себя. Высокий подошел к вездеходу и протянул такие же ремни Гордоншаху, знаками показывая, как их надо застегивать. Фарид понял: ему предлагали лететь с ними, предлагали спасение. Он покачал головой, развел руками.

— Я не один. А вы побыстрее улетайте, сейчас здесь будет жарко. И не судите нас строго, мы дети своего времени, не все из нас законченные мерзавцы и убийцы.

К бронетранспортеру подошел малыш, державшийся, как взрослый, включил лингвер:

— Вы не представляете, какой вы молодец!

— Благодарю, — пробормотал Гордоншах, не зная, что говорить еще. — Идите же, иначе будет поздно.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся руководитель спасательной группы. — Вертолеты нам не страшны. Уходите отсюда сами. Спасибо за помощь.

Люди растаяли в утренней позолоте неба.

Некоторое время Гордоншах глядел им вслед, удивляясь, что до сих пор не появились вертолеты погони, потом звонко шлепнул ладонью по броне и заорал:

— Вперед, кляча!

Вертолеты появились через три минуты после того, как бронеход Гордоншаха углубился в полосу леса возле болота, пробираясь на восток, к побережью.

Первый из них они сбили с третьего его захода, а второй открыл ракетный огонь, так что Гордоншаху пришлось бросить пулемет и спрятаться за броню. Появился и третий вертолет, затеявший со вторым стремительную карусель атаки. Это были уже не «черные мальчики» из организации Абдулхарума, не убийцы безоружных — асы! Гордоншах понял, что долго им не продержаться. Он выругался сквозь зубы, демонстративно медленно вылез на крышу бронехода и

стал за пулемет. Один из вертолетов он успел поймать в прицельный квадрат. Бледные трассы сошлись в темной точке, вертолет пропал за деревьями. И наступила тишина.

Не веря ушам, Гордоншах лихорадочно обшаривал глазами горизонт, но все было тихо, если не считать грохота двигателей бронехода.

— Останови! — крикнул он водителю.

Вездеход встал. Потрясающая тишина ударила по барабанным перепонкам, заставила напрячься в ожидании каких-то ужасных событий. И они не заставили себя ждать.

Казалось, застонал со всех сторон горизонт, и серия взрывов подняла в воздух вокруг них цветную тучу: разбитые в щепу деревья, черные вихри размолотой почвы и перья огня.

— Проклятье! — с ненавистью процедил сквозь зубы Гордоншах. — Я совсем забыл... — Он нырнул в кабину, встретил взгляд водителя и прочел в нем приговор. Они остались один на один с военной машиной Сарвар-центра, стали чужими у себя на родине, изгоями. От враждебного мира родной планеты их отделяла теперь лишь тонкая оболочка брони. Помощи ждать было неоткуда.

— Что же теперь? — растерянно спросил водитель, которому исполнилось всего девятнадцать лет. Поход с командиром он принял за необычную военную игру, за учения в условиях, приближенных к боевым, и к тому, что произошло, он готов не был.

— Мы еще живы, дэв побери! — медленно ответил Гордоншах. — И дело свое сделали хорошо. Потомки нас не забудут. Понял, юноша? Рация работает? Попробуем-ка рассказать миру всю правду о том, что здесь случилось... Гони к озеру, попробуем уйти.

15

— Они остались на верную гибель! — с холодной яростью сказал Сонин, глядя в узкие черные глаза Джаваира.

С высоты пятисот километров на выпуклом щите Земли-2 можно было разглядеть только крупные города, да и то ночью, по россыпи огней. Оранжевый кружок в левом углу одного из материков, очерчивающий район происшедших событий, был до смешного мал, и ни крейсера «Славутич», ни бронемашины офицеров, помогавших космолетчикам, в этом кружке не было видно.

— Что вы предлагаете? — спросил Джаваир, оглядываясь на молчащего Шелгунова.

— Их надо забрать с собой. Или хотя бы перебросить в другой район материка.

Сонин выдержал взгляды руководителей десанта и экспедиции, добавил твердо:

— Другое решение будет, мне кажется, предательством!

Крейсер неторопливо уходил прочь от псевдо-Земли, и она медленно округлялась в гладкий голубой шар, в глобус...

— Вы понимаете, что бросок вниз в таких обстоятельствах равнозначен самоубийству? — произнес наконец Шелгунов. — Квадрат сейчас обстреливается ракетами! Кроме того мы не имеем права ждать, петля времени вот-вот истает, а вместе с ней исчезнем и все мы!

— Самоубийство! — с горечью сказал Зубавин. — А они, когда шли на это, спасая нас, думали о себе? И мы не имеем права думать только о себе. Они наши предки, пусть и из другой реальности, и преподали хороший нравственный урок...

Шелгунов словно не замечал взглядов, обращенных к нему с надеждой и ожиданием. Он был начальником экспедиции, и его слово было решающим.

Таяли секунды. Внизу, на земле далекого прошлого, ставшего вдруг жестоким настоящим, двое людей, поверивших в то, что возможны другие миры, с более справедливым строем, увидевших чужую боль и муку, вели отчаянную борьбу за жизнь...

— Хорошо, — раздался наконец в тихом зале голос Шелгунова. — Подождем еще час. Добровольцы — шаг вперед!

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРШ-2. *Роман* 5

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ. *Повесть* 329

ХРОНОВЫВЕРТ. *Повесть* 401

Литературно-художественное издание

ГОЛОВАЧЕВ
Василий Васильевич

Избранные произведения

Том 8

СМЕРШ-2

Роман

УТЕЧКА ИНФОРМАЦИИ

Повесть

ХРОНОВЫВЕРТ

Повесть

Редактор И. А. Мудрова
Технический редактор Г. В. Стачева
Корректор М. А. Машина
Компьютерная верстка Е. И. Костюрина

Подписано к печати 21.11.94. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26,97. Уч.-изд. л. 30,15. Усл. кр.-отт. 28,37. Тираж 30000 экз. Заказ 3275. С 003.

Набрано и подготовлено к печати в издательстве «Флокс»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Отпечатано в типографии ГИПП «Нижполиграф»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Издательство «Флокс»
в серии
«ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
в 1995 году
выпускает следующий том
произведений
ВЛАДИМИРА САВЧЕНКО

В него войдут всемирно известный
роман «За перевалом», повесть «Тупик» и другие.

Произведения В. Савченко переведены на английский, французский, японский и другие языки, его знают во всем мире.

Оптовым покупателям обращаться по адресу:
Нижний Новгород, ул. Варварская, 32
т. 8-831-2-37-28-08
факс 37-28-00

Издательство «Флокс»
в серии
«ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
выпустит том
одного из лидеров современной фантастики
ВЯЧЕСЛАВА РЫБАКОВА,
в котором вы прочитаете роман
«Гравилет «Цесаревич»
и повести «Доверие», «Дерни за веревочку»,
«Вода и кораблик», «Не успеть».

Роман «Гравилет «Цесаревич» удостоен премии «Бронзовая улитка» и «Интерпресскон» 1994 г.

1996 г... Российская империя. Полковник МГБ князь Трубецкой расследует преступление, которое потрясло весь цивилизованный мир — взрыв гравилета «Цесаревич» и убийство наследника российского престола...

Издательство «Флокс»
продолжает серию
«ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ»
выпуском книги
известного писателя
ГЕННАДИЯ ПРАШКЕВИЧА,
который в 1994 году стал лауреатом
премии «Аэлита»

В книгу войдут произведения:
Роман **«Кормчая книга»**; повести: **«Демон Сократа»**, ***«Школа гениев»***, ***«Костры миров»***, ***«Анграв VI»***.

Новый взгляд на развитие человечества и, как следствие, на будущее жителей Земли объединяет произведения, включенные в данный том.

Профессор, который во время опытов превращается в старого охотника-чукчу XVIII века; девушка, которая, полюбив журналиста, с каждой встречей с ним становится все моложе; женщина, которая борется за то, чтобы ей вернули сына; необычные обстоятельства, необычные существа, необычные чувства и мысли — на страницах книги.

В серии
«Детектив. Детектив. Детектив»
издательство «Флокс»
в 1995 году
выпускает сборник
«Нескончаемые похороны»,
в который входят романы
мастеров детективного жанра.

ЭЛЛИС ПЕТЕРС «Смерть и счастливая женщина». В Англии в наши дни происходит убийство миллионера — пивного магната. Подозревается юная красавица, но могла ли она размозжить голову мужчины бутылкой шампанского?

ЭДМУНД КРИСПИН «Нескончаемые похороны». На лондонской киностудии снимается фильм о 18 веке. Кто же совершает серию убийств и с какой целью?

ДЖОЗЕФИН БЕЛЛ «Легкая добыча». В английской провинции совершено убийство. Обвиняется пожилая женщина. Молодая супружеская пара доказывает ее невиновность.

В серии
«Детектив. Детектив. Детектив»
издательство «Флокс»
в 1995 году
выпустит книгу
«Пятая карта — джокер».

Это сборник детективов американских и английских авторов.

ДЖО АЛЕКС **«Ты — только дьявол»**. События происходят в Англии в наше время. В старинной усадьбе 16 века следуют одно за другим убийства. Что это? Проклятие, наведенное в 16 веке, или...

АЛАН СТАРК **«Пятая карта — джокер»**. Блистательный американский детектив. Мафия, наркотики. Расследование убийства звезды эротических фильмов ведут журналист и его подруга.

ЭЛСПЕТ ХАКСЛИ **«Убийство на сафари»**. Африка. Саванна. Убита и съедена дикими зверями красавица-миллионерша. Что же делает ее муж?..

Василий ГОЛОВАЧЕВ